

ЖИЗНЬ
ПУШКИНА

ЖИЗНЬ ПУШКИНА

Рассказанная
им самим
и его
современниками

2

С.-ПЕТЕРБУРГ

AM

ЖИЗНЬ ПУШКИНА

Переписка
Воспоминания
Дневники

В ДВУХ ТОМАХ

ЖИЗНЬ ПУШКИНА

*Рассказанная
им самим
и его
современниками*

ТОМ ВТОРОЙ

Москва
Издательство «Правда»
1988

84 Р 1

Ж 71

*Составление,
вступительные очерки и примечания
В. В. Кунина*

Ж 4702010100—1077 1077—88

080(02)—88

Глава девятая

1826•1828

Так, полдень мой настал, и нужно
Мне в том сознаться, вижу я.
Но так и быть: простимся дружно,
О юность легкая моя!
Благодарю за наслажденья,
За грусть, за милые мученья,
За шум, за бури, за пиры,
За все, за все твои дары;
Благодарю тебя. Тобою,
Среди тревог и в тишине
Я наслаждался... и вполне;
Довольно! С ясною душою
Пускаюсь ныне в новый путь
От жизни прошлой отдохнуть.

Дай оглянусь...

1826

Я гимны прежние пою...

1827

«ХРАНИТЕ ГОРДОЕ ТЕРПЕНЬЕ...»

«Завидую Москве,— писал Пушкину в сентябре 1826 г. один из современников, узнав о его возвращении.— Она короновала императора, теперь коронует поэта»... Почти месяц волновали Москву предкоронационные события. 13 июля казнили декабристов, 14-го отслужили молебен, и тут же вся знать потянулась в Москву для подготовки к коронационным торжествам. Коронация Николая I состоялась 22 августа. Император, рассказывают, был мрачен среди всеобщего показного веселья: он не верил славословию приближенных и боялся злоумышленников — мстителей за декабристов. Древняя столица была переполнена шпионами и агентами самых разных рангов и квалификаций. «Всегда была обильна доносими русская земля,— замечает П. Е. Щеголев,— а в то время доноительство достигло степеней чрезвычайных. Во все концы России были разосланы офицеры, преимущественно флигель-адъютанты,

для собирания под рукой доносов и сведений, не укрываются ли еще где-нибудь гидра революции и остатки вольного духа». Александр Иванович Герцен вспоминал: «Победу Николая над пятью торжествовали в Москве молебствием. Середь Кремля митрополит Филарет благодарил бога за убийства. Вся царская фамилия молилась, около нее сенат, министры, а кругом, на огромном пространстве, стояли густые массы гвардии коленопреклоненные, без кивера, и тоже молились; пушки гремели с высот Кремля... Мальчиком четырнадцати лет, потерянным в толпе, я был на этом молебствии, я клялся отомстить казненных и обрекал себя на борьбу с этим тронем, с этим алтарем, с этими пушками. Я не отомстил; гвардия и трон, и алтарь, и пушки — все осталось, но через тридцать лет я стою под тем же знаменем, которого не покидал ни разу». Пусть не покажется парадоксальным: Пушкин, как и Герцен, может быть, сам того не сознавая, при въезде в Москву 8 сентября был обречен на борьбу с тронем во имя многих из тех идей, что отстаивали декабристы. И Пушкин, сколько ни стремился взглянуть на трагедию «взглядом Шекспира», но в реальности был опаснейшим противником николаевского режима, противником, которого долго пытались приручить, перехитрить, приспособить, унять, да не смогли и кончили тем, что десятилетие спустя сгубили... Начинались трудные годы — для Пушкина и для всей России. Однако ощутить особенность времени опальному поэту невозможно было сразу, в одно мгновение. Для этого, в свою очередь, нужно было какое-то время.

Внешне Москва ошеломляла непосвященного. Вечером того же дня, что и Пушкин, в древнюю столицу въехал С. Т. Аксаков. Он вспоминал: «Москва, еще полная гостей, съехавшихся на коронацию из целой России, Петербурга, Европы, страшно гудела в тишине темной ночи, охватившей ее сорокаверстный Камерколлежский вал. Десятки тысяч экипажей, скачущих по мостовым, крик и говор еще не спящего четырехсоттысячного населения производили такой полный хор звуков, который нельзя передать никакими словами. Это было что-то похожее на отдельные непрерывные громовые раскаты, на шум падающей воды, на стукотню мельниц, на гудение множества исполинских жерновов. Никакой резкий стук или крик не

вырывался отдельно, все утопало в общем шуме, гуле, грохоте, и все составляло непрерывно и стройно текущую реку звуков, которая с такой силою охватила нас, овладела нами, что мы долго не могли выговорить ни одного слова. Над всей Москвой стояла беловатая мгла, сквозь которую светились миллионы огоньков. Бледное зарево отражалось в темном куполе неба, и тускло сверкали на нем звезды...»

«Первые годы, последовавшие за 1825-м,— писал Герцен,— были ужасны... Людьями овладевало глубокое отчаяние и всеобщее уныние. Высшее общество с подлым и низким рвением спешило отречься от всех человеческих чувств, от всех гуманных мыслей». Но одного «общественного испуга», ради которого в немалой мере и казнили декабристов, было недостаточно царю. Нужна была и реальная полицейская защита, и прежде всего надежная, как ему казалось, система сыска. Так история вывела на сцену Александра Христофоровича Бенкендорфа, с которым не по своей воле часто пришлось в последнее десятилетие жизни переписываться и видаться Пушкину. Сын эстляндского губернатора, Бенкендорф, благодаря покровительству императрицы — супруги Павла I, сделал довольно быструю карьеру. Он отличался в сражениях с 1803 по 1814 гг. Но лишь после войны удалось ему осуществить свое истинное призвание: стать главой подлого полицейского сыска. Агенты Бенкендорфа еще в начале 1820-х годов доносили Александру I на будущих декабристов, благодаря чему он был назначен в Следственный комитет по делам участников восстания, а после манифеста 12 июля 1826 г. и казни пятерых призван на более высокие должности. В мемуарных записках Бенкендорф с полной ясностью определил истоки собственного возвышения: «Император Николай стремился к искоренению злоупотреблений, вкравшихся во многие части управления, и убедился из внезапно открытого заговора, обогрившего кровью первые минуты нового царствования, в необходимости повсеместного более бдительного надзора, который окончательно стекался бы в одно средоточие; государь избрал меня для образования высшей полиции, которая бы покровительствовала утесненным (так! — В. К.) и наблюдала бы за злоумышлениями и людьями к ним склонными (...). Решено

было учредить под моим начальством корпус жандармов. Всю империю разделили в сем отношении на семь округов; каждый округ подчинен генералу и в каждую губернию назначено по одному штаб-офицеру. Учрежденное в то же время Третье отделение собственной его императорского величества канцелярии представляло под моим начальством средоточие этого нового управления и вместе высшей секретной полиции, которая в лице тайных агентов должна была помогать и содействовать действиям жандармов».

Прямо заметим: безопасность и спокойствие государства доверяли мелкой личности. Бывший соученик Пушкина М. А. Корф, рано достигший степеней известных, так отзывался о Бенкендорфе: «Без знания дела, без охоты к занятиям, отличавшийся особенно беспамятством и вечною рассеянностью, которые многократно давали повод к разным анекдотам, очень забавным для слушателей или свидетелей, но отнюдь не для тех, кто бывал их жертвою, наконец — без меры преданный женщинам, он никогда не был ни деловым, ни дельным человеком и всегда являлся орудием лиц, его окружавших. Сидев с ним четыре года в Комитете министров и 10 лет в Государственном совете, я ни единожды не слышал его голоса ни по одному делу... При очень приятных формах, при чем-то рыцарском в тоне и словах и при довольно живом светском разговоре он имел самое лишь поверхностное образование, ничему не учился, ничего не читал и даже никакой грамоты не знал порядочно». Нужно ли говорить, что Бенкендорф не только несведущ был в литературе, но и нетверд в русском языке. Впрочем, в этом он вполне оказался под стать своему царственному патрону. Николая отличала, как писал академик Е. В. Тарле, «глубокая, поистине непроходимая, всесторонняя, если можно так выразиться, невежественность». Поэзия в глазах Николая и Бенкендорфа могла существовать лишь как одно из придворных украшений и развлечений. Этим людям предстояло цензурировать и оценивать творения Пушкина. «Самый дальновидный из них, — писал выдающийся пушкинист и историк Павел Елисеевич Щеголев, — Николай I не мог не сознавать, что борьба с вредностью художественного слова Пушкина, с этим блестящим, обильным источником вольномыслия

не могла укладываться в рамки расправ следственной комиссии и требовала иных средств».

Прав был П. Е. Щеголев, который видел главную задачу изучения последних десяти лет жизни Пушкина в том, чтобы «показать ту бесконечную серую пелену, которая окутала Пушкина в 1826 г., развертывалась во все течение его жизни и не рассеялась даже с его смертью».

* * *

Невероятно сложным и опасным было положение Пушкина во время его первого и на много лет единственного разговора с самодержцем 8 сентября 1826 г. Судьба висела на волоске — один неверный шаг, и можно было — нет, не в Михайловское даже вернуться, а уехать «куда подальше». Друзья поэта потом уверяли, что у Пушкина были с собою стихотворения о повешенных, которые он, при определенном повороте разговора, собирался отдать царю. Точное содержание этих стихов неизвестно, но один из вариантов, многими оспариваемый, таков:

Встань, встань, пророк России,
Позорной ризой облекись
И с вервьем вокруг выи
К у. г.* явись!

29 марта 1837 г. Погодин, вспоминая, сообщил Вяземскому: «Пророка он написал, ехавши в Москву в 1826 году. Должны быть четыре стихотворения. Первое только напечатано». Пусть это почти легенда, пусть даже приводимые стихи и не принадлежат Пушкину, но одно несомненно: при ином повороте разговора поэт не удержался бы и высказал все, что думает о гибели и каторге друзей. Кстати, один из подлинных вариантов первой строки «Пророка» — «Великой скорбию томим» — о декабристах. Но Николай был коварен и не чужд лицедейства: он предупредил Пушкина, дав понять, что и участь декабристов намерен смягчить, и многие мечты их постепенно воплотить в жизнь. Поверил ли Пушкин? В

* Эти слова обыкновенно расшифровываются: «убийце гнусному». В другом чтении (если принять первую букву за ц) — возможно — «к царю губителю».

добрые намерения Николая Романова — едва ли. В обоснованность и дальновидность дипломатического хода царя: при помощи реформ завоевать поддержку подданных; усмирить гнев народа, успокоить волны, поднятые декабрьской бурей — по-видимому, поверил. И ощутил всю важность своей миссии — заступника за осужденных и, одновременно, как думал тогда Пушкин, советчика правителю. Советы поэта (ученого, философа) правителям — традиция древняя, как сама история. Последним, кто — при всех издержках — осуществлял эту миссию в России, был Николай Михайлович Карамзин. Вяземский писал Пушкину: «По смерти Карамзина ты призван быть представителем и предстателем Русской Грамоты у трона безграмотного». Но ни на одну минуту безграмотный правитель и его окружающие не позволили себе прислушаться к Пушкину — они видели в нем только носителя вольномыслия, которого надо бы перехитрить, а коли не удастся, уничтожить. Когда в 1828 г. Пушкин и Вяземский собрались принять участие в военных действиях против Турции (№ 84), великий князь Константин Павлович писал Бенкендорфу: «Вы говорите, что писатель Пушкин и князь Вяземский просят о дозволении следовать за Главной императорской квартирой. Поверьте мне, любезный генерал, что в виду прежнего их поведения, как бы они ни старались высказать теперь преданность службе его величества, они не принадлежат к числу тех, на кого можно бы было в чем-либо положиться; точно также нельзя полагаться на людей, которые придерживались одинаковых с ними принципов и число которых перестало увеличиваться благодаря бдительности правительства». Не только Пушкин объединял себя с декабристами, но и правительство объединяло его с ними. Довольно долго еще Пушкин верил, что напоминания о деяниях Петра Великого в самом деле воздействуют на царя (№ 32). Только в 1834 г. он подвел окончательный итог: в Николае «больше от прапорщика, чем от Петра Великого»... Увещания поэта не нужны были невежественному тирану, но они сыграли неоценимую роль в формировании демократического общественного мнения в России. Тема заступничества с 1826 г. стала, по существу, одной из важнейших в творчестве и в самой жизни Пушкина.

Много есть косвенных свидетельств о разговоре 8 сентября 1826 г. между поэтом и императором. Те, что считаются пушкиноведением наиболее достоверными, приведены в подборке. Не нужно только думать, что Пушкин изъяснялся так напыщенновитиевато и многословно, как записал свой разговор с ним юный офицер, поляк Струтынский (№ 5); или, что содержание беседы исчерпывается тем, что запомнила, с большой долей достоверности, А. Г. Хомутова (№ 4). Немалая доля правды несомненно есть в записи Корфа о мужественном до самоотречения поступке Пушкина («Стал бы в ряды мятежников», № 6). В книге Л. П. Гроссмана «Пушкин» приведено еще одно документальное свидетельство — беседа Николая I с дипломатом, ученым и литератором П. Б. Козловским. Козловский записал слова царя: «Пушкин легко отклонил подозрения, которые в разных случаях проявлялись относительно его поведения и которые были вызваны приписанными ему неосторожными высказываниями; он изложил открыто и прямо свои политические убеждения, не колеблясь заявить, что если бы и был адептом нововведений в области управления, он никогда не был сторонником беспорядка и анархии... Но он не мог не выразить своего сочувствия к судьбе некоторых вождей этого рокового восстания, обманутых и ослепленных своим патриотизмом и которые при лучшем руководстве могли бы оказать подлинные услуги своей стране». Как ни пытался царь реконструировать «в должном духе» давнюю свою беседу с поэтом (разговор с Козловским происходил после смерти Пушкина), как ни сглаживал, а все же признал, что Пушкин не отмежевался от декабристов!

Это была неутихающая боль, неоплаченная дань памяти и совести... Т. Г. Цявловская писала об этом: «И казнь — не только приговор к смерти, но смерть, обрыв жизни, смерть насильственная, смерть постыдная — повешение... и, наконец, физическая смерть, мучительная, от удушения — все это должно было возвращаться в сознание Пушкина всякий раз, когда он думал о том, как были выведены из жизни пять человек, с которыми он беседовал, дружил, переписывался, кому читал свои запретные политические стихи». Пять раз в рукописях Пушкина встречается рисунок виселицы с пятью повешенными. Рядом

с виселицей в первых двух рисунках, сделанных в Михайловском, куда Пушкин возвратился после царской аудиенции и московских своих успехов, загадочная фраза, волнующая не одно поколение пушкинистов, читателей: «И я бы мог как [шут на]» *. Внизу той же страницы снова: «И я бы мог...» Как бы ни трактовался образ шута, возникший по ассоциации с повешенными у Пушкина (а догадок и логических построений по этому поводу немало), но первые слова этих, так и не написанных стихов, однозначны: он бы тоже мог быть среди казненных, распорядись судьба несколько иначе. В приговоре по делу декабристов говорилось: «Все и действовавшие, и соглашавшиеся, и участвовавшие, и даже токмо знавшие, но не донесшие об умысле посягательства на священную особу государя императора или кого-либо из императорской фамилии, также об умысле бунта и воинского мятежа, все без изъятия подлежат смертной казни и по точной силе законов считаются к сей казни приговоренными». Ох, густо уставилась бы виселицами Россия, поступи правительство «по точной силе законов»! И Пушкину первому не миновать бы...

Образ виселицы, повешенных, страшной казни невинных преследовал его всю жизнь. После приговора декабристам автор «Евгения Онегина» «прогнозировал», как теперь говорят, дальнейшую жизнь Ленского, если бы не погиб он на дуэли:

Исполня жизнь свою отравой,
 Не сделав многого добра,
 Увы, он мог бессмертной славой
 Газет наполнить номера.
 Уча людей, мороча братий
 При громе плесков иль проклятий,
 Он совершить мог грозный путь,
 Дабы последний раз дохнуть
 В виду торжественных трофеев,
 Как наш Кутузов иль Нельсон,
 Иль в ссылке, как Наполеон,
 Иль быть повешен, как Рылеев.

2 марта 1827 г. в письме к Дельвигу вновь упоминается «веревка» с многозначительным №. 16 мая 1827 г. перед отъездом из Москвы в Петербург появляется только по видимости шутовское послание, адресован-

* Возможно и другое прочтение: «И я бы мог как [шут ви]».

ное Ушаковой. Конец его кажется совершенно неожиданным, если забыть о навязчивом образе:

В отдалении от вас
С вами буду неразлучен,
Томных уст и томных глаз
Буду памятью размучен;
Изнывая в тишине,
Не хочу я быть утешен,—
Вы ж вздохнете ль обо мне,
Если буду я повешен?

Здесь «юмор висельника» в буквальном смысле этого слова! Не позднее 10 июня 1827 г. Пушкин, собираясь в Михайловское — Тригорское, писал Осиповой: «пошлость и глупость обеих наших столиц равны, хотя и различны, и так как я притязаю на беспристрастие, то скажу, что, если бы мне дали выбирать между обеими, я выбрал бы Тригорское,— почти как Арлекин, который на вопрос, что он предпочитает: быть колесованным или повешенным? — ответил: я предпочитаю молочный суп». Снова виселица, хоть и в невеселом анекдоте об Арлекине!

16 июля 1827 г. написан «Арион» — одно из глубочайших, вне сомнения декабристских (сколь бы различно его не толковали) стихотворений Пушкина. Здесь нет виселицы, но есть чудесное избавление от верной гибели. Певец, слагавший гимны смелым друзьям, волею судьбы остался невредим, но всю жизнь свою он посвящает светлой памяти о них. Стих 13-й в одном из вариантов звучал: «Гимн избавления пою». Все та же мысль: «И я бы мог...» Само время сочинения «Ариона» не случайно: 13 июля исполнился год со дня казни. Через три года, в июле же, «Арион» без подписи появился в «Северных цветах». Даже его появление снова было чудом. Не узнать автора невозможно. В июле Пушкин создал послание старому вельможе Н. С. Мордвинову, единственному из членов Следственного комитета, отказавшемуся подписать смертный приговор декабристам. И хотя стихи намеренно архаизированы и не содержат прямых ассоциаций, но одна из строф звучит так:

Один, на рамена поднявши мощный труд,
Ты зорко бодрствуешь над царскою казною,
Вдовицы бедный лепт и дань сибирских руд
Равно священны пред тобою.

И хотя известно, что в 1827 г. Мордвинов подал проект использования богатств Сибири, но нет ли в третьей строке намек на иную сибирскую тему? И вслед за этим в черновой тетради, под стихотворением «Кипренскому» снова навязчивая фраза: «И я бы мог...»

31 июля 1827 г. написан «Акафист Екатерине Николаевне Карамзиной»:

Земли достигнув наконец,
От бурь спасенный провиденьем,
Святой владычице пловец
Свой дар несет с благоговеньем.

Опять тема «Ариона», опять спасение, определившее миссию заступника!

Осенью 1828 г., когда развернулось опаснейшее для Пушкина дело о «Гавриилиаде» (см. ниже), вновь возникают виселицы — на этот раз в черновиках «Полтавы». Он рисует то всех пятерых казненных, то троих, то одного. Первый исследователь пушкинских рисунков А. Эфрос пишет: «...мы можем утверждать, что Пушкин чувствовал себя в таком же положении, в каком были декабристы во время следствия. Он переживал это мучительно. Он внутренне, по-настоящему объединял теперь их судьбу со своей. Видимо, самочувствие его порою доходило до такой потрясенности, что он даже примеривал — как это делал не раз и в других случаях, — судьбу пяти смертников к себе». Весь период, о котором ведется речь, шло такое «примеривание». Но оно в 1828 году отнюдь не закончилось.

В самом начале 1829 г. в Петербурге Пушкин зашел как-то к Анне Петровне Керн и, застав ее за письмом на Украину к сестре (Е. П. Полторацкой), экспромтом дописал на том же листке еще одну «шутку»:

Когда помилует нас бог,
Когда не буду я повешен,
То буду я у ваших ног,
В тени украинских черешен.

И наконец, в 1829 г. виселица появляется на книге, подаренной в имении Грузины учителю Роменскому.

Сопричастность судьбе казненных и отправленных на каторгу Пушкин ощущал всегда. Но с этим было смешано и другое чувство — сострадания. Об этом

сказано в обращении к Пушкину: «да голос мой душе твоей // дарует то же утешенье» и в послании «В Сибирь» (№ 37): «Храните гордое терпенье». Призыв к терпению перекликается с давней лицейской песней Дельвига, где есть строка: «в несчастье гордое терпенье». Исследователи отмечали, что сами по себе слова «гордое терпенье» есть не только обращение ко всем декабристам, но лично к Пушкину и Кюхельбекеру, не забывшим гимн Лицея. Их ценят, любят, ждут — таков смысл обращения. Появление стихотворений «Стансы» (№ 32) и «Друзьям» (№ 79), за верноподданническую оболочку которых «доставалось» и по сей день «достаётся» Пушкину от критиков разного толка, по сути направлены к той же цели: наставить правителя на путь служения не себе, а отечеству, утешить декабристов, подать им надежду не только на освобождение, но и на осуществление замыслов. Уговаривая царя следовать примеру Петра I, Пушкин написал: будь «памятью как он незлобен» — это конкретный совет вернуть свободу декабристам. Другое дело, что обращен он к глухому. Ответ А. И. Одоевского (№ 38) на послание Пушкина в Сибирь означает, что голос его был услышан и замысел понят. В 10-й главе «Онегина» Пушкин с особой силой подчеркнул свое единение с декабристами (по крайней мере до 1823 г.). Ему понадобилось для этого даже сказать в 3-м лице: «Читал свои нозли Пушкин». И нозли читал, и присутствовал при том, как «меланхолический Якушкин» «обнажал царевубийственный кинжал». Иначе говоря, полностью подпадал под «точную силу законов». Известно, что в одном из гипотетически сконструированных мемуаристами и пушкинистами вариантов продолжения романа в стихах сам Евгений Онегин должен был стать декабристом. И разве случайно напоминанием все о том же кончается великая книга:

Но те, которым в дружной встрече
Я строфы первые читал...
Иных уж нет, а те далече...

В 1830 г. в стихотворении «Герой» слышится уже несколько иной мотив — не столько просьба к царю, сколько укоризна, порицание:

Оставь герою сердце... что же
Он будет без него? Тиран...

Первый номер «Современника» в 1836 г. открывался стихотворением «Пир Петра Первого» (написано осенью 1835 г.). Пушкин, начиная журнал, с отчаянной смелостью повторяет свою главную мысль, главную боль. Почему пирует Петр?

Годовщину ли Полтавы
Торжествует государь,
День, как жизнь своей державы
Спас от Карла русский царь?
Родила ль Екатерина?
Именинница ль она,
Чудотворца-исполина
Чернобровая жена?

Нет! Он с подданным мирится;
Виноватому вину
Отпуская, веселится;
Кружку пенит с ним одну;
И в чело его целует,
Светел сердцем и лицом;
И прощенье торжествует
Как победу над врагом.

Сама идея стихотворения, быть может, возникла из слов Ломоносова о Петре I: «Простив он многих знатных особ за тяжкие преступления, объявил свою сердечную радость принятием их к столу своему и пушечной пальбою». Цензура не поняла или сделала вид, что не поняла декабристской ассоциации, но читатели всех поколений увидели ее четко.

После всего этого разве не имел он права сказать о себе в стихотворном завещании: «И милость к падшим призывал»?*

Поэт, хоть и не оставлял усилий помочь друзьям через царя, но скоро понял их полную тщетность. Недаром один из современников (Н. В. Путьята) в конце 20-х годов подметил в нем «какое-то грустное беспокойство, какое-то неравенство духа; казалось, он чем-то томился, куда-то порывался. По многим признакам я мог убедиться, что покровительство и опека императора Николая Павловича тяготили его и душили».

Из исследований А. А. Ахматовой с большой долей вероятности открылось, что Пушкин не раз искал

* В черновой редакции есть еще более «прозрачные» строки:
Святому жребию, о Муза, будь послушна,
Изгнанья не страшись, не требуя венца.

безымянную могилу казненных декабристов на Невском взморье. Быть может, об этих поисках строки:

Стремлюсь привычно мечтою
К студеным северным волнам.
Меж белоглавой их толпою
Открытый остров вижу там.
Печальный остров — берег дикой
Усеян зимнею брусничкой,
Увядшей тундрой покрыт
И хладной пеною подмыт.

Известна, пусть и полулегендарная, история о пяти щепочках, подобранных Пушкиным и Вяземским там, где были захоронены герои-мученики восстания. Как и Пушкин, Николай I на всю жизнь воспринял урок декабризма: только если поэт преклонялся перед мужеством друзей, разделял многие их мысли и чувствовал свой неоплатный долг, то царь до смерти ненавидел их и боялся — убиенных и заточенных. А потому все призывы к нему, явные и скрытые, оставались втуне.

«УБИЙЦУ С ПАЛАЧАМИ ИЗБРАЛИ МЫ В ЦАРИ»

Среди тех, кому новоиспеченный шеф рожденного 3 июля 1826 г. III Отделения собственной его величества канцелярии доверил тайную охрану императорской фамилии в Москве во время коронации, был почетный шпион генерал-майор Иван Никитич Скобелев. Перед тем долгое время занимал он должность генерал-полицмейстера 1-й армии, потом, проштравившись, оказался в полуотставке и вот теперь получил шанс выслужиться. Еще в 1824 г. попались ему в доносе какие-то крамольные стишки, как водилось тогда, объявленные пушкинскими (без оснований). Генерал тотчас настрочил донос «второй степени»: «Не лучше ли бы было оному Пушкину, который изрядные свои дарования употребил в явное зло, запретить издавать развратные стихотворения. Не соблазны ли они для людей, к воспитанию коих приобщено спасительное попечение? ... Если бы сочинитель вредных пасквилей немедленно бы в награду лишился нескольких клочков шкуры — было бы лучше. На что снисхождение к человеку, над коим общий

глас благомыслящих граждан делает строгий приговор? Один пример больше бы сформировал пользы; но сколько же напротив водворится вреда — неуместною к негодьям нежностью!»

В июле 1826 г. Скобелеву просто необходимо было чем-нибудь оперативно отличиться в Москве. И вот сама судьба посылает ему агента III Отделения из числа незначительных, чиновника 14-го класса Коноплева. Тот докладывает, что получил от недавнего студента, а ныне кандидата, некоего Леопольдова список стихов Пушкина о 14 декабря. Скобелев, «большой специалист по Пушкину», читает стихи и понимает, что рыба приплыла к нему отменнейшая. Вот они:

Приветствую тебя, мое светило!
 Я славил твой небесный лик,
 Когда он искрою возник,
 Когда ты в буре восходило.
 Я славил твой священный гром,
 Когда он разметал позорную твердыню
 И власти древнюю гордыню
 Развеял пеплом и стыдом;
 Я зрел твоих сынов гражданскую отвагу,
 Я слышал братский их обет,
 Великодушную присягу
 И самовластия бестрепетный ответ.
 Я зрел, как их могучи волны
 Всё ниспровергли, увлекли,
 И пламенный трибун предрек, восторга полный,
 Перерождение земли.
 Уже сиял твой мудрый гений,
 Уже в бессмертный Пантеон
 Святых изгнанников входили славны тени,
 От пелены предрассуждений
 Разоблачался ветхий трон;
 Оковы падали. Закон,
 На вольность опершись, провозгласил равенство,
 И мы воскликнули: *Блаженство!*
 О горе! о безумный сон!
 Где вольность и закон? Над нами
 Единый властвует топор.
 Мы свергнули царей. Убийцу с палачами
 Избрали мы в цари. О ужас! о позор!
 Но ты, священная свобода,
 Богиня чистая, нет,— не виновна ты,
 В порывах буйной слепоты,
 В презренном бешенстве народа
 Сокрылась ты от нас; целебный твой сосуд
 Завешен пеленой кровавой;
 Но ты придешь опять со мщением и славой,—
 И вновь твои враги падут;

Народ, вкусивший раз твой нектар освященный,
 Всё ищет вновь упиться им;
 Как будто Вакхом разъяренный,
 Он бродит, жаждою томим;
 Так — он найдет тебя. Под сению равенства
 В объятиях твоих он сладко отдохнет;
 Так буря мрачная минет!

«Топор», «убийца с палачами», народ, жаждущий вновь упиться свободой — все это показалось Скобелеву желанной крамолой, за разоблачение которой ждут его чины и почести. Откуда было ему знать, что Пушкин написал эти стихи чуть ли не за год до восстания декабристов; что речь в них идет о французском поэте Андре Шенье, сначала восторженно принявшем революцию 1789 г., а потом резко выступившем против якобинской диктатуры, за что и был казнен. Элегия «Андрей Шенье» была представлена Пушкиным в цензуру в составе первого сборника стихотворений осенью 1825 г. (цензурное разрешение от 8 октября). Элегию, к удивлению Пушкина, разрешили напечатать, но приведенные строфы не были пропущены и стали распространяться в списках задолго до казни декабристов. Весной 1826 г. А. А. Дельвиг сообщал Е. А. Баратынскому: «Смерть Андрея Шенье перебесила цензуру».

Если говорить о декабристском содержании стихов, то алиби у Пушкина было стопроцентное, зафиксированное в архивах царской цензуры. Другое дело, что пророчество об «убийце с палачами» получилось очевидное, но за невольное пророчество, казалось бы, не судят. Вдобавок, кто бы решился на это пророчество указать? Еще до восстания и тем более до приговора, Пушкин при получении известия о смерти императора Александра I писал из Михайловского Плетневу: «Душа! я пророк, ей-богу пророк! Я «Андрея Шенье» велю напечатать церковными буквами во имя отца и сына etc». Конечно, Пушкин имел в виду в этот момент не будущих правителей, а тирана ушедшего:

И час придет... и он уж недалек:
 Падешь, тиран! Негодованье
 Воспрянет наконец...

Но пророчество оказалось даже более глубоким, чем предполагал сам поэт... Как бы то ни было,

в глазах начинающего руководителя III Отделения стихи из «Андрея Шенье» долго еще выглядели написанными на «14 декабря».

Разбираться в тонкостях хронологии и поэтических предсказаний генералу Скобелеву и его подручным не хотелось, зато свое рвение показать — очень. Так возникло одно из первых дел III Отделения. Коноплев представил список по начальству намеренно — он был тайным платным агентом! Леопольдов, как предполагают, дал списать Коноплеву тоже не без умысла — подозревая истинную роль своего конфидента и полагая, что ему, Леопольдову, зачтется у начальства (впрочем, с абсолютной точностью намерения Леопольдова неизвестны и достались ему одни шишки). Приступили к Леопольдову с расспросами — у кого взял. Выяснилось — у прапорщика Молчанова. Тот, в свою очередь, выдал штабс-капитана лейб-гвардии конно-егерского полка Александра Ильича Алексеева. Сын боевого генерала безупречной репутации, отличавшегося во многих сражениях, Алексеев был хорошо известен в Москве как один из лучших танцоров и ловких кавалеров. Часто, между прочим, появлялся он в доме Алексея Михайловича Пушкина, родственника поэта. Можно было подумать, что стихи распространяет чуть ли не сам автор. К тому же, Леопольдов, получив от Молчанова список, вписал в него заглавие «На 14 декабря» да еще добавил на том же листе предсмертное письмо Рыльева к жене.

В начале августа 1826 г. Скобелев переправил стихи Бенкендорфу. Бенкендорф, будучи весьма озабочен подготовкой к коронации, послал Скобелеву письменные вопросы, на которые тот малограмотно ответил (№ 44). Распутавший всю эту историю П. Е. Щеголев полагал, что Бенкендорф чуть ли не тотчас же доложил дело царю, и сам вызов Пушкина в Москву был сопряжен с расследованием об «Андрее Шенье». Однако ни одно из сохранившихся свидетельств об аудиенции Пушкина у Николая I о стихах этих не упоминает. По-видимому, все-таки бюрократическая машина не была еще отлажена, и царь Пушкина об этом не спрашивал. Вызов поэта к московскому полицмейстеру для официальных объяснений последовал только в январе 1827 г.

Между тем клубок полицейского следствия катился по России. Леопольдова нашли в Саратовской

губернии — Коноплева заставили лично съездить туда и привезти объяснения. Леопольдов потом изъяснял: «По Москве ходили стихи, переведенные с французского, писателя Андрея (тезки моего) Шенье, намекавшего на булгу (т. е. бунт, волнения) во Франции и приноравливаемые будто бы к нашему бывшему беспорядку 14 дек. 1825 года. Они достались мне от одного гвардейского офицера из юношеской любознательности и любопытства. Я понимал дух их и без всякого умысла и цели сообщил товарищу; но у него, увидев их, придумали: щука съедена, остались зубы; эти другие люди возбудили вопрос, не остаток ли это духа погашенной у нас булги? Донесено и загорелось дело. Я сам понимал, что надобно же все это темное обстоятельство рассеять и расследовать. Добрались до источника и всех военных и статских, имевших их. Вот таким-то путем дошла очередь и до меня». Молчанов запирается не стал, указав на Алексеева. На всякий случай Молчанова сразу же перевели из гвардии в армейский полк и там посадили под арест до выяснения всех обстоятельств.

А вот с Алексеевым вышла осечка. 16 сентября он был арестован в Новгороде, где служил, и привезен в Москву; там его допросил лично начальник Главного штаба И. И. Дибич. Как сказано в письме И. И. Дибича великому князю Михаилу Павловичу, Алексеев, «не отвергая того, что отдал стихи Молчанову, не только не объявил в свое время сочинения сего начальству, как того требовал долг честного и верного офицера и русского дворянина, но, не раскаиваясь в своем поступке, решительно не захотел открыть, от кого он сам получил сии бумаги». Тем самым Алексеев тщился «скрыть следы, по которым могли быть открыты злоумышленники, распространяющие подобные сочинения». Алексеев упорно ссылался на то, что забыл, от кого получены стихи, но трудно поверить в такое ослабление памяти молодого офицера. Мотив его, скорее, был истинно благороден: не выдавать ни под каким видом доверившегося ему человека (быть может, кого-то из самых близких), не длить цепочку «злоумышленников», которая неведомо куда бы привела. Чего только не делали с Алексеевым — даже к тяжело больному старику-отцу возили, тот грозил проклятием, но сын плакал, а молчал. Все знающий

московский почт-директор А. Я. Булгаков писал 1 октября: «Стихи точно Пушкина. Он не только сознался, но и прибавил, что они давно напечатаны в его сочинениях. Тут речь о французской революции, только многое кем-то украшено с разными прибавлениями и поставлено заглавие: 14 декабря. Кто этот труд взял на себя неизвестно, а добираются».

Николай I, когда ему доложили дело, «высочайше повелеть соизволил штабс-капитана Алексеева, яко обличенного собственным признанием в содержании у себя против долгу присяги и существующих узаконений в тайне от своего начальства и сообщении даже другим таких бумаг, как по содержанию своему, в особенности после происшествия 14 декабря, совершенно по смыслу злодеев, покушавшихся на разрушение всеобщего спокойствия предать военному суду (...) с тем, чтобы суд был окончен в возможной поспешности и непременно в течение трех дней».

В ходе судебного разбирательства Алексеев показал: «Зовут меня Александр Ильин сын Алексеев, 26 лет, греко-российской веры, на исповеди и у святого причастия бывал...

1. По нахождении моем в Москве точно получил оные стихи, но от кого не помню и без всякой определительной цели и намерения — в октябре или ноябре месяце

2. Стихи, отданные мною Молчанову, были написаны собственной рукой моею, но без подписи на 14 декабря, а письма преступника Рыльева, мне же показанные ... в суде, мне вовсе не известны

3. Оные стихи при разборе разных бумаг моих попались в руки Молчанова и по просьбе его ему отданы, а на какой конец не знаю

4. Хранение стихов сих не считал тайною, а из содержания оного не предполагал и не предвидел ничего зловредного, ибо оные как выше сказано получены мной в октябре или ноябре месяце (то есть до восстания декабристов. — В. К.)

5. В тайных обществах не бывал и ничего ни от кого не слыхал и нигде не был замечен, ибо милости, оказываемые покойным государем императором отцу моему и семейству, не могли внушить мне ничего дурного противу е. и. в. и правительства.

6. Никаких других подобных бумаг не имею».

Об огромном интересе читающей России к каждой строчке Пушкина свидетельствуют показания Молчанова: «Говоря про Пушкина стихи, он, Алексеев, и сказал, что у него есть последнее его сочинение, и показал оные мне; я у него попросил их списать — без всякого намерения, но только из одного желания иметь Пушкина сочинения стихи»...

Первая инстанция военного суда под напором царской поспешности приговорила было Алексеева к смертной казни. Сделано это было больше для острастки — чтобы выдал сообщников. Впоследствии приговор несколько раз последовательно смягчали. В конце концов Алексеева приговорили к шести месяцам тюрьмы и переводу в Кавказский корпус, Молчанова — также к шести месяцам, Леопольдова лишили было кандидатского звания и повелели отдать в солдаты, но Государственный Совет освободил его от наказания, рекомендовав впредь «быть в поступках основательнее».

После первого разбирательства решено было, что дело нуждается в дополнении по нескольким пунктам — в частности требовалось получить показания Пушкина: им ли сочинены означенные стихи и когда? известно ли ему намерение злоумышленников (цареубийство?), в стихах изъясненное? Если же Пушкин не признает стихов своими, то предлагалось выпытать у него, кем именно они сочинены.

Тем временем коронационные торжества завершились и призванные в Москву гвардейские полки возвратились на свои квартиры. Дело об «Андрее Шенье» переместилось в Новгород — по месту службы Алексеева. Туда же перевезли арестанта. Великий князь Михаил Павлович, курировавший это дело, порывался отправить в Новгород и Пушкина. Но все ограничилось объяснениями московскому и петербургскому полицмейстерам (№ 45—47). Первый запрос московской полиции: «им ли сочинены известные стихи» застал Пушкина в Пскове. При новом вызове к московскому полицмейстеру Шульгину (27 января 1827 г.), когда показали Пушкину список с элегии, он не удержался и поправил вкравшиеся ошибки. Так что сохранившаяся в судебном деле копия представляет даже текстологический интерес. Например, в строке «Я славил твой священный трон» Пушкин

поправил: «гром»; в строке «и пламенный трибун предрек во страхе полный» исправил: «восторга полный»; наконец, в стихе «он бредит, жаждою томим» устранил опечатку: «бродит». Кстати, вплоть до советских изданий печаталось «бредит»...

Правительствующий Сенат, рассматривавший дело Леопольдова, ограничился насчет сочинителя стихов сентенцией: «обязать подпиской, дабы впредь никаких своих творений без рассмотрения и пропуска цензуры не осмеливался выпускать в публику...» (№ 48). Сама по себе эта резолюция двусмысленна: ведь «личным цензором» Пушкина взялся быть император, а тут получается, будто его разрешения недостаточно. Впрочем, это не первый и не последний случай, когда Пушкин оказывался между двух огней — обычной и августейшей цензуры.

Однако высшая инстанция — Государственный Совет — решила, что Пушкин еще слишком легко отделался. Ответы его, в особенности последнее «Объяснение» (№ 47), показались дерзостными и вызывающими. Государственный Совет посчитал нужным утвердить решения предшествующих инстанций «с таким в отношении к сочинителю стихов означенных Пушкину дополнением: что по неприличному выражению его в ответах своих насчет происшествия 14 декабря 1825 года и по духу самого сочинения, в октябре 1825 года напечатанного, поручено было иметь за ним в месте его жительства секретный надзор». Поистине замечательный по своей саморазоблачительной силе документ! Даже доказав, что он «не верблюд» (стихи сочинены в октябре 1825 г.), сочинитель все же наказывается за «дух» сочинения! Больше всего не понравился, видно, инстанциям упрек в «явной бессмыслице».

Решение о секретном надзоре, понятное дело, должно было оставаться секретным, равно как и участие во всей этой дурно пахнущей истории платного тайного агента 14-го класса Коноплева. Эта таинственность специально была обусловлена в документе, заключающем подборку о стихотворении «Андрей Шенье» (№ 49). Официальный и скрытый надзор за Пушкиным существовал уже давно в такой мере, что усилить его было трудно, но постановление Госу-

дарственного Совета действовало еще много лет... после смерти Пушкина.

«СНОВА ТУЧИ НАДО МНОЮ...»

Новая история, навязавшаяся на шею Пушкину, еще до окончания старой (летом 1828 г.) была, пожалуй, пострашнее. До правительства, а еще хуже — до церковных властей, дошла «Гавриилиада», написанная в 1822 г. в Кишиневе, от всех, кроме ближайших друзей (Н. С. Алексеева, П. А. Вяземского, С. А. Соболевского и еще нескольких), тщательно скрываемая и все же просочившаяся к читателю в списках. По опыту высылки из Одессы, когда вменялось ему в вину перлюстрированное личное письмо об «уроках чистого афеизма», Пушкин знал, что с церковью шутки плохи. Здесь пахло Сибирью. Петербургский митрополит Серафим, прочитав, например, стихи

Всевышний бог склонил приветный взор
На стройный стан, на девственное лоно
Рабы своей — и, чувствуя задор...

ИЛИ:

Царя небес пленить она хотела,
Его слова приятны были ей,
И перед ним она благоговела, —
Но Гавриил казался ей милей...

ИЛИ:

...Всевышний между тем
На небесах сидел в унынье сладком,
Весь мир забыл, не правил он ничем —
И без него все шло своим порядком.

ИЛИ:

...«Вот шалости какие!
Один, два, три! — как это им не лень?
Могу сказать, перенесла тревогу:
Досталась я в один и тот же день
Лукавому, Архангелу и Богу»,

мог впасть в такую праведную ярость, что ничье заступничество уже не спасло бы поэта. Тут и до виселицы было недалеко — недаром она часто мелькает в пушкинских тетрадах 1828 года!

Началось все 28 мая 1828 г., когда дворовые люди отставного штабс-капитана В. Ф. Митькова сообщили «куда следует», что барин развращает их в понятиях христианской веры чтением богохульной поэмы «Гавриилиады». К сему был приложен и список ужасного

сочинения. В день получения жалобы митрополит обратился к статс-секретарю Н. Н. Муравьеву: «Я долгом своим почел прочесть сию поэму, но не мог ее всю кончить (полно, так ли?—В. К.). Ибо она исполнена ужасного нечестия и богохульства. Содержание (...) есть следующее: господь бог—страшно и писать—архангел Гавриил и сатана влюбились в пресвятую деву Марию и проч.—Поистине сам сатана диктовал Пушкину поэму сию! И сия-то мерзостнейшая поэма переходит из рук в руки молодых благородных юношей. Какого зла не может причинить она, тем более, что Пушкина выдают нынешние модные писатели за отличного гения, за первоклассного стихотворца».

Николай I находился в это время на театре военных действий против Турции. Для сохранения надежного спокойствия в столице он создал временную верховную комиссию в составе князя А. Н. Голицына, председателя Государственного Совета В. П. Кочубея и главнокомандующего в Петербурге и Кронштадте графа П. А. Толстого. В эту-то комиссию переправил все дело статс-секретарь Н. Н. Муравьев.

После изрядной бюрократической волокиты 25 июля последовал приказ комиссии петербургскому военному генерал-губернатору П. В. Голенищеву-Кутузову (это в память о нем тюрьмы в России назывались кутузками)—призвать Пушкина и потребовать объяснений. В самом начале августа 1828 г. Пушкин отказался от авторства «Гавриилиады» (№ 91). Сохранился черновик доклада комиссии царю: «Комиссия не могла по предмету известной поэмы Гавриилиады найти Митькова виновным, ибо доказано, что он не читал ее своим людям и не внушал им неверия. Главная вина заключается тут в сочинителе сей богохульной рукописи. Комиссия старается открыть оного. Пушкин письменно объявил, что поэма сия не им написана». Письменный отказ поэта вместе с верноподданнической запиской комиссии «потекли» по инстанциям и добрались до находившегося под Варной царя. Между тем, пока бумаги путешествовали, 17 августа последовал вызов к обер-полицеймейстеру. На этот раз докатилось до полиции постановление Правительствующего Сената, связанное с делом о Шенье (не выпускать ни строки без цензуры). Пушкин,

думая, что всему виною «Гавриилиада», написал разъяренное письмо Бенкендорфу (№ 93), но не успел его отправить, как был вызван к Голенищеву-Кутузову снова — на этот раз действительно насчет «Гавриилиады».

Настроение у Пушкина было тяжелое. Перекрециваясь, два судебных процесса грозили раздавить его. 1 сентября он писал Вяземскому (№ 94): «Ты зовешь меня в Пензу, а того гляди, что я поеду далее,

Прямо, прямо на восток*

(...) если кн. Дмитрий Горчаков не явится с того света отстаивать права на свою собственность».

Насчет князя Дмитрия Горчакова Пушкин рассчитал безошибочно: средней руки стихотворец, атеист, автор многих не совсем приличных рукописных изданий, Д. П. Горчаков умер в 1824 г. и на том свете за богохульную поэму не мог уже понести наказания. Вяземскому, таким образом, предлагалось при случае распространить версию о том, что автором «Гавриилиады» был Д. П. Горчаков.

К концу сентября в Петербурге была получена высочайшая резолюция. Как ни был царь занят войною, а на докладе комиссии самолично начертал: «Графу Толстому призвать Пушкина к себе и сказать ему моим именем, что зная лично Пушкина, я его слову верю. Но желаю, чтоб он помог правительству открыть, кто мог сочинить подобную мерзость и обидеть Пушкина, выпуская оную под его именем». Дальнейшее явствует из протокола заседания комиссии от 7 октября: «Главнокомандующий в С.-Петербурге и Кронштадте, исполнив собственноручную его величества отметку, требовал от Пушкина, чтобы он, видя такое к себе благоснисхождение его величества, не отговаривался от объявления истины, и что Пушкин по довольном молчании и размышлении спрашивал, позволено ли ему будет написать прямо государю императору, и, получив на сие удовлетворительный ответ, тут же написал к его величеству письмо и, запечатав оное, вручил его графу Толстому. Комиссия положила, не раскрывая письма сего, представить оное его величеству».

* Строка стихотворения В. А. Жуковского «Путешественник».

По-видимому, царю не успели послать пушкинское письмо и он познакомился с ним уже в Петербурге, куда вернулся 13 октября. 16 октября царь призвал Толстого и объявил ему свое решение насчет «Гавриилиады» — не преследовать более Пушкина. 31 декабря Н. Н. Муравьев, может быть, не зная устного решения императора, подал ему еще одну докладную, на которой царь начертил: «мне это дело подробно известно и совершенно кончено».

Долгое время оставались загадкой содержание секретного письма Пушкина к царю и точная дата его написания. Последнее выяснилось в 1921 г., когда Н. О. Лернер расшифровал записи Пушкина на беловом автографе первой песни «Полтавы»: «2 окт[ября] письмо к Ц[арю]» и на беловом автографе третьей песни: «—16 окт. 1828. Гр Т[олстой] от Гос[ударя]». Теперь общепризнано, что в этих кратких заметках речь идет об истории с «Гавриилиадой».

Однако здесь рано еще ставить точку. Так уж сложилось, что почти любой эпизод из жизни Пушкина имеет как бы две истории: одну реальную, происшедшую на самом деле, другую, связанную с обнаружением документов, с постепенным исследованием того или иного вопроса пушкинистами.

В 1951 г. в Государственном историческом архиве Московской области группа историков изучала фонд семьи Бахметевых. Один из студентов-практикантов обнаружил в пачке бумаг письмо:

«Будучи вопрошаем Правительством, я не почитал себя обязанным признаться в шалости, столь же постыдной, сколь и преступной. Но теперь, вопрошаемый прямо от лица моего Государя, объявляю, что Гавриилиада сочинена мною в 1817 году.

Повергая себя милосердию и великодушию царскому есмь

*Вашего Императорского Величества
верноподанный Александр Пушкин.*

2 октября 1828. С-Петербург»*

* Научную публикацию документа осуществил один из участников работы над фондом Бахметевых, В. П. Гурьянов.— См.: Пушкин. Исследования и материалы. Т. VIII. Л., 1978.

Некоторое время думали, что произошла редчайшая для нашего времени сенсация: найден подлинный пушкинский документ. Однако крупнейший знаток пушкинских текстов Б. В. Томашевский вскоре отверг это предположение по следующим мотивам:

1. Почерк явно не принадлежит Пушкину, хотя и налицо попытка воспроизвести характер руки Пушкина. Однако все элементы данного документа находятся в противоречии графическим навыкам Пушкина.

2. Орфография слов «Гаврилиада» и «верноподанный» (Пушкин, разумеется, писал «Гавриилиада» и «верноподданный») не позволяет признать этот документ принадлежащим руке Пушкина или считать его за точную копию с письма Пушкина.

Вообще ряд обстоятельств заставляет предполагать, что подделка совершена сравнительно недавно и притом лицом, имеющим дело с архивными документами.

Не выдержан стиль. С одной стороны допущено неправильное применение глагола «вопрошатель» (тогда говорили «спрашивать» или «допрашивать»), с другой — введена в подпись формула со словом «есмь», вряд ли возможная в письме Пушкина к Николаю I (...).

Если вопрос о подлинности документа после экспертизы Томашевского отпал, то вывод его о «недавней подделке» был решительно отвергнут. Специалисты почерковеды и пушкинисты (Т. Г. Цявловская, Н. Я. Эйдельман) пришли к неопровержимому, повидимому, выводу, что загадочное письмо писано в пушкинское время рукою Алексея Николаевича Бахметева. Сей последний был зятем того самого графа П. А. Толстого, который возглавлял расследование о «Гавриилиаде». Самое простое предположение: царь пушкинского конфиденциального письма не уничтожил, а возвратил Толстому. Бахметева в Петербурге в 1828 г. не было, но, возвратившись, он, большой поклонник Пушкина, сразу же мог в бумагах тестя (или после смерти его в 1844 г.) прочитать и переписать письмо поэта. Известно, что другой член упоминавшейся комиссии А. Н. Голицын после смерти Пушкина рассказал о «Гавриилиаде» одному из своих подчиненных. Существует краткая запись: «Гавриль-

яда Пушкина. Отпирательство Пушкина. Признание. Обращение с ним государя...» Собственно говоря, на этой записи («Признание») и зиждется версия о содержании утраченного письма царю, развиваемая пушкинистами на протяжении многих десятилетий.

Итак, Бахметев изготовил копию письма, а подлинник затем был каким-то образом утрачен. Логически оправданно, что Пушкин назвал 1817-й, а не 1822-й годом сочинения «Гавриилиады» — грехи юности ему легче простили бы, чем заблуждения времен опалы. Но как же со стилистическими и иными несоответствиями, обнаруженными Томашевским? И хотя В. П. Гурьянов выдвигает ряд возражений, но и «верноподанный» и слово «есмь» в подписи не дают утихнуть сомнениям. Что-то мешает поверить, будто перед нами истинный и полный текст того самого письма Пушкина, после которого дело о «Гавриилиаде» внезапно кончилось. Впрочем, «вера» и «неверие» — не всегда надежные советчики в литературной науке (даже в том случае, когда дело идет о «божественном» сюжете)...

Любопытную, хотя еще более спорную, чем изложенная, версию происхождения найденного письма выдвинул пушкинист М. И. Яшин (Нева, 1972, № 6). Автор статьи считает, что в 1951 г. обнаружена была не копия письма Пушкина, написанного 2 октября 1828 г., а умелая подделка. Сделана она была, по Яшину, все тем же А. Н. Бахметевым с соблюдением пушкинского почерка (не вполне успешным), стиля и с заботой о соответствии бумаги, пера и т. п. Но зачем понадобилось это зятю П. А. Толстого? Здесь, собственно, и скрыта самая суть версии Яшина. Бахметеву якобы потребовалось создать впечатление у современников и потомков, будто Пушкин совершенно определенно и безоговорочно признал свое авторство «Гавриилиады». Дело в том, что Бахметев был родственником не только П. А. Толстого, но и покойного поэта-шутника Д. П. Горчакова (точнее — свойственником: сестра Бахметева замужем за сыном Горчакова). Он якобы смертельно обиделся за репутацию Горчакова и решил подменить подлинное письмо Пушкина, где автором «Гавриилиады» назван был все-таки Горчаков, подделкой-«признанием». В таком

случае пришлось бы обвинить Бахметева в уничтожении пушкинского документа, находившегося в архиве Толстого, и в явном подлоге. Это и делает Яшин. По его версии, Пушкин не решился признаться царю в сочинении атеистической поэмы, а «свалил» все на Д. П. Горчакова, как и в письме к Вяземскому. Бахметев же, зная, кто истинный автор, «восстановил справедливость», исходя из родственных чувств. Все это достаточно запутанно и, как верно подмечают Т. Г. Цявловская и Н. Я. Эйдельман (в примечании к статье В. П. Гурьянова), слишком усложнено, чтобы быть истиной. Не является решающим и еще один аргумент Яшина: в пушкинской записи, начало которой выше приводилось: «2 окт. письмо к Ц[арю]», далее следует слово *le cadavre* — «труп (мертвец)». До Яшина считалось, что слово это к «Гавриилиаде» отношения не имеет. Он же утверждает, что Пушкин подразумевал Д. П. Горчакова, «загробного автора» «Гавриилиады». И уж совсем «притянутым» выглядит толкование простонародной сказки «Утопленник», вскоре после этих событий написанной: Пушкина будто бы преследовал образ все того же безвинно и посмертно обвиненного им поэта. Но как быть с записью со слов А. Н. Голицына? Оказывается, все можно «объяснить» — Голицын видел подделку Бахметева и принял ее за подлинник письма, которое Пушкин в свое время отправил царю запечатанным, никого с ним не познакомив! Все это не слишком доказательно, но характерно как пример сложности и неоднозначности пушкиноведческих толкований.

И все же, справедливости ради, надо сказать, что с письмом Пушкина царю от 2 октября 1828 г. не все ясно и просто. Самого-то письма нет! Дело о «Гавриилиаде» ждет новых открытий и новых «доследователей».

Однако это уже история пушкиноведения, а не самой жизни Пушкина. Ему-то «Гавриилиада» в сочетании с «Шенье», «Борисом Годуновым» и многими событиями 1826—1828 гг. стоила тяжелых и долгих переживаний. Недаром, по свидетельству ряда современников, поэт потом не выносил даже упоминания об этой «преlestной шалости». С «Гавриилиадой» исследователи связывают отчасти и стихотворение

«Анчар» — отчаянный призыв к уважению личности и разоблачение жестокого бессердечия владык. Недаром первая строка «Анчара» в одном из вариантов автобиографична: «Под небом Африки моей»; не случайно цензурные соображения заставили Пушкина впоследствии при публикации «Анчара» заменить слово «царь» на «князь» — ассоциации были опасны.

* * *

Трудные для Пушкина выдались годы после ссылки! Непрестанные думы о погибших, заточенных, сосланных друзьях-декабристах; о своей роли заступника и «представителя» их на воле, роли, которую невозможно было играть без постоянной дипломатии, вечного «эзопова языка», даже прямых компромиссов... (это сказалось, например, в исполненной по царскому заказу «Записке о народном воспитании» — № 30, в «Стансах» — № 32, «Друзьям» — № 79). И вместе с тем окончательное пришедшее сознание своей необычайной поэтической силы. Недаром писал он в 1828 г.:

Благословен же будь отныне
Судьбою вверенный мне дар.
Доселе в жизненной пустыне,
Во мне питая сердца жар,
Мне навлекал одно гоненье,
Иль лицемерную хулу,
Иль клевету, иль заточенье
И редко хладную хвалу.

Но и после ссылки клевета все разрасталась, хула становилась грубее, хвала реже и холоднее. Пушкин словно бы метался, стараясь быть как можно больше в дороге. «Дорога успокаивает, укачивает, — пишет его биограф (Ю. М. Лотман), — отвлекает, в дороге быт и реальность отступают на задний план, легче думается, легче мечтается». Москва — Михайловское — Псков — Москва — Петербург — Михайловское — Петербург — Малинники — Москва — Малинники — Петербург. Таковы переезды Пушкина в 1826—1828 годах.

Написано количественно меньше, чем в ссылках, но кто когда измерял поэзию количеством? Закончена 4-я глава «Онегина», сочинены 5-я, 6-я, 7-я; создана

«Полтава» (1828). Что касается лирических стихов, то буквально каждое из них — шедевр глубины мысли и поэтической формы.

С первых же дней после возвращения в Москву Пушкин думает о перемене судьбы своей, о женитьбе, о Доме. Ему отказывают С. Ф. Пушкина и А. А. Оленина; что-то не задается и с очаровательной Е. Н. Ушаковой. Он увлекается московской красавицей А. А. Римской-Корсаковой, петербургской «львицей» А. Ф. Закревской... Под новый 1829 год Пушкин встречает на московском балу шестнадцатилетнюю Наталью Гончарову.

1

ПРОРОК

Духовной жаждою томим,
В пустыне мрачной я влачился,—
И шестикрылый серафим
На перепутье мне явился.
Перстами легкими как сон
Моих зениц коснулся он:
Отверзлись вещице зеницы,
Как у испуганной орлицы.
Моих ушей коснулся он,—
И их наполнил шум и звон:
И внял я неба содроганье,
И горний ангелов полет,
И гад морских подводный ход,
И дольней лозы прозябанье.
И он к устам моим приник,
И вырвал грешный мой язык,
И празднословный и лукавый,
И жало мудрыя змеи
В уста замершие мои
Вложил десницею кровавой.
И он мне грудь рассек мечом,
И сердце трепетное вынул,
И угль, пылающий огнем,
Во грудь отверстую водвинул.
Как труп в пустыне я лежал,
И бога глас ко мне воззвал:
«Восстань, пророк, и виждь, и внемли,
Исполнись волею моей
И, обходя моря и земли,
Глаголом жги сердца людей».

2

Полагаю, сударыня, что мой внезапный отъезд с фельдъегерем удивил вас столько же, сколько и меня. Дело в том, что без фельдъегеря у нас грешных ничего не делается; мне также дали его для большей безопасности. Впрочем, судя по весьма любезному письму барона Дибича, — мне остается только гордиться этим. Я еду прямо в Москву, где рассчитываю быть 8-го числа текущего месяца; лишь только буду свободен, тотчас же поспешу вернуться в Тригорское, к которому отныне навсегда привязано мое сердце. (фр.)

Пушкин — П. А. Осиповой.
4 сентября 1826. Из Пскова в Тригорское.

3

XXXIII

Когда благому просвещенью
Отдвинем более границ,
Со временем (по расчисленью
Философических таблиц,
Лет чрез пятьсот) дороги, верно,
У нас изменятся безмерно:
Шоссе Россию здесь и тут,
Соединив, пересекут.
Мосты чугунные чрез воды
Шагнут широкою дугой,
Раздвинем горы, под водой
Пророем дерзостные своды,
И заведет крещеный мир
На каждой станции трактир.

XXXIV

Теперь у нас дороги плохи,
Мосты забытые гниют,
На станциях клопы да блохи
Заснуть минуты не дают;
Трактиров нет. В избе холодной
Высокопарный, но голодный
Для виду прейскурант висит
И тщетный дразнит аппетит,

Меж тем как сельские циклопы
Перед медлительным огнем
Российским лечат молотком
Изделье легкое Европы,
Благословляя колеи
И рвы отеческой земли.

XXXV

Зато зимы порой холодной
Езда приятна и легка.
Как стих без мысли в песне модной —
Дорога зимняя гладка.
Автомедоны наши бойки,
Неутомимы наши тройки,
И версты, теща праздный взор,
В глазах мелькают как забор.

(...)

XXXVI

Но вот уж близко. Перед ними
Уж белокаменной Москвы,
Как жар, крестами золотыми
Горят старинные главы.
Ах, братцы! как я был доволен,
Когда церковей и колоколен,
Садов, чертогов полукруг
Открылся предо мною вдруг!
Как часто в горестной разлуке,
В моей блуждающей судьбе,
Москва, я думал о тебе!
Москва... как много в этом звуке
Для сердца русского слилось!
Как много в нем отозвалось!

XXXVII

Вот, окружен своей дубравой,
Петровский замок. Мрачно он
Недавнею гордится славой.
Напрасно ждал Наполеон,
Последним счастьем упоенный,
Москвы коленопреклоненной
С ключами старого Кремля:

Нет, не пошла Москва моя
К нему с повинной головою.
Не праздник, не приемный дар,
Она готовила пожар
Нетерпеливому герою.
Отселе, в думу погружен,
Глядел на грозный пламень он.

XXXVIII

Прощай, свидетель падшей славы,
Петровский замок. Ну! не стой,
Пошел! Уже столпы заставы
Белеют; вот уж по Тверской
Возок несется чрез ухабы.
Мелькают мимо будки, бабы,
Мальчишки, лавки, фонари,
Дворцы, сады, монастыри,
Бухарцы, сани, огороды,
Кушцы, лачужки, мужики,
Бульвары, башни, казаки,
Аптеки, магазины моды,
Балконы, львы на воротах
И стаи галок на крестах.

XXXIX. XI

В сей утомительной прогулке
Проходит час-другой, и вот
У Харитонья в переулке
Возок пред домом у ворот
Остановился. <...>

«Евгений Онегин». Глава 7.

ИЗ РАННИХ РЕДАКЦИЙ

Москва! как много в этом звуке
Для сердца русского слилось!..
Как сильно в нем отозвалось!
В изгнанье, в горести, в разлуке,
Москва! как я любил тебя,
Святая родина моя!

*«Евгений Онегин».
Глава 7, строфа XXXVI.*

4

А. Г. Хомутова

ИЗ ЗАПИСОК

26 октября 1826. Поутру получаю записку от Корсаковой: «Приезжайте непременно, нынче вечером у меня будет Пушкин», — Пушкин, возвращенный из ссылки императором Николаем, Пушкин, коего дозволенные стихи приводили нас в восторг, а недозволенные имели в себе такую всеобщую завлекательность. В 8 часов я в гостиной у Корсаковой; там собралось уже множество гостей. Дамы разоделись и рассчитывали привлечь внимание Пушкина, так что, когда он вошел, все они устремились к нему и окружили его. Каждой хотелось, чтоб он сказал ей хоть слово. Не будучи ни молода, ни красива собою и по обыкновению одержима несчастною застенчивостью, я не совалась вперед и неприметно для других издали наблюдала это африканское лицо, на котором отпечатлелось его происхождение, это лицо, по которому так и сверкает ум. Я слушала его без предупредительности и молча. Так прошел вечер. За ужином кто-то назвал меня, и Пушкин вдруг восторженно, точно в него ударила электрическая искра. Он встал и, поспешно подойдя ко мне, сказал: «Вы сестра Михаила Григорьевича; я уважаю, люблю его и прошу Вашей благосклонности». Он стал говорить о лейб-гусарском полке, который, по его словам, был его колыбелью, а брат мой был для него нередко ментором. С этого времени мы весьма сблизились; и после встречались часто с Пушкиным, и он всегда мне оказывал много дружбы. (...)

Рассказано Пушкиным. Фельдъегерь внезапно извлек меня из моего произвольного уединения, привезя по почте в Москву, прямо в Кремль, и всего в пыли ввел меня в кабинет императора, который сказал мне: «А, здравствуй, Пушкин, доволен ли ты, что возвращен?» Я отвечал, как следовало в подобном случае. Император долго беседовал со мною и спросил меня: «Пушкин, если бы ты был в Петербурге, принял ли бы ты участие в 14 декабря?» — «Неизбежно, государь; все мои друзья были в заговоре, и я был бы в невозможности отстать от них. Одно отсутствие спасло

меня, и я благодарю за то небо». — «Ты довольно шалил, — возразил император, — надеюсь, что теперь ты образумишься и что размолвки вперед у нас не будет. Присылай все, что напишешь, ко мне; отныне я буду твоим цензором».

5

Юлий Струтыньский

ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ

Помню (рассказывал Пушкин. — В. К.), что, когда мне передали приказание государя явиться к нему, душа моя вдруг омрачилась — не тревогою, нет! — но чем-то похожим на ненависть, злобу, отвращение. Мозг оцетинился эпиграммой, на губах играла насмешка, сердце дрогнуло от чего-то, похожего на голос свыше, который, казалось, призывал меня к роли стоического республиканца, Катона, а то и Брута. Я бы никогда не кончил, если бы вздумал в точности передать те оттенки чувств, которые испытал в вынужденном пути в царский дворец. И что же? Они разлетелись, как мыльные пузыри, исчезли в небытии, как сонные видения, когда он мне явился и со мною заговорил. Вместо надменного деспота, кнутодержавного тирана я увидел монарха рыцарски прекрасного, величественно спокойного, благородного лицом. Вместо грубых, язвительных, диких слов угрозы и обиды я услышал снисходительный упрек, выраженный участливо и благосклонно.

— Как, — сказал мне император, — и ты враг своего государя? Ты, которого Россия вырастила и покрыла славой? Пушкин, Пушкин! Это нехорошо! Так быть не должно!

Я онемел от удивления и волнения. Слово замерло на губах. Государь молчал, а мне казалось, что его звучный голос еще звучал у меня в ушах, располагая к доверию, призывая опомниться. Мгновения бежали, а я не отвечал.

— Что ж ты не говоришь? Ведь я жду?! — сказал государь и взглянул на меня пронзительно.

Отрезвленный этими словами, а еще больше этим взглядом, я, наконец, опомнился, перевел дыхание и сказал спокойно:

— Виноват и жду наказания.

— Я не привык спешить с наказанием!— сурово ответил император.— Если могу избежать этой крайности— бываю рад. Но я требую сердечного, полного подчинения моей воле. Я требую от тебя, чтобы ты не вынуждал меня быть строгим, чтобы ты мне помог быть снисходительным и милостивым. Ты не возразил на упрек во вражде к своему государю— скажи же, почему ты враг ему?

— Простите, ваше величество, что, не ответив сразу на ваш вопрос, я дал вам повод неверно обо мне думать. Я никогда не был врагом своего государя, но был врагом абсолютной монархии.

Государь усмехнулся на смелое признание и воскликнул, хлопая меня по плечу:

— Мечтания итальянского карбонарства и немецких тугендбундов. Республиканские химеры всех гимназистов-лицеистов, недоваренных мыслителей из университетских аудиторий! С виду они величавы и красивы— в существе своем жалки и вредны! Республика есть утопия, потому что она есть состояние переходное, ненормальное, в конечном счете всегда ведущее к диктатуре, а через нее— к абсолютной монархии. Не было в истории такой республики, которая в трудные минуты обошлась бы без самоуправства одного человека и которая избежала бы разгрома и гибели, когда в ней не оказалось дельного руководителя. Сила страны— в сосредоточении власти; ибо где все правят— никто не правит; где всякий— законодатель, там нет ни твердого закона, ни единства политических целей, ни внутреннего лада. Каково следствие всего этого? Анархия!

Государь умолк, раза два прошелся по кабинету, вдруг остановился передо мной и спросил:

— Что же ты на это скажешь, поэт?

— Ваше величество,— отвечал я,— кроме республиканской формы правления, которой препятствует огромность России и разнородность населения, существует еще одна политическая форма— конституционная монархия.

— Она годится для государств, окончательно установившихся,— перебил государь тоном глубокого

убеждения,— а не для таких, которые находятся на пути развития и роста: Россия еще не выпшла из периода борьбы за существование. Она еще не доби- лась тех условий, при которых возможно развитие внутренней жизни и культуры. Она еще не достигла своего политического предназначения. Она еще не оперлась на границы, необходимые для ее величия. Она еще не есть тело, вполне установившееся, моно- литное, ибо элементы, из которых она состоит, до сих пор друг с другом не согласованы. Их сближает и спасает только самодержавие — неограниченная, всемогущая воля монарха. Без этой воли не было бы ни развития, ни спайки, и малейшее сотрясение разрушило бы все строение государства. (Помолчав). Неужели ты думаешь, что, будучи конституционным монархом, я мог бы сокрушить главу революционной гидры, которую вы сами, сыны России, вскормили на гибель ей? Неужели ты думаешь, что обаяние самодер- жавной власти, врученной мне богом, мало содейство- вало удержанию в повиновении остатков гвардии и обузданию уличной черни, всегда готовой к бесчин- ству, грабежу и насилию? Она не посмела подняться против меня. Не посмела! Потому что самодержавный царь был для нее живым представителем божеского могущества и наместником бога на земле, потому что она знала, что я понимаю всю ответственность своего призвания и что я не человек без закала и воли, которого гнут бури и устрашают громы!

Когда он говорил это, ощущение собственного величия и могущества, казалось, делало его гигантом. Лицо его было строго, глаза сверкали. Но это не были признаки гнева, нет! Он в ту минуту не гневался, но испытывал свою силу, измерял силу сопротивления, мысленно с этим боролся и побеждал. Он был горд и в то же время доволен. Но вскоре выражение его лица смягчилось, глаза погасли, он снова прошелся по кабинету, снова остановился передо мной и сказал:

— Ты еще не все высказал. Ты еще не вполне очистил свою мысль от предрассудков и заблуждений. Может быть, у тебя на сердце лежит что-нибудь такое, что его тревожит и мучит? Признайся смело. Я хочу тебя выслушать и выслушаю.

— Ваше величество,— отвечал я с чувством.— Вы сокрушили главу революционной гидре. Вы соверши- ли великое дело — кто станет спорить? Однако... есть

и другая гидра, чудовище страшное и губительное, с которым вы должны бороться, которое должны уничтожить, потому что иначе оно вас уничтожит.

— Выражайся ясней! — перебил государь, готовясь ловить каждое мое слово.

— Эта гидра, это чудовище, — продолжал я, — самоуправство административных властей, развращенность чиновничества и подкупность судов России. Россия стонет в тисках этой гидры поборов, насилия и грабежа, которая до сих пор издевается даже над высшей властью. На всем пространстве государства нет такого места, куда бы это чудовище не дотянуло! Нет сословия, которого оно не коснулось бы. Общественная безопасность ничем у нас не обеспечена! Справедливость — в руках самоуправцев. Над честью и спокойствием семейств издеваются негодяи! Никто не уверен ни в своем достатке, ни в свободе, ни в жизни. Судьба каждого висит на волоске, ибо судьбою управляет не закон, а фантазия любого чиновника, любого доносчика, любого шпиона! Что ж удивительного, ваше величество, если нашлись люди, решившиеся свергнуть такое положение вещей. Что ж удивительного, если они, возмущенные зрелищем униженного и страдающего отечества, подняли знамя сопротивления, разожгли огонь мятежа, чтобы уничтожить то, что есть и построить то, что должно быть: вместо притеснения — свободу, вместо насилия — безопасность, вместо продажности — нравственность, вместо произвола — покровительство закона, стоящего надо всеми и равного для всех! Вы, ваше величество, можете осудить развитие этой мысли, незаконность средств к ее осуществлению, излишнюю дерзость предпринятого, но не можете не признать в ней порыва благородного! А вы могли и имели право покарать виновных, в патриотическом безумии хотевших повалить трон Романовых, но я уверен, что даже карая их, в глубине души вы не отказывали им ни в сочувствии, ни в уважении! Я уверен, что если государь карал, то человек прощал!

— Смелы твои слова! — сказал государь сурово, но без гнева. — Значит, ты одобряешь мятеж? Оправдываешь заговор против государства? Покушение на жизнь монарха?

— О нет, ваше величество, — вскричал я в волнении. — Я оправдывал только цель замысла, а не сред-

ства! Ваше величество умеете проникать в души — со- благоволите проникнуть в мою и вы убедитесь, что в ней все чисто и ясно! В такой душе злой порыв не гнездится, преступление не скрывается!

— Хочу верить, что так, и верю! — сказал государь более мягко. — У тебя нет недостатка ни в благородных убеждениях, ни в чувствах, но тебе недостает рассудительности, опытности, основательности. Видя зло, ты возмущаешься, содрогаешься и легкомысленно обвиняешь власть за то, что она сразу же не уничтожила это зло и на его развалинах не поспешила воздвигнуть здание всеобщего блага.

Для глубокой реформы, которой Россия требует, мало одной воли монарха, как бы он ни был тверд и силен. Ему нужно содействие людей и времени. Нужно соединение всех высших сил государства в одной великой передовой идее, нужно соединение всех усилий и рвений в одном похвальном стремлении к поднятию самоуважения в народе и чувства чести — в обществе. Пусть все благонамеренные и способные люди объединятся вокруг меня. Пусть в меня уверуют. Пусть самоотверженно и мирно идут туда, куда я их поведу, и гидра будет побеждена! Гангрена, разъедающая Россию, исчезнет, ибо только в общих усилиях — победа, в согласии благородных сердец — спасение! Что же до тебя, Пушкин... ты свободен. Я забываю прошлое — даже уже забыл. Не вижу пред собой государственного преступника — вижу лишь человека с сердцем и талантом, вижу певца народной славы, на котором лежит важное призвание — воспламенять души великими добродетелями и ради великих подвигов. Теперь можешь идти! Где бы ты ни поселился (ибо выбор зависит от тебя), помни, что я сказал и как с тобой поступил. Служи родине мыслью, словом и пером. Пиши для современников и для потомства. Пиши со всей полнотой вдохновения и совершенной свободой, ибо цензором твоим буду я!

Такова была сущность пушкинского рассказа. Наиболее значительные места, глубоко запечатлевшиеся в моей памяти, я привел почти дословно. Действительно ли его позднейшие сочинения получали царское разрешение, или подвергались критике цензурного комитета, с уверенностью сказать не могу. Мне как-то не пришло в голову спросить об этом

Пушкина, и читатель легко поймет это, если сообразит вспомнить, что я тогда был еще очень молод и что мое любопытство привлекли предметы более важные.

6

М. А. Корф

ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ

В апреле 1848 года я имел раз счастье обедать у государя императора. За столом, где из посторонних, кроме меня, были только графы Орлов и Вронченко, речь зашла о Лицее и оттуда — о Пушкине. «Я впервые увидел Пушкина,—рассказывал нам его величество,—после коронации, в Москве, когда его привезли ко мне из его заточения, совсем больного и в ранах... «Что вы бы сделали, если бы 14 декабря были в Петербурге?» — спросил я его между прочим. «Был бы в рядах мятежников»,— отвечал он, не запинаясь. Когда потом я спрашивал его: переменялся ли его образ мыслей и дает ли он мне слово думать и действовать впредь иначе, если я пушу его на волю, он очень долго колебался и только после длинного молчания протянул мне руку с обещанием сделаться иным. И что же? Вслед за тем он без моего позволения и ведома уехал на Кавказ! К счастью, там было кому за ним приглядеть: Паскевич не любит шутить. Под конец его жизни, встречаясь очень часто с его женою, которую я искренно любил и теперь люблю, как очень хорошую и добрую женщину, я раз как-то разговорился с нею о комеражах, которым ее красота подвергает ее в обществе; я советовал ей быть как можно осторожнее и беречь свою репутацию, сколько для себя самой, столько и для счастья мужа, при известии его ревливости. Она, верно, рассказала об этом мужу, потому что, встретясь где-то со мною, он стал меня благодарить за добрые советы его жене. «Разве ты и мог ожидать от меня другого?» — спросил я его. «Не только мог, государь, но, признаюсь откровенно, я и вас самих подозревал в ухаживаниях за моею женою...» Три дня спустя был его последний дуэль».

7

Вот уже 8 дней, что я в Москве, и не имел еще времени написать вам, это доказывает вам, сударыня, насколько я занят. Государь принял меня самым любезным образом. Москва шумна и занята празднествами до такой степени, что я уже устал от них и начинаю вздыхать по Михайловскому, т. е. по Тригорскому; я рассчитываю выехать отсюда самое позднее через две недели.— Сегодня, 15-го сент., у нас большой народный праздник; версты на три расставлено столов на Девичьем Поле; пироги заготовлены саженьями, как дрова; так как пироги эти испечены уже несколько недель назад, то будет трудно их съесть и переварить их, но у почтенной публики будут фонтаны вина, чтобы их смочить; вот—злоба дня. Завтра бал у графини Орловой; огромный манеж превращен в зал; она взяла напрокат бронзы на 40 000 рублей и пригласила тысячу человек. Много говорят о новых, очень строгих, постановлениях относительно дуэлей и о новом цензурном уставе; но, поскольку я его не видал, ничего не могу сказать о нем.— Простите нескладичу моего письма, — оно в точности отражает вам нескладичу моего теперешнего образа жизни. Полагаю, что обе м-ль Анеты уже в Тригорском. Приветствую их издалека от всего сердца, равно как и все ваше прелестное семейство.— Примите, сударыня, уверение в моем глубоком уважении и неизменной привязанности, которые я буду питать к вам всю жизнь. (фр.)

*Пушкин — П. А. Осиповой.
16 сентября 1826. Из Москвы в Тригорское.*

8

Пушкин, сочинитель, был вытребован в Москву. Выезжая из Пскова, он написал своему близкому другу и школьному товарищу Дельвигу письмо, извещающая его об этой новости и прося его прислать ему денег, с тем чтобы употребить их на кутежи и на шампанское. Этот господин известен всем за мудрствователя, в полном смысле этого слова, который проповедует последовательный эгоизм с презрением

к людям, ненависть к чувствам, как и к добродетелям, наконец,— деятельное стремление к тому, чтобы доставлять себе житейские наслаждения ценою всего самого священного. Это честолюбец, пожираемый жаждою вожделений и, как примечают, имеет столь скверную голову, что его необходимо будет проучить при первом удобном случае. Говорят, что государь сделал ему благосклонный прием и что он не оправдывает тех милостей, которые его величество оказало ему. (фр.)

*Записка М. Я. фон-Фока,
управляющего III Отделением.
17 сентября 1826.*

9

Поздравляем тебя, милый Пушкин, с переменой судьбы твоей. У нас даже люди прыгают от радости. Я с братом Львом развез прекрасную новость по всему Петербургу. Плетнев, Козлов, Гнедич, Слёнин, Керн, Анна Николавна — все прыгают и поздравляют тебя. Как счастлива семья твоя, ты не можешь представить. Особливо мать, она наверху блаженства. Я знаю твою благородную душу, ты не возмутишь их счастья упорным молчанием. Ты напишешь им. Они доказали тебе любовь свою.— Душа моя, меня пугает положение твоей няни. Как она перенесла совсем неожиданную разлуку с тобою. Что касается до Осиповой, она меня испугала отчаянным письмом. {...}

*А. А. Дельвиг — Пушкину.
15 сентября 1826. Из Петербурга в Москву.*

10

Милостивый государь Александр Сергеевич!

Я ожидал прихода вашего, чтоб объявить высочайшую волю по просьбе вашей, но, отправляясь теперь в С. Петербург и не надеясь видеть здесь, честь имею уведомить, что государь император не только не

запрещает приезда вам в столицу, но предоставляет совершенно на вашу волю с тем только, чтобы предварительно испрашивали разрешения чрез письмо.

Его величество совершенно остается уверенным, что вы употребите отличные способности ваши на передавание потомству славы нашего Отечества, передав вместе бессмертию имя ваше. В сей уверенности его императорскому величеству благоугодно, чтобы вы занялись предметом о воспитании юношества. Вы можете употребить весь досуг, вам предоставляется совершенная и полная свобода, когда и как представить ваши мысли и соображения; и предмет сей должен представить вам тем обширнейший круг, что на опыте видели совершенно все пагубные последствия ложной системы воспитания.

Сочинений ваших никто рассматривать не будет; на них нет никакой цензуры: государь император сам будет и первым ценителем произведений ваших и цензором.

Объявляя вам сию монаршую волю, честь имею присовокупить, что как сочинения ваши, так и письма можете для представления его величеству доставлять ко мне; но впрочем от вас зависит и прямо адресовать на высочайшее имя.

Примите при сем уверение в истинном почтении и преданности, с которыми честь имею быть

ваш покорный слуга А. Бенкендорф.

А. Х. Бенкендорф — Пушкину.
30 сентября 1826. Москва.

11

М. П. Погодин

ИЗ ДНЕВНИКА

Сентябрь 10. (...) Веневитинова чрез Соболевского зовет Пушкин слушать «Годунова» ввечеру. Веневитинов, верно, спрашивал у Соболевского, нельзя ли как-нибудь faire * пригласить меня и, верно, получил ответ отрицательный. Мне больно или завидно.

* Сделать, устроить (фр.)

Зачем же не хотел познакомиться со мною и проч. Слушал рассказы об нем. Веневитинов поехал к нему с визитом. Они обещались приехать ко мне. У них читали еще песни Беранже с удовольствием. После думал о себе. Веневитинов может говорить с Пушкиным, а я что буду с своими афоризмами? Да ведь и у Пушкина афоризмы. Думал о журнале с Пушкиным. Славное бы дело! Дожидался их — целый день они там. Думал об обеде в честь Пушкину. <...>

Сентябрь 11. <...> Веневитинов рассказал мне о вчерашнем дне. «Борис Годунов» — чудо. У него еще «Самозванец», «Моцарт и Сальери», «Наталья Павловна», продолжение «Фауста», 8 песен «Онегина» и отрывки из 9-й (?) и проч. «Альманах» не надо издавать, — сказал он, — пусть Погодин издаст в последний раз, а после станем издавать журнал, — кого бы редактором, а то меня (?) с Вяземским считают шельмами».

Сентябрь 25. <...> Нет, не шлет за мною Веневитинов. Перечитал с большим удовольствием Пушкина. Овидий в изгнании. Скиф-старик любит его за рассказы. Молодые любовники просят его заступиться за них и проч. <...> Пушкин поэт чувства. Шиллер — мысли.

Октябрь 12. В типографию, к Пушкину — в постеле еще, к Мерзлякову, Гаврилову, опять к Пушкину — не от меня ли он ушел. Нет; он у Веневитиновых — читал песни, коими привел нас в восхищение. Вот предмет для романа: поэт в обществе. Наконец прочли «Годунова». Вот истина на сцене. Пушкин! ты будешь синонимом нашей литературы. Какие положения! — Но, образумясь, я увидел, что многих сцен недостает еще: у Басманова с Димитрием (Пушкин разрешил мое сомнение об измене Басманова и об Шуйском), Отрепьев в монастыре, Борис по вступлении на престол и пр. Попрошу у него прочесть еще <...>

12

М. П. Погодин

ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ

...В эту-то минуту, когда мы были, так сказать, впопыхах, рвались работать, думали беспрестанно о журнале, является в Москву А. Пушкин, возвращенный государем из его псковского заточения.

Представьте себе обаяние его имени, живость впечатления от его поэм, только что напечатанных,— «Руслана и Людмилы», «Кавказского пленника» и в особенности мелких стихотворений, каковы: «Празднество Вакха», «Деревня», «К домовому», «К морю», которые просто привели в восторг всю читающую публику, особенно нашу молодежь, архивную и университетскую. Пушкин представлялся нам каким-то гением, ниспосланным оживить русскую словесность. Семейство Пушкиных было знакомо и, кажется, в родстве с Веневитиновыми. Через них и через Вяземского познакомились и все мы с Александром Сергеевичем. Он обещал прочесть всему нашему кругу «Бориса Годунова», только что им конченного. Можно себе представить, с каким нетерпением мы ожидали назначенного дня. Наконец настало это вождеденное число. Октября 12-го числа поутру, спозаранку, мы собрались все к Веневитинову (между Мясницкою и Покровкою, по дороге к Армянскому переулку), и с трепещущим сердцем ожидали Пушкина. Наконец, в двенадцать часов он является.

Какое действие произвело на всех нас это чтение, передать невозможно. До сих пор еще—а этому прошло сорок лет—кровь приходит в движение при одном воспоминании. Мы собрались слушать Пушкина, воспитанные на стихах Ломоносова, Державина, Хераскова, Озерова, которых все мы знали наизусть. Учителем нашим был Мерзляков, строгий классик. Надо припомнить и образ чтения стихов, господствовавший в то время. Это был распев, завещанный французскою декламацией, которой мастером считался Кокошкин и последним, кажется, представителем был в наше время граф Блудов. Наконец надобно представить себе самую фигуру Пушкина. Ожидаемый нами величавый жрец высокого искусства—это

был среднего роста, почти низенький человек, с длинными, несколько курчавыми по концам волосами, без всяких притязаний, с живыми быстрыми глазами, вертлявый, с порывистыми ужимками, с приятным голосом, в черном сюртуке, в темном жилете, застегнутом наглухо, в небрежно завязанном галстуке. Вместо языка Кокошкинского мы услышали простую, ясную, внятную и вместе поэтическую, увлекательную речь. Первые явления мы выслушали тихо и спокойно или, лучше сказать, в каком-то недоумении. Но чем дальше, тем ощущения усиливались. Сцена летописателя с Григорием просто всех ошеломила. Что было со мною, я и рассказать не могу. Мне показалось, что родной мой и любезный Нестор поднялся из могилы и говорит устами Пимена: мне послышался живой голос древнего русского летописателя. А когда Пушкин дошел до рассказа Пимена о посещении Кириллова монастыря Иоанном Грозным, о молитве иноков: «Да ниспошлет господь покой его душе, страдающей и бурной», — мы все просто как будто обеспамятели. Кого бросало в жар, кого в озноб. Волосы поднимались дыбом. Не стало сил воздерживаться. Один вдруг вскочит с места, другой вскрикнет. У кого на глазах слезы, у кого улыбка на губах. То молчание, то взрыв восклицаний, например, при стихах Самозванца:

Тень Грозного меня усыновила,
 Димитрием из гроба нарекла,
 Вокруг меня народы возмутила
 И в жертву мне Бориса обрекла.

Кончилось чтение. Мы смотрели друг на друга долго и потом бросились к Пушкину. Начались объятия, поднялся шум, раздался смех, полились слезы, поздравления. «Эван, эвое, дайте чаши!» Явилось шампанское, и Пушкин одушевился, видя такое свое действие на избранную молодежь. Ему было приятно наше внимание. Он начал нам, поддавая пару, читать песни о Стеньке Разине, как он выплывал ночью по Волге, на востроносой своей лодке, и предисловие к «Руслану и Людмиле», тогда еще публике неизвестное:

У лукоморья дуб зеленый,
 Златая цепь на дубе том;

И днем, и ночью кот ученый
Там ходит по цепи кругом;
Идет направо — песнь заводит,
Налево — сказку говорит...

Начал рассказывать о плане для Дмитрия Самозванца, о палаче, который шутит с чернью, стоя у плахи, на Красной площади, в ожидании Шуйского, о Марине Мнишек с Самозванцем, сцену, которую создал он в голове, гуляя верхом на лошади, и потом позабыл вполовину, о чем глубоко сожалел. О, какое удивительное то было утро, оставившее следы на всю жизнь! Не помню, как мы разошлись, как dokonчили день, как улеглись спать. Да едва ли кто и спал из нас в эту ночь: так был потрясен весь наш организм. (...)

(...) Толки о журнале, начатые еще в 1823 или 1824 году в обществе Раича, усилились. Множество деятелей молодых, ретивых было, так сказать, налицо, и они сообщили Пушкину общее желание. Он выразил полную готовность принять самое живое участие. После многих переговоров редактором был назначен я. Главным помощником моим был Шевырев. Много толков было о заглавии. Решено: «Московский вестник». Рождение его положено отпраздновать общим обедом всех сотрудников. Мы собрались в доме, бывшем Хомякова (где ныне кондитерская Люке); Пушкин, Мицкевич, Баратынский, два брата Веневитиновы, два брата Хомяковы, два брата Киреевские, Шевырев, Титов, Мальцов, Рожалин, Раич, Рихтер, В. Оболенский, Соболевский... И как подумаешь, из всего этого сборища осталось в живых только три-четыре человека, да и те по разным дорогам! Нечего описывать, как весел был этот обед. Сколько тут было шуму, смеху, сколько рассказано анекдотов, планов, предположений. Напомню один, насмешивший все собрание. Оболенский, адъютант греческой словесности, добрейший человек, какой только может быть, подпив за столом, подскочил после обеда к Пушкину и, взъерошивая свой хохолок — любимая его привычка, воскликнул: «Александр Сергеевич, Александр Сергеевич, я единица, единица, а посмотрю на вас, и мне кажется, что я — миллион. Вот вы кто!» Все захохотали и закричали: «Миллион, миллион!»

В Москве наступило самое жаркое литературное время. Всякий день слышалось о чем-нибудь новом.

Языков присылал из Дерпта свои вдохновенные стихи, славившие любовь, поэзию, молодость, вино; Денис Давыдов — с Кавказа; Баратынский издавал свои поэмы; «Горе от ума» Грибоедова только что начало распространяться. Пушкин прочел «Пророка», который после «Бориса» произвел наибольшее действие, и познакомил нас с следующими главами «Онегина», которого до тех пор была напечатана только первая глава. (...)

13

А. С. Пушкин

ПИСЬМО К ИЗДАТЕЛЮ «МОСКОВСКОГО ВЕСТНИКА»

Благодарю вас за участие, принимаемое вами в судьбе «Годунова»: ваше нетерпение видеть его очень лестно для моего самолюбия; но теперь, когда по стечению благоприятных обстоятельств открылась мне возможность его напечатать, предвижу новые затруднения, мною прежде и не подозреваемые.

С 1820 года, будучи удален от московских и петербургских обществ, я в одних журналах мог наблюдать направление нашей словесности. Читая жаркие споры о романтизме, я вообразил, что и в самом деле нам наскучила правильность и совершенство классической древности и бледные, однообразные списки ее подражателей, что утомленный вкус требует иных, сильнейших ощущений и ищет их в мутных, но кипящих источниках новой, народной поэзии. Мне казалось, однако, довольно странным, что младенческая наша словесность, ни в каком роде не представляющая никаких образцов, уже успела немногими опытами притупить вкус читающей публики; но, думал я, французская словесность, всем нам с младенчества и так коротко знакомая, вероятно, причиною сего явления. Искренно признаюсь, что я воспитан в страхе почтеннейшей публики и что не вижу никакого стыда угождать ей и следовать духу времени. Это первое признание ведет к другому, более важному: так и быть, каюсь, что я в литературе скептик (чтоб не

сказать хуже) и что все ее секты для меня равны, представляя каждая свою выгодную и невыгодную сторону. Обряды и формы должны ли суеверно поработать литературную совесть? Зачем писателю не повиноваться принятым обычаям в словесности своего народа, как он повинуется законам своего языка? Он должен владеть своим предметом, несмотря на затруднительность правил, как он обязан владеть языком, несмотря на грамматические оковы.

Твердо уверенный, что устарелые формы нашего театра требуют преобразования, я расположил свою трагедию по системе Отца нашего Шекспира, и принес ему в жертву пред его алтарь два классические единства, и едва сохранил последнее. Кроме сей пресловутой тройственности есть и единство, о котором французская критика и не упоминает (вероятно, не предполагая, что можно оспаривать его необходимость), единство слога — сего 4-го необходимого условия французской трагедии, от которого избавлен театр испанский, английский и немецкий. Вы чувствуете, что и я последовал столь соблазнительному примеру.

Что сказать еще? Почтенный александрийский стих переменил я на пятистопный белый, в некоторых сценах унизился даже до презренной прозы, не разделил своей трагедии на действия, — и думал уже, что публика скажет мне *большое спасибо*.

Отказавшись добровольно от выгод, мне представляемых системою искусства, оправданной опытами, утвержденной привычкою, я старался заменить сей чувствительный недостаток верным изображением лиц, времени, развитием исторических характеров и событий, — словом, написал трагедию истинно романтическую (...)

(...) Вы читали в первой книге «Московского вестника» отрывок из «Бориса Годунова», сцену летописца. Характер Пимена не есть мое изобретение. В нем собрал я черты, пленившие меня в наших старых летописях: простодушие, умиленная кротость, нечто младенческое и вместе мудрое, усердие, можно сказать набожное, к власти царя, данной им

богом, совершенное отсутствие суетности, пристрастия — дышат в сих драгоценных памятниках времен давно минувших, между коими озлобленная летопись князя Курбского отличается от прочих летописей, как бурная жизнь Иоаннова изгнанника отличалась от смиренной жизни безмятежных иноков.

Мне казалось, что сей характер всё вместе нов и знаком для русского сердца; что трогательное добродушие древних летописцев, столь живо постигнутое Карамзиным и отраженное в его бессмертном создании, украсит простоту моих стихов и заслужит снисходительную улыбку читателя; что же вышло? Люди умные обратили внимание на политические мнения Пимена и нашли их запоздалыми; другие сомневались, могут ли стихи без рифм называться стихами. Г-н З. предложил променять сцену «Бориса Годунова» на картинку «Дамского журнала». Тем и кончился строгий суд почтеннейшей публики (...)

[1828]

14

К. А. Полевой

ИЗ ЗАПИСОК

Пушкин, приехавший в Москву осенью 1826 года, вскоре понял Мицкевича и оказывал ему величайшее уважение. Любопытно было видеть их вместе. Проницательный русский поэт, обыкновенно господствовавший в кругу литераторов, был чрезвычайно скромен в присутствии Мицкевича, больше заставлял его говорить, нежели говорил сам, и обращался с своими мнениями к нему, как бы желая его одобрения. В самом деле, по образованности, по многосторонней учености Мицкевича Пушкин не мог сравнивать себя с ним, и сознание в том делает величайшую честь уму нашего поэта. Уважение его к поэтическому гению Мицкевича можно видеть из слов его, сказанных мне в 1828 году, когда и Мицкевич и Пушкин жили оба уже в Петербурге. Я приехал туда временно и остановился в гостинице Демута, где обыкновенно жил Пушкин до самой своей женитьбы. Желая повидаться с Миц-

кевичем, я спросил о нем у Пушкина. Он начал говорить о нем и, невольно увлекшись в похвалы ему, сказал между прочим:

— Недавно Жуковский говорит мне: знаешь ли, брат, ведь он заткнет тебя за пояс.

— Ты не так говоришь,— отвечал я,— он уже *заткнул меня*.

В другой раз, при мне, в той же квартире, Пушкин объяснял Мицкевичу план своей еще не изданной тогда «Полтавы» (которая первоначально называлась «Мазепою») и с каким жаром, с каким желанием передать ему свои идеи старался показать, что изучил главного героя своей поэмы. Мицкевич делал ему некоторые возражения о нравственном характере этого лица (...)

В суждениях о литературных предметах высказывал он (Мицкевич) всегда оригинальное свое мнение, но все возвышенное и прекрасное ценил высоко и не останавливался на мелких недостатках. Однажды кто-то при нем стал указывать на разные слабые стороны нашего Пушкина и обратился к Мицкевичу, как бы ожидая от него подтверждения своего мнения. Мицкевич отвечал: «Пушкин первый поэт своего народа: вот что дает ему право на славу» (...)

15

(...) В прибавлениях к посмертному собранию сочинений Мицкевича, писанных на французском языке, находим мы известие, что московские литераторы дали ему перед выездом из Москвы прощальный обед с поднесением кубка и стихов. На кубке вырезаны имена: Баратынского, братьев Петра и Ивана Киреевских, Елагина, Рожалина, Полевого, Шевырева, Соболевского. Тут же рассказывается следующее: Пушкин, встретясь где-то на улице с Мицкевичем, посторонился и сказал: «С дороги двойка, туз идет». На что Мицкевич тут же отвечал: «Козырная двойка туза бьет».

В тех же прибавлениях находим мы стихотворение Мицкевича, вроде думы пред памятником Петра Великого. Поэт говорит: «Однажды вечером два юноши укрывались от дождя, рука в руку, под одним плащом.

Один из них был паломник, пришедший с Запада, другой — поэт русского народа, славный песнями своими на всем Севере. Знали они друг друга с недавнего времени, но знали коротко, и было уже несколько дней, что были они друзьями. Их души, возносясь над всеми земными препятствиями, походили на две Альпийские скалы-двойчатки, которые хотя силою потока и разделены навеки, но преклоняются друг к другу своими смелыми вершинами, едва внимая ропоту враждебной волны».

Очевидно, что тут речь идет о Мицкевиче и Пушкине. Далее поэт приписывает Пушкину слова, которых он, без сомнения, не говорил; но это поэтическая и политическая вольность: ни удивляться ей, ни жаловаться на нее нельзя. Впрочем, заметка, что конь под Петром более стал на дыбы, нежели скачет вперед, принадлежит не Мицкевичу и не Пушкину. (...)

В Москве дом княгини Зинаиды Волконской был изящным сборным местом всех замечательных и отборных личностей современного общества. Тут соединялись представители большого света, сановники и красавицы, молодежь и возраст зрелый, люди умственного труда, профессора, писатели, журналисты, поэты, художники. Все в этом доме носило отпечаток служения искусству и мысли. Бывали в нем чтения, концерты, дилетантами и любительницами представления итальянских опер. Посреди артистов и во главе их стояла сама хозяйка дома. Слышавшим ее нельзя было забыть впечатления, которые производила она своим полным и звучным контральто и одушевленную игрою в роли Танкреда, опере Россини. Помнится и слышится еще, как она, в присутствии Пушкина и в первый день знакомства с ним, пропела элегию его, положенную на музыку Геништою:

Погасло дневное светило,
На море синее вечерний пал туман.

Пушкин был живо тронут этим оболыщением тонкого и художественного кокетства. По обыкновению, краска вспыхивала в лице его. В нем этот детский и женский признак сильной впечатлительности был несомненное выражение внутреннего смущения, радости, досады, всякого потрясающего ощущения. (...)

П. А. Вяземский. Мицкевич о Пушкине.

16

(...) Возвращайтесь к нам. Московский воздух легче. Великий русский поэт должен писать или в степях, или под сенью Кремля, а творец «Бориса Годунова» принадлежит стольному граду царей.— Кто она, та мать, зачавшая человека, чей гений—вся сила, все изящество, вся непринужденность; кто—то дикарем, то европейцем, то Шекспиром и Байроном, то Ариосто, Анакреоном, но всегда Русским—переходит от лирического к драматическому, от песен нежных, любовных, простых, порой суровых, романтических или извительных, к важному и безыскусственному тону строгой истории?

До свидания—надеюсь, скорого.

З. А. Волконская—Пушкину.
Москва. 29 октября 1826.

17

Спешу, княгиня, послать вам поясы. Вы видите, что мне представляется прекрасный случай написать вам мадригал по поводу пояса Венеры и т. п.—но мадригал и чувство сделались одинаково смешны. Что сказать вам о моем путешествии? оно продолжается при самых счастливых предзнаменованиях, за исключением отвратительной дороги и несносных ямщиков. Толчки, удары локтями и проч. очень беспокоят двух моих спутников,—я прошу у них извинения за вольность обращения, но когда приходится путешествовать совместно, необходимо кое-что прощать друг другу. С. П.*—мой добрый ангел, но *другая*—мой демон; это как нельзя более некстати смущает меня в моих поэтических и любовных размышлениях.

Прощайте, княгиня,—еду похоронить себя среди моих соседей. Молитесь богу за упокой моей души. Если вы удостоите прислать мне в Опочку небольшое письмо страницы в 4,—это будет с вашей стороны очень милым кокетством.—Вы, умеющая смастерить

* Это, само собою разумеется, не Сергей Пушкин. (Прим. Пушкина.)

записочку лучше, чем покойная моя тетушка,—неужели же вы не проявите такой доброты? (NB: записка впредь будет синонимом *музыки*). Итак, прощайте. Я у ваших ног и трясу вам руку на английский манер, поскольку вы ни за что не хотите, чтобы я вам ее целовал.

Торжок, 3 ноября.

Достаточно ли обиняков? Ради бога не давайте ключа к ним вашему супругу. Решительно восстаю против этого. (фр.)

Пушкин—В. Ф. Вяземской.
3 ноября 1826. Из Торжка в Москву.

18

Вот я в деревне. Доехал благополучно без всяких замечательных пассажей; самый неприятный анекдот было то, что сломались у меня колеса, растрясенные в Москве другом и благоприятелем моим г. Соболевским. Деревня мне прищла как-то по сердцу. Есть какое-то поэтическое наслаждение возвратиться вольным в покинутую тюрьму. Ты знаешь, что я не корчу чувствительность, но встреча моей дворни, хамов и моей няни—ей-богу приятнее щекотит сердце, чем слава, наслаждения самолюбия, рассеянности и пр. Няня моя уморительна. Вообрази, что 70-ти лет она выучила наизусть новую молитву о *умилении сердца владыки и укрощении духа его свирепости*, молитвы, вероятно, сочиненной при царе Иване. Теперь у ней попы дерут молебен и мешают мне заниматься делом. Получила ли княгиня поясы и письмо мое из Торжка? Долго здесь не останусь, в Петербург не поеду; буду у вас к 1-му... она велела! Мильер мой, Москва оставила во мне неприятное впечатление, но всё-таки лучше с вами видеться—чем переписываться. К тому же журнал... (...)

Пушкин—П. А. Вяземскому.
9 ноября 1826. Из Михайловского в Москву.

19

В конце 1826 года я часто видался с одним дерптским студентом (ныне он гусарский офицер и променял свои немецкие книги, свое пиво, свои молодые поединки на гнедую лошадь и на польские грязи). Он много знал, чему научаются в университетах, между тем как мы с вами выучились танцевать. Разговор его был прост и важен. Он имел обо всем затверженное понятие, в ожидании собственной проверки. Его занимали такие предметы, о которых я и не помышлял. Однажды, играя со мною в шахматы и дав конем мат моему королю и королеве, он мне сказал при том: Cholera-morbus * подошла к нашим границам и через пять лет будет у нас.

О холере имел я довольно темное понятие, хотя в 1822 году старая молдаванская княгиня, набеленная и нарумяненная, умерла при мне в этой болезни. Я стал его расспрашивать. Студент объяснил мне, что холера есть поветрие, что в Индии она поразила не только людей, но и животных и самые растения, что она желтой полосой стелется вверх по течению рек, что, по мнению некоторых, она зарождается от гнилых плодов и прочее — всё, чему после мы успели наслышаться.

Таким образом, в дальнем уезде Псковской губернии молодой студент и ваш покорнейший слуга, вероятно одни во всей России, беседовали о бедствии, которое через пять лет сделалось мыслию всей Европы. {...}

А. С. Пушкин. Холера. 1831 (?).

20

Милостивый государь Александр Сергеевич!

При отъезде моем из Москвы, не имея времени лично с вами переговорить, обратился я к вам письменно с объявлением высочайшего соизволения, дабы вы, в случае каких-либо новых литературных произ-

* Холера (лат.)

ведений ваших, до напечатания или распространения оных в рукописях, представляли бы предварительно о рассмотрении оных, или через посредство мое, или даже и прямо, его императорскому величеству.

Не имея от вас извещения о получении сего моего отзыва, я должен однакоже заключить, что оный к вам дошел; ибо вы сообщали о содержании одного некоторым особам.

Ныне доходят до меня сведения, что вы изволили читать в некоторых обществах сочиненную вами вновь трагедию.

Сие меня побуждает вас покорнейше просить об уведомлении меня, справедливо ли таковое известие, или нет. Я уверен, впрочем, что вы слишком благомыслящи, чтобы не чувствовать в полной мере столь великодушного к вам монаршего снисхождения и не стремиться учинить себя достойным одного.

С совершенным почтением имею честь быть
ваш покорный слуга А. Бенкендорф.

А. Х. Бенкендорф — Пушкину.
22 ноября 1826. Петербург.

21

Будучи совершенно чужд ходу деловых бумаг, я не знал, должно ли мне было отвечать на письмо, которое удостоился получить от Вашего превосходительства и которым был я тронут до глубины сердца. Конечно, никто живее меня не чувствует милость и великодушные государя императора, так же как снисходительную благосклонность Вашего превосходительства.

Так как я действительно в Москве читал свою трагедию некоторым особам (конечно, не из послушания, но только потому, что худо понял высочайшую волю государя), то поставляю за долг препроводить ее Вашему превосходительству, в том самом виде, как она была мною читана, дабы Вы сами изволили видеть дух, в котором она сочинена; я не осмелился прежде сего представить ее глазам императора, намереваясь сперва выбросить некоторые непристойные выражения. Так как другого списка у меня не находится, то приемлю смелость просить Ваше превосходительство оный мне возвратить.

Мне было совестно беспокоить ничтожными литературными занятиями моими человека государственного, среди огромных его забот; я роздал несколько мелких моих сочинений в разные журналы и альманахи по просьбе издателей; прошу от Вашего превосходительства разрешения сей неумышленной вины, если не успею остановить их в цензуре.

С глубочайшим чувством уважения, благодарности и преданности, честь имею быть,

милостивый государь,
Вашего превосходительства
всепокорнейший слуга
Александр Пушкин.

Псков. 1826 г. Ноября 29.

*Пушкин — А. Х. Бенкендорфу.
29 ноября 1826 г. Из Пскова в Петербург.*

22

Милый и почтенный, ради бога, как можно скорее остановите в московской цензуре всё, что носит мое имя, — *такова воля высшего начальства*; покамест не могу участвовать и в вашем журнале — но всё перемелется и будет мука, а нам хлеб да соль. Некогда пояснять; до свидания скорого. Жалею, что договор наш не состоялся.

*Пушкин — М. П. Погодину.
29 ноября 1826. Из Пскова в Москву.*

23

Вот в чем дело: освобожденный от цензуры, я должен, однако ж, прежде чем что-нибудь напечатать, представить оное выше; хотя бы безделицу. Мне уже (очень мило, очень учтиво) вымыли голову. Конечно, я в точности исполню высшую волю и для того писал Погодину дать знать в цензуру, чтоб моего ничего нигде не пропускали. Из этого вижу для себя большую пользу: освобождение от альманашиков, журнальчиков и прочих щепетильных литературчиков. С Погодиным уговоримся снова.

Перешли письмо Зубкову, без задержания малейшего. Твои догадки — гадки; виды мои гладки. На днях буду у вас, покамест сижу или лежу во Пскове. Мне пишут, что ты болен: чем ты объелся? Остановлюсь у тебя.

*Пушкин — С. А. Соболевскому.
1 декабря 1826. Из Пскова в Москву.*

24

Дорогой Зубков, ты не получил письма от меня, — и вот этому объяснение: я хотел сам явиться к вам, как бомба, 1 дек., т. е. сегодня, и потому выехал 5—6 дней тому назад из моей проклятой деревушки на *перекладной*, из-за отвратительных дорог. Псковские *ямщики* не нашли ничего лучшего, как опрокинуть меня; у меня помят бок, болит грудь, и я не могу дышать; от бешенства я играю и проигрываю. Довольно об этом; жду, чтобы мне стало хоть немного лучше, дабы пуститься дальше на почтовых.

Оба твои письма прелестны: мой приезд был бы лучшим ответом на размышления, возражения и т. д. Но раз уж я застрял в псковском трактире вместо того, чтобы быть у ног Софи, — поболтаем, т. е. поразмыслим.

Мне 27 лет, дорогой друг. Пора жить, т. е. познать счастье. Ты говоришь мне, что оно не может быть вечным: хороша новость! Не личное мое счастье заботит меня, могу ли я возле нее не быть счастливейшим из людей, — но я содрогаюсь при мысли о судьбе, которая, может быть, ее ожидает — содрогаюсь при мысли, что не смогу сделать ее столь счастливой, как мне хотелось бы. Жизнь моя, доселе такая кочующая, такая бурная, характер мой — неровный, ревнивый, подозрительный, резкий и слабый одновременно — вот что иногда наводит на меня тягостные раздумья. — Следует ли мне связать с судьбой столь печальной, с таким несчастным характером — судьбу существа, такого нежного, такого прекрасного?.. Бог мой, как она хороша! и как смешно было мое

* Слова, заключенные между звездочками, в письме по-русски.

поведение с ней! Дорогой друг, постарайся изгладить дурное впечатление, которое оно могло на нее произвести,— скажи ей, что я благоразумнее, чем выгляжу, а доказательство тому — *что тебе в голову придет*. (...) Если она находит, что Панин прав, она должна считать, что я сумасшедший, не правда ли? — объясни же ей, что прав я, что, увидав ее хоть раз, уже нельзя колебаться, что у меня не может быть притязаний увлечь ее, что я, следовательно, прекрасно сделал, пойдя прямо к развязке, что, раз полюбив ее, невозможно любить ее еще больше, как невозможно с течением времени найти ее еще более прекрасной, потому что прекраснее быть невозможно... (...) (фр.)

Пушкин — В. П. Зубкову.
1 декабря 1826. Из Пскова в Москву.

25

ЗИМНЯЯ ДОРОГА

Сквозь волнистые туманы
Пробирается луна,
На печальные поляны
Льет печально свет она.

По дороге зимней, скучной
Тройка борзая бежит,
Колокольчик однозвучный
Утомительно гремит.

Что-то слышится родное
В долгих песнях ямщика:
То разгулье удалое,
То сердечная тоска...

Ни огня, ни черной хаты,
Глушь и снег... Навстречу мне
Только версты полосаты
Попадают одна...

Скучно, грустно... Завтра, Нина,
Завтра, к милой возвратясь,
Я забудусь у камина,
Загляжусь не наглядясь.

Звучно стрелка часовая
 Мерный круг свой совершит,
 И, докучных удаляя,
 Полночь нас не разлучит.

Грустно, Нина: путь мой скучен,
 Дремля смолкнул мой ямщик,
 Колокольчик однозвучен,
 Отуманен лунный лик.

1826

А. С. Пушкин

26

Милостивый государь, Александр Сергеевич!

Получив письмо ваше, вместе с препровожденною при оном драматическою пиесою, я поспешаю вас о том известить, с присовокуплением, что я оную представлю его императорскому величеству и дам вам знать о воспоследовать имеющем высочайшем отзыве.

Между тем прошу вас сообщать мне на сей же предмет все и мелкие труды блистательного вашего пера.

Примите уверения отличного моего уважения и совершенной преданности.

А. Бенкендорф.

А. Х. Бенкендорф — Пушкину.
 9 декабря 1826 г. Петербург.

27

Я очарован письмом Пушкина, и мне очень любопытно прочесть его сочинение; велите сделать выдержку кому-нибудь верному, чтобы она не распространилась (фр.)

Николай I — А. Х. Бенкендорфу.
 Декабрь 1826.

28

ЗАМЕЧАНИЕ НА КОМЕДИЮ О ЦАРЕ БОРИСЕ
И О ГРИШКЕ ОТРЕПЬЕВЕ

По названию комедии, данному пьесе, не должно думать, что это комедия в таком роде, как называются драматические произведения, изображающие странности общества и характеров. Пушкин хотел подражать даже в заглавии старине. В начале русского театра, в 1705 году комедией называлось какое-нибудь происшествие, историческое или выдуманное, представленное в разговоре. В списке таковых комедий, находившихся в посольском приказе 1709 года, мы находим заглавия: комедия о Франталасе, царе эфирском, и о Мирандоле, сыне его, и о прочих; комедия о честном изменнике, в ней же первая персона Арцух (то есть герцог) Фридерик фон-Поплей, комедия о крепости Грубетова, в ней же первая персона Александр, царь македонский, и тому подобное. В подражание сим названиям Пушкин назвал свое сочинение Комедия о царе Борисе и о Гришке Отрепьеве. В сей пьесе нет ничего целого: это сделанные сцены, или, лучше сказать, отрывки из X и XI тома Истории государства российского, сочинения Карамзина, переделанные в разговоры и сцены. Характеры, происшествия, мнения, все основано на сочинении Карамзина, все оттуда позаимствовано. Автору комедии принадлежит только рассказ, расположение действия на сцены.

Почти каждая пьеса составлена из событий, упомянутых в истории, исключая сцены самозванца в корчме на литовской границе, сцены юродивого и свидания самозванца с Мариною Мнишек в саду, где он ей признается, что он Отрепьев, а не царевич.

Цель пьесы—показать исторические события в естественном виде, в нравах своего века.

Дух целого сочинения монархический, ибо нигде не введены мечты о свободе, как в других сочинениях сего автора, и только одно место предосудительно в политическом отношении: народ привязывается к самозванцу именно потому, что почитает его отраслью древнего царского рода. Некоторые болтре

увлекаются честолюбием — но так говорит история. Имена почти все исторические.

Литературное достоинство гораздо ниже, нежели мы ожидали. Это не есть подражание Шекспиру, Гете, Шиллеру, ибо у сих поэтов в сочинениях, составленных из разных эпох, всегда находится связь и целое в пьесах. У Пушкина это разговоры, припоминающие разговоры Вальтер Скотта. Кажется, будто это состав вырванных листов из романа Вальтер Скотта. Для русских это будет чрезвычайно интересно по новости рода и по отечественным событиям; для иностранцев все это потеряно. Некоторые сцены, как, например, первая на рубеже России, сцена, когда монах Пимен пишет историю, а молодой инок Гришка Отрепьев спит в келье, сцена Гришки Отрепьева в корчме на литовской границе и еще некоторые места истинно занимательны и народны; но в целом составе нет ничего такого, которое бы показывало сильные порывы чувства или пламенное пиитическое воображение. Все — подражание, от первой сцены до последней. Прекрасных стихов и тирад весьма мало.

Некоторые места должно непременно исключить. Говоря сие, должно заметить, что человек с малейшим вкусом и тактом не осмелился бы никогда представить публике выражения, которые нельзя произносить ни в одном благопристойном трактире, например слова Мержерета. См. № 1.

В сцене юродивого № 2 слова: не надобно бы молиться за царя Ирода, хотя не подлежат никаким толкам и применениям, но так говорят раскольники, и называют Иродом каждого, кого им заблагорассудится, кто бреет бороду, и т. п.

№ 3. Сия тирада произведет неприятное впечатление. У нас еще не привыкли, чтобы каждый герой романа говорил своим языком без возражения вслед за его умствованием. Предоставлять каждому читателю возражать самому — еще у нас не принято, да и публика наша для сего не созрела.

№ 4. Здесь представлено, что народ с воплем и слезами просит Бориса принять царский венец (как сказано у Карамзина), а между тем изображено: что люди плачут, сами не знают о чем, а другие вовсе не могут проливать слез и хотят луком натирать глаза! «О чем мы плачем?» — говорит один. «А как нам

знать, то ведают бояре, не нам чета!» — отвечает другой. Затрудняюсь в изложении моего мнения насчет сей сцены. Прилично ли так толковать народные чувства?

№ 5. Сцену в корчме можно бы смягчить: монахи слишком представлены в развратном виде. Пословица: вольному воля, спасенному рай, переделана: вольному воля, а пьяному рай. Хотя эти монахи и бежали из монастыря и хотя это обстоятельство находится у Карамзина, но, кажется, самый разврат и попойка должны быть облагорожены в поэзии, особенно в отношении к званию монахов.

№ 6. Решительно должно выкинуть весь монолог. Во-первых, царская власть представлена в ужасном виде; во-вторых, явно говорится, что кто только будет обещать свободу крестьянам, тот взбунтует их. В Юрьев день можно было, до царствования Бориса Годунова, переходить с места на место.

За сими исключениями и поправками, кажется, нет никакого препятствия к напечатанию пьесы. Разумеется, что играть ее невозможно и не должно; ибо у нас не видывали патриарха и монахов на сцене. До 1818 года, в повестях, песнях и романах выводили в действие монахов и даже не всегда в блестящих цветах. Во время мистицизма и влияния духовенства на литературу даже имена монахов и священников запрещалось строго упоминать; нельзя было сказать: «отец мой!» — По падении мистицизма и уничтожении монашеского влияния показали две пьесы, где монахи выведены в действие: Чернец, поэма сочин. Козлова, и Русалка — Пушкина. Обе пьесы подвергались гонению духовенства и на них были приносимы жалобы министру просвещения. Но в публике это не производит ни малейшего впечатления и у нас есть народные, напечатанные песни, в коих даже монахи представлены в самом развратном виде. Характеристическая черта русского народа есть то, что он привержен к вере и обрядам церковным, но вовсе не уважает духовного звания, как тогда только, когда оно в полном облачении. Все сказки, все анекдоты не обойдутся без попа, — представленного всегда в дурном виде. И так, кажется, что введение патриарха и монахов в сочинение Пушкина не произведет никакого дурного впечатления в публике, исключая партии, приверженной к системе мистицизма. Впрочем,

это зависит совершенно от того, как угодно будет смотреть на сей предмет: у Карамзина все это описано вдесятеро сильнее — и он говорит даже, что в то время Россия была наполнена беглыми монахами, которые, скитаясь по обителям, делали большие соблазны и даже злодеяния. Здесь только в одной сцене представлены они в попойке.

В. Ф. Булгарин (?)

29

Во всяком случае это сочинение не годится для представления на сцене, но с немногими изменениями можно напечатать; если Ваше Величество прикажете, я его ему верну и сообщу замечания, помеченные в выписке, и предупрежу его, чтобы сохранил у себя копию, и чтобы он знал, что он должен быть настороже.

Вследствие разговора, который у меня был, по приказанию Вашего Величества, с Пушкиным, он мне только что прислал свои заметки на общественное воспитание, которые при сем прилагаю. Заметки человека возвращающегося к здравому смыслу (*фр.*)

*А. Х. Бенкендорф — Николаю I.
Декабрь 1826.*

Приписка его величества:
«Посмотрю, что это такое».

30

А. С. Пушкин

О НАРОДНОМ ВОСПИТАНИИ

Последние происшествия обнаружили много печальных истин. Недостаток просвещения и нравственности вовлек многих молодых людей в преступные заблуждения. Политические изменения, вынужденные у других народов силою обстоятельств и долговременным приготовлением, вдруг сделались у нас предметом замыслов и злонамеренных усилий. Лет 15 тому

назад молодые люди занимались только военной службою, старались отличиться одною светскою образованностию или шалостями; литература (в то время столь свободная) не имела никакого направления; воспитание ни в чем не отклонялось от первоначальных начертаний. 10 лет спустя мы увидели либеральные идеи необходимой вывеской хорошего воспитания, разговор исключительно политический; литературу (подавленную самой своенравною цензурою), превратившуюся в рукописные пасквили на правительство и возмутительные песни; наконец, и тайные общества, заговоры, замыслы более или менее кровавые и безумные. Ясно, что походам 13 и 14 года, пребыванию наших войск во Франции и в Германии должно приписать сие влияние на дух и нравы того поколения, коего несчастные представители погибли в наших глазах; должно надеяться, что люди, разделявшие образ мыслей заговорщиков, образумились; что, с одной стороны, они увидели ничтожность своих замыслов и средств, с другой — необъятную силу правительства, основанную на силе вещей. Вероятно, братья, друзья, товарищи погибших успокоятся временем и размышлением, поймут необходимость и простят оной в душе своей. Но надлежит защитить новое, возрастающее поколение, еще не наученное никаким опытом и которое скоро явится на поприще жизни со всею пылкостию первой молодости, со всем ее восторгом и готовностию принимать всякие впечатления.

Не одно влияние чужеземного идеологизма пагубно для нашего отечества; воспитание, или, лучше сказать, отсутствие воспитания есть корень всякого зла. (...) Скажем более: одно просвещение в состоянии удержать новые безумства, новые общественные бедствия. (...)

История в первые годы учения должна быть голым хронологическим рассказом происшествий, безо всяких нравственных или политических рассуждений. К чему давать младенствующим умам направление одностороннее, всегда непрочное? Но в окончательном курсе преподавание истории (особенно новейшей) должно будет совершенно измениться. Можно будет с хладнокровием показать разницу духа народов, источника нужд и требований государственных;

не хитрить, не искажать республиканских рассуждений, не позорить убийства Кесаря, превознесенного 2000 лет, но представить Брута защитником и мстителем коренных постановлений отечества, а Кесаря честолюбивым возмутителем. Вообще не должно, чтоб республиканские идеи изумили воспитанников при вступлении в свет и имели для них прелесть новизны.
(...)

1826

31

Милостивый государь Александр Сергеевич!

Государь император с удовольствием изволил читать рассуждения Ваши о народном воспитании и поручил мне изъявить Вам высочайшую свою признательность.

Его величество при сем заметить изволил, что принятое Вами правило, будто бы просвещение и гений служат исключительным основанием совершенству, есть правило опасное для общего спокойствия, завлекшее Вас самих на край пропасти и повергшее в оную толикое число молодых людей. Нравственность, прилежное служение, усердие предпочесть должно просвещению неопытному, безнравственному и бесполезному. На сих-то началах должно быть основано благонаправленное воспитание. Впрочем, рассуждения Ваши заключают в себе много полезных истин.

А. Х. Бенкендорф — Пушкину.
23 декабря 1826. Из Петербурга в Москву.

32

СТАНСЫ

В надежде славы и добра
Гляжу вперед я без боязни:
Начало славных дней Петра
Мрачили мятежи и казни.

Но правдой он привлек сердца,
Но нравы укротил наукой,
И был от буйного стрельца
Пред ним отличен Долгорукой.

Самодержавною рукой
Он смело сеял просвещенье,
Не презирал страны родной:
Он знал ее предназначенье.

То академик, то герой,
То мореплаватель, то плотник,
Он всеобъемлющей душой
На троне вечный был работник.

Семейным сходством будь же горд;
Во всем будь пращуру подобен:
Как он, неутомим и тверд,
И памятью, как он, незлобен.

1826

А. С. Пушкин

33

Пушкин автор в Москве и всюду говорит о вашем императорском Величестве с благодарностью и глубочайшей преданностью; за ним все-таки следят внимательно (фр.)

*А. Х. Бенкендорф — Николаю I.
Конец декабря 1826.*

Приписка Николая I карандашом:

«Ответил ли он вам по поводу заметок на его трагедию?»

34

Милостивый государь Александр Сергеевич!

Я имел счастье представить государю императору комедию вашу о царе Борисе и о Гришке Отрепьеве. Его величество изволил прочесть оную с большим удовольствием и на поднесенной мною по сему предмету записке собственноручно написал следующее:

«Я считаю, что цель г. Пушкина была бы выполнена, если б с нужным очищением переделал комедию

свою в историческую повесть или роман, на подобие *Вальтера Скота*».

Уведомляя вас о сем высочайшем отзыве и возвращая при сем сочинение ваше, долгом считаю присоветовать, что места, обратившие на себя внимание его величества и требующие некоторого очищения, отмечены в самой рукописи и заключаются также в прилагаемой у сего выписке.

Мне крайне лестно и приятно служить отголоском всемилостивейшего внимания его величества к отличным дарованиям вашим.

В ожидании вашего ответа, имею честь быть с искренним почтением

Вашим покорным слугою А. Бенкендорф.

*А. Х. Бенкендорф — Пушкину.
14 декабря 1826. Из Петербурга в Псков.*

35

Милостивый государь Александр Христофорович,

С чувством глубочайшей благодарности получил я письмо Вашего превосходительства, уведомляющее меня о всемилостивейшем отзыве его величества касательно моей драматической поэмы. Согласен, что она более сбивается на исторический роман, нежели на трагедию, как государь император изволил заметить. Жалею, что я не в силах уже переделать мною однажды написанное.

В непродолжительном времени буду иметь честь, по приказанию Вашего превосходительства, переслать Вам мелкие мои стихотворения.

С чувством глубочайшего почтения, благодарности и преданности честь имею быть

Вашего превосходительства всепокорнейший слуга
3 января 1827. Александр Пушкин.
Москва.

*Пушкин — А. Х. Бенкендорфу.
3 января 1827. Из Москвы в Петербург.*

36

Декабрь. 20. К Соболевскому. Пушкин приехал в самом деле, и в журнале принимает такое же участие, как я, дает все, читал с ним корректуры, и он согласился переменить слово по моему (услан).

Декабрь. 28. В типографии. У Пушкина. Досадно, что сви́нья Соболевский сви́нствует при всех. Досадно, что Пушкин в развращенном виде пришел при Волкове. Ездил для него на почту. «Борис» пропущен. Читал афоризмы. «Здесь есть глубокие мысли»,— сказал Пушкин (...)

М. П. Погодин. Из дневника.

37

* * *

Во глубине сибирских руд
Храните гордое терпенье,
Не пропадет ваш скорбный труд
И дум высокое стремленье.

Несчастью верная сестра,
Надежда в мрачном подземелье
Разбудит бодрость и веселье,
Придет желанная пора:

Любовь и дружество до вас
Дойдут сквозь мрачные затворы,
Как в ваши каторжные норы
Доходит мой свободный глас.

Оковы тяжкие падут,
Темницы рухнут—и свобода
Вас примет радостно у входа,
И братья меч вам отдадут.

1827

А. С. Пушкин

38

Струн вещей пламенные звуки
 До слуха нашего дошли,
 К мечам рванулись наши руки,
 И — лишь оковы обрели.

Но будь покоен, бард! — цепями,
 Своей судьбой гордимся мы,
 И за затворами тюрьмы
 В душе смеемся над царями.

Наш скорбный труд не пропадет,
 Из искры возгорится пламя,
 И просвещенный наш народ
 Сберется под святое знамя.

Мечи скуем мы из цепей
 И пламя вновь зажжем свободы!
 Она нагрывает на царей,
 И радостно вздохнут народы!

1828 или нач. 1829

А. И. Одоевский

39

Здравия желаю Александру милому и поздравляю с новым годом. «Цыганы» твои пропущены цензурою дочиста и мною доставлены Бенкендорфу. Выйдут от него и будут печататься. Рылеевой я из своего долга заплатил 600 рублей. В остатке у меня осталось 1600 р., которые при появлении «Цветов» сполна заплатятся. За «19-е октября» благодарю тебя с лицейскими скотами братцами вместе. {...}

А. А. Дельвиг — Пушкину
 Первая половина января (?) 1827.
 Из Петербурга в Москву.

40

{...} По желанию твоему препровождаю к тебе все наличные деньги, остававшиеся у меня от продажи двух книг твоих. Для ясности счетов не лишним

нахожу показать тебе общие итоги прихода и расхода денег твоих.

Из поступивших в действительную продажу 2356 экз. 1 главы «Евгения Онегина» остается в лавке Сленина только 750 экз., т. е. на 3000 рублей, а прочие 1606 экз. уже проданы и за них получены деньги сполна 6977 руб.

Из 1130 экз. «Стихотворений Александра Пушкина», поступивших в действительную продажу, ни одного уже не осталось, и за них получены деньги сполна 8040 руб.

Следственно, общий приход твоих денег был 15017 руб.

После отправленных мною к тебе в Опочку 19 ноября прошлого года 1000 руб. (где приложен был и счет всех расходов) я не сделал новых издержек, кроме 38 р. 20 коп., процентных и весовых денег на почту. Сложность всех расходов, по присоединении сих денег к 9893 р. 80 коп. (тогдашнему итогу издержек), теперь простирается до 9932 руб.

Таким образом, остаточная у меня сумма твоих денег должна бы состоять из 5085 руб. Но так как от Дельвига я не получил еще данных ему в долг твоих денег 2200 рублей, то действительный остаток у меня состоит теперь только из 2885 руб., которые и отправляю к тебе. (...)

П. А. Плетнев — Пушкину.
18 января 1827. Из Петербурга в Москву.

41

Милостивый государь Александр Сергеевич!

Барон Дельвиг, которого я вовсе не имею чести знать, препроводил ко мне пять сочинений Ваших: я не могу скрыть вам крайнего моего удивления, что вы избрали посредника в сношениях со мною, основанных на высочайшем соизволении.

Я возвратил сочинения ваши г. Дельвигу и спешаю вас уведомить, что я представлял оные государю императору.

Произведения сии, из коих одно даже одобрено уже цензурою, не заключают в себе ничего противного

цензурным правилам. Позвольте мне одно только примечание: Заглавные буквы друзей в пьесе 19-е Октября не могут ли подать повода к неблагоприятным для вас собственно заключениям? — это предоставляю вашему рассуждению.

А. Х. Бенкендорф — Пушкину.
4 марта 1827. Из Петербурга в Москву.

42

Милостивый государь Александр Христофорович,

Стихотворения, доставленные бароном Дельвигом Вашему превосходительству, давно не находились у меня: они мною были отданы ему для альманаха «Северные цветы» и должны были быть напечатаны в начале нынешнего года. Вследствие высочайшей воли я остановил их напечатание и предписал барону Дельвигу прежде всего предоставить оные Вашему превосходительству.

Чувствительно благодарю Вас за доброжелательное замечание касательно пьесы: «19 октября». Непременно напишу барону Дельвигу, чтоб заглавные буквы имен — и вообще всё, что может подать повод к невыгодным для меня заключениям и толкованиям, было им исключено.

Медлительность моего ответа происходит оттого, что последнее письмо, которое удостоился я получить от Вашего превосходительства, ошибкою было адресовано во Псков.

С чувством глубочайшего почтения и сердечной преданности, честь имею быть,

милостивый государь,
Вашего превосходительства
всепокорнейший слуга
Александр Пушкин.

22 марта 1827.
Москва.

Пушкин — А. Х. Бенкендорфу.
22 марта 1827. Из Москвы в Петербург.

43

(...) О поэте Пушкине, сколько краткость времени позволила мне сделать разведания, — он принят во всех домах хорошо и, как кажется, не столько теперь занимается стихами, как карточной игрой и променял Музу на Муху, которая теперь из всех игр в большой моде.

*А. А. Волков — А. Х. Бенкендорфу.
5 марта 1827. Из Москвы в Петербург.*

ДЕЛО ОБ ЭЛЕГИИ «АНДРЕЙ ШЕНЬЕ» (№№ 44—50)

44

Генерал-адъютант Бенкендорф, сожалея, что не мог быть у вашего превосходительства по причине крайнего недостатка времени и предстоящих маневров, покорнейше просит сообщить ему по предмету препровожденных к нему стихов Пушкина следующие сведения:

1-е. Какой это Пушкин тот ли самый, который живет в Пскове, известный сочинитель вольных стихов.

Мне сказано, что тот который писал подобный стих имеет уже запрещенные (теперь в деревне у отца).

2-е. Если не тот, то кто именно, где служит и где живет.

3-е. Стихи сии самим ли Пушкиным подписаны и не подделана ли подпись под чужое имя — также этот лист, на котором они сообщены генерал-адъютанту Бенкендорфу, суть ли подлинный или копия с подлинного? где подлинник находится и через кого именно они доставлены к вашему превосходительству.

Я представил копию, которая писана рукою моего чиновника, подлинники говорят присланы из Петербурга, о чем вернее объяснит чиновник, коего буду иметь честь (одно слово неразборчиво).

Ген.-адъют.

Бенкен-

Ответы генерали Скобелева.

45

ПОКАЗАНИЕ ПО ДЕЛУ ОБ ЭЛЕГИИ
«АНДРЕЙ ШЕНЬЕ»

Сии стихи действительно сочинены мною. Они были написаны гораздо прежде последних мятежей и помещены в элегии *Андрей Шенье*, напечатанной с пропусками в собрании моих стихотворений.

Они явно относятся к Французской революции, коей А. Шенье погиб жертвою. Он говорит:

Я славил твой небесный гром,
Когда он разметал позорную твердыню.

Взятие Бастилии, воспетое Андреем Шенье.

Я слышал братский их обет,
Великодушную присягу
И самовластию бестрепетный ответ —

Присяга *du jeu de raume* *, и ответ Мирабо: *allez dire à votre maître etc***.

И пламенный трибун и проч.

Он же, Мирабо.

Уже в бессмертный Пантеон
Святых изгнанников входили славны тени.

Перенесение тел Вольтера и Руссо в Пантеон.

Мы свергнули царей...

в 1793

Убийцу с палачами
Избрали мы в цари

Робеспьера и конвент.

Все сии стихи никак, без явной бессмыслицы, не могут относиться к 14 декабря.

Не знаю, кто над ними поставил сие ошибочное заглавие.

Не помню, кому мог я передать мою элегию А. Шенье.

27 января 1827.
Москва.

Александр Пушкин.

Для большей ясности повторяю, что стихи, известные под заглавием: *14 декабря*, суть отрывок из элегии, названной мною *Андрей Шенье*.

* буквально — игра в мяч (фр.). См. примеч.

** скажите вашему господину и т. д. (фр.)

46

ПОКАЗАНИЕ ПО ДЕЛУ ОБ ЭЛЕГИИ
«АНДРЕЙ ШЕНЬЕ»

Элегия «Андрей Шенье» напечатана в собрании моих стихотворений, *вышедших из цензуры 8 окт. 1825 года*. Доказательство тому: одобрение цензуры на заглавном листе.

Цензурованная рукопись, будучи вовсе ненужною, затеряна, как и прочие рукописи мною напечатанных стихотворений.

Опять повторяю, что стихи, найденные у г. Алексева, взяты из элегии «Андрей Шенье», не пропущены цензурою и заменены точками в печатном подлиннике, после стихов

Но лира юного певца
О чем поет? поет она свободу:
Не изменилась до конца.
Приветствую тебя, мое светило etc.

Замечу, что в сем отрывке поэт говорит:

О взятии Бастилии.
О клятве du jeu de paume.
О перенесении тел славных изгнанников в Пантеон.
О победе революционных идей.
О торжественном провозглашении равенства.
Об уничтожении царей.

Что же тут общего с несчастным бунтом 14 декабря, уничтоженным тремя выстрелами картечи и взятием под стражу всех заговорщиков?

В заключение объявляю, что после моих последних объяснений мне уже ничего не остается прибавить в доказательство истины.

С.-Петербург.
1827 г. 29 июня.

10-го класса Александр Пушкин.

47

ПОКАЗАНИЕ ПО ДЕЛУ ОБ ЭЛЕГИИ
«АНДРЕЙ ШЕНЬЕ»

Господину с.-петербургскому полицмейстеру
полковнику Дешау
от 10-го класса чиновника
Александра Пушкина

Объяснение.

На требование суда узнать от меня: «каким образом случилось, что отрывок из Андрея Шенье, будучи не пропущен цензурою, стал переходить из рук в руки *во всем пространстве*», отвечаю: стихотворение мое Андрей Шенье было всем известно *вполне* гораздо прежде его напечатания, потому что я не думал делать из него тайну.

24 ноября 1827.
С.-Петербург.

Александр Пушкин.

48

ВЫПИСКА ИЗ ДОКЛАДА ПРАВИТЕЛЬСТВУЮЩЕГО СЕНАТА

Леопольдов предан был суду по высочайшему повелению за найденные у него между прочими бумагами возмутительные стихи сочинения коллежского секретаря Александра Пушкина и сделание на них надписи, что они на 14 декабря 1825 года.

Пушкин отвечал: что стихи сии были написаны им гораздо прежде происшествия 14 декабря и помещены в элегии Андрея Шенье, напечатанной с пропусками, с дозволения цензуры, 8 октября 1825 года; что цензурованная рукопись, будучи вовсе ненужною, затеряна, как и прочие рукописи из напечатанных стихотворений; что оные стихи явно относятся к французской революции, в коей Шенье погиб; что оные никак без явной бессмыслицы не могут относиться к 14-му декабря, что Пушкин не знает, кто над ними поставил ошибочное заглавие и не помнит,

кому он мог передать элегию А. Шенье. Далее же, изъясняя, что в сем отрывке поэт говорит о взятии Бастилии, о клятве du jeu de raume, о перенесении тел славных изгнанников в Пантеон, о победе революционных идей, о торжественном провозглашении равенства, об уничтожении царей, Пушкин заключает вопросом: что же тут общего с несчастным бунтом 14 декабря, уничтоженным тремя выстрелами картечи и взятием под стражу всех заговорщиков?

На вопрос же суда: каким образом отрывок из Андрея Шенье, будучи не пропущенным цензурою, стал переходить из рук в руки во всем пространстве? — Пушкин отвечивал, что стихотворение его было всем известно вполне, гораздо прежде еще напечатания потому, что он не думал делать из него тайну.

Правительствующий Сенат, соображая дух сего творения с тем временем, в которое выпущено оно в публику, признал сочинение сие соблазнительным к распространению в неблагонамеренных людях того пагубного духа, который правительство обнаружило во всем его пространстве, и заключил, что, хотя сочинителя Пушкина за выпуск означенных стихов в публику, прежде дозволения цензуры, надлежало бы подвергнуть ответу перед судом, но как сие учинено им до составления всемилостивейшего манифеста 22-го августа 1826 года, то по силе 1-го пункта онаго, избавя Пушкина от суда и следствия обязать его подпискою, дабы впредь никаких своих творений без рассмотрения и пропуска цензуры не осмеливался выпустать в публику, под опасением строгого по законам взыскания.

Милостивый государь мой Василий Романович!

В высочайшем повелении, заготовленном Государственной канцелярией по делу о кандидате 10 класса Леопольдове, включены все суждения, в Государственном Совете бывшие и в журналах онога помещенные. — Между прочим, заключаются в сей бумаге

следующие два обстоятельства: а) что чиновник 14 класса Коноплев употреблен был по секретной части б) что Государственный Совет положил иметь за сочинителем Пушкиным секретный надзор.

Не считая приличным упоминать о сем в высочайшем повелении, которое по заведенному порядку не только будет гласно в правительствующем Сенате, но и передано из оногo будет для исполнения в уголовную палату, — я полагаю не вносить в сию бумагу означенных двух предметов; а касательно Пушкина сообщить высочайше утвержденное положение Государственного Совета отдельно г. главнокомандующему в С.-Петербурге и Кронштадте, приложив выписку из дела о том, что до Пушкина относится.

*Председатель Государственного
Совета граф В. П. Кочубей — ис-
правляющему должность Госу-
дарственного секретаря В. Р. Мар-
ченко.*

13 августа 1828 г.

50

Секретно

Милостивый государь мой, Павел Васильевич!

Г. Председатель Государственного Совета сообщил мне, в отношении от 13 сего августа под № 500, высочайше утвержденное положение Правительствующего Сената, обязать подписью известного стихотворца Пушкина, замешанного в уголовное дело о кандидате Леопольдове, дабы, впредь, он никаких сочинений без рассмотрения и пропуска оных цензурою не осмеливался выпускать в публику, под опасением строгого по законам взыскания. К сему граф Кочубей присовокупил, что Государственный Совет, рассмотрев сие дело, признал нужным, чтобы по неприличному выражению Пушкина в ответах на счет происшествия 14 декабря 1825 года, и по духу сочинения его, напечатанного в октябре того года, поручено было иметь за Пушкиным в месте его жительства секретный надзор, и что сие положение Государ-

ственного Совета также удостоено высочайшего утверждения.

Уведомляя о сем Ваше высокопревосходительство, для исполнения выше прописанных высочайше утвержденных положений и прилагая при сем список упомянутого отношения ко мне графа Кочубея и копию приложенной к оному выписки из доклада Правительствующего Сената о кандидате Леопольдове, имею честь быть с совершенным почтением и истинною преданностью

Вашего высокопревосходительства
покорнейший слуга граф Толстой.

*П. А. Толстой — П. В. Голенищеву-Кутузову.
17 августа 1828.*

51

М. П. Погодин

ИЗ ДНЕВНИКА

1827. Апрель. 4. Утро у Пушкина. Читал «Северные цветы» и проч. Нам надо ошеломить их чем-нибудь капитальным. <...>

8. <...> На гулянье соскучился. Видел Пушкина.

22. <...> К Пушкину. Толковали о правдоподобии в драме. Пол(евои?) нес аллилуию нагло. Пушкин получил при мне письмо от Туманского, в котором тот пишет о восхищении Одессы «Московским вестником» и проч. <...>

52

<...> Сделай милость, любезный Пушкин, не забывай, что тебе на Руси предназначено играть ролю Вольтера (разумеется, в отношении к истинному просвещению). Твои связи, народность твоей славы, твоя голова, поселение твое в Москве — средоточии России, — все дает тебе лестную возможность действовать на умы с успехом, гораздо обширнейшим против прочих литераторов. С высоты твоего положения должен ты все наблюдать, за всеми надсмат-

ривать, сбивать головы похищенным репутациям и выводить в люди скромные таланты, которые за тебя же будут держаться. <...>

*В. И. Туманский — Пушкину.
12 апреля 1827. Из Одессы в Москву.*

53

II

Как грустно мне твоё явленье,
Весна, весна! пора любви!
Какое томное волненье
В моей душе, в моей крови!
С каким тяжёлым умилением
Я наслаждаюсь дуновеньем
В лицо мне веющей весны
На лоне сельской тишины!
Или мне чуждо наслажденье,
И всё, что радует, живит,
Всё, что ликует и блестит,
Наводит скуку и томленье
На душу мертвую давно,
И всё ей кажется темно?

III

Или, не радуясь возврату
Погибших осенью листов,
Мы помним горькую утрату,
Внимая новый шум лесов;
Или с природой оживленной
Сближаем думою смущенной
Мы увяданье наших лет,
Которым возрожденья нет?
Быть может, в мысли нам приходит
Средь поэтического сна
Иная, старая весна
И в трепет сердце нам приводит
Мечтой о дальней стороне,
О чудной ночи, о луне...

«Евгений Онегин». Глава 7.

54

Милостивый государь Александр Христофорович,

Семейные обстоятельства требуют моего присутствия в Петербурге: приемлю смелость просить на сие разрешения у Вашего превосходительства.

С глубочайшим почтением и с душевной преданностию честь имею быть,

милостивый государь,
Вашего превосходительства
всепокорнейший слуга
Александр Пушкин.

Москва, 1827.

24 апр.

*Пушкин — А. Х. Бенкендорфу.
24 апреля 1827. Из Москвы в Петербург.*

55

Милостивый государь Александр Сергеевич!

На письмо Ваше от 24-го прошлого апреля, честь имею Вас уведомить, что я имел счастье доводить содержание оногo до сведения государя императора.

Его величество, соизволяя на прибытие Ваше в С.-Петербург, высочайше отозваться изволил, что не сомневается в том, что данное русским дворянином государю своему честное слово: вести себя благородно и пристойно, будет в полном смысле сдержано.

Мне же, с моей стороны, весьма приятно будет с Вами здесь увидеться и изустно Вас уверить в совершенном почтении, с коим пребываю

Вашим покорнейшим слугою А. Бенкендорф.

*А. Х. Бенкендорф — Пушкину. 3 мая 1827.
Из Петербурга в Москву.*

А. С. Андреев

ВСТРЕЧА С А. С. ПУШКИНЫМ

1827 года, в один из дней начала лета, я посетил бывшую тогда выставку художественных произведений на Невском проспекте против Малой Морской, в доме Таля. В это время была выставлена картина, присланная Карлом Брюлловым из Италии, известная под названием «Итальянское утро».

Уже не в первый раз я с безотчетно приятным наслаждением смотрел на эту картину. Странное чувство остановилось во мне. Казалось, я дышал каким-то дотоле не ведомым воздухом. Что-то неизъяснимо приятное окружало меня.

С таким чувством я вышел на улицу, и первые особы, мне встретившиеся, был барон Дельвиг и с ним под руку идущий, небольшого роста, смуглый и с курчавыми волосами. Я с Дельвигом поздоровался, как с хорошо знакомым, и он меня спросил, разве я не знаю его (указывая на своего товарища). Получив от меня отрицательный ответ, он сказал: «Это — Пушкин». Тогда я, от души обрадовавшись, отнесся к Александру Сергеевичу, как уже несколько знакомому, ибо часто до приезда его виделся с его матерью Надеждой Осиповной и сестрою Ольгою Сергеевною. Одежда на нем была вовсе не петербургского покроя, в особенности же картуз престранныго вида (это были первые дни его приезда из Бессарабии).

Желая быть долее с Пушкиным, я вместе с ними пошел опять на выставку. Дельвиг подвел Пушкина прямо к «Итальянскому утру». Остановившись против этой картины, он долго оставался безмолвным и, не сводя с нее глаз, сказал: «Странное дело, в нынешнее время живописцы приобрели манеру выводить из полотна предметы и в особенности фигуры; в Италии это искусство до такой степени утвердилось, что не признают того художником, кто не умеет этого делать».

И, вновь замолчав, смотрел на картину, отступил и сказал: «Хм. Кисть, как перо: для одной — глаз, для другого — ухо. В Италии дошли до того, что копии с картин столь делают похожими, что, ставя одну

оборот другой, не могут и лучшие знатоки отличить оригинала от копии. Да, это как стихи, под известный каданс можно их наделать тысячи, и все они будут хороши. Я ударил об наковальню русского языка, и вышел стих — и все начали писать хорошо».

В это время он взглянул на Дельвига, и тот с обычной своею скромностью и добродушием, потупя глаза, ответил: «Да».

57

О ПОЭМЕ «ЦЫГАНЫ»

Весело и поучительно следовать за ходом таланта, постепенно подвигающегося вперед. Таково зрелище, представляемое нам творцом поэм: *Руслан и Людмила* и ныне появившейся *Цыганы*; таков и должен быть ход истинного дарования в поре зреющего мужества. Признаки жизни в даровании тщедушном могут быть только временны и, так сказать, случайны; но в твердом есть удовлетворительное последствие в успехах. Стремление к совершенству возможному, или невозможному, если оно не доля смертного, есть принадлежность избранных на пути усовершенствования, и сие стремление должно быть непрерывно и единосуцно. В поэме *Цыганы* узнаем творца Кавказского пленника, Бахчисарайского фонтана, но видим уже мужа в чертах, некогда образовавших юношу. Видим в авторе более зрелости, более силы, свободы, развязности и, к утешению нашему, видим еще залог новых сил, сочной зрелости и полнейшего развития свободы. Ныне рассматриваемая поэма, или повесть, как хотите назвать ее, есть, без сомнения, лучшее создание Пушкина, по крайней мере, из напечатанного; потому что мы не вправе говорить о трагедии его, еще не выпущенной в свет. Поэт переносит нас на сцену новую: природа, краски, явления, встречающиеся взорам нашим, не заимствованные и возбуждают в нас чувства, не затверженные на память, но рождают ощущения новые, впечатления цельные. Неужели нет тут ни малейшего подражания? — спросит сейчас злонамеренная недоверчивость. Кажется: решительно нет; по крайней мере,

подражания уловимого, подлежащего улике. Но нам лично, хотя для того, чтобы поддержать свое мнение, нельзя впрочем не признаться, что, вероятно, не будь Байрона, не было бы и поэмы *Цыганы* в настоящем их виде. (...)

(...) не хотелось бы видеть, как Алеко по селеньям *водит с пенъем медведя*. Этот промысл, хотя и совершенно в числе принадлежностей молдаванских цыганов, не имеет в себе ничего поэтического. Понимаем, что Алеко сделался цыганом из любви к Земфире и из ненависти к обществу; но все-таки не может он с удовольствием школить несчастного медведя и наживаться его боками. Если непременно нужно свести Алеко в совершенный цыганский быт, то лучше представить ему барышничать и цыганить лошадьми. В этом ремесле, хотя и не совершенно безгрешном, все есть какое-то удалство и следственно поэзия.

(...) В заключение эпилог, в котором последний стих что-то слишком греческий для местоположения:

И от судеб защиты нет.

Подумаешь, что этот стих взят из какого-нибудь хора древней трагедии. Напрасно также, если мы пустились в щепетильные замечания, автор заставляет Земфиру умирать эпиграмматически, повторяя последние слова из песни:

Умру любя.

Во всяком случае, разве: *умираю*, а то при последнем издыхании и некогда было бы ей разлюбить. Еще не хотелось бы видеть в поэме один вялый стих, который, Бог знает как, в нее вошел. После погребения двух несчастных жертв, Алеко

Медленно склонился
И с камня на траву свалился. (...)

...Пушкин совершил многое; но совершить может еще более. Он должен чувствовать, и мы в этом убеждены за него. Он, конечно, далеко за собою оставил берега и сверстников своих; но все еще предстоят ему новые испытания сил своих; он может еще плыть далее в глуть и полноводие.

Московский телеграф, 1827, ч. 15, № 10.

58

О «Цыганах» одна дама заметила, что во всей поэме один только честный человек, и то медведь. Покойный Рылеев негодовал, зачем Алеко водит медведя и еще собирает деньги с глазающей публики. Вяземский повторил то же замечание. (Рылеев просил меня сделать из Алеко хоть кузнеца, что было бы не в пример благороднее). Всего бы лучше сделать из него чиновника 8 класса или помещика, а не цыгана. В таком случае, правда, не было бы и всей поэмы, *ma tanto meglio* *.

А. С. Пушкин. Опровержение на критики. 1830.

59

ТРИ КЛЮЧА

В степи мирской, печальной и безбрежной,
Таинственно пробились три ключа:
Ключ юности, ключ быстрый и мятежный,
Кипит, бежит, сверкая и журча.
Кастальский ключ волною вдохновенья
В степи мирской изгнанников поит.
Последний ключ — холодный ключ забвенья,
Он слаще всех жар сердца утолит.

1827

А. С. Пушкин

60

АРИОН

Нас было много на челне;
Иные парус напрягали,
Другие дружно упирали
В глубь мощны веслы. В тишине
На руль склонясь, наш кормщик умный
В молчанье правил грузный челн;

* но тем лучше (*итал.*).

А я — беспечной веры полн, —
 Пловцам я пел... Вдруг лоно волн
 Измял с налету вихорь шумный...
 Погиб и кормщик и пловец! —
 Лишь я, таинственный певец,
 На берег выброшен грозою,
 Я гимны прежние пою
 И ризу влажную мою
 Сушу на солнце под скалою.

1827

А. С. Пушкин

61

Милостивый государь Александр Христофорович,

Честь имею препроводить на рассмотрение Вашего превосходительства новые мои стихотворения. Если Вы соблагovolите снабдить меня свидетельством для цензуры, то, вследствие Вашего снисходительного позволения, осмеливаюсь просить Вас о доставлении всех сих бумаг издателю моих сочинений, надворному советнику Петру Александровичу Плетневу.

Препровождая при сем записку о деле моем с г. Ольдекопом, с глубочайшим почтением и преданностию имею честь быть,

милостивый государь,

Вашего превосходительства

покорнейшим слугою

Александр Пушкин.

С.-Петербург.

20 июля 1827.

62

Милостивый государь, Александр Сергеевич!

На письмо ваше о перепечатании г. Ольдекопом «Кавказского Пленника» вместе с немецким переводом мне не остается ничего другого вам ответить, как то, что родителю вашему объявлено было теми местами, от которых это зависело.

Перепечатание ваших стихов, вместе с переводом, вероятно последовало с позволения цензуры, которая на то имеет свои правила. Впрочем, даже и там, где

находятся положительные законы насчет перепечатания книг, не возбраняется издавать переводы вместе с подлинниками.

А. Х. Бенкендорф — Пушкину.
22 августа 1827 г. Петербург.

63

Милостивый государь, Александр Сергеевич!

Представленные вами новые стихотворения ваши государь император изволил прочесть с особенным вниманием. Возвращая вам оные, я имею обязанность изъяснить следующее заключение.

1) *Ангел*, к напечатанию дозволяется;

2) *Стансы*, а равно 3) и Третья глава *Евгения Онегина* тоже.

4) *Графа Нулина* государь император изволил прочесть с большим удовольствием и отметить своею ручною два места, кои его величество желает видеть измененными; а именно следующие два стиха:

«Порою с барином шалит», и
«Коснуться хочет одеяла»,

впрочем прелестная пиеса сия позволяется напечатать.

5) *Фауст и Мефистофель* позволено напечатать, за исключением следующего места:

«Да модная болезнь: она
Недавно вам подарена.»

6) *Песни о Стеньке Разине*, при всем поэтическом своем достоинстве, по содержанию своему не приличны к напечатанию. Сверх того церковь проклинает Разина, равно как и Пугачева. {...}

А. Х. Бенкендорф — Пушкину.
22 августа 1827 г. Петербург.

Милостивый государь мой
Александр Христофорович.

Надворный советник Плетнев представил в рукописи в типографию Департамента народного просвещения для напечатания сочинение Александра Пушкина «Евгений Онегин», роман в стихах глава третья.

Как на сей рукописи не было одобрительной подписи цензурного комитета, то типография не приняла оную для напечатания.

После сего г. Плетнев доставил в типографию официальное письмо вашего превосходительства к г. Пушкину от 22-го августа сего года за № 1937, в коем сказано, что представленные от г. Пушкина новые его стихотворения государь император изволил прочесть с особенным вниманием; почему ваше превосходительство возвращая оные изъяснили, какие дозволяется напечатать и какие нет. В числе дозволенных к напечатанию находится и третья глава романа Евгений Онегин.

Вместе с сим г. Плетнев представил записку, к нему от 27-го августа за № 2006-м в третьем лице от г. действительного статского советника фон-Фока, кою уведомляет его, что на известных ему г. Плетневу стихотворениях Александра Пушкина можно напечатать: «с дозволения правительства».

Поелику же на самой рукописи романа Евгений Онегин никакой надписи не сделано, кроме того только, что на первой странице карандашом написано: «позволено», то типография, не имея права, на основании устава о цензуре, принять оную к напечатанию, испрашивает на то моего разрешения.

Вследствие сего препровождая при сем рукопись, представленную г. Плетневым, покорнейше прошу ваше превосходительство, при возвращении оной, почтить меня уведомлением, какие именно сочинения г. Пушкина государь император высочайше дозволил напечатать? С сим вместе не угодно ли будет вам, милостивый государь мой, приказать кому следует, дабы в канцелярии вашей манускрипт сего сочинения скреплен был по листам.

А. С. Шишков — А. Х. Бенкендорфу.
7 сентября 1827.

65

Милостивый государь Александр Семенович.

Возвращая при сем скрепленную надлежащим образом в Ш-м Отделении собственной его императорского величества канцелярии 3 главу романа Евгения Онегина, препровожденную ко мне при почтеннейшем отношении вашего превосходительства от 7-го сего сентября под № 5067, имею честь уведомить вас, милостивый государь, что следующие стихотворения Александра Сергеевича Пушкина высочайше одобрены к напечатанию:

1-е, под заглавием Ангела.

2-е, Стансы.

3-е, Третья глава Евгения Онегина.

4-е, Граф Нулин, с переменою следующих двух стихов:

*«Порою с барином шалит»,
«Коснуться хочет одеяла».*

5-е, Фауст и Мефистофель, с исключением двух стихов:

*«Да модная болезнь: она
Недавно нам подарена».*

Подтверждая упомянутую в отношении вашем, милостивый государь, записку г. действительного статского советника фон-Фока к г. Плетневу, что на сих сочинениях можно напечатать: «с дозволения правительства», пребываю с совершенным почтением и истинною преданностью (...)

А. Х. Бенкендорф — А. С. Шишкову.
10 сентября 1827.

66

КИПРЕНСКОМУ

Любимец моды легкокрылой,
Хоть не британец, не француз,
Ты вновь создал, волшебник милый,
Меня, питомца чистых муз,—

И я смеюся над могилой,
Ушед навек от смертных уз.

Себя как в зеркале я вижу,
Но это зеркало мне льстит:
Оно гласит, что не унижу
Пристрастья важных аонид.
Так Риму, Дрездену, Парижу
Известен впредь мой будет вид.

1827

А. С. Пушкин

67

ПОЭТ

Пока не требует поэта
К священной жертве Аполлон,
В заботах суетного света
Он малодушно погружен;
Молчит его святая лира;
Душа вкушает хладный сон,
И меж детей ничтожных мира,
Быть может, всех ничтожней он.

Но лишь божественный глагол
До слуха чуткого коснется,
Душа поэта встрепенется,
Как пробудившийся орел.
Тоскует он в забавах мира,
Людской чуждается молвы,
К ногам народного кумира
Не клонит гордой головы;
Бежит он, дикий и суровый,
И звуков и смятенья полн,
На берега пустынных волн,
В широкошумные дубровы...

1827

А. С. Пушкин

Ал. Н. Вульф

ИЗ ДНЕВНИКА

16 сентября (1827). Вчера обедал я у Пушкина в селе его матери, недавно бывшем еще месте его ссылки, куда он недавно приехал из Петербурга с намерением отдохнуть от рассеянной жизни столиц и чтобы писать на свободе (другие уверяют, что он приехал оттого, что проигрался).

По шаткому крыльцу взошел я в ветхую хижину первенствующего поэта русского. В молдаванской красной шапочке и халате увидел я его за рабочим столом, на коем были разбросаны все принадлежности уборного столика поклонника моды; дружно также на нем лежали *Монтескье с «Сельским чтением»* и *«Журналом Петра I»*, виден был также *Альфьери*, ежемесячники *Карамзина* и изъяснение снов, скрывшееся в полдюжине альманахов; наконец, две тетради в черном сафьяне остановили мое внимание на себе: мрачная их наружность заставила меня ожидать что-нибудь таинственного, заключенного в них, особливо когда на большей из них я заметил полустертый масонский треугольник. Естественно, что я думал видеть летописи какой-нибудь логи; но Пушкин, заметив внимание мое к этой книге, окончил все мои предположения, сказав мне, что она была счетною книгой такого общества, а теперь пишет он в ней стихи; в другой же книге показал он мне только что написанные первые две главы романа в прозе, где главное лицо представляет его прадед Ганнибал, сын Абиссинского эмира, похищенный турками, а из Константинополя русским посланником присланный в подарок Петру I, который его сам воспитывал и очень любил. Главная завязка этого романа будет — как Пушкин говорит — неверность жены сего арапа, которая родила ему белого ребенка, и за то была посажена в монастырь. Вот историческая основа этого сочинения.

Мы пошли обедать, запивая рейнвейном швейцарский сыр; рассказывал мне Пушкин, как государь

цензирует его книги; он хотел мне показать «Годунова» с собственноручными его величества поправками. Высокому цензору не понравились шутки старого монаха с харчевницею. В «Стеньке Разине» не прошли стихи, где он говорит воеводе Астраханскому, хотевшему у него взять соболью шубу: «Возьми с плеч шубу, да чтобы не было шуму». Смешно рассказывал Пушкин, как в Москве цензировали его «Графа Нулина»: нашли, что неблагопристойно его сиятельство видеть в халате! На вопрос сочинителя, как же одеть, предложили сюртук. Кофта барыни показалась тоже соблазнительною: просили, чтобы он дал ей хотя салоп.

Говоря о недостатках нашего частного и общественного воспитания, Пушкин сказал: «Я был в затруднении, когда Николай спросил мое мнение о сем предмете. Мне бы легко было написать то, чего хотели, но не надобно же пропускать такого случая, чтоб сделать добро. Однако я между прочим сказал, что должно подавить частное воспитание. Несмотря на то, мне вымыли голову».

Играя на бильярде, сказал Пушкин: «Удивляюсь, как мог Карамзин написать так сухо первые части своей «Истории», говоря об Игоре, Святославе. Это героический период нашей истории. Я непременно напишу историю Петра I, а Александрову — пером Курбского. Непременно должно описывать современные происшествия, чтобы могли на нас ссылаться. Теперь уже можно писать и царствование Николая, и об 14-м декабря».

69—70

Мне странно, что ты леньность свою стараешься прикрыть благовидными причинами. «Не хочешь беспокоить часто Цензора». Это, в сущности-то, значит: лень приняться за поправку и переписку. Всего удивительнее противоречие между твоими желаниями и поступками. Денег хочется, да они и крайне тебе нужны. А сам ты ежедневно теряешь свой доход. Все спрашивают прежних поэм твоих и мелких стихотворений. Продать издание какому-нибудь книгопродавцу значит разделить с ним пополам свое имение. Одно

средство остается: накопить нынешнею зимою побольше денег, да с будущей весны и приступить к хорошенькому новому изданию всех твоих стихотворений вместе или по частям, в одном только формате и в каком-нибудь порядке постоянном, что будет полезно и для грядущих творений твоих. Ничто так легко не даст денег, как «Онегин», выходящий по частям, но регулярно через два или три месяца. Это уже доказано a posteriori*. Он, по милости Божией, весь написан. Только перебелить, да и пустить. А тут-то у тебя и хандра. Ты отвечаешь публике в припадке каприза: вот вам «Цыганы»; покупайте их! А публика, назло тебе, не хочет их покупать и ждет «Онегина» да «Онегина». Теперь посмотрим, кто из вас кого переспорит. Деньги-то ведь у публики: так пристойнее, кажется, чтоб ты ей покорился, по крайней мере до тех пор, пока не набьешь своих карманов. Короче тебе скажу: твоих «Цыганов» ни один книгопродавец не беретса купить: всякий отвечает, что у него их, дескать, еще целая полка старых. Нуждаются только во второй главе «Онегина», которая засела в Москве, а здесь ее все спрашивают. Итак, по получении сего письма, тотчас напиши в Москву, чтобы оттуда выслали все остальные экземпляры «Онегина» 2-й главы в Петербург на имя Сленина (мне самому некогда ездить в почтамт для получения посылок), а ко мне только бы за известие написали в особом письме, сколько послали именно экз. к Сленину для верности моих с тобою счетов.

В последний раз умаливаю тебя переписать 4-ю главу «Онегина», а буде разохотишься — и 5-ю, чтобы не с тоненькою тетрадкою идти к Цензору. Если ты это сделаешь, то отвечаю тебе и за долги твои, и за доходы на год; а если еще будешь отговариваться и софийствовать, то я предам тебя на произвол твоей враждующей судьбе. Вспомни, что никогда не бывает столь обильной книжной жатвы, как накануне рождества и нового года. А ты обещал тогда прислать. Нет, т(оропись?) тебе пришло и отпечатанные экз. 3-й, 4-й и, может быть, 5-й главы «Онегина» с целым возом ассигнаций. Вообрази, что тебе надобно будет иметь уже капитал, когда ты и роман напишешь: иначе не на

* на опыте (лат.)

что будет его печатать. Это ведь не глава «Онегина» в два листика, где и в долг поверят бумагу, набор и печатание. Нет, потребуют все наличные денежки, а где нам их будет взять? У тебя и «Годунов» растет для печати. А из каких доходов мы его отпечатаем? По всему видно, что для разных творений твоих, бесприютных и сырых, один предназначен судьбою кормилец: «Евгений Онегин». Очувствуйся: твое воображение никогда еще не создавало, да и не создаст, кажется, творения, которое бы такими простыми средствами двигало такую огромную *(гору?)* денег, как этот бесцен*(ное золо)тое* дно «Онегин». Он *(однако?)* не должен выводить из *(терп)ения* публики своею ветреностью. *(...)*

*П. А. Плетнев — Пушкину. 22 сентября 1827.
Из Петербурга в Михайловское.*

71

А. И. Дельвиг

ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ

17 октября (1827) праздновали день моих именин; Пушкин привез с собой подаренный его приятелем Вульфом череп от скелета одного из моих предков, погребенных в Риге, похищенного поэтом Языковым, в то время дерптским студентом, и вместе с ним превосходное стихотворение свое: «Череп», посвященное А. А. Дельвигу и начинающееся строфою:

Прими сей череп, Дельвиг; он
Принадлежит тебе по праву;
Тебе поведаю, барон,
Его готическую славу...—

и оканчивающееся строфою:

Прими ж сей череп, Дельвиг; он
Принадлежит тебе по праву.
Обделай ты его, барон,
В благопристойную оправу.
Изделе гроба преврати
В увеселительную чашу,
Вином кипящим освяти
Да запивай уху да кашу! и т. д.

Пили за мое здоровье за обедом из этого черепа, в котором Вульф, подаривший его Пушкину, держал табак. Череп этот должен и теперь находиться у вдовы Дельвига, но едва ли он, по совету Пушкина, обделан «в благопристойную оправу». (...)

72

Милостивый государь мой Александр Филиппович,

По желанию Вашему позволяю Вам напечатать вторично поэму мою «Бахчисарайский фонтан» числом тысячу экземпляров.

*Пушкин — А. Ф. Смирдину.
25 октября 1827. В Петербурге.*

73

Безалаберный! полно тебе писать глупости Анне Петровне, напиши мне слово путное. Где «Онегина» 2-я часть? здесь ее требуют, остановилась из-за нее продажа и других глав. А кто виноват? ты, живот, Калибан etc.— еще слово: ты перевелся на Трубецкого, а он терпел, терпел целый месяц — а как стало невтерпеж, пристал ко мне внезапно: давай денег! — денег — а где их взять? — Что ваши, т. е. наши? Погодин мне писал, а я, виноват, весь изленился, не отвечал еще и не послал стихов — да они сами меня обескуражили. Здесь в Петербурге дают мне (*à la lettre*) * 10 рублей за стих, — а у вас в Москве — хотят меня заставить даром и исключительно работать журналу. Да еще говорят: он богат, чёрт ли ему в деньгах. Положим так, но я богат через мою торговлю стишистой, а не прадедовскими вотчинами, находящимися в руках Сергея Львовича.

*Пушкин — С. А. Соболевскому.
Ноябрь (после 10) 1827.
Из Петербурга в Москву.*

* буквально (фр.).

А. С. Пушкин

ЕГИПЕТСКИЕ НОЧИ

Глава 1

— Quel est cet homme?

— Ha c'est un bien grand talent, il fait de sa voix tout ce qu'il veut.

— Il devrait bien, madame, s'en faire une culotte*.

Чарский был один из коренных жителей Петербурга. Ему не было еще тридцати лет; он не был женат; служба не обременяла его. Покойный дядя его, бывший виц-губернатором в хорошее время, оставил ему порядочное имение. Жизнь его могла быть очень приятна; но он имел несчастье писать и печатать стихи. В журналах звали его поэтом, а в лакейских сочинителем.

Несмотря на великие преимущества, коими пользуются стихотворцы (признаться: кроме права ставить винительный падеж вместо родительного и еще кой-каких, так называемых поэтических вольностей, мы никаких особенных преимуществ за русскими стихотворцами не ведаем) — как бы то ни было, несмотря на всевозможные их преимущества, эти люди подвержены большим невыгодам и неприятностям. Зло самое горькое, самое нестерпимое для стихотворца есть его звание и прозвище, которым он заклеямен и которое никогда от него не отпадает. Публика смотрит на него как на свою собственность; по ее мнению, он рожден для ее пользы и удовольствия. Возвратится ли он из деревни, первый встречный спрашивает его: не привезли ли вы нам чего-нибудь новенького? Задумается ли он о расстроенных своих делах, о болезни милого ему человека, тотчас пошлая улыбка сопровождает пошлое восклицание: верно, что-нибудь сочиняете! Влюбится ли он? — красавица его покупает себе альбом в Английском магазине и ждет уж элегии. При-

* — Что это за человек?

— О, это большой талант; из своего голоса он делает всё, что захочет.

— Ему бы следовало, сударыня, сделать из него себе штаны (фр.).

едет ли он к человеку почти с ним незнакомому, поговорить о важном деле, тот уж кличет своего сына и заставляет читать стихи такого-то; и мальчишка угощает стихотворца его же изуродованными стихами. А это еще цветы ремесла! Каковы же должны быть невзгоды? Чарский признавался, что приветствия, запросы, альбомы и мальчишки так ему надо-едали, что поминутно принужден он был удерживаться от какой-нибудь грубости.

Чарский употреблял всевозможные старания, чтобы сгладить с себя несносное прозвище. Он избегал общества своей братьи литераторов и предпочитал им светских людей, даже самых пустых. Разговор его был самый пошлый и никогда не касался литературы. В своей одежде он всегда наблюдал самую последнюю моду с робостью и суеверием молодого москвича, в первый раз отроду приехавшего в Петербург. В кабинете его, убранном как дамская спальня, ничто не напоминало писателя; книги не валялись по столам и под столами; диван не был обрызган чернилами; не было того беспорядка, который обличает присутствие музы и отсутствие метлы и щетки. Чарский был в отчаянии, если кто-нибудь из светских его друзей заставал его с пером в руках. Трудно поверить, до каких мелочей мог доходить человек, одаренный, впрочем, талантом и душою. Он прикидывался то страстным охотником до лошадей, то отчаянным игроком, то самым тонким гастрономом; хотя никак не мог различить горской породы от арабской, никогда не помнил козырей и втайне предпочитал печеный картофель всевозможным изобретениям французской кухни. Он вел жизнь самую рассеянную; торчал на всех балах, объедался на всех дипломатических обедах, и на всяком званом вечере был так же неизбежим, как резановское мороженое.

Однако ж он был поэт, и страсть его была неодолима: когда находила на него такая *дрянь* (так называл он вдохновение), Чарский запирался в своем кабинете и писал с утра до поздней ночи. Он признавался искренним своим друзьям, что только тогда и знал истинное счастье. Остальное время он гулял, чинясь и притворяясь и слыша поминутно славный вопрос: не написали ли вы чего-нибудь новенького?

Однажды утром Чарский чувствовал то благодатное расположение духа, когда мечтания явственно рисуются перед вами и вы обретаєте живые, неожиданные слова для воплощения видений ваших, когда стихи легко ложатся под перо ваше и звучные рифмы бегут навстречу стройной мысли. Чарский погружен был душою в сладостное забвение... и свет, и мнения света, и его собственные причуды для него не существовали. Он писал стихи. (...)

Глава 2

(...)

Поэт идет — открыты вежды,
Но он не видит никого;
А между тем за край одежды
Прохожий дергает его...
«Скажи: зачем без цели бродишь?
Едва достиг ты высоты,
И вот уж долу взор низводишь
И низойти стремишься ты.
На стройный мир ты смотришь смутно;
Бесплодный жар тебя томит;
Предмет ничтожный поминутно
Тебя тревожит и манит.
Стремиться к небу должен гений,
Обязан истинный поэт
Для вдохновенных песнопений
Избрать возвышенный предмет».
— Зачем крутится ветер в овраге,
Подъемлет лист и пыль несет,
Когда корабль в недвижной влаге
Его дыханья жадно ждет?
Зачем от гор и мимо башен
Летит орел, тяжел и страшен,
На чахлый пенёк? Спроси его.
Зачем арапа своего
Младая любит Дездемона,
Как месяц любит ночи мглу?
Затем, что ветру и орлу
И сердцу девы нет закона.

Таков поэт: как Аквилон,
 Что хочет, то и носит он—
 Орлу подобно, он летает
 И, не спросясь ни у кого,
 Как Дездемона, избирает
 Кумир для сердца своего.

⟨...⟩

1835—1836

75

⟨...⟩ Дельвиг ⟨...⟩ расскажет вам о нашей жизни в Петербурге. Жизнь эта, признаться, довольно пустая, и я горю желанием так или иначе изменить ее. Не знаю, приеду ли я еще в Михайловское. Однако мне бы хотелось этого. Признаюсь, сударыня, шум и сутолока Петербурга мне стали совершенно чужды — я с трудом переношу их. Я предпочитаю ваш чудный сад и прелестные берега Сороти. Вы видите, сударыня, что, несмотря на отвратительную прозу нынешнего моего существования, у меня всё же сохранились поэтические вкусы. Правда, мудрено писать вам и не быть поэтом. ⟨...⟩ (фр.)

Пушкин — П. А. Осиповой.

24 января 1828 г. Из Петербурга в Тригорское.

76

⟨...⟩ Вышли у нас еще две песни «Онегина». Каждый о них толкует по-своему: одни хвалят, другие бранят и все читают. Я очень люблю обширный план твоего «Онегина»; но большее число его не понимает. Ищут романической завязки, ищут обыкновенного и, разумеется, не находят. Высокая поэтическая простота твоего создания кажется им бедностью вымысла, они не замечают, что старая и новая Россия, жизнь во всех ее изменениях проходит перед их глазами, mais que le diable les emporte et que Dieu les bénisse! *

* но пусть их черт возьмет и благословит бог! (фр.)

Я думаю, что у нас в России поэт только в первых незрелых своих опытах может надеяться на большой успех. За него все молодые люди, находящиеся в нем почти свои чувства, почти свои мысли, облеченные в блистательные краски. Поэт развивается, пишет с большою обдуманностью, с большим глубокомыслием: он скучен офицерам, а бригадиры с ним не мирятся, потому что стихи его все-таки не проза. <...>

*Е. А. Баратынский — Пушкину.
Конец февраля (не позднее 23) 1828.
Из Москвы в Петербург.*

77

Пушкин! известный уже, сочинитель! который, не взирая на благосклонность государя! Много уже выпустил своих сочинений! как стихами, так и прозой!! колких для правительствующих даже, и к государю! Имеет знакомство с Жулковским!! у которого бывает почти ежедневно!!! К примеру вышесказанного, есть оно сочинение под названием Таня! которая быдто уже, и напечатана в Северной Пчеле!! Средство же, имеет к выпуску чрез благосклонность Жулковского!!

Из агентурных сведений. Февраль 1828.

78

XLII

<...>

«И где ж беглец людей и света,
Красавиц модных модный враг,
Где этот пасмурный чудак,
Убийца юного поэта?»
Со временем отчет я вам
Подробно обо всем отдам,

XLIII

Но не теперь. Хоть я сердечно
Люблю героя моего,
Хоть возвращусь к нему, конечно,
Но мне теперь не до него.

Лета к суровой прозе клонят,
Лета шалунию рифму гонят,
И я— со вздохом признаюсь—
За ней ленивей волочусь.
Перу старинной нет охоты
Марать летучие листы;
Другие, хладные мечты,
Другие, строгие заботы
И в шуме света и в тиши
Тревожат сон моей души.

XLIV

Познал я глас иных желаний,
Познал я новую печаль;
Для первых нет мне упований,
А старой мне печали жаль.
Мечты, мечты! где ваша сладость?
Где, вечная к ней рифма, *младость*?
Ужель и вправду наконец
Увял, увял ее венец?
Ужель и впрямь и в самом деле
Без элегических затей
Весна моих промчалась дней
(Что я шутя твердил доселе)?
И ей ужель возврата нет?
Ужель мне скоро тридцать лет?

«Евгений Онегин». Глава 6.

79

ДРУЗЬЯМ

Нет, я не льстец, когда царю
Хвалу свободную слагаю:
Я смело чувства выражаю,
Языком сердца говорю.

Его я просто полюбил:
Он бодро, честно правит нами;
Россию вдруг он оживил
Войной, надеждами, трудами.

О нет! хоть юность в нем кипит,
Но не жесток в нем дух державный;
Тому, кого карает явно,
Он втайне милости творит.

Текла в изгнанье жизнь моя;
Влачил я с мильми разлуку,
Но он мне царственную руку
Простер — и с вами снова я.

Во мне почтил он вдохновенье;
Освободил он мысль мою.
И я ль в сердечном умиленье
Ему хвалы не воспою?

Я льстец! Нет, братья, льстец лукав:
Он горе на царя назовет,
Он из его державных прав
Одну лишь милость ограничит.

Он скажет: презирай народ,
Глуши природы голос нежный.
Он скажет: просвещенья плод —
Разврат и некий дух мятежный!

Беда стране, где раб и льстец
Одни приближены к престолу,
А небом избранный певец
Молчит, потупя очи долу.

1828

А. С. Пушкин

Милостивый государь, Александр Сергеевич!

Государь император изволил повелеть мне объявить Вам, милостивый государь, что он с большим удовольствием читал Шестую главу Евгения Онегина.

Что же касается до стихотворения Вашего, под заглавием: «Друзьям», то его величество совершенно доволен им, но не желает, чтобы оно было напечатано.

Препровождая при сем рукописи сих двух сочинений, из коих первая скреплена надлежащим образом в III Отделении собственной его императорского величества канцелярии, имею честь быть с совершенным почтением и искреннею преданностию (...)

*А. Х. Бенкендорф — Пушкину.
5 марта 1828. Петербург.*

81

Милостивый государь Александр Христофорович,

Позвольте мне принести Вашему превосходительству чувствительную мою благодарность за письмо, которое удостоился я получить.

Снисходительное одобрение государя императора есть лестнейшая для меня награда, и почитаю за счастье обязанность мою следовать высочайшему его соизволению (...)

*Пушкин — А. Х. Бенкендорфу.
5 марта 1828. В Петербурге.*

82

Беру на себя смелость послать вам три последние песни Онегина; надеюсь, что они заслужат ваше одобрение. Прилагаю еще один экземпляр для м-ль Евпраксии, принося ей большую благодарность за лаконический ответ, которым она удостоила мой вопрос. Не знаю, сударыня, буду ли я иметь счастье видеть вас в нынешнем году; говорят, что вы хотели приехать в Петербург. Правда ли это? Между тем я по-прежнему рассчитываю на соседство Тригорского и Зуева.— На зло судьбе мы в конце концов все же соберемся под рябинами Сороти. Примите, сударыня, выражение моего уважения, привязанности, сожаления и совершенной преданности вам и всему вашему семейству. (фр.)

*Пушкин — П. А. Осиповой.
Около (не позднее) 10 марта (?) 1828.
Из Петербурга в Тригорское.*

83

Милостивый государь Александр Христофорович,

По приказанию Вашего превосходительства, являлся я сегодня к Вам, дабы узнать решительно свое назначение, но меня не хотели пустить и позволить мне дожидаться.

Извините, Ваше превосходительство, если вновь осмеливаюсь Вам докучать, но судьба моя в Ваших руках, и Ваша неизменная снисходительность ободряет мою нескромность.

С истинным, глубочайшим почтением и сердечной преданностию, честь имею быть <...>

*Пушкин — А. Х. Бенкендорфу.
18 апреля 1828. Петербург.*

84

Милостивый государь, Александр Сергеевич!

Я докладывал государю императору о желании Вашем, милостивый государь, участвовать в начинающихся против турок военных действиях; его императорское величество, приняв весьма благосклонно готовность Вашу быть полезным в службе его, высочайше повелеть мне изволил уведомить Вас, что он не может Вас определить в армии, поелику все места в оной заняты и ежедневно случаются отказы на просьбы желающих определиться в оной; но что он не забудет Вас и воспользуется первым случаем, чтобы употребить отличные Ваши дарования в пользу отечества. <...>

*А. Х. Бенкендорф — Пушкину.
20 апреля 1828. Петербург.*

85

Милостивый государь Александр Христофорович,

Искренне сожалея, что желания мои не могли быть исполнены, с благоговением приемлю решение государя императора и приношу сердечную благодарность

Вашему превосходительству за снисходительное Ваше обо мне ходатайство.

Так как следующие 6 или 7 месяцев остаюсь я, вероятно, в бездействии, то желал бы я провести сие время в Париже, что, может быть, впоследствии мне уже не удастся. Если Ваше превосходительство соизволите мне испросить от государя сие драгоценное дозволение, то вы мне сделаете новое, истинное благодеяние.

Пользуюсь сим последним случаем, дабы испросить от Вашего превосходительства подтверждения данного мне Вами на словах позволения: вновь издать раз уже напечатанные стихотворения мои.

Вновь поручая судьбу мою великодушному Вашему ходатайству, с глубочайшим почтением, совершенной преданностию и сердечной благодарностию, честь имею быть,

милостивый государь,

Вашего превосходительства

СПб. 1828.

всепокорнейший слуга

21 апреля.

Александр Пушкин.

Пушкин — А. Х. Бенкендорфу.

21 апреля 1828. Петербург.

86

ВОСПОМИНАНИЕ

Когда для смертного умолкнет шумный день
И на немые стогны града
Полупрозрачная наляжет ночи тень
И сон, дневных трудов награда,
В то время для меня влачатся в тишине
Часы томительного бденья:
В бездействии ночном живей горят во мне
Змеи сердечной угрызенья;
Мечты кипят; в уме, подавленном тоской,
Теснится тяжких дум избыток;
Воспоминание безмолвно предо мной
Свой длинный развивает свиток;

И с отвращением читая жизнь мою,
Я трепещу и проклиная,
И горько жалуюсь, и горько слезы лью,
Но строк печальных не смываю.

1828

А. С. Пушкин

87

* * *

26 мая 1828

Дар напрасный, дар случайный,
Жизнь, зачем ты мне дана?
Иль зачем судьбою тайной
Ты на казнь осуждена?

Кто меня враждебной властью
Из ничтожества воззвал,
Душу мне наполнил страстью,
Ум сомненьем взволновал?..

Цели нет передо мною:
Сердце пусто, празден ум,
И томит меня тоскою
Однозвучный жизни шум.

А. С. Пушкин

88

Не пой, красавица, при мне
Ты песен Грузии печальной:
Напоминают мне оне
Другую жизнь и берег дальный.

Увы! напоминают мне
Твои жестокие напевы
И степь, и ночь — и при луне
Черты далекой, бедной девы!..

Я призрак милый, роковой,
Тебя увидев, забываю;
Но ты поешь — и предо мной
Его я вновь воображаю.

Не пой, красавица, при мне
Ты песен Грузии печальной:
Напоминают мне оне
Другую жизнь и берег дальный.

1828

А. С. Пушкин

89

К ЯЗЫКОВУ

К тебе собирался я давно
В немецкий град, тобой воспетый,
С тобой попить, как пьют поэты,
Тобой воспетое вино.
Уж зазывал меня с собою
Тобой воспетый Киселев,
И я с веселою душою
Оставить был совсем готов
Неволю невских берегов.
И что ж? Гербовые заботы
Схватили за полы меня,
И на Неве, хоть нет охоты,
Прикованным остался я.
О юность, юность удалая!
Могу ль тебя не пожалеть?
В долгах, бывало, утопая,
Займодавцев убегая,
Готов был всюду я лететь.
Теперь докучно посещаю
Своих ленивых должников,
Остепенившись, проклиная
Я тяжесть денег и годов.

Прости, певец! играй, пируй,
С Кипридой, Фебом торжествуй,

Не знай сиятельного чванства,
Не знай любезных должников
И не плати своих долгов
По праву русского дворянства.

1828

А. С. Пушкин

90

К. А. Полевой

ИЗ ЗАПИСОК

О Пушкине любопытны все подробности, и потому я посвящу ему здесь несколько страниц. Уже не один раз упоминал я, что он жил в гостинице Демута, где занимал бедный номер, состоявший из двух комнаток, и вел жизнь странную. Оставаясь дома все утро, начинавшееся у него поздно, он, когда был один, читал, лежа в постели, а когда к нему приходил гость, он вставал с своей постели, усаживался за столик с туалетными принадлежностями и, разговаривая, обыкновенно чистил, обтачивал и приглаживал свои ногти, такие длинные, что их можно назвать когтями. Иногда заставлял я его за другим столиком — карточным, обыкновенно с каким-нибудь неведомым мне господином, и тогда разговаривать было нельзя; после нескольких слов я уходил, оставляя его продолжать игру. Известно, что он вел довольно сильную игру и чаще всего продувался в пух! Жалко бывало смотреть на этого необыкновенного человека, распаленного грубою и глупою страстью! Зато он был удивительно умен и приятен в разговоре, касавшемся всего, что может занимать образованный ум. Многие его замечания и суждения невольно врезывались в память. Говоря о своем авторском самолюбии, он сказал мне:

— Когда читаю похвалы моим сочинениям, я остаюсь равнодушен: я не дорожу ими; но злая критика, даже бестолковая, раздражает меня.

Я заметил ему, что этим доказывается неравнодушные его к похвалам.

— Нет, а может быть, авторское самолюбие? — отвечал он, смеясь.

В нем пробудилась досада, когда он вспомнил о критике одного из своих сочинений, напечатанной в «Атенеи», журнале, издававшемся в Москве профессором Павловым. Он сказал мне, что даже написал возражение на эту критику, но не решился напечатать свое возражение и бросил его. Однако он отыскал клочки синей бумаги, на которой оно было писано, и прочел мне кое-что. Это было, собственно, не возражение, а насмешливое и очень остроумное *согласие* с глупыми замечаниями его рецензента, которого обличал он в противоречии и невежестве, по-видимому, соглашаясь с ним. Я уговаривал Пушкина напечатать остроумную его отповедь «Атенею», но он не согласился, говоря: «Никогда и ни на одну критику моих сочинений я не напечатаю возражения; но не отказываюсь писать в этом роде на утеху себе». После он пробовал быть критиком, но очень неудачно, а в печатных спорах выходил из границ и прибегал к пособию своих язвительных эпиграмм. Никто столько не досаждал ему своими злыми замечаниями, как Булгарин и Каченовский, зато он и написал на каждого из них по несколько самых задорных и острых своих эпиграмм. Вообще как критик он был умнее на словах, нежели на бумаге. Иногда вырывались у него чрезвычайно меткие, остроумные замечания, которые были бы некстати в печатной критике, но в разговоре поражали своею истиною. Рассуждая о стихотворных переводах Вронченки, производивших тогда впечатление своими неотъемлемыми достоинствами, он сказал:

— Да, они хороши, потому что дают понятие о подлиннике своем; но та беда, что к каждому стиху Вронченки привешена гирька!

Увидевши меня по приезде моем из Москвы, когда были изданы две новые главы «Онегина», Пушкин желал знать, как встретили их в Москве. Я отвечал:

— Говорят, что вы повторяете себя: нашли, что у вас два раза упомянуто о битье мух!

Он расхохотался; однако спросил:

— Нет? в самом деле говорят это?

— Я передаю вам не свое замечание; скажу больше: я слышал это из уст дамы.

— А ведь это очень живое замечание: в Москве редко услышишь подобное,— прибавил он. (...)

В 1828 году Пушкин был уже далеко не юноша, тем более что после бурных годов первой молодости и тяжких болезней он казался по наружности истощенным и увядшим; резкие морщины виднелись на его лице; (но) он все еще хотел казаться юношею. Раз как-то, не помню по какому обороту разговора, я произнес стих его, говоря о нем самом:

Ужель мне *точно* тридцать лет?

Он тотчас возразил: «Нет, нет! У меня сказано: „Ужель мне *скоро* тридцать лет?“ Я жду этого рокового термина, а теперь еще не прощаюсь с юностью». Надобно заметить, что до *рокового термина* оставалось несколько месяцев! Кажется, в этот же раз я сказал, что в сочинениях его встречается иногда такая искренняя веселость, какой нет ни в одном из наших поэтов. Он отвечал, что в основании характер его — грустный, меланхолический и если он бывает иногда в веселом расположении, то редко и ненадолго. Мне кажется и теперь, что он ошибался, так определяя свой характер. Ни один глубоко чувствующий человек не может быть всегда веселым и гораздо чаще бывает грустен: только поверхностные люди способны быть весельчаками, то есть постоянно и от всего быть веселыми. Однако человек, не умерший душою, приходит и в светлое, веселое расположение; разница может быть только в том, что один предается ему искренно, от души, другой не способен к такой искренней веселости. И Жуковский иногда весел в своих стихотворениях; но Пушкин, как пламенный лирический поэт, был способен увлекаться всеми сильными ощущениями, и когда предавался веселости, то предавался ей, как не способны к тому другие. В доказательство можно указать на многие стихотворения Пушкина из всех эпох его жизни. Человек грустного, меланхолического характера не был бы способен к тому.

Однажды я был у него вместе с Павлом Петровичем Свиньным. Пушкин, как увидел я из разговора, сердился на Свиньина за то, что очень неловко и некстати тот вздумал где-то на бале рекомендовать его славной тогда своей красотой и любезностью девице Л. Нельзя было оскорбить Пушкина более, как рекомендуя его *знаменитым поэтом*; а Свиньин сделал эту глупость. За то поэт и отплатил ему, как я был

свидетелем, очень зло. Кроме того, он очень горячо выговаривал ему и просил вперед не принимать труда знакомить его с кем бы то ни было. Пушкин, поуспокоившись, навел разговор на приключения Свинына в Бессарабии, где тот был с важным поручением от правительства, но поступал так, что его удалили от всяких занятий по службе. Пушкин стал расспрашивать его об этом очень ловко и смело, так что несчастный Свинын вертелся, как береста на огне.

— С чего же взяли,— спрашивал он у него,— что будто вы въезжали в Яссы с торжественною процессиею, верхом, с многочисленною свитой и внушили такое почтение соломенным молдавским и валахским боярам, что они поднесли вам сто тысяч серебряных рублей?

— Сказки, *мивьй* Александр Сергеевич! сказки! Ну, стоит ли повторять такой вздор!— восклицал Свинын, который прилагал слово *мивьй* (мильй) в приятельском разговоре со всяким из знакомых.

— Ну, а ведь вам подарили шубы?— спрашивал опять Пушкин и такими вопросами преследовал Свинына довольно долго, представляя себя любопытствующим, тогда как знал, что речь о бессарабских приключениях была для Свинына нож острый!

Разговор перешел к петербургскому обществу, и Свинын стал говорить о лучшем избранном круге, называя многие вельможные лица; Пушкин и тут косвенно кольнул его, доказывая, что не всегда чиновные и значительные по службе люди принадлежат к хорошему обществу. Он почти прямо указывал на него, а для прикрытия своего намека рассказал, что как-то он был у Карамзина (историографа), но не мог поговорить с ним оттого, что к нему беспрестанно приезжали гости, и, как нарочно, все это были сенаторы. Уезжал один, и будто на смену его являлся другой. Проводивши последнего из них, Карамзин сказал Пушкину: «Заметили вы, что из всех этих господ ни один не принадлежит к хорошему обществу?»

Свинын совершенно согласился с мнением Карамзина и поспешно проговорил:

— Да, да, *мивьй*, это так, это так!

Пушкин вообще любил повторять изречения или апофегмы Карамзина, потому что питал к нему ува-

жение безграничное. Историограф был для него не только великий писатель, но и мудрец,— человек *высокий*, как выражался он. Когда он писал своего «Бориса Годунова», Карамзин, услышав о том, спрашивал поэта, не надобно ли ему для нового его создания каких-нибудь сведений и подробностей из истории избранной им эпохи, и вызывался доставить все, что может. Пушкин отвечал, что он имеет *все* в «Истории государства Российского», великом создании великого историка, которому обязан и идеею нового своего творения. Эту же мысль выразил Пушкин в *лапидарном* посвящении «Бориса Годунова» памяти историографа. Дело критики показать, насколько повредило его драме слишком близкое воспроизведение карамзинского Годунова и уверенность, что историограф не ошибался.

91

Между 3 и 5 августа 1828 года, в присутствии С. Петербургского военного генерал-губернатора, титулярный советник Александр Пушкин, быв спрашиван по изложенным ниже сего вопросам, показал:

1) Вами ли писана поэма, известная под названием Гаврилиады?	Не мною.
2) В котором году сию поэму вы писали?	В первый раз видел я Гаврилиаду в Лицее в 15-м или 16 году и переписал ее; не помню, куда дел ее, но с тех пор не видал ее.
3) Имеете ли вы и ныне у себя экземпляр этой поэмы? — Если таковой находится, то представьте его.	Не имею.

10-го класса Александр
Пушкин

92

ПОКАЗАНИЕ ПО ДЕЛУ О «ГАВРИИЛИАДЕ».

19 августа 1828 г. В Петербурге.

1828 года августа 19 числа нижеподписавшийся 10-го класса Александр Пушкин вследствие высочайшего повеления, объявленного г. главнокомандующим в С.-Петербурге и Кронштадте, быв призван к с.-петербургскому военному губернатору, спрашиван, от кого именно получил поэму под названием Гавриилиады, показал:

Рукопись ходила между офицерами Гусарского полку, но от кого из них именно я достал оную, я никак не упомяну. Мой же список сжег я вероятно в 20-м году.

Осмеливаюсь прибавить, что ни в одном из моих сочинений, даже из тех, в коих я наиболее раскаиваюсь, нет следов духа безверия или кощунства над религиею. Тем прискорбнее для меня мнение, приписывающее мне произведение столь жалкое и постыдное.

10 класса Александр Пушкин.

93

Вследствие высочайшего повеления господин обер-полицеймейстер требовал от меня подписки в том, что я впредь без предварительной обычной цензуры... Повинуюсь священной для меня воле; тем не менее прискорбна мне сия мера. Государь император в минуту для меня незабвенную изволил освободить меня от цензуры, я дал честное слово государю, которому изменить я не могу, не говоря уж о чести дворянина, но и по глубокой, искренней моей привязанности к царю и человеку. Требование полицейской подписки унижает меня в собственных моих глазах, и я, твердо чувствую, того не заслуживаю, и дал бы и в том честное мое слово, если б я смел еще надеяться, что оно имеет свою цену. Что касается до цензуры, если государю императору угодно уничтожить милость, мне оказанную, то, с горестью приемля

знак царственного гнева, прошу Ваше превосходительство разрешить мне, как надлежит мне впредь поступать с моими сочинениями, которые, как Вам известно, составляют одно мое имущество.

Надеюсь, что Ваше превосходительство поймете и не примете в худую сторону смелость, с которою решаюсь объяснить. Она знак искреннего уважения человека, который чувствует себя...

*Пушкин — А. Х. Бенкендорфу.
Вторая половина (не ранее 17) августа 1828.
В Петербурге (Черновое)*

94

⟨...⟩ Мне навязалась на шею преглупая шутка. До правительства дошла наконец «Гавриилиада»; приписывают ее мне; донесли на меня, и я, вероятно, отвечу за чужие проказы, если кн. Дмитрий Горчаков не явится с того света отстаивать права на свою собственность. Это да будет между нами. Всё это не весело, но критика кн. Павла веселит меня, как прелестный цвет, обещающий со временем плоды. Попроси его переслать мне свои замечания; я буду на них отвечать непременно. Благодарю тебя умом и сердцем, т.е. вкусом и самолюбием — за портрет Пелагеи Николаевны. Стихов ей не шлю, ибо на такой дистанции не стреляют даже и турки. Перед княгиней Верой не смею поднять очей; однако ж вопрошаю, что думает она о происшествиях в Одессе (Раевский и графиня Воронцова). ⟨...⟩

*Пушкин — П. А. Вяземскому.
1 сентября 1828. Из Петербурга в Пензу.*

95

ПРЕДЧУВСТВИЕ

Снова тучи надо мною
Собралися в тишине;
Рок завистливый бедою
Угрожает снова мне...

Сохраню ль к судьбе презренье?
Понесу ль навстречу ей
Непреклонность и терпенье
Гордой юности моей?

Бурной жизнью утомленный,
Равнодушно бури жду:
Может быть, еще спасенный,
Снова пристань я найду...
Но, предчувствуя разлуку,
Неизбежный, грозный час,
Сжать твою, мой ангел, руку
Я спешу в последний раз.

Ангел кроткий, безмятежный,
Тихо молви мне: *прости*,
Опечалься: взор свой нежный
Подыми иль опусти;
И твое воспоминанье
Заменит душе моей
Силу, гордость, упованье
И отвагу юных дней.

1828

А. С. Пушкин

96

* * *

Город пышный, город бедный,
Дух неволи, стройный вид,
Свод небес зелено-бледный,
Скука, холод и гранит—
Всё же мне вас жаль немножко,
Потому что здесь порой
Ходит маленькая ножка,
Вьется локон золотой.

1828

А. С. Пушкин

96а

Ал. Н. Вульф

ИЗ ДНЕВНИКА

4 и 5 октября (1828)... Недавно, заходя к Пушкину, застал я его пишущим новую поэму, взятую из истории Малороссии: донос Кочубея на Мазепу и похищение последним его дочери.— Стихи, как всегда, прекрасные, а любовь молодой девушки к 60-летнему старику и крестному отцу, Мазепе, и характер сего скрытного и жестокого честолюбца превосходно описаны.— Судя по началу, объем сего произведения гораздо обширнее прежних его поэм. Картины все несравненно полнее всех прежних: он истощает как бы свой предмет. Только описание нрава Мазепы мне что-то знакомо; не знаю, я как будто читал прежде похожее: может быть, что это от того, что он исторически верен, или я таким его воображал себе...

11 октября. Я почти целый день опять пробыл у барона. Пушкин уже пишет 3 песню своей поэмы, дошел до Полтавской Виктории...

13 октября. Я отвечал Языкову, потом был у Пушкина, который мне читал почти уже конченную свою поэму. Она будет в 3 песнях и под названием «Полтавы», потому что ни «Кочубеем», ни «Мазепой» ее назвать нельзя по частным причинам. Казнь Кочубея очень хороша, раскаяние Мазепы в том, что он надеялся на Палладина Карла XII, который умел только выигрывать сражения, тоже весьма истинна и хорошо рассказана.— Можно быть уверену, что Пушкин в этом роде Исторических повестей успеет не менее, чем в прежних своих.— Обедал я у его отца, возвратившегося из Псковской губ., где я слышал много про Тригорское...

14 октября... вечер провел с Дельвигом и Пушкиным. Говорили об том и другом, а в особенности об Баратынском и Грибоедова комедии: «Горе от ума», в которой барон, несправедливо, не находит никакого достоинства...

97

19 октября 1828. С. П. Б.

Собрались на пепелище скотобратца Курнофеиуса Тыркова (по прозвищу Кирпичного бруса) 8 человек скотобратцев, а именно: Дельвиг—Тося, Илличевский—Олосенька, Яковлев—пояс, Корф—дьячок мордан, Стевен Швед, Тырков (смотри выше), Комовский лиса, Пушкин—француз (смесь обезьяны с тигром—)

а) пели известный лицейский пэан
лето, знойна

В. Пушкин-француз открыл, и согласил с ним соч. Олосенька, что должно вместо общеупотребляемого припева *лето знойно*, петь как выше означено.

б) Вели беседу.

с) выпили вдоволь их-здоровий.

д) пели репутацию Г-на Беранжера.

е) пели песню о Царе Соломоне

ф) пели скотобратские куплеты прошедших 6-ти годов—

g) Олосенька в виде фр. тамбура Мажора утешал собравшихся

h) Тырковиус безмолвствовал

и) Толковали о Гимне ежегодном и негодовали на вдохновение скотобратцев

к) Пояс представлял восковую персону—

л) И завидели на дворе часть 1-й и стражу вторую скотобратцы разошлись, пожелав доброго пути Воспитаннику Императорского Лицея Пушкину француз, иже написа сию грамоту

Дельвиг (Тосинька)

Илличевский (Олесинька)

Яковлев (Пояс-Комик)

Корф (Дьячок Мордан)

Стевен (швед)

Кирпичный брус (Тырков)

Комовский (Лиса)

Пушкин (француз)

98

АНЧАР *

В пустыне чахлой и скупой,
На почве, зноем раскаленной,
Анчар, как грозный часовой,
Стоит — один во всей вселенной.

Природа жаждущих степей
Его в день гнева породила,
И зелень мертвую ветвей
И корни ядом напоила.

Яд каплет сквозь его кору,
К полудню растопясь от зною,
И застывает ввечеру
Густой прозрачною смолою.

К нему и птица не летит
И тигр нейдет — лишь вихорь черный
На древо смерти набезит
И мчится прочь, уже тлетворный.

И если туча оросит,
Блуждая, лист его дремучий,
С его ветвей, уж ядовит,
Стекает дождь в песок горючий.

Но человека человек
Послал к анчару властным взглядом:
И тот послушно в путь потек
И к утру возвратился с ядом.

Принес он смертную смолу
Да ветвь с увядшими листьями,
И пот по бледному челу
Струился хладными ручьями;

Принес — и ослабел и лег
Под сводом шалаша на лыки,
И умер бедный раб у ног
Непобедимого владыки.

* Древо яда. (Прим. А. С. Пушкина.)

А князь тем ядом напитал
Свои послушливые стрелы
И с ними гибель разослал
К соседям в чуждые пределы.

1828

А. С. Пушкин

99

⟨...⟩ Здесь мне очень весело, ибо я деревенскую жизнь очень люблю. Здесь думают, что я приехал набирать строфы в «Онегина» и страцают мною ребят как букою. А я езжу по пороше, играю в вист по 8 гривн роберт — и таким образом прилепляюсь к прелестям добродетели и гнушаюсь сетей порока — скажи это нашим дамам; я приеду к ним омолодившийся и телом и душою — — — полно. Я что-то сегодня с тобою разоврался. ⟨...⟩

Пушкин — А. А. Дельвигу.

26 ноября 1828. Из Малинников в Петербург.

100

VII

Тоска, тоска! спешит Евгений
Скорее далее: теперь
Мелькают мельком, будто тени,
Пред ним Валдай, Торжок и Тверь.
Тут у привязчивых крестьянок
Берет три связки он баранок,
Здесь покупает туфли, там
По гордым волжским берегам
Он скачет сонный. Кони мчатся
То по горам, то вдоль реки,
Мелькают версты, ямщики
Поют, и свищут, и бранятся.
Пыль вьется. Вот Евгений мой
В Москве проснулся на Тверской.

VIII

Москва Онегина встречает
Своей спесивой суетой,
Своими девами прельщает.
Стерляжьей потчует ухой.

В палате Английского клоба
 (Народных заседаний проба),
 Безмолвно в думу погружен,
 О кашах пренья слышит он.
 Замечен он. Об нем толкует
 Разноречивая молва,
 Им занимается Москва,
 Его шпионом именует,
 Слагает в честь его стихи
 И производит в женихи.

*Путешествие Онегина.
 Из ранних редакций.*

101

Два письма со стихами получил от тебя, друг Пушкин, и скажу тебе, что, несмотря на мое красноречие, город Петербург полагает отсутствие твое не бесцельным. Первый голос сомневается, точно ли ты без нужды уехал, не проигрыш ли какой был причиною; 2-й уверяет, что ты для материалов 7-ой песни «Онегина» отправился, 3-й утверждает, что ты остепенился и в Торжке думаешь жениться, 4-й же догадывается, что ты составляешь авангард Олениных, которые собираются в Москву. Я ничего не думаю, а желаю тебя поскорее увидеть. <...>

*А. А. Дельвиг — Пушкину.
 3 декабря 1828. Из Петербурга в Москву.*

102

М. П. Погодин

ИЗ ДНЕВНИКА

1828. Декабрь. 6. <...> Приехал в Москву Пушкин. Вот напшумят ему в уши Вяземский и пр. Чтоб и совсем не вскружили головы!

7. <...> К Пушкину — нет дома. <...>

8. К Пушкину. Гораздо хладнокровнее Вяземского и проч. и смотрит на дело яснее, хотя и осуждает помещение. Гов(орили?) о Карамзине. «Летописатель 19 столетия. <...>»

22. <...> К Пушкину. Бог всем дал орехи, а ему ядра. Слушал его суждение о Батюшкове.

103

ПОЭТ И ТОЛПА

*Procul este, profani.**

Поэт по лире вдохновенной
Рукой рассеянной бряцал.
Он пел — а хладный и надменный
Кругом народ непосвященный
Кругом народ непосвященный
Ему бессмысленно внимал.

И толковала чернь тупая:
«Зачем так звучно он поет?
Напрасно ухо поражая,
К какой он цели нас ведет?
О чем бренчит? чему нас учит?
Зачем сердца волнует, мучит,
Как своенравный чародей?
Как ветер песнь его свободна,
Зато как ветер и бесплодна:
Какая польза нам от ней?»

Поэт

Молчи, бессмысленный народ,
Поденщик, раб нужды, забот!
Несносен мне твой ропот дерзкий,
Ты червь земли, не сын небес;
Тебе бы пользы всё — на вес
Кумир ты ценишь Бельведерский.
Ты пользы, пользы в нем не зришь.
Но мрамор сей ведь бог!.. так что же?
Печной горшок тебе дороже:
Ты пищу в нем себе варишь.

Чернь

Нет, если ты небес избранник,
Свой дар, божественный посланник,
Во благо нам употребляй:
Сердца собратьев исправляй.
Мы малодушны, мы коварны,
Бесстыдны, злы, неблагодарны;

* Прочь, непосвященные (лат.)

Мы сердцем хладные скопцы,
 Клеветники, рабы, глупцы;
 Гнездятся клубом в нас пороки.
 Ты можешь, ближнего любя,
 Давать нам смелые уроки,
 А мы слушаем тебя.

Поэт

Подите прочь — какое дело
 Поэту мирному до вас!
 В разврате каменейте смело:
 Не оживит вас лиры глас!
 Душе противны вы, как гробы.
 Для вашей глупости и злобы
 Имели вы до сей поры
 Бичи, темницы, топоры; —
 Довольно с вас, рабов безумных!
 Во градах ваших с улиц шумных
 Сметают сор, — полезный труд! —
 Но, позабыв свое служенье,
 Алтарь и жертвоприношенье,
 Жрецы ль у вас метлу берут?
 Не для житейского волненья,
 Не для корысти, не для битв,
 Мы рождены для вдохновенья,
 Для звуков сладких и молитв.

1828

А. С. Пушкин

104

* * *

*Tel j'étais autrefois et tel je suis encore **

Каков я прежде был, таков и ныне я:
 Беспечный, влюбчивый. Вы знаете, друзья,
 Могу ль на красоту взирать без умиленья,
 Без робкой нежности и тайного волненья.
 Уж мало ли любовь играла в жизни мной?

* Таков я был прежде, таков я и теперь (фр.)

Уж мало ль бился я, как ястреб молодой,
В обманчивых сетях, раскинутых Кипридой,
А не исправленный стократною обидой,
Я новым идолам несю мои мольбы...

1828

А. С. Пушкин

105

КРИТИЧЕСКИЕ ОТЗЫВЫ О «ЕВГЕНИИ ОНЕГИНЕ»

I

Мы соединяем в Библиографии Телеграфа *вторую* главу *Онегина*, изданную в прошедшем году и уже всем известную, с *третьею* главою, только на сих днях полученною из С.-Петербурга. Вообще за Пушкиным библиографическое известие едва успеваает: его творения *раскупают* прежде, нежели медлительный библиограф запишет их в реестр современных произведений нашей литературы. Мы извещали читателей наших о 2-й главе *Онегина*, еще до издания оной в свет; после того нам *обещан* был разбор сего нового произведения поэта нашего; тем лучше: ждем исполнения обещания *теперь*, ибо рецензенту можно будет поговорить о трех главах вместе. Библиографу не хочется однакож не поделиться поскорее с читателями Телеграфа приятным известием об издании *третьей главы Онегина*, и особенно известием, приложенным в начале книжки, что «отныне издание продолжения *Онегина* будет следовать в непрерывном порядке: одна глава тотчас за другою», а всех глав, как говорят литературные лазутчики, двадцать слишком. Какой обширный разгул поэту и сколько наслаждений ожидает читателя! что если бы чаще можно было в русской библиографии отмечать вдруг по четыре книги таких, о которых теперь мы хотим кратко уведомить наших читателей.

Повторяем, что *вторую* главу *Онегина* знают все, и, верно, половина наизусть; следовательно, об ней можно говорить как о сочинении, совершенно знакомом читателям. Они припомнят, что *Онегин*, после смерти дяди, полный хозяин его поместьев, деревен-

ского дома, заводов и проч. и проч., скучает в наследственной деревне,

Затем, что он равно скучал
Средь модных и старинных зал;

знакомится с молодым соседом своим Ленским, и поэт вводит нас в дом Лариных, куда Ленский ездит, почти как жених Ольги, дочери Лариных. Поэт обрисовывает характер и образ жизни Ленского, Лариных, соседей их, деревенских дворян. Здесь поэт прервал свое повествование.

Оно начинается снова в третьей главе; но очерки посторонних характеров здесь все в тени: Ленский, Ларины, соседи, самый Онегин забыты поэтом: душу, сущность третьей главы составляет Татьяна, девушка, одаренная необыкновенною, сильною душою, девушка, у которой *«всю историю составляет любовь»*. Татьяна любит Онегина...

— *Московский телеграф*, 1827, ч. 17, № 19.

II

Пушкин не может писать дурных стихов: это всем известно; это многими сказано, и это неоспоримо: следственно, не *о стихах* Пушкина говорить должно; даже не *о мыслях*, которые собственно принадлежат прозе; но о том, что существенно составляет поэзию, и чему нельзя довольно надивиться в поэте. Например: спрашиваю у себя, где, когда и как Пушкин мог приобрести такое *опытное* познание сердца человеческого? где, когда и как мог он научиться языку страстей во всяком положении? где, когда и как нашел он ключ к сокровеннейшим чувствам и помыслам? Кто ему дал искусство одним очерком ясно представить характеры с их отдаленным развитием и происшествия с предбудущими последствиями? Кто дал ему кисть и краски живописать для воображения точно так, как живописуется природа для глаз? Вот тайна поэта и поэзии!

— *Дамский журнал*, 1827, ч. XX, № 21.

III

Первые взоры просвещенной публики обращены на Пушкина. Приятно и поучительно следовать за ним в постепенном его развитии. Не голосом льстивой похвалы, но голосом правды будем говорить о нем. Им подарены публике четыре следующие произведения: *Братья Разбойники*, *Цыганы*, *Третья песнь Онегина* и *Сцена из Бориса Годунова*, напечатанная в 1-й книжке Московск. Вестника. В первых двух произведениях еще не совсем исчезли следы глубоких впечатлений Байрона; на характерах еще заметен отпечаток меланхолии британского поэта. В разбойнике старшем виден также голод души, ненасыщаемой преступлениями, и за удары судьбы, к нему неприязненной, неправо мстящей всему человечеству; разбойник младший напоминает своею участью меньшего брата Шильонскому узнику. Алеко есть также человек, недовольный человечеством и тщетно ищущий самозабвения в таборе кочующей вольности. Это эгоист, нам уже знакомый, который, напрасно обвиняя человечество, вину всех своих несчастий в самом себе заключает. Но идеализированный поэтом характер Цыганов, равнодушных ко всем ощущениям, к переворотам судьбы, не ведающих законов и следоват. ни добра, ни преступления, нов, яростно и обнаруживает кисть зрелую. В сем произведении заметна какая-то странная борьба между идеальностью байроновскою и живописною народностью поэта русского. Черты лиц также набросаны темно; но окружающие предметы блещут яркостью разнообразных красок. Сия борьба причиняет какое-то разногласие и неполноту в целом произведении, которое потому остается не совсем понятно для иных читателей. В сей борьбе видишь, как поэт хочет изгладить в душе впечатления чуждые и бросается невольно из своего прежнего мира призраков в новую атмосферу существ, дышащих жизнью. Но в *третьей песне Онегина* свободный и мужающий поэт совершенно отклоняет от себя постороннее влияние. В сей песне он подарил нас характером Татьяны своего собственного создания. Ее физиономию вы живо себе представляете: можно сказать, что поэту не во сне она предстала, но в светлом видении. Он в каком-то тумане неясно видел Черкешенку, Марию и

Зарему; но на Татьяну смотрел с открытыми веждами, замечал в ней каждое чувство в постепенном его развитии, каждое движение. В этом характере мы находим более отчетливости, более подробностей, и потому смело из него заключаем, что Пушкин более и более зреет.

Но всего важнее, всего утешительнее появление *сцены из Бориса Годунова* между Пименом и Григорием, которая сама в себе представляет целое, особое произведение. В тесных границах непродолжительного разговора изображен не только характер летописца, но и вся жизнь его. Это создание есть неотъемлемая собственность поэта, и, что еще отраднее, поэта русского, ибо характер Пимена носит на себе благородные черты народности. Всякий, постигающий важность сего явления, невольно произнесет правый укор нашим журналистам, которые даже не помянули о нем, и с негодованием осмеет тех ничтожных критиков, которые младенчески сожалели о том, что сей отрывок писан не с рифмами и в этом отношении отдавали преимущества отрывку из соименной трагедии г. Федорова.

Нужно ли повторить перед Пушкиным, что все с нетерпением ожидают появления Бориса? Нужно ли говорить о том, как вместе с ним зреет язык его, или язык русский? Мы удивляемся, как наши дамы, прочитав письмо Татьяны и всю третью песнь Онегина, еще до сих пор не отказываются в обществе от языка французского и как будто все еще не смеют или стыдятся говорить языком отечественным.

— *Московский вестник*, 1828, ч. VII, № 1.

IV

4-я и 5-я песни Онегина составляют в Москве общий предмет разговоров: и женщины, и девушки, и литераторы, и светские люди, встретясь, начинают друг друга спрашивать: читали ли вы Онегина, как вам нравятся новые песни, какова Таня, какова Ольга, каков Ленский и т. п. Мы подслушивали разные суждения и расскажем их, вместо собственных, нашим читателям.

Татьяна имеет все голоса в свою пользу, — некоторые даже желали бы, чтоб вся вышедшая часть

романа (то есть 5 песней) названа была Татьяной Лариной, а не Евгением Онегиным.— Один молодой человек так живо представил себе эту милую дочь русской природы, что на вопрос своего приятеля, на бале, как ему нравится одна девушка, отвечал: очень она похожа на Таню.

*

Характером Онегина не довольны, или, лучше, его не любят, хотя судьи поблагоразумнее говорят, что этот характер надобно рассматривать, хвалить, порицать, осуждать, объяснять только в психологическом отношении, как явление нравственное, а в художественном — советуют смотреть только на его изображение, не противоречит ли он сам себе и т. п.; здесь не надобно, говорят они, вдаваться в рассуждение, хорош ли этот характер или нет, а только как он изображен: точно как в портрете, — смотрите, похож ли он на свой подлинник, хорошо ли написан, а не распространяйтесь о том, что нос широк, а брови густы.

*

Одни говорят, что Онегин изображен не в ясных, не в резких чертах, что нельзя себе представить его личности (индивидуальности), как Дон-Жуана Байронова, как некоторые лица Вальтер Скоттовы; другие, напротив, бьются об заклад, что, по полученным данным, они отгадают все будущие решения Онегина, как станет он действовать в тех или других обстоятельствах. «Ну примет ли он вызов Ленского? — спросил атлет из первой партии одного из своих противников.— Тот задумался, но наконец отвечал: это может зависеть от разных посторонних обстоятельств; вероятно, Онегин употребит усилие для того, чтоб кончить распрю. Впрочем, может быть, и примет вызов.— «Изверг, изверг!» воскликнули все присутствовавшие дамы. Многим сделалось дурно, и бедные насилу очнулись, и то выливши по склянке eau de cologne* на виски.

* одеколон (фр.)

*

Дамы вообще в ужасном негодовании на Пушкина за то презрение, которое он к ним при всяком случае обнаруживает в стихах своих, за злость, с которою придирается. Это — *lèse-majesté* *, нашептывают им их чичисбеи, и мы не знаем, каково будет жить поэту на свете, если могущественные дщери Евы внемлют духу мести.

*

Вызов Ленского называют несообразностию. Il n'est pas du tout motivé **, все кричат в один голос. Взбалмошный Онегин на месте Ленского мог вызвать своего противника на дуэль, а Ленский — никак. Да и за что было Онегину бесить его?

*

Жалуют, что Ленский только описывается, а не представляется в действии.

*

В Ленском находят вот еще какую несообразность: он, идеалист, поэт, никак не мог сказать Онегину, начав с ним говорить об Ольге:

Ах, милый, как похорошели
У Ольги плечи, что за грудь.

Tout au plus ***, заметил один молодой поэт, Ленский мог говорить о глазах Ольгиных, а о груди, плечах — никак. Другие стали было оправдывать эти слова тем, что Ленский хотел примениться тоном к Онегину, но безуспешно.

*

Пятой песне отдается преимущество перед четвертою, которую автор заметно хотел наполнить чем-нибудь, и заговаривается, хотя и очень мило.

* оскорбление величества (фр.)

** он совсем не мотивирован (фр.)

*** самое большее (фр.)

Нить повествования ведена лучше в первых трех песнях, чем в последних двух, замечают также многие. Читатель по прочтении четвертой и пятой остается в каком-то тумане: прекрасные подробности и эпизоды слишком развлекают его внимание.

*

Охотники до новых рифм восхищаются Гарольдом — со льдом, Оле — боле, бланманже — уже.

*

Кстати о бланманже. Для классиков очень соблазнительными кажутся стихи:

Между жарким и бланманже
Цымлянское несут уже.

А романтики в последнем стихе находят какую-то аналогию с неловким подчиваньем провинциалов.

*

Онегин, сказал некто, родился под звездой Дон-Жуана, но в нем много русской правды.

*

Иные вовсе отказались видеть в Онегине что-нибудь целое. Пусть поэт надает нам приятных впечатлений, все равно мелочью или гуртом. У нас будет несколько характеров, описания снов, вин, обедов, времен года, друзей, родных людей, и чего же больше? Пусть продолжается Онегин à l'infini*. Пусть поэт высказывает нам и себя в эпизодах, и не в эпизодах.

*

«Создать такой характер, как у Онегина, невозможно, сказал один. Чтоб описать его, надобно самому быть им». — Согласен с вами, отвечал другой, может быть, автор — Онегин, но только не в святые минуты вдохновения, по будням, а не в праздник.

* до бесконечности (фр.)

Когда не требует поэта
К священной жертве Аполлон.

В таком случае, сказал третий, гораздо лучше верить самому автору. Вот что говорит он об этом:

Всегда я рад заметить разность
Между Онегиным и мной,
Чтобы насмешливый читатель,
Или какой-нибудь издатель
Замысловатой клеветы,
Сличая здесь мои черты,
Не повторял потом безбожно,
Что намарал я свой портрет,
Как Байрон, гордости поэт;
Как будто нам уж невозможно
Писать поэмы о другом,
Как только о себе самом

*

До чего простирается разность в суждениях! Одним очень нравится небрежность, с которою пишется этот роман: слова льются рекою и нет нигде ни сучка, ни задоринки. Другие, свысока, видят в этой натуральной небрежности доказательство зрелости Пушкина: поэт, говорят они, уже перестает оттачивать формы, а заботится только о проявлении идей; третьи — како-во покажется? — небрежность эту называют неучтивостью к публике. Пушкин зазнался и пр. — Четвертые толкуют о порче вкуса.

*

Сном Татьяны восхищаются все — и охотники до бреду, и охотники до истины, и охотники до поэзии. — Был, однакож, один, который утверждал, что такого сна систематически уродливого видеть невозможно. — Впрочем, слава богу, отвечал другой, что мы наяву увидали его. В театре видит же публика сны вместо спящих героев пьесы.

*

Многим очень нравится также описание Я:

Кого ж любить? кому же верить?
Кто не изменит нам один?
Кто все дела, все речи мерит
Услужливо на наш аршин?

Кто клеветы про нас не сеет?
 Кто нас заботливо лелеет?
 Кому порок наш не беда:
 Кто не наскучит никогда?

*

Все с большим удовольствием приняли тонкую похвалу Жуковскому:

Татьяна по совету няни,
 Сбираясь ночью ворожить,
 Тихонько приказала в бане
 На два прибора стол накрыть.
 Но стало страшно вдруг Татьяне...
 И я — при мысли о Светлане
 Мне стало страшно... Так и быть...
 С Татьяной нам не ворожить.

Удачно воспоминание о *Чужом толке* Дмитриева.

Припомни, что сказал сатирик.
Чужого толка хитрый лирик —
 Ужели для тебя сносней
 Унылых наших рифмачей?

Были, однакож, недогадливые, которым должно было растолковать, что *Чужого толка* хитрый лирик значит — хитрый лирик, представленный в *Чужом толке*.

*

Ответ Онегина Татьяне совершенно в его характере. Он не мог поступить иначе. По этому ответу однакож подозревают некоторые, не бывал ли Онегин на Кавказе?

— *Московский вестник*, 1828, ч. VII, № 4.

V

(...) Как характеры созданы в Онегине? Евгений, избалованный, ветреный, который

В красавиц (он) уж не влюблялся,
 А волочился как-нибудь,

читает предлинное наставление Татьяне, в котором и тени нет языка разговорного. Катон с одною сестрою, он в то же время Ольге, невесте своего приятеля,

.....Наклонясь шепчет нежно
Какой-то пошлый мадригал
И руку жмет.

Тихий, мечтательный Ленский за то, что друг его провальсировал лишний раз с его невестою,

Проказы женские кляня,
Выходит, требует коня
И скачет. Пистолетов пара,
Две пули — больше ничего —
Вдруг разрешат судьбу его.

Бесстрастная Ольга, помолвленная за Ленского, после того как

Владимир сладостной неволе
Предался полною душой.
Он вечно с ней. В ее покое
Они сидят в потемках двое,

накануне почти свадьбы, при первой ласке Онегина, забывает жениха...

.....Чуть лишь из пеленок
Кокетка, ветреный ребенок.

Печальная Татьяна, раз, и то мельком, видевши молодого мужчину, пишет ему, спустя полгода, самое жалкое письмо, уверяя, что Онегин послан ей Богом! — Естественно ли все это?

Нет характеров: нет и действия. Легкомысленная только любовь Татьяны оживляет несколько оное. От этого и эти две главы, подобно предшествовавшим, сбиваются просто на описания то особы Онегина, то утомительных подробностей деревенской его жизни, то занятий Ленского, то опять автор принимается за характер Татьяны, хотя об ней слишком уже много было толковано и во второй главе; то возвращается к природе; описывает осень, зиму. — От этого такая *говорливость* у него; так много заметных повторений, возвращений к одному и тому же предмету и кстати и не кстати; столько отступлений, особенно там, где есть случай посмеяться над чем-нибудь, высказать свои сарказмы и потолковать о себе. — Некоторые называ-

ют затеями воображения, а другие подобные замашки—вероятно литературные староверы—поэтической кристаллизацией, или, просто, наростами к рассказу, по примеру, блаженной памяти, Стерна. Отымите несколько строф подобного содержания: стихотворение столь же мало потеряло бы в содержании, как мало и выиграло бы, если бы автор потрудился покороче познакомить нас с подробностями жития своего<...>

...Едва ли кто писал стихами на русском языке с такою легкостью, какую замечаем во всех стихотворениях Пушкина. У него не приметно работы: все непринужденно; рифма звучит и выкликает другую; упрямство синтаксиса побеждено совершенно: стихотворная мера ни мало не мешает естественному порядку слов. Дарование редкое. Но этой же легкости мы должны приписать и заметную во многих стихах небрежность, употребление слов языка книжного с простонародным; без всякого внимания к их значению; составление фигур без соображения с духом языка и с свойствами самих предметов; ненужное часто обилие в выражениях и наконец недосмотр в составе стихов.

Приведем несколько доказательств:

Чем меньше женщину мы любим,
Тем легче нравимся мы ей,
И тем ее вернее губим
Средь обольстительных сетей.

Тут поэзии меньше, нежели правды. Если бы эти стихи не имели чести принадлежать Пушкину, то едва ли бы их удостоили даже названия стихов.

Но эта важная забава
Достойна старых обезьян,
Хваленых дедовским временем.

Следственно Державин ошибся, сказав:

Глагол *времен*.

Но к ней (Татьяне) Онегин подошел
И *молвил*.....

Глаголом *молвить* до сих пор на русском языке выражалось коротко оканчивающееся действие: *ска-*

зывать. Он *молвил* слово. Позвольте мне *вымолвить*.
Здесь же Онегин *молвит* целую исповедь.

Когда б мне быть отцом, супругом,
Приятный жребий повелел.

Привязчивые критики замечают, что, по порядку, надобно бы прежде поставить *супругом*, затем уже *отцом*. Я замечу только, что *жребий*, по смыслу этого слова и по изъяснению Словаря Российской Академии, есть как бы знак приговора судьбы, а не самая судьба. Сам автор, чрез несколько строк, употребляет слово сие в другом, правильном уже значении:

Ужели *жребий* вам такой
Назначен строгою *судьбой*.

.....
Когда б семейственной картиной
Пленился я хоть *миг* *единой*.

.....
Нашед ли прежний идеал.

Нашед в разговорном слоге неупотребительно.

Люби *безумные страданья*.

Звучные слова, но без значения; точно так же, как и

Разумные отрады,

если бы кому-нибудь угодно было щегольнуть новизною.

Улыбка, девственный покой,
Пропало все, *что* звук пустой,

вместо *подобно* звуку. В последне писанных одах Державина мы было уже распростились с этим оборотом.

Так *одевает бури* *тень*
Едва рождающийся *день*.

Трудно понять, кто кого одевает: *тень* ли *бури* одевается *днем*; или *день* одевается *тенью*? Притом — посудим, что такое *тень бури*? Для простомыслов чересчур уже отважно и подобное выражение: *буря* *тенью* застилает едва рождающийся *день*.

Поэт описывает состояние души Татьяны:

Люби *безумные страданья*
Не перестали *волновать*
Ея души.

А чрез несколько строчек продолжает:

Ничто ее не занимает,
Ея души не *шевелит*.

.....
Увы! Татьяна увядает,
Бледнеет, гаснет и *молчит*.

Усиливается ли выражение словом *молчать*. Что оно после *увядает и гаснет*?

Меня *стесняет* сожаленье.

Сожаление — чувство внутреннее; а *стеснять* показывает действие извне. *Меня стесняют обстоятельства*, сказать можно; но *меня стесняет соболезнование* так же как и *сожаление*, едва ли?

Вы, *украшенные* проворно.

Тут должны пострадать или слоударение или стопосложение: жертва для спасения стиха неизбежна.

Конечно вы не раз видали
Уездной барышни альбом,
Что (?) все подружки измарали.

.....
Два века ссорить не хочу.

Кажется, есть правило об отрицании *не*: а то вместо *ссорить кого*, выйдет — *много ли времени*?

Случалось ли поэтам слезным
Читать в глаза своим любезным
Свои творенья.

В числе народных выражений есть и *говорить в глаза*; но мы до сих пор не слышали, чтобы кто-нибудь сказал: *читать в глаза, писать в глаза, рисовать в глаза*, и т. п.

Младой и свежий поцелуй.

Мы вправе ожидать, что этот поцелуй *постареет, увянет* со временем: не соображено качество с предметом.

Гусей крикливых караван.

Это разве можно сказать о тех гусях, которых привозят зимою в Москву замороженных. Караваном назы-

вается обоз, составленный из разных повозок, принадлежащих разным хозяевам.

В *избушке* распевая, *дева*
Прядет.

Как кому угодно, а *дева в избушке*, тоже, что и *дева на скале*.

.....зимних друг ночей
Трещит лучинка перед ней.

Лучинка, друг ночей зимних, *трещит* перед *девою*, *прядущею в избушке!*.. Скажи это кто-нибудь другой, а не Пушкин, досталось бы ему от наших должностных Аристархов.

Мальчишек радостный народ
Коньками звучно режет лед.

В извлечении для смысла: ребяташки катаются по льду.

На красных лапках гусь тяжелый,
Задумав плыть по лону вод.

Не уплывет далеко на красных лапках.— Неверно также выражение: плыть по лону; лоно означает глубину, недро.

Скакать верхом в степи суровой?
Но конь, притупленной подковой
Неверный зацепляя лед,
Того и жди, что упадет.

Эпитет *неверный* ко льду едва ли *верен*. Лошадь падает не от того, что *цепляет* лед, а потому, кажется, что не *цепляет*, скользит.

Вдался в *задумчивую* лень.

Модное, часто повторяемое выражение, в котором и с *раздумчивым вниманием* не скоро добьешься смыслу.

Но изменяет пеной шумной
Оно желудку моему.

Может ли это кого занять, кроме врача, заботящегося о пищеварении автора; и что такое: *изменять желудку шумною пеной?*

И я бордо *благоразумный*,
Уж нынче предпочел ему.

Бордо благороден. Открытие. Попьем, попишем: может быть, откроем в нем и еще какие-нибудь достохвальные качества.

К аи я больше не способен.

Скажите, где публика, где читатели?..

*Аи любовнице подобен
Блестящей, ветреной, живой
И своенравной и пустой.*

Будем снисходительны: согласимся, что любовница может быть и живая и ветреная, но блестящая и пустая, образы без лиц.

Иль тихий разделять досуг.

То же, что и задумчивая лень.

*.....И теплотою
Камин чуть дышит.*

Некоторым покажется это выражение более нежели смелым; но эти *некоторые*, вероятно, не заботятся о пиитическом обогащении языка. Бездарные, они пожалуй не найдут значения и в этом выражении:

*... Светлый кубок
Еще шипит среди стола.
.....
И тайна брачных постели
И сладостный любви венок
Его восторгов ожидали.*

Покорнейше прошу читателя переложить это в прозу.

*Мой бедный Ленский, сердцем он
Для оной жизни был рожден.*

Творительный падеж на русском языке означает отношение по вопросу кем или чем. Он предан ему душою, он любим Музами, но — он рожден сердцем?..

*Сто крат блажен, кто в теплой вере
Холодный ум угомонив,
Покоится в сердечной неге.*

Угомонивши *холодный* ум в *теплой* вере, покоиться в *сердечной неге!!!* Жаль только, что это не может угомонить *холодного* рассудка!

*Зима!.. крестьянин торжествуя
На дровнях обновляет путь.*

В первый раз, я думаю, дровни в завидном соседстве с торжеством. *Крестьянин торжествуя*—выражение неверное.

Летит кибитка удалая.

Помнится, в первой главе были уже *дрожки удалыя*.
 Подробности:

Ямщик сидит на облучке
 В тулупе, красном кушаке,

живописны.—

Сиянье розовых снегов.

Озаренный заходящим солнцем, снег может казаться розовым, но *сиянье снега*... воля ваша, гг. Нововводители!

По старине торжествовали
 В их доме эти вечера.

За неимением лица действие относится к *вечерам*; то есть вечера торжествовали по старине. Скажут: привязка. Что делать, как читаю, так и понимаю.

.....Надежда им
 Лжет детским лепетом своим.

Надежда лжет лепетом?!

Татьяна на широкий двор
 В открытом платьице выходит.

 То в хрупком снеге с ножки милой.

 Упала в снег, медведь проворно
 Ее подьмлет и несет.

 Визг, хохот, свист и хлоп
 Людская молвь, и конский топ.

Неужели первый стих ямба, и четырехстопный? Порадуемся счастливой гибкости нашего языка: хлопанье и топот не мешаются в стих—можно последние слоги оставить. Будем надеяться, что эта удачная придумка обрежет слоги многим упрямым русским словам, которые не гнутся теперь в стих. Как приятно будет читать:

Роп, вм. ропот,
 топ, вм. топот,
 грох, вм. грохот,
 сляк, вм. слякоть.

Нельзя не полюбоваться также и *людскою молвью*.

Татьяна во сне зашла в *шалаш убогий*, а к концу сна очутился *шалаш хижиною!*

.....Хижина шатнулась.

Это впрочем во сне.

Но вот багряною рукою
Заря, от утренних долин,
Выводит с солнцем за собою
Весельй праздник именин.

Шутка над Ломоносовым.

Заря багряною рукою
От утренних спокойных вод
Выводит с солнцем за собою
Твоей державы новый год.

Так, кажется, старик начинает Оду свою на день восшествия на престол императрицы Елисаветы.

Какая радость: будет бал;
Девчонки прыгают заране.

Как эти девчонки, готовящиеся на бал, забавны пред девою, прядущею в избушке.

.....
Так пчел из *лакомого улья*
На ниву шумный рой летит.

Как у наборщика не дрогнула рука набрать этот *лакомый улей?*

Все *жадной скуки сыновья*.
Пред *сонной скукою* полей.

Есть ли какой-нибудь из европейских языков терпеливее русского при налогах имен прилагательных: что хочешь поставь пред существительным, все выдержит. Скука — жадная, хладная, алчная, гладная, сонная и пр. и пр.

Однообразный и *безумный*,
Как вихорь жизни молодой,
Крутится вальса вихорь шумный.

Однообразный, шумный, безумный вихорь, подтверждение выше замеченной гибкости языка нашего,

относительно имен прилагательных. Не назвать ли нам эпитетов, подобных *удалой* кибитке, *лакомому* улью, *безумному* вихрю, не имеющих приметного отношения к своим существительным, вместо прежнего: *имена прилагательные*, новым словом: *имена прилепительные*. В таком случае мы по крайней мере не затруднились бы, куда отчислить и

Лица самолюбивые,
И негодование ревнивое,

и сотню других мелочей, которые так заживо цепляют людей, учившихся по старым грамматикам.

— *Атеней*, 1828, ч. I, № 4.

VI

У всякого художественного произведения есть точка, одна точка, с которой оно представляется во всем своем величии. Взгляните вблизи на декорацию Гонзаго, это — мазанье; но из кресел, в надлежащем расстоянии, освещенное, оно чарует нас. Многие ошибаются в своих суждениях потому, что не попадают на точку, с которой должно смотреть на произведение.

В Атенее кто-то насчитал множество ошибочных выражений в Онегине. — Читал ли г. критик, занимающийся старыми своими грамматиками, прочие стихотворения Пушкина? Заметил ли он, что у Пушкина особое достоинство — верность и точность выражения, и что это достоинство принадлежит ему предпочтительно пред всеми нашими поэтами? Пушкин, следовательно, мог, если бы захотел, избежать тех ошибок, в которых его упрекают (впрочем, из замеченного только 1/10 справедливо), но у него именно, кажется, было целью оставить на этом произведении печать совершенной свободы и непринужденности. Он рассказывает вам роман *первыми* словами, которые срываются у него с языка, и в этом отношении Онегин есть феномен в истории русского языка и стихосложения.

— *Московский вестник*, 1828, ч. VIII, № 5.

Глава десятая

1829

Всё, всё, что гибелью грозит,
Для сердца смертного таит
Неизъяснимы наслажденья —
Бессмертья, может быть, залог!
И счастлив тот, кто среди волненья
Их обрести и ведать мог.

1830

Желал я душу освежить,
Бывалой жизнью пожить
В забвеньи сладком близ друзей
Минувшей юности моей.

1832

Итак, он увидел ее в декабре 1828 года *... Существуют записки дочери Натальи Николаевны (от второго брака) об этой встрече, сделанные, естественно, со слов матери: «Ей только минуло 16 лет, когда они впервые встретились на балу в Москве. В белом воздушном платье с золотым обручем на голове, она в этот знаменательный вечер поражала всех своей классической царственной красотой. Александр Сергеевич не мог оторвать от нее глаз, испытав на себе натиск чувства, окрещенного французами *coup de foudre* **. Слава его уже тогда гремела на всю Россию. Он всегда являлся желанным гостем, толпы ценителей и восторженных поклонниц окружали его, ловя всякое слово, драгоценно сохраняя его в памяти. Наталья Николаевна была скромна до болезненности, при первом знакомстве их его знаменитость, властность, присущие гению, не то что сконфузили, а как-то придавили ее. Она стыдливо отвечала на восторженные фразы, но эта врожденная скромность,

* Мелькнуло в пушкиниане предположение о возможной встрече поэта со своей будущей женой в 1826 г. на балу для подростков, устроенном танцмейстером Иогелем, но подтверждения этому пока нет.

** Любовь с первого взгляда (буквально: «удар грома»).

столь редкая спутница торжествующей красоты, только возвысила ее в глазах влюбленного поэта». Таковы, пусть косвенные, но достаточно правдоподобные мемуары Натальи Николаевны о первом свидании. Эти впечатления, сохранившиеся в ее памяти, отчасти подтверждаются словами ее брата С. Н. Гончарова: «Пушкин, влюбившись в Гончарову, просил Американца графа Толстого, старинного знакомого Гончаровых, чтоб он к ним съездил и испросил позволения привезти Пушкина. На первых порах Пушкин был очень застенчив, тем более, что вся семья обращала на него большое внимание ...Пушкину позволили ездить, А. П. Малиновская (супруга известного археолога *) по его просьбе уговаривала в его пользу». Самому Пушкину уже не довелось вспоминать ни в 40-х, ни в 50-х годах. Но сохранилось его свидетельство, относящееся к апрелю 1830 г.:

«Когда я увидел ее в первый раз, красоту ее едва начинали замечать в свете. Я полюбил ее, голова у меня закружилась, я сделал предложение, ваш ответ, при всей его неопределенности, на мгновение свел меня с ума; в ту же ночь я уехал в армию; вы спросите меня—зачем? клянусь вам, не знаю, но какая-то произвольная тоска гнала меня из Москвы; я бы не мог там вынести ни вашего, ни ее присутствия...» Посватался Пушкин в самом конце апреля. Получив полуотказ, он написал матери Натальи Николаевны (№ 6), и сразу уехал в действующую армию.

Может создаться впечатление, что Пушкин отправился на Кавказ только из-за неопределенного положения с женитьбой. На самом деле иначе: поэт мог бы, вероятно, отменить поездку, получи он немедленное согласие Гончаровых, но решение присоединиться к войскам было принято в январе—феврале 1829 г. и уже 4 марта получена в Петербурге подорожная до Тифлиса. Собственно, сама мысль об этом возникла еще раньше—в 1828 г., когда был обнародован манифест о войне с Турцией. Пушкин и Вяземский просили разрешения участвовать в боях, которые, как они надеялись,—и не безосновательно—приведут к независимости Греции, но получили отказ. Одно письмо великого князя Константина Бенкендорфу

* А. Ф. Малиновский—брат лицейского директора; близкий друг стариков Пушкиных.

на этот счет приводилось в гл. IX. Известно и другое: «Вам представляется всеми вашими силами препятствовать сближению нашей легкомысленной молодежи с этими греческими канальями (извините меня за выражение), так как это сближение могло бы привести к весьма пагубным последствиям. Поверьте мне, что в своей просьбе они не имели другой цели, как найти новое поприще для распространения с большим успехом и с большим удобством своих безнравственных принципов, которые доставили бы им в скором времени множество последователей среди молодых офицеров». Таким образом, участие в русско-турецкой войне на ее европейском театре Пушкину было заказано. И он решает во что бы то ни стало добраться до азиатского театра войны, т. е. до армии графа И. В. Паскевича-Эриванского, сражавшейся в Закавказье. В черновом варианте предисловия к «Путешествию в Арзрум» (остальная черновая рукопись до нас не дошла) Пушкин говорит о мотивах поездки: «В 1829 г. отправился я на Кавказские воды. В таком близком расстоянии от Тифлиса мне захотелось туда съездить для свидания с братом и некоторыми из моих приятелей». Эти строки предназначались для печати, и автор хотел «задним числом» уберечь себя от подозрений в каких-то иных мотивах. Недаром по приезде в письме Бенкендорфу он отметал всякие кривотолки: «Мне была бы невыносима мысль, что моему поступку могут приписать иные побуждения». Что именно имеет в виду поэт? Прежде всего разнесшийся клеветнический слух, будто он собирается через турецкое побережье бежать за границу. Эта абсурдная мысль, судя по некоторым намекам, пришла в голову Вяземскому; в разное время ее повторяли и некоторые пушкинисты. Трудно понять, почему, зная о предстоящем путешествии поднадзорного, III Отделение этому не помешало. Пушкин и подорожную-то скорее всего не мог получить без санкции властей, а если уж бумагу по ошибке выдали, то и с дороги бы вернули. «В действительности же власти поступили так,— справедливо замечает современный исследователь этого отрезка биографии Пушкина Н. А. Раевский,— точно предотвратить эту самовольную поездку они не в состоянии, словно дело происходило не в самодержавной России, а, скажем, в Англии, где лорд Байрон и любой журналист мог

ехать куда ему угодно, не спрашивая ни у кого разрешения». О планах Пушкина хорошо было известно. 21 марта А. Я. Булгаков сообщил брату: «Пушкин едет в армию Паскевича узнать все ужасы войны, послужить волонтером, может и воспеть это все». 3 апреля 1829 г. генерал Раевский писал сыну Николаю: «Пушкин хотел из Петербурга к тебе ехать, потом из Москвы, где нездоровье его еще раз удержало. Я ожидаю его извещения и письмо сие назначено к отправлению с ним». 22 марта Бенкендорф распорядился о слежке (№ 4). 26 марта генерал-губернатор Петербурга доносил, что Паскевич предупрежден о необходимости слежки за Пушкиным. Нельзя исключить какого-то противоречия между властью имущими: Бенкендорф явно если не отпустил, то, по крайней мере, не задержал поэта, а царь, вернувшись в Петербург, выразил крайнее неудовольствие (№ 51). Во всяком случае секрета не было никакого. Даже «Тифлисские ведомости» поместили сообщение о предстоящем приезде «одного из лучших наших поэтов». Думается, здесь присутствует нераскрытая деталь: каким образом все же удалось Пушкину осуществить свое путешествие в Эрзрум (Арзрум, Эрзерум).

Что же касается истинных причин, то их немало: первая и главная — ностальгия по декабризму, если позволено будет так выразиться. Это, как мы видели, — лейтмотив душевного состояния Пушкина в конце 20-х годов. В армии Паскевича служили 65 офицеров-декабристов (38 из них были разжалованы в солдаты) и 3000 солдат — участников восстаний на севере и юге. «Теплой Сибирью», горько шутя, называли Кавказ того времени. Так что не только Льва Сергеевича хотел повидать поэт, и не только близкого друга Николая Раевского — командира Нижегородского драгунского полка, но и прямых участников движения, дорогих его сердцу, в том числе брата Пущина — Михаила. Да и давно мечтал он о Закавказье: еще 24 марта 1821 г. признавался Гнедичу: «Сцена моей поэмы должна бы находиться на берегах шумного Терека, на границах Грузии, в глухих ущельях Кавказа...»

Другая веская причина: стремление во что бы то ни стало вырваться из оков пустой и в конечном счете иссушающей душу светской суеты обеих столиц.

«Путешествия были моей любимой мечтой с детства», — писал он; и в другом месте: «Путешествие нужно мне нравственно и физически». Словом, «Им овладело беспокойство, // охота к перемене мест // (весьма мучительное свойство, // немногих добровольный крест)». Наконец, нужно напомнить еще об одной черте характера Пушкина, определившей потребность участия в войне: без преувеличения — безудержную его храбрость и пренебрежение, даже более — упоение опасностью. Сопричастность героическому делу русских воинов воодушевляла его — он готов был мчаться под пули, ни с чем не считаясь. Именно так поступал поэт в сражении за Эрзрум. Не привык он склонять голову, когда смерть стоит рядом. Так было и в 1829 году, и в 1837-м.

* * *

Иногда говорят, что единственная глава жизни Пушкина, которую он в подробностях записал сам, военное путешествие в Эрзрум в 1829 г. (№ 8 и др.). Это не совсем верно: с одной стороны, и другие периоды удержаны в памяти нашей самим поэтом (письма, стихи, дневниковые записи), с другой — и в «Путешествии...», прошедшем через цензуру в 1835 г., он умолчал о многом...

1 мая выехал Пушкин из Москвы на перекладных в своей коляске, делая в среднем верст по 50 в сутки. Вскоре дал он 200 верст «крюку», захав в Орел к опальному генералу Алексею Петровичу Ермолову. Знакомы они до этого не были, но личность генерала была столь привлекательна для Пушкина, что он не простил бы себе, что не повидался и не побеседовал с ним, когда имел хоть какую-то к этому возможность.

Пушкина еще на свете не было, когда Ермолов (1777—1861) уже подвергался политическим преследованиям. За участие в смоленском офицерском кружке и за хранение вольных стихов ему дважды (1797, 1798) пришлось отсидеть под арестом. В начале 1799 г. молодого офицера, кавалера ордена Св. Георгия 4-й степени, врученного лично Суворовым, сослали в Кострому и только после смерти Павла I позволили вернуться в армию. Герой Бородина, победитель французов под Кульмом, человек свободно мысля-

щий, Ермолов никогда не мог ужиться с царями. Казалось бы, его ждала блестящая карьера после того, как во главе гвардейского корпуса он вступил в Париж, но нет: дело кончилось почетной ссылкой в Грузию — назначением на должность начальника Отдельного кавказского корпуса. При Ермолове корпус был воспитан в суворовских традициях безграничной отваги и беззаветной любви к родине. Инспектировавший войска генерал Дибич, недоброжелательно относившийся к Ермолову, вынужден был признать: «Прослужив 25 лет и участвуя во многих кампаниях, я, положив руку на сердце, могу поистине сказать, что не видал в наших войсках того рвения и мужества, которым были воодушевлены кавказские солдаты». В одном из своих приказов Ермолов назвал солдат «товарищами» — редчайший случай в царской армии.

Ермолов, несомненно, был связан с декабристами — вопрос лишь о формах этой связи. Он пригрозил на Кавказе Кюхельбекера, буквально спас Грибоедова, предупредив его об обыске и грозящем аресте; однажды, встретив будущего декабриста М. А. Фонвизина, Ермолов воскликнул: «Пойди сюда, величайший карбонарий!» И далее сообщил, что Александру I известно о заговоре и тайном обществе, добавив: «Я ничего не хочу знать, что у вас делается, но скажу тебе, что он (царь) вас так боится, как я бы желал, чтобы меня боялся!» Ермолова боялись, да еще как! Авторитет его был огромен — с безошибочным расчетом на широкую поддержку декабристы включили его в правящий комитет, которому предназначалось передать власть в случае успеха восстания. Петербургские декабристы до последней минуты надеялись, что Ермолов отважится двинуть Отдельный кавказский корпус на столицу на помощь восставшим. В Петербурге распространился слух о приближении армии во главе с Ермоловым, об этом даже официально запрашивал один из иностранных послов. Такая акция либо сделала бы Ермолова правителем России, либо привела бы его на плаху. Возможно, прав был Вяземский: «Ермолов мог быть в рядах оппозиции и даже казаться стоящим во главе ее, но это было одно внешнее явление, которое многих обманывало». Знал ли генерал о подобных надеждах и предположениях? Повидимому, да, но до конца своей долгой жизни не

проронил об этом ни слова. Вообще в его характере несколько не было солдатской бесхитростности и готовности когда угодно и кому попало резать правду-матку. Скорее напротив — это был хитрый, понаторевший в дипломатии и слишком умный человек, чтобы в трудные времена открывать свои истинные мысли и чувства. Денис Давыдов (двоюродный брат Ермолова) вспоминает такой случай: «Раз государь Александр Павлович сказал Ермолову: «Говорят, что ты, Алексей Петрович, иногда-таки хитришь?» — «Вашего веку, государь», — ответил Ермолов». Генерал Раевский вообще Ермолова не любил, считая, что тот человек не военный: все берет хитростью, а обманы рано или поздно открываются. Метко, как всегда, характеризовал Ермолова Вяземский: «Самой внешностью своею, несколько суровою и величавою, головой львообразною, складом ума, речью сильно отчеканенною, он был рожден действовать над народными массами, увлекать их за собою и господствовать ими... В нем была замечательная тонкость и даже хитрость ума; но под конец он слишком перетонил и перехитрил. Этим самым дал он против себя оружие противникам своим».

Сверхосторожность Ермолова, доходившую до лицемерия, уловил и Пушкин — читатель обнаружит ее в скупых характеристиках «Путешествия...» и в дневниковой записи от 3 июня 1834 г., где Пушкин называет Ермолова «великим шарлатаном». Здесь, кстати, можно увидеть намек на несостоявшийся поход на Петербург в 1825 г.

При всем том, понимая, что состав предполагавшегося правящего комитета известен Николаю I, Ермолов вел себя с прежней независимостью. М. И. Пущин рассказывал, как в 1827 г. он вместе с другим разжалованным декабристом, П. П. Коновницким, прибыл в распоряжение Ермолова. Генерал приветствовал их, стоя, словами: «Позвольте же и мне вас обнять и поздравить с благополучным возвращением из Сибири». «После этого, — вспоминал Михаил Пущин, — он просил нас сесть, предложил чаю, расспрашивал о пребывании нашем в Сибири, обнадеживал, что и Кавказ оставит в нас хорошее воспоминание. Продержав нас с час времени, он отпустил нас с благословением на новое поприще. Час этот, прове-

денный у Ермолова, поднял меня в собственных глазах моих, и, выходя от него, я уже с некоторой гордостью смотрел на свою солдатскую шинель». За одну такую аудиенцию Ермолов мог лишиться всех генеральских привилегий, что, собственно, скоро и произошло. В том же докладе 1827 г., где Дибич признавал рвение и мужество солдат-ермоловцев, он отмечал «пагубный дух вольномыслия и либерализма» в корпусе. Николай I отвечал на это: «Я не вижу другого средства, как предоставить вам воспользоваться данным вам полномочием для удаления Ермолова». Так блистательный военачальник и незаурядный государственный деятель Ермолов оказался не у дел и в бессрочной отставке. Впоследствии он, правда, номинально введен был в Государственный Совет, но всегда оставался как бы «в сторонке» — в опале и под подозрением. Несколько лет он безвыездно жил в имении в окрестностях Орла. Старый воин, словно тигр (вспомните пушкинское сравнение), метался в узкой штатской клетке, не в силах скрыть тоски по армии. «Генерал Ермолов,— доносил местный полицейский чин,— живет уединенно, но иногда посещает театр и был на трех балах, всегда в черном фраке и без орденов... Мрачный его вид, изобличающий душевное беспокойство, явно противоречит холодному тону, с коим он рассказывает приятность своей настоящей жизни, будто давно им желаемой». И еще из доноса: «Говорят, что войско очень жалеет о отбытии Ермолова, а к генералу Паскевичу еще не имеет любви». Здесь, в Орле, и навестил генерала Ермолова в первых числах мая 1829 г. поэт Александр Пушкин.

Еще в 1820 г. Пушкин писал брату: «Ермолов наполнил Кавказ своим именем и благотворным гением». Для поэта встреча с Ермоловым была не только данью декабризму (хотя и так), но и погружением в русскую историю, которую он всегда стремился узнать не только из книг, но и от живых ее свидетелей. О чем говорили они, в подробностях неизвестно. Пушкин нарочно глухо написал об этом в «Путешествии...» (да и то, что осталось, исключил из печатного текста), а Ермолов с некоторых пор вообще был склонен к молчанию. Но такие важные встречи, как правило, не остаются вовсе без следа. 30 ноября 1829 г. Денис Давыдов сообщал Вяземскому: «Кстати о Пуш-

кине: он проездом в Грузию заезжал к Ермолову, который пишет мне: «Был у меня Пушкин. Я в первый раз видел его и, как можешь себе вообразить, смотрел на него с живейшим любопытством. В первый раз не знакомятся коротко, но какая власть высокого таланта! Я нашел в себе чувство, кроме невольного уважения. Ему также, я полагаю, необыкновенным показался простой прием, к каковым жизнь в столице его верно не приучила». И далее еще одна любопытная «сравнительная характеристика»: «Вот это поэзия! Это не стихи нашего знакомого Грибоеда, от *жевания* которых скулы болят. К счастью моему, Пушкин, как кажется, не написал ни одного экзаметра — род стиха, который может быть и хорош, но в мой рот не умещается». Не обсуждая литературные вкусы генерала, заметим, что беседы в Орле велись на важнейшие темы. Прежде всего — о Карамзине, а значит, о русской истории.

В конце 1854 г. в Москве 77-летнего Ермолова посетил юный биограф Пушкина Петр Иванович Бартенев. Длинной анфиладой комнат старого ермоловского особняка на Пречистенке гостя ввели в кабинет генерала. За широким столом сидел могучий старец «с шалашом седых волос и неповоротливой шеей», как пишет Бартенев. Насупившись, он с увеличительным стеклом разбирал какое-то письмо. Память и ясный разум вовсе не покинули Ермолова. Бартенев рассказывает: «Я завязал разговор про наших поэтов и мало-помалу довел до Пушкина. Я весь был внимание, когда, наконец, зашла о нем речь. «Конечно, его беседа была занимательна?» «Очень, очень, очень!» — ответил с одушевлением Алексей Петрович. Он виделся с ним в Орле вскоре после первой своей отставки. Пушкин сам отыскал его. «Я принимал его со всем должным ему уважением». О предмете своих разговоров с ним Ермолов не говорил». Чрезвычайно интересна ермоловская оценка роли поэтов в истории народа. «Как хорош был сребровласый герой Кавказа, — пишет Бартенев, — когда он говорил, что поэты суть гордость нации. С каким сожалением он выразился о ранней смерти Лермонтова. «Уж я бы не спустил этому NN*.

* т. е. Мартынову.

Если бы я был на Кавказе, я бы спровадил его; там есть такие места, что можно послать, да, вынув часы, считать, через сколько времени посланного не будет в живых. И было бы законным порядком. Уж у меня бы он не отделался. Можно позволить убить всякого другого человека, будь он вельможа и знатный — таких завтра будет много, а этих людей не скоро дождешься». Конечно, речь тут не только о Лермонтове, но и о Пушкине, не только о Мартынове, но и о Дантесе. Вместе с тем проскальзывает и некоторая жестокость Ермолова, проявившаяся, как справедливо считают историки, в кавказских войнах. Как бы то ни было, Пушкин из Орла продолжал свой путь на войну, где смерть подстерегала за каждой скалою... Но как же все-таки сложилась беседа поэта и генерала?

В записках Дениса Давыдова есть такие строки: «Большая часть наших писателей, несмотря на известное к Ермолову неблаговоление Николая Павловича, восхваляли Ермолова в прозе и стихах. Незабвенный наш Александр Сергеевич Пушкин посещал его несколько раз в Орле (имеются в виду несколько посещений за два-три дня, проведенных Пушкиным в Орле в мае 1829 г. — В. К.); Ермолов сказал ему однажды: «Хотя Карамзин есть историк-дилетант, но нельзя не удивляться тому терпению, с каким он собирал факты и создал из них рассказ, полный жизни». В ответ на это Пушкин сказал ему: «Читая его труд, я был поражен тем детским невинным удивлением, с каким он описывает казни, совершенные Иваном Грозным, как будто для государей это есть дело весьма обыкновенное». Стараниями писателя-историка Г. П. Шторма обнаружился документ, уточняющий слова поэта о Карамзине и сближающий их с пушкинской современностью. Дело в том, что Ермолов продиктовал некоторые свои воспоминания племяннику. И вот какой след остался в этих записях о беседе с поэтом: «Между прочим, говоря о Карамзине, он (Пушкин) сказал: меня удивляет добродушие и простосердечие — говоря о зверствах Иоанна Грозного, он так ужасается, так удивляется, как будто такие дела не составляют самого обыкновенного занятия наших царей». Заверяя подлинность, Ермолов расписался на этом листе записи. Можно понять, почему лишь перед смертью, да и то тайно, доверил он бумаге эту деталь

своего давнего разговора с Пушкиным. Цари возвели убийство в повседневность — такова была неотвязная, мучившая Пушкина мысль, когда в рукописях «Полтавы» и на полях книги, подаренной учителю Роменскому, он рисовал виселицы и когда в Орле беседовал с живым олицетворением отечественной истории генералом Ермоловым. Кто знает, не думал ли Пушкин (как и многие декабристы), разговаривая с Ермоловым, и о том, что, будь у генерала чуть меньше хитрости и чуть больше «безрассудства», он повернул бы верные ему войска с Кавказа на север и не было бы ни виселицы, ни сибирской каторги друзей.

В 1831 г. Ермолов встретился с Пушкиным в Петербурге и был поражен обаянием и красотой его жены. Быть может, тогда состоялся какой-то интересный разговор о будущих мемуарах «самого замечательного из наших государственных людей», как называл Ермолова Пушкин. Известно, какое огромное значение придавал он воспоминаниям людей бывалых и замечательных и сколько таких воспоминаний «инспирировал». В начале апреля 1833 г. Пушкин написал Ермолову письмо (генерал жил тогда в Осоргине под Москвой): «Собирая памятники отечественной истории, напрасно ожидал я, чтобы вышло наконец описание Ваших Закавказских подвигов. До сих пор поход Наполеона затемняет и заглушает всё — и только некоторые военные люди знают, что в то же самое время происходило на Востоке.

Обращаюсь к Вашему высокопревосходительству с просьбою о деле для меня важном. Знаю, что Вы неохотно решитесь ее исполнить. Но Ваша слава принадлежит России и Вы не вправе ее утаивать. Если в праздные часы занялись Вы славными воспоминаниями и составили записки о своих войнах, то прошу Вас удостоить меня чести быть Вашим издателем. Если ж Ваше равнодушие не допустило Вас сие исполнить (то есть если записки еще не начаты. — В. К.), то я прошу Вас позволить мне быть Вашим историком, даровать мне краткие необходимые сведения и etc.». Записки, к которым Ермолов, как видно, собирался приступить в начале 1830-х годов, были напечатаны только в начале 1860-х — после его кончины. Что касается письма Пушкина, то оно по каким-то причинам не было отослано

и осталось в неразборчивом черновике, с огромным трудом прочитанном текстологами...

Встреча в Орле стала исключительным по своей важности историческим (по существу — декабристским) прологом к закавказскому путешествию Пушкина.

* * *

В 1832 г. поэтическое воспоминание о путешествии 1829 года выглядело так:

Я ехал в дальние края;
 Не шумных... жаждал я,
 Искал не злата, не честей
 В пыли средь копий и мечей.

15 мая, миновав Малоархангельск, Елец, Воронеж, Казанскую, Новочеркасск, Ростов-на-Дону, Ставрополь, Пушкин был уже в Георгиевске, где коротко записал в специально взятую с собой толстую тетрадь (теперь ее называют «арзрумской») свою встречу с Ермоловым. Затем съездил на несколько часов в Горячеводск, с волнением вспоминая давнее пребывание здесь, — в арзрумской тетради появился первый вариант стихотворения-воспоминания (скорее всего о Марии Раевской) «Все тихо — на Кавказ идет ночная мгла...» (№ 21); во втором варианте это стихотворение превратилось из воспоминания в мечту (о Наталье Гончаровой) — весьма характерная трансформация для Пушкина. «С грустью оставил я воды», — вздохнул поэт*.

По Военно-Грузинской дороге уже опасно было двигаться одному — нужно было ехать «с оказией» (№ 10). Долина Терека достаточно узка, чтобы горская пуля могла долететь даже с другого берега. Как всегда, Пушкин проявлял храбрость безотчетную. Современный исследователь (Н. А. Раевский) считает даже: «Было нечто, мне кажется, болезненное в той легкости, с которой он рисковал своей жизнью»... От подножия перевала через гору Крестовую Пушкин отправил во Владикавказ свою тяжелую коляску и продолжал путь верхом на казачьей лошади. Один из путешественников пушкинского времени так описы-

* Об этой поездке на Горячие воды см. Т. I, гл. V, № 10.

вал труднейший подъем на Крестовую: «Этот участок дороги приметно поднимается и в иных местах так узок, что путешественник невольно вздрагивает, видя с одной стороны пропасть, в которой ревет Терек, а с другой — отвесные скалы, угрожающие падением». Знатоки утверждают, что не будучи, конечно, профессиональным наездником (на сохранившемся «автопортрете верхом» стремена слишком длинны и посадка выдает дилетанта) *, Пушкин физически был крепок и вынослив. Это сказалося и в конных и в пеших переходах. Из Пайсанаури, например, не дождавшись лошадей, он отправился пешком до Ананура — 10 верст в гору по глубокой грязи! Да и вообще-то подъем на высшую точку Военно-Грузинской дороги гору Крестовую в то время для человека малоопытного был настоящим подвигом. Так что стихотворение «Кавказ» (№ 17), запечатлевшее счастливый миг покорения вершины, в буквальном смысле выстрадано автором. Вообще чтение «Путешествия в Арзрум» — своеобразного сплава дневника с последующими литературными и историческими разысканиями — следует дополнить стихотворной летописью поэта («Калмычке», «Кавказ», «Делибаш», «Не пленяйся бранной славой», «Обвал», «Монастырь на Казбеке», «Дон» и др.). Две эти летописи — дневниковая и поэтическая — то совсем близко подходят друг к другу, то несколько удаляются, но только в их объединении рождается общая картина. Иногда совпадает даже сама фразеология. Обращаясь к Кавказу в черновике «Онегина», Пушкин говорит: «В свое святилище глухое // ты принимал меня не раз». В гл. 1 «Путешествия...» буквально повторение: «Кавказ нас принял в свое святилище». В отрывке 1829 г. «Меж горных стен несется Терек» (№ 13) строка «Волнами точит дикий берег» почти полностью соответствует «Путешествию...»: «каменные подошвы гор обточены его волнами»; там же: «клокочет вокруг огромных скал», а в «Путешествии...»: «засмотревшись на огромные скалы, между коими хлещет Терек».

В первом варианте стихотворения «На холмах Грузии лежит ночная мгла» («Все тихо,— на Кавказ

* 24 сентября 1821 г. генерал М. Ф. Орлов писал жене: «После обеда иногда езжу верхом. Третьего дня поехал со мной Пушкин и грохнулся оземь. Он умеет ездить только на Пегасе, да на донской кляче».

идет ночная мгла») давно замечено сходство с тем местом «Путешествия...», где Пушкин рассказывает о возвращении из Горячих вод в Георгиевск: «Скоро настала ночь. Чистое небо усеялось миллионами звезд; я ехал берегом Подкумка» и т. д.

В 1937 г. В. Л. Комарович провел сопоставление второй кавказской поэмы Пушкина «Тазит» (первые пушкинисты называли ее «Галуб», или, после уточнения написания, — «Гасуб») с вариантами «Путешествия...». В одном из осетинских аулов в окрестностях Владикавказа Пушкин был очевидцем сцены, описанной им в «Путешествии...» и в «Тазите»

«Путешествие в Арзрум»

«Тазит»

(...) попал на похороны. Около сакли толпился народ. На дворе стояла арба, запряженная двумя волами. Родственники и друзья умершего съезжались со всех сторон и с громким плачем шли в саклю, ударяя себя кулаками в лоб.

Женщины стояли смиренно. Мертвеца вынесли на бурке ... положили его на арбу.

Один из гостей взял ружье покойника, сдул с полки порох и положил его подле тела.

Волы тронулись. Гости поехали следом.

В поэме и в «Путешествии...» назван аул Татартуб, где происходит печальный церемониал похорон.

Что касается прямых сопоставлений с «Путешествием...» в «Кавказе», «Обвале», «Калмычке», «Монастыре на Казбеке» и «Делибаше», то предоставляем читателю возможность убедиться в этом самостоятельно (№№ 8—39).

26 мая, в день своего тридцатилетия, Пушкин достиг Тифлиса *. Но оказалось, что кавказский кор-

Обряд творится погребальный.

В арбу впряженные волы
Стоят пред саклею печальной.
Двор полон тесною толпой,
Подъемят гости скорбный вой
И с плачем бьют нагрудны
брони.

Все ждут. Из сакли наконец
Выходит между жен отец.
Два узденя за ним выносят
На бурке хладный труп. Толпу
По сторонам раздаться просят,
Слагают тело на арбу
И с ним кладут снаряд

воинской:

Неразряженную пицаль...

В дорогу шествие готово,
И тронулась арба. За ней
Адехи следуют сурово.

* Мемуары юного спутника Пушкина Н. Б. Потокского написаны полвека спустя и могут служить лишь косвенным и второстепенным источником сведений.

пус уже выступил на исходные позиции для наступления на Эрзрум, и Пушкину пришлось ждать разрешения Паскевича присоединиться к армии. За это время он посетил Кахетию, где разместился резервный эскадрон ушедшего полка. Воспоминания есаула П. Г. Ханжонкова (№ 42) в целом, по мнению пушкинистов, заслуживают доверия (в том числе, вероятно, и рассказ о дуэли).

Разрешение Паскевича с письмом Николая Раевского и советом поспешить было получено только 10 июня. На следующий день Пушкин верхом в сопровождении слуги, скоро безнадежно отставшего и попросившего отдыха, помчался по маршруту Тифлис — Котанлы. Именно помчался, потому что, меняя лошадей на казачьих постах, он в 1-й день преодолел 72 версты, во 2-й — 77, 3-й — 94, 4-й — 46. Если приплюсовать к этому еще 36 верст, пройденных походным порядком с корпусом, то получится примерно 320 верст (или 340 км) за четверо суток! Приводя эти данные, бывший кадровый кавалерист, автор монографии о закавказском путешествии Пушкина, Н. А. Раевский пишет: «Кто ездил верхом, тот знает, что и для втянутого ездока — это испытание нелегкое. Пушкин, штатский человек, проживший притом всю жизнь в городе и, насколько мы знаем в манеже в это время не ездивший, должен был обладать исключительной выносливостью».

13 июня 1829 г. цель путешествия была достигнута — поэт оказался в военном лагере, у палатки, занятой его братом Львом (вместе с М. В. Юзефовичем). Едва ли не первые его слова, обращенные к декабристу, брату лицейского друга, были: «Ну, скажи, Пуцин: где турки и увижу ли я их; я говорю о тех турках, которые бросаются с криком и оружием в руках. Дай мне, пожалуйста, видеть то, зачем сюда с такими препятствиями приехал».

Возможность не замедлила представиться. По плану командования Отдельный кавказский корпус силами 12 340 штыков, 5770 сабель, 70 орудий должен был перейти поросший густым лесом Саганлукский хребет и овладеть Эрзрумом. Вся операция проходила в условиях высокогорья, непривычных для Пушкина, знавшего только предгорья Кавказа и невысокие горы Крыма, да и то девять лет назад. Вдобавок в горах

было холодно, довелось Пушкину попасть под южный ливень и промокнуть до нитки. В кавказской бурке, наброшенной на щегольской сюртук, в круглой шляпе, с нагайкой в руке или — во время боя — с длинной пикой, поэт являл собою зрелище необычное, а для солдат и вовсе диковинное. Они подумали даже, что рядом с генералом Раевским, «десятивершковым атлетом» (как его называли друзья), гнущим железную кочергу в узел, скачет невесть откуда взявшийся немецкий пастор («батюшка» — говорили солдаты). Умелый рисовальщик, Пушкин, возвратившись, не без юмора изобразил себя в таком виде в ушаковском альбоме. Там же — изображение самой крепости Эрзрум, характерного восточного города с минаретами и плоскими крышами, и подпись: «Арзрум взятый помощью божией и молитвами Екатерины Николаевны» (Ушаковой. — В. К.).

14-го июня в 7.30 русские войска вышли из горного леса совершенно неожиданно для неприятеля. Как справедливо замечает Н. А. Раевский, достаточно было одного случайного залпа из засады, чтобы «всадник в черном сюртуке» навсегда остался на месте. Тут и в самом деле: «Делибаш уже на пике // а казак без головы!» 14-го числа он принял участие в перестрелке с турецкой кавалерией (численно в пять раз превосходящей наших); 19-го и 20-го — в преследовании отступающего неприятеля; 22—23-го — в походе к крепости Гассан-кале; 27-го (в знаменательный день Полтавской битвы) — в занятии Эрзрума... Во время преследования турок Пушкин, увлекавшийся скачкой, не раз отрывался от своих и только счастливая случайность уберегла его от пули. Как вспоминал М. И. Пущин, «в нем разыгралась африканская кровь, и он стал прыгать и бить в ладоши, говоря, что на этот раз он непременно схватится с турком». Если бы не капитан Николай Николаевич Семичев (декабрист, переведенный на Кавказ), вовремя взявший лошадь Пушкина под уздцы, не миновать бы беды. Было немало и других случаев, которые могли кончиться трагически: однажды, находясь в свите Паскевича, Пушкин попал под артиллерийский обстрел; сакля, в которой они только что беседовали, взлетела на воздух...

7 июля Пушкин был на званом обеде у Паскевича по случаю одержанной победы. Один из участников

торжества вспоминал: «Тут же увидел я, чуть ли не в первый раз, нашего поэта (...) в черном фраке (...); выдававшаяся нижняя часть лица его, осененная густыми бакенбардами, обнаруживала в нем африканское происхождение, а вместе с тем выражала пылкость чувств и силу страстей; небольшие глаза его блестели живостью и остротою ума».

Граф Паскевич-Эриванский, не лишенный воинского умения, но самовлюбленный и подобострастный к царю полководец, не случайно дал разрешение Пушкину присоединиться к действующей армии. Он рассчитывал, что будет воспет искуснейшим пером России. Собственно, такая надежда теплилась и у властей предержавших, когда они не препятствовали поездке поэта. Не случайно болгаринская «Северная пчела», жужжавшая неизменно по заказу начальства, писала 16 ноября 1829 г.: «А. С. Пушкин возвратился в здешнюю столицу из Арзрума. Он был на блистательном поприще побед и торжеств русского воинства, наслаждался зрелищем, любопытным для каждого, особенно для русского. Многие почитатели его музыки надеются, что он обогатит нашу словесность каким-нибудь произведением, вдохновенным под тенью военных шатров в виду неприступных гор, на которых мощная рука Эриванского героя водрузила русские знамена». Позже Булгарин решился почти что на прямой печатный донос: «Мы думали, что автор «Руслана и Людмилы» устремился на Кавказ, чтобы напитаться высокими чувствами поэзии; обогатиться новыми впечатлениями и в сладких песнях передать потомству подвиги русских современных героев. Мы думали, что великие события на востоке, удивившие мир и стяжавшие России уважение всех просвещенных народов, возбудят гений наших поэтов: мы ошиблись. Лиры знаменитых остались безмолвными, и в пустыне нашей поэзии опять появился Онегин, бледный, слабый».

В одном из первых вариантов предисловия к «Путешествию в Арзрум» Пушкин, как никто гордившийся русскими победами, но не желавший воспевать ни самодержцев ни их клеветов, высмеял болгаринский «заказ»: «Я, конечно, не был обязан писать по заказу г. г. журналистов. К тому же, частная жизнь писателя, как и всякого гражданина, не подлежит

обнародованию. Нельзя было бы, например, напечатать в газетах: „Мы надеялись, что г. прапорщик такой-то возвратится из похода с Георгиевским крестом; вместо того вывез он из Молдавии одну лихорадку”». В подготовительных вариантах «Домика в Коломне» есть и поэтический отклик на «заказ» Паскевича и Булгарина:

Пока сердито требуют журналы,
 Чтоб я воспел победы россиян
 И написал скорее мадригалы
 На бой или на бегство персиян...

И «Путешествие...», и стихи, и «Тазит», и даже все дальнейшее мироощущение Пушкина в целом вобрали в себя закавказские впечатления 1829 года. Пушкин воспел и мужество солдат, и своих друзей-декабристов; он сказал об ужасах войны и о радости побед — только совсем не так, как того хотели Паскевич и Булгарин. Память о путешествии не оставляла его, недаром в квартире на Мойке висела картина Н. Г. Чернецова «Вид Дарьяла, взятый с дороги, ведущей из Тифлиса во Владикавказ», акварельный вариант которой «писан был для поэта А. С. Пушкина».

В 1831 г. Паскевич в письме Жуковскому намекнул на пушкинскую «неблагодарность»: «Сладкозвучные лиры первостепенных наших поэтов долго отказывались бряцать во славу подвигов оружия. Так померкнула заря достопамятных событий персидской и турецкой войн, и голос внутреннего вдохновения едва-едва отозвался в отечестве в честь тогдашних успехов наших. Упрек сей впрочем не относится до вас». То есть прямо относится «до Пушкина»!

В 1836 г. Пушкин получил книгу военного историка генерала Н. И. Ушакова «История военных действий в Азиатской Турции в 1828 и 1829 годах» с дарительной надписью: «Александрю Сергеевичу Пушкину приносит автор с искреннейшим уважением. 1 Мая 1836. С-Петербург». На страницах 305—306 (прим. 3) 2-й части рассказывается об участии Пушкина в перестрелке 14 июня. Это были единственные мемуары о походе 1829 г., напечатанные при жизни поэта (№ 28). В церемонном благодарственном ответе Пушкина Н. И. Ушакову слышится некоторая доля иронии и по адресу графа Эриванского, и по поводу

официозных исторических писаний, подобных его книге. Посмотрите сами: «Не берусь судить о ней как о произведении ученого военного человека, но восхищаюсь ясным, красноречивым и живописным изложением. Отныне имя покорителя Эривани, Арзрума и Варшавы соединено будет с именем его блестящего историка. С изумлением увидел я, что вы и мне даровали бессмертие — одною чертою вашего пера. Вы впустили меня в храм Славы, как некогда граф Эриванский позволил мне въехать вслед за ним в завоеванный Арзрум».

После гибели поэта, 22 февраля 1837 г., Николай I писал Паскевичу: «мнение твое о Пушкине я совершенно разделяю и про него можно справедливо сказать, что в нем оплакивается *будущее*, а не *прошедшее*». Есть и прямое высказывание Паскевича о «не воспевшем» Пушкине: «человек он был дурной»...

Однако еще на Кавказе главнокомандующий убедился, что на панегирик надежды плохи: поэт хорошо понимал, что Паскевичу далеко до героев 1812 года. В то же время систематическое и преимущественное общение Пушкина с разжалованными и сосланными декабристами вызывало политические опасения. Повидимому, был все же какой-то разговор, после которого Пушкин решил, что внешняя благожелательность к нему кавказского начальства ненадежна. К тому же в военном лагере участились случаи чумы, а это сулило опасность надолго застрять в чумном карантине, не говоря уж о самой болезни. Вдобавок 10 июля полк Н. Н. Раевского отправился в дальнейший поход, а Пушкин оказался гостем Паскевича. Все это привело поэта к мысли об отъезде. 21 июля он выехал из покоренной крепости; 1 августа был в Тифлисе, где встретился со многими знакомыми и приятелями и поклонился свежей могиле Грибоедова; 6 августа Пушкин вместе с М. И. Пущиным выехал в обратный путь по Военно-Грузинской дороге. Путешествие снова было отнюдь не безопасным. «Пушкин садился на казачью лошадь и ускакивал от отряда, отыскивая приключений или встречи с горцами, встретив которых намеревался, ускакивая от них, навести на наш конвой и орудие». Отдохнув и подлечившись на кавказских минеральных водах до 8 сентября, Пушкин выехал в Москву.

Есть версия, что он даже не навестил Гончаровых, воротившись в Москву, а, лишь проехав по Никитской, отправился сразу же в Малинники. С другой стороны, нет оснований не доверять воспоминаниям брата Натальи Николаевны С. Н. Гончарова: «Было утро, мать еще спала, а дети сидели в столовой за чаем. Вдруг стук на крыльце, и вслед за тем в столовую влетает из прихожей калоша. Это Пушкин, торопливо раздевавшийся. Войдя, он тотчас спрашивает про Наталью Николаевну. За нею пошли, но она не смела выйти, не спросившись матери, которую разбудили. Будущая теща приняла Пушкина в постели». Это было 20 или 21 сентября...

Вскоре, в октябре, он действительно уехал в тверские имения Вульфов Малинники и Павловское, где, отдыхая от собственных странствий, работал над «Путешествием Онегина», «Романом в письмах» и контрастными по отношению к южным впечатлениям (но тем самым и связанными с ними!) стихами «Зима. Что делать нам в деревне?..» (№ 54) и «Зимнее утро» (№ 55). Не случайно первоначальный вариант одной из строк «конь черкесский» в этом стихотворении автор заменил скромным «кобылку бурую запречь»! В первых числах ноября Пушкин приехал в Петербург... Год завершился одним из мудрейших и прекраснейших стихотворений Пушкина, подводющим итог всей прошедшей жизни поэта: «Брожу ли я вдоль улиц шумных» (№ 63).

С особенной прозорливостью и неповторимым блеском показал значение кавказских впечатлений Пушкина (1820-го и 1829-го годов) Николай Васильевич Гоголь: «Судьба, как нарочно, забросила его туда, где границы России отличаются резко, величавою характерностью, где гладкая неизмеримость России прерывается подоблачными горами и обвеивается югом. исполинский, покрытый вечным снегом Кавказ, среди знойных долин, поразил его; он, можно сказать, вызвал силу души его и разорвал последние цепи, которые еще тяготели на свободных мыслях. Его пленила вольная поэтическая жизнь дерзких горцев, их схватки, их быстрые, неотразимые набеги; и с этих пор кисть его приобрела тот широкий размах, ту

быстроту и смелость, которая так дивила и поражала только что начинавшую читать Россию. Рисует ли он боевую схватку чеченца с козаком — слог его молния; он так же блещет, как сверкающие сабли, и летит быстрее самой битвы. Он один только певец Кавказа: он влюблен в него всею душою и чувствами; он проникнут и напитан его чудными окрестностями, южным небом, долинами прекрасной Грузии и великолепными крымскими ночами и садами. Может быть, оттого и в своих творениях он жарче и пламеннее там, где душа его коснулась юга. На них он невольно означил всю силу свою и оттого произведения его, напитанные Кавказом, волею черкесской жизни и ночами Крыма, имели чудную, магическую силу: им изумлялись даже те, которые не имели столько вкуса и развития душевных способностей, чтобы быть в силах понимать его».

1

Ал. Н. Вульф

ИЗ ДНЕВНИКА

6 февраля 1829 г. ... В Крещение приехал к нам в Старицу Пушкин, «Слава наших дней, поэт любимый небесами» — как его приветствует костромской поэт г-жа Готовцева. Он принес в наше общество немного разнообразия. Его светский блестящий ум очень приятен в обществе, особенно женском. С ним я заключил оборонительный и наступательный союз против красавиц, от чего его и прозвали сестры Мефистофелем, а меня Фаустом. Но Гретхен (Катенька Вельяшева), несмотря ни на советы Мефистофеля, ни на волокитство Фауста, осталась холодною: все старания были напрасны (...)

После праздников поехали все по деревням; я с Пушкиным, взяв по бутылке шампанского, которые морозили, держа на коленях, поехали к Павлу Ивановичу Вульфу. За обедом мы напоили Люнелем, привезенным Пушкиным из Москвы, Фрициньку (гамбургскую красавицу, которую дядя привез из похода и после женился на ней), немку из Риги, полугувернантку, полуслужанку, обрученную невесту его управителя и молодую, довольно смешную, девочку, дочь прежнего берновского попа, тоже жившую под покровительством Фридерики (...). В таких занятиях, в охоте и поездках то в Берново, то к Петру Ивановичу (...) или в Павловское, где вчера мы играли в вист, — провел я еще с неделю до отъезда с Пушкиным в Петербург.

Сарыксой, 20 февраля. 16 января. Путешествие мое в Петербург с Пушкиным было довольно приятно,

довольно скоро и благополучно, исключая некоторых прижимок от ямщиков. Мы понадеялись на честность их, не брали подорожной, а этим они хотели пользоваться, чтобы взять с нас более (...). На станциях, во время перепрягания лошадей, играли мы в шахматы, а дорогою говорили про современные отечественные события, про литературу, про женщин, любовь и пр. Пушкин говорит очень хорошо; пылкий проницательный ум обнимает быстро предметы; но эти же самые качества причиною, что его суждения об вещах иногда поверхностны и односторонни. Нравы людей, с которыми встречается, узнает он чрезвычайно быстро; женщин же он знает как никто. Оттого, не пользуясь никакими наружными преимуществами, всегда имеющими влияние на прекрасный пол, одним блестящим своим умом он приобретает благосклонность одного.

2

* * *

Подъезжая под Ижоры,
Я взглянул на небеса
И вспомнил ваши взоры,
Ваши синие глаза.
Хоть я грустно очарован
Вашей девственной красой,
Хоть вампиром именован
Я в губернии Тверской,
Но колен моих пред вами
Преклонить я не посмел
И влюбленными мольбами
Вас тревожить не хотел.
Упиваясь неприятно
Хмелем светской суеты,
Позабуду, вероятно,
Ваши милые черты,
Легкий стан, движений стройность,
Осторожный разговор,
Эту скромную спокойность,
Хитрый смех и хитрый взор.

Если ж нет... по прежнему следу
В ваши мирные края
Через год опять заеду
И влюблюсь до ноября.

1829

А. С. Пушкин

3

Е. Е. Синицина

ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ

(...) приехала я в Старицу вместе с семейством Павла Ивановича Вульфа. Тут на семейном бале у тогдашнего старицкого исправника, Василья Ивановича Вельяшева, женатого на сестре Павла Ивановича, Наталье Ивановне, я и встретила в первый раз А. С. Пушкина. Я до этого времени не знала Пушкина и ничего про него не слыхала и не понимала его значения, но он прямо бросился мне в глаза. Показался он мне иностранцем, танцует, ходит как-то по-особому, как-то особенно легко, как будто летает; весь какой-то воздушный, с большими ногтями на руках. «Это не русский?» — спросила я у матери Вельяшева, Катерины Петровны. «Ах, матушка! Это Пушкин, сочинитель, прекрасные стихи пишет», — отвечала она. Здесь мне не пришлось познакомиться с Александром Сергеевичем. Заметила я только, что Пушкин с другим молодым человеком постоянно вертелись около Катерины Васильевны Вельяшевой. Она была очень миленькая девушка; особенно чудные у ней были глаза. Как говорили после, они старались не оставлять ее наедине с Алексеем Николаевичем Вульфом, который любил влюблять в себя молоденьких барышень и мучить их. Чрез два дня поехали мы в Павловское. Приехали сюда так к обеду; следом за нами к вечеру приехал и Александр Сергеевич вместе с Алексеем Николаевичем Вульфом и пробыли в Павловске две недели. Тут мы с Александром Сергеевичем сошлись поближе. На другой день сели за обед. Подали картофельный клюквенный кисель.

Я и вскрикнула на весь стол: «Ах, боже мой! Клюквенный кисель!»

— Павел Иванович! позвольте мне ее поцеловать,— проговорил Пушкин, вскочив со стула.

— Ну, брат, это уже ее дело,— отвечал тот.

— Позвольте поцеловать вас,— обратился он ко мне.

— Я не намерена целовать вас,— отвечала я, как вполне благовоспитанная барышня.

— Ну, позвольте хоть в голову.— И, взяв голову руками, пригнул и поцеловал.

Прасковья Александровна Осипова, вместе с своей семьей бывшая в одно время с Пушкиным в Малинках или Бернове, высказала неудовольствие на то, что тут, наравне с ее дочерьми, вращается в обществе какая-то поповна. «Павел Иванович,— говорила она,— всем открывает в своем доме дорогу, вот какую-то поповну поставил на одной ноге с нашими дочерьми». Все это говорилось по-французски, я ничего и не знала, и только после уже Фридерика Ивановна рассказала мне все это. «Прасковья Александровна осталась очень недовольна,— говорила она, между прочим,— но спасибо Александру Сергеевичу, он поддержал нас». Когда вслед за этим пошли мы к обеду, Александр Сергеевич предложил одну руку мне, а другую дочери Прасковьи Александровны, Евпраксии Николаевне, бывшей в одних летах со мной; так и отвел нас к столу. За столом он сел между нами и угощал с одинаковою ласковостью как меня, так и ее. Когда вечером начались танцы, то он стал танцевать с нами по очереди,— протанцует с ней, потом со мной и т. д. Осипова рассердилась и уехала. Евпраксия Николаевна почему-то в этот день ходила с заплаканными глазами. Может быть, и потому, что Александр Сергеевич после обеда вынес портрет какой-то женщины и восхвалял ее за красоту, все рассматривали его и хвалили. Может быть, и это тронуло ее,— она на него все глаза проглядела. Вообще Александр Сергеевич был со всеми всегда ласков, приветлив и в высшей степени прост в обращении. Часто вертелись мы с ним и не в урочное время.

— Ну, Катерина Евграфовна, нельзя ли нам с вами для аппетита протанцевать вальс-казак.

— Ну, вальс-казак-то мы с вами, Катерина Евграфовна, уж протанцуем,— говаривал он до обеда, или во время обеда, или ужина.

Вставал он по утрам часов в 9—10 и прямо в спальне пил кофе, потом выходил в общие комнаты, иногда с книгой в руках, хотя ни разу не читал стихов. После он обыкновенно или отправлялся к соседним помещикам, или, если оставался дома, играл с Павлом Ивановичем в шахматы. Павла Ивановича он за это время сам и выучил играть в шахматы, раньше он не умел, но только очень скоро тот стал его обыгрывать. Александр Сергеевич сильно горячился при этом. Однажды он даже вскочил на стул и закричал: «Ну разве можно так обыгрывать учителя?» А Павел Иванович начнет играть снова, да опять с первых же ходов и обыгрывает его. «Никогда не буду играть с вами... это ни на что не похоже...» — загорячится обыкновенно при этом Пушкин.

Много играл Пушкин также и в вист. По вечерам часто угощали Александра Сергеевича клюквой, которую он особенно любил. Клюкву с сахаром обыкновенно ставили ему на блюдечке.

Пушкин был очень красив; рот у него был очень прелестный, с тонко и красиво очерченными губами и чудные голубые глаза. Волосы у него были блестящие, густые и кудрявые, как у мерлушки, немного только подлиннее. Ходил он в черном сюртуке. На туалет обращал он большое внимание. В комнате, которая служила ему кабинетом, у него было множество туалетных принадлежностей, ногтечисток, разных щеточек и т. п.

4

Милостивый государь Павел Васильевич!

По высочайше утвержденному положению Правительствующего Сената, граф Петр Александрович Толстой, будучи главнокомандующим в г. С.-Петербурге, просил ваше высокопревосходительство, в отношении 17 августа н. г., между прочим, об учреждении за г. Пушкиным секретного надзора и получил отзыв ваш, милостивый государь, от 28-го того же месяца, под № 227 об исполнении сего изложения.

Узнав случайно, что г. Пушкин выехал из С.-Петербурга по подорожной, выданной ему 5 сего месяца на основании свидетельства частного пристава Моллера, побуждаюсь покорнейше просить ваше высокопревосходительство одолжить меня уведомлением изволили вы, милостивый государь, предписать начальству того места, куда г. Пушкин уехал, о надлежащем продолжении за ним учрежденного с высочайшего утверждения секретного наблюдения.

А. Х. Бенкендорф — П. В. Голеншиеву-Кутузову.
22 марта 1829. Петербург.

5

М. П. Погодин

ИЗ ДНЕВНИКА

1829. Март. 26. (...) К Пушкину. Об истории и России. Пригласил его и Мицкевича на завтрак. Слушал их разговор. (...)

27. (...) Завтрак у меня: представители русской образованности и просвещения: Пушкин, Мицкевич, Хомяков, Щепкин, Венелин, Аксаков, Верстовский, А. Веневитинов. Разговор от еды и (?) до Евангелия, без всякой последовательности, как и обыкновенно. Ничего не удержал, потому что не было ничего для меня нового, а надо бы помнить все пушкинское. (...)

6

На коленях, проливая слезы благодарности, должен был бы я писать вам теперь, после того как граф Толстой передал мне ваш ответ: этот ответ — не отказ, вы позволяете мне надеяться. Не обвиняйте меня в неблагодарности, если я все еще ропщу, если к чувству счастья примешиваются еще печаль и горечь; мне понятна осторожность и нежная заботливость матери! — Но извините нетерпение сердца больного, которому недоступно счастье. Я сейчас уезжаю и в глубине своей души увожу образ небесного существа, обязанного вам жизнью. — Если у вас есть для меня какие-

либо приказания, благоволите обратиться к графу Толстому, он передаст их мне.

Удостойте, милостивая государыня, принять дань моего глубокого уважения. (фр.)

*Пушкин — Н. И. Гончаровой.
1 мая 1829. В Москве.*

7

Владикавказ. 22 мая 1829.

25 мая. Коби.

Душет. 27 мая.

Арзрумская баня 14 июля — чума.

18 июля. Арзрум — карантин. Обед у графа Паскевича — харем — сабля.

А. С. Пушкин. Дневниковые записи. 1829.

8

А. С. Пушкин

ПУТЕШЕСТВИЕ В АРЗРУМ
ВО ВРЕМЯ ПОХОДА 1829 ГОДА *

...Из Москвы поехал я на Калугу, Белев и Орел, и сделал таким образом 200 верст лишних; зато увидел Ермолова. Он живет в Орле, близ коего находится его деревня. Я приехал к нему в восемь часов утра и не застал его дома. Извозчик мой сказал мне, что Ермолов ни у кого не бывает, кроме как у отца своего,

* Под №№ 8, 10, 12, 14, 16, 18, 20, 22, 25, 26, 30, 33, 34, 37 помещены фрагменты «Путешествия в Арзрум».

простого набожного старика, что он не принимает одних только городских чиновников, а что всякому другому доступ свободен. Через час я снова к нему приехал. Ермолов принял меня с обыкновенной своей любезностью. С первого взгляда я не нашел в нем ни малейшего сходства с его портретами, писанными обыкновенно профилем. Лицо круглое, огненные, серые глаза, седые волосы дыбом. Голова тигра на Геркулесовом торсе. Улыбка неприятная, потому что не естественна. Когда же он задумывается и хмурится, то он становится прекрасен и разительно напоминает поэтический портрет, писанный Довом. Он был в зеленом черкесском чекмене. На стенах его кабинета висели шашки и кинжалы, памятники его владычества на Кавказе. Он, по-видимому, нетерпеливо сносит свое бездействие. Несколько раз принимался он говорить о Паскевиче и всегда язвительно; говоря о легкости его побед, он сравнивал его с Навином, перед которым стены падали от трубного звука, и называл графа Эриванского графом Ерихонским. «Пускай нападет он,— говорил Ермолов,— на пашу не умного, не искусного, но только упрямого, например на пашу, начальствовавшего в Шумле,— и Паскевич пропал». Я передал Ермолову слова гр. Толстого, что Паскевич так хорошо действовал в персидскую кампанию, что умному человеку осталось бы только действовать похуже, чтоб отличиться от него. Ермолов засмеялся, но не согласился. «Можно было бы сберечь людей и издержки»,— сказал он. Думаю, что он пишет или хочет писать свои записки. Он недоволен Историей Карамзина; он желал бы, чтобы пламенное перо изобразило переход русского народа из ничтожества к славе и могуществу. О записках кн. Курбского говорил он *con amore**. Немцам досталось. «Лет через 50,— сказал он,— подумают, что в нынешнем походе была вспомогательная прусская или австрийская армия, предводительствованная такими-то немецкими генералами». Я пробыл у него часа два. Ему было досадно, что не помнил моего полного имени. Он извинялся комплиментами. Разговор несколько раз касался литературы. О стихах Грибоедова говорит он, что от их чтения—скулы болят. О правительстве и политике не было ни слова.

* с увлечением (*итал.*)

Мне предстоял путь через Курск и Харьков; но я своротил на прямую тифлисскую дорогу, жертвуя хорошим обедом в курском трактире (что не безделица в наших путешествиях) и не любопытствуя посетить Харьковский университет, который не стоит курской ресторации.

До Ельца дороги ужасны. Несколько раз коляска моя вязла в грязи, достойной грязи одесской. Мне случилось в сутки проехать не более пятидесяти верст. Наконец увидел я воронежские степи и свободно покатился по зеленой равнине. В Новочеркасске нашел я графа Пушкина, ехавшего также в Тифлис, и мы согласились путешествовать вместе.

Переход от Европы к Азии делается час от часу чувствительнее: леса исчезают, холмы сглаживаются, трава густеет и являет большую силу растительности; показываются птицы, неведомые в наших лесах; орлы сидят на кочках, означающих большую дорогу, как будто на страже, и гордо смотрят на путешественника; по тучным пастбищам

Кобылиц неукротимых
Гордо бродят табуны.

Калмыки располагаются около станционных хат. У кибиток их пасутся их уродливые, косматые кони, знакомые вам по прекрасным рисункам Орловского.

На днях посетил я калмыцкую кибитку (клетчатый плетень, обтянутый белым войлоком). Все семейство собиралось завтракать; котел варился посредине, и дым выходил в отверстие, сделанное в верху кибитки. Молодая калмычка, собою очень недурная, шила, куря табак. Я сел подле нее. «Как тебя зовут?» — «* * *». — «Сколько тебе лет?» — «Десять и восемь». — «Что ты шьешь?» — «Портка». — «Кому?» — «Себя». — Она подала мне свою трубку и стала завтракать. В котле варился чай с бараньим жиром и солью. Она предложила мне свой ковщик. Я не хотел отказаться и хлебнул, стараясь не перевести духа. Не думаю, чтобы другая народная кухня могла произвести что-нибудь гаже. Я попросил чем-нибудь это заесть. Мне дали кусочек сушеной кобылятины; я был и тому рад. Калмыцкое кокетство испугало меня; я поскорее выбрался из кибитки и поехал от степной Цирцеи. (...)

9

КАЛМЫЧКЕ

Прощай, любезная калмычка!
Чуть-чуть, назло моих затей,
Меня похвальная привычка
Не увлекла среди степей
Вслед за кибиткою твоей.
Твои глаза, конечно, узки,
И плосок нос, и лоб широк,
Ты не лепечешь по-французски,
Ты шелком не сжимаешь ног,
По-английски пред самоваром
Узором хлеба не крошишь,
Не восхищаешься Сен-Маром,
Слегка Шекспира не ценишь,
Не погружаешься в мечтанье,
Когда нет мысли в голове,
Не распеваешь: *Ma dov'è **,
Галоп не прыгаешь в собранье...
Что нужды? — Ровно полчаса,
Пока коней мне запрягали,
Мне ум и сердце занимали
Твой взор и дикая краса.
Друзья! не всё ль одно и то же:
Забыться праздною душой
В блестящей зале, в модной ложе,
Или в кибитке кочевой?

1829

А. С. Пушкин

10

С Екатеринограда начинается военная Грузинская дорога; почтовый тракт прекращается. Нанимают лошадей до Владикавказа. Дается конвой казачий и пехотный и одна пушка. Почта отправляется два раза в неделю, и приезжие к ней присоединяются: это называется *оказией*. Мы дожидались недолго. Почта пришла на другой день, и на третье утро в девять часов

* Но где (*итал.*)

мы были готовы отправиться в путь. На сборном месте соединился весь караван, состоявший из пятисот человек или около. Пробили в барабан. Мы тронулись. Впереди поехала пушка, окруженная пехотными солдатами. За нею потянулись коляски, брички, кибитки солдаток, переезжающих из одной крепости в другую; за ними заскрыпел обоз двухколесных ароб. По сторонам бежали конские табуны и стада волов. Около них скакали нагайские проводники в бурках и с арканами. Все это сначала мне очень нравилось, но скоро надоело. Пушка ехала шагом, фитиль курился, и солдаты раскуривали им свои трубки. Медленность нашего похода (в первый день мы прошли только пятнадцать верст), несносная жара, недостаток припасов, беспокойные ночлеги, наконец непрерывный скрып нагайских ароб выводили меня из терпения. Татары тщеславятся этим скрыпом, говоря, что они разъезжают как честные люди, не имеющие нужды укрываться. На сей раз приятнее было бы мне путешествовать не в столь почтенном обществе. Дорога довольно однообразная: равнина, по сторонам холмы. На краю неба вершины Кавказа, каждый день являющиеся выше и выше. Крепости, достаточные для здешнего края, со рвом, который каждый из нас перепрыгнул бы в старину не разбегаясь, с заржавыми пушками, не стрелявшими со времен графа Гудовича, с обрушенным валом, по которому бродит гарнизон куриц и гусей. В крепостях несколько лачужек, где с трудом можно достать десяток яиц и кислого молока.

Первое замечательное место есть крепость Минарет. Приближаясь к ней, наш караван ехал по прелестной долине, между курганами, обросшими липой и чинаром. Это могилы нескольких тысяч умерших чумою. Пестрелись цветы, порожденные зараженным пеплом. Справа сиял снежный Кавказ; впереди возвышалась огромная, лесистая гора; за нею находилась крепость. Кругом ее видны следы разоренного аула, называвшегося Татартубом и бывшего некогда главным в Большой Кабарде. Легкий одинокий минарет свидетельствует о бытии исчезнувшего селения. Он стройно возвышается между грудами камней, на берегу иссохшего потока. Внутренняя лестница еще не обрушилась. Я взобрался по ней на площадку, с которой уже не раздается голос муллы. Там нашел я

несколько неизвестных имен, нацарапанных на кирпичках славолубивыми путешественниками.

Дорога наша сделалась живописна. Горы тянулись над нами. На их вершинах ползали чуть видные стада и казались насекомыми. Мы различили и пастуха, быть может, русского, некогда взятого в плен и состаревшегося в неволе. Мы встретили еще курганы, еще развалины. Два, три надгробных памятника стояло на краю дороги. Там, по обычаю черкесов, похоронены их наездники. Татарская надпись, изображение шашки, танга, иссеченные на камне, оставлены хищным внукам в память хищного предка. (...)

Глава 1.

11

Во время оное былое!..
 В те дни ты знал меня, Кавказ,
 В свое святилище глухое
 Ты призывал меня не раз.
 В тебя влюблен я был безумно.
 Меня приветствовал ты шумно
 Могучим гласом бурь своих.
 Я слышал рев ручьев твоих,
 И снеговых обвалов грохот,
 И клик орлов, и пенье дев,
 И Терека свирепый рев,
 И эха дальнозвучный хохот,
 И зрел я, слабый твой певец,
 Казбека царственный венец.

Путешествие Онегина.

12

Мы достигли Владикавказа, прежнего Капкая, преддверия гор. Он окружен осетинскими аулами. Я посетил один из них и попал на похороны. Около сакли толпился народ. На дворе стояла арба, запряженная двумя волами. Родственники и друзья умершего съезжались со всех сторон и с громким плачем шли в саклю, ударяя себя кулаками в лоб. Женщины стояли смиренно. Мертвеца вынесли на бурке...

...like a warrior taking his rest
 With his martial cloak around him; *

* Подобно отдыхающему воину в его боевом плаще (англ.)

положили его на арбу. Один из гостей взял ружье покойника, сдул с полки порох и положил его подле тела. Волы тронулись. Гости поехали следом. Тело должно было быть похоронено в горах, верстах в тридцати от аула. К сожалению, никто не мог объяснить мне сих обрядов.

Осетинцы самое бедное племя из народов, обитающих на Кавказе; женщины их прекрасны и, как слышно, очень благосклонны к путешественникам. У ворот крепости встретил я жену и дочь заключенного осетинца. Они несли ему обед. Обе казались спокойными и смелы; однако ж при моем приближении обе потупили голову и закрылись своими изодранными *чадрами*. В крепости видел я черкесских аманатов, резвых и красивых мальчиков. Они поминутно проказят и бегают из крепости. Их держат в жалком положении. Они ходят в лохмотьях, полунагие и в отвратительной нечистоте. На иных видел я деревянные колодки. Вероятно, что аманаты, выпущенные на волю, не жалеют о своем пребывании во Владикавказе.

Пушка оставила нас. Мы отправились с пехотой и казаками. Кавказ нас принял в свое святилище. Мы услышали глухой шум и увидели Терек, разливающийся по разным направлениям. Мы поехали по его левому берегу. Шумные волны его приводят в движение колеса низеньких осетинских мельниц, похожих на собачьи конуры. Чем далее углублялись мы в горы, тем уже становилось ущелие. Стесненный Терек с ревом бросает свои мутные волны чрез утесы, преграждающие ему путь. Ущелие извивается вдоль его течения. Каменные подошвы гор обточены его волнами. Я шел пешком и поминутно останавливался, пораженный мрачною прелестью природы. Погода была пасмурная; облака тяжело тянулись около черных вершин (...)

Глава 1.

13

* * *

Меж горных стен несется Терек,
Волнами точит дикий берег,
Клокочет вокруг огромных скал,
То здесь, то там дорогу роет,

Как зверь живой, ревет и воет —
И вдруг утих и смирен стал.

Всё ниже, ниже опускаясь,
Уж он бежит едва живой.
Так, после бури истощаясь,
Поток струится дождевой.
И вот обнажилось
Его кремнистое русло.

1829

А. С. Пушкин

14

Не доходя до Ларса, я отстал от конвоя, засмотревшись на огромные скалы, между коими хлещет Терек с яростию неизъяснимой. Вдруг бежит ко мне солдат, крича издали: «Не останавливайтесь, ваше благородие, убьют!» Это предостережение с непривычки показалось мне чрезвычайно странным. Дело в том, что осетинские разбойники, безопасные в этом узком месте, стреляют через Терек в путешественников. Накануне нашего перехода они напали таким образом на генерала Бековича, проскакавшего сквозь их выстрелы. На скале видны развалины какого-то замка: они облеплены саклями мирных осетинцев, как будто гнездами ласточек.

В Ларсе остановились мы ночевать. (...)

Здесь нашел я измаранный список «Кавказского пленника» и, признаюсь, перечел его с большим удовольствием. Всё это слабо, молодо, неполно; но многое угадано и выражено верно. (...)

В семи верстах от Ларса находится Дариальский пост. Ущелье носит то же имя. Скалы с обеих сторон стоят параллельными стенами. Здесь так узко, так узко, пишет один путешественник, что не только видишь, но, кажется, чувствуешь тесноту. Клочок неба как лента синее над вашей головою. Ручьи, падающие с горной высоты мелкими и разбрызганными струями, напоминали мне похищение Ганимеда, странную картину Рембрандта. К тому же и ущелье освещено совершенно в его вкусе. В иных местах Терек подмывает самую подошву скал, и на дороге, в виде плотины, навалены каменя. Недалеко от поста мостик смело переброшен через реку. На нем стоишь,

как на мельнице. Мостик весь так и трясется, а Терек шумит, как колеса, движущие жернов. Против Дариала на крутой скале видны развалины крепости. Предание гласит, что в ней скрывалась какая-то царица Дария, давшая имя свое ущелию: сказка. Дариал на древнем персидском языке значит ворота. По свидетельству Плиния, Кавказские врата, ошибочно называемые Каспийскими, находились здесь. Ущелие замкнуто было настоящими воротами, деревянными, окованными железом. Под ними, пишет Плиний, течет река Дириодорис. Тут была воздвигнута и крепость для удержания набегов диких племен, и проч. (...)

Глава 1.

15

Он видит: Терек своенравный
 Крутые роет берега;
 Пред ним парит орел державный,
 Стоит олень, склонив рога;
 Верблюд лежит в тени утеса,
 В лугах несется конь черкеса,
 И вокруг кочующих шатров
 Пасутся овцы калмыков,
 Вдали — кавказские громады,
 К ним путь открыт. Пробилась брань
 За их естественную грань,
 Через их опасные преграды;
 Брега Арагвы и Куры
 Узрели русские шатры.

Путешествие Онегина

16

Из Дариала отправились мы к Казбеку. Мы увидели *Троицкие ворота* (арка, образованная в скале взрывом пороха) — под ними шла некогда дорога, а ныне протекает Терек, часто меняющий свое русло.

Недалеко от селения Казбек переехали мы через *Бешеную балку*, овраг, во время сильных дождей превращающийся в яростный поток. Он в это время был совершенно сух и громок одним своим именем.

Деревня Казбек находится у подошвы горы Казбек и принадлежит князю Казбеку. Князь, мужчина лет сорока пяти, ростом выше преображенного флигельмана. Мы нашли его в духане (так называются грузинские харчевни, которые гораздо беднее и нечище русских). В дверях лежал пузастый бурдюк (волобий мех), растопыря свои четыре ноги. Великан тянул из него чихирь и сделал мне несколько вопросов, на которые отвечал я с почтением, подобаемым его званию и росту. Мы расстались большими приятелями.

Скоро притупляются впечатления. Едва прошли сутки, и уже рев Терека и его безобразные водопады, уже утесы и пропасти не привлекали моего внимания. Нетерпение доехать до Тифлиса исключительно овладело мною. Я столь же равнодушно ехал мимо Казбека, как некогда плыл мимо Чатырдага. Правда и то, что дождливая и туманная погода мешала мне видеть его снеговую гряду, по выражению поэта, *подпирающую небосклон*. (...)

Глава 1.

17

КАВКАЗ

Кавказ подо мною. Один в вышине
Стою над снегами у края стремнины;
Орел, с отдаленной поднявшись вершины,
Парит неподвижно со мной наравне.
Отселе я вижу потоков рожденье
И первое грозных обвалов движенье.

Здесь тучи смиренно идут подо мной;
Сквозь них, низвергаясь, шумят водопады;
Под ними утесов нагие громады;
Там ниже мох тощий, кустарник сухой;
А там уже рощи, зеленые сени,
Где птицы щебечут, где скачут олени.

А там уж и люди гнездятся в горах,
И ползают овцы по злачным стремнинам,
И пастырь нисходит к веселым долинам,

Где мчится Арагва в тенистых берегах,
И нищий наездник таится в ущелье,
Где Терек играет в свирепом веселье;

Играет и воет, как зверь молодой,
Завидевший пищу из клетки железной;
И бьется о берег в вражде бесполезной
И лижет утесы голодной волной...
Вотще! нет ни пищи ему, ни отрады:
Теснят его грозно немые громады.

1829

А. С. Пушкин

ПРОДОЛЖЕНИЕ СТИХОТВОРЕНИЯ В РАННЕЙ РЕДАКЦИИ

Так буйную вольность законы теснят,
Так дикое племя под властью тоскует,
Так ныне безмолвный Кавказ негодует,
Так чуждые силы его тяготят...

18

Пост Коби находится у самой подошвы Крестовой горы, через которую предстоял нам переход. Мы тут остановились ночевать и стали думать, каким бы образом совершить сей ужасный подвиг: сесть ли, бросив экипажи, на казачьих лошадях или послать за осетинскими волами? <...>

Я решился отправить мою тяжелую петербургскую коляску обратно во Владикавказ и ехать верхом до Тифлиса. <...>

Глава 1.

19

ОБВАЛ

Дробясь о мрачные скалы,
Шумят и пенятся валы,
И надо мной кричат орлы,
И ропщет бор,
И блещут средь волнистой мглы
Вершины гор.

Оттоль сорвался раз обвал,
И с тяжким грохотом упал,
И всю теснину между скал
Загородил,
И Терека могущий вал
Остановил.

Вдруг, истощась и присмирив,
О Терек, ты прервал свой рев;
Но задних волн упорный гнев
Прошиб снега...
Ты затопил, освирепев,
Свои берега.

И долго прорванный обвал
Неталой грудой лежал,
И Терек злой под ним бежал,
И пылью вод
И шумной пеной орошал
Ледяный свод.

И путь по нем широкий шел:
И конь скакал, и влекся вол,
И своего верблюда вел
Степной купец,
Где ныне мчится лишь Эол,
Небес жилец.

1829

А. С. Пушкин

20

Дорога шла через обвал, обрушившийся в конце июня 1827 года. Таковые случаи бывают обыкновенно каждые семь лет. Огромная глыба, свалясь, засыпала ущелие на целую версту и запрудила Терек. Часовые, стоявшие ниже, слышали ужасный грохот и увидели, что река быстро мелела и в четверть часа совсем утихла и истоцилась. Терек прорылся сквозь обвал не прежде, как через два часа. То-то был он ужасен!

Мы круто подымались выше и выше. Лошади наши вязли в рыхлом снегу, под которым шумели ручьи. Я с удивлением смотрел на дорогу и не понимал возможности езды на колесах.

В это время услышал я глухой грохот. «Это обвал»,—сказал мне г. Огарев. Я оглянулся и увидел в стороне груды снега, которая осыпалась и медленно съезжала с крутизны. Малые обвалы здесь не редки. В прошлом году русский извозчик ехал по Крестовой горе; обвал оборвался: страшная глыба свалилась на его повозку, поглотила телегу, лошадь и мужика, перевалилась через дорогу и покатилась в пропасть с своею добычею. Мы достигли самой вершины горы. Здесь поставлен гранитный крест, старый памятник, обновленный Ермоловым.

Здесь путешественники обыкновенно выходят из экипажей и идут пешком. Недавно проезжал какой-то иностранный консул: он так был слаб, что велел завязать себе глаза; его вели под руки, и когда сняли с него повязку, тогда он стал на колени, благодарил бога и проч., что очень изумило проводников.

Мгновенный переход от грозного Кавказа к миловидной Грузии восхитителен. Воздух юга вдруг начинает повевать на путешественника. С высоты Гутгоры открывается Кайшаурская долина с ее обитаемыми скалами, с ее садами, с ее светлой Арагвой, извинаящейся, как серебряная лента,—и все это в уменьшенном виде, на дне трехверстной пропасти, по которой идет опасная дорога.

Мы спустились в долину. Молодой месяц показался на ясном небе. Вечерний воздух был тих и тепел. Я ночевал на берегу Арагвы, в доме г. Чилиева. (...)

Глава 1.

21

На холмах Грузии лежит ночная мгла;
 Шумит Арагва предо мною.
 Мне грустно и легко; печаль моя светла;
 Печаль моя полна тобою,
 Тобой, одной тобой... Уньнья моего
 Ничто не мучит, не тревожит,
 И сердце вновь горит и любит—оттого,
 Что не любить оно не может.

ИЗ РАННИХ РЕДАКЦИЙ

Всё тихо — на Кавказ идет ночная мгла,
Восходят звезды надо мною.
Мне грустно и легко — печаль моя светла,
Печаль моя полна тобою —

Тобой, одной тобой — унынья моего
Ничто не мучит, не тревожит,
И сердце вновь горит и любит оттого,
Что не любить оно не может.

Я твой по-прежнему, тебя люблю я вновь
И без надежд и без желаний.
Как пламень жертвенный, чиста моя любовь
И нежность девственных мечтаний.

22

Здесь начинается Грузия. Светлые долины, орошаемые веселой Арагуо, сменили мрачные ущелия и грозный Терек. Вместо голых утесов я видел около себя зеленые горы и плодоносные деревья. Водопроводы доказывали присутствие образованности. Один из них поразил меня совершенством оптического обмана: вода, кажется, имеет свое течение по горе снизу вверх.

В Пайсанауре остановился я для перемены лошадей. Тут я встретил русского офицера, провожающего персидского принца. Вскоре услышал я звук колокольчиков, и целый ряд катаров (мулов), привязанных один к другому и навьюченных по-азиатски, потянулся по дороге. Я пошел пешком, не дождавшись лошадей (...)

Я дошел до Ананура, не чувствуя усталости. Лошади мои не приходили. Мне сказали, что до города Душета оставалось не более как десять верст, и я опять отправился пешком. Но я не знал, что дорога шла в гору. Эти десять верст стоили добрых двадцати.

Наступил вечер; я шел вперед, подымаясь всё выше и выше. С дороги сбиться было невозможно; но местами глинистая грязь, образуемая источниками, доходила мне до колена. Я совершенно утомился.

Темнота увеличилась. Я слышал вой и лай собак и радовался, воображая, что город недалеко. Но ошибался: лаяли собаки грузинских пастухов, а выли шакалы, звери в той стороне обыкновенные. Я проклинал свое нетерпение, но делать было нечего. Наконец увидел я огни и около полуночи очутился у домов, осененных деревьями. Первый встречный вызвался провести меня к городничему и потребовал за то с меня абаз.

Появление мое у городничего, старого офицера из грузин, произвело большое действие. Я требовал, во-первых, комнаты, где бы мог раздеться, во-вторых, стакана вина, в-третьих, абазы для моего провожатого. Городничий не знал, как меня принять, и поглядывал на меня с недоумением. Видя, что он не торопится исполнить мои просьбы, я стал перед ним раздеваться, прося извинения *de la liberté grande**. К счастью, нашел я в кармане подорожную, доказывавшую, что я мирный путешественник, а не Ринальдо-Ринальдини. Благословенная хартия возымела тотчас свое действие: комната была мне отведена, стакан вина принесен и абаз выдан моему проводнику с отеческим выговором за его корыстолюбие, оскорбительное для грузинского гостеприимства. Я бросился на диван, надеясь после моего подвига заснуть богатырским сном: не тут-то было! блохи, которые гораздо опаснее шакалов, напали на меня и во всю ночь не дали мне покою. (...) Я оставил Душет с приятной мыслью, что ночую в Тифлисе.

Дорога была так же приятна и живописна, хотя редко видели мы следы народонаселения. В нескольких верстах от Гарцискала мы переправились через Куру по древнему мосту, памятнику римских походов, и крупной рысью, а иногда и вскачь, поехали к Тифлису, в котором неприметным образом и очутились часу в одиннадцатом вечера.

Глава 1.

23

(...) Путешествие мое было довольно скучно. Начать, что, поехав на Орел, а не прямо на Воронеж, сделал я около 200 верст лишних, зато видел Ермоло-

* за большую вольность (фр.).

ва. Хоть ты его не очень жалуешь, принужден я тебе сказать, что я нашел в нем разительное сходство с тобою не только в обороте мыслей и во мнениях, но даже и в чертах лица и в их выражении. Он был до крайности мил. Дорога через Кавказ скверная и опасная — днем я тянулся шагом с конвоем пехоты и каждую дневку ночевал — зато видел Казбек и Терек, которые стоят Ермолова. Теперь прею в Тифлисе, ожидая разрешения графа Паскевича.

*Пушкин — Ф. И. Толстому. 27 мая — 10 июня 1829.
Из Тифлиса в Москву. (Черновое)*

24

Надежды наши исполнились: Пушкин посетил Грузию. Он недолго был в Тифлисе; желая видеть войну, он испросил дозволения находиться в походе при действующих войсках, и 16 июня прибыл в лагерь при Искак-су. Первоклассный поэт наш пребывание свое в разных краях России означил произведениями, достойными славного его пера: с Кавказа дал он нам Кавказского пленника, в Крыму написал Бахчисарайский фонтан, в Бессарабии Цыган, во внутренних провинциях писал он прелестные картины Онегина. Теперь читающая публика наша соединяет самые приятные надежды с пребыванием А. Пушкина в стане Кавказских войск и вопрошает: чем любимый поэт наш, свидетель кровавых битв, подарит нас из стана военного. Подобно Горацию, поручавшему друга своего опасной стихии моря, мы просим судьбу сохранить нашего поэта среди ужасов брани.

*Газета «Тифлисские ведомости»,
28 июня, 1829, № 26.*

25

Я остановился в трактире, на другой день отправился в славные тифлиссские бани. Город показался мне многолюден. Азиатские строения и базар напомнили мне Кишинев. По узким и кривым улицам

бежали ослы с перекидными корзинами; арбы, запряженные волами, перегорожали дорогу. Армяне, грузинцы, черкесы, персияне теснились на неправильной площади; между ими молодые русские чиновники разъезжали верхами на карабахских жеребцах (...)

В Тифлисе пробыл я около двух недель и познакомился с тамошним обществом. Санковский, издатель «Тифлисских ведомостей», рассказывал мне много любопытного о здешнем крае, о князе Цицианове, об А. П. Ермолове и проч. Санковский любит Грузию и предвидит для нее блестящую будущность. (...)

Климат тифлиссский, сказывают, нездоров. Здешние горячки ужасны; их лечат меркурием, коего употребление безвредно по причине жаров. Лекаря кормят им своих больных безо всякой совести. Генерал Сипягин, говорят, умер оттого, что его домовый лекарь, приехавший с ним из Петербурга, испугался приема, предлагаемого тамошними докторами, и не дал оного больному. Здешние лихорадки похожи на крымские и молдавские и лечатся одинаково.

Жители пьют курскую воду, мутную, но приятную. Во всех источниках и колодцах вода сильно отзывается серой. Впрочем, вино здесь в таком общем употреблении, что недостаток в воде был бы незаметен.

В Тифлисе удивила меня дешевизна денег. Переехав на извозчике через две улицы и отпустив его через полчаса, я должен был заплатить два рубля серебром. Я сперва думал, что он хотел воспользоваться незнанием новоприезжего; но мне сказали, что цена точно такова. Всё прочее дорого в соразмерности.

Мы ездили в немецкую колонию и там обедали. Пили там делаемое пиво, вкусу очень неприятного, и заплатили очень дорого за очень плохой обед. В моем трактире кормили меня так же дорого и дурно. Генерал Стрекалов, известный гастроном, позвал однажды меня отобедать; по несчастию, у него разносили кушанья по чинам, а за столом сидели английские офицеры в генеральских эполетах. Слуги так усердно меня обносили, что я встал из-за стола голодный. Черт побери тифлисского гастронома!

Я с нетерпением ожидал разрешения моей участи. Наконец получил записку от Раевского. Он писал мне, чтобы я спешил к Карсу, потому что через несколько дней войско должно было идти далее. Я выехал на другой же день.

Я ехал верхом, переменяя лошадей на казачьих постах. Вокруг меня земля была опалена зноем. Грузинские деревни издали казались мне прекрасными садами, но, подъезжая к ним, видел я несколько бедных сакель, осененных пыльными тополями. Солнце село, но воздух всё еще был душен:

Ночи знойные!
Звезды чуждые!..

Луна сияла; всё было тихо, топот моей лошади один раздавался в ночном безмолвии. Я ехал долго, не встречая признаков жилья. Наконец увидел уединенную саклю. Я стал стучаться в дверь. Вышел хозяин. Я попросил воды сперва по-русски, а потом по-татарски. Он меня не понял. Удивительная беспечность! в тридцати верстах от Тифлиса и на дороге в Персию и Турцию, он не знал ни слова ни по-русски, ни по-татарски.

Переночевав на казачьем посту, на рассвете отправился я далее. Дорога шла горами и лесом. Я встретил путешествующих татар; между ими было несколько женщин. Они сидели верхами, окутанные в чадры; видны были у них только глаза да каблуки.

Я стал подыматься на Безобдал, гору, отделяющую Грузию от древней Армении. Широкая дорога, осененная деревьями, извивается около горы. На вершине Безобдала я проехал сквозь малое ущелие, называемое, кажется, Волчьими воротами, и очутился на естественной границе Грузии. Мне представились новые горы, новый горизонт; подо мною расстилались злачные зеленые нивы. Я взглянул еще раз на опаленную Грузию и стал спускаться по отлогому склонению горы к свежим равнинам Армении. С неописанным удовольствием заметил я, что зной вдруг уменьшился: климат был другой.

Человек мой со вьючными лошадьми от меня отстал. Я ехал один в цветущей пустыне, окруженной издали горами. В рассеянности проехал я мимо поста, где должен был переменить лошадей. Прошло более шести часов, и я начал удивляться пространству перехода. Я увидел в стороне груды камней, похожие на сакли, и отправился к ним. В самом деле я приехал в армянскую деревню. Несколько женщин в пестрых лохмотьях сидели на плоской кровле подземной сак-

ли. Я изъяснился коё-как. Одна из них сошла в саклю и вынесла мне сыру и молока. Отдохнув несколько минут, я пустился далее и на высоком берегу реки увидел против себя крепость Гергеры. Три потока с шумом и пеной низвергались с высокого берега. Я переехал через реку. Два вола, впряженные в арбу, подымались по крутой дороге. Несколько грузин сопровождали арбу. «Откуда вы?» — спросил я их. «Из Тегерана». — «Что вы везете?» — «Грибоеда». — Это было тело убитого Грибоедова, которое препровождали в Тифлис.

Не думал я встретить уже когда-нибудь нашего Грибоедова! Я расстался с ним в прошлом году, в Петербурге, пред отъездом его в Персию. Он был печален и имел странные предчувствия. Я было хотел его успокоить; он мне сказал: «*Vous ne connaissez pas ces gens-là: vous verrez qu'il faudra jouer des couteaux*» *. Он полагал, что причиною кровопролития будет смерть шаха и междуусобица его семидесяти сыновей. Но престарелый шах еще жив, а пророческие слова Грибоедова сбылись. Он погиб под кинжалами персиян, жертвой невежества и вероломства. Обезображенный труп его, бывший три дня игрищем тегеранской черни, узнан был только по руке, некогда простреленной пистолетною пулею.

Я познакомился с Грибоедовым в 1817 году. Его меланхолический характер, его озлобленный ум, его добродушие, самые слабости и пороки, неизбежные спутники человечества,— всё в нем было необыкновенно привлекательно. Рожденный с честолюбием, равным его дарованиям, долго был он опутан сетями мелочных нужд и неизвестности. Способности человека государственного оставались без употребления; талант поэта был не признан; даже его холодная и блестящая храбрость оставалась некоторое время в подозрении. Несколько друзей знали ему цену и видели улыбку недоверчивости, эту глупую, несносную улыбку, когда случалось им говорить о нем как о человеке необыкновенном. Люди верят только славе и не понимают, что между ими может нахо-

* Вы еще не знаете этих людей: вы увидите, что дело дойдет до ножей (фр.).

даться какой-нибудь Наполеон, не предводительствовавший ни одною егерскою ротою, или другой Декарт, не напечатавший ни одной строчки в «Московском телеграфе». Впрочем, уважение наше к славе происходит, может быть, от самолюбия: в состав славы входит ведь и наш голос.

Жизнь Грибоедова была затемнена некоторыми облаками: следствие пылких страстей и могучих обстоятельств. Он почувствовал необходимость расчесться единожды навсегда со своею молодостию и круто поворотить свою жизнь. Он простился с Петербургом и с праздною рассеянностию, уехал в Грузию, где пробыл осемь лет в уединенных, неусыпных занятиях. Возвращение его в Москву в 1824 году было переворотом в его судьбе и началом непрерывных успехов. Его рукописная комедия: «Горе от ума» произвела неописанное действие и вдруг поставила его наряду с первыми нашими поэтами. Несколько времени потом совершенное знание того края, где начиналась война, открыло ему новое поприще; он назначен был посланником. Приехав в Грузию, женился он на той, которую любил... Не знаю ничего завиднее последних годов бурной его жизни. Самая смерть, постигшая его посреди смелого, неровного боя, не имела для Грибоедова ничего ужасного, ничего томительного. Она была мгновенна и прекрасна.

Как жаль, что Грибоедов не оставил своих записок! Написать его биографию было бы делом его друзей; но замечательные люди исчезают у нас, не оставляя по себе следов. Мы ленивы и нелюбопытны...

В Гергерах встретил я Бутурлина, который, как и я, ехал в армию. Бутурлин путешествовал со всевозможными прихотями. Я отобедал у него, как бы в Петербурге. Мы положили путешествовать вместе; но демон нетерпения опять мною овладел. Человек мой просил у меня позволения отдохнуть. Я отправился один даже без проводника. Дорога всё была одна и совершенно безопасна.

Переехав через гору и спустясь в долину, осененную деревьями, я увидел минеральный ключ, текущий поперек дороги. Здесь я встретил армянского попа, ехавшего в Ахалцык из Эривани. «Что нового в Эривани?» — спросил я его. «В Эривани чума, — отвечал он; — а что слышать об Ахалцыке?» —

«В Ахалцъке чума»,— отвечал я ему. Обменявшись сими приятными известиями, мы расстались.

Я ехал посреди плодоносных нив и цветущих лугов. Жатва струилась, ожидая серпа. Я любовался прекрасной землею, коей плодородие вошло на Востоке в пословицу. К вечеру прибыл я в Пернике. Здесь был казачий пост. Урядник предсказывал мне бурю и советовал остаться ночевать, но я хотел непременно в тот же день достигнуть Гумров.

Мне предстоял переход через невысокие горы, естественную границу Карского пашалыка. Небо покрыто было тучами; я надеялся, что ветер, который час от часу усиливался, их разгонит. Но дождь стал накрапывать и шел всё крупнее и чаще. От Пернике до Гумров считается 27 верст. Я затянул ремни моей бурки, надел башлык на картуз и поручил себя providению.

Прошло более двух часов. Дождь не переставал. Вода ручьями лилась с моей отяжелевшей бурки и с башлыка, налитанного дождем. Наконец холодная струя начала пробираться мне за галстук, и вскоре дождь меня промочил до последней нитки. Ночь была темная; казак ехал впереди, указывая дорогу. Мы стали подыматься на горы. Между тем дождь перестал и тучи рассеялись. До Гумров оставалось верст десять. Ветер, дующий на свободе, был так силен, что в четверть часа высушил меня совершенно. Я не думал избежать горячки. Наконец я достигнул Гумров около полуночи. Казак привез меня прямо к посту. Мы остановились у палатки, куда спешил я войти. Тут нашел я двенадцать казаков, спящих один возле другого. Мне дали место; я повалился на бурку, не чувствуя сам себя от усталости. В этот день проехал я 75 верст. Я заснул как убитый.

Казак разбудил меня на заре. Первою моею мыслию было: не лежу ли я в лихорадке. Но почувствовал, что слава богу бодр, здоров; не было следа не только болезни, но и усталости. Я вышел из палатки на свежий утренний воздух. Солнце всходило. На ясном небе белела снеговая, двуглавая гора. «Что за гора?»— спросил я, потягиваясь, и услышал в ответ: «Это Арарат». Как сильно действие звуков! Жадно глядел я на библейскую гору, видел ковчег, причаливший к ее вершине с надеждой обновления и жизни,—

и врана и голубицу излетающих, символы казни и примирения...

Лошадь моя была готова. Я поехал с проводником. Утро было прекрасное. Солнце сияло. Мы ехали по широкому лугу, по густой зеленой траве, орошенной росой и каплями вчерашнего дождя. Перед нами блистала речка, через которую должны мы были переправиться. «Вот и Арпачай», — сказал мне казак. Арпачай! наша граница! Это стоило Арарата. Я поскакал к реке с чувством неизъяснимым. Никогда еще не видал я чужой земли. Граница имела для меня что-то таинственное; с детских лет путешествия были моею любимую мечтою. Долго вел я потом жизнь кочующую, скитаясь то по югу, то по северу, и никогда еще не вырывался из пределов необъятной России. Я весело въехал в заветную реку, и добрый конь вынес меня на турецкий берег. Но этот берег был уже завоеван: я всё еще находился в России.

До Карса оставалось мне еще 75 верст. К вечеру надеялся я увидеть наш лагерь. Я нигде не останавливался. На половине дороги, в армянской деревне, выстроенной в горах на берегу речки, вместо обеда съел я проклятый чюрек, армянский хлеб, испеченный в виде лепешки пополам с золою, о котором так тужили турецкие пленники в Дариальском ущелии. Дорого бы я дал за кусок русского черного хлеба, который был им так противен. Меня провожал молодой турок, ужасный говорун. Он во всю дорогу болтал по-турецки, не заботясь о том, понимал ли я его или нет. Я напрягал внимание и старался угадать его. Казалось, он побранивал русских и, привыкнув видеть всех их в мундирах, по платью принимал меня за иностранца. Навстречу нам попался русский офицер. Он ехал из нашего лагеря и объявил мне, что армия уже выступила из-под Карса. Не могу описать моего отчаяния: мысль, что мне должно будет возвратиться в Тифлис, измучась понапрасну в пустынной Армении, совершенно убивала меня. Офицер поехал в свою сторону; турок начал опять свой монолог; но уже мне было не до него. Я переменил иноходь на крупную рысь и вечером приехал в турецкую деревню, находящуюся в 20-ти верстах от Карса.

Соскочив с лошади, я хотел войти в первую саклю, но в дверях показался хозяин и оттолкнул меня с бранию. Я отвечал на его приветствие нагайкою. Турок раскричался; народ собрался. Проводник мой, кажется, за меня заступился. Мне указали каравансарай; я вошел в большую саклю, похожую на хлев; не было места, где бы я мог разостлать бурку. Я стал требовать лошадь. Ко мне явился турецкий старшина. На все его непонятные речи отвечал я одно: *вербана ат* (дай мне лошадь). Турки не соглашались. Наконец я догадался показать им деньги (с чего надлежало бы мне начать). Лошадь тотчас была приведена, и мне дали проводника.

Я поехал по широкой долине, окруженной горами. Вскоре увидел я Карс, белеющийся на одной из них. Турок мой указывал мне на него, повторяя: *Карс, Карс!* и пускал вскачь свою лошадь; я следовал за ним, мучась беспокойством: участь моя должна была решиться в Карсе. Здесь должен я был узнать, где находится наш лагерь и будет ли еще мне возможность догнать армию. Между тем небо покрылось тучами и дождь пошел опять; но я об нем уж не заботился.

Мы въехали в Карс. Подъезжая к воротам стены, услышал я русский барабан: били зóрю. Часовой принял от меня билет и отправился к коменданту. Я стоял под дождем около получаса. Наконец меня пропустили. Я велел проводнику вести меня прямо в бани. Мы поехали по кривым и крутым улицам; лошади скользили по дурной турецкой мостовой. Мы остановились у одного дома, довольно плохой наружности. Это были бани. Турок слез с лошади и стал стучаться у дверей. Никто не отвечал. Дождь ливнем лил на меня. Наконец из ближнего дома вышел молодой армянин и, переговора с моим турком, позвал меня к себе, изъясняясь на довольно чистом русском языке. Он повел меня по узкой лестнице во второе жилье своего дома. В комнате, убранной низкими диванами и ветхими коврами, сидела старуха, его мать. Она подошла ко мне и поцеловала мне руку. Сын велел ей разложить огонь и приготовить мне ужин. Я разделся и сел перед огнем. Вошел меньший брат хозяина, мальчик лет семнадцати. Оба брата

бывали в Тифлисе и жилали в нем по несколько месяцев. Они сказали мне, что войска наши выступили накануне и что лагерь наш находится в 25 верстах от Карса. Я успокоился совершенно. Скоро старуха приготовила мне баранину с луком, которая показала мне верхом поваренного искусства. Мы все легли спать в одной комнате; я разлегся противу угасающего камина и заснул в приятной надежде увидеть на другой день лагерь графа Паскевича.

Попутру пошел я осматривать город. Младший из моих хозяев взялся быть моим чичероном. Осматривая укрепления и цитадель, выстроенную на неприступной скале, я не понимал, каким образом мы могли овладеть Карсом. Мой армянин толковал мне как умел военные действия, коим сам он был свидетелем. Заметя в нем охоту к войне, я предложил ему ехать со мною в армию. Он тотчас согласился. Я послал его за лошадьми. Он явился вместе с офицером, который потребовал от меня письменного предписания. Судя по азиатским чертам его лица, не почел я за нужное рыться в моих бумагах и вынул из кармана первый попавшийся мне листок. Офицер, важно его рассмотрев, тотчас велел привести его благородию лошадей по предписанию и возвратил мне мою бумагу: это было послание к калмычке, намаранное мною на одной из кавказских станций. Через полчаса выехал я из Карса, и Артемий (так назывался мой армянин) уже скакал подле меня на турецком жеребце с гибким куртинским дротиком в руке, с кинжалом за поясом, и бредя о турках и сражениях.

Я ехал по земле, везде засеянной хлебом; кругом видны были деревни, но они были пусты: жители разбежались. Дорога была прекрасна и в топких местах вымощена — через ручьи выстроены были каменные мосты. Земля приметно возвышалась — передовые холмы хребта Саган-лу (древнего Тавра) начинали появляться. Прошло около двух часов; я въехал на отлогое возвышение и вдруг увидел наш лагерь, расположенный на берегу Карсчая; через несколько минут я был уже в палатке Раевского.

26

Я приехал во-время. В тот же день (13 июня) войско получило повеление идти вперед. Обедая у Раевского, слушал я молодых генералов, рассуждавших о движении, им предписанном. Генерал Бурцов отряжен был влево по большой Арзрумской дороге прямо противу турецкого лагеря, между тем как всё прочее войско должно было идти правую стороною в обход неприятелю.

В пятом часу войско выступило. Я ехал с Нижегородским драгунским полком, разговаривая с Раевским, с которым уж несколько лет не видался. Настала ночь; мы остановились в долине, где всё войско имело привал. Здесь имел я честь быть представлен графу Паскевичу.

Я нашел графа дома перед бивачным огнем, окруженного своим штабом. Он был весел и принял меня ласково. Чуждый воинскому искусству, я не подозревал, что участь похода решалась в эту минуту. Здесь увидел я нашего Вольховского, запыленного с ног до головы, обросшего бородой, изнуренного заботами. Он нашел однако время побеседовать со мною как старый товарищ. Здесь увидел я и Михаила Пущина, раненного в прошлом году. Он любим и уважаем как славный товарищ и храбрый солдат. Многие из старых моих приятелей окружили меня. Как они переменялись! как быстро уходит время!

Neu! fugaces, Postume, Postume,
Labuntur anni...*

Я воротился к Раевскому и ночевал в его палатке. Посреди ночи разбудили меня ужасные крики: можно было подумать, что неприятель сделал нечаянное нападение. Раевский послал узнать причину тревоги: несколько татарских лошадей, сорвавшихся с привязи, бегали по лагерю, и мусульмане (так зовутся татаре, служащие в нашем войске) их ловили.

На заре войско двинулось вперед. Мы подъехали к горам, поросшим лесом. Мы въехали в ущелие. Драгуны говорили между собою: «Смотри, брат, держись: как раз картечью хватят». В самом деле, местоположение благоприятствовало засадам; но

* Увы, о Постум, Постум, Быстротечные мчатся годы...(лат.).

турки, отвлеченные в другую сторону движением генерала Бурцова, не воспользовались своими выгодами. Мы благополучно прошли опасное ущелие и стали на высотах Саган-лу в десяти верстах от неприятельского лагеря.

Природа около нас была утрюма. Воздух был холоден, горы покрыты печальными соснами. Снег лежал в оврагах.

...nec Armeniis in oris,
Amice Valgi, stat glacies iners
Menses per omnes...*

Только успели мы отдохнуть и отобедать, как услышали ружейные выстрелы. Раевский послал осведомиться. Ему донесли, что турки завязали перестрелку на передовых наших пикетах. Я поехал с Семичевым посмотреть новую для меня картину. Мы встретили раненого казака: он сидел, шатаясь на седле, бледен и окровавлен. Два казака поддерживали его. «Много ли турков?» — спросил Семичев. «Свиньем валит, ваше благородие», — отвечал один из них. Проехав ущелие, вдруг увидели мы на склоне противуположной горы до 200 казаков, выстроенных в лаву, и над ними около 500 турков. Казаки отступали медленно; турки наезжали с большею дерзостью, прицеливались шагах в 20 и, выстрелив, скакали назад. Их высокие чалмы, красивые долимань и блестящий убор коней составляли резкую противоположность с синими мундирами и простою сбруей казаков. Человек 15 наших было уже ранено. Подполковник Басов послал за подмогой. В это время сам он был ранен в ногу. Казаки было смешались. Но Басов опять сел на лошадь и остался при своей команде. Подкрепление подоспело. Турки, заметив его, тотчас исчезли, оставя на горе голый труп казака, обезглавленный и обрубленный. Турки отсеченные головы отсылают в Константинополь, а кисти рук, обмакнув в крови, отпечатлевают на своих знаменах. Выстрелы утихли. Орлы, спутники войск, поднялись над горою, с высоты высматривая себе добычу. В это время показалась толпа генералов и офицеров: граф Паскевич приехал и отправился на гору, за которую скрылись турки. Они были подкреплены 4000 конницы,

* ...и армянская земля, друг Вальгий, не круглый год покрыта неподвижным льдом... (лат.).

скрытой в лощине и в оврагах. С высоты горы открылся нам турецкий лагерь, отделенный от нас оврагами и высотами. Мы возвратились поздно. Проезжая нашим лагерем, я видел наших раненых, из коих человек пять умерло в ту же ночь и на другой день. <...>

Глава 3.

27

М. И. Пущин

ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ

<...> я, который занимался разведыванием о неприятеле и составлял карты движения к Арзеруму, по обязанности своей должен был делать рекогносцировки и каждую ночь их удачно делал с партией линейных казаков, чаще всего с гребенскими. Однажды, уже в июне месяце, возвращаясь из разъезда, на этот раз очень удачного, до самого лагерного расположения турок на высоте Мелидюза, которое в подробности имел возможность рассмотреть, я сошел с лошади прямо в палатку Николая Раевского, чтобы первого его порадовать скорою неминуемою встречей с неприятелем, встречей, которой все в отряде с нетерпением ожидали. Не могу описать моего удивления и радости, когда тут А. С. Пушкин бросился меня целовать, и первый вопрос его был: «Ну, скажи, Пущин: где турки и увижу ли я их; я говорю о тех турках, которые бросаются с криком и оружием в руках. Дай, пожалуйста, мне видеть то, за чем сюда с такими препятствиями приехал!» — «Могу тебя порадовать: турки не замедлят представиться тебе на смотр; полагаю даже, что они сегодня вызовут нас из нашего бездействия; если же они не атакуют нас, то я с Бурцовым завтра непременно постараюсь заставить их бросить свою позицию, с фронта непреступную, движением обходным, план которого отсюда же понесу к Паскевичу, когда он проснется».

Живые разговоры с Пушкиным, Раевским и Сакеном (начальником штаба, вошедшим в палатку, когда узнал, что я возвратился), за стаканами чая, приготовили нас встретить турок грудью. Пушкин радовался как ребенок тому ощущению, которое его ожидает.

Я просил его не отделяться от меня при встрече с неприятелем, обещал ему быть там, где более опасности, между тем как не желал бы его видеть ни раненым, ни убитым. Раевский не хотел его отпускать от себя, а сам на этот раз, по своему высокому положению, хотел держать себя как можно дальше от выстрела турецкого, особенно же от их сабли или курдинской пики, Пушкину же мое предложение более улыбалось. В это время вошел Семичев (майор Нижегородского драгунского полка, сосланный на Кавказ из Ахтырского гусарского полка) и предложил Пушкину находиться при нем, когда он выедет вперед с фланкерами полка. На чем Пушкин остановился — не знаю, потому что меня позвали к главнокомандующему, который вследствие моих донесений послал подкрепить аванпосты, приказав соблюдать величайшую бдительность; всему отряду приказано было готовиться к действию.

По сказанному — как по писаному. Еще мы не кончили обеда у Раевского с Пушкиным, его братом Львом и Семичевым, как пришли сказать, что неприятель показался у аванпостов. Все мы бросились к лошадям, с утра оседланным. Не успел я выехать, как уже попал в схватку казаков с наездниками турецкими, и тут же встречаю Семичева, который спрашивает меня: не видал ли я Пушкина? Вместе с ним мы поскакали его искать и нашли отделившегося от фланкирующих драгун и скачущего, с саблею наголо, против турок, на него летящих. Приближение наше, а за нами улан с Юзефовичем, скакавшим нас выручать, заставило турок в этом пункте удалиться, — и Пушкину не удалось попробовать своей сабли над турецкою башкой, и он хотя с неудовольствием, но нас более не покидал, тем более что нападение турок со всех сторон было отражено и кавалерия наша, преследовав их до самого укрепленного их лагеря, возвратилась на прежнюю позицию до наступления ночи.

Перестрелка 14 июня 1829 года замечательна потому, что в ней участвовал славный поэт наш Александр Сергеевич Пушкин. Он прибыл к нашему корпусу в день выступления на Саганлуг и был обласкан графом

Эриванским. Когда войска, совершив трудный переход, отдыхали в долине Инжа-су, неприятель внезапно атаковал передовую цепь нашу, находившуюся под начальством подполковника Басова. Поэт, в первый раз услышав около себя столь близкие звуки войны, не мог не уступить чувству энтузиазма. В поэтическом порыве он тотчас выскочил из ставки, сел на лошадь и мгновенно очутился на аванпостах. Опытный майор Семичев, посланный генералом Раевским вслед за поэтом, едва достигнул его и вывел насильно из передовой цепи казаков в ту минуту, когда Пушкин, одушевленный отвагою, столь свойственною новобранцу-воину, схватив пику после одного из убитых казаков, устремился противу неприятельских всадников. Можно поверить, что донцы наши были чрезвычайно изумлены, увидев пред собою незнакомого героя в круглой шляпе и в бурке. Это был первый и последний дебют любимца муз на Кавказе.

Н. И. Ушаков. История военных действий в Азиатской Турции в 1828—1829 годах.
Варшава, 1836.

29

А. С. Гангеблов

ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ

В кампанию 1829 г. случилось обстоятельство, выходящее из ряда обыкновенных, это арест генерала Раевского (прикосновенного к декабризму).

Другая интересная особенность кампании 1829 года, это участие в ней поэта Пушкина. Паскевич очень любезно принял Пушкина и предложил ему палатку в своем штабе; но тот предпочел не расставаться со своим старым другом Раевским: с ним и занимал он палатку в лагере его полка; от него не отставал и при битвах с неприятелем. Так было между прочим в большом Саганлугском деле. Мы, пионеры, оставались в прикрытии штаба и занимали высоту, с которой, не сходя с коня, Паскевич наблюдал за ходом сражения. Когда главная масса турок была опрокинута, и Раевский с кавалерией стал их преследовать, мы завидели скачущего к нам во весь

опор всадника: это был Пушкин, в кургузом пиджаке и маленьком цилиндре на голове. Осадив лошадь в двух-трех шагах от Паскевича, он снял свою шляпу, передал ему несколько слов Раевского и, получив ответ, опять понесся к нему же, Раевскому. Во время пребывания в отряде Пушкин держал себя серьезно, избегал новых встреч и сходиллся только с прежними своими знакомыми, при посторонних же всегда был молчалив и казался задумчивым.

30

17 июня утром услышали вновь мы перестрелку и через два часа увидели карабахский полк возвращающимся с осмью турецкими знаменами: полковник Фридерикс имел дело с неприятелем, засевшим за каменными завалами, вытеснил его и прогнал; Осман-паша, начальствовавший конницей, едва успел спастись.

18 июня лагерь передвинулся на другое место. 19-го, едва пушка разбудила нас, все в лагере пришло в движение. Генералы поехали к своим постам. Полки строились; офицеры становились у своих взводов. Я остался один, не зная, в которую сторону ехать, и пустил лошадь на волю божию. Я встретил генерала Бурцова, который звал меня на левый фланг. Что такое левый фланг? — подумал я и поехал далее. Я увидел генерала Муравьева, расставлявшего пушки. Вскоре показались делибаши и закружились в долине, перестреливаясь с нашими казаками. Между тем густая толпа их пехоты шла по лощине. Генерал Муравьев приказал стрелять. Картечьхватила в самую середину толпы. Турки повалили в сторону и скрылись за возвышением. Я увидел графа Паскевича, окруженного своим штабом. Турки обходили наше войско, отделенное от них глубоким оврагом. Граф послал Пущина осмотреть овраг. Пушин поскакал. Турки приняли его за наездника и дали по нем залп. Все засмеялись. Граф велел выставить пушки и палить. Неприятель рассыпался по горе и по лощине. На левом фланге, куда звал меня Бурцов, происходило жаркое дело. Перед нами (противу центра) скакала турецкая конница. Граф послал против нее генерала Раевского, который повел в атаку свой Нижегородский полк. Турки исчезли. Татаре

наши окружали их раненых и проворно раздевали, оставляя нагих посреди поля. Генерал Раевский остановился на краю оврага. Два эскадрона, отделясь от полка, занеслись в своем преследовании; они были выручены полковником Симоничем.

Сражение утихло; турки у нас в глазах начали копать землю и таскать камень, укрепляясь по своему обыкновению. Их оставили в покое. Мы слезли с лошадей и стали обедать чем бог послал. В это время к графу привели нескольких пленников. Один из них был жестоко ранен. Их расспросили. Около шестого часу войска опять получили приказ идти на неприятеля. Турки зашевелились за своими завалами, приняли нас пушечными выстрелами и вскоре зачали отступать. Конница наша была впереди; мы стали спускаться в овраг; земля обрывалась и сыпалась под конскими ногами. Поминутно лошадь моя могла упасть, и тогда Сводный уланский полк переехал бы через меня. Однако бог вынес. Едва выбрались мы на широкую дорогу, идущую горами, как вся наша конница поскакала во весь опор. Турки бежали; казаки стегали нагайками пушки, брошенные на дороге, и неслись мимо. Турки бросались в овраги, находящиеся по обеим сторонам дороги; они уже не стреляли; по крайней мере ни одна пуля не просвистала мимо моих ушей. Первые в преследовании были наши татарские полки, коих лошади отличаются быстротою и силою. Лошадь моя, закусив повод, от них не отставала; я насилу мог ее сдержать. Она остановилась перед трупом молодого турка, лежащим поперек дороги. Ему казалось, было лет 18; бледное девическое лицо не было обезображено. Чалма его валялась в пыли; обритый затылок прострелен был пулею. Я поехал шагом; вскоре нагнал меня Раевский. Он написал карандашом на клочке бумаги донесение графу Паскевичу о совершенном поражении неприятеля и поехал далее. Я следовал за ним издали. Настала ночь. Усталая лошадь моя отставала и спотыкалась на каждом шагу. Граф Паскевич повелел не прекращать преследования и сам им управлял. Меня обогнали конные наши отряды; я увидел полковника Полякова, начальника казацкой артиллерии, игравшей в тот день важную роль, и с ним вместе прибыл в оставленное селение, где остановился граф Паскевич, прекративший преследование по причине наступившей ночи.

Мы нашли графа на кровле подземной сакли перед огнем. К нему приводили пленных. Он их расспрашивал. Тут находились и почти все начальники. Казаки держали в поводьях их лошадей. Огонь освещал картину, достойную Сальватора-Розы, речка шумела во мраке. В это время донесли графу, что в деревне спрятаны пороховые запасы и что должно опасаться взрыва. Граф оставил саклю со всею своею свитою. Мы поехали к нашему лагерю, находившемуся уже в 30 верстах от места, где мы ночевали. Дорога полна была конных отрядов. Только успели мы прибыть на место, как вдруг небо осветилось, как будто метеором, и мы услышали глухой взрыв. Сакля, оставленная нами назад тому четверть часа, взорвана была на воздух: в ней находился пороховой запас. Разметанные камни задавили нескольких казаков.

Вот все, что в то время успел я увидеть. Вечером я узнал, что в сем сражении разбит сераскир арзрумский, шедший на присоединение к Гаки-паше с 30000 войска. Сераскир бежал к Арзруму; войско его, переброшенное за Саган-лу, было рассеяно, артиллерия взята, и Гаки-паша один оставался у нас на руках. Граф Паскевич не дал ему время распорядиться.

Путешествие в Арзрум. Глава 3.

31

ИЗ ГАФИЗА

(Лагерь при Евфрате)

Не пленяйся бранной славой,
О красавец молодой!
Не бросайся в бой кровавый
С карабахскою толпой!
Знаю: смерть тебя не встретит;
Азраил, среди мечей,
Красоту твою заметит —
И пощада будет ей!
Но боюсь: среди сражений
Ты утратишь навсегда
Скромность робкую движений,
Прелесть неги и стыда!

32

ДЕЛИБАШ

Перестрелка за холмами;
Смотрит лагерь их и наш;
На холме пред казаками
Вьется краснѣй делибаш.

Делибаш! не суйся к лаве,
Пожалей свое житье;
Вмиг аминь лихой забаве:
Попадешься на копье.

Эй, казак! не рвися к бою:
Делибаш на всем скаку
Срежет саблюю кривою
С плеч удалую башку.

Мчатся, сшиблись в общем крике...
Посмотрите! каковы?
Делибаш уже на пике,
А казак без головы.

1829

А. С. Пушкин

ТРЕТЬЯ СТРОФА В РАННЕЙ РЕДАКЦИИ

Ты, казак, за делибашем
Не гонися, погоди,
Вмиг мы саблями замашем,
Будешь, будешь впереди...

33

На другой день в пятом часу лагерь проснулся и получил приказание выступить. (...)

Мы тронулись и к осьми часам пришли на возвышение, с которого лагерь Гаки-паши виден был как на ладони. Турки открыли безвредный огонь со всех своих батарей. Между тем в лагере их заметно было большое движение. Усталость и утренний жар заставили многих из нас слезть с лошадей и лечь на свежую

траву. Я опутал поводья около руки и сладко заснул, в ожидании приказа идти вперед. Через четверть часа меня разбудили. Всё было в движении. С одной стороны колонны шли на турецкий лагерь; с другой — конница готовилась преследовать неприятеля. Я поехал было за Нижегородским полком, но лошадь моя хромала. Я отстал. Мимо меня пронесся Уланский полк. Потом Вольховский проскакал с тремя пушками. Я очутился один в лесистых горах. Мне попался навстречу драгун, который объявил, что лес наполнен неприятелем. Я воротился. Я встретил генерала Муравьева с пехотным полком. Он отрядил одну роту в лес, дабы его очистить. Подъезжая к лощине, увидел я необыкновенную картину. Под деревом лежал один из наших татарских беков, раненный смертельно. Подле него рыдал его любимец. Мулла, стоя на коленях, читал молитвы. Умиравший бек был чрезвычайно спокоен и неподвижно глядел на молодого своего друга. В лощине собрано было человек 500 пленных. Несколько раненых турков подзывали меня знаками, вероятно принимая меня за лекаря и требуя помощи, которую я не мог им подать. Из лесу вышел турок, зажимая свою рану окровавленной тряпкою. Солдаты подошли к нему с намерением его приколоть, может быть из человеколюбия. Но это слишком меня возмутило; я заступился за бедного турку и насилу привел его, изнеможенного и истекающего кровию, к кучке его товарищей. При них был полковник Анреп. Он курил дружелюбно из их трубок, несмотря на то, что были слухи о чуме, будто бы открывшейся в турецком лагере. Пленные сидели, спокойно разговаривая между собою. Почти все были молодые люди. Отдохнув, пустились мы далее. По всей дороге валялись тела. Верстах в 15 нашел я Нижегородский полк, остановившийся на берегу речки посреди скал. Преследование продолжалось еще несколько часов. К вечеру пришли мы в долину, окруженную густым лесом, и наконец мог я выспаться вволю, проскакав в эти два дня более осьмидесяти верст. (...)

Мы стояли в долине. Снежные и лесистые горы Саган-лу были уже за нами. Мы пошли вперед, не встречая нигде неприятеля. Селения были пусты. Окрестная сторона печальна. Мы увидели Аракс, быстро текущий, в каменистых берегах своих. В 15

верстах от Гассан-Кале находится мост, прекрасно и смело выстроенный на семи неравных сводах. Предание приписывает его построение разбогатевшему пастуху, умершему пустынноком на высоте холма, где донныне показывают его могилу, осененную двумя пустынными соснами. Соседние поселяне стекаются к ней на поклонение. Мост называется Чабан-Кэпри (мост пастуха). Дорога в Тебриз лежит через него.

В нескольких шагах от моста посетил я темные развалины караван-сарая. Я не нашел в нем никого, кроме большого осла, вероятно брошенного здесь бегущими поселянами.

24 июня утром пошли мы к Гассан-Кале, древней крепости, накануне занятой князем Бековичем. Она была в 15 верстах от места нашего ночлега. Длинные переходы утомили меня. (...)

26 июня мы стали в горах в пяти верстах от Арзрума. Горы эти называются Ак-даг (белые горы); они меловые. Белая, язвительная пыль ела нам глаза; грустный вид их наводил тоску. Близость Арзрума и уверенность в окончании похода утешала нас. (...)

На другой день утром войско наше двинулось вперед. С восточной стороны Арзрума, на высоте Топ-дага, находилась турецкая батарея. Полки пошли к ней, отвечая на турецкую пальбу барабанным боем и музыкаю. Турки бежали, и Топ-даг был занят. Я приехал туда с поэтом Юзефовичем. На оставленной батарее нашли мы графа Паскевича со всею его свитою. С высоты горы в долине открывался взору Арзрум со своею цитаделью, с минаретами, с зелеными кровлями, наклеенными одна на другую. Граф был верхом. Перед ним на земле сидели турецкие депутаты, приехавшие с ключами города. Но в Арзруме заметно было волнение. Вдруг на городском валу мелькнул огонь, закурился дым, и ядра полетели к Топ-дагу. Несколько их пронеслись над головою графа Паскевича; «*Voyez les Turcs*, — сказал он мне, — *on ne peut jamais se fier à eux**. В сию минуту прискакал на Топ-даг князь Бекович, со вчерашнего дня находившийся в Арзруме на переговорах. Он объявил, что сераскир и народ давно согласны на сдачу, но что несколько непослушных арнаутов под предводитель-

* Смотрите, каковы турки... никогда нельзя им доверяться (фр.).

ством Топчи-паши овладели городскими батареями и бунтуют. Генералы подъехали к графу, прося позволения заставить молчать турецкие батареи. Арзрумские сановники, сидевшие под огнем своих же пушек, повторили ту же просьбу. Граф несколько времени медлил; наконец дал повеление, сказав: «Полно им дурачиться». Тотчас подвезли пушки, стали стрелять, и неприятельская пальба мало-помалу утихла. Полки наши пошли в Арзрум, и 27 июня, в годовщину полтавского сражения, в шесть часов вечера русское знамя развилось над арзрумской цитаделию.

Раевский поехал в город — я отправился с ним; мы въехали в город, представлявший удивительную картину. Турки с плоских кровель своих угрюмо смотрели на нас. Армяне шумно толпились в тесных улицах. Их мальчишки бежали перед нашими лошадьми, крича и повторяя: Християн! Християн!.. Мы подъехали к крепости, куда входила наша артиллерия; с крайним изумлением встретил я тут моего Артемия, уже разъезжающего по городу, несмотря на строгое предписание никому из лагеря не отлучаться без особенного позволения.

Улицы города тесны и кривы. Дома довольно высоки. Народу множество, — лавки были заперты. Пробыв в городе часа с два, я возвратился в лагерь: сераскир и четверо пашей, взятые в плен, находились уже тут. Один из пашей, сухощавый старичок, ужасный хлопотун, с живостию говорил нашим генералам. Увидев меня во фраке, он спросил, кто я таков. Пушкин дал мне титул поэта. Паша сложил руки на грудь и поклонился мне, сказав через переводчика: «Благословен час, когда встречаем поэта. Поэт брат дервишу. Он не имеет ни отечества, ни благ земных; и между тем как мы, бедные, заботимся о славе, о власти, о сокровищах, он стоит наравне с властелинами земли и ему поклоняются». (...)

Глава 4.

Я жил в сераскировом дворце в комнатах, где находился харем. Целый день бродил я по бесчисленным переходам, из комнаты в комнату, с кровли на

кровлю, с лестницы на лестницу. Дворец казался разграбленным; сераскир, предполагая бежать, вывез из него что только мог. Диваны были ободраны, ковры сняты. Когда гулял я по городу, турки подзывали меня и показывали мне язык. (Они принимают всякого франка за лекаря.) Это мне надоело, я готов был отвечать им тем же. <...>

Осман-паша, взятый в плен под Арзрумом и отправленный в Тифлис вместе с сераскиром, просил графа Паскевича за безопасность харема, им оставляемого в Арзруме. В первые дни об нем было забыли. Однажды за обедом, разговаривая о тишине мусульманского города, занятого 10 000 войска и в котором ни один из жителей ни разу не пожаловался на насилие солдата, граф вспомнил о хареме Османа-паши и приказал г. А. съездить в дом паши и спросить у его жен, довольны ли они и не было ли им какой-нибудь обиды. Я просил позволения сопровождать г. А. Мы отправились. Г-н А. взял с собою в переводчики русского офицера, коего история любопытна. 18-ти лет попался он в плен к персиянам. Его скопили, и он более 20 лет служил евнухом в хареме одного из сыновей шаха. Он рассказывал о своем несчастии, о пребывании в Персии с трогательным простодушием. В физиологическом отношении показания его были драгоценны.

Мы пришли к дому Османа-паши; нас ввели в открытую комнату, убранную очень порядочно, даже со вкусом,— на цветных окнах начертаны были надписи, взятые из Корана. Одна из них показалась мне очень замысловата для мусульманского харема: *тебе подобает связывать и развязывать*. Нам поднесли кофию в чашечках, оправленных в серебре. Старик с белой почтенной бородою, отец Османа-паши, пришел от имени жен благодарить графа Паскевича,— но г. А. сказал наотрез, что он послан к женам Османа-паши и хочет их видеть, дабы от них самих удостовериться, что они в отсутствие супруга всем довольны. Едва персидский пленник успел все это перевести, как старик, в знак негодования, зацелкал языком и объявил, что никак не может согласиться на наше требование и что если паша, по своем возвращении, проведает, что чужие мужчины видели его жен, то и ему старику и всем служителям харема велит отру-

бить голову. Прислужники, между коими не было ни одного евнуха, подтвердили слова старика; но г. А. был непоколебим. «Вы боитесь своего паши,—сказал он им,—а я своего сераскира и не смею послушаться его приказаний».—Делать было нечего. Нас повели через сад, где били два тощие фонтана. Мы приблизились к маленькому каменному строению. Старик стал между нами и дверью, осторожно ее отпер, не выпуская из рук задвижки, и мы увидели женщину, с головы до желтых туфель покрытую белой чадрой. Наш переводчик повторил ей вопрос: мы услышали шамкание семидесятилетней старухи; г. А. прервал ее: «Это мать паши,—сказал он,—а я прислан к женам, приведите одну из них»; все изумились догадке гяуров: старуха ушла и через минуту возвратилась с женщиной, покрытой так же, как и она,—из-под покрывала раздался молодой приятный голосок. Она благодарила графа за его внимание к бедным вдовам и хвалила обхождение русских. Г-н А. имел искусство вступить с нею в дальнейший разговор. Я между тем, глядя около себя, увидел вдруг над самой дверью круглое окошко и в этом круглом окошке пять или шесть круглых голов с черными любопытными глазами. Я хотел было сообщить о своем открытии г. А., но головки закивали, замигали, и несколько пальчиков стали мне грозить, давая знать, чтоб я молчал. Я повиновался и не поделился моею находкою. Все они были приятны лицом, но не было ни одной красавицы; та, которая разговаривала у двери с г. А., была, вероятно, повелительницею харема, сокровищницею сердец—розою любви—по крайней мере, я так воображал.

Наконец г. А. прекратил свои расспросы. Дверь затворилась. Лица в окошке исчезли. Мы осмотрели сад и дом и возвратились очень довольные своим посольством

Таким образом, видел я харем: это удалось редкому европейцу. Вот вам основание для восточного романа.

Война казалась кончена. Я собирался в обратный путь. 14 июля пошел я в народную баню, и не рад был жизни. Я проклинал нечистоту простынь, дурную прислугу и проч. Как можно сравнить бани арзрумские с тифлисскими!

Возвращаясь во дворец, узнал я от Коновницына, стоявшего в карауле, что в Арзруме открылась чума.

Мне тотчас представились ужасы карантина, и я в тот же день решил оставить армию. Мысль о присутствии чумы очень неприятна с непривычки. Желая изгладить это впечатление, я пошел гулять по базару. Остановясь перед лавкою оружейного мастера, я стал рассматривать какой-то кинжал, как вдруг кто-то ударил меня по плечу. Я оглянулся: за мною стоял ужасный нищий. Он был бледен как смерть; из красных загноенных глаз его текли слезы. Мысль о чуме опять мелькнула в моем воображении. Я оттолкнул нищего с чувством отвращения неизъяснимого и воротился домой очень недовольный своею прогулкою.

Любопытство однако ж превозмогло; на другой день я отправился с лекарем в лагерь, где находились зачумленные. Я не сошел с лошади и взял предосторожность стать по ветру. Из палатки вывели нам больного; он был чрезвычайно бледен и шатался, как пьяный. Другой больной лежал без памяти. Осмотрев чумного и обещав несчастному скорое выздоровление, я обратил внимание на двух турков, которые выводили его под руки, раздевали, щупали, как будто чума была не что иное, как насморк. Признаюсь, я устыдился моей европейской робости в присутствии такого равнодушия и поскорее возвратился в город.

19 июля, пришед проститься с графом Паскевичем, я нашел его в сильном огорчении. Получено было печальное известие, что генерал Бурцов был убит под Байбуртом. Жаль было храброго Бурцова, но это происшествие могло быть губельно и для всего нашего малочисленного войска, зашедшего глубоко в чужую землю и окруженного неприязненными народами, готовыми восстать при слухе о первой неудаче. Итак, война возобновлялась! Граф предлагал мне быть свидетелем дальнейших предприятий. Но я спешил в Россию... Граф подарил мне на память турецкую саблю. Она хранится у меня памятником моего странствования вослед блестящего героя по завоеванным пустыням Армении. В тот же день я оставил Арзрум.

Я ехал обратно в Тифлис по дороге уже мне знакомой. Места, еще недавно оживленные присутствием 15 000 войска, были молчаливы и печальны. Я переехал Саган-лу и едва мог узнать место, где стоял наш лагерь. В Гумрах выдержал я трехдневный

карантин. Опять увидел я Безобдал и оставил возвышенные равнины холодной Армении для знойной Грузии. В Тифлис я прибыл 1-го августа. Здесь остался я несколько дней в любезном и веселом обществе. Несколько вечеров провел я в садах при звуке музыки и песен грузинских. Я отправился далее. Переезд мой через горы замечателен был для меня тем, что близ Коби ночью застала меня буря. Утром, проезжая мимо Казбека, увидел я чудное зрелище: белые, оборванные тучи перетягивались через вершину горы, и уединенный монастырь, озаренный лучами солнца, казалось, плавал в воздухе, несомый облаками.

Глава 5.

35

МОНАСТЫРЬ НА КАЗБЕКЕ

Высоко над семьей гор,
Казбек, твой царственный шатер
Сияет вечными лучами.
Твой монастырь за облаками,
Как в небе реющий ковчег,
Парит, чуть видный, над горами.

Далекий, вожделенный брег!
Туда б, сказав прости ущелью,
Подняться к вольной вышине!
Туда б, в заоблачную келью,
В соседство бога скрыться мне!..

1829

А. С. Пушкин

36

* * *

И вот ущелье мрачных скал
Пред нами шире становится,
Но тише Терек злой стремится,
Луч солнца ярче засиял.

1829

А. С. Пушкин

37

Бешеная Балка также явилась мне во всем своем величии: овраг, наполнившийся дождевыми водами, превосходил в своей свирепости самый Терек, тут же грозно ревевший. Берега были растерзаны; огромные камни сдвинуты были с места и загромождали поток. Множество осетинцев разработывали дорогу. Я переправился благополучно. Наконец я выехал из тесного ущелия на раздолье широких равнин Большой Кабарды. Во Владикавказе нашел я Дорохова и Пущина. Оба ехали на воды лечиться от ран, полученных ими в нынешние походы. У Пущина на столе нашел я русские журналы. Первая статья, мне попавшаяся, была разбор одного из моих сочинений. В ней всячески бранили меня и мои стихи. Я стал читать ее вслух. Пущин остановил меня, требуя, чтоб я читал с большим мимическим искусством. Надобно знать, что разбор был украшен обыкновенными затеями нашей критики: это был разговор между дьячком, просвирней и корректором типографии, Здравомыслом этой маленькой комедии. Требование Пущина показалось мне так забавно, что досада, произведенная на меня чтением журнальной статьи, совершенно исчезла, и мы расхохотались от чистого сердца.

Таково было мне первое приветствие в любезном отечестве.

Глава 5.

38

ОТКРЫТЫЙ ЛИСТ

От Горячих минеральных вод до города Георгиевска Господину чиновнику 10-го класса Пушкину от Казачьих постов по тракту состоящих давать в конвой по два конно-вооруженных казака без малейшего задержания, водворение чего за израсходованном печатном бланке дать сей за подписом лист и с приложением казенной печати Кавказской области Горячие минеральные воды.

Сентябрь 8 дня 1829 года.

39

ДОН

Блеща средь полей широких,
Вон он льется!.. Здравствуй, Дон!
От сынов твоих далеких
Я привез тебе поклон.

Как прославленного брата,
Реки знают тихий Дон:
От Аракса и Эвфрата
Я привез тебе поклон.

Отдохнув от злой погони,
Чуя родину свою,
Пьют уже донские кони
Арпачайскую струю.

Приготовь же, Дон заветный,
Для наездников лихих
Сок кипучий, искрометный
Виноградников твоих.

1829

А. С. Пушкин

40

М. В. Юзефович

ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ

⟨...⟩ Я встретился с ним в 1829 г., когда ему было уже 30 лет, и при условиях, очень благоприятных для сближения между людьми: на боевых полях Малой Азии, в кругу близких ему и мне людей, под лагерною палаткой, где все живут нараспашку. Хотя время, проведенное мною с ним, было непродолжительно, всего пять-шесть недель, но зато все почти дни этих недель я с ним проводил неразлучно. ⟨...⟩

Как теперь вижу его, живого, простого в обращении, хохотуна, очень подвижного, даже вертлявого, с великолепными большими, чистыми и ясными глазами, в которых, казалось, отражалось все прекрасное в природе, с белыми, блестящими зубами, о которых он

очень заботился, как Байрон. Он вовсе не был смугл, ни черноволос, как уверяют некоторые, а был вполне белокож, и с вьющимися волосами каштанового цвета. В детстве он был совсем белокур, каким остался брат его Лев. В его облике было что-то родное африканскому типу; но не было того, что оправдывало бы его стих о самом себе:

Потомок негров безобразный

Напротив того, черты лица были у него приятные, и общее выражение очень симпатичное. Его портрет, работы Кипренского, похож безукоризненно. В одежде и во всей его наружности была заметна светская заботливость о себе. Носил он и у нас щегольской черный сюртук, с блестящим цилиндром на голове; а потому солдаты, не зная, кто он такой, и видя его постоянно при Нижегородском драгунском полку, которым командовал Раевский, принимали его за полкового священника и звали драгунским батюшкой.

Он был чрезвычайно добр и сердечен. Надо было видеть нежное участие, какое он оказывал донцу Сухорукову, умному, образованному и чрезвычайно скромному литературному собрату, который имел несчастье возбудить против себя гонение тогдашнего военного министра Чернышева, по подозрению в какой-то интриге, по делу о преобразовании войска Донского. У него, между прочими преследованиями, отняты были все выписки, относившиеся к истории Дона, собранные им в то время, когда он рылся в архивах, по поручению Карамзина. Пушкин, узнав об этом, чуть не плакал и все думал, как бы, по возвращении в Петербург, выхлопотать Сухорукову эти документы.

41

И. Б. Потокский

ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ

I

В 1829 г. в начале лета, освободясь от опеки своих родичей, я с большими надеждами спешил на Кавказ. В Екатериноградской станице, на речке Малке, не-

ожиданно встретил я А. С. Пушкина и тут же познакомился с ним. (...) На другой день (...), проехав несколько верст, мы вступили в ущелье, а пройдя первую станцию Ларс, вошли в грозную теснину Дарьяльскую; все восхищались нависшими над головой скалами и ревом Терека. За укреплением Дарьяльским и мостом, перекинутым через Терек, теснина начинает расширяться; потом, проезжая селение Казбек, остановились здесь для перемены лошадей, а пока разбрелись по деревушке и любовались на чудный отсюда вид на гору Казбек и древнюю церковь, монастырь на скате одного из отрогов цепи гор. В самом селении Казбек находится также замечательная по архитектуре небольшая церковь, здесь первое грузинское селение. Обходя церковь, мы увидели сидящего на камне, на самом обрыве над рекой молодого горца красивой наружности, с русыми волосами и голубыми глазами, чисто одетого в черкеску. Пушкин первый подошел к нему и сделал вопрос по-русски: «чья эта деревня?» Тот ответил чистым русским языком: «моя», — и гордо окинул всех нас своими прекрасными глазами; разговаривая с ним, мы узнали, что этот молодой человек был владетель вышеупомянутого селения, князь Михаил Казбек. На вопрос Александра Сергеевича, почему он не едет в армию, где получил бы скоро чин, — князь Казбек ответил ему: «Знаете, господин, умрет и прапорщик и генерал одинаково — не лучше ли сидеть дома и любоваться этой картиной», — указывая рукой на горы. «Да, ваша правда, князь, — добавил Александр Сергеевич. — Если б эта деревня была моя, и я бы отсюда никуда не поехал». — Впоследствии князь Казбек вступил в службу и дослужился до генерала. Нередко я напоминал ему о нашей первой встрече.

Лошади ждали нас и мы отправились далее к станции Коби. По дороге часто попадались толпы оборванных пленных турок, разрабатывавших нам путь. (...) Около заката солнца прибыли в Коби. Постовой начальник, казачий офицер, не советовал рисковать переезжать ночью через снежные горы Крестовую и Гут, а остаться до утра. Вся публика тотчас согласилась с умной речью, так как все порядочно устали от долгой верховой езды на неудобных седлах, а главное — проголодались; даже и очень торопившиеся в армию наши гвардейцы, и те предпоч-

ли остаться в Коби. В ожидании приготовления чая и ужина наше общество разбрелось по окрестностям поста любоваться окружавшими его скалами. Не далее как в двух верстах находился довольно большой аул, у самого ущелья, из которого берет свое начало река Терек. Александру Сергеевичу пришла мысль отправиться в этот аул и осмотреть его: все общество, конечно, согласилось, и нас человек 20 отправилось в путь, пригласив с собой какого-то туземца вместо переводчика, так как он оказался довольно знающим русский язык. (...)

На другой день рано утром поднялись на самый верх Крестовой горы. Пушкин первым прискакал к памятнику, сооруженному в 1817 г. в честь А. П. Ермолова, — начальником горских народов, полковником Канановым, — как гласила надпись на каменном кресте. Вся покатость и вершина этой горы были покрыты снегом, и, не доезжая Чертовой долины, переехали Ледяной мост. Александр Сергеевич гарцевал на добром коне, и плащ его живописно рисовался на белом фоне долины. Благополучно совершив последний перевал через Гутгору и переменяв лошадей на Кайшаурском посту, спустились по очень крутой квицетской дороге в долину реки Арагвы. Здесь нас встретило жаркое лето юга. Вообще восхитительные виды гор, скаты которых покрыты роскошною растительностью, приводили всех в неописанный восторг. Здесь мы встретили адъютанта главнокомандующего гр. Паскевича барона Фелькерзама, спешившего в Петербург с донесением государю императору и трофеями о славной победе над турками. Александр Сергеевич крикнул — «ура!» — ему вторили другие спутники, — и потом начал советовать гвардейским офицерам спешить в армию. «Война может скоро кончиться, и вы, господа, можете остаться ни при чем, на бобах, итак — марш скорее в Тифлис!» — крикнул еще «ура» и поскакал вперед. В горах, к несчастью, я схватил простуду; молодой организм не выдержал, и не доезжая Тифлиса станции за две, я не в состоянии был держаться верхом. Александр Сергеевич позаботился о тележке, уложил меня на сене и так доставил полуживого в Тифлис. Он был неотлучно подле меня в

дороге и придумывал разные средства к облегчению моих страданий. В Тифлисе все наши спутники разместились в единственной в то время небольшой гостинице иностранца Матаси и на другой день уехали в армию; меня больного поместили в крошечной комнате одного, и тотчас же послали искать доктора. К счастью моему, отыскивали доктора Ивана Карловича Делнера.

II

Когда через несколько дней я пришел в сознание, доктор, часто навещая меня, передавал о том, как Александр Сергеевич нередко приходил в мою комнату и делал вопрос: «Что, доктор, будет ли жив мой юный спутник?» Всякий раз просил его постараться поднять меня на ноги; когда же за перегородкой поднимался шумный разговор между путешественниками, Александр Сергеевич всегда удерживал их, напоминая, что здесь близко отчаянно больной, наш юный дорожный товарищ. Эта сердечная доброта его меня трогала до слез и волновала ужасно; тогда доктор предупреждал меня, что болезнь может возобновиться и будет худо. В Тифлисе Александр Сергеевич, пробыв несколько дней, уехал в армию, находящуюся под Эрзерумом. Спустя недели две после его отъезда я начал быстро поправляться и получил позволение доктора выходить на прогулки: первое мое посещение было П. С. Санковскому, тогдашнему издателю и редактору интересных в то время «Тифлиссских ведомостей» — давнему знакомому А. С. Пушкина. Я имел к нему письмо от сестер его, живших в Малороссии в небольшой своей деревушке. Павел Степанович просил навещать его чаще, и таким образом, спустя недели три после отъезда А. С. Пушкина в армию, когда я сидел у П. С. Санковского за вечерним чайным столом, разговор как всегда и на сей раз коснулся Александра Сергеевича. П. С. Санковский заговорил: «Меня беспокоит неизвестность, что теперь там делает Александр Сергеевич и здоров ли он». Вдруг дверь с шумом распахнулась, и к нам в комнату неожиданно влетел Пушкин и бросился в объятия Санковскому. На Пушкине был широкий белой материи турецкий плащ, а на голове красная

феска. На вопросы Павла Степановича — что так скоро вернулся из армии? — Александр Сергеевич ответил: «Ужасно мне надоело вечное хождение на помочах этих опекунов, дядек; мне крайне было жаль расстаться с моими друзьями, но я вынужден был покинуть их. Паскевич надоел мне своими любезностями, я хотел воспеть геройские подвиги наших молодцов кавказцев; это — славная часть нашей родной эпопеи, но он не понял меня и старался выпроводить из армии. Вот я и поспешил к тебе, мой друг Павел Степанович». Затем обратясь ко мне, взял за руку и проговорил: «Очень рад вас видеть, юный товарищ, воскресшим из мертвых. Когда ворочусь в Россию, выплюю вам все мои безделушки доселе напечатанные», — и просил дать мой адрес.

Оставив затем и хозяина и гостя вдвоем, я удалился к себе. Потом, на другой или на третий день, я еще встречался с Пушкиным и Санковским и вместе делал прогулки по городу; между прочим, посетили еще свежую тогда могилу Грибоедова, перед коей Александр Сергеевич преклонил колена и долго стоял, наклонив голову, а когда поднялся, на глазах были заметны слезы. На четвертый день пребывания своего в Тифлисе Пушкин уезжал в Россию, оставив Санковскому на память своего боевого коня, а мне повторил обещание выслать свои сочинения взамен моих рукописных.

42

П. Г. Ханжонков

РАССКАЗ КАВКАЗСКОГО ВЕТЕРАНА О ПУШКИНЕ

*Записано со слов есаула Ханжонкова
Виталием Пашковым в 1858 г.*

В 1829 году я находился на Кавказе, служа офицером в конной донской артиллерии, в 3-й батарее. Временная стоянка наша была в Царских Колодцах, а неподалеку от них, в местечке Кар-Агачах, квартировал Нижегородский драгунский полк. Все офицеры этого полка были хорошо с нами знакомы и по совместным стычкам с горцами, и по служебным

отношениям. Я был тогда молод, здоров, любим товарищами и начальниками и вполне наслаждался жизнью. Чуть бывало затишье, и офицеры съезжаются к кому-нибудь из товарищей: карты, выпивка, охота, и весело проводим время. Молодцы офицеры — один другого не выдавали; любили службу, любили и погулять в веселой компании. Начальник наш, Андриянов, поехал погостить в Кар-Агачи, куда и я отправился с рапортом к нему. Погода стояла теплая и ясная.

Вот приезжаю я в Кар-Агачи часов в 10 утра, на лихом донском коне, проехал шагов двести, как отворяется окно, и знакомый драгунский офицер Папков кричит: «Ханжонков. Заезжай к нам, пожалуйста, заезжай!» — Поздоровавшись с Папковым, я сказал, что заехать теперь не могу, потому что спешу с рапортом, а на возвратном пути непременно заеду. В это время подошел к открытому окну незнакомый мне господин, в статском сюртуке серого цвета, и, обращаясь ко мне, сказал: «Да заезжайте же хотя на минуту». — Не могу объяснить, почему, но я невольно повиновался приятному голосу этого незнакомца и заехал к Папкову. Вхожу в комнату, здороваюсь с Папковым и кланяюсь незнакомцу. Тогда Папков, указывая мне на этого господина, спрашивает: «Знаешь, кто это такой?» — Я отвечал, что не имею удовольствия знать. «Это Александр Сергеевич Пушкин», — сказал Папков. Представьте же себе, как я был озадачен этим именем и самим Пушкиным, хотя и знал, что он был тогда на Кавказе. Сначала я сильно сконфузился и не помню уже, как отрекомендовался ему. Пушкин улыбнулся, пожал мне руку, тут же назвал меня другом и приказал подать шампанского: «Запить здоровье нового друга», — как он выразился. Несмотря на такой любезный прием, я был точно в лихорадке, и невольная робость одолела меня, потому что молва о поэте Пушкине была всеобщая; молодежь сильно интересовалась им, и каждый из нас знал по несколько его стихотворений наизусть.

И вдруг совершенно неожиданная встреча, знакомство и дружеский прием поэта. Даже и теперь, на старости, я чувствую истинное удовольствие при воспоминании этого знакомства и благородного характера Пушкина, о чем сейчас и расскажу вам. Между тем

начали входить драгунские офицеры, и скоро собралось их у Пушкина и у Папкова человек двенадцать. В числе офицеров пришел и мой приятель, Николай Михайлович Караяни. Прошло уже несколько дней, как Пушкин приехал в Кар-Агачи; со многими офицерами он был знаком и прежде, особенно же с Папковым, кажется, дальним его родственником; с прочими же офицерами живо знакомился, встречал и принимал каждого из них как знакомого приятеля. За то же и офицеры любили его за живость ума, остроту слов, веселость и славное такое обращение со всеми. Пушкин был тогда еще очень молод, и пылкая натура его платила такую же дань молодости, как и все мы смертные. Надо сказать, что Александр Сергеевич любил-таки и покутить в кругу молодежи, занимая и увлекая всех разделявших с ним пирушки. Скоро подали закуску с винами и шампанским; закусили, и начались тосты: при этом Пушкин сказал такой экспромт, от которого мы повалились со смеху и закричали ему «браво». Я уже запоздал и спешил идти, но подгулявшие офицеры еще удерживали меня, да, спасибо, выручил Александр Сергеевич; обращаясь к офицерам, он сказал: «Господа, пусть идет, у него есть дело». Потом ко мне: «Смотри же, Ханжонков, на обратном пути к нам поскорее, а если не заедешь, то назову тебя злодеем». — Вручивши рапорт начальнику батареи Андриянову и получив словесное приказание, спешу к Пушкину и Папкову. Папков был богатый офицер, красивый и общий любимец. Когда я вошел к ним, Пушкин подошел ко мне, пожал руку и сказал: «Спасибо». — Офицеры также благодарили. Каждый держал себя просто, нараспашку, как у лучшего приятеля. Было уже три часа, и в смежной комнате готовили к столу. Но по служебным обязанностям остаться обедать я не мог, несмотря на приглашение Пушкина и Папкова, взявших с меня слово приехать к ним поскорее. Я простился и уехал в Царские Колодцы. Справившись по службе, я на третий день снова приехал в Кар-Агачи, да еще и с двумя офицерами нашей батареи. Приехали мы прямо к Папкову и Пушкину, и они встретили нас по-приятельски. Пушкин получил тогда из Петербурга порядочный куш денег за свои сочинения, и потому у него постоянно было много офицеров, и шампанское лилось рекой. Сам он был душою общества, и мы ловили

каждое слово. Задаст вдруг тему, и начнется между молодежью общий живой разговор: а сам-то он говорит увлекательно, красноречиво, так и сыплет; замолчим и слушаем. Вдруг скажет экспромт в стихах или присядет, напишет стихи и прочтет нам отрывки из «Кавказского пленника». Все мы искренно приветствовали Пушкина и запивали шампанским. Восторженный поэт и нас восторгал каким-то особенным чувством. Голос у него был славный, звучный и приятный; глаза постоянно искрились, а когда он поворачивал голову, то кудрявые волосы его сотрясались. На всех офицеров Пушкин имел большое влияние и, как магнит, притягивал к себе. Двое суток мы пировали у Пушкина и у Папкова, как вдруг веселье наше было прервано весьма неприятной историей. Когда кизлярка, шампанское и другие напитки порядочно отуманили у некоторых головы, тогда между офицерами начались такие откровенности, каких и не должно бы быть. Хозяин и любимец Пушкина, Папков, выразился очень резко на счет уважаемой дамы — жены полковника N и при этом задел намеком Караяни. Караяни вспылил, начались крупные речи, и кончилось тем, что Караяни вызвал Папкова на дуэль.

Случилось это неожиданно, вдруг, и никто уже не мог остановить ссору, и даже сам Пушкин. Сильно раздраженные Караяни и Папков оба обратились к Пушкину с просьбою — быть у них секундантом. Горячо и настойчиво уговаривал соперников Пушкин, чтобы они прекратили ссору и примирились. И как превосходно говорил он, обращаясь то к Караяни, то к Папкову. Все мы также просили их примириться, но напрасно; они были непреклонны и просили Пушкина в секунданты. Видя, что убеждения не помогли, огорченный и задумавшийся Пушкин начал ходить по комнате. Ожидали его ответа. Пушкин остановился и, обращаясь к Караяни и Папкову, сказал: «Хорошо, господа, у одного из вас я буду секундантом, по жребию, а другого секунданта вы позволите выбрать мне. Согласны?» — Караяни и Папков согласились. Время и место были назначены: завтра, в шесть часов утра, в небольшой рошце близ Кар-Агачи; драться на пистолетах. Решимость Пушкина быть секундантом и удивила нас, и порадовала. Пушкин сделал два

билета, написал фамилии соперников, положил в шапку и поднес Караяни и Папкову. Они вынули билеты: Пушкин — секундантом у Папкова. Секундантом Караяни Пушкин избрал князя Мадатова *. Караяни сейчас ушел, а через полчаса Пушкин просил и Папкова идти к одному из офицеров и там оставаться, пока Пушкин не позовет его.

Когда Папков ушел, Пушкин выслал прислугу, затворил двери, сообщил всем нам план предстоящей дуэли и убедительно просил содействовать, на что все офицеры охотно согласились и дали слово хранить все сообщенное им в глубокой тайне. Пушкин был сильно встревожен, хотя и старался казаться спокойным. Нас, офицеров, было двенадцать человек, и почти бессонную ночь мы провели у Пушкина. Сам он не спал и два раза уходил куда-то с Мадатовым. Вот начало рассветать, и все офицеры, кроме Мадатова, ушедшего вперед, вышли от Пушкина с большою осторожностью и направились к рощице, к которой через полчаса приехал Караяни с Мадатовым, а вслед за ними и Папков с Пушкиным. Пушкин поздоровался с Караяни и Мадатовым, переговорил с последним, и когда соперники стали на указанных местах с пистолетами, тогда Пушкин, обращаясь к ним, сказал: «Господа, прошу слушать команду — стрелять по третьему разу. Начинаю: „раз”». Вдруг заиграл оркестр музыкантов, искусно скрытый в рощице, а мы, офицеры, каждый с двумя бутылками шампанского в руках, мгновенно стали между Караяни и Папковым...

Такая неожиданность сильно их озадачила, и они зароптали, особенно Караяни. Но тут уже Александр Сергеевич действовал как истинный гений-примиритель и говорил с такою силою и увлечением, что не только мы, но и соперники были тронуты. Помню слова Пушкина: «Господа. Если совершится убийство, то оно погубит и меня с вами, и всех нас. Умоляю вас именем бога и России — помиритесь». Пушкин был страшно взволнован, тяжело дышал, и сверкающие глаза его наполнились слезами; быстро подходил он то к Караяни, то к Папкову, но они не поддавались. Наконец, Папков опустил пистолет, подошел к Караяни и сказал: «Караяни, я не прав перед тобою за

* Известный азербайджанский поэт, писавший под псевдонимом Мирза-Джан.

сказанные вчера оскорбительные слова и прошу меня извинить». Караяни подал руку Папкову. Все обрадовались и бросились обнимать и целовать Караяни, Папкова и Пушкина. Шампанское полилось рекой, и распили его несколько дюжин; пили и музыканты, щедро одаренные офицерами. Так счастливо окончилась эта дуэль и оставила самое отрадное воспоминание в жизни. Пушкин очаровал меня, и я почувствовал благоговение к этому отличному человеку. Да и все общество офицеров было под влиянием таких же чувств, тем более, что Пушкин не показывал и вида своего несравненного преимущества над нами, а держал себя как лучший друг-товарищ и пил с нами шампанское как лихой гусар.

Еще целые сутки пировали мы неразлучно у поэта и только на другие сутки я и товарищи мои простились с Пушкиным, с офицерами и уехали из Кар-Агачей.

Потом я еще раз повстречался с Александром Сергеевичем Пушкиным в Азиатской Турции, на Саганлуге, за Карсом.

Верхом на великолепной арабской лошади он подъехал вместе с Караяни к нашей батарее. Издали узнал меня и закричал: «Здравствуй, Ханжонков. А что, тебя еще не убили?» — «Слава богу, Александр Сергеевич, как видите — жив и здоров». — «Ну, и слава богу». — Офицеры сейчас же окружили его. Минут с пятнадцать он побеседовал с ними, спросил о здоровье знакомых ему офицеров, простился с ними и вместе с Караяни уехал к следующей батарее. Это было последнее свидание мое с незабвенным Александром Сергеевичем Пушкиным.

В роковую минуту для него не нашелся посредник-благодетель, каким он был сам, и пал безвинно гениальный человек, литературной и народной нашей славы...

Господину московскому обер-полицмейстеру

Вследствие отношения г. тифлисского военного губернатора, которым меня уведомляет, что он, имея в виду высочайшее его императорского величества по-

веле́ние о состо́янии известного поэта отставного чиновника 10-го класса Александра Пушкина под секретным надзором правительства, отправившегося на днях из Тифлиса в Москву, я рекомендую вашему превосходительству учредить секретный надзор за Александром Пушкиным.

*Приказ московского
военного генерал-губернатора
Д. Голицына. 6 сентября 1829.*

44

Секретно

Г.г. полицмейстерам

Г-н тифлисский военный губернатор уведомил г-на московского военного генерал-губернатора, что он имеет в виду высочайшее его императорского величества повеление о состоянии известного поэта отставного чиновника 10-го класса Александра Пушкина под секретным надзором правительства, отправившегося на днях из Тифлиса в Москву. Вследствие предписания ко мне его сиятельства от 6 сентября рекомендую: учредить по вверенному вам отделению надзор за Александром Пушкиным, мне о последующем немедленно донести.

*Приказ московского обер-полицмейстера
Д. И. Шульгина 2-го всем полицмейстерам Москвы.
7 сентября 1829.*

45

Секретно

На предписание вашего превосходительства (...) имею сим донести, что известный поэт, отставной чиновник 10-го класса Александр Пушкин прибыл в Москву и остановился Тверской части 1-го квартала в доме Обера гостинице Англия, за коим секретный надзор учрежден.

*Рапорт полицмейстера 1-го отделения Миллера
обер-полицмейстеру Москвы Шульгину 2-му,
20 сентября 1829.*

46

Секретно

ДОКЛАДНАЯ ЗАПИСКА

Известный поэт, отставной чиновник 10-го класса Александр Пушкин прибыл в Москву, остановился Тверской части 1-го квартала в гостинице Англия.

О чем донося вашему сиятельству честь имею присовокупить, что на основании предписания вашего сиятельства <...> надзор за ним, Пушкиным, учрежден.

Московский обер-полицмейстер — военному генерал-губернатору, 22 сентября 1829.

47

Секретно

РАПОРТ

Квартировавший Тверской части в доме Обера в гостинице Англия чиновник 10-го класса Александр Сергеев Пушкин, за коим был учрежден по предписанию вашего превосходительства секретный полицейский надзор, 12-го числа сего октября выехал в С-Петербург, о чем имею честь вашему превосходительству сим донести и присовокупить, что в поведении его ничего предосудительного не замечено.

*Полицмейстер 1-го отделения обер-полицмейстеру.
15 октября 1829.*

48

Секретно

В дополнение докладной моей записки от 22 сентября вашему сиятельству честь имею донести, что известный поэт, отставной чиновник 10-го класса, Александр Пушкин 12 сего месяца выехал в С-Петербург, в поведении коего по надзору ничего предосудительного не замечено, почему о учреждении за ним надлежащего надзора я вместе с сим сообщил г. исправляющему должность ст. петербургского обер-полицмейстера г. полковнику Дершау.

*Донесение обер-полицмейстера
военному генерал-губернатору.
17 октября 1829.*

49

Секретно

Находившийся здесь, во исполнение предписания ко мне г-на московского военного генерал-губернатора (...) под секретным надзором известный поэт, отставной чиновник 10-го класса, Александр Пушкин 12-го текущего месяца выехал в Ст-Петербург, за коим во время пребывания его в здешней столице в поведении ничего предосудительного не замечено, о чем ваше высокоблагородие, для надлежащего со стороны вашей о нем Пушкине, распоряжения сим уведомляю.

Отношение московского обер-полицмейстера петербургскому, 17 октября 1829.

50

1829. Сентябрь. 19—октябрь. 7. (...) Несколько разговоров с Пушкиным о «Борисе», «Выжигине», притворстве и проч.

М. П. Погодин. Из дневника.

51

Милостивый государь Степан Степанович!

Государь император, осведомлясь из публичных известий, что известный по отечественной словесности стихотворец, Александр Сергеевич Пушкин, разъезжая в странах за Кавказских, был даже в Арзеруме, высочайше повелеть мне изволил отнестись к вашему превосходительству чтобы вы, милостивый государь, изволили призвать к себе г. Пушкина, и спросили его, по чьему позволению он предпринял сие путешествие и по каким причинам, против данного им мне обещания, не предуведомил он меня о своем намерении отправиться в те страны, но исполнил сие без моего на

то согласия! При сем случае, ваше превосходительство не оставите заметить г. Пушкину, что сей его поступок легко почесть может своеволием и обратить на него невыгодное внимание.

Прося покорнейше о последующем почтить меня благосклонным уведомлением, имею честь быть с совершенным почтением вашего превосходительства покорнейший слуга (...)

*А. Х. Бенкендорф — С. С. Стрекалову.
Из Петербурга в Тифлис, 1 октября 1829.*

52

Милостивый государь, Александр Христофорович!

Почтеннейшим отношением от 1-го числа настоящего октября ваше высокопревосходительство изволите требовать от меня уведомления, по чьему позволению известный стихотворец Александр Пушкин предпринял путешествие из Тифлиса в Арзерум?

Исправлявший должность начальника штаба Отдельного кавказского корпуса генерал-майор барон Остен-Сакен уведомил меня по приказанию г. главнокомандующего в минувшем мае месяце о путешествии, предпринятом г. Пушкиным в марте месяце в Закавказский край, и просил меня по прибытии его в Грузию иметь за ним надлежащий секретный надзор.

Имея в виду высочайшее его императорского величества повеление о состоянии Александра Пушкина под надзором правительства, я, кроме того, что предписал Грузинскому Гражданскому, наблюдать за его поведением, лично обращал на образ его жизни надлежащее внимание.

Путешествие Пушкина из Тифлиса в Арзерум произведено им по дозволению его сиятельства г. генерал-губернатора, фельдмаршала графа Паскевича Эриванского, изъясненному в предписании его ко мне от 8-го числа минувшего июня месяца за № 194-м.

В конце августа месяца г. Пушкин возвратился в Тифлис, откуда по прошествии нескольких дней отправился в Москву. — Перед отъездом его из Грузии, я счел нужным тогда же уведомить об оном г. москов-

ского военного генерал-губернатора и сообщил ему высочайшее государя императора повеление о состоянии А. Пушкина под секретным надзором правительства.

Уведомляя о сем ваше высокопревосходительство, честь имею быть с глубочайшим почтением и равномерною преданностью <...>

*С. С. Стрекалов — А. Х. Бенкендорфу.
Из Тифлиса в Петербург. 24 октября 1829*

53

ДОРОЖНЫЕ ЖАЛОБЫ

Долго ль мне гулять на свете
То в коляске, то верхом,
То в кибитке, то в карете,
То в телеге, то пешком?

Не в наследственной берлоге,
Не среди отческих могил,
На большой мне, знать, дороге
Умереть господь судил,

На каменьях под копытом,
На горе под колесом,
Иль во рву, водой размытом,
Под разобранным мостом.

Иль чума меня подцепит,
Иль мороз окостенит,
Иль мне в лоб шлагбаум влепит
Непроворный инвалид.

Иль в лесу под нож злодею
Попадуся в стороне.
Иль со скуки околею
Где-нибудь в карантине.

Долго ль мне в тоске голодной
Пост невольный соблюдать
И телятиной холодной
Трюфли Яра поминать?

То ли дело быть на месте,
По Мясницкой разъезжать,
О деревне, о невесте
На досуге помышлять!

То ли дело рюмка рома,
Ночью сон, поутру чай;
То ли дело, братцы, дома!..
Ну, пошел же, погоняй!..

1829

А. С. Пушкин

*ИЗ РАННИХ РЕДАКЦИЙ**1-я строка 2-й строфы:*

Не в Москве, не в Таганроге

После 5-й строфы:

Или ночью в грязной луже,
Иль на станции пустой,
Что еще гораздо хуже —
У зрителя, больной.

54

* * *

(2 ноября)

Зима. Что делать нам в деревне? Я встречаю
Слугу, несущего мне утром чашку чаю,
Вопросами: тепло ль? утихла ли метель?
Пороша есть иль нет? и можно ли постель
Покинуть для седла, иль лучше до обеда
Возиться с старыми журналами соседа?
Пороша. Мы встаем, и тотчас на коня,
И рысью по полю при первом свете дня;
Арапники в руках, собаки вслед за нами;
Глядим на бледный снег прилежными глазами;
Кружимся, рыскаем и поздней уж порой,
Двух зайцев протравив, являемся домой.
Куда как весело! Вот вечер: вьюга воеет;
Свеча темно горит; стесняясь, сердце ноет;
По капле, медленно глотаю скуки яд.

Читать хочу; глаза над буквами скользят,
 А мысли далеко... Я книгу закрываю;
 Беру перо, сижу; насильно вырываю
 У музы дремлющей несвязные слова.
 Ко звуку звук нейдет... Теряю все права
 Над рифмой, над моей прислужницею странной:
 Стих вяло тянется, холодный и туманный.
 Усталый, с лирою я прекращаю спор,
 Иду в гостиную; там слышу разговор
 О близких выборах, о сахарном заводе;
 Хозяйка хмурится в подобие погоде,
 Стальными спицами проворно шевеля,
 Иль про червонного гадает короля.
 Тоска! Так день за днем идет в уединенье!
 Но если под вечер в печальное селенье,
 Когда за шашками сижу я в уголке,
 Приедет издали в кибитке иль возке
 Нежданная семья: старушка, две девицы
 (Две белокурые, две стройные сестрицы),—
 Как оживляется глухая сторона!
 Как жизнь, о боже мой, становится полна!
 Сначала косвенно-внимательные взоры,
 Потом слов несколько, потом и разговоры,
 А там и дружный смех, и песни вечерком,
 И вальсы резвые, и шепот за столом,
 И взоры томные, и ветреные речи,
 На узкой лестнице замедленные встречи;
 И дева в сумерки выходит на крыльцо:
 Открыты шея, грудь, и вьюга ей в лицо!
 Но бури севера не вредны русской розе.
 Как жарко поцелуй пылает на морозе!
 Как дева русская свежа в пыли снегов!

1829

А. С. Пушкин

55

ЗИМНЕЕ УТРО

Мороз и солнце; день чудесный!
 Еще ты дремлешь, друг прелестный,—
 Пора, красавица, проснись:

Открой сомкнуты негой взоры
Навстречу северной Авроры,
Звездою севера явись!

Вечор, ты помнишь, вьюга злилась,
На мутном небе мгла носилась;
Луна, как бледное пятно,
Сквозь тучи мрачные желтела,
И ты печальная сидела —
А нынче... погляди в окно:

Под голубыми небесами
Великолепными коврами,
Блестя на солнце, снег лежит;
Прозрачный лес один чернеет,
И ель сквозь иней зеленеет,
И речка подо льдом блестит.

Вся комната янтарным блеском
Озарена. Веселым треском
Трещит затопленная печь.
Приятно думать у лежанки.
Но знаешь: не велеть ли в санки
Кобылку бурую запречь?

Скользя по утреннему снегу,
Друг милый, предадимся бегу
Нетерпеливого коня
И наведем поля пустые,
Леса, недавно столь густые,
И берег, милый для меня.

1829

А. С. Пушкин

56

Генерал,

С глубочайшим прискорбием я только что узнал, что его величество недоволен моим путешествием в Арзрум. Снисходительная и просвещенная доброта вашего превосходительства и участие, которое вы всегда изволили мне оказывать, внушает мне смелость вновь обратиться к вам и объясниться откровенно.

По прибытии на Кавказ я не мог устоять против желания повидаться с братом, который служит в Нижегородском драгунском полку и с которым я был разлучен в течение 5 лет. Я подумал, что имею право съездить в Тифлис. Приехав, я уже не застал там армии. Я написал Николаю Раевскому, другу детства, с просьбой выхлопотать для меня разрешение на проезд в лагерь. Я прибыл туда в самый день перехода через Саган-лу и, раз я уже был там, мне показалось неудобным уклониться от участия в делах, которые должны были последовать; вот почему я проделал кампанию в качестве не то солдата, не то путешественника.

Я понимаю теперь, насколько положение мое было ложно, а поведение опрометчиво; но, по крайней мере, здесь нет ничего, кроме опрометчивости. Мне была бы невыносима мысль, что моему поступку могут приписать иные побуждения. Я бы предпочел подвергнуться самой суровой немилости, чем прослыть неблагодарным в глазах того, кому я всем обязан, кому готов пожертвовать жизнью, и это не пустые слова.

Я покорнейше прошу ваше превосходительство быть в этом случае моим провидением и остаюсь с глубочайшим почтением, генерал, вашего превосходительства нижайший и покорнейший слуга. (фр.)

*Пушкин — А. Х. Бенкендорфу.
10 ноября 1829. Петербург.*

57

* * *

Я вас любил: любовь еще, быть может,
В душе моей угасла не совсем;
Но пусть она вас больше не тревожит;
Я не хочу печалить вас ничем.
Я вас любил безмолвно, безнадежно,
То робостью, то ревностью томим;
Я вас любил так искренно, так нежно,
Как дай вам бог любимой быть другим.

58

* * *

Поедем, я готов; куда бы вы, друзья,
Куда б ни вздумали, готов за вами я
Повсюду следовать, надменной убегая:
К подножию ль стены далекого Китая,
В кипящий ли Париж, туда ли наконец,
Где Тасса не поет уже ночной гребец,
Где древних городов под пеплом дремлют мощи,
Где кипарисные благоухают рощи,
Повсюду я готов. Поедем... Но, друзья,
Скажите: в странствиях умрет ли страсть моя?
Забуду ль гордую, мучительную деву
Или к ее ногам, ее младому гневу,
Как дань привычную, любовь я принесу?

.....

1829

А. С. Пушкин

59

* * *

Брожу ли я вдоль улиц шумных,
Вхожу ль во многолюдный храм,
Сижу ль меж юношей безумных,
Я предаюсь моим мечтам.

Я говорю: промчатся годы,
И сколько здесь ни видно нас,
Мы все сойдем под вечны своды—
И чей-нибудь уж близок час.

Гляжу ль на дуб уединенный,
Я мыслю: патриарх лесов
Переживет мой век забвенный,
Как пережил он век отцов.

Младенца ль милого ласкаю,
Уже я думаю: прости!
Тебе я место уступаю:
Мне время тлеть, тебе цвести.

День каждый, каждую минуту
Привык я думой провождать,
Грядущей смерти годовщину
Меж их стараясь угадать.

И где мне смерть пошлет судьбина?
В бою ли, в странствии, в волнах?
Или соседняя долина
Мой примет охладельный прах?

И хоть бесчувственному телу
Равно повсюду истлевать,
Но ближе к милому пределу
Мне все б хотелось поживать.

И пусть у гробового входа
Младая будет жизнь играть
И равнодушная природа
Красою вечною сиять.

1829

А. С. Пушкин.

*ИЗ РАННИХ РЕДАКЦИЙ**Вместо первых двух строф:*

Кружусь ли я в толпе мятежной,
Вкушаю ль сладостный покой,
Но мысль о смерти неизбежной
Везде близка, всегда со мной.

60

КРИТИЧЕСКИЕ ОТЗЫВЫ О «ГРАФЕ НУЛИНЕ»

I

(...) Что может быть проще? Все вещи знакомые, бывалые: но великий мастер поэтического дела создал из них повесть, у нас еще *небывалую*.

В этой повести все превосходно: живость рассказа, очерки лиц, изображения местностей. Она может служить образцом *остроумия и утонченного вкуса*.

Если бы в наше время жил еще старичок *Вольтер*, то верно он не отрекся бы подписать имя свое под повестью Граф Нулин — *Пушкина молодого*.

Стихов в образец красоты, из сей повести, приводить нельзя: ибо мы *перепечатывать* целых сочинений, без позволения сочинителей, не в праве. (...)

— *Бабочка*, 1829, № 6.

II

(...)

Меж тем печально под окном
 Индейки с криком выступали
 Вослед за мокрым петухом;
 Три утки полоскались в луже.
 Шла баба через грязный двор
 Белье повесить на забор...

(...) Здесь изображена природа во всей наготе своей — à l'antique*! Жаль только, что сия мастерская картина не совсем дописана. Неужели в широкой раме черного барского двора не уместились бы две-три хавроньи, кои, разметавшись по-султански на пышных диванах топучей грязи, в блаженном самодовольствии и совершенно эпикурейской беззаботности о всем окружающем их, могли бы даже сообщить нечто занимательное изображенному зрелищу?.. Почему поэт, представляя бабу, идущую развешивать белье, через грязный двор, уклонился несколько от верности, позабыв изобразить, как она, со всем деревенским жеманством, приподнимала выстроченный подол своей пестрой понявы (...)

(...) И у меня по сю пору мерещится в глазах етот бедный Нулин, облизнувшийся как лысый бес, и отдается в ушах ета звонкая пощечина, разбудившая даже косматого шпица и верную Парашу.

Чудаки покачивают головою и говорят сквозь зубы: «все ето так! все ето правда! все ето верный снимок с натуры!.. Да с какой натуры?.. Вот тут-то и закавычка!.. Мало ли в натуре есть вещей, которыя совсем нейдут для показу?.. Дай себе волю... пожалуй,

* В первозданности (фр.)

залетишь и — Бог весть! — куда! — от спальни недалеко до девичьей; от девичьей — до передней; от передней — до сеней; от сеней — дальше и дальше!.. Мало ли есть мест и предметов, еще более *вдохновенных*, могущих представить новое неразработанное и неистощимое поле для трудолюбивых деятелей!.. Немудрено дожидаться, что нас поведут и туда со временем! — Что ж касается до повесничеств и беспутств, то им *несть числа!*.. Выставлять их на показ, значит оскорблять человеческую природу, которая не может никогда выносить равнодушно собственного уничтожения. Почему и желательно было бы, чтоб они не выходили никогда из того мрака, в коем обыкновенно и совершаются!» — *C'est bon, Messieurs les Camtschadales! C'est bon!* * — Правду сказать, нельзя не признаться, что ваши опасения имеют вид справедливости. Сцена, происшедшая между графом и Натальей Павловной, без сомнения, очень смешна. Можно легко поверить, что ей от всего сердца

Смеялся Лидин, их сосед,
Помещик двадцати трех лет.

Я и сам, хоть не помещик, но завалившись недавно еще за двадцать три года, не могу не разделить его смеха, хотя и не имею на то особых причин, какие, вероятно, имел он. Но каково покажется это моему почтенному дядюшке, которому стукнуло уже пятьдесят, или моей двоюродной сестре, которой невступно еще шестнадцать; если сия последняя (чего Боже упаси!), соблазненная демоном девического любопытства, вытащит потихоньку из незапирающегося моего бюро это сокровище?.. Греха не оберешься!.. С другой стороны однако должно согласиться, что певец *Нулина* не совсем еще отрешился от уз приличия и умеет иногда полагать границы своевольному своему гению. Так напр., при подробном описании ночных утварей, которыми аккуратный *Monsieur Picard* ** снабдил отходящего ко сну графа:

Monsieur Picard ему приносит
Графин, серебряный стакан,
Сигару, бронзовый светильник,
Щипцы с пружиною, *будильник*...

* Прекрасно, господа камчадалы, прекрасно! (фр.)

** Месье Пикар (фр.)

Кто не чувствует, что последнее слово есть вставка, заменившая другое равное созвучное, но более идущее к делу, слово, принесенное поетом с истинно героическим самоотвержением в жертву тиранскому приличию?... То же самое чувство благородной снисходительности к людским предрассудкам выражается в полумимическом ответе графа на вопрос Натальи Павловны:

«Как тальи носят?» — Очень низко,
Почти до... вот до етих пор.

Какая любезная скромность!.. Поет заставил героя своего не сказать, а *показать* то, для выражения чего язык наш не имеет книжного слова. Grand merci!.. *

О стихотворении *Графа Нулина* и говорить нечего. Оно по всем отношениям прекрасно. Стихи гладкие, плавные, легкие, как бы сами собою сливаются с языка у Поэта. Это — *pugae сапогае!*** Увлекаясь их пленительною гармониею, невольно иногда негодуешь и спрашиваешь: «Зачем ети прекрасные стихи имеют смысл? Зачем они действуют не на один только слух наш?» Истинно завидна участь *Графа Нулина!* За проглоченную им пощечину Его Сиятельство купил счастье быть воспетым в прелестных стихах, которыми не погнушались бы знаменитейшие герои.

Кончим рассмотрение наше общим замечанием об обеих повестях, нас занимавших. Это суть прыщики на лице вдовствующей нашей литературы. (...)

— *Вестник Европы*, 1829, № 3.

III

Кстати о *Хавроньях*: вспомним как в басне Крылова отвечает *Хавронья* пастуху, на вопрос, что она видела в богатом и пышном барском доме:

Хавронья хрюкает: ну, право, порют вздор;
Я не приметила богатства никакого:
Все только лишь навоз да сор;
А, кажется, уж не жалея рыла,
Я там изрыла
Весь задний двор

* Благодарим покорно (фр.)

** благозвучный вздор (лат.)

Вспомним также и прекрасный стих, которым баснописец наш начинает меткое применение своей басни.

«Не дай Бог никого сравнением мне обидеть!» и пр.

— *Сын отечества*, 1829, ч. 124, № 12.

61

КРИТИЧЕСКИЕ ОТЗЫВЫ О «ЕВГЕНИИ ОНЕГИНЕ»

(...) Припомните ли вы то место в 3-й главе, когда Онегин, ехав с Ленским к Лариным, вздумал подшучивать над этою же Ольгою, которая в двух выше приведенных примерах изображена такими прелестными стихами. По словам Онегина,

Кругла, красна лицом она,
Как эта глупая луна
На этом глупом небосклоне.

Что бы сказали критики, если бы два последние стиха встретили они в сочинении поэта, менее известного, нежели А. Пушкин?.. А у сего последнего и эти стихи идут за образцовые, и нам случалось слышать, что их твердят также с энтузиазмом и даже находят в них блестящую черту великого гения!! Не ясно ли, что у нас большая половина ценителей дарования походит на попугаев, которые сами не знают, что лепечут?

Как эта глупая луна
На этом глупом небосклоне...

Человек, в лихорадочном бреде находящийся, едва ли скажет что нелепее. Мы уже ничего не говорим о глупой луне: ей и действительно не мудрено поглупеть от разных нелепостей, обращаемых к ней нашими стихотворцами. Но глупый небосклон!!! Едва смеешь верить глазам своим, что видишь это в печатной книге, и притом в сочинении хорошего писателя!.. Стараясь сколь возможно более оправдывать в своих мыслях Пушкина, мы должны полагать, что под словом небосклон он, вероятно, понимает что-нибудь другое, а не то, что мы все понимаем под сим выражением. Невзирая на все наше уважение к его дарованию, мы

не можем дать сим двум стихам другого приличного эпитета, кроме того, который два раза употреблен в них.

— *Северная звезда*, 1829.

61a

КРИТИЧЕСКИЕ ОТЗЫВЫ О «ПОЛТАВЕ»

I

С появлением в свет сей поэмы Пушкин становится на степень столь высокую, что мы не смеем в кратком известии изрекать приговора новому его произведению. Доселе русские библиографы, и в числе их мы сами, следовали в отношении к Пушкину словам Вольтера, сказавшего о Расине, что под каждую его страницу должно подписывать: *прекрасно! превосходно!* Впрочем, это естественный ход вещей: всякое необыкновенное явление сначала поражает, а после уже дает время подумать об отчете самому себе. Но удерживаясь на сей раз от решительного суждения о *Полтаве*, мы скажем однако ж, что видим в ней, при всех других достоинствах, новое: народность. В *Полтаве*, с начала до конца, везде русская душа, русский ум, чего, кажется, не было в такой полноте ни в одной из поэм Пушкина. (...)

Это голос русский, доходящий прямо до нашего сердца. Скажут, может быть, что это подробности; но мы упомянули уже, что вся поэма проникнута одним духом. Блестящих мест, в коих видна особенная сила гения, в ней множество.

— *Московский телеграф*, 1829, ч. 26, № 7.

II

(...) В *Полтаве* его господствует совершенное, Шекспировское спокойствие поэта, и живая игра страстей действующих лиц. Но если происшествие взято, почти без изменений, из истории, если характеры естественны исторически, если в них нет лирических восторгов поэта, то что же составляет поэзию сей поэмы? Это

невидимая сила духа русского, которою поэт оживил каждое положение, каждую речь действующих лиц. Только там, где говорит он от себя, рассказ его принимает величественный тон эпопеи. Одним словом, это совершенно новый род поэзии, извлекаемый из русского взгляда поэта на предметы. Этого нет и следа в Руслане и Людмиле, это первый опыт, блестящий, увлекательный, открывающий новый мир для последователей Пушкина. Не входим в мелочной разбор стихов, из коих иные могут отступать от целого: полагаем, что сам поэт лучше нас заметит их. Но кто не видит новых для русской поэзии красот *Полтавы*, тому напрасно стали бы мы указывать на них. Они не в отдельных словах поэмы, а в выражении всех отдельных частей, исходящем от одного начала. (...)

— *Московский телеграф*, 1829, ч. 27, № 10.

III

Отчего она не произвела такого впечатления в публике, как другие произведения сего поэта? Оттого, что поэт был вправе не давать отчета в характерах и положениях *вымышленных* лиц, а от лиц *исторических* мы требуем полноты характера и желаем видеть события в их настоящем, правдоподобном виде, даже в волшебном зеркале вымысла. Этого нет в поэме *Полтава*. Разные эпохи и действия, представленные в отрывках, развлекают внимание, и не сплочены так, чтоб составляли одно целое, общая занимательность гибнет в подробностях. Как изображены характеры действующих лиц? Кочубей не из любви к отечеству пишет донос на Мазепу, а из мщениия, за похищение своей дочери. Герой малороссийской истории, Кочубей, представлен ниже самого Мазепы, ибо гетман открыл тайну свою Кочубею, как другу, и *честно* требовал руки его дочери, прежде нежели решился похитить ее из родительского дома, не насильно, но по доброму согласию. Даже бунт произвел Мазепа, следуя общему мнению войска, как сказано в поэме. Напротив того, Кочубей представлен в самом черном виде, злобным, мстительным, вовсе чуждым дел отечественных, претерпевающим пытку, чтоб не открыть сокровищ, а между тем сознающимся в небывалых

винах, из одного страха! Все это несогласно с историею. Жена Кочубея представлена злобною и мстительною фуриею, а не нежною матерью.—Из чего бросился Искра в пропасть доносов? В поэме об этом не сказано. Должно догадываться, что или из дружбы к Кочубею, или из ненависти к Мазепе, но любовь к отечеству и верность к престолу также не входят в виды благородного Искры, героя правоты. Мазепа в поэме жестоко обруган, но не представлен в том виде, каким изображает его история. Одна Дума, сочиненная Мазепою, и напечатанная в Истории Малороссии Бантыша-Каменскаго, сильнее рисует характер Мазепы, нежели все бранчивые эпитеты, данные ему автором поэмы *Полтава*. Страннее всего, что автор хочет представить Мазепу безрассудным и мстительным старичишкой, который поднял знамя бунта за то, что Петр Великий подрал его за усы, во время пиршества, хотя после осыпал своими милостями. В то время это не почиталось даже обидою, и на пирах нередко господ гетманы и полковники дрались между собою и с подчиненными. Мазепа мог некоторое время гневаться за эту шутку, но доказано, что главным побуждением к бунту его было честолюбие, а целью — желание сделаться независимым владетелем Малороссии. Мария, дочь Кочубея, непостижимое существо. Отчего она так сильно влюбилась в седого старца, презрела всех юношей, бежала из родительского дома, и нежится с дряхлым, больным Гетманом, как с Адонисом? Мне кажется, что не любовь, а женское тщеславие ввергло в пропасть дочь Кочубея. Но в поэме Мария представлена нежною, пламенною любовницей, а не тщеславною красавицей, которая презрела все обязанности, чтоб быть первою в Малороссии, *пани Гетманшею*. Читатель не может этому верить. Если бы мы напротив того подслушали разговор соблазнителя с несчастною жертвою, в котором бы хитрый старец представлял юной красавице всю прелесть величия, знатности, могущества, то поверили бы, что неопытная девица могла забытья и последовать за *больным стариком с седыми усами и головою, с впальми глазами!* Но чтоб она могла влюбиться в старика и еще такого гнусного, как он представлен в поэме, этому верить не можем и не будем.— Кто таков Карл в поэме Пушкина.

Он мальчик бойкий и отважный. (...)

Итак, Карл XII *мальчик бойкий и отважный, воинственный бродяга!* Помилуйте, Александр Сергеевич! это уж вольность питическая, чрез край! Надобно при этом вспомнить, что Мазепа говорит так о Карле XII *прежде* Полтавского сражения, когда сам Петр Великий не верил своему успеху и не полагался на будущее.

(...) Жаль, что поэт никогда не был зрителем сражения, и потому картина битвы наполнена невероятностями, которые заглушают всю прелесть поэзии. Например:

.....Тяжкой тучей
Отряды конницы летучей,
Браздами, саблями звуча,
Сшибаясь рубятся с плеча.
Бросая груды тел на груды,
Шары чугунные повсюду
Меж ними прыгают, разят,
Прах роют и в крови шипят.
Швед, русский — колет, рубит, режет.
Бой барабанный, клики, скрежет, (?)
Гром пушек, топот, ржанье, стон,
И смерть и ад со всех сторон.

Военный человек скажет на это: если кавалерия своя и неприятельская рубятся между собою, то ядра не могут между ними прыгать и разить, потому что в толпу неприятеля, смешанного с своими, стрелять не станут. Ядра могут шипеть в крови, когда они раскалены, но раскаленными ядрами в полевых сражениях не стреляют. Скрежету в битвах поньше не слыживали, а прочее все благополучно и нового ничего нет, о чем донести честь имею. Любитель отечественной истории прибавит: как жаль, что первый герой после Петра Великого, в Полтавской битве, князь Меншиков, — не улегся в стихе! А. С. Пушкин, — как все великие поэты и благородные люди, имеет безусловных почитателей, которые вероятно и за благонамеренные мои замечания прогневаются, назовут меня вандалом, дикарем. Но сам А. С. Пушкин защитит меня, удостоверюсь, что никакая личность не водила моим пером, когда я говорил о характерах действующих лиц в поэме и о самом поэте. Давным-давно я уже назвал его первым из современных русских поэтов, и ныне, хотя *Полтава* не нравится мне столько, как *Цыганы* и *Бахчисарайский фонтан*, я все остаюсь при том же мнении.

— *Сын отечества*, 1829, ч. 125, №№ 15, 16.

62

(...) «Полтава» не имела успеха. Вероятно, она и не стоила его; но я был избалован приемом, оказанным моим прежним, гораздо слабейшим произведениям; к тому ж это сочинение совсем оригинальное, а мы из того и бьемся.

Наши критики взялись объяснить мне причину моей неудачи — и вот каким образом.

Они, во-первых, объявили мне, что отроду никто не видывал, чтоб женщина влюбилась в старика, и что, следственно, любовь Марии к старому гетману (NB: исторически доказанная) не могла существовать.

Ну что ж, что ты Честон? Хоть знаю, да не верю.

Я не мог довольствоваться этим объяснением: любовь есть самая своенравная страсть. Не говорю уже о безобразии и глупости, ежедневно предпочитаемых молодости, уму и красоте. Вспомните предания мифологические, превращения Овидиевы, Леду, Филлиру, Пазифаю, Пигмалиона — и признайтесь, что все сии вымыслы не чужды поэзии. А Отелло, старый негр, пленивший Дездемону рассказами о своих странствиях и битвах?.. А Мирра, внушившая итальянскому поэту одну из лучших его трагедий?..

Мария (или Матрена) увлечена была, говорили мне, тщеславием, а не любовью: велика честь для дочери генерального судии быть наложницею гетмана! Далее говорили мне, что мой Мазепа *злой и глупый старичишка*. Что изобразил я Мазепу злым, в том я каюсь: добрым я его не нахожу, особливо в ту минуту, когда он хлопочет о казни отца девушки, им обольщенной. Глупость же человека оказывается или из его действий, или из его слов: Мазепа действует в моей поэме точь-в-точь как и в истории, а речи его объясняют его исторический характер. Заметили мне, что Мазепа слишком у меня злопамятен, что малороссийский гетман не студент и за пощечину или за дерганье усов мстить не захочет. Опять история, опроверженная литературной критикой, — опять *хоть знаю, да не верю!* Мазепа, воспитанный в Европе в то время, как понятия о дворянской чести были на высшей степени силы, — Мазепа мог помнить долго обиду московского

царя и отомстить ему при случае. В этой черте весь его характер, скрытый, жестокий, постоянный. Дернуть ляха или казака за усы всё равно было, что схватить россиянина за бороду. Хмельницкий за все обиды, претерпенные им, помнится, от Чаплицкого, получил в возмездие, по приговору Речи Посполитой, остриженный ус своего неприятеля (см. Летопись Коницкого).

Старый гетман, предвидя неудачу, наедине с наперсником бранит в моей поэме молодого Карла и называет его, помнится, мальчишкой и сумасбродом: критики важно укоряли *меня* в неосновательном мнении о шведском короле. У меня сказано где-то, что Мазепа ни к кому не был привязан: критики ссылались на *собственные слова* гетмана, уверяющего Марию, что он любит ее *больше славы, больше власти*. Как отвечать на таковые критики?

Слова *усы, визжать, вставай, Мазепа, ого, пора* — показались критикам *низкими, бурлацкими* выражениями. Как быть!

В «Вестнике Европы» заметили, что заглавие поэмы ошибочно и что, вероятно, не назвал я ее Мазепой, чтоб не напомнить о Байроне. Справедливо, но была тут и другая причина: эпитафия. Так и «Бахчисарайский фонтан» в рукописи назван был *Харемом*, но меланхолический эпитафия (который, конечно, лучше всей поэмы) соблазнил меня.

Кстати о «Полтаве» критики упомянули, однако ж, о Байроновом «Мазепе»; но как они понимали его! Байрон знал Мазепу только по Вольтеровой «Истории Карла XII». Он поражен был только картиной человека, привязанного к дикой лошади и несущегося по степям. Картина, конечно, поэтическая, и зато посмотрите, что он из нее сделал. Но не ищите тут ни Мазепы, ни Карла, ни сего мрачного, ненавистного, мучительного лица, которое проявляется во всех почти произведениях Байрона, но которого (на беду одному из моих критиков) как нарочно в «Мазепе» именно и нет. Байрон и не думал о нем: он выставил ряд картин одна другой разительнее — вот и всё: но какое пламенное создание! какая широкая, быстрая кисть! Если ж бы ему под перо попала история обольщенной дочери и казненного отца, то, вероятно, никто бы не осмелился после него коснуться сего ужасного предмета.

Прочитав в первый раз в «Войнаровском» сии стихи:

Жену страдальца Кочубея
И обольщенную их дочь,

я изумился, как мог поэт пройти мимо столь страшного обстоятельства.

Обременять вымышленными ужасами исторические характеры и не мудрено и не великодушно. Клевета и в поэмах всегда казалась мне непохвальною. Но в описании Мазепы пропустить столь разительную историческую черту было еще непростительнее. Однако ж какой отвратительный предмет! ни одного доброго, благосклонного чувства! ни одной утешительной черты! соблазн, вражда, измена, лукавство, малодушие, свирепость... Дельвиг дивился, как я мог заняться таковым предметом. Сильные характеры и глубокая, трагическая тень, набросанная на все эти ужасы, вот что увлекло меня. «Полтаву» написал я в несколько дней, долее не мог бы ею заниматься и бросил бы всё.

А. С. Пушкин. Опровержение на критики. 1830.

63

САПОЖНИК

(притча)

Картину раз высматривал сапожник
И в обуви ошибку указал;
Взяв тотчас кисть, исправился художник.
Вот, подбочась, сапожник продолжал:
«Мне кажется, лицо немного криво...
А эта грудь не слишком ли нага?»...
Тут Апеллес прервал нетерпеливо:
«Суди, дружок, не свыше сапога!»

Есть у меня приятель на примете:
Не ведаю, в каком бы он предмете
Был знатоком, хоть строг он на словах,
Но черт его несет судить о свете:
Попробуй он судить о сапогах!

Глава одиннадцатая

1830

Услышишь суд глупца и смех толпы холодной:
Но ты останься тверд, спокоен и угрюм.

1830

Мой путь уныл. Сулит мне труд и горе
Грядущего волнуемое море.

Но не хочу, о други, умирать;
Я жить хочу, чтоб мыслить и страдать...

1830

«ШПИОНЫ (...) ПРИВЫКЛИ ВСЮДУ СОВАТЬСЯ»

1 января 1830 г. вышел первый номер «Литературной газеты», редактором которой стал Дельвиг, а истинным вдохновителем вместе с ним — Пушкин. Для владычицы расхожего «общественного мнения», подогреваемого правительством, болгаринской «Северной пчелы» появление новой газеты было опаснейшим ударом. Уже в редакционном предуведомлении к 1-му номеру Дельвиг писал: «Разумеется, что гг. издатели журналов, будучи заняты собственными повременными изданиями, не входят в число сотрудников сей газеты». Булгарину заранее указывали на дверь. Неудивительно — ведь литераторы пушкинского круга уже были достоверно осведомлены о связи Булгарина с III Отделением. С этого времени ненависть подлой бездарности к благородному таланту — Булгарина к Пушкину — перешла, так сказать, из «скрытой» формы (тайные доносы, полунамеки, распространение гнусных слухов — все это при внешнем доброжелательстве) в открытую форму печатной клеветы. Трудно сказать, которого числа которого года Фаддей Булгарин, бывший приятель Рылеева и Грибоедова, стал платным агентом III Отделения, но случилось это, несомненно, вскоре после 14 декабря. Булгарин смертельно испугался своих компроме-

тирующих связей и решился «отмолить» их предательством и доносительством. Во всяком случае, в 1826 г. Булгарин с успехом помог «зарезать» «Бориса Годунова» — это куда достовернее версии о том, что Борис велел зарезать маленького царевича. Подготовив «внутреннюю рецензию» для царя, Фаддей Венедиктович успел «полакомиться» и самой рукописью «Бориса», многое украв у Пушкина для своего будущего романа «Димитрий Самозванец». Пушкинисты (Г. О. Винокур, Б. П. Городецкий, А. А. Гозенпуд) составили обширную сводку таких «заимствований». Недаром задолго до печатания трагедии заметил Пушкин в черновике предисловия: «Главные сцены уже напечатаны или искажены в чужих подражаниях». Это не мешало, конечно, Булгарину «делать большие глаза», когда распространились слухи о плагиате. Даже разрешив уже Пушкину выпустить «Годунова», трагедию все же придерживали в канцеляриях, дожидаясь выхода 2-го издания болгаринского романа. Сам Булгарин словно бы приготавливал общественное мнение к возможным слухам, пороча при этом Пушкина: «Автор «Димитрия Самозванца» не употребляет никаких известных мер для приготовления мнения общества большого света в свою пользу: не читает предварительно своих сочинений в рукописи в собраниях (кто бы стал слушать? — В. К.), не задобривает суждения тех, которые имеют вес в обществе, но трудится в тишине кабинета, печатает и издает свои сочинения на суд беспристрастной публики». «Читает предварительно» — это, само собою, намек на пушкинские чтения «Бориса...». 6 апреля 1830 г. «Литературная газета» с убийственной иронией наметнула на болгаринское воровство: «Обвиним Пушкина в (...) похищении — он многое заимствовал из романа «Димитрий Самозванец» и сими хищениями удачно, с искусством, ему свойственным, украсил свою историческую трагедию «Борис Годунов», хотя тоже, по странному стечению обстоятельств им написанную за пять лет до рождения исторического романа г. Булгарина».

Однажды был уже в жизни Фаддея Венедиктовича случай, когда, уверовав в непобедимость Наполеона, переметнулся он служить во французскую армию. Но прогадал. С тех пор звание у него осталось совершенно несообразное для русского подданного: «капитан

французской службы». Так и теперь доверился он «твердой руке» николаевской администрации, надеясь выплыть на поверхность истории. А оказался в итоге памятен только тем, что травил все светлое в русской словесности да выпускал бульварные романы.

В конце 1829 г. увидел свет пахнувший плагиатом опус Булгарина «Димитрий Самозванец». Критик И. В. Киреевский писал о булгаринском творчестве: «Пустота, безвкусие, бездушность, нравственные сентенции, выбранные из детских прописей, неверность описаний, приторность шуток». Убийственную характеристику дал Жуковский: «у него есть что-то похожее на слог, и однако нет слога; есть что-то похожее на талант, хотя нет таланта; есть что-то похожее на сведения, но сведений нет; одним словом, это какой-то восковой человек, на которого разные обстоятельства жизни наложили несколько разных печатей, разных гербов, и он носится с ними, не имея ничего своего». Дельвиг в «Литературной газете» (№ 14 от 7 марта) отозвался на выход романа корректной отрицательной рецензией. Булгарин, убежденный, что рецензия принадлежит Пушкину, не сдержал грязной брани. 11 марта 1830 г. «Северная пчела» напечатала так называемый «анекдот о Гофмане». Под именем некоего Гофмана, смиренного и бескорыстного писателя, Булгарин вывел, естественно, самого себя, а под кличку Француза — Пушкина. И вот что пишет он об этом «Французе»: «служащий усерднее Бахусу и Плутусу, нежели музам... в своих сочинениях не обнаружил ни одного живого чувства, ни одной полезной истины, у которого сердце немое и холодное существо, как устрица, а голова — род побрякушки, набитой гремучими рифмами, где не зародилась ни одна идея; (...) бросает рифмами во все священное, чванится перед чернью вольнодумством, а тишком ползает у ног сильных, чтобы позволили ему нарядиться в шитый кафтан; марает белые листы на продажу, чтобы спустить деньги на крапленых листах». «Во все священное» — прямой намек на «Гавриилиаду», так же как и «вольнодумство» — на политическую лирику Пушкина. Известно было, что Пушкин нередкий гость за ломберным столом, так что «крапленые листы» — оскорбление личного достоинства; что касается «шитого кафтана», то это инсинуация

совсем беспочвенная, но Булгарин уже ни с чем не считался. Современники сразу поняли, о ком и о чем речь. Один из них писал: «Недавно Булгарин... смешал Пушкина с грязью: величал его и бессмысленным, и злодеем, развращающим народ, и даже подлецом, шмыгающим в передних... Разумеется, что все это он говорил иносказательно, но так, что всякий мужик поймет, о ком дело идет». Подобных оскорблений Пушкин не спускал никому. Булгарина на дуэль не вызовешь — слишком ничтожен, да и струсит (Дельвиг однажды попытался, но недооценил верткости мокрицы Булгарина). Оставалось уничтожить мерзавца печатно, пригвоздив к позорному столбу, что Пушкин и осуществил — в статье о «Записках Видока», т. е. известного во Франции шпиона-provokатора (№ 23). Кличка «Видок Фиглярин», как был он назван в одной из пушкинских эпиграмм, закрепилась за Булгариным вплоть до наших дней.

Однако статья о Видоке еще не успела увидеть свет, когда Булгарин нанес «упреждающий удар», поместив 22 марта и 1 апреля в «Северной пчеле» рецензию-пасквиль на 7-ю главу «Онегина» (№ 83, IV). Помимо приведенных в подборке отрывков, в рецензии был, например, еще такой пассаж: «Подъезжают к Москве. Тут автор забывает о Тани и вспоминает о незабвенном 1812 году. Внимание читателя напрягается; он готов простить поэту все прежнее пустословие за несколько высоких порывов; слушает первый приступ, когда поэт вспоминает, что Москва не пошла на поклон к Наполеону; радуется, намеревается благодарить поэта, но вдруг исчезает очарование. Одна строфа мелькнула и опять то же! Читатель ожидает восторга при воззрении на Кремль, на древние главы храмов божиих, думает, что ему укажут славные памятники сего *Славянского Рима* — не тут-то было. Вот в каком виде представляется Москва воображению нашего поэта:

Прощай, свидетель *падшей* (?) славы??????»

Шесть вопросительных знаков должны были избразить изумление благонамереннейшего из булгаринских антипатриотическим выпадом Пушкина: как смеет он говорить о «падшей славе»... Москвы! Но дело в том, что Пушкин-то имеет в виду «падшую славу»

Наполеона-поработителя, свидетелем которой стал подмосковный Петровский замок. Булгарин, конечно, это хорошо понимал, но рассчитывал на непонятливость читателя и еще больше на подозрительность правительства. Упрек Пушкину в антипатриотизме мог пасть на подготовленную почву. Однако провокатор переборщил. Николая I стошнило от глупости и прямолинейности «Северной пчелы». Прочитав статью Булгарина, он написал Бенкендорфу: «Я забыл вам сказать, любезный друг, что в сегодняшнем номере Пчелы находится опять несправедливейшая и пошлейшая статья, направленная против Пушкина... предлагаю вам призвать Булгарина и запретить ему отныне печатать какие бы то ни было критики на литературные произведения; и, если возможно, запретите его журнал». Разумеется, самодержец заботился не о достоинстве и не о литературной репутации Пушкина — скорее наоборот, он понимал, что булгаринская площадная брань способна пушкинскую репутацию только укрепить. Царь просто-напросто предпочел бы унять Пушкина инструментами потоньше пчелиного жала. Но Бенкендорфа высочайший рескрипт поставил в дурацкое положение: кто, как не шеф жандармов, направлял услужливое перо Булгарина? И вдруг — не угодили! Бенкендорф попытался даже мягко возразить:

«Приказания Вашего величества исполнены: Булгарин не будет продолжать свою критику на Онегина. Я прочел ее, государь, и должен сознаться, что ничего личного против Пушкина не нашел; эти два автора, кроме того, вот уже года два в довольно хороших отношениях между собой». Приравняв, таким образом, в литературном отношении Пушкина к Булгарину, Бенкендорф продолжал: «Перо Булгарина, всегда преданное власти, сокрушается над тем, что путешествие за Кавказскими горами и великие события, обессмертившие последние года, не придали лучшего полета гению Пушкина. Кроме того, московские журналисты ожесточенно критикуют Онегина».

Яд сочится тут из каждой фразы: Булгарин — верный ваш слуга, а вы от него отворачиваетесь; напоминаю, что Пушкин уехал за Кавказские горы без высочайшего соизволения; он не прославил ваше императорское величество, а занят все тем же своим

«Онегиным», которого ругает не один Булгарин, но «московские журналисты». Письмо Бенкендорфа царю, которое, конечно, не было известно Пушкину, любопытно сопоставить с отеческими посланиями главы III Отделения самому Пушкину (№ 22): сразу ясна станет цена его «дружелюбию». Вместе с тем, понятно становится, зачем понадобилось Пушкину обращаться к Бенкендорфу с жалобами на Булгарина: надо было протокольно зафиксировать свою осведомленность о роли провокатора, это придавало всему делу открытй, а не «заспинный» характер и мешало Бенкендорфу тайно помогать Булгарину. Надо сказать, что во всей этой полемике (если признавать правительственных агентов полемистами) Пушкин проявил не только выдержку, но и дипломатическое искусство. Что же касается Николая I, то, поругивая Булгарина за крайности, он не устыдился наградить его тремя бриллиантовыми перстнями—за литературные достижения. Передавая третий перстень к Новому 1831-му году, Бенкендорф присовокупил: «При сем случае государь император изволил отозваться, что его величеству весьма приятны труды и усердие ваше к пользе общей и что его величество, будучи уверен в преданности вашей к его особе, всегда расположен оказывать вам милостивое свое покровительство». Словом, ни барский гнев, ни барская любовь Булгарина не миновали.

После появления 6 апреля (в самый день Пасхи—Пушкин намеренно преподносил Булгарину «золотое яичко») статьи о Видоке Булгарин был морально уничтожен. Публично было сказано, что он доносчик и платный шпион! Эффект статьи был точно таким, как рассчитывал Пушкин: Булгарина узнали. 8 мая артист Каратыгин сообщал приятелю: «Пушкин не заставил себя дожидаться—поместил в Литературной газете анекдот об Видоке, где списал портрет с Булгарина». В тот же день Дельвиг радостно писал Пушкину в Москву: «Булгарин поглупел до того от Видока, что уехал ранее обыкновенного в деревню; но подл по-прежнему...» Однако не таков был Видок Фиглярин, чтобы стерпеть обиду, не отплюнувшись желчью. При этом чем пакостнее была произносимая им клевета, тем, как считал он, больше от нее пользы. Иначе говоря, уж если, как полагал Булгарин, привлечь

на свою сторону ту часть читающей публики, которая падка до клеветы и до чужого ношеного белья, то следует делать это в наиболее цинической и разнузданной форме. И вот появляется в № 94 «Северной пчелы» от 7 августа 1830 г. «Второе письмо из Карлова на Каменный остров» (Карлово — имение Булгарина). Булгарин иронизировал: «Лордство Байрона и аристократические его выходки, при образе мыслей бог весть каком, свели с ума множество поэтов и стихотворцев в разных странах, и... все они заговорили о 600-летнем дворянстве!.. Рассказывают анекдот, что какой-то поэт в Испанской Америке, также подражатель Байрону, происходя от мулата или, не помню, от мулатки, стал доказывать, что один из его предков был негритянский принц. В ратуше города доискались, что в старину был процесс между шкипером и его помощником за этого негра, которого каждый из них хотел присвоить, и что шкипер доказывал, что он купил негра за бутылку рома. Думали ли тогда, что к этому негру признается стихотворец. *Vanitas vanitatum**».

Однако большого резонанса этот прозрачный клеветнический намек на происхождение Пушкина уже не имел: Видок был скомпрометирован безнадежно.

Но все же Пушкин не смолчал. Сразу же, по горячим следам, он поместил в «Литературной газете» заметку «Новые выходки противу так называемой литературной нашей аристократии». Затем уехал в Москву и оттуда в Болдино. 24 ноября 1831 г. поэт так разъяснял свою реакцию Бенкендорфу: «Около года тому назад в одной из наших газет была напечатана сатирическая статья, в которой говорилось о некоем литераторе, претендующем на благородное происхождение, в то время как он лишь мещанин в дворянстве. К этому было прибавлено, что мать его — мулатка, отец которой, бедный негритенок, был куплен матросом за бутылку рома. Хотя Петр Великий вовсе не похож на пьяного матроса, это достаточно ясно указывало на меня, ибо среди русских литераторов один я имею в числе своих предков негра. Ввиду того, что вышеупомянутая статья была напечатана в официальной газете и непристойность зашла так далеко, что о моей матери говорилось в фелье-

* Суета сует (лат.)

тоне, который должен был бы носить чисто литературный характер, и так как журналисты наши не дерутся на дуэли, я счел своим долгом ответить *анонимному* сатирику, что и сделал в стихах, и притом очень круто». Это было сделано в конце ноября 1830 г. в Болдине в приписке к стихотворению «Моя родословная»*.

Решил Фиглярин, сидя дома**,
 Что черный дед мой*** Ганнибал
 Был куплен за бутылку рома
 И в руки шкиперу попал.

Сей шкипер был тот шкипер славный,
 Кем наша двигнулась земля,
 Кто придал мощно бег державный
 Рулю родного корабля.

Сей шкипер деду был доступен.
 И сходно купленный арап
 Возрос усерден, неподкупен,
 Царю наперсник, а не раб.

И был отец он Ганнибала,
 Пред кем средь чёсменских пучин
 Громада кораблей вспылала,
 И пал впервые Наварин.

Решил Фиглярин вдохновенный:
 Я во дворянстве мещанин.
 Что ж он в семье своей почтенной?
 Он?.. он в Мещанской дворянин.

В рукописи пушкинистам удалось разобрать еще и такую запись:

Говоришь: за бочку рома —
 Незавидное добро.
 Ты дороже, сидя дома,
 Продаешь свое перо.

Однако на этот раз, когда Пушкин попросил дозволения «Мою родословную» напечатать, царь не разрешил. На Булгарина ему, конечно, было наплевать, но в стихотворении было слишком много намеков на вы-

* Полный текст приведен в т. I, гл. I. См. также соответствующее примечание.

** Письмо-то было из Карлова.

*** Здесь, конечно, поэтическая вольность; Пушкин говорит не о деде, а о прадеде.

скочек разного рода, чтобы оно могло увидеть свет. Это произошло лишь через полстолетия, а в 1831 г. царь указал Бенкендорфу: «Что касается его стихов, я нахожу в них остроумие, но еще больше желчи, чем чего-либо другого. Он бы лучше сделал, к чести своего пера и особенно своего рассудка, если бы не распространял их». Но было поздно: стихи в списках разошлись, еще раз унизив Булгарина-шпиона. Что касается вопроса об аристократии и мещанстве, то неплохо растолковал его Вяземский в письме к одному из тогдашних литераторов: «Брать ли слово аристократии в смысле дворянства, то кто же из нас не дворянин и почему Пушкин чиновнее Греча или Свинына? Брать ли его в смысле не дворянства, а благородства, духа вежливости, образованности, выражения, то как же решиться от него отсторониться и употреблять его в виде бранного слова (...)»? Брать ли его в смысле аристократии талантов, то есть аристократии природной, то смешно же вымещать богу за то, что он дал Пушкину голову, а Полевому лоб и Булгарину язык, чтобы полиция могла *достать языка* (...). Мне жаль видеть, что вы тянете туда же и говорите о *знаменитости*, об *аристократии*. Оставьте это «Северной пчеле» и «Телеграфу», у них свой *argot**, что называется свой воровской язык, но не принадлежащему шайке их неприлично марать свой рот их грязными поговорками». Обратим внимание читателя на вполне для нас современное выражение *достать языка*, в данном случае обличающее полицейские откровения Булгарина. А насчет аристократии в ее прямом — «родовом» смысле... С превеликим изумлением узнали читатели булгаринских мемуаров (1846), что «Видок», оказывается, не только не враг аристократов, но сам к ним принадлежит. Булгарин «вспомнил»: «были эпиграммы и сатиры, в которых меня изображали каким-то безродным скитальцем. Не могу удержаться от смеха, когда добрые люди играют предо мною роль аристократов. Пусть же они узнают, что я принадлежу к древнему боярскому роду, поселившемуся в Западной Руси от незапамятных времен». Кажется, Булгарин числил себя потомком князей Скандербегов. Ничего тут удивительного нет — Фаддей Венедик-

* жаргон (фр.)

тович всегда был большим мастером по части подчистки истории.

В дальнейшем, в 1831 г., несмотря на острые и, как всегда, злободневные выступления Пушкина (под псевдонимом Феофилакт Косичкин)* против Булгарина, «Северная пчела» вела себя несколько инертно, опасаясь, видно, повторения страшного удара, нанесенного «Записками Видока». Даже о пушкинской трагедии Булгарин высказывался теперь с «незловобым снисхождением»: «Бедный Борис!.. А. С. Пушкин написал несколько чудесных и замечательных сцен из истории Бориса и только. Но произведение Пушкина было создание без особенной формы и поэтому мы не вправе ничего более требовать». В 1836 г. фарисейское снисхождение простирается еще далее: «Мы верим, что если бы А. С. Пушкин захотел порядочно поработать, он мог бы создать народную драму и тем определил бы себе прочное место на русском Парнасе». Ни больше ни меньше! Даже в прочном месте на Парнасе Булгарин Пушкину в 1836 г. отказывал.

Пушкинский «Современник» не раз по достоинству оценивал «Северную пчелу». В начале 1837 г. «Пчела» внесла свою лепту в травлю Пушкина: «Оскорбленное авторское самолюбие никогда не прощает критику — оно платит ему рано или поздно. Отчего «Современник» преследует Булгарина с таким ожесточением? Показать ли вам *regum casus***? Несколько лет назад в «Пчеле» говорили издателю «Современника», что он тратит талант свой без расчета, что придет горькое время, когда магическое имя любимого поэта сделается обыкновенною фирмою, что ему неприлично вдаваться в мелкие литературные распри и с светлых вершин Геликона спускаться в сумрачные долины критики. Знаменитый поэт не послушался Булгарина и что же вышло? «Литературная газета» умерла скоростыжно; «История Пугачевского бунта» не произвела никакого эффекта и лежит на книгопродавческих полках; «Современник» чахнет и клонится к смерти. Не есть ли это явное доказатель-

* Статьи «Торжество дружбы, или Оправданный Александр Анфимович Орлов» и «Несколько слов о мизинце г. Булгарина и о прочем» (журнал «Телескоп», 1831, № 13, 15).

** Прецедент; здесь — задний план, подоплека (*лат.*)

ство, что слова, сказанные за несколько лет, сбываются? За эти предсказания «Современник» мстит Булгарину, а Булгарин чем виноват?»

Вскоре после смерти Пушкина Булгарин вздохнул лицемерно: «жаль поэта и великая, а человек был дрянной. Корчил Байрона, а пропал, как заяц». Это не помешало переменчивому Видоку с течением лет вспоминать чуть ли не об идиллических отношениях с Пушкиным, заверяя публику, что никогда не хвастал дружбою «ни Крылова, ни Пушкина». Это надо было, очевидно, понимать так, что с двумя упомянутыми Булгарин уж определенно дружил. Не приходится удивляться, что посмертная хвала Пушкину сочеталась у него с посмертными доносами. Выклянчивая у хозяев очередную подачку, он попрекал правительство «благоденствиями», оказанными покойному «сочинителю Гавриилиады, Оды на Вольность и Кинжала».

Пушкин оставался живым и после смерти, зато Булгарин умер при жизни — кто бы вспомнил теперь самое имя его, не испорти он столько крови Пушкину?

«Я ПОСТУПАЮ КАК ЛЮДИ»

С первого своего сватовства — к Софье Федоровне Пушкиной в сентябре 1826 г. — Пушкин думал о доме, о семье, об окончании своей кочевой и в общем-то одинокой жизни. Но и с тех же пор он всегда колебался. «Мне 27 лет, дорогой друг. Пора жить, т. е. познать счастье, — писал он тогда В. П. Зубкову (гл. IX, № 24) (...). — Жизнь моя, доселе такая кочующая, такая бурная, характер мой — неровный, ревнивый, подозрительный, резкий и слабый одновременно — вот что иногда наводит на меня тягостные раздумья. Следует ли мне связать с судьбой столь печальной, с таким несчастным характером судьбу существа такого нежного, такого прекрасного?» Чего тут больше — желания жениться или желания не жениться? Трудно судить. Но подчеркнем еще раз, что Пушкин абсолютно искренен в самооценке — ни тени позы, психологическая трезвость умудренного опытом человека. Предложение его, впрочем, было отвергнуто к радости родных Софьи Федоровны. Но отчасти, может быть, и самого поэта?

В начале лета 1828 г., получив резкий и решительный отказ родителей Анны Алексеевны Олениной, Пушкин отчетливо ощутил, что те сомнения, которые одолевают его самого, вполне могут быть испытываемы и другими, так сказать, «заинтересованными лицами». Неустроенность судьбы, сложные взаимоотношения с правительством, да и слава поэта, такая зыбкая и в глазах света чуть ли не скандальная, все это делало его «непрестижным» женихом. Пожалуй, пока не появилась Наталья Николаевна Гончарова, ближе всего был брак с Ек. Н. Ушаковой, которая не отказала бы, верно, и родителей уговорила бы. Но здесь, как и прежде, нерешительность проявил поэт. Словом, на закавказскую войну Пушкин уезжал хоть и обнадеженный Гончаровыми, но вовсе не убежденный, что все решено окончательно.

Чтобы не потерять объективности, надо сказать, что мечты о доме, о якорю, укрытии от бурь до поры до времени (по крайней мере, до помолвки в начале апреля 1830 г.) сочетались у Пушкина со многими увлечениями, бурными страстями, даже любовными страданиями. Называются в пушкиниане (которая уж в этих-то вопросах разбирается лучше самого Пушкина!) Аграфена Закревская, Каролина Собаньская и другие имена. Приводимые в подборке два письма, адресованные Собаньской (№ 5—6) — предмету увлечения Пушкина и в Одессе и в Киеве, — говорят сами за себя. Комментарии тут истинно излишни (хотя оттенок литературного любовного послания в них, пожалуй, все-таки присутствует).

После кавказского путешествия Наталья Ивановна Гончарова приняла Пушкина холодно, да и Наталья Николаевна явной радости не выказала. Он уехал в Тверскую губернию, а потом в Петербург, как прежде влюбленный и как прежде колеблющийся. Уже письмо его к Бенкендорфу 7 января, открывающее 1830-й год (№ 1), с готовностью ехать хоть в Париж или Рим, хоть в Китай, говорит о нерешительности в делах матримониальных. В конце января Пушкин со спокойным (внешне?) юмором спрашивает Вяземского: «Правда ли, что моя Гончарова выходит за архивного Меццерского? Что делает Ушакова, моя же? Я собираюсь в Москву — как бы не разъехаться». Не ведая того, отъезд Пушкина в Москву спровоцировал сам Вязем-

ский. Зная, что Пушкин давно влюблен в Гончарову, Вяземский как-то на балу у губернатора поручил некоему И. Д. Лужину, который должен был танцевать с Натали, поговорить с ней и с ее матерью о Пушкине и по их отзыву узнать, что они о нем думают. Мать и дочь отозвались благосклонно и велели Пушкину кланяться. Когда Лужин приехал в Петербург и все рассказал, Пушкин тотчас же собрался.

Они с Вяземским все-таки встретились в Петербурге в самом конце февраля. 1-го марта Вяземский писал жене: «Пушкина видел, он собирается в Москву». Вообще говоря, письма Вяземского к жене Вере Федоровне — важное подспорье для исследователя биографии Пушкина в разные периоды. Наряду с письмами Пушкина теще, невесте, родителям, Плетневу и еще нескольким друзьям, а также Бенкендорфу, они дают достаточно ясное представление о том «смутном» в жизни Пушкина времени, когда он выступал в роли жениха.

Стремительный отъезд поэта из Петербурга вызвал недоумение Бенкендорфа (№ 15; хотя в чем, собственно, можно было его подозревать — поехал в Москву бунтовать что ли?) и сдержанный ответ Пушкина (№ 16). Отправился он все-таки к Наталии Николаевне, но об этом не догадывался тогда никто, даже Вяземский. 12 апреля он спрашивал жену: «Пушкин уехал в Москву. Зачем это? *«Quelle mouche l'a piqué?»** — спросил Николай I Жуковского и на ответ Жуковского, что он не знает причины, продолжал: «Один сумасшедший уехал, другой сумасшедший приехал». По некоторым приметам полагаю, что они приписывают какое-то тайное единомыслие в приезде моем сюда и в отъезде Пушкина в Москву». У страха глаза велики — вполне вероятно, что Бенкендорф подозревал какой-то заговор, скрытый за челночными рейсами Пушкина — Вяземского. Кстати, этим и объясняется сравнительно легко полученное разрешение жениться и даже царский «сертификат лояльности» (№ 39): сватовство понималось как готовность Пушкина «утомониться».

Видимо, Вера Федоровна Вяземская сообщила мужу (письма ее за этот год, увы, не сохранились)

* Какая муха его укусила? (фр.)

подоплеку появления Пушкина в Москве. Во всяком случае, в мартовских его посланиях часто встречается вопрос — «что же женитьба Пушкина?» Однако — всегда в шутливом тоне, создающем полную уверенность, что с женитьбой все не всерьез — не собирается же Пушкин в самом деле распрощаться с холостой жизнью. Да и письма Пушкина выдержаны в том же духе: «распутица, лень и Гончарова не выпускают меня из Москвы» (2-я половина марта). Возразят: это обычный тон переписки Пушкина с Вяземским. Отчасти, в самом деле, так. Однако в какой-то момент, вероятно, как раз в марте 1830 г., Пушкин поверил, что на этот раз все идет к окончательному решению. Дело не только в том, что он, как вспоминал сын Вяземских Павел, «начал помышлять о женитьбе, желая покончить жизнь молодого человека и выйти из того положения, при котором какой-нибудь юноша мог трепать его по плечу на бале и звать в неприличное общество». Дело было еще более в том, что Пушкин чем дальше, тем больше влюблялся в Наталью Гончарову. А Вяземский все шутил: «Все у меня спрашивают: правда ли, что Пушкин женится? В кого он теперь влюблен между прочими? Насчитай мне главнейших» (27 марта). И еще: «Скажи Пушкину, что здешние дамы не позволяют ему жениться. (...) Да неужели он в самом деле женится?» (30 марта).

Между тем, всего через неделю в Светлое воскресенье 6 апреля Пушкин сделал Наталье Гончаровой предложение, которое было принято. Пушкин стал женихом. Накануне, в субботу, он написал матери невесты удивительной искренности и внутренней силы письмо, во многом пророческое (№ 30). Оно до известной степени напоминает то полное сомнений послание, которое было отправлено В. П. Зубкову в 1826 г. Создается впечатление, что Пушкин сохраняет какой-то путь к отступлению или, по крайней мере, дает способ семейству Гончаровых с честью отказаться от этого брака. Понадобились еще некоторые усилия, чтобы Петр Андреевич Вяземский удостоверился в несомненной реальности. Еще в апреле он пенял жене: «Ты меня мистифицируешь, заодно с Пушкиным, рассказывая о порывах законной любви его. Неужели он в самом деле замышляет жениться, но в таком случае как же может он дурачиться? Можно подраз-

нивать женщину, за которою волочишься, прикидываясь в любви к другой, и на досаде ее основать надежды победы, но как же думать, что невеста пойдет, что мать отдаст дочь свою замуж ветренику или фату, который утешается в горе. Какой же был ответ Гончаровых? Впрочем, чем больше думаю о том, тем больше уверяюсь, что вы меня дурачите». Перестроиться вдруг в самом деле было непросто. Вяземскому потребовалось некоторое время, чтобы понять: Пушкин пересекает рубеж не формальный. Ветреник возводит дом, где забудет о ветренности. Но не будем судить Вяземского, потому что переход был необычайно труден и для новоиспеченного жениха. О том говорит набросанный 12 и 13 мая отрывок «Участь моя решена...» (№ 31). Как ни осуждать биографический метод в пушкиноведении, но сомнения в биографическом, личном характере этого текста разделить трудно. Подзаголовок «с французского» — мистификация совершенно в духе Пушкина, а вся тональность, весь текст и подтекст отрывка отражают его душевное состояние во время мучительного выбора.

Даже 21 апреля в Петербурге не верили: «Ты все вздор мне пишешь о женитьбе Пушкина: он и не думает жениться. Что за продолжительные мистификации?» (Вяземский). Только 22 апреля он получил доказательства несомненные: «Нет, ты меня не обманывала, мы сегодня на обеде у Сергея Львовича выпили две бутылки шампанского, а у него попустому пить двух бутылок не будут. Мы пили здоровье жениха. Не знаю еще радоваться ли или нет счастью Пушкина, но меня до слез тронуло письмо его к родителям, в котором он просит благословения их. Что он говорил тебе об уме невесты? Беда, если в ней его нет: денег нет, а если и ума не будет, то при чем же он останется с его ветреным нравом?» Старики Пушкины были в самом деле растроганы неожиданным сыновним письмом, и Сергей Львович даже пожертвовал наследством умершего единокровного брата в пользу старшего сына. Что касается ума невесты, то умницы подстать первому поэту России, наверно, в обеих столицах не сыскать было, но Пушкиным руководило какое-то высшее чувство угаданной суженой. И он не ошибся. Между тем, буквально в те же дни, когда друзья его обедали в Петербурге

у стариков Пушкиных, поэт написал Вере Федоровне Вяземской (она переехала из Москвы в Остафьево) шутовское письмо с обычными каламбурами (№ 36). В нем он называет Натали своей *сто тринадцатой* любовью. Цифра не случайна: суеверный поэт боялся верить в счастье и намекал на это Вяземской.

Светские салоны Петербурга не то чтобы гудели, но оживленно обсуждали новость. «Здесь все спорят: женится ли он? Не женится? И того и смотри, что откроются заклады о женитьбе его, как о вскрытии Невы * (...) Я желал бы, чтобы государь определил ему пенсию, которую получают Крылов, Гнедич и многие другие. Я уверен, что если бы кто сказал о том государю, он охотно бы определил. Независимость состояния необходимо нужна теперь Пушкину в его новом положении. Она будет порукою нравственного состояния его. Не понимаю, как с характером его выдержит он недостатки, лишения, принуждения. Вот главная опасность, предстоящая в новом положении его» (30 апреля). Теперь, почти через полтора века, читатель может судить, верно ли заглядывал в будущее князь Вяземский. То, что определял он как главное («недостатки, лишения»), оказалось для Пушкина третьестепенным. Он жертвовал своей прежней жизнью без сожаления и оказался редкостным семейником. Насчет материального положения Вяземский в общем был прав: вечная погоня за средствами, необходимыми для обеспечения жене и детям тех условий, о которых говорил он в письме к Н. И. Гончаровой (№ 30), стоила поэту огромных усилий, истощивших его силы. И совсем уж нельзя без иронической улыбки воспринимать наивную надежду (странную для Вяземского!) на царскую пенсию для Пушкина. Николай Павлович довольно охотно такую пенсию дал, но только после убийства поэта.

26 мая Петр Андреевич продолжал свою «хронику пушкинского сватовства»: «Я теперь читал в записках о Байроне эпоху его женитьбы и сердце часто сжималось от сходства с нашим женихом: Байрона очень тревожило, что нельзя венчаться в черном фраке, а должно в синем, он же, кроме черного, фрака не

* Т. е. будут заключать пари (биться об заклад), как это бывало, когда спорили о дне ледохода.

носил». Конечно, не цвет фрака тревожил Вяземского и не чужеродность для Пушкина светских условностей, а возможное сходство судьбы: слишком долго Пушкина называли русским Байроном, чтобы это сопоставление было вовсе отвергнуто. Вяземский знал, что брак Байрона был со скандалом расторгнут через три месяца после рождения дочери. Кстати, в отрывке с французского, который, конечно, был Вяземскому неизвестен, Пушкин писал: «Если мне откажут, думал я, поеду в чужие края». Так же поступил и Байрон.

Спohватившись, что вольная переписка о женитьбе Пушкина может принести очередные неприятности, Вяземский 4 июня отправил письмо по оказии: «Зачем ты мне о Пушкине сплетничаешь по почте? Разве ты не знаешь, что у нас родительское и чадолюбивое правительство, которое за неимением государственных тайн занимается домашними тайнами любезнейших детей своих? Я почти уверен, что твои письма читают. Наши тайны пусть узнают, но не должно выдавать других. Между тем, то, что ты говоришь о Пушкине, меня сокрушает. Правда ли, что мать Гончарова не очень жалует Пушкина и что у него с невестою были уже ссоры?» Интерес Вяземского к каждой мелочи, связанной с будущей судьбой Пушкина, конечно, личный, но он отражает и интерес петербургского круга друзей Пушкина. 18 июня: «Правда ли, что Пушкин едет сюда до свадьбы и правда ли, что он по-прежнему влюблен в № невесту № не в чужую». Да, он был влюблен: «Я отсчитываю минуты, которые отделяют меня от вас»,— писал он невесте (№ 58). Полное любви и печали, письмо это послано в Полотняный завод, где проводила лето Наталья Николаевна в гостях у бабушки. В конце мая Пушкин вместе с невестой съездил туда, представился главе гончаровского семейства, получил согласие на свадьбу, сроки которой будут зависеть от решения дел материальных. Дед Натали посулил и приданое, которое на словах все уменьшалось, а на деле— вообще так никогда и не было выделено. Афанасий Николаевич хотел «выплавить» приданое для младшей внучки из так называемой медной бабушки— необъятной статуи Екатерины II, мертвым грузом лежавшей в имении Гончаровых около полувека. Продав ее на

переплавку, он надеялся получить тысяч 40. Все хлопоты по «реализации» медной бабушки достались Пушкину, но оценили ее, кажется, только в 7 тысяч рублей и дело вообще заглохло.

Грусть — не о прошлом, нет — об эфемерности надежд на счастливое будущее — не отпускала его. 20 июня Вяземский спрашивал жену в своем обычном стиле: «Отчего жених в собачьем расположении? Здесь все говорят, что он сюда будет». Слухи, один другого неправдоподобнее, доползали до Петербурга. Впрочем, суть их однозначна: обе «брачующиеся стороны» не прочь взять данное слово обратно. 12 июля Вяземский невесело подтрунивал: «Не отец ли Гончаров присоветовал Гончаровой идти замуж за Пушкина? Вот что я подарил себе на зубок в день рождения. Сообщи ему». Отец Натали Николай Афанасьевич с 1823 г. страдал неизлечимой душевной болезнью...

15 или 16 июля Пушкин выехал из Москвы в Петербург — хлопотать о продаже «медной бабушки», об издании «Бориса», повидаться с друзьями, но более всего, видно, отвлечься от московских треволнений и обдумать все еще раз «на больших дорогах», как он привык. С Вяземским они на сей раз разминулись — тот уехал на воды в Ревель. Оттуда он писал жене: «Жаль мне, если Пушкина уже в Петербурге не застаю (...) Я боюсь, чтобы в Петербурге Пушкин не разгончаровался: не то, что влюбится в другую, а зашалится, замотается. В Москве скука и привычка питают любовь его». И прав, и неправ был Вяземский. Пушкин писал нежные письма невесте (более, чем искренние!), но и не томился одиночеством в столице. 4 августа он приписал к письму Петра Андреевича: «Здравствуйте, княгиня. Как досадно, что вы не застали меня в Москве; мне так много надо было сказать вам. К стыду своему признаюсь, что мне весело в Петербурге, и я совершенно не знаю, как и когда вернусь. Может быть с князем, во всяком случае до свиданья».

10 августа они с Вяземским выехали и 12-го Пушкин был уже в Твери в гостях у старого друга-декабриста Ф. Н. Глинки. 14 числа он возвратился в Москву. В тот же день он написал А. Н. Гончарову о своих петербургских хлопотах: «По приказанию

Вашему являлся я к графу Канкрину (министру финансов.— В. К.) и говорил о Вашем деле, т. е. о вспоможении денежном; я нашел министра довольно неблагоприятным. Он говорил, что сие дело зависит единственно от государя (...). Что касается до позволения перелить памятник, то Вы получите бумагу на имя Ваше от генерала Бенкендорфа. Судьба моя зависит от Вас; осмеливаюсь вновь умолять Вас о разрешении ее. Вся жизнь моя будет посвящена благодарности». Пушкин просил, наконец, назначить день свадьбы. Тут на беду, 20 августа скончался дядюшка Пушкина Василий Львович. Похороны, траур — все это отодвигало свадьбу на неведомый срок. «Надо признаться, никогда еще ни один дядя не умирал так некстати», — из последних сил шутил Пушкин в письме к Е. М. Хитрово (№ 64).

Нервы у всех были напряжены. Наталья Ивановна Гончарова обращалась с будущим зятем непозволительно грубо. Не имея денег на приданое, она в то же время не соглашалась отдать дочь без приданого. Пушкин — дело невиданное — обещал дать приданое за собственной невестой! И все же, уезжая в нижегородское имение, подаренное отцом, он не знал, что будет дальше. Это хорошо видно из отчаянного письма его к Наталье Николаевне, написанного в Москве в самых последних числах августа (№ 66). 31 августа он отправился в путь.

Нижегородская степь отодвинула московские тревожения. Наступала осень.

«ОСЕНЬ ЧУДНАЯ...»

Эта тайна в истории нашей словесности до сих пор не разгадана — как мог один писатель за три месяца произвести на свет столько великих созданий, что их хватило бы на целую литературу. О «Повестях Белкина», «Истории села Горюхина», маленьких трагедиях, «Домике в Коломне», последних главах «Онегина» написано так много, что сочиненное Пушкиным по объему перед этими гималаями работ — лишь тоненькая книжечка. Но она поистине «томов премногих тяжелей»!

Ехал Александр Сергеевич по предсвадебным имущественным делам недели на три, от силы на месяц, а застрял на всю осень — Болдинскую! Кистеневские мужики, которые переходили теперь, по разделу, под руку нового барина, встретили его настороженно, однако с надеждой — слишком туго им приходилось при полном небрежении Сергея Львовича под началом управителя Михайлы Калашникова. Его ждали, видно, заранее, скоро привязались душою и долго потом байки о нем слагали. Некоторые из них до сих пор не забыты: «Коварно, несправедливо поступал царь с Пушкиным. Однажды попросил он Александра Сергеевича прочитать стихи. Тот отказался — мол, рассердитесь, царь опять просит и обещает: «что ни скажешь, прощу». Поверил Пушкин, прочитал, а царь обманул его, заковал и сослал на Кавказ. Сделался Пушкин кавказским пленником, только спасла его прекрасная черкешенка: распилила она цепи и отпустила его на волю». Между прочим, достаточно распространены и, так сказать, дворянские легенды о болдинском житье Пушкина. Бывал он, например, иногда в семи верстах от Болдина в селе Апраксино — имени семьи Новосильцевых. Дочери хозяйки будто бы разговаривали с автором «Евгения Онегина». Одна посоветовала: «Я бы только ранила Ленского в руку или в плечо, и тогда Ольга ходила бы за ним, перевязывала бы рану и они друг друга еще больше бы полюбили». Другая захотела перемен посерьезнее: «Я бы ранила Онегина, Татьяна бы за ним ходила, а он оценил бы и полюбил ее». «Ну нет, Татьяны он не стоил», — отвечал якобы на это Пушкин...

Первый исследователь экономических проблем Пушкина Павел Елисеевич Щеголев в книге «Пушкин и мужики» категорически утверждал, что в «Истории села Горюхина» автора «интересовала не литературная форма произведения, не пародийная ирония по адресу историков, а правда жизни, открывающаяся ему в новой социальной обстановке». Конечно, такой подход к блестящему сатирическому произведению узок, но интересующиеся болдинско-кистеневской действительностью не пройдут мимо села Горюхина (№ 72).

Имущество, полученное Пушкиным по разделу, состояло из 246 крепостных душ мужеского пола

и 237 — женского. Они составляли 96 тягол * и было у них у всех вместе 79 лошадей, 86 коров, 142 овцы, 47 свиней, 359 кур, хлеба ржаного 191 четверть и 4 меры, ярового 265 четвертей и 3 меры, семени конопляного 12 четвертей и 2¹/₂ меры, пчелы 4 пенька. Мочала для выделки рогож запасено было 924. Небогатый кистеневский народ ютился в 80 избах (семей — на 16 больше!). По неполным данным, «лучших дворов» (т. е. мало-мальски достаточных) выявилось только 6, «хороших» — 2, «средственных» — 21, бедных — 35, весьма бедных — 3, не имеющих ничего — 1.

Скорее всего, Пушкин не ведал этой статистики, восстановленной много лет спустя по документам. Но осуществить официальный раздел с отцом ему было необходимо — иначе Опекунский совет не принял бы имение в залог и не выплатил бы деньги, позарез нужные на свадьбу, приданое Наталье Николаевне и на обзаведение. Уже в письме к невесте 9 сентября (№ 76) Пушкин сетовал на возню с разделом. 11-го он подал прошение в ближайший к Болдину Сергачский уездный суд. Управиться с формальностями помогал ему местный грамотей и писарь Петр Киреев (потомки его и поныне живут в Болдине и много в разные десятилетия рассказали легенд о Пушкине). Надо сказать, что дело двинулось споро. Уже 12 сентября был послан земскому суду указ «о введении означенного господина Пушкина вышеуказанным имением законным порядком во владение, со взятием от него в приеме оного расписки, а от крестьян о бытии у него в должном повиновении и послушании подписки». Разве не об этом же повествует хозяин Горюхина: «Около трех недель прошло для меня в хлопотах всякого рода — я возился с заседателями, предводителями и всевозможными губернскими чиновниками. Наконец принял я наследство и был введен во владение отчиной». «В 1830 г., — пишет Щеголев в «Пушкине и мужиках», — Пушкин сознал обязанности свои по отношению к крестьянам, но не взял их на себя. Он не мог положить конца управлению плута-приказчика. Что мог сделать в устройстве крепостных порядков он, в первой молодости с блеском выступавший против

* Тягло — семья крепостных крестьян, составлявшая учетную единицу при обложении оброком, государственным налогом и т. п.

крепостного принципа?» Так что в «Предисловии к повестям Белкина» — ирония обращена Пушкиным отчасти и на самого себя.

Еще по дороге в Болдино Пушкин узнал о холере, надвигавшейся на среднерусские губернии; он мог поворотить назад, но не сделал этого, верный своему обычаю — поспешать навстречу опасности. Он и крестьян старался подбодрить. Существует такой, трудно сказать насколько правдоподобный, рассказ о встрече Пушкина с нижегородской губернаторшей Бутурлиной.

— «Что же вы делали в деревне, Александр Сергеевич? Скучали?

— Некогда было, Анна Петровна. Я даже говорил проповеди.

— Проповеди?

— Да, в церкви с амвона, по случаю холеры. Увещевал их. И холера послана вам, братцы, оттого, что вы оброка не платите, пьянствуете. А если вы будете продолжать так же, то вас будут сечь. Аминь!»

Быть может, это и не анекдот, судя по письму к Плетневу от 29 сентября (№ 89). Лично за себя Пушкин как-то не привык беспокоиться. Да и холера, как он однажды заметил, не страшнее же арзрумской перестрелки. Он тревожился об оставшейся в Москве невесте. И было отчего! Появление холеры в Москве произвело ошеломляющее впечатление. Вяземский писал Жуковскому 26 сентября: «Я все это время был под давлением единой, душной, нерассеиваемой мысли: холера в Москве». Прежде, чем вокруг города успели устроить надежные карантинные заставы, его покинуло более 60 тысяч человек. После этого Москва была оцеплена, «и никто из оной выпускаем, а равно и впускаем в оную не был, кроме следующих с жизненными и иными необходимыми припасами».

Между тем, эпидемия разгоралась нешуточная. Всюду вокруг Болдина на дорогах оборудовались специальные карантинные заставы; назначались инспектора участков. На такой должности оказался бы и Пушкин, не спеша он в Москву. Предводитель дворянства Лукояновского уезда, куда входило Болдино, вспоминал: «Во время холеры мне был поручен надзор за всеми заставами со стороны Пензенской и Симбирской губерний. А. С. Пушкин в то время,

будучи женихом, находился в имении отца своего селе Болдине. Я отношусь (т. е. обращаюсь.—В. К.) к нему весьма учтиво, предлагая принять самую легкую должность. Он отвечает мне, что, не будучи помещиком здешней губернии, он не обязан принимать должность. Я опять пишу к нему и прилагаю министерское распоряжение, по коему никто не мог отказываться от выполнения должностей. И за тем он не согласился и просил меня выдать ему свидетельство на проезд в Москву. Я отвечал, что (...) не могу. Он отправился так, на удалую, но во Владимирской губернии был остановлен и возвратился в Болдино» (см. № 99).

Принимались меры и в деревнях. П. Е. Щеголев опубликовал любопытный приказ попечителя квартала болдинскому управляющему от 24 октября 1830 г., который, помимо всего прочего, демонстрирует и уровень санитарных знаний пушкинского времени (№ 96).

* * *

Однако все это — включая, как ни странно, даже холеру, не говоря уж о хозяйственных заботах — не мешало Пушкину работать с невиданной, как говорим мы теперь, интенсивностью. «Работу охраняют тишина и осень», — сказал кто-то из старых пушкинистов.

Не только русская, но, вероятно, и мировая литература не знали ничего подобного болдинской осени Пушкина, если измерять не по количеству, конечно, а по глубине и значимости написанного на единицу творческого времени...

В нашей огромной и бесконечно разветвляющейся пушкиниане есть оригинальный сборник произведений Пушкина. Он так и называется «Болдинская осень»*. Оригинальность сборника состоит в том, что написанное Пушкиным располагается в нем не по обычному жанровому (сначала стихотворения, потом поэмы, сказки, проза, драмы, статьи и т. п.), а по строго

* Болдинская осень. Стихотворения, поэмы, маленькие трагедии, повести, сказки, письма, критические статьи, написанные А. С. Пушкиным в селе Болдине Лукояновского уезда Нижегородской губернии осенью 1830 года. Составитель Н. В. Колосова. Сопроводительный текст В. И. Порудоминского и Н. Я. Эйдельмана. М., 1974.

хронологическому принципу — день за днем по ходу пера Пушкина. Давно уже мечтают пушкинисты о подобном полном собрании произведений его, но не легкая эта задача пока только ставится, а в пределах болдинской осени она решена. Конечно, далеко не все тут ясно — некоторые сочинения не имеют даты, кое-где, как это бывало у Пушкина, дата намеренно не истинная, а ложная — чем-то поэту важная; не всегда ясно, какую редакцию того или иного произведения считать именно болдинской, кроме того, большие вещи писались дольше, а Пушкин отметил лишь срок окончания. Но в общем картина получается потрясающая.

Судите сами.

Сентябрь

7-го — «Бесы»; 8-го — «Элегия»; 9-го — «Гробовщик», письма к невесте, ее бабушке, к Плетневу; 10—13-го — «Сказка о попе и о работнике его Балде», «Сказка о медведихе», «Станционный смотритель»; 14-го — «От издателя» (к «Повестям Белкина»); 15—18-го — «Путешествие Онегина» (задуманное как 8-я глава романа); 19—20-го — «Барышня-крестьянка»; 21—25-го — восьмая глава «Евгения Онегина» (тогда считавшаяся девятой)*; 26-го — «Труд», «Ответ анониму»; 27—30-го — письма Плетневу, невесте.

Октябрь

1-го — «Царскосельская статуя», эпиграмма «К переводу Илиады», «Румяный критик мой...»; 2-го — «Глухой глухого...»; 3-го — «Дорожные жалобы»; 5—9-го — «Домик в Коломне», «Прощание», «Паж, или пятнадцатый год», «Я здесь, Инезилья», «Предиспанкой благородной...»; 10 — 11-го — «Рифма», «Отрок», письмо невесте; 12—14-го — «Выстрел»; 15—16-го — «Моя родословная», «Два чувства дивно близки нам», «Когда порой воспоминанье...»; 17-го — «Стамбул гяуры нынче славят», «Заклинанье»; 18—19 — в эти дни была сожжена 10-я глава «Онегина» (возможно, шла и работа над ней); 20-го — «Метель»; 21—23-го — «Скупой рыцарь»; 24—25-го — набросок о критике, статья «Об Аль-

* 25-го сентября набросана и хронология романа (№ 81).

фреде Мюссе», «Стихи, сочиненные ночью во время бессонницы», «В начале жизни школу помню я...»; 26-го — «Моцарт и Сальери», «Отрывок» («Несмотря на великие преимущества...»); 27—29-го — письмо Плетневу, «Опыт отражения некоторых нелитературных обвинений», «Опровержения на критики и замечания на собственные сочинения», «Заметка о поэме „Граф Нулин“», письмо невесте, стихи к Дельвигу («Мы рождены, мой брат названный...»); 30—31-го — «Герой».

Ноябрь

1-го — письмо Погодину, наброски статьи «О втором томе „Истории русского народа“ Полевого», «История села Горюхина» (имеется в виду, конечно, дата окончания); 2—4-го — «Каменный гость», письмо — невесте, Дельвигу; 5-го — письмо Вяземскому, «Возражения критикам „Полтавы“», статья «Баратынский», письмо Осиповой; 6—8-го — «Пир во время чумы»; 18-го — письмо невесте; 19—26-го — письмо Погодину, статья «О народной драме и о „Марфе Посаднице“ М. П. Погодина»; письмо невесте, А. Н. Верстовскому; 27-го — «Для берегов отчизны дальней», «Из Barry Cornwall» («Пью за здравие Мери»); 28-го — «Предисловие к „Евгению Онегину“», стихотворение «Цыганы»...

И все это в 1830 г. в Болдине! И все это в одну календарную осень!

* * *

При всем необычайном разнообразии тем, сюжетов, проблем и мотивов Болдинской осени в них проглядывает один, очень для нас важный: подведение итогов, память о прожитой жизни. Если бы биография поэтов, как роман, делилась на части, либо, как драма — на акты, то можно было бы сказать, что Пушкин вступает в новую часть биографического романа или в новый акт жизненной драмы.

Не случайно многое автобиографическое, что написано в Болдине, включено нами в предыдущие главы двухтомника: в этих произведениях — воспоминания о прошлом, (которые, как мы с самого начала условились с читателем, включаются не в тот период, когда вспоминает поэт, а в тот, о котором вспоминает).

Это относится к «Заклинанию», к «Для берегов отчизны дальней», «Цыганам», «Путешествию Онегина», «Домику в Коломне», «Дорожным жалобам» и многому другому.

Но и в других, казалось бы вовсе не автобиографических, трудах болдинской осени — жизнь самого Пушкина в разные ее периоды. Немало плодотворных усилий потратила, например, пушкинист Анна Андреевна Ахматова, чтобы сделать явными тайные личные мотивы «Каменного гостя». Вот, скажем: «О короле Пушкин устами Дон Гуана говорит:

Пошлет назад.

Уж верно головы мне не отрубят.

Ведь я не государственный преступник.

Читай — политический преступник, которому за самовольное возвращение из ссылки полагается смертная казнь. Нечто подобное говорили друзья самому Пушкину, когда он хотел вернуться в Петербург из Михайловского. А пушкинский Лепорелло по этому поводу восклицает, обращаясь к своему барину: «Сидели б вы себе спокойно там» *. Можно спорить о правомерности этих параллелей (и спорят!), но задуматься тут есть над чем.

Точно так же биографически подчас трактуется «Скупой рыцарь»; известно, как тяжело было Пушкину выбить хоть какие-то деньги у Сергея Львовича; если Пушкину-старшему до барона-скопидома все же далековато, то сам Александр Сергеевич в юности был, отчасти, в положении Альбера. Когда барон говорит о сыне: «Он молодость свою проводит в буйстве, в пороках низких», то это при некотором воображении можно сопоставить с обвинениями Сергея Львовича. «Пир во время чумы» естественно связать с холерным «болдинским изнурением». Несомненна реальная основа «Выстрела» (ведь это Пушкин во время одной из дуэлей выбирал черешни из фуражки и сплевывал косточки); «Станционного смотрителя» разве не подглядел автор на больших дорогах? Контекст стихотворений, посвященных

* Ахматова приводит в подтверждение своей догадки строки писем к Пушкину (весна 1826 г.): «Сиди смирно, пиши, пиши стихи» (Вяземский); «Всего благоразумнее для тебя остаться *покойно* в деревне» (Жуковский).

Ризнич и Воронцовой, читатель хорошо знает, «Цыганы» — воспоминание о Молдавии и т. д. и т. п. Конечно, чтобы понять более глубокую связь с жизнью поэта, приходится обращаться к специальным работам, но и, снимая, так сказать, самый поверхностный слой, видишь, что о собственном пути, прошлом и будущем, размышлял Пушкин в Болдине.

Он готовился к крутому перелому в жизни своей так, как готовятся порой к смерти: старался дописать все, завершить давние наброски, кончить главное — «Евгения Онегина» (недаром с последней точкой в рукописи соседствует задумчивый «Труд»). Резкий контраст между светской духотой обеих столиц, бесконечными хлопотами, поднадзорным состоянием, предсвадебными недоразумениями и деревенской природой и тишиной Болдина вызвал творческий подъем невиданной силы...

5 декабря, прорвавшись, наконец, через противохолерные карантинные, Пушкин возвратился в Москву.

1

Генерал,

Явившись к вашему превосходительству и не имев счастья застать вас, я приемлю смелость изложить вам письменно просьбу, с которой вы разрешили к вам обратиться.

Покамест я еще не женат и не зачислен на службу, я бы хотел совершить путешествие во Францию или Италию. В случае же, если оно не будет мне разрешено, я бы просил соизволения посетить Китай с отправляющимся туда посольством.

Осмелюсь ли еще утруждать вас? В мое отсутствие г-н Жуковский хотел напечатать мою трагедию, но не получил на то формального разрешения. Ввиду отсутствия у меня состояния, мне было бы затруднительно лишиться полутора десятков тысяч рублей, которые может мне доставить моя трагедия, и было бы прискорбно отказаться от напечатания сочинения, которое я долго обдумывал и которым наиболее удовлетворен.

Всецело полагаясь на вашу благосклонность, остаюсь, генерал, вашего превосходительства нижайший и всепокорнейший слуга. (фр.)

*Пушкин — А. Х. Бенкендорфу.
7 января 1830. Петербург.*

2

Милостивый государь.

В ответ на Ваше письмо ко мне от 7-го числа сего месяца спешу уведомить Вас, что его императорское

величество не соизволил удовлетворить вашу просьбу о разрешении поехать в чужие края, полагая, что это слишком расстроит ваши денежные дела, а кроме того отвлечет Вас от Ваших занятий. Желание ваше сопровождать наше посольство в Китай также не может быть осуществлено, потому что все входящие в него лица уже назначены и не могут быть заменены другими без уведомления о том Пекинского двора. Что же касается разрешения на издание вашей новой трагедии, я не премину сообщить Вам на днях окончательный ответ. (...)

*А. Х. Бенкендорф — Пушкину.
17 января 1830. Петербург.*

3

Кстати об этом бале. Вы могли бы сказать Пушкину, что неприлично ему *одному* быть во фраке, когда мы все были в мундирах, и что он мог бы завести себе по крайней мере дворянский мундир; впоследствии, в подобном случае пусть так и сделает.

*Николай I — А. Х. Бенкендорфу.
Январь 1830.*

4

Милостивый государь Александр Сергеевич!

Государь император заметить изволил, что вы находились на бале у французского посла во фраке, между тем, как все прочие приглашенные в сие общество были в мундирах. Как же всему дворянскому сословию присвоен мундир тех губерний, в коих они имеют поместья или откуда родом, то его величество полагать изволит приличнее русскому дворянину являться в сем наряде в подобные собрания. (...)

*А. Х. Бенкендорф — Пушкину.
28 января 1830. Петербург.*

5

Сегодня 9-я годовщина дня, когда я вас увидел в первый раз. Этот день был решающим в моей жизни.

Чем более я об этом думаю, тем более убеждаюсь, что мое существование неразрывно связано с вашим; я рожден, чтобы любить вас и следовать за вами — всякая другая забота с моей стороны — заблуждение или безрассудство; вдали от вас меня лишь грызет мысль о счастье, которым я не сумел насытиться. Рано или поздно мне придется всё бросить и пасть к вашим ногам. Среди моих мрачных сожалений меня прельщает и оживляет одна лишь мысль о том, что когда-нибудь у меня будет клочок земли в Крыму. Там смогу я совершать паломничества, бродить вокруг вашего дома, встречать вас, мельком вас видеть... (фр.)

Пушкин — К. А. Собаньской.
2 февраля 1830. Петербург (Черновое)

6

Вы смеетесь над моим нетерпением, вам как будто доставляет удовольствие обманывать мои ожидания; итак, я увижу вас только завтра — пусть так. Между тем я могу думать только о вас.

Хотя видеть и слышать вас составляет для меня счастье, я предпочитаю не говорить, а писать вам. В вас есть ирония, лукавство, которые раздражают и повергают в отчаяние. Ощущения становятся мучительными, а искренние слова в вашем присутствии превращаются в пустые шутки. Вы — демон, то есть *тот, кто сомневается и отрицает*, как говорится в Писании.

В последний раз вы говорили о прошлом жестоко. Вы сказали мне то, чему я старался не верить — в течение целых 7 лет. Зачем?

Счастье так мало создано для меня, что я не признал его, когда оно было передо мною. Не говорите же мне больше о нем, ради Христа. — В угрызениях совести, если бы я мог испытать их, — в угрызениях совести было бы какое-то наслаждение — а подобного рода сожаление вызывает в душе лишь яростные и богохульные мысли.

Дорогая Элленора, позвольте мне называть вас этим именем, напоминающим мне и жгучие чтения моих юных лет, и нежный призрак, прельщавший меня тогда, и ваше собственное существование, такое жестокое и бурное, такое отличное от того, каким оно должно было быть.— Дорогая Элленора, вы знаете, я испытал на себе всё ваше могущество. Вам обязан я тем, что познал всё, что есть самого судорожного и мучительного в любовном опьянении, и всё, что есть в нем самого ошеломляющего. От всего этого у меня осталась лишь слабость выздоравливающего, одна привязанность, очень нежная, очень искренняя,— и немного робости, которую я не могу побороть.

Я прекрасно знаю, что вы подумаете, если когда-нибудь это прочтете — как он неловок — он стыдится прошлого — вот и всё. Он заслуживает, чтобы я снова посмеялась над ним. Он полон сомнений, как его повелитель — сатана. Не правда ли?

Однако, взявшись за перо, я хотел о чем-то просить вас — уж не помню о чем — ах, да — о дружбе. Эта просьба очень банальная, очень... Это как если бы нищий попросил хлеба — но дело в том, что мне необходима ваша близость.

А вы, между тем, по-прежнему прекрасны, так же, как и в день переправы или же на крестинах, когда ваши пальцы коснулись моего лба. Это прикосновение я чувствую до сих пор — прохладное, влажное. Оно обратило меня в католика.— Но вы увянете; эта красота когда-нибудь покатится вниз, как лавина. Ваша душа некоторое время еще продержится среди стольких опавших прелестей — а затем исчезнет, и никогда быть может, моя душа, ее боязливая рабыня, не встретит ее в беспредельной вечности.

Но что такое душа? У нее нет ни взора, ни мелодии — мелодия быть может... (фр.)

Пушкин — К. А. Собаньской.
2 февраля 1830. Петербург. (Черновое)

7

Милостивый государь Александр Сергеевич!

С величайшим удивлением услышал я от Олина, будто вы говорите, что я *ограбил* вашу трагедию Борис Годунов, переложил *ваши стихи* в прозу, и взял

из *вашей трагедии* сцены для *моего* романа! Александр Сергеевич! Поберегите свою славу! Можно ли взводить на меня такие небылицы? Я не читал *вашей трагедии*, кроме отрывков печатных, а слышал только о ее составе от читавших, и от вас. В главном, в характере и в действии, сколько могу судить по слышанному, у нас совершенная *противоположность*. Говорят, что вы хотите напечатать в Литературной газете, что я *обокрал вашу трагедию*! Что скажет публика? Вы должны будете доказывать. Но признаюсь, мне хочется верить, что Олину приснилось это! Прочтите сперва роман, а после скажите! Он вам послан другим путем. Для меня непостижимо, чтоб в литературе можно было дойти до такой степени! Неужели, обрабатывая один (т. е. по именам только) предмет, надобно непременно *красть* у другого? У кого я что выкрал? Как мог я красть по наслышке? — Но я утешаю себя одним, что Олин говорит на обум. Не могу и не хочу верить, чтоб вы это могли думать, для чести *вашей* и литературы. Я составил себе такое понятие об вас, что эту весть причисляю к сказкам и извещаю вас, как о слухе, вредном для *вашей* репутации.

С истинным уважением и любовью
есмь ваш навеки Ф. Булгарин.

Ф. В. Булгарин — Пушкину.
18 февраля 1830. Петербург.

8

Вероятно, трагедия моя не будет иметь никакого успеха. Журналы на меня озлоблены. Для публики я уже не имею главной привлекательности: молодости и новизны литературного имени. К тому же главные сцены уже напечатаны или искажены в чужих *подражаниях*. Раскрыв наудачу исторический роман г. Булгарина, нашел я, что и у него о появлении Самозванца приходит объявить царю кн. В. Шуйский. У меня Борис Годунов говорит наедине с Басмановым об уничтожении местничества, — у г. Булгарина также. Все это драматический вымысел, а не историческое сказание.

А. С. Пушкин. Опровержение на критики 1830.

9

(...) Однажды (официально) напечатал кто-то, что такой-то французский стихотворец, подражатель Байрону, печатающий критические статьи в «Литературной газете», человек подлый и безнравственный, а что такой-то журналист, человек умный, скромный, храбрый, служил с честью сперва одному отечеству, потом другому и проч. Француз отвечал подлинно так, что скромный и храбрый журналист об двух отечествах, вероятно, долго будет его помнить.

...on en rit, j'en ris encore moi-même*.

Недавно в Пекине случилось очень забавное происшествие. Некто из класса грамотеев, написав трагедию, долго не отдавал ее в печать — но читал ее неоднократно в порядочных пекинских обществах и даже вверял свою рукопись некоторым мандаринам. Другой грамотей (следуют китайские ругательства) или подслушал трагедию из прихожей (что, говорят, за ним важивалось), или тихонько взял рукопись из шкатулки мандарина (что в старину также с ним случалось) и склеил на скорую руку из довольно нескладной трагедии чрезвычайно скучный роман. Грамотей-трагик, человек бесталанный, но смиренный, поворчав немного, оставил было в покое похитителя, но грамотей-романист, человек ловкий и беспокойный, опасаясь быть обличенным, первый стал кричать изо всей мочи, что трагик Фан-Хо обокрал его бесстыдным образом. Трагик Фан-Хо, рассердясь не на шутку, позвал романиста Фан-Хи в совестный Пекинский суд и проч., и проч.

А. С. Пушкин. Опыт отражения некоторых нелитературных обвинений. 1830.

10

Посылаю тебе драгоценность: донос Сумарокова на Ломоносова. Подлинник за собственноручною подписью видел я у Ив. Ив. Дмитриева. Он отыскан в бумагах Миллера, надорванный, вероятно, в присут-

* ...над этим посмеялись, я сам еще смеюсь (фр.)

ствии и, вероятно, сохраненный Миллером, как документ распутства Ломоносова: они были врагами. Состряпай из этого статью и тисни в «Литературной газете». Письмо мое доставит тебе Гончаров, брат красавицы: теперь ты угадаешь, что тревожит меня в Москве. Если ты можешь влюбить в себя Елизу, то сделай мне эту божескую милость. Я сохранил свою целомудренность, оставя в руках ее не плащ, а рубашку (справься у княгини Мещерской), а она преследует меня и здесь письмами и посылками. Избавь меня от Пентефрейхи. Булгарин изумил меня своею выходкою, сердиться нельзя, но побить его можно и, думаю, должно — но распутица, лень и Гончарова не выпускают меня из Москвы, а дубины в 800 верст длины в России нет кроме гр. Панина. Жену твою вижу часто, т. е. всякий день. Наше житье-бытье сносно. Дядя жив, Дмитриев очень мил. Зубков член клуба. Ушаков крив. Вот тебе просьба. Погодин собрался ехать в чужие края, он может обойтись без вспоможения, но всё-таки лучше бы. Поговори об этом с Блудовым, да пожарче. Строев написал *tables des matières* * «Истории» Карамзина, книгу нам необходимую. Ее надобно напечатать, поговори Блудову и об этом. Прощай. Мой сердечный поклон всему семейству.

В доносе пропущено слово *оскорбляя*.

Батюшков умирает.

Пушкин — П. А. Вяземскому.

Вторая половина (не ранее) 18 марта 1830.

Из Москвы в Петербург

11

РАПОРТ

Секретно

Тверской частный пристав донес мне, что чиновник 10-го класса Александр Сергеев Пушкин 13-го числа сего месяца прибыл из С-Петербурга и остановился в доме г. Черткова в гостинице Коппа, за коим (...) учрежден секретный полицейский надзор.

*Полицеймейстер 1-го отделения —
оберполицеймейстеру Москвы. 15 марта 1830.*

* указатель содержания (фр.)

12

Третьего дня приехал я в Москву и прямо из кибитки попал в концерт, где находилась вся Москва. Первые лица, попавшиеся мне навстречу, были Н. Гончарова и княгиня Вера; а вслед за ними братья Полевые. Приезд государев сделал большое впечатление (...)

*Пушкин — П. А. Вяземскому.
14 марта 1830. Из Москвы в Петербург.*

13

У меня есть на столе письмо, уже давно к тебе написанное — я побоялся послать его тебе по почте. Жена твоя, вероятно, полнее и дельнее рассказала тебе, в чем дело. Государь, уезжая, оставил в Москве проект новой организации, контрреволюции революции Петра. Вот тебе случай писать политический памфлет, и даже его напечатать, ибо правительство действует или намерено действовать в смысле европейского просвещения. Ограждение дворянства, подавление чиновничества, новые права мещан и крепостных — вот великие предметы. Как ты? Я думаю пуститься в политическую прозу. (...) Жду концертов и шуму за проект. Буду тебе передавать свои наблюдения о духе Московского клуба. Прощай, кланяюсь твоим. Не могу еще привыкнуть не у них проводить вечера мои. Кажется мне, что я развращаюсь.

*Пушкин — П. А. Вяземскому.
16 марта 1830. Из Москвы в Петербург.*

14

Т. Д. Демьянова

ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ

Поздно уже было, час двенадцатый, и все мы собирались спать ложиться, как вдруг к нам в ворота постучались, — жили мы тогда с Лукерьей и Алексан-

дрой да с дядей моим Антоном на Садовой, в доме Чухина. Бежит ко мне Лукерья, кричит: «Ступай, Таня, гости приехали, слушать хотят». Я только косу расплела и повязала голову белым платком. Такой и выскочила. А в зале у нас четверо приехало,—трое знакомых (потому наш хор очень любили и много к нам езжало). Голохвастов Александр Войнович, Протасьев-господин и Павел Иванович * Нащокин, очень был влюблен в Ольгу, которая в нашем же хоре пела. А с ним еще один, небольшой ростом, губы толстые и кудлатый такой... И только он меня увидел, так и помер со смеху, зубы-то белые, большие, так и сверкают. Показывает на меня господам: «Поваренок, кричит, поваренок!» А на мне, точно, платье красное ситцевое было, и платок белый на голове, колпаком, как у поваров. Засмеялась и я, только он мне очень некрасив показался. И сказала я своим подругам по-нашему, по-цыгански: «Дыка, дыка, на не лачо, таки вашескери!» Гляди, значит, гляди, как не хорош, точно обезьяна! Они так и залились. А он приставать: «Что ты сказала, что ты сказала?» — «Ничего, говорю; сказала, что вы надо мною смеетесь, поваренком зовете». А Павел Войнович Нащокин говорит ему: «А вот, Пушкин, послушай, как этот поваренок поет!» А наши все в это время собрались; весь-то наш хор был небольшой, всего семь человек, только голоса отличные были,—у дяди Александра такой тенор был, что другого такого я уж в жизнь больше не слыхивала. Романсов мы тогда мало пели, все больше русские песни, народные. Стеща, покойница,—было мне всего 14 лет, когда померла она,—так та, бывало, как запоеет: «Не бушуйте вы, ветры буйные» или «Ах, матушка, голова болит», без слез слушать ее никто не мог, даже итальянская певица была, Каталани, так и та заплакала. Однако когда я уже петь начала, были в моде сочиненные романсы. И главный был у меня: «Друг милый, друг милый, с далека поспеши». Как я его пропела, Пушкин с лежанки скок — он как приехал, так и взобрался на лежанку, потому на дворе холодно было,—и ко мне. Кричит: «Радость ты моя, радость моя, извини, что я тебя поваренком назвал, ты бесценная прелесть, не поваренок!»

* Ошибка Т. Д. Демьяновой. Надо — «Войнович».

И стал он с тех пор к нам часто ездить, один даже частенько ездил, и как ему вздумается — вечером, а то утром приедет. И все мною одной занимается, петь заставит, а то просто так болтать начнет, и помирает он, хохочет, по-цыгански учится. А мы все читали, как он в стихах цыган кочевых описал. И я много помнила наизусть и раз прочла ему оттуда и говорю: «Как это вы хорошо про нашу сестру, цыганку, написали!» А он опять в смех: «Я, говорит, на тебя новую поэму сочиню!» А это утром было, на масленице, и мороз опять лютый, и он опять на лежанку взобрался. «Хорошо, говорит, тут, — тепло, только есть хочется». А я ему говорю: «Тут, говорю, поблизости харчевня одна есть, отличные блины там пекут, — хотите, пошлю за блинами?» Он с первого раза побрезгал, поморщился. «Харчевня, говорит, грязь». «Чисто, будьте благонадежны, говорю, сама не стала бы есть». — «Ну, хорошо, посылай, — вынул он две красненькие, — да вели кстати бутылку шампанского купить». Дядя побежал, все в минуту спроворил, принес блинов, бутылку. Сбежались подруги, и стал нас Пушкин потчевать: на лежанке сидит, на коленях тарелка с блинами, — смешной такой, ест да похваливает: «Нигде, говорит, таких вкусных блинов не едал», — шампанское разливает нам по стаканам... Только в это время в приходе к вечерне зазвонили. Он как схватится с лежанки: «Ахти мне, кричит, радость моя, из-за тебя забыл, что меня жид-кредитор ждет!» Схватил шляпу и выбежал как сумасшедший. А я Ольге стала хвалиться, что Пушкин на меня поэму хочет сочинять. Ей очень завидно стало. «Я, говорит, скажу Наццокину, чтобы он просил его не на тебя, а на меня непременно написать».

15

Милостивый государь, Александр Сергеевич!

К крайнему моему удивлению, услышал я, по возвращении моем в Петербург, что Вы внезапно рассудили уехать в Москву, не предваря меня, согласно с сделанным между нами условием, о сей вашей поездке. Поступок сей принуждает меня Вас просить

о уведомлении меня, какие причины могли Вас заставить изменить данному мне слову? Мне весьма приятно будет, если причины Вас побудившие к сему поступку будут довольно уважительны, чтобы извинить оный, но я вменяю себе в обязанность Вас предупредить, что все неприятности, коим Вы можете подвергнуться, должны Вами быть приписаны собственному вашему поведению (...)

А. Х. Бенкендорф — Пушкину.
17 марта 1830. Из Петербурга в Москву.

16

Милостивый государь Александр Христофорович,

В 1826 году я получил от государя императора позволение *жить в Москве*, а на следующий год от Вашего высокопревосходительства дозволение приехать в Петербург. С тех пор я *каждую зиму* проводил в Москве, осень в деревне, никогда не испрашивая предварительного дозволения и не получая никакого замечания. Это отчасти было причиною невольного моего проступка: поездки в Арзрум, за которую имел я несчастье заслужить неудовольствие начальства.

В Москву намеревался приехать еще в начале зимы и, встретив Вас однажды на гулянии, на вопрос Вашего высокопревосходительства, что намерен я делать? имел я счастье о том Вас уведомить. Вы даже изволили мне заметить: *vous êtes toujours sur les grands chemins* *.

Надеюсь, что поведение мое не подало правительству повода быть мною недовольным. (...)

Пушкин — А. Х. Бенкендорфу.
21 марта 1830. Из Москвы в Петербург.

* вы вечно на больших дорогах (фр.).

17

М. П. Погодин

ИЗ ДНЕВНИКА

1830. Март. 18. Из Университета к Пушкину. «Я думал, что вы сердитесь на меня», — обещал исходить все, что хочу. Вот разве при путешествии. Рассказывал о скверности Булгарина, Полевого хочет втоптать в грязь и пр. Давал статью о Видоке и догадался, что мне не хочется помещать ее (о доносах, о фискальстве Булгарина), и взял. Советовал писать роман. Дал лицо Брюса и его человека. О документах исторических.

21. (...) К Пушкину. — «Московский вестник» и «Литературная газета» одно и то же. Толковали о нашей литературе. Пушкин сердится ужасно, что на него напали все.

18

Милостивый государь, Александр Сергеевич!

Общество Любителей Российской Словесности, уважая любовь Вашу к отечественной словесности и труды, в пользу оной подъятые, избрало Вас в действительные члены. Имея честь поздравить Вас с избранием, на общем мнении об отличных достоинствах Ваших основанном, препровождаю к Вам при сем диплом на новое ученое Ваше звание. Общество удостоверено, что Вы с сим избранием изволите принять участие в деле, близком сердцу каждого русского; ибо успехи отечественного языка и словесности служат знамением степени народной образованности и вместе с сим народного благоденствия. (...)

А. А. Писарев — Пушкину.
21 марта 1830. Москва.

19

Сделай милость, откажись от постыдного членства Общества любителей русского слова. Мне и то было досадно, то есть не мне, потому что я на заседание не поехал, но жене моей, менее меня благопристойной и

ездившей на святошные игрища литературы, что тебя и Баратынского выбрали вместе с Верстовским, а вчерашние «Московские ведомости» довершили мою досаду: тут увидишь: *Предложение об избрании в члены общества Корифеев Словесности нашей: А. С. Пушкина, Е. А. Баратынского, Ф. В. Булгарина и отечественного Композитора Музыки А. Н. Верстовского.*

(...) Воля твоя, не надобно спускать такие наглые дурачества. Мы худо делаем, что пренебрегаем званием литераторским: это звание не то что христианина. Тут нечего давать свои щеки на пощечины. Мы не поедем к вельможе, который станет нас принимать наравне с канальями, с Булгариными и другими нечистотами общественного тела. (...)

*П. А. Вяземский — Пушкину.
Из Москвы в Петербург, 2 января 1830.*

20

Радуюсь случаю поговорить с Вами откровенно. Общество Любителей поступило со мною так, что никаким образом я не могу быть с ним в сношении. Оно выбрало меня в свои члены вместе с Булгариным, в то самое время, как он единогласно был забаллотирован в Английском клубе (NB в Петербургском), как шпион, переметчик и клеветник, в то самое время, как я в ответ на его ругательства принужден был напечатать статью о Видоке; мне нужно было доказать публике, которая вправе была удивляться моему долготерпенью, что я имею полное право презирать мнение Булгарина и не требовать удовлетворения от ошельмованного негодяя, толкующего о чести и нравственности. И что же? в то самое время читаю в газете Шаликова: *Александр Сергеевич и Фаддей Венедиктович, сии два корифея нашей словесности, удостоены etc. etc.* Воля Ваша: это пощечина. Верю, что Общество, в этом случае, поступило, как Фамусов, не имея намерения оскорбить меня.

Я всякому, ты знаешь, рад.

Но долг мой был немедленно возвратить присланный диплом; я того не сделал, потому что тогда мне было не до дипломов, но уж иметь сношения с Обществом Любителей я не в состоянии. <...>

*Пушкин — М. П. Погдину.
Из Петербурга в Москву.
Около (не позднее) 7 апреля 1834.*

21

Генерал,

Письмо, которое я удостоился получить от вас, причинило мне истинное огорчение; я покорнейше прошу уделить мне одну минуту снисходительности и внимания. Несмотря на четыре года уравновешенного поведения, я не приобрел доверия власти. С горестью вижу, что малейшие мои поступки вызывают подозрения и недоброжелательство. Простите, генерал, вольность моих сетований, но ради бога благоволите хоть на минуту войти в мое положение и оценить, насколько оно тягостно. Оно до такой степени неустойчиво, что я ежеминутно чувствую себя накануне несчастья, которого не могу ни предвидеть, ни избежать. Если до настоящего времени я не впал в немилость, то обязан этим не знанию своих прав и обязанностей, но единственно вашей личной ко мне благосклонности. Но если вы завтра не будете больше министром, послезавтра меня упрячут. Г-н Булгарин, утверждающий, что он пользуется некоторым влиянием на вас, превратился в одного из моих самых яростных врагов из-за одного приписанного им мне критического отзыва. После той гнусной статьи, которую напечатал он обо мне, я считаю его способным на всё. Я не могу не предупредить вас о моих отношениях с этим человеком, так как он может причинить мне бесконечно много зла.

Я предполагал проехать из Москвы в свою псковскую деревню, однако, если Николай Раевский приедет в Полтаву, убедительно прошу ваше превосходительство разрешить мне съездить туда с ним повидаться. <...>. (фр.)

*Пушкин — А. Х. Бенкендорфу.
24 марта 1830. Из Москвы в Петербург.*

22

Милостивый государь,

Спешу ответить на оба письма, которые вы изволили адресовать мне из Москвы; я исполню эту обязанность с обычной моей откровенностью.

Мне не совсем понятно, почему вам угодно находить свое положение неустойчивым; я не считаю его таковым, и мне кажется, что от вашего собственного поведения зависит придать ему еще более устойчивости. Вы также не правы, предполагая, что кто-либо может на меня влиять во вред вам, ибо я вас знаю слишком хорошо. Что касается г-на Булгарина, то он никогда со мной не говорил о вас по той простой причине, что встречаюсь я с ним лишь два или три раза в году, а последнее время виделся с ним лишь для того, чтобы делать ему выговоры. Однако, я должен признаться, что ваш последний, столь поспешный отъезд в Москву не мог не вызвать подозрений.

Что касается Вашей просьбы о том, можете ли Вы поехать в Полтаву для свидания с Николаем Раевским, — должен Вам сообщить, что когда я представил этот вопрос на рассмотрение государя, его величество соизволил ответить мне, что он запрещает вам именно эту поездку, так как у него есть основание быть недовольным поведением г-на Раевского за последнее время.

Этот случай должен вас убедить в том, что мои добрые советы способны удержать вас от ложных шагов, какие вы часто делали, не спрашивая моего мнения. (...)

*А. Х. Бенкендорф — Пушкину.
3 апреля 1830. Из Петербурга в Москву.*

23

А. С. Пушкин

О ЗАПИСКАХ ВИДОКА

В одном из № «Литературной газеты» упоминали о Записках парижского палача; нравственные сочинения Видока, полицейского сыщика, суть явление не менее отвратительное, не менее любопытное.

Представьте себе человека без имени и пристани-

ща, живущего ежедневными донесениями, женатого на одной из тех несчастных, за которыми по своему званию обязан он иметь присмотр, отъявленного плута, столь же бесстыдного, как и гнусного, и потом вообразите себе, если можете, что должны быть нравственные сочинения такого человека.

Видок в своих записках именуется патриотом, коренным французом (*un bon Français*), как будто Видок может иметь какое-нибудь отечество! Он уверяет, что служил в военной службе, и как ему не только дозволено, но и предписано всячески переодеваться, то и щеголяет орденом Почетного Легиона, возбуждая в кофейнях негодование честных бедняков, состоящих на половинном жалованье (*officiers à la demi-solde*). Он нагло хвастается дружбою умерших известных людей, находившихся в сношении с ним (кто молод не бывал? а Видок человек услужливый, деловой). Он с удивительной важностью толкует о хорошем обществе, как будто вход в оное может ему быть дозволен, и строго рассуждает об известных писателях, отчасти надеясь на их презрение, отчасти по расчету: суждения Видока о Казимире де ля Вине, о Б. Констане должны быть любопытны именно по своей нелепости.

Кто бы мог поверить? Видок честолюбив! Он приходит в бешенство, читая неблагосклонный отзыв журналистов о его слоге (слог г-на Видока!). Он при сем случае пишет на своих *врагов* доносы, обвиняет их в безнравственности и вольнодумстве и толкует (не в шутку) о благородстве чувств и независимости мнений: раздражительность, смешная во всяком другом писателе, но в Видоке утешительная, ибо видим из нее, что человеческая природа, в самом гнусном своем уничтожении, всё еще сохраняет благоговение перед понятиями, священными для человеческого рода.

Предлагается важный вопрос:

Сочинения шпиона Видока, палача Самсона и проч. не оскорбляют ни господствующей религии, ни правительства, ни даже нравственности в общем смысле этого слова; со всем тем нельзя их не признать крайним оскорблением общественного приличия. Не должна ли гражданская власть обратить мудрое внимание на соблазн нового рода, совершенно ускользнувший от предусмотрения законодательства?

24

⟨...⟩ У нас вошло в обыкновение между писателями, заслужившими доверенность и уважение публики, не возражать на критики. Редко кто-нибудь из них подаст голос, и то не за себя. Обыкновение вредное для литературы. Таковые антикритики имели бы двойную пользу: исправление ошибочных мнений и распространение здравых понятий касательно искусства. Вы скажете, что по большей части журнальная критика заключается в личностях и брани, что публика до-волью равнодушна к успехам словесности.

Возразят, что иногда нападающее лицо само по себе так презрительно, что честному человеку никак нельзя войти в сношение с ним, не марая себя. В таком случае объяснитесь, извинитесь перед публикою. Видок вас обругал. Изъясните, почему вы никаким образом отвечать ему не намерены. ⟨...⟩

А. С. Пушкин. Письмо к издателю
«Литературной газеты». [1830].
(Черновой набросок).

25

ПОЭТУ

сонет

Поэт! не дорожи любовью народной.
Восторженных похвал пройдет минутный шум;
Услышишь суд глупца и смех толпы холодной,
Но ты останься тверд, спокоен и угрюм.

Ты царь: живи один. Дорогою свободной
Иди, куда влечет тебя свободный ум,
Усовершенствуя плоды любимых дум,
Не требуя наград за подвиг благородный.

Они в самом тебе. Ты сам свой высший суд;
Всех строже оценить умеешь ты свой труд.
Ты им доволен ли, взыскательный художник?

Доволен? Так пускай толпа его бранит
И плюет на алтарь, где твой огонь горит,
И в детской резвости колеблет твой треножник.

1830

А. С. Пушкин

26

⟨...⟩ Первые, юношеские произведения Баратынского были некогда приняты с восторгом. Последние, более зрелые, более близкие к совершенству, в публике имели меньший успех. Постараемся объяснить причины.

Первой должно почтить самое сие усовершенствование и зрелость его произведений. Понятия, чувства 18-летнего поэта еще близки и сродны всякому; молодые читатели понимают его и с восхищением в его произведениях узнают собственные чувства и мысли, выраженные ясно, живо и гармонически. Но лета идут, юный поэт мужает, талант его растет, понятия становятся выше, чувства изменяются. Песни его уже не те. А читатели те же и разве только сделались холоднее сердцем и равнодушнее к поэзии жизни. Поэт отделяется от их и мало-помалу уединяется совершенно. Он творит для самого себя и если изредка еще обнаруживает свои произведения, то встречает холодность, невнимание и находит отголосок своим звукам только в сердцах некоторых поклонников поэзии, как он, уединенных, затерянных в свете.

Вторая причина есть отсутствие критики и общего мнения. У нас литература не есть потребность народная. Писатели получают известность посторонними обстоятельствами. Публика мало ими занимается. Класс читателей ограничен, и им управляют журналы, которые судят о литературе как о политической экономии, о политической экономии как о музыке, т. е. наобум, понаслышке, безо всяких основательных правил и сведений, а большею частью по личным расчетам. ⟨...⟩

А. С. Пушкин. «Баратынский». 1830.

27

Пока меня без милости бранят
За цель моих стихов — иль за бесцелье
И важные особы мне твердят,
Что ремесло поэта — не безделье,

Но сам в толпу не суйся... или смех
 Плохой уж выйдет: шутками одними
 Тебя, как шапками, и враг и друг,
 Соединясь, все закидают вдруг.

XIV

Тогда давай бог ноги... Потому-то
 Здесь имя подписать я не хочу.
 Порой я стих повертываю круто.
 Всё ж, видно, не впервой я им верчу,
 А как давно? того и не скажу-то.
 На критиков я еду, не свищу,
 Как древний богатырь — а как наеду...
 Что ж? поклонюсь и приглашу к обеду.

XV

Покамест можете принять меня
 За старого, обстреленного волка
 Или за молодого воробья,
 За новичка, в котором мало толка.
 У вас в шкапу, быть может, мне, друзья,
 Отведена особенная полка,
 А может быть, впервой хочу послать
 Свою тетрадку в мокрую печать.

XVI

Когда б никто меня под легкой маской
 (По крайней мере, долго) не узнал!
 Когда бы за меня своей указкой
 Другого строго критик пощелкал,
 Уж то-то б неожиданной развязкой
 Я все журналы после взволновал!
 Но полно, будет ли такой мне праздник?
 Нас мало. Не укроется проказник.

Домик в Коломне. Из ранних редакций.

29

(...) В другой газете объявили, что я собою весьма неблагообразен и что портреты мои слишком льстивы. На эту личность я не отвечал, хотя она глубоко меня тронула.

Иной говорит: какое дело критику или читателю, хорош ли я собой или дурен, старинный ли дворянин или из разночинцев, добр ли или зол, ползаю ли я в ногах сильных или с ними даже не кланяюсь, играю ли я в карты, и тому под. Будущий мой биограф, коли бог пошлет мне биографа, об этом будет заботиться. А критику и читателю дело до моей книги и только. Суждение, кажется, поверхностное. Нападения на писателя и оправдания, коим подают они повод, суть важный шаг к гласности прений о действиях так называемых общественных лиц (*hommes publics*), к одному из главнейших условий высоко образованных обществ. В сем отношении и писатели, справедливо заслуживающие презрение наше, ругатели и клеветники, приносят истинную пользу: мало-помалу образуется и уважение к личной чести гражданина и возрастает могущество общего мнения, на котором в просвещенном народе основана чистота его нравов.

Таким образом дружина ученых и писателей, какого б рода они ни были, всегда впереди во всех набегах просвещения, на всех приступах образованности. Не должно им малодушно негодовать на то, что вечно им определено выносить первые выстрелы и все невзгоды, все опасности.

А. С. Пушкин. Опровержение на критики. 1830.

30

После того, милостивая государыня, как вы дали мне разрешение писать к вам, я, взявшись за перо, столь же взволнован, как если бы был в вашем присутствии. Мне так много надо высказать, и чем больше я об этом думаю, тем более грустные и безнадежные мысли приходят мне в голову. Я изложу их вам — вполне чистосердечно и подробно, умоляя вас проявить терпение и особенно снисходительность.

Когда я увидел ее в первый раз, красоту ее едва начинали замечать в свете. Я полюбил ее, голова у меня закружилась, я сделал предложение, ваш ответ, при всей его неопределенности, на мгновение свел меня с ума; в ту же ночь я уехал в армию; вы спросите меня — зачем? клянусь, вам, не знаю, но какая-то непроизвольная тоска гнала меня из Москвы; я бы не

мог там вынести ни вашего, ни ее присутствия. Я вам писал; надеялся, ждал ответа — он не приходил. Заблуждения моей ранней молодости представились моему воображению; они были слишком тяжки и сами по себе, а клевета их еще усилила; молва о них, к несчастью, широко распространилась. Вы могли ей поверить; я не смел жаловаться на это, но приходил в отчаяние.

Сколько мук ожидало меня по возвращении! Ваше молчание, ваша холодность, та рассеянность и то безразличие, с какими приняла меня м-ль Натали... У меня не хватило мужества объясниться, — я уехал в Петербург в полном отчаянии. Я чувствовал, что сыграл очень смешную роль, первый раз в жизни я был робок, а робость в человеке моих лет никак не может понравиться молодой девушке в возрасте вашей дочери. Один из моих друзей едет в Москву, привозит мне оттуда одно благосклонное слово, которое возвращает меня к жизни, — а теперь, когда несколько милостивых слов, с которыми вы сооблаговолили обратиться ко мне, должны были бы исполнить меня радостью, я чувствую себя более несчастным, чем когда-либо. Постараюсь объясниться.

Только привычка и длительная близость могли бы помочь мне заслужить расположение вашей дочери; я могу надеяться возбудить со временем ее привязанность, но ничем не могу ей понравиться; если она согласится отдать мне свою руку, я увижу в этом лишь доказательство спокойного безразличия ее сердца. Но, будучи всегда окружена восхищением, поклонением, соблазнами, надолго ли сохранит она это спокойствие? Ей станут говорить, что лишь несчастная судьба помешала ей заключить другой, более равный, более блестящий, более достойный ее союз; — может быть, эти мнения и будут искренни, но уж ей они безусловно покажутся таковыми. Не возникнут ли у нее сожаления? Не будет ли она тогда смотреть на меня как на помеху, как на коварного похитителя? Не почувствует ли она ко мне отвращения? Бог мне свидетель, что я готов умереть за нее; но умереть для того, чтобы оставить ее блестящей вдовой, вольной на другой день выбрать себе нового мужа, — эта мысль для меня — ад.

Перейдем к вопросу о денежных средствах; я придаю этому мало значения. До сих пор мне хватало

моего состояния. Хватит ли его после моей женитьбы? Я не потерплю ни за что на свете, чтобы жена моя испытывала лишения, чтобы она не бывала там, где она призвана блистать, развлекаться. Она вправе этого требовать. Чтобы угодить ей, я согласен принести в жертву свои вкусы, всё, чем я увлекался в жизни, мое вольное, полное случайностей существование. И всё же не станет ли она роптать, если положение ее в свете не будет столь блестящим, как она заслуживает и как я того хотел бы?

Вот в чем отчасти заключаются мои опасения. Трепещу при мысли, что вы найдете их слишком справедливыми. Есть у меня еще одна тревога, которую я не могу решиться доверить бумаге. (...) (фр.)

Пушкин — Н. И. Гончаровой.
5 апреля 1830 Москва.

31

А. С. Пушкин

УЧАСТЬ МОЯ РЕШЕНА. Я ЖЕНЮСЬ...

(с французского)

Участь моя решена. Я женюсь...

Та, которую любил я целые два года, которую везде первую отыскивали глаза мои, с которой встреча казалась мне блаженством — боже мой — она... почти моя.

Ожидание решительного ответа было самым болезненным чувством жизни моей. Ожидание последней заматавшейся карты, угрызение совести, сон перед поединком, — всё это в сравнении с ним ничего не значит.

Дело в том, что я боялся не одного отказа. Один из моих приятелей говаривал: «Не понимаю, каким образом можно свататься, если знаешь наверное, что не будет отказа».

Жениться! Легко сказать — большая часть людей видят в женитьбе шали, взятые в долг, новую карету и розовый шлафрок.

Другие — приданое и степенную жизнь...

Третьи женятся так, потому что все женятся — потому что им 30 лет. Спросите их, что такое брак, в ответ они скажут вам пошлую эпиграмму.

Я женюсь, т. е. я жертвую независимостию, моею беспечною, прихотливой независимостию, моими роскошными привычками, странствиями без цели, уединением, непостоянством.

Я готов удвоить жизнь и без того неполную. Я никогда не хлопотал о счастье, я мог обойтись без него. Теперь мне нужно на двоих, а где мне взять его?

Пока я не женат, что значат мои обязанности? Есть у меня больной дядя, которого почти никогда не вижу. Заеду к нему — он очень рад; нет — так он извиняет мне: «Повеса мой молод, ему не до меня». Я ни с кем не в переписке, долги свои выплачиваю каждый месяц. Утром встаю когда хочу, принимаю кого хочу, вздумая гулять — мне седлают мою умную, смирную Женни, еду переулками, смотрю в окна низеньких домиков: здесь сидит семейство за самоваром, там слуга метет комнаты, далее девочка учится за фортепьяно, подле нее ремесленник музыкант. Она поворачивает ко мне рассеянное лицо, учитель ее бранит, я шагом еду мимо. Приеду домой — разбираю книги, бумаги, привожу в порядок мой туалетный столик, одеваюсь небрежно, если еду в гости, со всевозможной старательностью, если обедаю в ресторации, где читаю или новый роман, или журналы; если ж Вальтер Скотт и Купер ничего не написали, а в газетах нет какого-нибудь уголовного процесса, то требую бутылки шампанского во льду, смотрю, как рюмка стынет от холода, пью медленно, радуясь, что обед стоит мне 17 рублей и что могу позволять себе эту шалость. Еду в театр, отыскиваю в какой-нибудь ложе замечательный убор, черные глаза; между нами начинается сношение — я занят до самого разъезда. Вечер провожу или в шумном обществе, где теснится весь город, где я вижу всех и всё и где никто меня не замечает, или в любезном избранном кругу, где говорю я про себя и где меня слушают. Возвращаюсь поздно; засыпаю, читая хорошую книгу. На другой день опять еду верхом переулками, мимо дома, где девочка играла на фортепьяно. Она твердит на фортепьяно вчерашний урок. Она взглянула на меня, как на знакомого, и засмеялась. — Вот моя холостая жизнь...

Если мне откажут, думал я, поеду в чужие края,— и уже воображал себя на пироскафе. Около меня суетятся, прощаются, носят чемоданы, смотрят на часы. Пироскаф тронулся, морской, свежий воздух веет мне в лицо; я долго смотрю на убегающий берег — *My native land, adieu**. Подле меня молодую женщину начинает тошнить; это придает ее бледному лицу выражение томной нежности... Она просит у меня воды. Слава богу, до Кронштадта есть для меня занятие...

В эту минуту подали мне записку: ответ на мое письмо. Отец невесты моей ласково звал меня к себе... Нет сомнения, предложение мое принято. Наденька, мой ангел — она моя!.. Все печальные сомнения исчезли перед этой райской мыслию. Бросаюсь в карету, скачу; вот их дом; вхожу в переднюю; уже по торопливому приему слуг вижу, что я жених. Я смутился: эти люди знают мое сердце; говорят о моей любви на своем холопском языке!..

Отец и мать сидели в гостиной. Первый встретил меня с отверстыми объятиями. Он вынул из кармана платок, он хотел заплакать, но не мог и решился высморкаться. У матери глаза были красны. Позвали Наденьку; она вошла бледная, неловкая. Отец вышел и вынес образа Николая чудотворца и Казанской богоматери. Нас благословили. Наденька подала мне холодную, безответную руку. Мать заговорила о приданом, отец о саратовской деревне — и я жених.

Итак, уж это не тайна двух сердец. Это сегодня новость домашняя, завтра — площадная.

Так поэма, обдуманная в уединении, в летние ночи при свете луны, продается потом в книжной лавке и критикуется в журналах дураками.

Все радуются моему счастью, все поздравляют, все полюбили меня. Всякий предлагает мне свои услуги: кто свой дом, кто денег займы, кто знакомого бухарца с шалами. Иной беспокоится о многочисленности будущего моего семейства и предлагает мне двенадцать дюжин перчаток с портретом m-lle Зонтаг.

Молодые люди начинают со мной чиниться: уважают во мне уже неприятеля. Дамы в глаза хвалят мне

* Моя родная земля, прощай (англ.).

мой выбор, а заочно жалеют о моей невесте: «Бедная! Она так молода, так невинна, а он такой ветреный, такой безнравственный...»

Признаюсь, это начинает мне надоедать. Мне нравится обычай какого-то древнего народа: жених тайно похищал свою невесту. На другой день представлял уже он ее городским сплетницам как свою супругу. У нас приуготавливают к семейственному счастью печатными объявлениями, подарками, известными всему городу, форменными письмами, визитами, словом сказать, соблазном всякого рода...

1830

32

⟨...⟩ Вообще несчастье жизни семейственной есть отличительная черта во нравах русского народа. Шлюсь на русские песни: обыкновенное их содержание — или жалобы красавицы, выданной замуж насильно, или упреки молодого мужа постылой жене. Свадебные песни наши унылы, как вой похоронный. Спрашивали однажды у старой крестьянки, по страсти ли вышла она замуж? «По страсти, — отвечала старуха, — я было заупрямилась, да староста грозился меня высечь». — Таковые страсти обыкновенны. Неволя браков давнее зло. Недавно правительство обратило внимание на лета вступающих в супружество: это уже шаг к улучшению. Осмелюсь заметить одно: возраст, назначенный законным сроком для вступления в брак, мог бы для женского пола быть уменьшен. Пятнадцатилетняя девка и в нашем климате уже *на выдании*, а крестьянские семейства нуждаются в работницах. ⟨...⟩

А. С. Пушкин. Путешествие из Москвы в Петербург. 1833—1834.

33

Мои горячо любимые родители, обращаюсь к вам в минуту, которая определит мою судьбу на всю остальную жизнь.

Я намерен жениться на молодой девушке, которую люблю уже год, — м-ль Натали Гончаровой. Я получил ее согласие, а также и согласие ее матери. Прошу

вашего благословения, не как пустой формальности, но с внутренним убеждением, что это благословение необходимо для моего благополучия—и да будет вторая половина моего существования более для вас утешительна, чем моя печальная молодость.

Состояние г-жи Гончаровой сильно расстроено и находится отчасти в зависимости от состояния ее свекра. Это является единственным препятствием моему счастью. У меня нет сил даже и помыслить от него отказаться. Мне гораздо легче надеяться на то, что вы придете мне на помощь. Заклинаю вас, напишите мне, что вы можете сделать для... (фр.)

*Пушкин—Н. О. и С. Л. Пушкиным.
6—11 апреля 1830. Из Москвы в Петербург.
(Черновое)*

34

Тысячу, тысячу раз да будет благословен вчерашний день, дорогой Александр, когда мы получили от тебя письмо. Оно преисполнило меня чувством радости и благодарности. Да, друг мой. Это самое подходящее выражение. Давно уже слезы, пролитые при его чтении, не приносили мне такой отрады. Да благословит небо тебя и твою милую подругу жизни, которая составит твоё счастье.—Я хотел бы написать ей, но куда еще не решаюсь, из боязни, что не имею на это права. С большим, чем когда бы то ни было, нетерпением ожидаю я Льва, чтобы поговорить с ним о тебе или, вернее, чтобы он о тебе мне рассказал. Оленька как раз была у нас, когда принесли твоё письмо. Ты легко можешь представить себе, какое впечатление произвело это на нее...

Перейдем, мой добрый друг, к поставленному тобою вопросу о том, что я могу дать тебе. Положение моих дел тебе известно.—Правда, у меня есть тысяча душ крестьян, но две трети моих земель заложены в Опекунском совете.—Я выдаю Оленьке около 4000 руб. в год. От доставшейся мне по разделу от покойного брата земли у меня осталось незаложенных 200 душ крестьян,—пока отдаю их в твоё полное распоряжение. Они могут доставить 4000 руб. годового дохода, а со временем, быть может, дадут и больше.

Милый друг! Я жду твоего ответа с таким же нетерпением, какое мог бы испытывать ты в ожидании подтверждения своего счастья из уст самой м-ль Гончаровой, ибо я счастлив лишь вашим счастьем, горд лишь вашими успехами и спокоен только тогда, когда предполагаю, что вы спокойны. Прощай! Да благословит тебя небо, každодневно молюсь и буду молиться о том, чтобы оно даровало тебе счастье. Нежно обнимаю тебя и прошу, если ты сочтешь это уместным, засвидетельствовать м-ль Гончаровой мою очень, очень нежную дружбу.

Навеки твой отец и друг
Сергей Пушкин.

Твое письмо, дорогой Александр, преисполнило меня радости, да благословит тебя небо, мой добрый друг, да будут услышаны молитвы, которые я воссылаю к нему, моля о твоём счастье, сердце мое переполнено, я не могу выразить всего того, что чувствую. Мне хотелось бы заключить тебя в свои объятия, благословить, сказать тебе вслух, до какой степени жизнь моя связана с твоим благополучием. Будь уверен, что если всё закончится согласно твоим желаниям, м-ль Гончарова станет мне так же дорога, как вы все, мои родные дети. С нетерпением жду Льва, чтобы поговорить с ним о тебе. Мы немедленно приехали бы в Москву, если бы это зависело только от нас. Нежно обнимаю тебя. (фр.)

*С. Л. и Н. О. Пушкины — Пушкину.
16 апреля 1830. Из Петербурга в Москву.*

35

Я сейчас с обеда Сергея Львовича, и твои письма, которые я там прочел, убедили меня, что жена меня не мистифирует и что ты точно жених. Гряди, жених, в мои объятия! А более всего убедила меня в истине женитьбы твоей вторая, экстренная бутылка шампанского, которую отец твой разлил нам при получении твоего последнего письма. Я тут ясно увидел, что дело не на шутку. Я мог не верить письмам твоим, слезам

его, но не мог не поверить его шампанскому.— Поздравляю тебя от всей души. Дай бог тебе счастья и засияй отныне в жизни твоей новая эра. Я слышал, что ты будто писал к государю о женитьбе. Правда ли? Мне кажется, что тебе в твоём положении и в твоих отношениях с царем необходимо просить у него позволения жениться. Жуковский думает, что хорошо бы тебе воспользоваться этим обстоятельством, чтобы просить о разрешении печатать «Бориса», представив, что ты не богат, невеста не богата, а напечатание трагедии обеспечит на несколько времени твоё благосостояние. Может быть, царь и вздумает дать приданое невесте твоей. Я также со вчерашнего дня женился на Канкрине. Твоя невеста красивее. Где ты будешь жить? Я, вероятно, по крайней мере на год останусь в Петербурге. Что вперед будет, бог весть. Надобно бы нам затеять что-нибудь литературное впрок. Тебе с женою, мне без жены, а с Канкриным в Петербурге предстоят новые издержки. Должно их прикрыть. На «Литературную газету» надежды мало. Дельвиг ленив и ничего не пишет, а выезжает только *sur sa bête de somme ou de Somoff**. В мае приеду на несколько времени в Москву: тогда переговорим. Когда твоя свадьба? Скажи, я постараюсь к ней приехать. Прости, обнимаю тебя от всего сердца. Прошу рекомендовать меня невесте, как бывшего поклонника её на балах, а ныне преданного ей дружескою преданностью моею к тебе. Я помню, что, говоря с старшею сестрою, сравнивал я Алябьеву *avec une beauté classique*** , а невесту твою *avec une beauté romantique****. Тебе, первому нашему романтическому поэту, и следовало жениться на первой романтической красавице нынешнего поколения.— Признаюсь, хотел бы хотя в щелочку посмотреть на тебя в качестве жениха.

П. А. Вяземский — Пушкину.
26 апреля 1830. Из Петербурга в Москву.

* на своем вьючном животном или Сомове (фр.). Вяземский обыгрывает созвучие *somme* и *Somoff*.

** с классической красотой (фр.)

*** с романтической красотой (фр.)

36

⟨...⟩ Первая любовь всегда является делом чувствительности: чем она глупее, тем больше оставляет по себе чудесных воспоминаний. Вторая, видите ли, — дело чувственности. Параллель можно было бы провести гораздо дальше. Но у меня на это совершенно нет времени. Моя женитьба на Натали (это, замечу в скобках, моя сто тринадцатая любовь) решена. Отец мой дает мне 200 душ крестьян, которых я заложу в ломбард, а вас, дорогая княгиня, прошу быть моей * посаженной матерью *. ⟨...⟩ (фр.)

*Пушкин — В. Ф. Вяземской.
Конец (не позднее 28) апреля 1830.
Из Москвы в Остафьево.*

37

Благодарю тебя, мой милый, за твои поздравления и мадригалы — я в точности передам их моей невесте. Правда ли, что ты собираешься в Москву? Боюсь графини Фикельмон. Она удержит тебя в Петербурге. Говорят, что у Канкрина ты при особых поручениях и настоящая твоя служба при ней. Приезжай, мой милый, да влюбись в мою жену, а мы поговорим об газете иль альманахе. Дельвиг в самом деле ленив, однако ж его «Газета» хороша, ты много оживил ее. Поддерживай ее, покамест нет у нас другой. Стыдно будет уступить поле Булгарину. Дело в том, что чисто литературной газеты у нас быть не может, должно принять в союзницы или Моду, или Политику. Соперничествовать с Раичем и Шаликовым как-то совестно. Но неужто Булгарину отдали монополию политических новостей? Неужто, кроме «Северной пчелы», ни один журнал не смеет у нас объявить, что в Мексике было землетрясение и что Камера депутатов закрыта до сентября? Неужто нельзя выхлопотать этого дозволения? Справься-ка с молодыми министрами, да и с Бенкендорфом. Тут дело идет не о политических мнениях, но о сухом изложении происшествий. Да

* Слова, заключенные между звездочками, в письме по-русски.

и неприлично правительству заключать союз — с кем? с Булгариным и Гречем. Пожалуйста, поговори об этом, но втайне: если Булгарин будет это подозревать, то он, по своему обыкновению, пустится в доносы и клевету — и с ним не справишься. <...>

*Пушкин — П. А. Вяземскому. 2 мая 1830.
Из Москвы в Петербург.*

38

Генерал,

С крайним смущением обращаюсь я к власти по совершенно личному обстоятельству, но мое положение и внимание, которое вы до сего времени изволили мне оказывать, меня к тому обязывают.

Я женюсь на м-ль Гончаровой, которую вы, вероятно, видели в Москве. Я получил ее согласие и согласие ее матери; два возражения были мне высказаны при этом: мое имущественное состояние и мое положение относительно правительства. Что касается состояния, то я мог ответить, что оно достаточно, благодаря его величеству, который дал мне возможность достойно жить своим трудом. Относительно же моего положения я не мог скрыть, что оно ложно и сомнительно. Я исключен из службы в 1824 году, и это клеймо на мне осталось. Окончив Лицей в 1817 году с чином 10-го класса, я так и не получил двух чинов, следуемых мне по праву, так как начальники мои обходили меня при представлениях, я же не считал нужным напоминать о себе. Ныне, несмотря на всё мое доброе желание, мне было бы тягостно вернуться на службу. Мне не может подойти подчиненная должность, какую только я могу занять по своему чину. Такая служба отвлекла бы меня от литературных занятий, которые дают мне средства к жизни, и доставила бы мне лишь бесцельные и бесполезные неприятности. Итак, мне нечего об этом и думать. Г-жа Гончарова боится отдать дочь за человека, который имел бы несчастье быть на дурном счету у государя... Счастье мое зависит от одного благосклонного слова того, к кому я и так уже питаю искреннюю и безграничную преданность и благодарность.

Прошу еще об одной милости: в 1826 году я привез в Москву написанную в ссылке трагедию о Годунове. Я послал ее в том виде, как она была, на ваше рассмотрение только для того, чтобы оправдать себя. Государь, соблаговолив прочесть ее, сделал мне несколько замечаний о местах слишком вольных, и я должен признать, что его величество был как нельзя более прав. Его внимание привлекли также два или три места, потому что они, казалось, являлись намеками на события, в то время еще недавние; перечитывая теперь эти места, я сомневаюсь, чтобы их можно было бы истолковать в таком смысле. Все смуты похожи одна на другую. Драматический писатель не может нести ответственности за слова, которые он влагает в уста исторических личностей. Он должен заставить их говорить в соответствии с установленным их характером. Поэтому надлежит обращать внимание лишь на *дух*, в каком задумано всё сочинение, на то впечатление, которое оно должно произвести. Моя трагедия — произведение вполне искреннее, и я по совести не могу вычеркнуть того, что мне представляется существенным. Я умоляю его величество простить мне смелость моих возражений; я понимаю, что такое сопротивление поэта может показаться смешным; но до сих пор я упорно отказывался от всех предложений издателей; я почитал за счастье приносить эту молчаливую жертву высочайшей воле. Но нынешними обстоятельствами я вынужден умолять его величество развязать мне руки и позволить мне напечатать трагедию в том виде, как я считаю нужным.

Еще раз повторяю, мне очень совестно так долго занимать вас собой. Но ваша снисходительность избаловала меня, и хотя я ничем не мог заслужить благодеяний государя, я всё же надеюсь на него и не перестаю в него верить.

С величайшим уважением остаюсь вашего превосходительства нижайший и покорнейший слуга

Александр Пушкин.

16 апреля 1830. Москва.

Покорнейше прошу ваше превосходительство сохранить мое обращение к вам в тайне. (фр.)

Пушкин — А. Х. Бенкендорфу.

16 апреля 1830,

из Москвы в Петербург.

Милостивый государь.

Я имел счастье представить государю письмо от 16-го сего месяца, которое Вам угодно было написать мне. Его императорское величество с благосклонным удовлетворением принял известие о предстоящей вашей женитьбе и при этом изволил выразить надежду, что вы хорошо испытали себя перед тем как предпринять этот шаг и в своем сердце и характере нашли качества, необходимые для того, чтобы составить счастье женщины, особенно женщины столь достойной и привлекательной, как м-ль Гончарова.

Что же касается вашего личного положения, в которое вы поставлены правительством, я могу лишь повторить то, что говорил вам много раз; я нахожу, что оно всецело соответствует вашим интересам; в нем не может быть ничего ложного и сомнительного, если только вы сами не сделаете его таким. Его императорское величество в отеческом о вас, милостивый государь, попечении, соизволил поручить мне, генералу Бенкендорфу, — не шефу жандармов, а лицу, коего он удостоивает своим доверием, — наблюдать за вами и наставлять Вас своими советами: никогда никакой полиции не давалось распоряжения иметь за вами надзор. Советы, которые я, как друг, изредка давал Вам, могли пойти Вам лишь на пользу, и я надеюсь, что с течением времени Вы в этом будете всё более и более убеждаться. Какая же тень падает на Вас в этом отношении? Я уполномочиваю Вас, милостивый государь, показать это письмо всем, кому вы найдете нужным.

Что же касается трагедии вашей о Годунове, то его императорское величество разрешает вам напечатать ее за вашей личной ответственностью.

В заключение примите мои искреннейшие пожелания в смысле будущего вашего счастья, и верьте моим лучшим к вам чувствам

Преданный Вам А. Бенкендорф. (фр.)

А. Х. Бенкендорф — Пушкину. 28 апреля 1830.
Из Петербурга в Москву.

40

Поздравляю тебя, душа моя. Теперь смотрю на тебя с спокойствием, потому что ты ступил на дорогу, по которой никто не смеет вести тебя, кроме рассудка твоего и совести: а на них-то я всегда и надеялся в тебе более всего. За одно не могу на тебя не сердиться: ты во вред себе слишком был скрытным. Если давно у тебя это дело было обдуманно, ты давно должен был и сказать мне о нем, не потому, чтобы я лаком был до чужих секретов, но потому, чтобы я заранее принял меры улучшить денежные дела твои. Ты этого не хотел: так пеняй на себя, если я по причине поспешности не мог для тебя сделать чего-нибудь слишком выгодного. Вот что я могу обещать тебе: в продолжение четырех лет (начиная с 1 мая 1830 года) каждый месяц ты будешь получать от меня постоянного дохода по шести сот рублей, хотя бы в эти четыре года ты ни стишка не напечатал нового: будешь кормиться все старыми крохами. Я знаю, что такая сумма слишком мала по сравнению с товаром, который лежит на руках моих; но повторяю: в поспешности не мог я ничего сделать более, а пуще всего решила меня на то боязнь контрфакции и разные плутни торгашей, которых хоть я и не видал до сих пор, но не мог не бояться, судя по тому, что книжечки-то наши такие крошки, каких не трудно наделать всякому хозяину типографии в день до нескольких сотен. Теперь, по крайней мере, ничего у нас на руках не будет: если мы и обогатим своим товаром Смирдина, литературе же лучше: он будет предприимчивее, а мы-то, собственно, не в накладе: потерпят для него одни библиоманы. Этот сбыт всех напечатанных уже экземпляров 7-ми глав «Онегина», 2-х томов «Стихотворений», «Полтавы», «Цыганов» и «Фонтана» не мешает тебе увеличивать ежегодно свой доход печатанием или новых глав «Онегина», или новых томов «Стихотворений», или чего-нибудь другого по усмотрению твоему: не касайся только четыре года до того, что до сих пор напечатано (за исключением «Руслана» и «Пленника», о коих сам ты сделал условия). Поскорей ответь: согласен ли ты на это мое распоряжение? Где тебе жить? Разумеется, чем ближе к друзьям, тем лучше им: они совет-

ники пристрастные. Издавать ли что нового? Сам теперь суди, смотря по моему отчету.

Прошу тебя, и сделай это непременно: поцелуй за меня ручку у твоей невесты-прелести.

Прочие твои поручения приведены будут в исполнение.

*П. А. Плетнев — Пушкину. 29 апреля 1830.
Из Петербурга в Москву.*

41

Милостивый государь, Афанасий Николаевич!

С чувством сердечного благоговения обращаюсь к Вам, как главе семейства, которому отныне принадлежу. Благословив Наталию Николаевну, благословили Вы и меня. Вам обязан я больше нежели чем жизнью. Счастье Вашей внуки будет священная, единственная моя цель и всё, чем могу воздать Вам за Ваше благодеяние. <...>

*Пушкин — А. Н. Гончарову.
3 мая 1830. Из Москвы
в Полотняный завод*

42

Дорогие родители, я получил еще два ваших письма. Могу вам сказать лишь то, что вы уже знаете: что всё улажено, что я счастливейший из людей и что я всей душой люблю вас.

Его величество всемилостивейше выразил мне свое благосклонное удовлетворение заключаемым мною браком. Он дозволил мне напечатать мою трагедию в том виде, как я сочту нужным. Скажите это моему брату с тем, чтобы он передал о том Плетневу, который, кстати сказать, забыл меня, так же как и Дельвиг.

Я передал ваше письмо г-же Гончаровой; полагаю, что она будет отвечать вам сегодня. Дядя мой Матвей Михайлович был у нее с визитом третьего дня; он и тетушка приняли самое близкое участие в моем счастье (я совсем ошеломлен тем, что могу употреб-

лять такое выражение). Я уже несколько дней не видел дядюшку Василия Львовича. Знаю, что он чувствует себя лучше.

Спасибо, милая Ольга, за дружбу и поздравления. Я прочел твое письмо Натали — она много смеялась, читая его, и обнимает тебя.

Я тоже обнимаю вас, дорогие родители. На днях, быть может, съезжу в Калугу к деду Натали. Мне бы очень хотелось сыграть свадьбу до наступления поста. Еще раз, прощайте. (фр.)

*Пушкин — Н. О. и С. Л. Пушкиным
и О. С. Павлицевой.
3 мая 1830. Из Москвы в Петербург.*

43

Милостивый государь Афанасий Николаевич!

Почитая сына моего совершенно счастливым, входя в почтеннейшее семейство Ваше, и принимая по любви моей живейшее в сем участие, за обязанность поставляю поручить себя в благосклонное внимание Ваше как первого виновника его благополучия. Счастливым почту и себя, когда буду иметь случай лично принести Вам за него мою признательность и уверить в искреннем почитании и преданности, с каковыми честь имею пребыть,

Милостивый государь,

Ваш покорнейший слуга

Сергей Пушкин.

С. — Петербург,

Июля 20-го дня 1830-го года.

Позвольте и мне, Милостивый государь, вместе с мужем моим поручить себя в благосклонность Вашу, и изъявить Вам благодарность мою за моего сына, почитая его совершенно счастливым.

При засвидетельствовании Вам искреннего почитания

честь имею пребыть,

Милостивый государь,

покорнейше Ваша

Надежда Пушкина.

44

Милый Пушкин, поздравляю тебя, наконец ты образумился и вступаешь в порядочные люди. Желаю тебе быть столько же счастливым, сколько я теперь. Я отец дочери Елизаветы. Чувство, которое, надеюсь, и ты будешь иметь, чувство быть отцом истинно поэтическое, не постигаемое холостым вдохновением. Но все это в сторону. Доволен ли ты продолжением «Газеты»? Булгарин поглупел до того от «Видока», что уехал ранее обыкновенного в деревню. Но подл по-прежнему. Он напечатал твою эпиграмму на Видока Фиглярина с своим именем не по глупости, как читатели думают, а дабы тебя замарать. Он представил ее правительству как пасквиль и просил в удовлетворение свое позволения ее напечатать. Ему позволили, как мне объявил цензор, похваляя его благородный поступок, разумеется, не зная, что эпиграмма писана не с его именем и что он поставил оное только из боязни, чтобы читатели сами не нашли ее эпиграммою на него. Не желая, чтобы тебя считали пасквилянтом, человеком, делающим противузаконное, я подал в высшую цензуру просьбу, чтобы позволили это стихотворение напечатать без ошибок, (а) тебя прошу оправдаться пред его величеством. Государю, тебя ласкающему, приятно будет найти тебя правым. Вот как искательные подлецы часто могут марать добрых людей, беспечных по незнанию их мерзостей и уверенных в чистоте своих намерений и действий. Будь здоров. Целую ручку у милой твоей невесты. Жена и дочь тебе кланяются.

Прощай.

*А. А. Дельвиг — Пушкину, 8 мая 1830.
Из Петербурга в Москву.*

45

Милый! победа! Царь позволяет мне напечатать «Годунова» в первобытной красоте: вот что пишет мне Бенкендорф: «Pour ce qui regarde votre tragédie de

Godounof, Sa Majesté vous permet de la faire imprimer sous votre propre responsabilité».*

Слушай же, кормилец: я пришла тебе трагедию мою с моими поправками — а ты, благодетель, явись к фон-Фоку и возьми от него письменное дозволение (нужно ли оно?).

Думаю написать предисловие. Руки чешутся, хочется раздавить Булгарина. Но прилично ли мне, Александру Пушкину, являясь перед Россией с «Борисом Годуновым», заговорить об Фаддее Булгарине? кажется, неприлично. Как ты думаешь? реши.

Скажи: имел ли влияние на расход «Онегина» отзыв «Северной пчелы»? Это для меня любопытно. Знаешь ли что? у меня есть презабавные материалы для романа «Фаддей Выжигин». Теперь некогда, а со временем можно будет написать это. Какое действие произвела вообще и в частности статья о Видоке? пожалуйста, отпиши.

Ах, душа моя, какую женку я себе завел!

Сейчас получил письмо твое — благодарю, душа моя. Заключение условия, какие хочешь — только нельзя ли вместо четырех лет — три года — выторгуй хоть 6 месяцев. Не продать ли нам Смирдину и трагедию? Поручение твое к моей невесте исполнено. Она заочно рекомендует тебе и жене твоей. Что касается до будущего местопребывания моего, то сам не знаю — кажется, от Петербурга не отделаюсь. Царь со мною очень мил.

*Пушкин — П. А. Плетневу.
Около (не позднее) 5 мая 1830.
Из Москвы в Петербург.*

Присоединяю к моему посланию письмо нашего пресловутого Пушкина. Эти строки великолепно его характеризуют во всем его легкомыслии, во всей

* «Что же касается трагедии вашей о Годунове, то его величество разрешает вам напечатать ее за вашей личной ответственностью» (фр.).

беззаботной ветрености. К несчастью, это человек, не думающий ни о чем, но готовый на все. Лишь минутное настроение руководит им в его действиях. (фр.)

М. Я. фон-Фок—А. Х. Бенкендорфу. 18 мая 1830.

47

Генерал,

Лишь представительству вашего превосходительства обязан я новой милостью, дарованной мне государем; благоволите принять выражение моей глубокой признательности. В глубине души я всегда в должной мере ценил благожелательность, смею сказать, чисто отеческую, которую проявлял ко мне его величество; я никогда не истолковывал в дурную сторону внимания, которое вам угодно было всегда мне оказывать; моя просьба была высказана с единственной целью успокоить мать, находившуюся в тревоге и еще более взволнованную клеветой. (...) (фр.)

*Пушкин—А. Х. Бенкендорфу. 7 мая 1830.
Из Москвы в Петербург.*

48

ОРДЕР

Тверской части г. частному приставу.

Для доклада обер-полицмейстеру канцелярии сей нужно иметь достоверное сведение: не выезжал ли из Москвы в С-Петербург чиновник 10-го класса Александр Пушкин со времени прибытия его в Москву, т. е. с 13 марта по настоящее число.

*Ордер обер-полицмейстера на имя пристава
Тверской части, 19 мая 1830.*

М. П. Погодин

ИЗ ДНЕВНИКА.

1830. Май. 1. (...) Пушкин объявил, что женится. Дай бог совет да любовь. Очень доволен обозрением журналов. О литературе. Пристал, что я пишу, и назвал Марфу. Нет, в ней общие места. (...)

9. (...) «Бориса» царь позволил напечатать без перемен, а моя «Марфа» не готова. (...)

10. С лекции к Пушкину, долгий и очень интересный разговор об русской истории. «Как рву я на себе волосы часто,—говорит он,—что у меня нет классического образования, есть мысли, но на чем их поставить». Дал мне стихи. (...)

13. Прочел первое действие «Марфы» Пушкину, сказав: «Моя цель на другом поприще, следовательно, неудача на этом не приведет меня в уныние. Будьте откровенны».— В восторге. «Я не ждал. Боюсь хвалить вас. Ну, если вы разовьете характеры так же, дойдет до такой высоты, на какой стоят народные сцены. Чудо. Уд(ачная?) догадка. Это и хорошо, что вам кажется общим местом». Приятно. (...)

14. Прочел еще два действия. Пушкин заплакал в третьем действии: «Я не плакал с тех пор, как сам сочиняю, мои сцены народные ничто перед вашими. Как бы напечатать ее»,— и целовал и жал мне руку. Да не слишком ли он воображает сам здесь, как алхимик. И между тем такая похвала чуть-чуть доставляет мне удовольствие. (...)

28. Прочел Пушкину четвертое действие и доволен по-прежнему. Презанимательный разговор о российской истории, о Наполеоне, о Александре (мир в Москве). (...)

ИЗ МЕМУАРОВ СОВРЕМЕННОГО

В начале 1830 годов, летом Нащокин и А. С. Пушкин с невестой и с ее семьей приехали в Нескучный сад погулять и посмотреть только что отстроившийся воздушный театр, где происходила репетиция.

Артисты, увидев Пушкина, прекратили репетицию (...) и пока он осматривал сцену и места для зрителей, они толпою ходили за ним, не сводя глаз ни с него ни с невесты! Нащокин, поздоровавшись с знакомыми артистами, вдруг взяв Ленского под руку и подведя к Пушкину сказал: «А вот тебе на всякий случай и Дмитрий Тимофеевич Ленский». Пушкин, ласково пожав руку Д. Т., приветствовал сконфузившегося артиста так: «Я очень желал познакомиться с вами, Дмитрий Тимофеевич! я с удовольствием смотрел вашу пьесу: «Хороша и дурна», в ней нет и тени французского оригинала: от господ до слуг, по характерам, по разговорам — все чисто русское! Прекрасно, прекрасно! Вот я и хотел вам посоветовать, просить вас не переводить, не переделывать, а сочинять... у вас все данные есть на это — и талант, и знание сцены... послушайте, начните...» Ленский возразил, что он не может сам придумать сюжетов. — «Не могу ли я в этом помочь вам? Возьмите любую из моих повестей. «Барышня-крестьянка», «Станционный смотритель», особенно «Выстрел», мне кажется, годятся для сцены?»

Ленский пробовал, но не мог ничего сделать. Между тем, предложение поэта разлетелось по театральному миру обеих столиц.

Н. А. Коровкин удачно переделал «Барышню-крестьянку» в двухактную комедию, где Сосницкий создал превосходный тип русского барина-англомана, а две сестры Самойловы: Марья Васильевна (рано оставившая сцену), а за ней Надежда Васильевна — прелестно исполнили роль причудливой барышни. Пищуций это воспользовался «Станционным смотрителем», и пьеса эта до сих пор, почти 30 лет не сходит с репертуара и казенных, и частных сцен. «Странная ночь», комедия в стихах, сочиненная А. М. Жемчужниковым, имевшая в свое время большой успех, прямо указывает на сюжет повести «Выстрел». Напомню, кстати, о трагедии «Керим-Гирей» из поэмы «Бахчисарайский фонтан», о трилогии «Финн», из эпизода поэмы «Руслан и Людмила», о драме «Пиковая дама» из повести того же имени, переделанных для сцены по собственной инициативе кн. Шаховским, и о балете Дидло «Кавказский пленник».

Одна светская дама читала нам превосходно сочиненную драму из «Капитанской дочки», но как там выведен был Пугачев, то цензура и не дозволила представления драмы.

51

Прежде всего позвольте, сударыня, поблагодарить вас за «Эрнани». Это одно из современных произведений, которое я прочел с наибольшим удовольствием. Гюго и Сент-Бёв — бесспорно единственные французские поэты нашего времени, в особенности Сент-Бёв,— и, к слову сказать, если в Петербурге возможно достать его «Утешения», сделайте доброе дело и, ради бога, пришлите их мне.

Что касается моей женитьбы, то ваши соображения по этому поводу были бы совершенно справедливыми, если бы вы менее поэтически судили обо мне самом. Дело в том, что я человек средней руки и ничего не имею против того, чтобы прибавлять жиру и быть счастливым,— первое легче второго. (Извините, сударыня: я заметил, что начал писать на разорванном листе, у меня нет мужества начать сызнова).

С вашей стороны очень любезно, сударыня, принимать участие в моем положении по отношению к хозяину. Но какое же место, по-вашему, я могу занять при нем? Не вижу ни одного подходящего. Я питаю отвращение к делам и к *бумагам*, как выражается граф Ланжерон. Быть камер-юнкером мне уже не по возрасту, да и что стал бы я делать при дворе? Мне не позволяют этого ни мои средства, ни занятия. Родным моей жены очень мало дела и до нее и до меня. Я от всего сердца плачу им тем же. Такие отношения очень приятны, и я никогда не изменю их. (фр.)

Пушкин — Е. М. Хитрово.
19—24 мая 1830. Из Москвы в Петербург.

52

Генерал,

Покорнейше прошу ваше превосходительство еще раз простить мне мою докучливость.

Прадед моей невесты некогда получил разрешение поставить в своем имени *Полотняный завод* памят-

ник императрице Екатерине II. Колоссальная статуя, отлитая по его заказу из бронзы в Берлине, совершенно не удалась и так и не могла быть воздвигнута. Уже более 35 лет погребена она в подвалах усадьбы. Торговцы медью предлагали за нее 40 000 рублей, но нынешний ее владелец, г-н Гончаров, ни за что на это не соглашался. Несмотря на уродливость этой статуи, он ею дорожил, как памятью о благодеяниях великой государыни. Он боялся, уничтожив ее, лишиться также и права на сооружение памятника. Неожиданно решенный брак его внучки застал его врасплох без всяких средств, и, кроме государя, разве только его покойная августейшая бабка могла бы вывести нас из затруднения. Г-н Гончаров, хоть и неохотно, соглашается на продажу статуи, но опасается потерять право, которым дорожит. Поэтому я покорнейше прошу ваше превосходительство не отказать исходатайствовать для меня, во-первых, разрешение на переплавку названной статуи, а во-вторых — милостивое согласие на сохранение за г-ном Гончаровым права воздвигнуть, — когда он будет в состоянии это сделать, — памятник благодетельнице его семейства. (...) (фр.)

*Пушкин — А. Х. Бенкендорфу. 29 мая 1830.
Из Москвы в Петербург.*

53

Милостивый государь Афанасий Николаевич,

Каждый день ожидал я обещанных денег и нужных бумаг из Петербурга и до сих пор их не получил. Вот причина моего невольного молчания. Думаю, что буду принужден в конце сего месяца на несколько дней отправиться в Петербург, чтоб привести дела свои в порядок.

Что касается до памятника, то я тотчас по своем приезде в Москву писал о нем Бенкендорфу. Не знаю, уехал ли он с государем и где теперь он находится. Ответ его, вероятно, не замедлит.

Позвольте мне, милостивый государь Афанасий Николаевич, еще раз сердечно Вас благодарить за отеческие милости, оказанные Вами Наталии Николаевне и мне. Смею надеяться, что со временем заслужу

Ваше благорасположение. По крайней мере жизнь моя будет отныне посвящена счастью той, которая удостоила меня своего выбора и которая так близка Вашему сердцу. <...>

*Пушкин — А. Н. Гончарову. 7 июня 1830.
Из Москвы в Полотняный завод.*

54

Милостивый государь Александр Сергеевич!

Государь император, всемилостивейше снисходя на просьбу Вашу, о которой я имел счастье докладывать его императорскому величеству, высочайше изъявил соизволение свое на расплавление имеющейся у г-на Гончарова колоссальной неудачно изваянной в Берлине бронзовой статуи блаженной памяти императрицы Екатерины II, с предоставлением ему, г. Гончарову, права воздвигнуть, когда обстоятельства дозволят ему исполнить сие, другой приличный памятник сей августейшей благодетельнице его фамилии.

*А. Х. Бенкендорф — Пушкину.
26 июня 1830. Петербург.*

55

Генерал,

Два или три года тому назад господин Гончаров, дед моей жены, сильно нуждаясь в деньгах, собирался расплавить колоссальную статую Екатерины II, и именно к вашему превосходительству я обращался по этому поводу за разрешением. Предполагая, что речь идет просто об уродливой бронзовой глыбе, я ни о чем другом и не просил. Но статуя оказалась прекрасным произведением искусства и я посовестился и пожалел уничтожить ее ради нескольких тысяч рублей. Ваше превосходительство с обычной своей добротой подали мне надежду, что ее могло бы купить у меня правительство; поэтому я велел привезти ее сюда. Средства частных лиц не позволяют ни купить, ни хранить

ее у себя, однако эта прекрасная статуя могла бы занять подобающее ей место либо в одном из учреждений, основанных императрицей, либо в Царском Селе, где ее статуи недостает среди памятников, воздвигнутых ею в честь великих людей, которые ей служили. Я хотел бы получить за нее 25 000 рублей, что составляет четвертую часть того, что она стоила (этот памятник был отлит в Пруссии берлинским скульптором).

В настоящее время статуя находится у меня (Фурштатская улица, дом Альмова) (фр.).

*Пушкин — А. Х. Бенкендорфу.
8 июня 1832. Петербург.*

56

Князь, я намеревалась продать в казну бронзовую статую, которая, как мне сказали, стоила моему деду 100 000 рублей и за которую я хотела бы получить 25 000. Посланные для ее осмотра академики говорили, что она стоит этих денег. Но, не получая больше известий об этом, я осмеливаюсь, князь, прибегнуть к вашей любезности. Намереваются ли еще купить эту статую, или же сумма, которую просил мой муж, окажется чрезмерной? В последнем случае нельзя ли было бы выдать нам хотя бы *материальную* стоимость статуи, т. е. стоимость бронзы, а остальное уплатить когда и как вам будет угодно (фр.).

*Н. Н. Пушкина — министру двора П. М. Волконскому.
18 февраля 1833*.*

57

Я с охотой взялся бы выкупить Ваши долги, но срок оным векселям, по словам Вашим, два года, а следующие Вам 24 800 рублей обязан я выплатить в течение 4 лет. Я никак не в состоянии, по причине

* Резолюция на этом письме: «Ответить г-же Пушкиной, что я крайне сожалею о невозможности исполнить ее просьбу по весьма затруднительному положению, в котором находится ныне кабинет, отчего не может делать никаких приобретений сего рода».

дурных оборотов, заплатить вдруг 25 тысяч. Всё, что могу за Ваш 25-тысячный вексель выдать, 20 с вычетом 10 процентов за год — т. е. 18 тысяч рублей, в таком случае извольте отписать ко мне и я не премину чрез Вас или чрез кого Вам будет угодно доставить Вам...

*Пушкин — В. С. Огонь-Догановскому.
Май — июнь 1830. Москва. (Черновое)*

58

Итак, я в Москве, — такой печальной и скучной, когда вас там нет. У меня не хватило духу проехать по Никитской, еще менее — пойти узнать новости у Аграфены. Вы не можете себе представить, какую тоску вызывает во мне ваше отсутствие. Я раскаиваюсь в том, что покинул Завод — все мои страхи возобновляются, еще более сильные и мрачные. Мне хотелось бы надеяться, что это письмо уже не застанет вас в Заводе. — Я отсчитываю минуты, которые отделяют меня от вас. (фр.)

*Пушкин — Н. Н. Гончаровой. Начало июня 1830.
Из Москвы в Полотняный завод. (Черновое).*

59

МАДОННА

сонет

Не множеством картин старинных мастеров
Украсить я всегда желал свою обитель,
Чтоб суеверно им дивился посетитель,
Внимая важному суждению знатоков.

В простом углу моем, средь медленных трудов,
Одной картины я желал быть вечно зритель,
Одной: чтоб на меня с холста, как с облаков,
Пречистая и наш божественный спаситель —

Она с величием, он с разумом в очах —
Взирали, кроткие, во славе и в лучах,
Одни, без ангелов, под пальмою Сиона.

Исполнились мои желания. Творец
Тебя мне ниспослал, тебя, моя Мадонна,
Чистейшей прелести чистейший образец.

1830

А. С. Пушкин

60

Секретно

РАПОРТ

Тверской частный пристав донес мне, что квартировавший вверенной ему части в гостинице Англия чиновник 10-го класса Александр Сергеев Пушкин (...) сего июля 16-го числа выехал в С-Петербург. Во время же проживания его здесь ничего предосудительного замечено не было.

*Полицейстер 1-й части —
обер-полицейстеру Москвы, 18 июля 1830*.*

61

ОТНОШЕНИЕ

Находившийся здесь (...) Александр Пушкин 16-го числа сего месяца выехал в С-Петербург, за коим во время пребывания его в здешней столице ничего предосудительного замечено не было. О чем ваше высококорodie имею честь уведомить для зависящих с вашей стороны распоряжений.

*Московский обер-полицейстер — петербургскому,
19 июля 1830.*

* На обороте подлинника запись: «Ныне от Тверской части сим ответствуется, что г. Пушкин с 13-го марта месяца сего года из Москвы никуда не выезжал...»

62

Честь имею представить вам моего брата (который находит вас такой хорошенькой в своих собственных интересах и которого, несмотря на это, я умоляю вас принять благосклонно). Мое путешествие было скучно до смерти. Никита Андреевич купил мне бричку, сломавшуюся на первой же станции,—я кое-как починил ее при помощи булавок,—на следующей станции пришлось повторить то же самое—и так далее. Наконец, за несколько верст до Новгорода я нагнал вашего Всеволожского, у которого сломалось колесо. Мы закончили путь вместе, подробно обсуждая картины князя Голицына. Петербург уже кажется мне страшно скучным, и я хочу сократить насколько возможно мое пребывание в нем.—Завтра начну делать визиты вашим родным. Наталья Кирилловна на даче, Катерина Ивановна в Парголово (чухонской деревушке, где живет графиня Полье).—Из очень хороших женщин я видел лишь м-м и м-ль Малиновских, с которыми, к удивлению своему, неожиданно вчера обедал.

Тороплюсь—целую ручки Наталье Ивановне, которую я не осмеливаюсь еще называть маменькой, и вам также, мой ангел, раз вы не позволяете мне обнять вас. Поклоны вашим сестрицам. (фр.)

*Пушкин — Н. Н. Гончаровой. 20 июля 1830.
Из Петербурга в Москву.*

63

Передал ли вам брат мое письмо, и почему вы не присылаете мне расписку в получении, как обещали? Я жду ее с нетерпением, и минута, когда я ее получу, вознаградит меня за скуку моего пребывания здесь. Надо вам рассказать о моем визите к Наталье Кирилловне. Приезжаю, обо мне докладывают, она принимает меня за своим туалетом, как очень хорошенькая женщина прошлого столетия.—Это вы женитесь на моей внучатой племяннице?—Да, сударыня.—Вот как. Меня это очень удивляет, меня не известили, Наташа ничего мне об этом не писала. (Она

имела в виду не вас, а маменьку). На это я сказал ей, что брак наш решен был совсем недавно, что расстроенные дела Афанасия Николаевича и Натальи Ивановны и т. д. и т. д. Она не приняла моих доводов; Наташа знает, как я ее люблю, Наташа всегда писала мне во всех обстоятельствах своей жизни, Наташа напишет мне, — а теперь, когда мы породнились, надеюсь, сударь, что вы часто будете навещать меня.

Затем она долго расспрашивала о маменьке, о Николае Афанасьевиче, о вас; повторила мне комплименты государя на ваш счет — и мы расстались очень добрыми друзьями. — Не правда ли, Наталья Ивановна ей напишет?

Я еще не видел Ивана Николаевича. Он был на маневрах и только вчера вернулся в Стрельну. Я поеду с ним в Парголово, так как ехать туда одному у меня нет ни желания, ни мужества.

На этих днях отец по моей просьбе написал Афанасию Николаевичу, но, может быть, он и сам приедет в Петербург. Что подельывает заводская Бабушка — бронзовая, разумеется? Не заставит ли вас хоть этот вопрос написать мне? Что вы подельываете? Кого видите? Где гуляете? Поедете ли в Ростов? Напишите ли мне? Впрочем, не пугайтесь всех этих вопросов, вы отлично можете не отвечать на них, — потому что вы всегда смотрите на меня как на сочинителя. — На этих днях я ездил к своей египтянке. Она очень заинтересовалась вами. Заставила меня нарисовать ваш профиль, выразила желание с вами познакомиться, — я беру на себя смелость поручить ее вашему вниманию. * Прошу любить и жаловать. * За сим кланяюсь вам. Мое почтение и поклоны маменьке и вашим сестрицам. До свидания. (фр.)

*Пушкин — Н. Н. Гончаровой.
Около (не позднее) 29 июля 1830.
Из Петербурга в Москву.*

64

Как я должен благодарить вас, сударыня, за любезность, с которой вы уведомляете меня хоть немного о том, что происходит в Европе! Здесь никто не получает французских газет, а что касается политиче-

* слова между звездочками — по-русски.

ских суждений обо всем происшедшем, то Английский клуб решил, что князь Дмитрий Голицын был неправ, издав ордонанс о запрещении игры в экарте. И среди этих-то орангутангов я осужден жить в самое интересное время нашего века! В довершение всех бед и неприятностей только что скончался мой бедный дядюшка Василий Львович. Надо признаться, никогда еще ни один дядя не умирал так некстати. Итак, женитьба моя откладывается еще на полтора месяца, и бог знает, когда я смогу вернуться в Петербург. (...)
(фр.)

*Пушкин — Е. М. Хитрово. 21 августа 1830.
Из Москвы в Петербург.*

65

Милостивый государь Афанасий Николаевич,

Сердечно жалею, что старания мои были тщетны и что имею так мало влияния на наших министров: я бы за счастье почел сделать что-нибудь Вам удобное.

Смерть дяди моего, Василья Львовича Пушкина, и хлопоты по сему печальному случаю расстроили опять мои обстоятельства. Не успел я выйти из долга, как опять принужден был задолжать. На днях отправляюсь я в нижегородскую деревню, дабы вступить во владение оной. Надежда моя на Вас одних. От Вас одних зависит решение судьбы моей. (...)

*Пушкин — А. Н. Гончарову. 24 августа 1830,
Из Москвы в Полотняный завод.*

66

Я уезжаю в *Нижний*, не зная, что меня ждет в будущем. Если ваша матушка решила расторгнуть нашу помолвку, а вы решили повиноваться ей,— я подпишусь под всеми предложениями, какие ей угодно будет выставить, даже если они будут так же основательны, как сцена, устроенная ею мне вчера, и как оскорбления, которыми ей угодно меня осыпать.

Быть может, она права, а неправ был я, на мгновение поверив, что счастье создано для меня. Во всяком случае вы совершенно свободны; что же касается меня, то заверяю вас честным словом, что буду принадлежать только вам, или никогда не женою. (фр.)

*Пушкин — Н. Н. Гончаровой.
Последние числа августа 1830. Москва.*

67

(...) Милый мой, расскажу тебе все, что у меня на душе: грустно, тоска, тоска. Жизнь жениха тридцатилетнего хуже 30-ти лет жизни игрока. Дела будущей тещи моей расстроены. Свадьба моя отлагается день от дня далее. Между тем я хладею, думаю о заботах женатого человека, о прелести холостой жизни. К тому же московские сплетни доходят до ушей невесты и ее матери — отселе размолвки, колкие обвинения, ненадежные примирения — словом, если я и не несчастлив, по крайней мере не счастлив. Осень подходит. Это любимое мое время — здоровье мое обыкновенно крепнет — пора моих литературных трудов настает — а я должен хлопотать о приданом да о свадьбе, которую сыграем бог весть когда. Все это не очень утешно. Еду в деревню, бог весть, буду ли там иметь время заниматься и душевное спокойствие, без которого ничего не произведешь, кроме эпиграмм на Каченовского.

Так-то, душа моя. От добра добра не ищут. Черт меня догадал бредить о счастье, как будто я для него создан. Должно было мне довольствоваться независимостью, которой обязан я был богу и тебе. Грустно, душа моя, обнимаю тебя и целую наших.

*Пушкин — П. А. Плетневу.
31 августа 1830.
Из Москвы в Петербург.*

68

Я уезжаю, рассорившись с г-жой Гончаровой. На следующий день после бала она устроила мне самую нелепую сцену, какую только можно себе представить.

Она мне наговорила вещей, которых я по чести не мог стерпеть. Не знаю еще, расстроилась ли моя женитьба, но повод для этого налицо, и я оставил дверь открытой настежь. Мне не хотелось говорить об этом с князем, скажите ему сами, и оба сохраните это втайне. Ах, что за проклятая штука счастье! Addio *, милая княгиня. Напишите мне словечко в Лукоянов в село Болдино. (фр.)

Пушкин — В. Ф. Вяземской.
Последние числа августа 1830. Москва.

69

(...) Село Болдино 145 дворов, 1.044 мужских душ, 1.095 женских (по 5-й ревизии, бывшей в 1794 году), и деревня Новоуспенская, Малая Болдина тож, 98 дворов, 292 муж., 290 женц. А всего 243 двора, 1.336 муж., 1.385 женц.; 4.538 десятин пашни, 544 — покосу, 1.965 — лесу строевого и дровяного, 162 — под усадьбой, 72 — неудобной. Расположено Болдино при речке Азанке, по течению на правой стороне. Церковь деревянная во имя Успения божьей матери, строится (в 1798 году) каменная. Господский дом деревянный, сада нет. При доме дворовые люди ткут холсты и полотна для господского обихода. Торг бывает еженедельно по воскресеньям, приезжают крестьяне из окрестных сел, торгуют солью и другими мелочными товарами. В селе казенный питейный дом. На речке Азанке (на ее правом берегу расположена и деревня) — сажень ширины и четверть сажени глубины в жаркое время — запружен пруд и при нем состоит ручная мельница о двух поставах, действие имеет во весь год, которая мелет для крестьянского обихода; в речке рыба: щуки, окуни, язи, плотва. Жители довольствуются речной водой, которая для употребления людям и скоту здорова. Земля грунт имеет сероглинистый, лучше родится рожь, овес, греча, горох и полба, а прочие семена средственны. Сенные покосы против других мест средственны. Лес строевой и дровяной: березовый, липовый, осиновый, ольховый и ивовый, который для поташа не способен; в нем звери: волки,

* Прощайте (итал.).

лисицы, зайцы, горностаи; птицы: тетерева, рябчики, скворцы, чижи, щеглы, соловьи. Крестьяне — на оброке, а некоторые на изделье, часть земли запахи-вают на господ, а остальную на себя, к чему они и ра-детельны. Женщины, сверх полевой работы, упраж-няются в рукоделии, прядут лен, посконь и шерсть, ткут холсты и сукна для своего употребления и на продажу.

Из «Экономических примечаний»

70

⟨...⟩ Кистенево расположено «при двух озерах безыменных, а дачею речки Чеки на правой, озера безыменного на левой и по обе стороны заливов от речки Чеки и озер безыменных. И та речка в летнее жаркое время в мелких местах глубиной бывает в вершок, шириною в две сажени, а озеро глубиною в три аршина, а в окружности не более 250 саже-ней,—заливы же от речки Чеки пересыхают. Земля грунт имеет черноземистый, лучше родится рожь и полба, а греча, овес и пшеница, ячмень, горох и лен средственно. Сенные покосы изрядные, лес растет дубовый, березовый, липовый, осиновый, сосновый, ивовый. Крестьяне состоят на оброке, землю запахи-вают всю на себя, зажитком средственны».

Из «Экономических примечаний»

71

Имя предков моих встречается почти на каждой странице нашей истории. Ныне огромные имения Пушкиных раздробились и пришли в упадок, послед-ние их родовые поместья скоро исчезнут, имя их останется честным, единственным достоянием темным потомкам некогда знатного боярского рода.

*А. С. Пушкин. Опровержение на критики. 1830
Из ранних редакций.*

А. С. Пушкин

ИСТОРИЯ СЕЛА ГОРЮХИНА

(...) День был осенний и пасмурный. Прибыв на станцию, с которой должно было мне своротить на Горюхино, нанял я вольных и поехал проселочною дорогой. Хотя я нрава от природы тихого, но нетерпение вновь увидеть места, где провел я лучшие свои годы, так сильно овладело мной, что я поминутно погонял моего ямщика, то обещая ему на водку, то угрожая побоями, и как удобнее было мне толкать его в спину, нежели вынимать и развязывать кошелек, то, признаюсь, раза три и ударил его, что отроду со мною не случалось, ибо сословие ямщиков, сам не знаю почему, для меня в особенности любезно. Ямщик погонял свою тройку, но мне казалось, что он, по обыкновению ямскому, уговаривая лошадей и размахивая кнутом, все-таки затыгивал гужи. Наконец завидел Горюхинскую рощу; и через 10 минут въехал на барский двор. Сердце мое сильно билось — я смотрел вокруг себя с волнением неописанным. Восемь лет не видал я Горюхина. Березки, которые при мне посажены были около забора, выросли и стали теперь высокими, ветвистыми деревьями. Двор, бывший некогда украшен тремя правильными цветниками, меж которых шла широкая дорога, усыпанная песком; теперь обращен был в некошенный луг, на котором паслась корова. Бричка моя остановилась у переднего крыльца. Человек мой пошел было отворить двери, но они были заколочены, хотя ставни были открыты и дом казался обитаемым. Баба вышла из людской избы и спросила, кого мне надобно. Узнав, что барин приехал, она снова побежала в избу, и вскоре дворня меня окружила. Я был тронут до глубины сердца, увидя знакомые и незнакомые лица — и дружески со всеми ими целуясь: мои потешные мальчишки были уже мужиками, а сидевшие некогда на полу для посылки девчонки замужними бабами. Мужчины плакали. Женщинам говорил я без церемонии: «Как ты постарела» — и мне отвечали с чувством:

«Как вы-то, батюшка, подурнели». Повели меня на заднее крыльцо, навстречу мне вышла моя кормилица и обняла меня с плачем и рыданием, как многогосударственного Одиссея. Побежали топить баню. Повар, ныне в бездействии отрастивший себе бороду, вызвался приготовить мне обед, или ужин — ибо уже смеркалось. Тотчас очистили мне комнаты, в коих жила кормилица с девушками покойной матушки, и я очутился в смиренной отеческой обители и заснул в той самой комнате, в которой за 23 года тому родился.

Около трех недель прошло для меня в хлопотах всякого рода — я возился с заседателями, предводителями и всевозможными губернскими чиновниками. Наконец принял я наследство и был введен во владение отчиной; я успокоился, но скоро скука бездействия стала меня мучить. Я не был еще знаком с добрым и почтенным соседом моим **. Занятия хозяйственные были вовсе для меня чужды. Разговоры кормилицы моей, произведенной мною в ключницы и управительницы, состояли счетом из 15 домашних анекдотов, весьма для меня любопытных, но рассказываемых ею всегда одинаково, так что она сделалась для меня другим *новейшим письмовником*, в котором я знал, на какой странице какую найду строчку. Настоящий же заслуженный письмовник был мною найден в кладовой, между всякой рухлядью, в жалком состоянии. Я вынес его на свет и принялся было за него, но Курганов потерял для меня прежнюю свою прелесть, я прочел его еще раз и больше уже не открывал. (...)

Страна, по имени столицы своей Горюхином называемая, занимает на земном шаре более 240 десятин. Число жителей простирается до 63 душ. К северу граничит она с деревнями Дериуховом и Перкуховом, коего обитатели бедны, тощи и малорослы, а гордые владельцы преданы воинственному упражнению заячьей охоты. К югу река Сивка отделяет ее от владений карачевских вольных хлебопашцев — соседей беспокойных, известных буйной жестокостию нравов. К западу облегают ее цветущие поля захарьинские, благоденствующие под властью мудрых и просвещенных помещиков. К востоку примыкает она к диким, необитаемым местам, к непроходимому болоту, где произрастает одна клюква, где раздается лишь

однообразное квакание лягушек и где суеверное предание предполагает быть обиталищу некоего беса.

В Сие болото и называется *Бесовским*. Рассказывают, будто одна полоумная пастушка стерегла стадо свиней недалеко от сего уединенного места. Она сделалась беременною и никак не могла удовлетворительно объяснить сего случая. Глас народный обвинил болотного беса; но сия сказка недостойна внимания историка, и после Нибура непростительно было бы тому верить.

Издrevле Горюхино славилось своим плодородием и благорастворенным климатом. Рожь, овес, ячмень и гречиха родятся на тучных его нивах. Березовая роща и еловый лес снабжают обитателей деревьями и валежником на построение и отопку жилищ. Нет недостатка в орехах, клюкве, бруснике и чернике. Грибы произрастают в необыкновенном количестве; сжаренные в сметане представляют приятную, хотя и нездоровую пищу. Пруд наполнен карасями; а в реке Сивке водятся щуки и налимы.

Обитатели Горюхина большей частию росту среднего, сложения крепкого и мужественного, глаза их серы, волосы русые или рыжие. Женщины отличаются носами, поднятыми несколько вверх, выпуклыми скулами и дородностию. В *Баба здоровенная*, сие выражение встречается часто в примечаниях старосты к Ревизским сказкам. Мужчины добронравны, трудолюбивы (особенно на своей пашне), храбры, воинственны: многие из них ходят одни на медведя и славятся в околodке кулачными бойцами; все вообще склонны к чувственному наслаждению пьянства. Женщины сверх домашних работ разделяют с мужчинами большую часть их трудов; и не уступят им в отважности, редкая из них боится старосты. Они составляют мощную общественную стражу, неусыпно бодрствующую на барском дворе, и называются *копейщицами* (от словенского слова копье). Главная обязанность копейщиц как можно чаще бить камнем в чугунную доску и тем устрашать злоумышление.

Они столь же целомудренны, как и прекрасны, на покушения дерзновенного отвечают сурово и выразительно.

Жители Горюхина издавна производят обильный торг лыками, лукошками и лаптями. Сему способствует река Сивка, через которую весною переправляются они на челноках, подобно древним скандинавам, а прочие времена года переходят вброд, предварительно засучив портки до колен.

Язык горюхинский есть решительно отрасль славянского, но столь же разнится от него, как и русский. Он исполнен сокращениями и усечениями, некоторые буквы вовсе в нем уничтожены или заменены другими. Однако ж великороссиянину легко понять горюхинца, и обратно.

Мужчины женивались обыкновенно на 13-м году на девицах 20-летних. Жены били своих мужей в течение четырех или пяти лет. После чего мужья уже начинали бить жен; и таким образом оба пола имели свое время власти, и равновесие было соблюдено.

Обряд похорон происходил следующим образом. В самый день смерти покойника относили на кладбище, дабы мертвый в избе не занимал напрасно лишнего места. От сего случалось, что к неописанной радости родственников мертвец чихал или зевал в ту самую минуту, как его выносили в гробе за околицу. Жены оплакивали мужьев, воя и приговаривая: «Свет-моя удалая головушка! на кого ты меня покинул? чем-то мне тебя поминати?» При возвращении с кладбища начиналася тризна в честь покойника, и родственники и друзья бывали пьяны два, три дня или даже целую неделю, смотря по усердию и привязанности к его памяти. Сии древние обряды сохранились и поныне.

Одежда горюхинцев состояла из рубахи, надеваемой сверх порток, что есть отличительный признак их славянского происхождения. Зимой носили они овчинный тулуп, но более для красоты, нежели из настоящей нужды, ибо тулуп обыкновенно накидывали они на одно плечо и сбрасывали при малейшем труде, требующем движения.

Науки, искусства и поэзия издревле находились в Горюхине в довольно цветущем состоянии. Сверх священника и церковных причетников, всегда водились в нем грамотеи. Летописи упоминают о земском

Терентии, жившем около 1767 году, умевшем писать не только правой, но и левою рукою. Сей необыкновенный человек прославился в околodge сочинением всякого роду писем, челобитьев, партикулярных пашпортов и т. п. Неоднократно пострадав за свое искусство, услужливость и участие в разных замечательных происшествиях, он умер уже в глубокой старости, в то самое время как приучался писать правою ногою, ибо почерка обеих рук его были уже слишком известны. Он играет, как читатель увидит ниже, важную роль и в истории Горюхина.

Музыка была всегда любимое искусство образованных горюхинцев; балалайка и волынка, услаждая чувствительные сердца, поныне раздаются в их жилищах, особенно в древнем общественном здании, украшенном елкою и изображением двуглавого орла.

Поэзия некогда процветала в древнем Горюхине. Дoныне стихотворения Архипа-Лысого сохранились в памяти потомства.

В нежности не уступят они эклогам известного Виргилия, в красоте воображения далеко превосходят они идиллии г-на Сумарокова. И хотя в щеголеватости слога и уступают новейшим произведениям наших муз, но равняются с ними затейливостию и остроумием.

Приведем в пример сие сатирическое стихотворение:

Ко боярскому двору
 Антон староста идет, /2/
 Бирки в пазухе несет /2/
 Боярину подает,
 А боярин смотрит,
 Ничего не смыслит.
 Ах ты, староста Антон,
 Обокрал бояр кругом,
 Село по миру пустил,
 Старостиху надарил.

Познакомя таким образом моего читателя с этнографическим и статистическим состоянием Горюхина и со нравами и обычаями его обитателей, приступим теперь к самому повествованию.

БАСНОСЛОВНЫЕ ВРЕМЕНА

Староста Трифон

Образ правления в Горюхине несколько раз изменялся. Оно попеременно находилось под властью старшин, выбранных миром, приказчиков, назначенных помещиком, и наконец, непосредственно под рукою самих помещиков. Выгоды и невыгоды сих различных образов правления будут развиты мною в течение моего повествования.

Основание Горюхина и первоначальное население оногo покрыто мраком неизвестности. Темные предания гласят, что некогда Горюхино было село богатое и обширное, что все жители оногo были зажиточны, что оброк собирали единожды в год и отсылали неведомо кому на нескольких возах. В то время всё покупали дешево, а дорого продавали. Приказчиков не существовало, старосты никого не обижали, обитатели работали мало, а жили припеваючи, и пастухи стерегли стадо в сапогах. Мы не должны обольщаться сею очаровательною картиною. Мысль о золотом веке сродна всем народам и доказывает только, что люди никогда не довольны настоящим и, по опыту имея мало надежды на будущее, украшают невозвратимое минувшее всеми цветами своего воображения. Вот что достоверно:

Село Горюхино издревле принадлежало знаменитому роду Белкиных. Но предки мои, владея многими другими отчинами, не обращали внимания на сию отдаленную страну. Горюхино платило малую дань и управлялось старщинами, избираемыми народом на вече, мирскою сходкою называемом.

Но в течение времени родовые владения Белкиных раздробились и пришли в упадок. Обедневшие внуки богатого деда не могли отвыкнуть от роскошных своих привычек и требовали прежнего полного дохода от имения, в десять крат уже уменьшившегося. Грозные предписания следовали одно за другим. Староста читал их на вече; старшины витийствовали, мир волновался, а господа, вместо двойного оброку, получали лукавые отговорки и смиренные жалобы, писанные на засаленной бумаге и запечатанные грошом.

Мрачная туча висела над Горюхиным, а никто об ней и не помышлял. В последний год властвования

Трифона, последнего старосты, народом избранного, в самый день храмового праздника, когда весь народ шумно окружал увеселительное здание (кабаком в просторечии именуемое) или бродил по улицам, обнявшись между собою и громко воспевая песни Архипа-Лысого, въехала в село плетеная крытая бричка, заложенная парюю кляч два живых; на козлах сидел оборванный жид, а из брички высунулась голова в картузе и, казалось, с любопытством смотрела на веселящийся народ. Жители встретили повозку смехом и грубыми насмешками. (NB Свернув трубкою воскраяя одежд, безумцы глумились над еврейским возницею и восклицали смехотворно: «Жид, жид, ешь свиное ухо!..» *Летопись горюхинского дьячка.*) Но сколь изумились они, когда бричка остановилась посреди села и когда приезжий, выпрыгнув из нее, повелительным голосом потребовал старосты Трифона. Сей сановник находился в увеселительном здании, откуда двое старшин почтительно вывели его под руки. Незнакомец, посмотрев на него грозно, подал ему письмо и велел читать оное немедленно. Старосты горюхинские имели обыкновение никогда ничего сами не читать. Староста был неграмотен. Послали за земским Авдеем. Его нашли неподалеку, спящего в переулке под забором, и привели к знакомцу. Но по приводе или от внезапного испуга, или от горестного предчувствия, буквы письма, четко написанного, показались ему отуманенными, и он не был в состоянии их разобрать. Незнакомец, с ужасными проклятиями отослав спать старосту Трифона и земского Авдея, отложил чтение письма до завтрашнего дня и пошел в приказную избу, куда жид понес за ним и его маленький чемодан.

Горюхинцы с безмолвным изумлением смотрели на сие необыкновенное происшествие, но вскоре бричка, жид и незнакомец были забыты. День кончился шумно и весело, и Горюхино заснуло, не предвидя, что ожидало его.

С восходом утреннего солнца жители были пробуждены стуком в окошки и призыванием на мирскую сходку. Граждане один за другим явились на двор приказной избы, служивший вечевою площадью. Глаза их были мутны и красны, лица опухлы; они, зевая и почесываясь, смотрели на человека в картузе, в старом голубом кафтане, важно стоявшего на крыль-

це приказной избы, и старались припомнить себе черты его, когда-то ими виденные. Староста Трифон и земский Авдей стояли подле него без шапки с видом подобию страсти и глубокой горести. «Все ли здесь?» — спросил незнакомец. «Все ли-ста здесь?» — повторил староста. «Все-ста», — отвечали граждане. Тогда староста объявил, что от барина получена грамота, и приказал земскому прочесть ее во услышание мира. Авдей выступил и громогласно прочел следующее. (NB «Грамоту грозновещую сию списах я у Трифона-старосты, у него же хранилася она в кивоте вместе с другими памятниками владычества его над Горюхином». Я не мог отыскать сего любопытного письма.)

Трифон Иванов!

Вручитель письма сего, поверенный мой**, едет в отчину мою село Горюхино для поступления в управление оною. Немедленно по его прибытию собрать мужиков и объявить им мою барскую волю, а именно: Приказаний поверенного моего** им, мужикам, слушаться, как моих собственных. А всё, чего он ни потребует, исполнять беспрекословно, в противном случае имеет он** поступать с ними со всевозможною строгостию. К сему понудило меня их бессовестное непослушание и твое, Трифон Иванов, плутовское потворство.

Подписано NN

Тогда**, растопыря ноги наподобие буквы хера и подбочась наподобие ферта, произнес следующую краткую и выразительную речь: «Смотрите ж вы у меня, не очень умничайте; вы, я знаю, народ избалованный, да я выбью дурь из ваших голов небось скорее вчерашнего хмеля». Хмеля ни в одной голове уже не было. Горюхинцы, как громом пораженные, повесили носы и с ужасом разошлись по домам.

Правление приказчика**

** принял бразды правления и приступил к исполнению своей политической системы; она заслуживает особенного рассмотрения.

Главным основанием оной была следующая аксиома: Чем мужик богаче, тем он избалованнее, чем

беднее, тем смирнее. Вследствие сего** старался о смирности вотчины, как о главной крестьянской добродетели. Он потребовал опись крестьянам, разделил их на богачей и бедняков. 1) Недоимки были разложены меж зажиточных мужиков и взыскаемы с них со всевозможною строгостию. 2) Недостаточные и празднoлюбивые гуляки были немедленно посажены на пашню, если же по его расчету труд их оказывался недостаточным, то он отдавал их в батраки другим крестьянам, за что сии платили ему добровольную дань, а отдаваемые в холопство имели полное право откупаться, заплатя сверх недоимок двойной годовой оброк. Всякая общественная повинность падала на зажиточных мужиков. Рекрутство же было торжеством корыстолюбивому правителю; ибо от оногo по очереди откупались все богатые мужики, пока наконец выбор не падал на негодяя или разоренного*. Мирские сходки были уничтожены. Оброк собирал он понемногу и круглый год сряду. Сверх того, завел он нечаянные сборы. Мужики, кажется, платили и не слишком более противу прежнего, но никак не могли ни наработать, ни накопить достаточно денег. В три года Горюхино совершенно обнищало.

Горюхино приуныло, базар запустел, песни Архипа-Лысого умолкли. Ребятишки пошли по миру. Половина мужиков была на пашне, а другая служила в батраках; и день храмового праздника сделался, по выражению летописца, не днем радости и ликования, но годовщиною печали и поминания горестного.

1830

73

БЕСЫ

Мчатся тучи, выются тучи;
Невидимкою луна
Освещает снег летучий;
Мутно небо, ночь мутна.

* Посадил окаянный приказчик Антона Тимофеева в железы, а старик Тимофей сына откупил за 100 р.; а приказчик заковал Петрушку Еремеева, и того откупил отец за 68 р., и хотел окаянный сковать Леху Тарасова, но тот бежал в лес, и приказчик о том вельми крушился и свирепствовал во словесах, а отвезли в город и отдали в рекруты Ваньку пьяницу (Донесение горюхинских мужиков.)

Еду, еду в чистом поле;
Колокольчик дин-дин-дин...
Страшно, страшно поневоле
Средь неведомых равнин!

«Эй, пошел, ямщик!..» — «Нет мочи:
Коням, барин, тяжело;
Вьюга мне слипает очи;
Все дороги занесло;
Хоть убей, следа не видно;
Сбились мы. Что делать нам!
В поле бес нас водит, видно,
Да кружит по сторонам.

Посмотри: вон, вон играет,
Дует, плюет на меня;
Вон — теперь в овраг толкает
Одичалого коня;
Там верстой небывалой
Он торчал передо мной;
Там сверкнул он искрой малой
И пропал во тьме пустой».

Мчатся тучи, вьются тучи;
Невидимкою луна
Освещает снег летучий;
Мутно небо, ночь мутна.
Сил нам нет кружиться доле;
Колокольчик вдруг умолк;
Кони стали... «Что там в поле?» —
«Кто их знает? пень иль волк?»

Вьюга злится, вьюга плачет;
Кони чуткие храпят;
Вот уж он далече скачет;
Лишь глаза во мгле горят;
Кони снова понеслися;
Колокольчик дин-дин-дин...
Вижу: духи собралися
Средь белеющих равнин.

Бесконечны, безобразны,
В мутной месяца игре
Закружились бесы разны,
Будто листья в ноябре...

Сколько их! куда их гонят?
 Что так жалобно поют?
 Домового ли хоронят,
 Ведьму ль замуж выдают?

Мчатся тучи, вьются тучи;
 Невидимкою луна
 Освещает снег летучий;
 Мутно небо, ночь мутна.
 Мчатся бесы рой за роем
 В беспредельной вышине,
 Визгом жалобным и воем
 Надрывая сердце мне...

1830

А. С. Пушкин

74

ЭЛЕГИЯ

Безумных лет угасшее веселье
 Мне тяжело, как смутное похмелье.
 Но, как вино,—печаль минувших дней
 В моей душе чем старе, тем сильней.
 Мой путь уныл. Сулит мне труд и горе
 Грядущего волнуемое море.

Но не хочу, о други, умирать;
 Я жить хочу, чтоб мыслить и страдать;
 И ведаю, мне будут наслажденья
 Меж горестей, забот и треволненья:
 Порой опять гармонией упыюсь,
 Над вымыслом слезами обольюсь,
 И может быть—на мой закат печальный
 Блеснет любовь улыбкою прощальной.

1830

А. С. Пушкин

75

9 сентября. Болдино 1830. Письмо от Natalie*.

А. С. Пушкин. Дневниковая запись.

* Натали (фр.).

76

Моя дорогая, моя милая Наталья Николаевна, я у ваших ног, чтобы поблагодарить вас и просить прощения за причиненное вам беспокойство.

Ваше письмо прелестно, оно вполне меня успокоило. Мое пребывание здесь может затянуться вследствие одного совершенно непредвиденного обстоятельства. Я думал, что земля, которую отец дал мне, составляет отдельное имение, но, оказывается, это — часть деревни из 500 душ, и нужно будет произвести раздел. Я постараюсь это устроить возможно скорее. Еще более опасаясь я карантинных, которые начинают здесь устанавливаться. У нас в окрестностях — Cholera morbus* (очень миленькая особа). И она может задержать меня еще дней на двадцать! Вот сколько для меня причин торопиться! Почтительный поклон Наталье Ивановне, очень покорно и очень нежно целую ей ручки. Сейчас же напишу Афанасию Николаевичу. Он, с вашего позволения, может вывести из терпения. Очень поблагодарите м-ль Катрин и Александрин за их любезную память; еще раз простите меня и верьте, что я счастлив, только будучи с вами вместе. (фр.)

*Пушкин — Н. Н. Гончаровой. 9 сентября 1830.
Из Болдина в Москву.*

77

Милостивый государь Афанасий Николаевич,

Из письма, которое удостоился я получить, с крайним сожалением заметил я, что Вы предполагаете во мне недостаток усердия. Примите, сделайте милость, мое оправдание. Не осмелился я взять на себя быть ходатаем по Вашему делу единственно потому, что опасался получить отказ, не в пору приступая с просьбою к государю или министрам. Сношения мои с правительством подобны вешней погоде: поминутно то дождь, то солнце. А теперь нашла тучка... Вам угод-

* Холера (лат.).

но было спросить у меня совета насчет пути, по которому препроводить Вам к государю просьбу о временном вспоможении: думаю, всего лучше и короче чрез А. Х. Бенкендорфа. Он человек снисходительный, благонамеренный и чуть ли не единственный вельможа, чрез которого нам доходят частные благодеяния государя. <...>

Пушкин — А. Н. Гончарову. 9 сентября 1830.
Из Болдина в Полотняный завод.

78

Я писал тебе премеланхолическое письмо, милый мой Петр Александрович, да ведь меланхолией тебя не удивишь, ты сам на это собаку съел. Теперь мрачные мысли мои порассеялись; приехал я в деревню и отдыхаю. Около меня колера морбус. Знаешь ли, что это за зверь? того и гляди, что забежит он и в Болдино, да всех нас перекусает — того и гляди, что к дяде Василью отправлюсь, а ты и пиши мою биографию. Бедный дядя Василий! знаешь ли его последние слова? приезжаю к нему, нахожу его в забытии, очнувшись, он узнал меня, погоревал, потом, помолчав: *как скучны статьи Катенина!* и более ни слова. Каково? вот что значит умереть честным воином, на щите, *le cri de guerre à la bouche**! Ты не можешь вообразить, как весело удрать от невесты, да и засесть стихи писать. Жена не то, что невеста. Куда! Жена свой брат. При ней пиши сколько хошь. А невеста пуще цензора Щеглова, язык и руки связывает... Сегодня от своей получил я премиленькое письмо; обещает выйти за меня и без приданого. Приданое не уйдет. Зовет меня в Москву — я приеду не прежде месяца, а отголе к тебе, моя радость. Что делает Дельвиг, видишь ли ты его? Скажи ему, пожалуйста, чтоб он мне припас денег; деньгами нечего шутить; деньги вещь важная — спроси у Канкринна и у Булгарина.

Ах, мой милый! что за прелесть здешняя деревня! вообрази: степь да степь; соседей ни души; езд

* с боевым кличем на устах! (фр.)

верхом сколько душе угодно, пиши дома сколько вздумается, никто не помешает. Уж я тебе наготовлю всячины, и прозы и стихов. <...>

*Пушкин — П. А. Плетневу.
9 сентября 1830. Из Болдина в Петербург.*

79

XLVIII

<...>

И здесь героя моего,
В минуту, злую для него,
Читатель, мы теперь оставим,
Надолго... навсегда... За ним
Довольно мы путем одним
Бродили по свету. Поздравим
Друг друга с берегом. Ура!
Давно б (не правда ли?) пора!

XLIX

Кто б ни был ты, о мой читатель,
Друг, недруг, я хочу с тобой
Расстаться нынче как приятель.
Прости. Чего бы ты за мной
Здесь ни искал в строфах небрежных,
Воспоминаний ли мятежных,
Отдохновенья ль от трудов,
Живых картин, иль острых слов,
Иль грамматических ошибок,
Дай бог, чтоб в этой книжке ты
Для развлечения, для мечты,
Для сердца, для журнальных сшибок
Хотя крупицу мог найти.
За сим расстанемся, прости!

L

Прости ж и ты, мой спутник странный,
И ты, мой верный идеал,
И ты, живой и постоянный,

Хоть малый труд. Я с вами знал
Всё, что завидно для поэта:
Забвенье жизни в бурях света,
Беседу сладкую друзей.
Промчалось много, много дней
С тех пор, как юная Татьяна
И с ней Онегин в смутном сне
Явились впервые мне —
И даль свободного романа
Я сквозь магический кристалл
Еще не ясно различал.

LI

Но те, которым в дружной встрече
Я строфы первые читал...
Иных уж нет, а те далече,
Как Сади некогда сказал.
Без них Онегин дорисован.
А та, с которой образован
Татьяны милый идеал...
О много, много рок отъял!
Блажен, кто праздник жизни рано
Оставил, не допив до дна
Бокала полного вина,
Кто не дочел ее романа
И вдруг умел расстаться с ним,
Как я с Онегиным моим.

«Евгений Онегин». Глава 8.

80

У нас довольно трудно самому автору узнать впечатление, произведенное в публике сочинением его. От журналов узнает он только мнение издателей, на которое положиться невозможно по многим причинам. Мнение друзей, разумеется, пристрастно, а незнакомые, конечно, не станут ему в глаза бранить его произведение, хотя бы оно того и стоило.

При появлении VII песни Онегина журналы вообще отозвались об ней весьма неблагоприятно. Я бы охотно им поверил, если бы их приговор не слишком уж

противоречил тому, что говорили они о прежних главах моего романа. После неумеренных и незаслуженных похвал, коими осыпали 6 частей одного и того же сочинения, странно было мне читать, например, следующий отзыв:

«Можно ли требовать внимания публики к таким произведениям, какова, например, глава VII «Евгения Онегина»? Мы сперва подумали, что это мистификация, просто шутка или пародия, и не прежде уверились, что эта глава VII есть произведение сочинителя «Руслана и Людмилы», пока книгопродавцы нас не убедили в этом. Эта глава VII,— два маленькие печатные листика,— испещрена такими стихами и балагурством, что в сравнении с ними даже «Евгений Вельский» кажется чем-то похожим на дело*. Ни одной мысли в этой водянистой VII главе, ни одного чувствования, ни одной картины, достойной воззрения! Совершенное падение, *chûte complète*... Читатели наши спросят, каково же содержание этой VII главы в 57 страничек? Стихи «Онегина» увлекают нас и заставляют отвечать стихами на этот вопрос:

Ну как рассеять горе Тани?
Вот как: посадят деву в сани
И повезут из милых мест
В Москву на ярманку невест!
Мать плачется, скучает дочка:
Конец *седьмой главе*—и точка!

Точно так, любезные читатели, всё содержание этой главы в том, что Таню увезут в Москву из деревни!»

В одном из наших журналов сказано было, что VII глава не могла иметь никакого успеха, ибо век и Россия идут вперед, а стихотворец остается на прежнем месте. Решение несправедливое (т. е. в его заключении). Если век может идти себе вперед, науки, философия и гражданственность могут усовершенствоваться и изменяться,—то поэзия остается на одном месте, не стареет и не изменяется. Цель ее одна, средства те же. И между тем как понятия, труды,

* *Евгений Вельский*. Прошу извинения у неизвестного мне поэта, если принужден повторить здесь эту грубость. Судя по отрывкам его поэмы, я ничуть не полагаю для себя обидным, если находят «Евгения Онегина» ниже «Евгения Вельского».

открытия великих представителей старинной астрономии, физики, медицины и философии состарелись и каждый день заменяются другими, произведения истинных поэтов остаются свежи и вечно юны.

Поэтическое произведение может быть слабо, неудачно, ошибочно,—виновато уж, верно, дарование стихотворца, а не век, ушедший от него вперед.

Вероятно, критик хотел сказать, что «Евгений Онегин» и весь его причет уже не новость для публики и что он надоел и ей, как журналистам.

Как бы то ни было, решаюсь еще искусить ее терпение. Вот еще две главы «Евгения Онегина» — последние, по крайней мере для печати... Те, которые стали бы искать в них занимательности происшествий, могут быть уверены, что в них еще менее действия, чем во всех предшествовавших. Осмую главу я хотел было вовсе уничтожить, и заменить одной римской цифрой, но побоялся критики. К тому же многие отрывки из оной были уже напечатаны. Мысль, что шутливую пародию можно принять за неуважение к великой и священной памяти,—также удерживала меня. Но Чайльд Гарольд стоит на такой высоте, что каким бы тоном о нем ни говорили, мысль о возможности оскорбить его не могла во мне родиться.

«Евгений Онегин». Глава 8. Предисловие.
(Из ранних редакций)

28 ноября 1830
Болдино

81

ОНЕГИН

Часть первая. Предисловие

I песнь *Хандра Кишинев, Одесса.*

II *Поэт. Одесса 1824.*

III *Барышня Одесса. Мих. 1824.*

Часть вторая.

IV песнь *Деревня Михайлов. 1825.*

V *Именины Мих. 1825. 1826.*

VI *Поединок Мих. 1826.*

Часть третья.

VII песнь *Москва Мих. П. Б. Малинн. 1827. 8.*

VIII *Странствие Моск. Павл. 1829 Болд.*

IX *Большой свет Болд.*

Примечания.

1823 год 9 мая Кишинев—1830 25 сент. Болдино.
 26 сент. АП
 И жить торопится и чувствовать спешит К. В.
 7 лет 4 месяца 17 дней.

А. С. Пушкин. [Хронология «Евгения Онегина»].
 26 сентября 1830.

82

ТРУД

Миг вождеденный настал: окончен мой труд
 многолетний.

Что ж непонятная грусть тайно тревожит меня?
 Или, свой подвиг свершив, я стою, как поденщик
 ненужный,

Плату приявший свою, чуждый работе другой?
 Или жаль мне труда, молчаливого спутника ночи,
 Друга Авроры златой, друга пенатов святых?

1830

А. С. Пушкин.

83

КРИТИЧЕСКИЕ ОТЗЫВЫ О «ЕВГЕНИИ ОНЕГИНЕ»

I

(...) Первая глава *Онегина* и две-три, последовавшие за нею, нравились и пленили, как превосходный опыт поэтического изображения общественных причуд, как доказательство, что и наш гордый язык, наши *Московитские* куклы могут при отзывах поэзии пробуждаться и составлять стройное, гармоническое целое. Но опыт все еще продолжается, краски и тени одинаковы, и картина все та же. Цена новости исчезла — и тот же Онегин нравится уже не так, как прежде. Надобно прибавить, что поэт и сам утомился. В некоторых местах 7-й главы *Онегина* он даже повторяет сам себя. Укажем, для примера, на описание зимы, на изменчивость чувствований, на памя-

ник Ленскому, под которым даже и *лапоть* плетет, может быть, тот же мужик, который играл роль в 6-й главе. Сверх того, нельзя указать на решительные повторения, но перевернутых и вместе одинаковых намеков и мыслей есть довольно. <...>

В 7-й главе *Онегина* есть еще один недостаток, случайный. Большая часть ее состоит уже из напечатанных и следственно известных публике отрывков. Кроме того, что не весело встречать в новой книге старое, это показывает, и показывает неоспоримо, что *Онегин* есть собрание отдельных, бессвязных заметок и мыслей о том о сем, вставленных в одну раму, из которых автор не составит ничего, имеющего свое отдельное значение. *Онегин* будет поэтический Лабрюер, рудник для эпитафий, а не органическое существо, которого части взаимно необходимы одна для другой <...>

— *Московский телеграф*, 1830, ч. 32.

II

Чтение седьмой главы *Онегина* такое же производит над нами действие, как зрелище некогда милых нам мест, но уже оставленных теми особами, которые их одушевляли. Прелесть их не изменилась: но мы, рассматривая их, напрасно хотим воскресить в душе те чувствования, которыми наполнялась она в прежнее время. Автор до такой степени совершенства довел искусство свое, что читатель, пока еще не успеет заметить поэтического обмана в произведении, может быть, станет мысленно укорять поэта в недоконченности целой картины. Но это самое впечатление, это желание перемены в чувствованиях и неудовлетворенность надежд — есть верх искусства художника. Власть его над нами столь сильна, что он не только вводит нас в круг изображаемых им предметов, но изгоняет из души нашей холодное любопытство, с которым являемся мы на зрелища посторонние, и велит участвовать в действии самом, как будто бы оно касалось до нас собственно. Всем известен анекдот о короле, который бывал недоволен собою, слушая

своего проповедника. Он может служить объяснением и подтверждением нашего замечания. <...>

<...> Очерк Москвы и тамошних увеселений представляет новый образец удивительной легкости, с какою автор может переходить от предмета к предмету и, не изменяя одному главному тону, разнообразить свое произведение всеми волшебными звуками. Особенно благородная сатира есть такое орудие, которым он действует с высочайшим достоинством своего искусства. Странность, порок, ошибка, слабость, все они замечены поэтом в духе нашего времени, а частно в том или другом лице, так что, не оскорбляя ничьей личности, он приносит пользу целому поколению. Но этот предмет один требует рассмотрения самого обширного. Онегин дает к тому повод удобный и пример наставительный.

— *Литературная газета, 1830, т. 1, № 17.*

III

Есть пословица: *куй железо, пока горячо*; если бы талантливый А. С. Пушкин постоянно держался этой пословицы, он не так бы скоро проиграл в мнении читающей публики, и, может быть, еще до сих пор *не спал бы с голоса*. Написавши *Руслана и Людмилу*, прекрасную маленькую поэму, он вдруг вошел, как говорится в славу, которая росла с каждым новым произведением сладкогласного певца до самой *Полтавы*; с *Полтавою* она, не скажем, пала, но *оселась*, и с тех пор уже не подымается вверх. Что далее будет, неизвестно; но последнее произведение Музы А. С.— *Седьмая глава Евгения Онегина*, предвещает мало добра.—Если бы знал А. С., с какою горестию произнесли мы этот приговор?! Творец *Руслана и Людмилы* обещал так много, а исполнил?.. Он еще в полном цвете лет; он мог подарить нас произведением зрелым, блистательным, и — подарил *Седьмою главою Онегина*, которая ни содержанием, ни языком не блистательна <...>

— *Галатее, 1830, ч. 13, № 14.*

IV

⟨...⟩ Все вводные и вставные части, все посторонние описания так ничтожны, что нам верить не хочется, чтоб можно было *печатать* такие мелочи! Разумеется, что как в предыдущих главах, так и в этой, автор часто говорит о себе, о своей скуке, *томленье*, о своей мертвой душе, которой все кажется темно и проч. ⟨...⟩ ⟨...⟩ На стр. 13 мы с величайшим наслаждением находим две пропущенные самим автором строфы, а вместо их две прекрасные римские цифры VII и IX. Как это пестрит поэму и заставляет читателя мечтать, догадываться о *небывалом!* Это производит полный драматический эффект, и мы благодарим за сие поэта!

После двух пропущенных строф, в строфе X, вас уведомляют, что Олинька, за которую убит Ленский, вышла замуж за улана. Об нем никто не грустит, и очень хорошо. Сам поэт говорит:

На что грустить?

Ныне грустят *так*, из ничего, а о смерти друзей не беспокоятся. И дельно. Вслед за этим описание вечера:

Был вечер. Небо меркло. Воды
Струились тихо. Жук жужжал.

Вот является новое действующее лицо на сцену: жук! Мы расскажем читателю о его подвигах, когда дочитаемся до этого. Может быть, хоть он обнаружит какой-нибудь характер.

При тихом журчании вод и жужжании жука, Таня идет в поле, видит перед собой господский дом, и входит в него: это дом Онегина. Ей показывают опустелые комнаты любовника, где она находит кий, *отдыхающий* на биллиарде, манежный *хлыстик*, а в кабинете портрет лорда Байрона (вероятно, для того, чтоб читатель помнил, с чем должно сравнивать Онегина), чугунную куклу и сочинения Байрона. ⟨...⟩

О том, что Онегин есть неудачное подражание Чайльд-Гарольду и Дон-Жуану, давно уже объявлено было в русских журналах. ⟨...⟩

Больно и жалко, но должно сказать правду. Мы видели с радостью подоблачный полет певца *Руслана и Людмилы*, и теперь с сожалением видим печальный поход его Онегина, тихим шагом, по большой дороге нашей словесности!

84

〈...〉

И альманахи, и журналы,
Где поученья нам твердят,
Где нынче так меня бранят,
А где такие мадригалы
Себе встречал я иногда:
E sempre bene,* господа.

«Евгений Онегин», глава 8, строфа XXXV.

85

А. С. Пушкин

ОПРОВЕРЖЕНИЕ НА КРИТИКИ

I

Будучи русским писателем, я всегда почитал долгом следовать за текущей литературою и всегда читал с особенным вниманием критики, коим подавал я повод. Чистосердечно признаюсь, что похвалы трогали меня как явные и, вероятно, искренние знаки благосклонности и дружелюбия. Читая разборы самые неприязненные, смею сказать, что всегда старался войти в образ мыслей моего критика и следовать за его суждениями, не опровергая оных с самолюбивым нетерпением, но желая с ними согласиться со всевозможным авторским себяотвержением. К несчастью, замечал я, что по большей части мы друг друга не понимали. Что касается до критических статей, написанных с одною целью оскорбить меня каким бы то ни было образом, скажу только, что они очень сердили меня, по крайней мере в первые минуты, и что, следовательно, сочинители оных могут быть довольны, удостоверясь, что труды их не потеряны. Если в течение 16-летней авторской жизни я никогда не отвечал ни на одну критику (не говорю уж о ругательствах), то сие происходило, конечно, не из презрения 〈...〉

〈...〉 Не отвечал я моим критикам не потому также, чтоб недоставало во мне охоты, веселости или педант-

* И отлично (итал.).

ства; не потому, чтоб я не полагал в сих критиках никакого влияния на читающую публику. Но, признаюсь, мне было совестно для опровержения оных повторять школьные или пошлые истины, толковать о грамматике, риторике и азбуке, а что всего затруднительнее, оправдываться там, где не было обвинений, важно говорить:

Et moi je vous soutiens que mes vers sont très bons *

или от нечего делать идти судиться перед публикою и стараться насмешить ее (к чему ни малейшей не имею склонности). Например, один из моих критиков, человек, впрочем, добрый и благонамеренный, разбирая, кажется, «Полтаву», выставил несколько отрывков и вместо всякой критики уверял, что таковые стихи сами себя *дурно рекомендуют*. Что бы мог я отвечать ему на это? А так поступали почти все его товарищи. Критики наши говорят обыкновенно: это хорошо, потому что прекрасно, а это дурно, потому что скверно. Отселе их никак не выманишь.

Еще одна причина и главная: лень. Никогда не мог я до того рассердиться на бестолковость или недобросовестность, чтоб взять перо и приняться за возражение. Нынче в несносные часы карантинного заключения, не имея с собою ни книг, ни товарища, вздумал я для препровождения времени писать опровержение на все критики, которые мог только припомнить, и собственные замечания на собственные же сочинения. Смею уверить моего читателя (если господь пошлет мне читателя), что глупее сего занятия отроду ничего не мог я выдумать. (...)

Наши критики долго оставляли меня в покое. Это делает им честь: я был далеко в обстоятельствах не благоприятных. По привычке полагали меня всё еще очень молодым человеком. Первые неприязненные статьи, помнится, стали появляться по напечатанию четвертой и пятой песни «Евгения Онегина». Разбор сих глав, напечатанный в «Атенеи», удивил меня хорошим тоном, хорошим слогом и странностию привязок. Самые обыкновенные риторические фигуры и тропы останавливали критика: можно ли сказать *стакан шипит*, вместо *вино шипит в стака-*

* А я утверждаю, что стихи мои хороши (фр.).

не? камин дышит, вместо пар идет из камина? Не слишком ли смело ревнивое подозрение? неверный лед?

Как думаете, что бы такое значило:

мальчишки
Коньками звучно режут лед?

Критик догадывался, однако, что это значит: мальчишки бегают по льду на коньках.

Вместо:

На красных лапках гусь тяжелый
(Задумав плыть по лону вод)
Ступает бережно на лед

критик читал:

На красных лапках гусь тяжелый
Задумал плыть —

и справедливо замечал, что недалеко уплывешь на красных лапках.

Некоторые стихотворческие вольности: после отрицательной частицы *не* — винительный, а не родительный падеж; *времен* вместо *времен* (как например у Батюшкова:

То древно Русь и нравы
Владимира *времен*)

приводили критика моего в великое недоумение. Но более всего раздражил его стих:

Людскую молвь и конский топ.

«Так ли изъясняем мы, учившиеся по старым грамматикам, можно ли так коверкать русский язык?» Над этим стихом жестоко потом посмеялись и в «Вестнике Европы». *Молвь* (речь) слово коренное русское. *Топ* вместо *топот* столь же употребительно, как и *шип* вместо *шипение** (следственно, и *хлоп* вместо *хлопание* вовсе не противно духу русского языка). На ту беду и стих-то весь не мой, а взят целиком из русской сказки:

«И вышел он за врата градские, и услышал конский топ и людскую молвь».

Бова Королевич.

* Он шип пустил по-змеиному. Древние русские стихотворения.

Изучение старинных песен, сказок и т. п. необходимо для совершенного знания свойств русского языка. Критики наши напрасно ими презирают.

Стих:

Два века ссорить не хочу

критику показался неправильным. Что гласит грамматика? Что действительный глагол, управляемый отрицательной частицей, требует уже не винительного, а родительного падежа. Например: я *не* пишу *стихов*. Но в моем стихе глагол *ссорить* управляем не частицей *не*, а глаголом *хочу*. Ergo* правило сюда нейдет. Возьмем, например, следующее предложение: Я *не* могу вам позволить начать писать... *стихи*, а уж конечно не *стихов*. Неужто электрическая сила отрицательной частицы должна пройти сквозь всю эту цепь глаголов и отозваться в существительном? Не думаю.

⟨...⟩ Вот уже 16 лет, как я печатаю, и критики заметили в моих стихах 5 грамматических ошибок (и справедливо):

1. останавлил взор *на отдаленные громады*
2. *на теме* гор (темени)
3. *воил* вместо *выл*
4. *был отказан*, вместо *ему отказали*
5. *игумену* вместо *игумну*.

Я всегда был им искренно благодарен и всегда поправлял замеченное место. Прозой пишу я гораздо неправильнее, а говорю еще хуже и почти так, как пишет г.**. ⟨...⟩

Шпионы подобны букве ъ. Они нужны в некоторых только случаях, но и тут можно без них обойтись, а они привыкли всюду соваться. ⟨...⟩

Г-н Федоров в журнале, который начал было издавать, разбирая довольно благосклонно 4 и 5-ую главу, заметил, однако ж, мне, что в описании осени

* Следовательно (лат.).

несколько стихов сряду начинаются у меня частицею *Уж*, что и называл он *ужами*, а что в риторике зовется *единоначатием*. Осудил он также слово *корова* и выговаривал мне за то, что я барышень благородных и, вероятно, чиновных назвал *девчонками* (что, конечно, неучтиво), между тем как простую деревенскую девуку назвал *девою* {...}

Шестой песни не разбирали, даже не заметили в «Вестнике Европы» латинской опечатки. Кстатi: с тех пор, как вышел из Лицея, я не раскрывал латинской книги и совершенно забыл латинский язык. Жизнь коротка; перечитывать некогда. Замечательные книги теснятся одна за другою, а никто нынче по-латыни их не пишет. В 14 столетии, наоборот, латинский язык был необходим и справедливо почитался первым признаком образованного человека.

Критику 7-й песни в «Северной пчеле» пробежал я в гостях и в такую минуту, как было мне не до Онегина... Я заметил только очень хорошо написанные стихи и довольно смешную шутку об *жуке*. У меня сказано:

Был вечер. Небо меркло. Воды
Струились тихо. Жук жужжал.

Критик радовался появлению сего нового лица и ожидал от него характера, лучше выдержанного прочих. Кажется, впрочем, ни одного дельного замечания или мысли критической не было. Других критик я не читал, ибо, право, мне было не до них.

В Критику «Северной пчелы» напрасно приписывали г. Булгарину: 1) стихи в ней слишком хороши, 2) проза слишком слаба, 3) г. Булгарин не сказал бы, что описание Москвы взято из «Ивана Выжигина», ибо г. Булгарин не рассказывает, что трагедия «Борис Годунов» взята из его романа. {...}

Между прочими литературными обвинениями, укоряли меня слишком дорогою ценою «Евгения Онегина» и видели в ней ужасное корыстолюбие. Это

хорошо говорить тому, кто отроду сочинений своих не продавал или чьи сочинения не продавались, но как могли повторять то же милое обвинение издатели «Северной пчелы»? Цена устанавливается не писателем, а книгопродавцами. В отношении стихотворений число требователей ограничено. Оно состоит из тех же лиц, которые платят по 5 рублей за место в театре. Книгопродавцы, купив, положим, целое издание по рублю экземпляр, все-таки продавали б по 5 рублей. Правда, в таком случае автор мог бы приступить ко второму дешевому изданию, но и книгопродавец мог бы тогда сам понизить свою цену и таким образом уронить новое издание. Эти торговые обороты нам, мещанам-писателям, очень известны. Мы знаем, что дешевизна книги не доказывает бескорыстия автора, но или большое требование оной или совершенную остановку в продаже. Спрашиваю: что выгоднее — напечатать 20 000 экземпляров одной книги и продать по 50 коп. или напечатать 200 экземпляров и продавать по 50 рублей? <...>

1830

86

Государь Александр Сергеевич,

Просим вас государь в том что вы таперя наш господин, и мы вам с усердием нашим будем повиноваться, и выполнять в точности ваши приказания, но только в том просим вас государь, зделайте великую с нами милость, избавьте нас от нынешнего правления, а прикажите выбрать нам своего начальника, и прикажите ему, и мы будем все исполнять ваши приказания.

*Кистеневские крестьяне — Пушкину
Вторая половина сентября 1830 г. (?) Кистенево.*

87

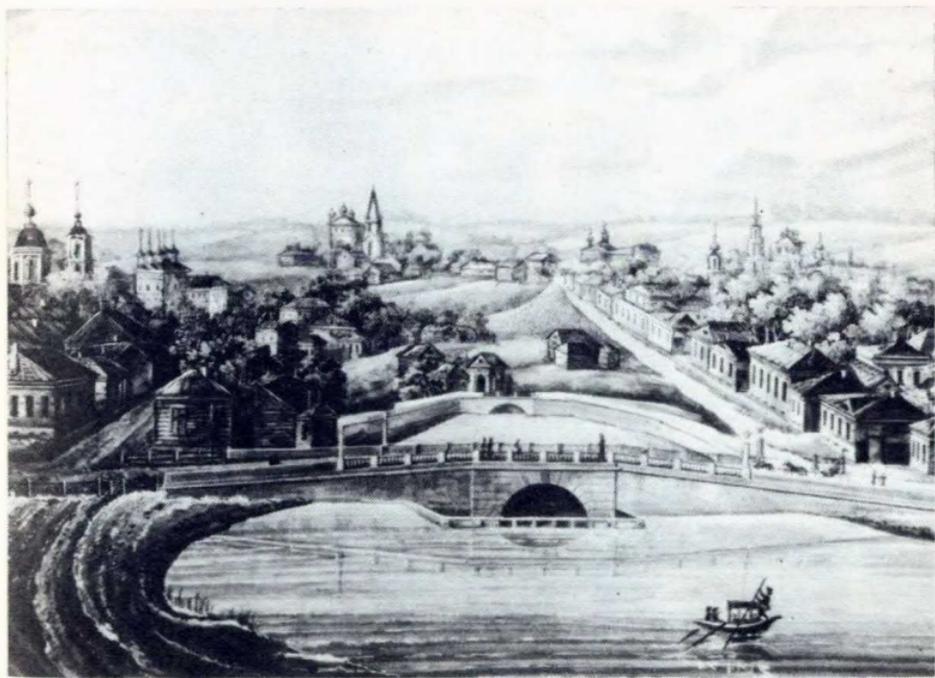
25 сентября. Письмо от Natalie. Кистеневские крестьяне.

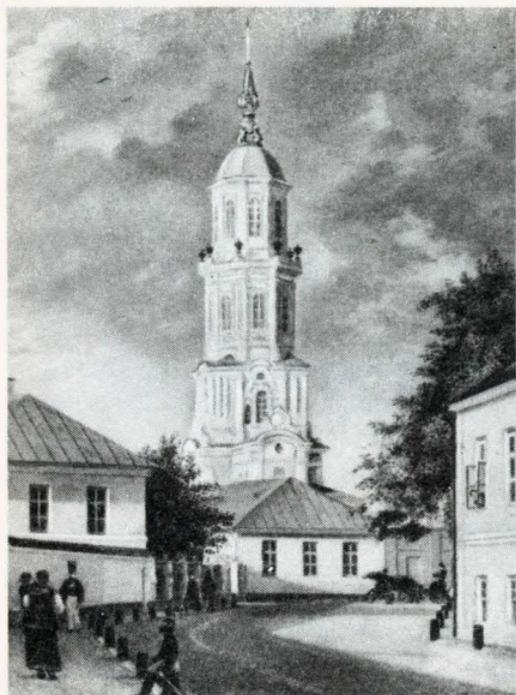
А. С. Пушкин. Дневниковая запись. 1830.

«Мне путешествие привычно
И днем и ночью — был бы путь...»

Москва. Пресненские пруды.
Неизвестный художник. 1800-е гг.

Москва.
Кривоколенный переулок.
К.-Ф. Бодри. 1843.

Арбат. В. Н. Нечаев. 1830—1840-е гг.

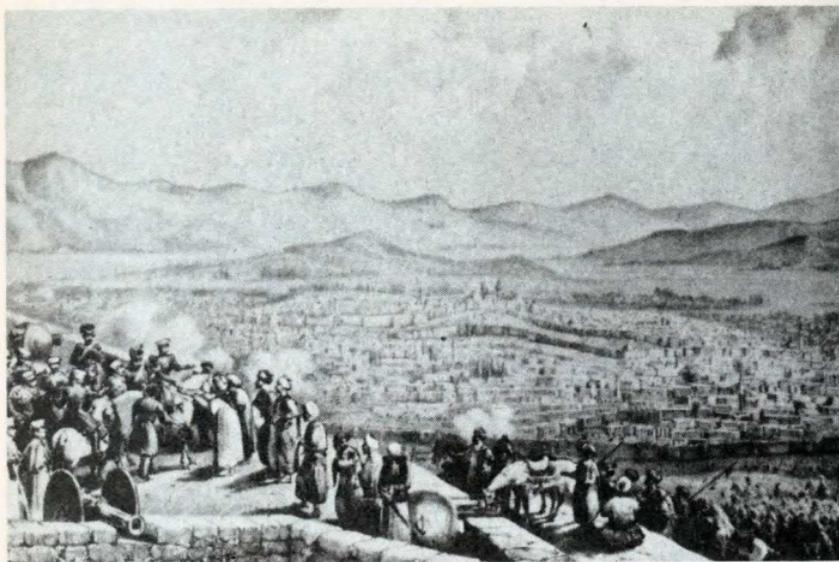
Пушкин.
П. Ф. Соколов. 1836.

Н. Н. Пушкина.
В. Гау. 1842—1843.

Пушкин и его друзья
в салоне З. А. Волконской. Г. Г. Мясоедов. 1905—1907.

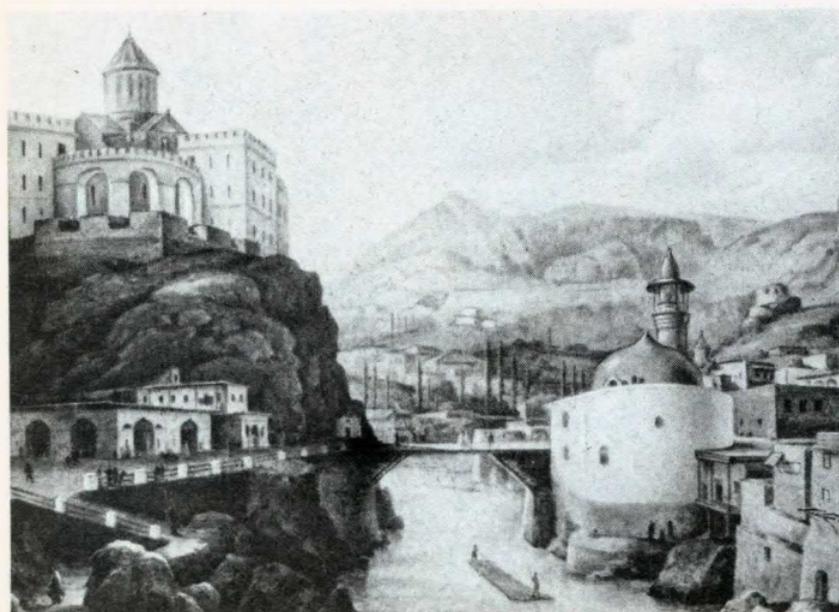

Взятие Арзрума.

Гольштейн, А. Байо с ориг. В. И. Машкова. 1829.

Тифлис.

Н. Г. Чернецов. 1839.

Н. И. Гончарова.
Неизвестный художник.

Дом Гончаровых в Москве на Б. Никитской.

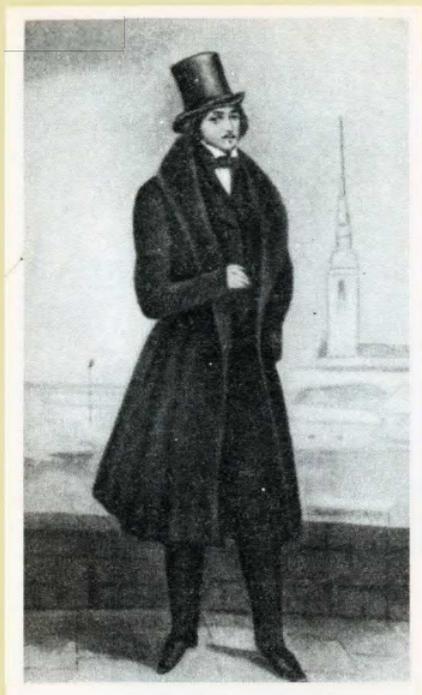

Петербург. Биржа.
Неизвестный художник. 1830-е гг.

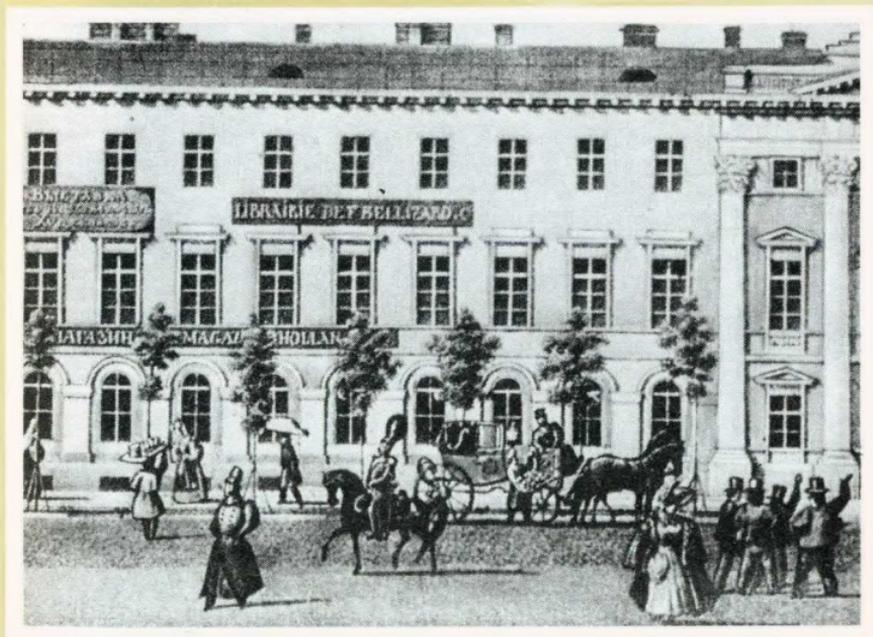
Невский проспект в эпоху Пушкина.
С. Эрбер. 1897.

Н. В. Гоголь.
С ориг. К. Горбунова.

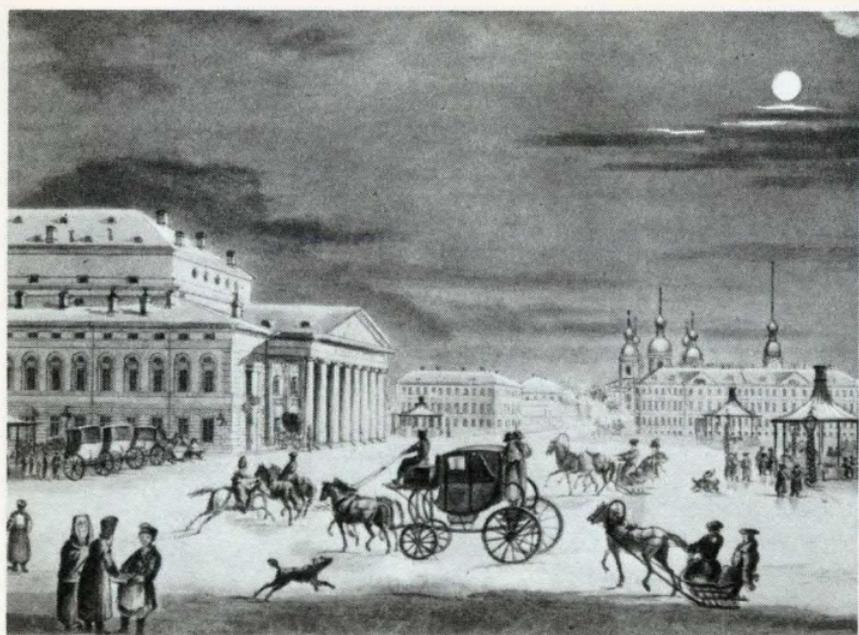
Панорама Невского проспекта.
И. А. Иванов с ориг. В. С. Садовникова. 1830.

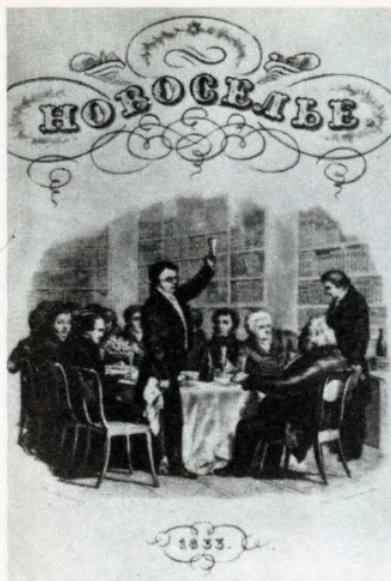

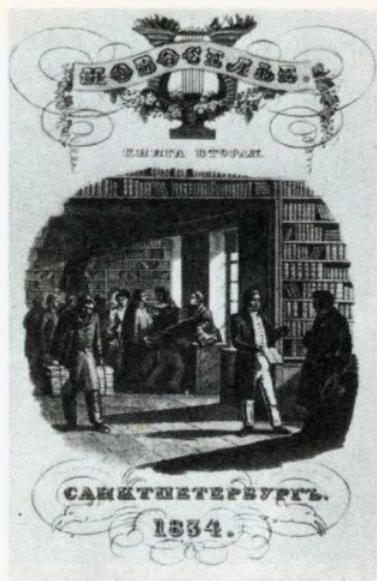
Казань. Вид крепости.
Э. Турнерелли. 1830-е гг.

Петербург. Большой театр.
Неизвестный художник. I четв. XIX в.

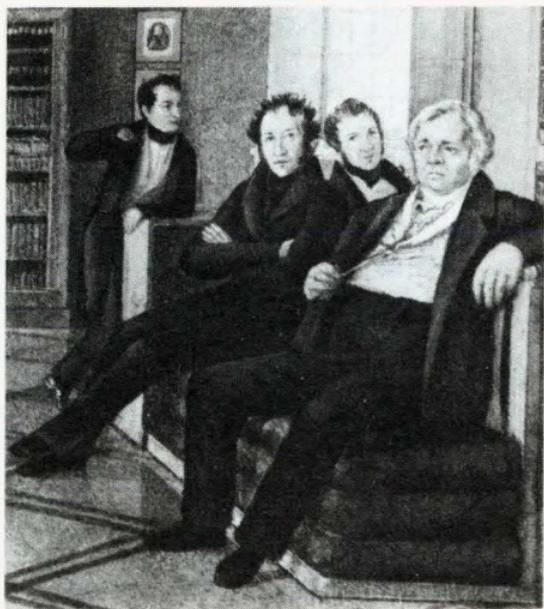

Новоселье. Кн. 1.
С. Ф. Галактионов с ориг.
А. П. Брюллова. 1833.

Новоселье. Кн. 2.
С. Ф. Галактионов с ориг.
А. П. Сапожникова. 1834.

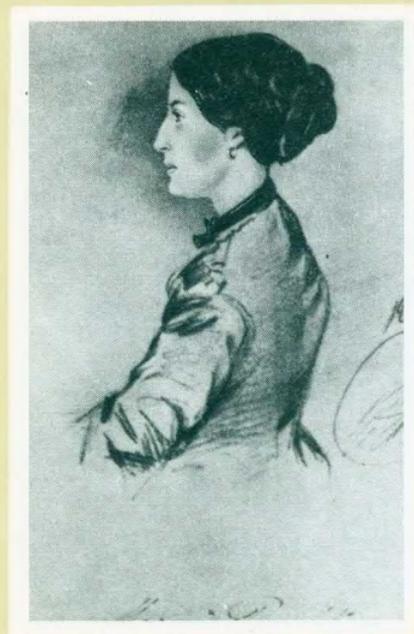
Субботы
у В. А. Жуковского.
Художники школы
А. Г. Венецианова. 1839—1840.

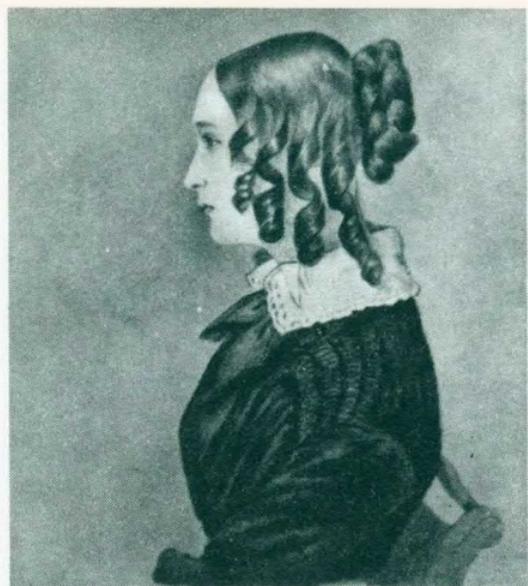

Дети Пушкина.
Н. И. Фризенгоф. 1841.

М. А. Пушкина.
Н. П. Ланской. 1852.

А. А. Пушкин.
Н. П. Ланской. 1851.

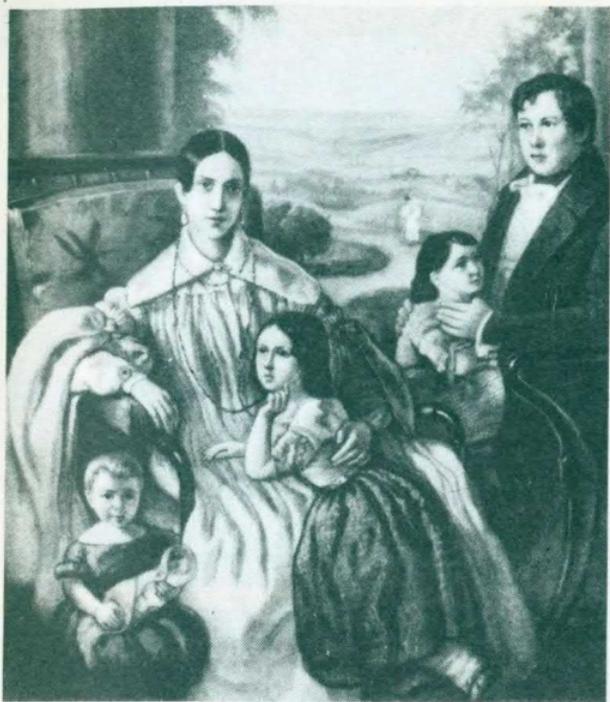
Н. Н. Пушкина.
Т. Райт. 1844.

Н. А. Пушкина.
И. К. Макаров. 1850-е гг.

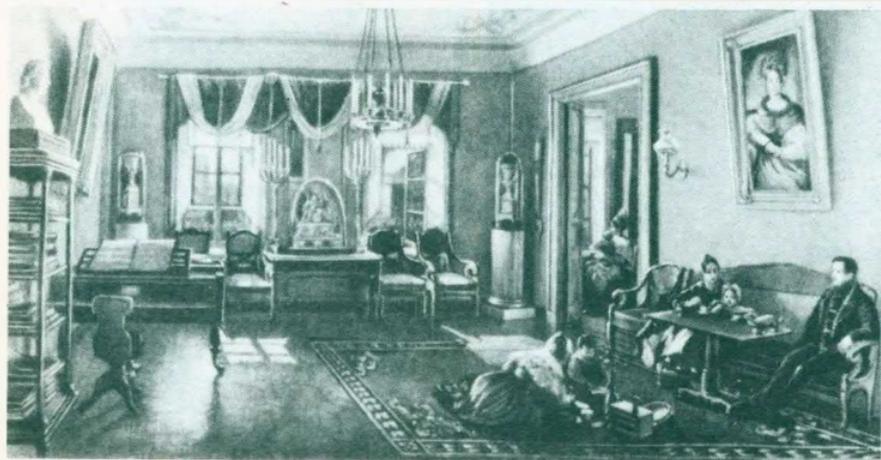
Г. А. Пушкин.
Н. П. Ланской. 1851.

Семейство Нащокиных.
Н. И. Подключников. Нач. 1840-х гг.

Гостиная в доме Нащокиных.
Н. И. Подключников. Нач. 1840-х гг.

Д. Ф. Фикельмон.
Ф. Агрикола. 1824.

Интерьер салона Д. Ф. Фикельмон в Петербурге.
И. Сотира. 1835.

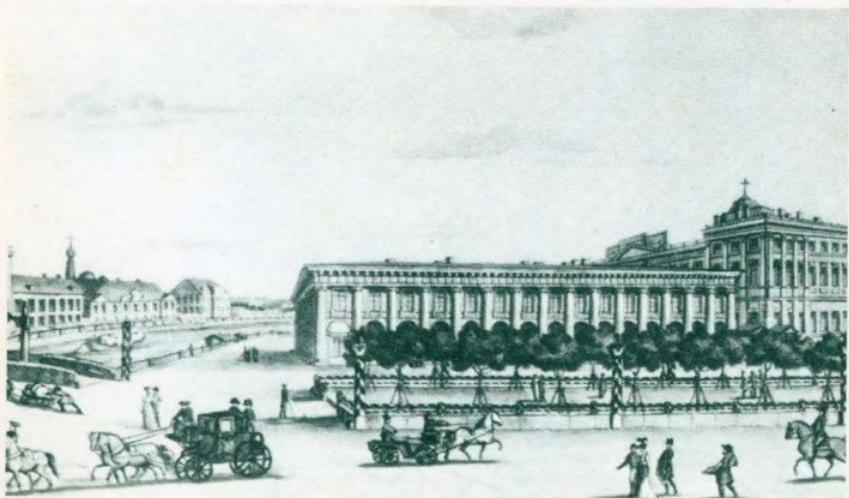

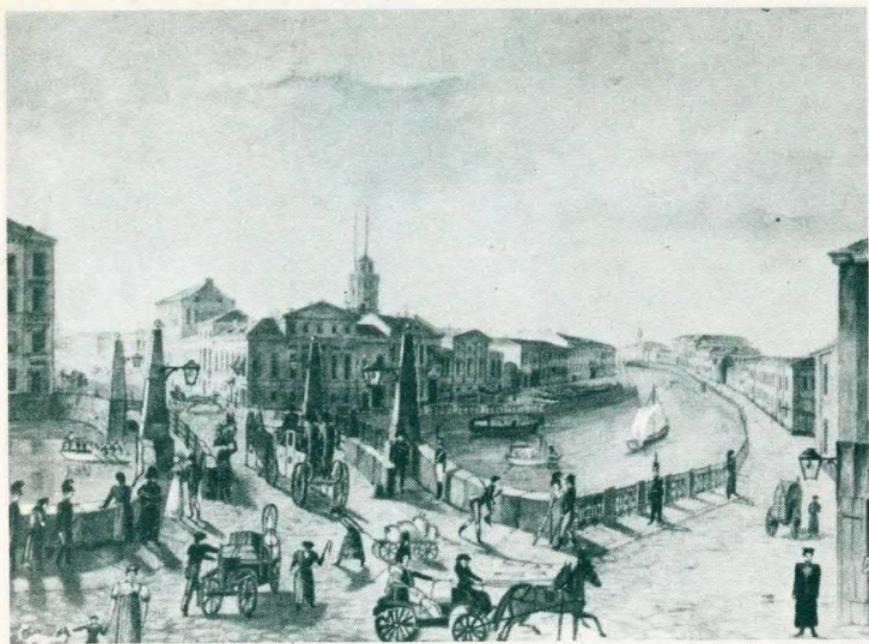
А. Н. Гончарова.

Е. Н. Гончарова.

Аничков дворец.
В. С. Садовников. 1838.

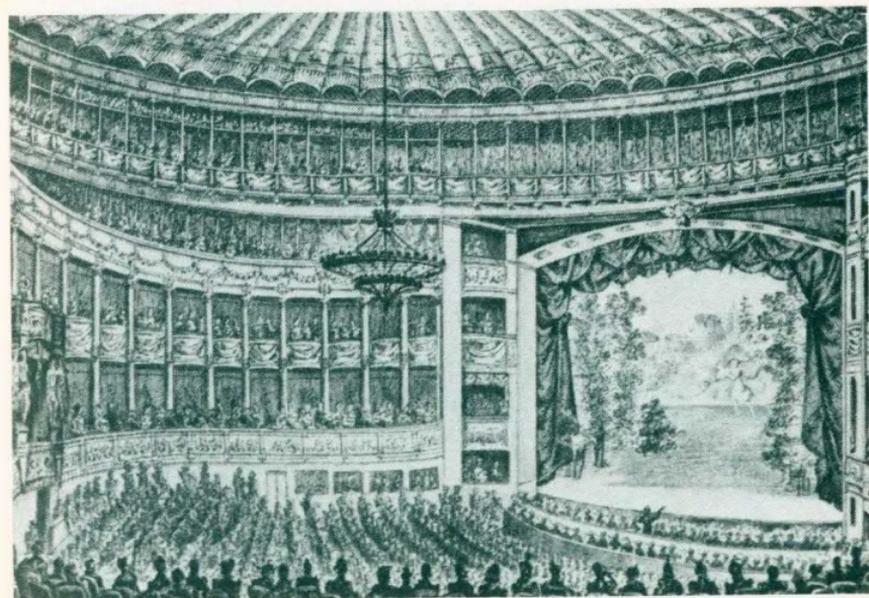

Петербург. Красный мост через Мойку.

Неизвестный художник. 1820-е гг.

Зрительный зал петербургского Большого театра.

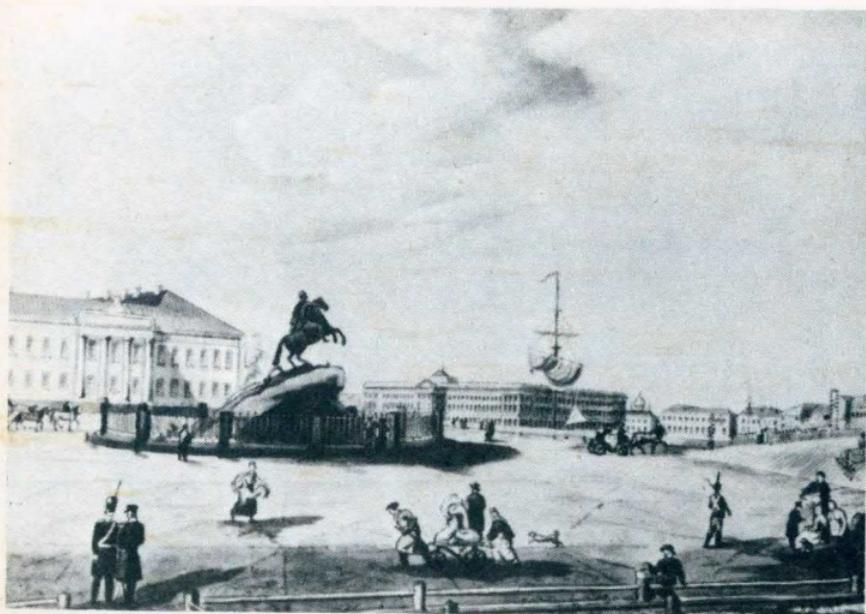
С. Ф. Галактионов по рис. П. П. Свинына. 1820-е гг.

«Здравствуй, племя
Младое, незнакомое! не я
Увижу твой могучий поздний возраст...»

Петербург. Сенатская площадь.
Б. Патерсен. 1806.

88

ОТВЕТ АНОНИМУ

О, кто бы ни был ты, чье ласковое пенье
 Приветствует мое к блаженству возрожденье,
 Чья скрытая рука мне крепко руку жмет,
 Указывает путь и посох подает;
 О, кто бы ни был ты: старик ли вдохновенный,
 Иль юности моей товарищ отдаленный,
 Иль отрок, музами таинственно храним,
 Иль пола кроткого стыдливый херувим,—
 Благодарю тебя душою умиленной.
 Вниманья слабого предмет уединенный,
 К доброжелательству досель я не привык —
 И странен мне его приветливый язык.
 Смешон, участия кто требует у света!
 Холодная толпа взирает на поэта,
 Как на заезжего фигляра: если он
 Глубоко выразит сердечный, тяжкий стон,
 И выстраданный стих, пронзительно-унылый,
 Ударит по сердцам с неведомою силой,—
 Она в ладони бьет и хвалит, иль порой
 Неблагодарно кивает головой.
 Постигнет ли певца незапное волненье,
 Утрата скорбная, изгнанье, заточенье,—
 «Тем лучше,— говорят любители искусств,—
 Тем лучше! наберет он новых дум и чувств.
 И нам их передаст». Но счастье поэта
 Меж ими не найдет сердечного привета,
 Когда боязненно безмолвствует оно...

1830

А. С. Пушкин

89

Сейчас получил письмо твое и сейчас же отвечаю.
 Как же не стыдно было тебе понять хандру мою, как
 ты ее понял? хорош и Дельвиг, хорош и Жуковский.
 Вероятно, я выразился дурно; но это вас не оправды-
 вает. Вот в чем было дело: *теща* моя отлагала свадьбу
 за приданым, а уж, конечно, не я. Я бесился. Теща
 начинала меня дурно принимать и заводить со мною

глупые ссоры; и это бесило меня. Хандра схватила, и черные мысли мной овладели. Неужто я хотел иль думал отказать? но я видел уж отказ и утешался чем ни попало. Всё, что ты говоришь о свете, справедливо; тем справедливее опасения мои, чтоб тетушки да бабушки, да сестрицы не стали кружить голову молодой жене моей пустяками. Она меня любит, но посмотри, Алеко Плетнев, как *гуляет вольная луна*. etc. Баратынский говорит, что в женихах счастлив только дурак; а человек мыслящий беспокоен и волнуем будущим. Доселе он я—а тут он будет мы. Шутка! Оттого-то я тещу и торопил; а она, как баба, у которой долог лишь волос, меня не понимала да хлопотала о приданом, чёрт его побери. Теперь понимаешь ли ты меня? понимаешь, ну, слава богу! Здравствуй, душа моя, каково поживаешь, а я, оконча дела мои, еду в Москву сквозь целую цепь карантин. Месяц буду в дороге по крайней мере. Месяц я здесь прожил, не видя ни души, не читая журналов, так что не знаю, что делает Филипп и здоров ли Полиньяк; я бы хотел переслать тебе проповедь мою здешнюю мужикам о холере; ты бы со смеху умер, да не стоишь ты этого подарка. Прощай, душа моя; кланяйся от меня жене и дочери.

Пушкин—П. А. Плетневу. 29 сентября 1830.
Из Болдина в Петербург.

90

Я уже почти готов сесть в экипаж, хотя дела мои еще не закончены и я совершенно пал духом. Вы очень добры, предсказывая мне задержку в Богородске лишь на 6 дней. Мне только что сказали, что отсюда до Москвы устроено пять карантин и в каждом из них мне придется провести две недели,—подсчитайте-ка, а затем представьте себе, в каком я должен быть собачьем настроении. В довершение благополучия полил дождь и, разумеется, теперь не прекратится до санного пути. Если что и может меня утешить, то это мудрость, с которой проложены дороги отсюда до Москвы; представьте себе, насыпи с обеих сторон,—ни канавы, ни стока для воды, отчего

дорога становится ящиком с грязью,— зато пешеходы идут со всеми удобствами по совершенно сухим дорожкам и смеются над увязшими экипажами. Будь проклят час, когда я решился расстаться с вами, чтобы ехать в эту чудную страну грязи, чумы и пожаров,—потому что другого мы здесь не видим.

А вы что сейчас поделываете? Как идут дела и что говорит дедушка? Знаете ли, что он мне написал? За Бабушку, по его словам, дают лишь 7000 рублей, и нечего из-за этого тревожить ее уединение. Стоило подымать столько шума! Не смейтесь надо мной, я в бешенстве. Наша свадьба точно бежит от меня; и эта чума с ее карантинами — не отвратительнейшая ли это насмешка, какую только могла придумать судьба? Мой ангел, ваша любовь — единственная вещь на свете, которая мешает мне повеситься на воротах моего печального замка (где, замечу в скобках, мой дед повесил француза-учителя, аббата Николя, которым был недоволен). Не лишайте меня этой любви и верьте, что в ней всё мое счастье. Позволяете ли вы обнять вас? Это не имеет никакого значения на расстоянии 500 верст и сквозь 5 карантин. Карантины эти не выходят у меня из головы. Прощайте же, мой ангел.— Сердечный поклон Наталье Ивановне; от души приветствую ваших сестриц и Сергея. Имеете ли вы известия об остальных? (фр.)

*Пушкин — Н. Н. Гончаровой. 30 сентября 1830.
Из Болдина в Москву.*

91

* * *

Румяный критик мой, насмешник толстопузый,
Готовый век трунить над нашей томной музой,
Поди-ка ты сюда, присядь-ка ты со мной,
Попробуй, сладим ли с проклятою хандрой.
Смотри, какой здесь вид: избушек ряд убогий,
За ними чернозем, равнины скат отлогий,
Над ними серых туч густая полоса.
Где нивы светлые? где темные леса?

Где речка? На дворе у низкого забора
 Два бедных деревца стоят в отраду взора,
 Два только деревца, и то из них одно
 Дождливой осенью совсем обнажено,
 И листья на другом, размокнув и желтея,
 Чтоб лужу засорить, лишь только ждут Борея.
 И только. На дворе живой собаки нет.
 Вот, правда, мужичок, за ним две бабы вслед.
 Без шапки он; несет под мышкой гроб ребенка
 И кличет издали ленивого попенка,
 Чтоб тот отца позвал да церковь отворил.
 Скорей! ждаты некогда! давно бы схоронил.

Что ж ты нахмурился?—Нельзя ли блажь оставить!
 И песенкою нас веселой позабавить?—

Куда же ты?—В Москву, чтоб графских именин
 Мне здесь не прогулять.

— Постои, а карантин!

Ведь в нашей стороне индийская зараза.
 Сиди, как у ворот угрюмого Кавказа,
 Бывало, сиживал покорный твой слуга;
 Что, брат? уж не трунишь, тоска берет—ага!

1830

А. С. Пушкин.

92

ДОМИК В КОЛОМНЕ

I

Четырестопный ямб мне надоел:
 Им пишет всякий. Мальчикам в забаву
 Пора б его оставить. Я хотел
 Давным-давно приняться за октаву.
 А в самом деле: я бы совладел
 С тройным созвучием. Пуцусь на славу!
 Ведь рифмы запросто со мной живут;
 Две придут сами, третью приведут.

II

А чтоб им путь открыть широкий, вольный,
Глаголы тотчас им я разрешу...
Вы знаете, что рифмой наглагольной
Гнушаемся мы. Почему? спрошу.
Так писывал Шихматов богомольный;
По большей части так и я пишу.
К чему? скажите; уж и так мы голы.
Отныне в рифмы буду брать глаголы.

III

Не стану их надменно браковать,
Как рекрутов, добившихся увечья,
Иль как коней, за их плохую статью,—
А подбирать союзы да наречья;
Из мелкой сволочи вербую рать.
Мне рифмы нужны; все готов сберечь я,
Хоть весь словарь; что слог, то и солдат—
Все годны в строй: у нас ведь не парад.

IV

Ну, женские и мужеские слоги!
Благословясь, попробуем: слушай!
Равняйтесь, вытягивайте ноги
И по три в ряд в октаву заезжай!
Не бойтесь, мы не будем слишком строги;
Держись вольней и только не плошай,
А там уже привыкнем, слава богу,
И выедем на ровную дорогу.

V

Как весело стихи свои вести
Под цифрами, в порядке, строй за строем,
Не позволять им в сторону брести,
Как войску, в пух рассыпанному боем!
Тут каждый слог замечен и в чести,
Тут каждый стих глядит себе героем.
А стихотворец... с кем же равен он?
Он Тамерлан или сам Наполеон.

VI

Немного отдохнем на этой точке.
 Что? перестать или *пустить на пе?*..
 Признаться вам, я в пятистопной строчке
 Люблю цезуру на второй стопе.
 Иначе стих то в яме, то на кочке,
 И хоть лежу теперь на канапе,
 Всё кажется мне, будто в тряском беге
 По мерзлой пашне мчусь я на телеге.

VII

Что за беда? не всё ж гулять пешком
 По невскому граниту иль на бале
 Лощить паркет или скакать верхом
 В степи киргизской. Поплетусь-ка дале,
 Со станции на станцию шажком,
 Как говорят о том оригинале,
 Который, не кормя, на рысаке
 Приехал из Москвы к Неве-реке.

VIII

Скажу, рысак! Парнасский иноходец
 Его не обогнал бы. Но Пегас
 Стар, зуб уж нет. Им вырытый колодец
 Иссох. Порос крапивою Парнас;
 В отставке Феб живет, а хороводец
 Старушек муз уж не прельщает нас.
 И табор свой с классических вершинок
 Перенесли мы на толкучий рынок.

(...)

1830

А. С. Пушкин

92а

СТИХИ,
 СОЧИНЕННЫЕ НОЧЬЮ
 ВО ВРЕМЯ БЕССОННИЦЫ

Мне не спится, нет огня;
 Всюду мрак и сон докучный.
 Ход часов лишь однозвучный
 Раздается близ меня.

Парки бабье лепетанье,
Спящей ночи трепетанье,
Жизни мышья беготня...
Что тревожишь ты меня?
Что ты значишь, скучный шепот?
Укоризна или ропот
Мной утраченного дня?
От меня чего ты хочешь?
Ты зовешь или пророчишь?
Я понять тебя хочу,
Смысла я в тебе ищу...

1830

А. С. Пушкин

93

Въезд в Москву запрещен, и вот я заперт в Болдине. Во имя неба, дорогая Наталья Николаевна, напишите мне, несмотря на то, что вам этого не хочется. Скажите мне, где вы? Уехали ли вы из Москвы? нет ли окольного пути, который привел бы меня к вашим ногам? Я совершенно пал духом и право не знаю, что предпринять. Ясно, что в этом году (будь он проклят) нашей свадьбе не бывать. Но не правда ли, вы уехали из Москвы? Добровольно подвергать себя опасности заразы было бы непростительно. Я знаю, что всегда преувеличивают картину опустошений и число жертв; одна молодая женщина из Константинополя говорила мне когда-то, что от чумы умирает только простонародье — всё это прекрасно, но всё же порядочные люди тоже должны принимать меры предосторожности, так как именно это спасает их, а не их изящество и хороший тон. Итак, вы в деревне, в безопасности от холеры, не правда ли? Пришлите же мне ваш адрес и сведения о вашем здоровье. Что до нас, то мы оцеплены карантинами, но зараза к нам еще не проникла. Болдино имеет вид острова, окруженного скалами. Ни соседей, ни книг. Погода ужасная. Я провожу время в том, что мараю бумагу и злюсь. Не знаю, что делается на белом свете и как поживает мой друг Полиньяк. Напишите мне о нем, потому что здесь я газет не читаю. Я так глупею, что это просто

прелесть.* Что дедушка с его медной бабушкой? Оба живы и здоровы, не правда ли? Передо мной теперь географическая карта; я смотрю, как бы дать крюку и приехать к вам через Кяхту или через Архангельск? Дело в том, что для друга семь верст не крюк; а ехать прямо на Москву значит семь верст киселя есть (да еще какого? Московского!)*. Вот поистине плохие шутки. Я смеюсь «и желтею», как говорят рыночные торговки (т. е. «кисло усмехаюсь»). Прощайте, повергните меня к стопам вашей матушки; сердечные поклоны всему семейству. Прощайте, прелестный ангел. Целую кончики ваших крыльев, как говаривал Вольтер людям, которые вас не стоили (фр.)

Пушкин — Н. Н. Гончаровой.
11 октября 1830. Из Болдина в Москву.

94

19 октября. Сожжена X песнь.

А. С. Пушкин. Дневниковая запись. 1830.

95

9-го вы еще были в Москве! Об этом пишет мне отец; он пишет мне также, что моя свадьба расстроилась. Не достаточно ли этого, чтобы повеситься? Добавлю еще, что от Лукоянова до Москвы 14 карантин. Приятно? Теперь расскажу вам одну историю. Один из моих друзей ухаживал за хорошенькой женщиной. Однажды, придя к ней, он видит на столе незнакомый ему альбом — хочет посмотреть его — дама бросается к альбому и вырывает его. Но мы иногда бываем так же любопытны, как и вы, прекрасные дамы. Друг мой пускает в ход всё свое красноречие, всю изобретательность своего ума, чтобы заставить ее отдать альбом. Дама твердо стоит на своем; он принужден уступить. Немного времени спустя бедняжка

* Слова, заключенные между звездочками, в письме по-русски.

умирает. Друг присутствует на похоронах и приходит утешать несчастного мужа. Они вместе роются в ящичках покойной. Друг мой видит таинственный альбом — хватает его, раскрывает; альбом оказывается весь чистый за исключением одного листа, на котором написаны следующие 4 плохих стиха из Кавказского пленника:

Не долго женскую любовь
Печалит хладная разлука,
Пройдет любовь, настанет скука

и т. д. ...Теперь поговорим о другом. Этим я хочу сказать: вернемся к делу. Как вам не стыдно было оставаться на Никитской во время эпидемии? Так мог поступать ваш сосед Адриан, который обдeldывает выгодные дела. Но Наталья Ивановна, но вы! — право, я вас не понимаю. Не знаю, как добратся до вас. Мне кажется, что Вятка еще свободна. В таком случае поеду на Вятку. Между тем пишите мне в Абрамово для доставления в Болдино. Ваши письма всегда дойдут до меня.

Прощайте, да хранит вас бог. Повергните меня к стопам вашей матушки. (фр.)

*Пушкин — Н. Н. Гончаровой.
4 ноября 1830. Из Болдина в Москву.*

96

1. Разделить селение на 20 частей и приставить к каждой десятского, которые должны смотреть, чтобы в домах была чистота, чтобы никто из жителей не выходил на улицу не одетым, а особливо босиком и все бы одевались теплее и чтобы десятские каждый день извеждали начальников о здоровье жителей.

2. Ко всем околицам непременно приставить караул по два человека, на день и на ночь: для караульных сделать хорошие шалаши, и в шалашах кровати, к дверям же заслон и чтобы противу шалашей были вырыты ямы, где бы беспрестанно горел огонь.

3. Строжайше смотреть, чтобы не было пьянства!

4. Чтобы никто и никуды из селения не отлучался без позволения старосты или сотского; а в другой

уезд — без билета данного начальником. В уезды же Симбирской-Ардатовский и Пензенской-Саранский строжайше запретить, чтобы никто не ходил и не ездил, по случаю открытия там болезни холер.

5. Очистить два крестьянских двора под больницу и для обсервации (обследования. — В. К.), чтобы избы были хорошие и дворы крепкие, у иных задние ворота завалить наглухо, избу же топить каждый день.

6. Назначить десять человек на случай оцепления; сделать им именной список и доставить ко мне.

7. Назначить на случай болезни ходить за больными 4 мужиков и 4 бабы.

8. Извещать меня немедленно о заболевших холерою. При начале болезни сей открываются следующие припадки: боль в груди, трудное дыхание, переменной колючей болью с жаром во всей верхней части живота; временное или постоянное кружение головы, почти непрерывное ворчание в животе; запор наниз; потеря аппетита; попеременно озноб и жар; холодный пот на лбу и бессонница.

9. Иметь в готовности на случай болезни холеры редьку, вино, настоенное стручковым перцем, для натирания оными заболевших, для курения после болезни в том доме, где она случится — селитру и горючую серу.

10. Нищих бродить отнюдь не пускать, а таковых и сторонних останавливать, и если оные здоровы, отсылать за караулом в их селения и отдавать под расписку; а ежели иные оные окажутся подозрительны в здоровье, то сажать их в отведенный двор для обсервации и меня тотчас известить.

11. Проходящих и проезжающих из Низовых (по Волге. — В. К.) губерний, особливо из уездов Ардатовского и Саранского, всех останавливать; и если оные не будут иметь билетов от карантинных и кордонных смотрителей, сажать в отведенные дворы для обсервации, и меня немедленно уведомить. Прилежно смотреть и за теми, которые будут иметь билеты от карантинных смотрителей, не больны ли они, и если таковыми окажутся, то и оных останавливать и сажать в отведенные дворы.

12. Ежели из Низовых губерний возвратится сельский житель, то не допуская его в селение, хотя бы он имел и билет от карантинного смотрителя, посадить его в очищенный двор и немедленно дать мне знать.

13. Во время остановки проходящих и своих возвратившихся должны иметь строгой караул из назначенных для сего десяти человек, которые должны смотреть неусыпно, чтобы к ним не только в избу, но даже на двор никто не ходил; а пищу и дрова с осторожностью подавать им в окошко; о продовольствии же оных должны иметь попечение начальники селений.

14. Где возможно, проложить через селения дороги.

15. Наконец, извещать меня о благополучном состоянии жителей каждое воскресенье.

Попечитель квартала Пантусов.

24 октября 1830 г.

97

Посылаю тебе, барон, вассальскую мою подать, именуемую Цветочною, по той причине, что платится она в ноябре, в самую пору цветов. Доношу тебе, моему владельцу, что нынешняя осень была детородна, и что коли твой смиренный вассал не околеет от сарацинского падежа, холерой именуемого и занесенного нам крестовыми воинами, т. е. бурлаками, то в замке твоём, «Литературной газете», песни трубадуров не умолкнут круглый год. Я, душа моя, написал пропасть полемических статей, но, не получая журналов, отстал от века и не знаю, в чем дело — и кого надлежит душиить, Полевого или Булгарина. Отец мне ничего про тебя не пишет. А это беспокоит меня, ибо я всё-таки его сын — т. е. мнителен и хандрлив (каково словечко?). Скажи Плетневу, что он расцеловал бы меня, видя мое осеннее прилежание. Прощай, душа, на другой почте я, может быть, еще что-нибудь тебе пришлю.

4 ноября.

Я живу в деревне как в острове, окруженный карантинами. Жду погоды, чтоб жениться и добратся до Петербурга — но я об этом не смею еще и думать.

Пушкин — А. А. Дельвигу.

4 ноября 1830. Из Болдина в Петербург.

(...) Мой приятель был самый простой и обыкновенный человек, хотя и стихотворец. Когда находила на него такая дрянь (так называл он вдохновение), то он запирался в своей комнате и писал в постеле с утра до позднего вечера, одевался наскоро, чтоб пообедать в ресторации, выезжал часа на три, возвратившись, опять ложился в постелю и писал до петухов. Это продолжалось у него недели две, три, много месяц, и случалось единожды в год, всегда осенью. Приятель мой уверял меня, что он только тогда и знал истинное счастье. Остальное время года он гулял, читая мало и не сочиняя ничего, и слыща поминутно неизбежный вопрос: скоро ли вы нас подарите новым произведением пера вашего? Долго дожидалась бы почтеннейшая публика подарков от моего приятеля, если б книгопродавцы не платили ему довольно дорого за его стихи. Имея поминутно нужду в деньгах, приятель мой печатал свои сочинения и имел удовольствие потом читать о них печатные суждения (...), что называл он в своем энергическом просторечии — подслушивать у кабака, что говорят об нас холопья.

Приятель мой происходил от одного из древнейших дворянских наших родов, чем и тщеславился со всевозможным добродушием. Он столько же дорожил тремя строчками летописца, в коих упомянуто было о предке его, как модный камер-юнкер тремя звездами двояродного своего дяди. Будучи беден, как и почти всё наше старинное дворянство, он, подымая нос, уверял, что никогда не женится или возьмет за себя княжну Рюриковой крови, именно одну из княжен Елецких, коих отцы и братья, как известно, ныне пащут сами и, встречаясь друг со другом на своих бороздах, отряхают сохи и говорят: «Бог помочь, князь Антип Кузмич, а сколько твое княжое здоровье сегодня напыхало?» — «Спасибо, князь Ерема Авдеевич...» — Кроме сей маленькой слабости, которую впрочем, относим мы к желанию подражать лорду Байрону, продававшему также очень хорошо свои стихотворения, приятель мой был *un homme tout rond*, человек совершенно круглый, как говорят французы, *homo quadratus*, человек четвероугольный, по выражению латинскому — по-нашему очень хороший человек.

Он не любил общества своей братьи литераторов, кроме весьма, весьма немногих. Он находил в них слишком много притязаний у одних на колкость ума, у других на пылкость воображения, у третьих на чувствительность, у четвертых на меланхолию, на разочарованность, на глубокомыслие, на филантропию, на мизантропию, иронию и проч. и проч. Иные казались ему скучными по своей глупости, другие несносными по своему тону, третьи гадкими по своей подлости, четвертые опасными по своему двойному ремеслу,—вообще слишком самолюбивыми и занятыми исключительно собою да своими сочинениями. Он предпочитал им общество женщин и светских людей, которые, видя его ежедневно, переставали с ним чиниться и избавляли его от разговоров об литературе и от известного вопроса: Не написали ли чего-нибудь новенького?

Мы распространились о нашем приятеле по двум причинам: во-первых, потому что он есть единственный литератор, с которым удалось нам коротко познакомиться,—во-вторых, что повесть, предлагаемая ныне читателю, слышана нами от него.

Сей отрывок составлял, вероятно, предисловие к повести, не написанной или потерянной. Мы не хотели его уничтожить...

А. С. Пушкин. Отрывок. 26 окт. 1830.

(...) домашние обстоятельства требовали непременно моего присутствия в нижегородской деревне. Перед моим отъездом Вяземский показал мне письмо, только что им полученное: ему писали о холере, уже перелегавшей из Астраханской губернии в Саратовскую. По всему видно было, что она не минует и Нижегородской (о Москве мы еще не беспокоились). Я поехал с равнодушием, коим был обязан пребыванию моему между азиатцами. Они не боятся чумы, полагаясь на судьбу и на известные предосторожности, а в моем

воображении холера относилась к чуме как элегия к дифирамбу.

Приятели, у коих дела были в порядке (или в привычном беспорядке, что совершенно одно), упрекали меня за то и важно говорили, что легкомысленное бесчувствие не есть еще истинное мужество.

На дороге встретил я Макарьевскую ярманку, прогнанную холерой. Бедная ярманка! она бежала как пойманная воровка, разбросав половину своих товаров, не успев пересчитать свои барыши!

Воротиться казалось мне малодушием; я поехал далее, как, может быть, случалось вам ехать на поединок: с досадой и большой неохотой.

Едва успел я приехать, как узнаю, что около меня оцепляют деревни, учреждаются карантинны. Народ ропщет, не понимая строгой необходимости и предпочитая зло неизвестности и загадочное непривычному своему стеснению. Мятажи вспыхивают то здесь, то там.

Я занялся моими делами, перечитывая Кольриджа, сочиняя сказки и не ездя по соседям. Между тем начинаю думать о возвращении и беспокоиться о карантине. Вдруг 2 октября получаю известие, что холера в Москве. Страх меня пронял — в Москве... но об этом когда-нибудь после. Я тотчас собрался в дорогу и поскакал. Проехав 20 верст, ямщик мой останавливается: застава!

Несколько мужиков с дубинами охраняли переправу через какую-то речку. Я стал расспрашивать их. Ни они, ни я хорошенько не понимали, зачем они стояли тут с дубинами и с повелением никого не пускать. Я доказывал им, что, вероятно, где-нибудь да учрежден карантин, что я не сегодня, так завтра на него наеду и в доказательство предложил им серебряный рубль. Мужики со мной согласились, перевезли меня и пожелали многие лета.

А. С. Пушкин. Холера. 1831 (?)

В болдинском уединении получил я сразу, сударыня, оба ваших письма. Надо было, подобно мне, познать совершенное одиночество, чтобы вполне оце-

нить дружеский голос и несколько строк, начертанных дорогим нам существом. Очень рад, что благодаря вам отец мой легко перенес известие о смерти Василия Львовича. Я очень, признаться, боялся за его здоровье и ослабевшие нервы. Он прислал мне несколько писем, из которых видно, что страх перед холерой заслонил в нем скорбь. Проклятая холера! Ну, как не сказать, что это злая шутка судьбы? Несмотря на все усилия, я не могу попасть в Москву; я окружен целою цепью карантинных, и притом со всех сторон, так как Нижегородская губерния — самый центр заразы. Тем не менее, послезавтра я выезжаю, и бог знает, сколько месяцев мне потребуется, чтобы проехать эти 500 верст, на которые обыкновенно я трачу двое суток.

Вы спрашиваете меня, сударыня, что значит слово «всегда», употребленное в одной из фраз моего письма. Я не припомню этой фразы, сударыня. Во всяком случае это слово может быть лишь выражением и девизом моих чувств к вам и ко всему вашему семейству. Меня огорчает, если фраза эта может быть истолкована в каком-нибудь недружелюбном смысле — и я умоляю вас исправить ее. Сказанное вами о симпатии совершенно справедливо и очень тонко. Мы сочувствуем несчастным из своеобразного эгоизма: мы видим, что, в сущности, не мы одни несчастны. Сочувствовать счастью может только весьма благородная и бескорыстная душа. Но счастье... это великое «*быть может*», как говорил Рабле о рае или о вечности. В вопросе счастья я атеист; я не верю в него и лишь в обществе старых друзей я начинаю немного сомневаться.

Немедленно по приезде в Петербург пришлю вам, сударыня, всё, что я напечатал. Отсюда же я не имею возможности ничего вам послать. От всего сердца приветствую вас, сударыня, и всё ваше семейство. Прощайте, до свидания. Верьте моей совершенной преданности. (фр.)

Пушкин — П. А. Осиповой.

5 (?) ноября 1830. Из Болдина в Опочку.

101

В Болдине, всё еще в Болдине! Узнав, что вы не уехали из Москвы, я нанял почтовых лошадей и отправился в путь. Выехав на большую дорогу, я увидел, что вы правы: 14 карантинных являются только аванпостами — а настоящих карантинных всего три. — Я храбро явился в первый (в Сиваслейке Владимирской губ.); смотритель требует подорожную и заявляет, что меня задержат лишь на 6 дней. Потом заглядывает в подорожную. * Вы не по казенной надобности изволите ехать? — Нет, по собственной самонужнейшей. — Так извольте ехать назад на другой тракт. Здесь не пропускают. — Давно ли? — Да уж около 3 недель. — И эти свиньи губернаторы не дают этого знать? — Мы не виноваты-с. — Не виноваты! а мне разве от этого легче? Нечего делать — еду назад в Лукоянов; требуют свидетельства, что еду не из зачумленного места. Предводитель здешний не знает, может ли после поездки моей дать мне это свидетельство — я пишу губернатору, а сам в ожидании его ответа, свидетельства и новой подорожной сижу в Болдине да кисну *. Вот каким образом проездил я 400 верст, не двинувшись из своей берлоги.

Это еще не всё: вернувшись сюда, я надеялся, по крайней мере, найти письмо от вас. Но надо же было пьянице-почтмейстеру в Муроме перепутать пакеты, и вот Арзамас получает почту Казани, Нижний — Лукоянова, а ваше письмо (если только есть письмо) гуляет теперь не знаю где и придет ко мне, когда богу будет угодно. Я совершенно пал духом и так как наступил пост (скажите маменьке, что этого поста я долго не забуду), я не стану больше торопиться; пусть всё идет своим чередом, я буду сидеть сложа руки. Отец продолжает писать мне, что свадьба моя расстроилась. На днях он мне, может быть, сообщит, что вы вышли замуж... Есть от чего потерять голову. Спасибо кн. Шаликову, который наконец известил меня, что холера затихает. Вот первое хорошее известие, дошедшее до меня за три последних месяца. Прощайте, мой ангел, будьте здоровы, не выходите замуж за г-на Давыдова и извините мое скверное настроение. Поверните меня к стопам маменьки, всего хорошего всем. Прощайте. (фр.)

*Пушкин — Н. Н. Гончаровой.
18 ноября 1830. Из Болдина в Москву.*

* Слова, заключенные между звездочками, в письме по-русски.

102

Милостивый государь!

Спешу отослать вам свидетельство на выезд, которое я получил для вас. Я сочувствую вашему положению, так как сам имею родственников в Москве и мне понятно ваше желание туда вернуться. Очень рад, что мог быть вам полезен при этом обстоятельстве и, желая вам счастливого пути, остаюсь, милостивый государь, с совершенным уважением <...> (фр.)

Д. Языков — Пушкину.
22 ноября 1830. Нижний-Новгород.

103

Из вашего письма от 19 ноября вижу, что мне надо объясниться. Я должен был выехать из Болдина 1-го октября. Накануне я отправился верст за 30 отсюда к кн. Голицыной, чтобы точнее узнать количество карантинных, кратчайшую дорогу и пр. Так как имение княгини расположено на большой дороге, она взялась разузнать всё доподлинно.

На следующий день, 1-го октября, возвратившись домой, получаю известие, что холера добралась до Москвы, что государь там, *а все жители покинули ее*. Это последнее известие меня несколько успокаивает. Узнав между тем, что выдают свидетельства на свободный проезд или, по крайней мере, на сокращенный срок карантина, пишу на этот предмет в Нижний. Мне отвечают, что свидетельство будет мне выдано в Лукоянове (поскольку Болдино не заражено), в то же время меня извещают, что *въезд и выезд из Москвы запрещены*. Эта последняя новость, особенно же неизвестность вашего местопребывания (я не получал писем ни от кого, даже от брата, который думает обо мне, как о прошлогоднем снеге) задерживают меня в Болдине. Я боялся или, вернее, надеялся по прибытии в Москву *вас там не застать* и был уверен, что если даже меня туда и впустят, то *уж наверное не выпустят*. Между тем слух, что Москва опустела, подтверждался и успокаивал меня.

Вдруг я получаю от вас маленькую записку, в которой вы сообщаете, что и не думали об отъезде.— Беру почтовых лошадей; приезжаю в Лукоянов, где мне отказывают в выдаче свидетельства на проезд под предлогом, что меня выбрали для надзора за карантинами моего округа. Послав жалобу в Нижний, решаю продолжать путь. Переехав во Владимирскую губернию, узнаю, что проезд по большой дороге запрещен — и никто об этом не уведомлен, такой здесь во всем порядок. Я вернулся в Болдино, где останусь до получения паспорта и свидетельства, другими словами, до тех пор, пока будет угодно богу.

Итак, вы видите (если только вы соблаговолите мне поверить), что мое пребывание здесь вынужденное, что я не живу у княгини Голицыной, хотя и посетил ее однажды; что брат мой старается оправдать себя, уверяя, что писал мне с самого начала холеры, и что вы несправедливо смеетесь надо мной.

26 ноября.

За сим кланяюсь вам.

Абрамово вовсе не деревня княгини Голицыной, как вы полагаете, а станция в 12-ти верстах от Болдина, Лукоянов от него в 50-ти верстах.

Так как вы, по-видимому, не расположены верить мне на слово, посылаю вам два документа о своем вынужденном заточении.

Я не перечислил вам и половины всех неприятностей, которые мне пришлось вытерпеть. Но я недаром забрался сюда. Не будь я в дурном расположении духа, когда ехал в деревню, я бы вернулся в Москву со второй же станции, где узнал, что холера опустошает Нижний. Но в то время мне и в голову не приходило поворачивать вспять, и я не желал ничего лучшего, как заразы. (фр.)

Пушкин — Н. Н. Гончаровой.
26 ноября 1830. Из Болдина в Москву.

Вот еще один документ — извольте перевернуть страницу.

Я задержан в карантине в Платаве: меня не пропускают, потому что я еду на *перекладной*; ибо карета моя сломалась. Умоляю вас сообщить о моем

печальном положении князю Дмитрию Голицыну — и просить его употребить всё свое влияние для разрешения мне въезда в Москву. От всего сердца приветствую вас, также маменьку и всё ваше семейство. На днях я написал вам немного резкое письмо, — но это потому, что я потерял голову. Простите мне его, ибо я раскаиваюсь. Я в 75 верстах от вас, и бог знает, увижу ли я вас через 75 дней.

P. S. Или же пришлите мне карету, или коляску в Платавский карантин на мое имя. (фр.)

Пушкин — Н. Н. Гончаровой.
Около (не позднее) 1 декабря 1830. Из Платавы в
Москву.

105

Бесполезно высылать за мной коляску, меня плохо осведомили. Я в карантине с перспективой оставаться в плену две недели — после чего надеюсь быть у ваших ног.

Напишите мне, умоляю вас, в Платавский карантин. Я боюсь, что рассердил вас. Вы бы простили меня, если бы знали все неприятности, которые мне пришлось испытать из-за этой эпидемии. В ту минуту, когда я хотел выехать, в начале октября, меня назначают окружным надзирателем — должность, которую я обязательно принял бы, если бы не узнал в то же время, что холера в Москве. Мне стоило великих трудов избавиться от этого назначения. Затем приходит известие, что Москва оцеплена и въезд в нее запрещен. Затем следуют мои несчастные попытки вырваться, затем — известие, что вы не уезжали из Москвы — наконец ваше последнее письмо, повергшее меня в отчаяние. Как у вас хватило духу написать его? Как могли вы подумать, что я застрял в Нижнем из-за этой проклятой княгини Голицыной? Знаете ли вы эту кн. Голицыну? Она одна толста так, как всё ваше семейство вместе взятое, включая и меня. Право же, я готов снова наговорить резкостей. Но вот я наконец в карантине и в эту минуту ничего лучшего не желаю. * Вот до чего мы дожили — что рады, когда нас на две

* Слова, заключенные между звездочками, в письме по-русски.

недели посадят под арест в грязной избе к ткачу, на хлеб да на воду!

Нижний* больше не оцеплен — во Владимире карантинны были сняты накануне моего отъезда. Это не помешало тому, что меня задержали в Сиваслейке, так как губернатор не позаботился дать знать смотрителю о снятии карантина. Если бы вы могли себе представить хотя бы четвертую часть беспорядков, которые произвели эти карантинны,— вы не могли бы понять, как можно через них прорваться. Прощайте. Мой почтительный поклон маменьке. Приветствую от всего сердца ваших сестер и Сергея. (фр.)

*Пушкин — Н. Н. Гончаровой.
2 декабря 1830. Из Платавы в Москву.*

106

Секретно.

Исправляющему должность московского обер-полицмейстера
господину полковнику и кавалеру
Сергею Николаевичу Муханову.
Московского полицмейстера 1-го отделения

РАПОРТ.

На основании предписания бывшего московского обер-полицмейстера от 7 числа сентября прошлого 1829 г. за № 435 честь имею донести, что 9 числа сего декабря прибыл из города Лукоянова отставной чиновник 10-го класса Александр Сергеев Пушкин и остановился Тверской части 1-го квартала в гостинице «Англия», за коим надлежащий надзор учрежден.

*Полицмейстер Миллер.
№ 241. Декабря 11 дня 1830 г.*

107

Мой отец только что переслал мне письмо, которое вы адресовали мне в деревню. Вы должны быть уверены в моей признательности, так же как я уверен

в участии, которое вы изволите принимать в моей судьбе. Поэтому я не буду говорить вам об этом, сударыня. Что до известия о моем разрыве с невестой, то оно ложно и основано лишь на моем долгом отсутствии и на обычном моем молчании по отношению к друзьям. Более всего меня интересует сейчас то, что происходит в Европе. Вы говорите, что выборы во Франции идут в хорошем направлении, — что называете вы хорошим направлением? Я боюсь, как бы Луи-Филипп не оказался королем-чурбаном. Новый избирательный закон посадит на депутатские скамьи молодое, необузданное поколение, не уstraшенное эксцессами республиканской революции, которую оно знает только по мемуарам и которую само не пережило. Я еще не читал газет, так как не имел времени оглядеться. Что же касается русских газет, то, признаюсь, меня очень удивило запрещение «Литературной газеты». Издатель, без сомнения, сделал ошибку, напечатав конфектный билетец Казимира Лавиня, — но эта газета так безобидна, так скучна в своей важности, что ее читают только литераторы, и она совершенно чужда даже намеков на политику. Мне обидно за Дельвига, человека спокойного, весьма достойного отца семейства, которому, тем не менее, минутная глупость или оплошность могут повредить в глазах правительства, — и как раз в тот момент, когда он ходатайствует перед его величеством о пенсии для своей матери, вдовы генерала Дельвига. (...) (фр.)

Пушкин — Е. М. Хитрово.

11 декабря 1830. Из Москвы в Петербург

108

М. П. Погодин

ИЗ ДНЕВНИКА

1830. Декабрь. 15. Пушкин читал мне разные прозаические отрывки и повесть октавами, которую просит издать. Вот геркулесовский подвиг. Об «Адели» — «печатайте». Он спешил (...) Обедал у Киреевских и не успел уязвить письмом Пушкина. Пушкин рассказывал о Жуковском и о доносах Булгарина.

17. (...) К Пушкину, который прочел мне свои прелестные русские песни. (...)

22. (...) Пушкин прочел мне 9 «Онегина», и прелесть. «Все вы пишете так», — а мне счастья нет. Читал нечто из «Адели». (...)

109

Поступила в продажу в книжном магазине А. Ф. Смирдина: трагедия Борис Годунов, соч. А. С. Пушкина. Цена 10 р., с пересылкою 11 р.

— *Северная пчела*, 1830, 23 декабря, № 153.

110

Бориса Годунова, соч. А. С. Пушкина, в первое утро раскуплено было, по показаниям здешних книготорговцев, до 400 экземпляров. Это показывает, что неприветливые журналисты напрасно винят нашу публику за равнодушие к истинно хорошему в нашей литературе...

— *Литературная газета*, 1831, 2 января, № 1.

111

Н. В. Гоголь

«БОРИС ГОДУНОВ». ПОЭМА ПУШКИНА

Книжный магазин блестел в бельэтаже ***ой улицы, лампы отбивали теплый свет на высоко взгроможденные стены из книг, живо и резко озаряя заглавия голубых, красных, в золотом обресе, и запыленных, и погребенных, означенных силою и бессилием человеческих творений. Толпа густилась и росла (...) Сидельцы суетились. «Славная вещь! Отличная вещь!» — отдавалось со всех сторон. «Что, батюшка, читали «Бориса Годунова», нет? Ну, ничего же вы не читали хорошего» — бормотала кофейная шинель запыхавшейся квадратной фигуре. «Каков Пушкин?» — сказал, быстро поворотившись новоиспеченный гусарский корнет своему соседу, нетерпеливо разрезывавшему последние листы. — «Да, есть места удивитель-

ные!» — «Ну, вот наконец дождались и «Годунова!» — «Как, «Борис Годунов» вышел?» — «Скажите, что это такое «Борис Годунов»? как вам кажется новое сочинение?» — «Единственно! Единственно! еще бы некоторой картины... О, Пушкин далеко шагнул!» — «Мастерство-то, главное — мастерство; посмотрите, посмотрите, как он искусно того...» — трещал толстенький кубик с веселыми глазками, поворачивая перед глазами своими руку с притнутыми немного пальцами, как будто бы в ней лежало спелое прозрачное яблоко. «Да, с большим, с большим достоинством! — твердил сухощавый знаток, отправляя разом пол-унции табаку в свое римское табакохранилище. — Конечно, есть места, которых строгая критика... Ну, знаете... еще молодость... Впрочем, произведение едва ли не первоклассное!» — «Насчет этого позвольте-с доложить, что за прочность, — присовокупил с довольным видом книгопродавец: — ручается успешная-с выручка денег...» — «А самое-то сочинение действительно ли чувствительно написано?» — с смиренным видом заикнулся вонедший сенатский рябчик. «И, конечно, чувствительно! — подхватил книгопродавец, кинув убийственный взгляд на его истертую шинель, — если бы не чувствительно, то не разобрали бы 400 экземпляров в два часа!» Между тем лица беспрестанно менялись, выходя с довольною миною и книжкою в руках» {...}

Будто прикованный, уничтожив окружающее, не слыша, не внимая, не помня ничего, пожираю я твои страницы, дивный поэт! И когда передо мною медленно передвигается минувшее и серебряные тени в трепетании и чудном блеске тянутся бесконечным рядом из могил в грозном и тихом величии, когда вся отжившая жизнь отзывается во мне и страсти переживаются сызнава в душе моей — чего бы не дал тогда, чтобы только прочесть в другом повторение всего себя?.. {...}

О, как велик сей царственный страдалец! Столько блага, столько пользы, столько счастья миру — и никто не понимал его... Над головой его гремит определение... Минувшая жизнь, будто на печальный звон колокола, вся совокупляется вокруг него! Умершее живет!.. И дивные картины твои блещут и раздаются все необъятнее, все необъятнее, все необъятнее...

Глава двенадцатая

1831

Ревет ли зверь в лесу глухом,
Трубит ли рог, гремит ли гром,
Поет ли дева за холмом —
На всякий звук
Свой отклик в воздухе пустом
Родишь ты вдруг.

Ты внимлешь грохоту громов,
И гласу бури и валов,
И крику сельских пастухов —
И шлешь ответ;
Тебе ж нет отзыва... Таков
И ты, поэт!

1831

Я должен был на тебе жениться, потому что всю жизнь был бы без тебя несчастлив...

1834

Новый 1831-й год встретил Пушкина радостным событием, каких не так уж много выпало ему в жизни — вышел в свет «Борис Годунов». Собственно, в Петербурге стал он продаваться чуть раньше — в последние дни ушедшего года. Молодой литератор Николай Васильевич Гоголь свидетель оживленных толков в книжной лавке Смирдина, куда поступили первые экземпляры трагедии, сделал запись об этом (гл. XI, № 111).

До автора книжка добралась лишь к утру 2 января. Ни одно его произведение не значило лично для Пушкина так много, как «Борис Годунов», ни одной своей книги не ждал он с таким нетерпением и с таким суеверным страхом. «С отвращением решаюсь я выдать в свет свою трагедию, — без всякой рисовки признавался автор в черновике предисловия, — и хотя я вообще всегда был довольно равнодушен к успеху или неудаче своих сочинений, но признаюсь, неудача «Бориса Годунова» будет мне чувствительна, а я в ней почти уверен». Как первым отметил Анненков,

«Борис Годунов» для Пушкина составлял «как бы часть его самого». Первые известия об успехе трагедии в Петербурге (в один день разошлось чуть ли не 400 экземпляров) были для автора неожиданной радостью. Журнал «Петербургский вестник» (1831, № 2) благожелательно писал: «Предоставим литературным хавроньям открывать в этом творении недостатки. Скажем, что поэзия «Бориса Годунова» должна проникать наслаждением душу благородную, чуждую щепетильных расчетов зависти». Даже предвиденные благоглупости московских толков о трагедии на этом фоне не слишком раздражали (№ 3), вызывая лишь улыбку. Относительно легко претерпел Пушкин и бесчинство цензорских ножниц над живым телом трагедии: выброшена была сцена «Девичье поле», исключены реплики в сцене в корчме и т. д.

Но вскоре выяснилось, что предчувствия не обманули поэта — все «встало на свои места», вернее — перевернулось с ног на голову. Даже некоторые друзья его не приняли «Бориса...». Николай Языков писал 11 февраля: «Годунов раскупается слабо. Пушкин точно издал его слишком и слишком поздно. Добро бы хоть в эти пять лет поправлял его, а то все прежнее и все не то, чего ожидать следовало». Не понимала трагедию и читающая молодежь: будущий философ, а тогда студент В. С. Печерин спрашивал приятельницу: «Как вам нравится «Борис Годунов»? Мне он совсем не нравится: это отрывки из русской истории, а вовсе не поэтическое произведение, достойное этого имени». Литератор, переводчик Н. А. Мельгунов писал 8 февраля: «Не обвиняй меня в вандализме за смелость, с какою я говорю о Пушкине, и не забудь, что речь идет не о безусловном его достоинстве, а об относительном. Вчера еще спросили при мне у Ширяева (московский книгопродавец.— В. К.), что, каково расходится «Борис Годунов» Пушкина.— Ну, что о Пушкине!— пробормотал он сквозь нос и отворотился с медвежьей неповоротливостью. Худо, коли книгопродавцы начинают отворачиваться при имени Пушкина». Трагик В. А. Каратыгин высказался с комической определенностью: «Галиматъя в шекспировском роде».

В марте в газете «Листок» была помещена такая сценка-информация: «В одну книжную лавку вошел молодой человек купить «Бориса Годунова». В то

время, как он рассчитывался с книгопродавцем, к нему подошел какой-то старик, вероятно, ему знакомый, и протяжно начал с ним следующий разговор.

Старик.— Что за книжку вы купили?

Молод. чел.— Пушкина «Бориса Годунова».

Старик.— Напрасно! (обращаясь к книгопродавцу). Ну что это за сочинение. Инде прозою, инде стихами, инде по-французски, инде по-латине, да еще без рифм.

Молодой человек покраснел и, не сказав ничего в ответ, вышел. Быв свидетелем этого разговора, я почел не излишним довести об этом до сведения публики. Какова черта современного невежества! Не совсем ясно, что усвоили из такой «рекламы» подписчики: быть может, прислушались к мнению Старика.

Современным авторам даже и не снится то, что приходилось претерпевать Пушкину. Едва появился «Борис...» в Москве, едва успел поэт порадоваться петербургским известиям, как расползлись такие стишки:

И Пушкин стал нам скучен,
И Пушкин надоел:
И стих его не звучен,
И гений охладел.
«Бориса Годунова»
Он выпустил в народ:
Убогая обнова —
Увы! на Новый год!

Как тут не согласиться с Гоголем, как не спросить вместе с ним горестно: «Определил ли кто, понял ли кто «Бориса Годунова», это высокое, глубокое произведение?» Ответить, что не понял никто, было бы несправедливо, но как мало было их — понявших, как безнадежно тонули их голоса в общем хоре хулы.

* * *

Безмятежная радость в судьбе Пушкина почему-то всегда оставалась либо несбыточной, либо уж совсем кратковременной, 18 января поутру хватило у него духу написать церемонное благодарственное письмо о «Борисе...», которого хоть и промытарили без малого пять лет, но все же выпустили на свет (№ 6). Вечером Пушкин уже не в состоянии был бы это сделать — он получил известие о внезапной смерти любимого

Дельвига. «Без него мы точно осиротели», — писал он Плетневу 21-го *. Даже матримониальные заботы показались на какое-то время мелочными перед лицом такой беды.

Между тем, заботы эти сразу, как появился Пушкин в Москве, его обступили. Еще в Болдине, получая ледяные письма невесты, он понимал, что они внушены, если не продиктованы, матушкой Натальей Ивановной. Современница вспоминала: «Когда он жил в деревне, Наталья Ивановна не позволяла дочери самой писать к нему письма, а приказывала писать всякую глупость и, между прочим делать ему наставления, чтоб он соблюдал посты, молился богу и пр. Наталья Николаевна плакала от этого». Среди народных песен, записанных Пушкиным в Болдине, есть и такая:

Теща про зятюшку сдобничала,
Сдобничала да пирожничала,
Испекла пирог во двенадцать рублей,
Солоду, муки на четыре рубли,
Ягодов, изюму на восемь рублей.
Теща по горенке показивала,
Косо на зятюшку поглядывала:
Как тебя, зятюшку, не разорвало,
Как тебя, зятюшку, не перервало!

С тещей, хоть и думал Пушкин, что «сладил», предстояло еще немало хлопот. Свадьба по-прежнему висела на волоске. Вера Федоровна Вяземская по просьбе жениха ездила к Гончаровым и просила поторопиться. Однако был, кажется, и в 1831 г. момент, когда Пушкин, уставший от самодурства Натальи Ивановны и от собственных сомнений, готов был расстаться с мечтою о семейном счастье и «удрать» в армию. Собираясь заложить имение в Опекунском совете, он, шутя, напевал Нащокину старую песню: «Не женись ты, добрый молодец, а на те деньги коня купи». Приятель Пушкина С. Д. Киселев писал в те дни: «Мне сдается, что он бы с удовольствием заключил отступной контракт». 16 февраля, за два дня до венчания осведомленный в московских сплетнях почт-директор А. Я. Булгаков сообщал брату: «В городе опять начали поговаривать, что Пушкина свадьба расходуется: это скоро должно открыться.

* Подробнее об этом см. «Друзья Пушкина», т. I.

Середа последний день, в который можно венчать *. Невеста, говорят, нездорова. Он был (...) на бале, отличался, танцевал, после ужина скрылся.— Где Пушкин, я спросил, а Гриша Корсаков серьезно отвечал: *P a été donc ici toute la soirée, et maintenant il est allé trouver sa promise ***. Хорош визит в пять часов утра и к больной! Нечего ждать хорошего, кажется; я думаю, что не для нее одной, но для него лучше было бы, кабы свадьба разошлась».

Но в тот самый день, 16-го, видно, все было решено бесповоротно, потому что 17-го Пушкин созвал у себя (по-видимому, уже в доме Хитровой на Арбате, неподалеку от Смоленской площади) мальчишник. Он прощался с холостой жизнью. Приглашал особыми записочками. Явились брат Лев Сергеевич, Баратынский, Нащокин, Вяземский, Языков, Денис Давыдов, Иван Киреевский и еще несколько человек. Вечер получился шумный, суматошный. П. И. Бартенев в 1850-х годах расспрашивал еще остававшихся в живых стариков — участников того мальчишника. Вот отрывочная запись одного разговора: «Накануне свадьбы был очень грустен и говорил стихи, прощаясь с молодостью. А закуска из свежей семьи ***. Обедало у него человек 12. На другой день он был... очень весел, смеялся, был счастлив, любезен с друзьями». Есть и другая запись, со слов Киреевского: «Пушкин был необыкновенно грустен, так что гостям его даже было неловко. Он читал стихи прощание с молодостью, которых после Киреевский не видел в печати». Какие стихи, до сих пор неизвестно — даже самые доброжелательные и педантичные мемуаристы их не запомнили. На какой-то бумаге, сохранившейся у Пушкина после мальчишника, остались строки Вяземского:

Пушкин! Завтра ты женат,
Холостая жизнь прощай-ка,
Об-земь холостая шайка...

Дальше понять трудно: видно, было нечто озорное, намеренно зачеркнутое. После того как гости разошлись, к вечеру, Пушкин уехал к невесте.

В руках Бартенева было какое-то французское

* Перед постом.

** Он ведь был здесь весь вечер, а теперь отправился навестить невесту (фр.).

*** Не надо удивляться мелочам: Бартенев именно их и ценил и записывал точно.

письмо, написанное Пушкиным перед самой свадьбой. По утверждению пушкиниста, письмо «поразительное по удивительному самосознанию или PROVIDENIU судьбы своей. Там Пушкин прямо говорит, что ему, вероятно придется погибнуть на поединке». Бартенев никогда ничего не выдумывал: быть может, какое-то не дошедшее до нас письмо существовало...

Наутро, в день свадьбы Наталья Ивановна прислала сказать, что все опять придется отложить — нет денег на карету. Кстати, на жениховский фрак Пушкин разоряться не стал — венчался во фраке Нащокина. Жених послал денег — свадьба состоялась. Сперва венчаться собирались в домовый церкви князя С. М. Голицына, но митрополит Московский Филарет запретил: не положено. Венчали в приходе, где жила невеста, у Большого Вознесения. Если верить легендам и некоторым позднейшим записям Бартенева, во время венчания Пушкин, нечаянно зацепив за аналой, уронил крест; когда кольцами менялись, одно упало на пол; погасла свечка; первым устал держать венец шафер жениха. Пушкин будто бы шепнул кому-то: «tous les mauvais augures *...»

В церковь старались не пускать посторонних, была даже прислана на сей случай полиция. Видно, все же событие для Москвы было приметное. Более всего были огорчены поклонники Натали Гончаровой. 25 сентября 1832 г. Александр Сергеевич писал Наталье Николаевне: «Вчера рассказали мне анекдот, который тебе сообщаю: В 1831 году, февраля 18, была свадьба на Никитской, в приходе Вознесения. Во время церемонии двое молодых людей разговаривали между собою. Один из них нежно утешал другого, несчастного любовника венчаемой девицы. А несчастный любовник, с воздыханием и слезами, надеялся со временем забыть безумную страсть etc. etc. etc. Княжны Вяземские слышали весь разговор и думают, что несчастный любовник был Давыдов**. А я так думаю, Петушков или Буянов*** или паче Сорохтин****. Ты как? не правда ли, интересный анекдот?».

* Все дурные предзнаменования (фр.).

** В. Давыдов — московский студент, поклонник юной Гончаровой.

*** Персонажи «Евгения Онегина» — лишнее доказательство, что Н. Н. Пушкина знала роман неплехо.

**** Также студент, влюбленный в Гончарову.

На другой день после венчания Пушкиных А. Я. Булгаков сообщал брату: «И так свершилась эта свадьба, которая так долго тянулась. Ну да как будет хороший муж. То-то всех удивит, никто этого не ожидает и все сожалеют о ней. Я сказал Корсакову быть ей *milady Вугон* (леди Байрон). Он пересказал Пушкину, который смеялся только». И всех удивил...

Квартиру на Арбате Пушкин снял еще 23 января. Как считают современные исследователи *, в начале февраля он уже туда перебрался, наняв слуг: экономку Марию Ивановну, дворецкого Александра Григорьевича, камердинера Никифора Федорова и других. Молодожены занимали второй этаж: зал, гостиную, кабинет, спальню, будуар. Как ни скудны бытовые сведения о жизни поэта в доме на Арбате, а все же сохранились воспоминания сына Вяземских Павла (ему, правда, было тогда только десять лет). Он рассказывал, как «по совершении брака в церкви отправился с Павлом Воиновичем Нащокиным для встречи новобрачных с образом». Гостиную Пушкиных Павел Вяземский называет «щегольской и уютной», вспоминает, что была она оклеена «дикивинными для меня обоями под лиловый бархат с рельефными набивными цветочками».

В первом семейном обиталище Пушкин обрел мир и покой, пусть опять недолгий, но непривычный ему по своей полноте и прочности. Письмо Плетневу (№ 21) — редкостное во всей переписке Пушкина. В нем — счастье! «Странная вещь! Непонятная вещь!», как любил он тогда повторять. Быть может, на какой-то миг возникла иллюзия отъединения от бурь века, где рушились престолы, вымирали губернии, где ждали его неотвязные материальные хлопоты и непонимание читателей... Пушкин был женат, влюблен, любим и безмерно счастлив. Недавние колебания показались бы теперь смешными. Сам он никогда к ним не возвращался и никак не мог предвидеть, что в них с пристрастием станут разбираться поколения его биографов.

* В 1986 г. в д. 53 на Арбате в единственной мемориальной квартире Пушкина в Москве, сохранившейся до наших дней, открылся музей. В ходе подготовки его экспозиции была написана и выпущена в свет книга С. Т. Овчинниковой «Пушкин в Москве» (М., 1984), в которой исчерпывающе собран весь фактический и документальный материал 1830—1831 гг.

После свадьбы наступили обычные московские развлечения: балы, театр, масленичные катанья на санях, прогулки по Тверскому бульвару и визиты, визиты. Беспреданно находились охотники поглядеть на первую красавицу Москвы и первого поэта России, но Пушкина все это не сильно занимало. Москва утомляла и разочаровывала обывательскими замашками. В позднейшей статье описаны эти свойства старой столицы (№ 10). 27 февраля был бальный вечер у самих Пушкиных; Наталья Николаевна очаровала гостей, глава семейства пребывал в прекрасном расположении духа (№ 22).

Слухи и толки, меж тем, не умолкали. Лицейский директор Е. А. Энгельгардт сообщал Ф. Ф. Матюшкину: «Знаешь ли, что Пушкин женился? Жена его москвичка, как говорят, очень любезная, образованная и с деньгами. Жаль ее: она верно будет несчастлива. В нём только и было хорошего, что его стихотворческий дар, да и тот, кажется, исчезает...». По существу в том же духе 3 марта 1831 г. давний приятель Пушкина Я. И. Сабуров разглагольствовал в письме из Москвы: «Здесь не опомнятся от женитьбы Пушкина; склонится ли он под супружеское ярмо, которое — не что иное как *rool rig* * и часто не слишком верная. Как справится он с тем, чтобы нарушить привычный ритм своей жизни? Впрочем мы ничего не теряем. Во всяком случае, на худой конец, больше будет прекрасных строф; итог писателя — это его книга, а как он к ней приходит — его дело. Пусть брак, семья станут лишним томом в его библиотеке материалов — я согласен: она будет лишь богаче и плодотворнее». Весьма распространенный и по сей день живучий взгляд на Пушкина! Вот уж поистине холодная толпа взирает на поэта «как на заезжего фигляра!» (гл. XI, № 88). Горе его — ей в радость, ибо обещает художественные красоты стихов. Но для того ли только мы теперь обращаемся к жизни Пушкина, чтобы найти в ней истоки его поэзии? Думается, нет. Как земной идеал, он нам близок своей личной, человеческой сущностью, пусть и не отделимой от его созданий. Благодаря своему гениальному творчеству он любил и страдал на глазах современников, он любит и страдает на

* Ставка в игре (англ.).

глазах десятков миллионов потомков. И если поверить таким, как Энгельгардт и Сабуров, то получится: все это для историко-литературных целей. Нет, великий Пушкин был в то же время обыкновенным человеком (пусть примером огромной нравственной высоты) — со своими достоинствами и недостатками. Мы любим его, сострадаем ему и готовы простить его в чем-то, когда нужно. Он родной нам всем. И потому мы «вмешиваемся» в его личную жизнь по праву нашей любви. Но если воспринимать Пушкина только как гениального поэта, а жизнь его — всего-навсего как приложение к творчеству, то все наши биографические книги о нем — есть непростительная бестактность. Между прочим этот вопрос — об отношении к Пушкину как к писателю и человеку — возникал еще при жизни его. Об этом, как видели, говорили Сабуров и Энгельгардт и совсем по-другому, например писатель-декабрист Федор Глинка: «Многие любят Ваш талант, я любил и люблю в Вас — всего Вас»...

Бесконечные придирки и наветы тещи вконец извели Пушкина. Он и перед свадьбой думал через некоторое время перебраться в Петербург — подальше от кумушек московских, а к концу марта и вовсе заторопился. «Москва — город ничтожества, — с досадой писал он Е. М. Хитрово. — На ее заставе написано: оставьте всякое разумение, о вы, входящие сюда». И Плетневу: «В Москве остаться я никак не намерен, причины тому тебе известны — и каждый день новые прибывают» (№ 25). К тому времени деньги, полученные в залог кистеневских душ, уже кончались — пришлось заложить бриллианты и изумруды Натальи Николаевны. Еще несколько недель, понадобившихся для улаживания всяких дел с родными жены, последние объяснения с тещей (№ 32), и 15 мая Пушкины отправляются в Петербург.

* * *

18 мая поэт с женою приехали в северную столицу и, почти не делая визитов (№ 33), перебрались в Царское Село на дачу, нанятую для них Плетневым. 25 мая наблюдательная Долли Фикельмон передавала свои впечатления Вяземскому: «Пушкин к нам приехал к нашей большой радости. Я нахожу, что он

в этот раз еще любезнее. Мне кажется, что я в уме его отмечаю серьезный оттенок, который ему и подходящ. Жена его прекрасное создание; но это меланхолическое и тихое выражение похоже на предчувствие несчастья. Физиономии мужа и жены не предсказывают ни спокойствия, ни тихой радости в будущем: у Пушкина видны все порывы страстей, у жены — вся меланхолия отречения от себя. Впрочем, я видела эту красивую женщину всего только один раз».

С начала лета 1817 г. Пушкин не жил в Царском Селе — теперь, в 1831 г., он туда вернулся. Тогда, в 1811—1817 гг., лицеист Пушкин жил в одном из «подсобных» помещений Екатерининского дворца. Теперь скромнее — поэт поселился в домике, принадлежащем вдове царского камердинера, на углу Колпинской и Кузминской улиц. Впрочем, дом был приятен и удобен. Построенный недавно, в 1826 г., он был украшен 14 ампирными колоннами и слегка закруглен по фасаду ввиду своего углового расположения. Больше других 9 комнат Пушкин любил свой кабинет в мезонине, накалявшийся от жары в то знойное лето. Мебель была на время одолжена у Вяземских. Каждое утро принимал он ледяную ванну, потом, после чая ложился в кабинете на диван, стоявший подле большого стола, и работал в своей излюбленной позе. Стопа чистой бумаги, тетради, чернильница с перьями были приготовлены на столе заранее. Исписанные листы Пушкин опускал на пол рядом с диваном. На столе, как вспоминала Россет-Смирнова, располагались также графин с холодной водой и банка с крыжовенным вареньем. Повсюду — на полках, на столе, на полу громоздились книги.

Обедали однообразно: зеленый суп с крутыми яйцами, рубленые котлеты со шпинатом или щавелем и все то же варенье на десерт. Кому-то из приятелей, заставшему его во время работы в одеянии, которое теперь называли бы «пляжным», Пушкин заметил: «Жара стоит, как в Африке, а у нас там ходят в таких костюмах». Мы слишком бедны конкретными сведениями о бытовом укладе Пушкина, чтобы пренебречь этими малыми подробностями. Часов в 5—6, когда спадала жара, чета Пушкиных отправлялась гулять вокруг озера, являя собой для окружающих одну из достопримечательностей Царского Села. «Многие ходили нарочно смотреть на Пушкина

как он гулял под руку с женою, обыкновенно около озера. Она бывала в белом платье, в круглой шляпе и на плечах свитая по-тогдашнему красная шаль», — вспоминал современник.

10 июля в Царское Село, спасаясь от петербургской холеры, переехал двор. Истины ради надо сказать, что бежали не только от холеры, но и от холерных бунтов, которых опасались больше, чем самой болезни. Бенкендорф в своих воспоминаниях писал об июньских днях 1831 г. с позиций уstraшенной народом власти: «Холера в Петербурге, возрастая до ужасающих размеров, напугала все классы населения и в особенности простонародие, которое все меры для охранения его здоровья, усиленный полицейский надзор, оцепление города и даже уход за пораженными холерою в больницах, начинало считать преднамеренным отравлением. Стали собираться в скопища, останавливать на улицах иностранцев, обыскивать их для открытия носимого при себе мнимого яда, гласно обвинять врачей в отравлении народа. Напоследок, возбудив сама себя этими толками и подозрениями, чернь столпилась на Сенной площади (22 июня.— В. К.) и посреди многих других бесчинств, бросилась с яростью рассвирепевшего зверя на дом, в котором была устроена временная больница. Все этажи в одну минуту наполнились этими бешеными, которые разбились окна, выбросили мебель на улицу, изранили и выкинули больных, приколотили до полусмерти больничную прислугу и самым бесчеловечным образом умертвили нескольких врачей. Полицейские чины, со всех сторон теснимые, попрятались или ходили между толпами переодетыми, не смея употребить своей власти. (...) Холера не уменьшалась, весь город был в страхе, несмотря на значительное число вновь устроенных больниц, их становилось мало, священники едва успевали отпевать трупы — умирало до 600 человек в день. (...) На каждом шагу встречались траурные одежды и слышались рыдания. Духота в воздухе стояла нестерпимая. Небо было накалено как бы на далеком юге, и ни одно облачко не застилало его синевы, трава поблекла от страшной засухи, везде горели леса и трескалась земля. Двор переехал из Петергофа в Царское Село, куда переведены были и кадетские корпуса. Но, за исключением Царского

Села, холера распространилась и по всем окрестностям столицы. Народ страдал от препон, которые полагались торговле и промышленности». К этому не лишнему образности описанию следовало бы добавить только, что народ боялся и ненавидел николаевскую администрацию и не доверял ей.

С двором появился в Царском Селе воспитатель наследника Василий Андреевич Жуковский, а среди фрейлин Александра Осиповна Россет. С этого дня оба поэта обычно проводили у нее вечера (часов с семи). Кажется, никогда еще Пушкин и Жуковский не находились столько времени вместе, не делились столькими замыслами, не работали бок о бок столь дружно на благо русской словесности. Жуковский был очарован Натальей Николаевной. «Женка его очень милое творение,— писал он Вяземскому.— И он с нею мне весьма нравится». К двум писателям присоединился и третий—в Царском Селе поселился Н. В. Гоголь.

Неподалеку от Царского, в Павловске, жили на даче родители Пушкина, и он несколько раз ходил к ним пешком (см. т. I, гл. I).

Вся эта внешняя сторона жизни, пусть и приятная, отнюдь не заслоняла для Пушкина тревожных событий необычайно трудного для всех холерного года. Недолгая московская иллюзия отъединенности, если и была она, постепенно кончалась. Перечитайте представленные в подборке письма поэта тех летних месяцев и станет заметным главное противоречие: неровные ритмы века сталкиваются в них все время с нежной мелодией семейственного спокойствия и тихих радостей. Чтобы убедиться в этом, довольно будет взглянуть даже в одно письмо—Плетневу от 22 июля (№ 45). Пушкин любил повторять слова французского мыслителя Шатобриана: «Если бы я мог еще верить в счастье, я бы искал его в монотонности житейских привычек». 21 июля он сам подчеркнул противоречивость ситуации, рассказывая Нащокину: «В Царском Селе также все тихо, но около такая каша, что боже упаси». Волновали Пушкина и польские события и, не меньше,—реакция на них в Европе. Полемически и патриотически страстное его стихотворение «Клеветникам России», написанное 2 августа, было прежде всего ответом на антирусские выступления политиков и публицистов Франции. Оно напоминало и об излюб-

ленной пушкинской теме — войне 1812 года — о «пылающей Москве», о мертвецах наполеоновской армии «в снегах России». Политические споры в русском обществе в 1830—31 гг. были исключительно напряженны: пушкинские стихи по сердцу пришлись многим декабристам (И. Д. Якушкину, А. А. Бестужеву, например) и П. Я. Чаадаеву, но вызвали резкий протест А. И. Тургенева, П. А. Вяземского и других.

Противоречия времени и настроений сказались и в самом творчестве Пушкина летом и ранней осенью 1831 г. Наряду с «Клеветникам России», «Бородинской годовщиной» и «Перед гробницею святой», с набросками истории французской революции и планами политической газеты он пишет «Сказку о царе Салтане», письмо Онегина к Татьяне, завершившее работу над романом, готовит к печати «Повести Белкина»...

Царь и царица не раз благосклонно беседовали с Пушкиными, встречая их в царскосельском парке. Потерять такую красавицу из вида и отпустить всегда опасного поэта на волю судьбы Николаю I не хотелось. Он повелел принять Пушкина в службу и разрешить занятия в архивах над историей петровской эпохи. Это означало относительную свободу исследований. Но это означало и прочную привязанность ко двору, и вынужденное постоянное общение с императором и его приближенными, 8 июня 1834 г. Пушкин, вспоминая то время, написал жене: «Я не должен был вступать в службу»...

Перебравшись из Царского Села в Петербург в половине октября, Пушкины поселились на Галерной улице в доме Брискорн...

5 сентября были процензурованы «Повести Белкина»; 17 ноября подписана к печати последняя глава «Евгения Онегина». До конца года поэт успел еще съездить в Москву: нужно было разделаться со старыми карточными долгами. Это удалось благодаря Нащокину, отдавшему Пушкину свой долг. Надеялся он выкупить и драгоценности Гончаровых — это не получилось. Этой поездке в Москву мы обязаны первыми письмами Пушкина к жене (№ 69—70), которые отныне станут важнейшим автобиографическим материалом, вытесняющим любой другой. В самом конце декабря поэт возвратился домой.

Близился год 1832-й.

1

⟨...⟩ Новый год встретил я с цыганами и с Танюшей, настоящей Татьяной-пьяной. Она пела песню, в таборе сложенную, на голос *приехали сани*:

Давыдов с ноздрями,		Д—Митюша,
Вяземский с очками,		В—Петруша,
Гагарин с усами,		Г—Федюша
Девоч испугали		
И всех разогнали и проч.		

Знаешь ли ты эту песню? Addio *, поклон всем твоим, до свидания.

*Пушкин—П. А. Вяземскому,
2 января 1831. Из Москвы в Остафьево.*

2

М. П. Погодин

ИЗ ДНЕВНИКА

1831. Январь. 3. ⟨...⟩ Получил «Бориса» от Пушкина с рукоположением. ⟨...⟩

7. ⟨...⟩ К Пушкину, и занимательный разговор, кто русские и нерусские.—Как воспламеняется Пушкин,—и видишь восторженного. ⟨...⟩

20. ⟨...⟩ Все бранят «Годунова». ⟨...⟩

3

⟨...⟩ Пишут мне, что «Борис» мой имеет большой успех: Странная вещь, непонятная вещь! по крайней мере я того никак не ожидал. Что тому причиною?

* Прощай (*итал.*).

Чтение Вальтера Скотта? голос знатоков, коих избранных так мало? крик друзей моих? мнение двора? — Как бы то ни было, я успеха трагедии моей у вас не понимаю. В Москве то ли дело? здесь жалеют о том, что я совсем, совсем упал; что моя трагедия подражание «Кромвелю» Виктора Гюго; что стихи без рифм не стихи; что Самозванец не должен был так неосторожно открыть тайну свою Марине, что это с его стороны очень ветрено и неблагоразумно — и тому подобные глубокие критические замечания. Жду переводов и суда немцев, а о французах не забочусь. Они будут искать в «Борисе» политических применений к Варшавскому бунту, и скажут мне, как наши: «Помилуйте-с!» (...)

*Пушкин — П. А. Плетневу.
7 января 1831 г. Из Москвы в Петербург.*

4

(...) Вы говорите об успехе «Бориса Годунова»: право, я не могу этому поверить. Когда я писал его, я меньше всего думал об успехе. Это было в 1825 году — и потребовалась смерть Александра, неожиданная милость нынешнего императора, его великодушные, его широкий и свободный взгляд на вещи, чтобы моя трагедия могла увидеть свет. Впрочем, всё хорошее в ней до такой степени мало пригодно для того, чтобы поразить почтенную публику (то есть ту чернь, которая нас судит), и так легко осмысленно критиковать меня, что я думал доставить удовольствие лишь дуракам, которые могли бы поострить на мой счет. (...) (фр.)

*Пушкин — Е. М. Хитрово.
Около (не позднее) 9 февраля 1831.
Из Москвы в Петербург.*

5

Милостивый государь, Александр Сергеевич!

Его величество государь император поручить мне изволил уведомить Вас, что сочинение Ваше: Борис Годунов, изволил читать с особым удовольствием.

Вменяя себе в приятную обязанность уведомить Вас о сем лестном отзыве августейшего монарха, имею честь быть <...>

*А. Х. Бенкендорф — Пушкину.
9 января 1831. Из Петербурга в Москву.*

6

Милостивый государь Александр Христофорович,

С чувством глубочайшей благодарности удостоился я получить благосклонный отзыв государя императора о моей исторической драме. Писанный в минувшее царствование, «Борис Годунов» обязан своим появлением не только частному покровительству, которым удостоил меня государь, но и свободе, смело дарованной монархом писателям русским в такое время и в таких обстоятельствах, когда всякое другое правительство старалось бы стеснить и оковать книгопечатание.

Позвольте мне благодарить усердно и Ваше высокопревосходительство, как голос высочайшего благоволения и как человека, принимавшего всегда во мне столь снисходительное участие. <...>

*Пушкин — А. Х. Бенкендорфу.
18 января 1831. Из Москвы в Петербург.*

7

КРИТИЧЕСКИЕ ОТЗЫВЫ О «БОРИСЕ ГОДУНОВЕ»

I

<...> Язык русский доведен в «Борисе Годунове» до последней, по крайней мере в наше время, степени совершенства; сущность творения, напротив, запоздалая и близорукая: и могла ли она не быть такою даже по исторической основе творения, когда Пушкин рабски влекся по следам Карамзина в обзоре событий, и когда, посвящением своего творения Карамзину,

он невольно заставляет улыбнуться, в детском каком-то раболепстве называя Карамзина — бог знает чем! Это делает честь памяти и сердцу, но не философии поэта!

— *Московский телеграф*, 1831, ч. 37, № 2.

II

(...) Что это сделалось с нашею словесностью? Все исписались, хоть брось! Легко ли — сам *Пушкин*, которого я прежде читывал с удовольствием... что с ним случилось... что он так замолк?..» — «*А Борис Годунов?*» подхватил один из собеседников. — «Не говорите вы об этом несчастном произведении! — прервала дама, вступившая было в состязание с ученым. — Я всегда краснею за *Пушкина*, когда слышу это имя!.. Чудное дело!.. Уронить себя до такой степени... Это ужасно!.. Я всегда подозревала более таланта в творце *Руслана и Людмилы*: я им восхищалась... но теперь...» — «Не угодно ли выслушать прекрасные стихи, которые я нарочно выписал из одной петербургской газеты в Английском клубе?» — сказал один молодой человек, у которого отпущенная по моде борода мелькала из-под широкого, вышедшего из моды, галстука. — «Это на счет *Бориса Годунова!*..» — «Прочти-ка, прочти!», вскричал хозяин. «Я люблю до смерти эпиграммы и каламбуры...». Молодой франт приосанился, вынул из кармана маленькую бумажку и начал читать с декламаторским выражением:

И Пушкин стал нам скучен...

Все захохотали и многие закричали: браво! прекрасно! бесподобно! — «И это напечатано! — сказал наконец камергер. — Ну, Пушкин... *Carut!* * ... Да и давно бы пора!.. А то — вскружил головы молокососам ни за что, ни про что. Мой *Jeannot* ** — например — бывало только им и бредит...» — «Я всегда сомневался, чтобы у него был истинный талант», сказал один пожилой человек, в архивском виц-мундире (...).

— *Телескоп*, 1831, ч. 1, № 4.

* Скорее всего: от латинского «предел, конец», а не от немецкого «*Carutt*» — крушение.

** *Жанно* (фр.) — уменьшительное от Иван (Жан).

III

Странная участь Бориса Годунова! Еще в то время, когда он не известен был публике вполне, когда из этого сочинения был напечатан один только отрывок, он произвел величайшее волнение в нашем литературном мире. Люди, выдающие себя за романтиков, кричали, что эта трагедия затмит славу Шекспира и Шиллера; так называемые классики в грозном таинственном молчании двусмысленно улыбались и пожимали плечами; люди умеренные, не принадлежащие ни к которой из вышеупомянутых партий, надеялись от этого сочинения многого для нашей литературы. Наконец Годунов вышел; все ожидали шума, толков, споров — и что же? Один из С.-Петербургских журналов о новом произведении знаменитого поэта отозвался с личной бранью; Московский Телеграф, который (как сам о себе неоднократно объявлял) не оставляет без внимания никакого замечательного явления в литературе, на этот раз изложил свое суждение в нескольких строках общими местами и упрекнул Пушкина в том, как ему не стыдно было посвятить своего Годунова памяти Карамзина, у которого издатель Телеграфа силится похитить заслуженную славу. В одном только Телескопе *Борис Годунов* был оценен по достоинству. Известный г. Надоумко, который, вероятно, издателю этого журнала не чужой и который некогда советовал Пушкину сжечь Годунова, теперь сие же самое творение взял под свое покровительство. Но это сделано им, кажется, только для того, что он, г. Надоумко, как сам признается, любит плавать против воды, идти наперекор общему голосу и вызывать на бой общее мнение.

Теперь появилась особенная брошюрка, под названием: *О Борисе Годунове, сочинении Александра Пушкина. Разговор*. Что ж это такое? спросят читатели. Это, милостивые государи, одно из тех знаменитых творений, которыми наводняют нашу литературу г. Орлов и ему подобные. Какой-то помещик Петр Алексеевич, проезжающий из Москвы чрез уездный городок, завел разговор о Борисе Годунове с каким-то знакомым ему вольно практикующим учителем российской словесности, Ермилом Сергеевичем. Автору этого *Разговора* хотелось, вероятно, написать

критику, и вот он начал толковать о Годунове по-своему. Не желая искушать терпение читателей, не входим в подробное рассмотрение этой брошюрки, а выписываем из оной несколько отрывков, которые могут дать понятие об оном сочинении.

«Учит. С вышепоказанной-то страницы, правду молвить, Борис начал действовать: приказал послать к воеводам, чтобы на коня садились.

Помещ. Постой, постой, Ермил Сергеевич, как? Все воеводы на одного коня?»

«Учит. Каково, мужик кричит народу с какого-то амвона:

Ступай! Вязать Борисова щенка!

то есть Федора, Борисова сына, которому присягнули в верности! Борисова щенка! Какой изящный вкус! И это национальность?

Помещ. Ну, пора перестать. Что ж ты думаешь о первоклассности сочинителя?

Учит. Не мое дело. Мне, сударь, ни жаловать, ни разжаловать невозможно.

Помещ. И подлинно: без суда никто не наказывается, а суд дает потомство.

Учит. Только надобно желать, Петр Алексеевич, чтоб это потомство как можно скорее показалось, а до позднего, кажется, не дожить нынешнему Борису Годунову».

Каково? В заключение нельзя не заметить, что самое название этой школярной болтовни предвещает, в каком духе написан Разговор о Борисе Годунове; напечатан же особою брошюркою он, вероятно, потому, что по каким-нибудь причинам не мог явиться ни в одном журнале.

— Листок, 1831, № 45.

8

ИЗ АНОНИМНОЙ БРОШЮРЫ «О БОРИСЕ ГОДУНОВЕ...»

Учитель. ...Бросаться и туда и сюда, без всякой связи, право, не простительно. А сверх всего, смею доложить, пишутся ли поэмы прозою? В сочинении же г. Пушкина есть много прозы...

Помещик. Ведь надобно же, братец, дать какое-нибудь название Борису Годунову. Ну, трагедия?

Учитель. Избави, господи! А что тут есть трагического? Не прикажете ли представить ее на театре? У кулисных-то мастеров заболели бы руки. Это, сударь, настоящие *Китайские тени*. Действие перескакивает из Москвы в Польшу, из Польши в Москву, из кельи в корчму... Есть нечто подобное в драматических произведениях Шекспира, да все-таки посовестнее. К тому же Шекспир писал тогда еще, когда одноземцы его и понятия не имели об изящном вкусе... При слове *тошнит*, не может ли иному чувствительному читателю представиться последствие тошноты... словом сказать весьма отвратительно. Неужели автор Бориса, не слыхивал об *изящной* природе?

...Ух, тяжело!

Тяжело, почтеннейший Петр Алексеевич, как этот *ух* делает *бух* в наш *слух*! ... Такие выражения... *черт с ними*, а особенно *мочи нет*, при всякой романтической национальности — никуда не годятся. ... Можно ли было ожидать от Пушкина такой галиматьи? ...Теперь осталось только показать некоторые резкие мысли...

Басманов

Что на него смотреть?

Всегда народ к смятенью тайно склонен.

Помещик. Вот вздор какой! *Всегда склонен!* Пустое, с этим я совершенно не согласен... И русскому ли боярину так отзываться о православном русском народе?..

9

Пришли мне, мой милый, экземпляров 20 «Бориса», для московских прощальг, не то разорюсь, покупая его у Ширяева.

Душа моя, вот тебе план жизни моей: я женюсь в сем месяце, полгода проживу в Москве, летом приеду к вам. Я не люблю московской жизни. Здесь живи не как хочешь — как тетки хотят. Теща моя та же тетка. То ли дело в Петербурге! заживу себе мещанином припеваючи, независимо и не думая о том, что скажет Марья Алексевна. Что «Газета» наша? надобно нам об ней подумать. Под конец она была очень вяла; иначе

и быть нельзя: в ней отражается русская литература. В ней говорили под конец об одном Булгарине; так и быть должно: в России пишет один Булгарин. Вот текст для славной филиппики. Кабы я не был ленив, да не был жених, да не был очень добр, да умел бы читать и писать, то я бы каждую неделю писал бы обозрение литературное — да лих терпения нет, злости нет, времени нет, охоты нет. Впрочем, посмотрим.

Деньги, деньги: вот главное, пришли мне денег. И я скажу тебе спасибо. Да что же ты не пишешь ко мне, бессовестный?

Пушкин — П. А. Плетневу.
13 января 1831. Из Москвы в Петербург.

10

(...) Куда девались балы, пиры, чудачки и проказники — всё исчезло: остались одни невесты, к которым нельзя, по крайней мере применить грубую поговорку «vieilles comme les rues» *: московские улицы, благодаря 1812 году, моложе московских красавиц, всё еще *цветущих розами!* Ныне в присмирившей Москве огромные боярские дома стоят печально между широким двором, заросшим травой, и садом, запущенным и одичалым. Под вызолоченным гербом торчит вывеска портного, который платит хозяину 30 рублей в месяц за квартиру; великолепный бельэтаж нанят мадамой для пансиона — и то слава богу! На всех воротах прибито объявление, что дом продается и отдается внаймы, и никто его не покупает и не нанимает. Улицы мертвы; редко по мостовой раздается стук кареты; барышни бегут к окошкам, когда едет один из полицмейстеров со своими казаками. Подмосковные деревни также пусты и печальны. Роговая музыка не гремит в роцах Свирлова и Останкина; плошки и цветные фонари не освещают английских дорожек, ныне заросших травой, а бывало уставленных миртовыми и померанцевыми деревьями. Пыльные кулисы домашнего театра тлеют в зале, оставленной после последнего представления французской

* стары, как улицы (фр.).

комедии. Барский дом дряхлеет. Во флигеле живет немец управитель и хлопочет о проволочном заводе. Обеды даются уже не хлебосолами старинного покроя, в день хозяйских именин или в угоду веселых обжор, в честь вельможи, удалившегося от двора, но обществом игроков, задумавших обобратить наверное юношу, вышедшего из-под опеки, или саратовского откупщика. Московские балы... Увы! Посмотрите на эти домашние прически, на эти белые башмачки, искусно забеленные мелом... Кавалеры набраны кое-где — и что за кавалеры! «Горе от ума» есть уже картина обветшавшая, печальный анахронизм. Вы в Москве уже не найдете ни Фамусова, который *всякому, ты знаешь, рад* — и князю Петру Ильичу, и французу из Бордо, и Загорецкому, и Скалозубу, и Чацкому; ни Татьяны Юрьевны, которая

Балы дает нельзя богаче
От Рождества и до поста,
А летом праздники на даче.

Хлестова — в могиле; Репетилов — в деревне. Бедная Москва!..

*А. С. Пушкин. Путешествие из Москвы в Петербург.
1833—1834.*

11

Что скажу тебе, мой милый! Ужасное известие получил я в воскресенье. На другой день оно подтвердилось. Вчера ездил я к Салтыкову объявить ему всё — и не имел духу. Вечером получил твое письмо. Грустно, тоска. Вот первая смерть, мною оплаканная. Карамзин под конец был мне чужд, я глубоко сожалел о нем как русский, но никто на свете не был мне ближе Дельвига. Изо всех связей детства он один оставался на виду — около него собиралась наша бедная кучка. Без него мы точно осиротели. Считай по пальцам: сколько нас? ты, я, Баратынский, вот и всё.

Вчера провел я день с Нащокиным, который сильно поражен его смертью, — говорили о нем, называя его покойник Дельвиг, и этот эпитет был столь же странен, как и страшен. Нечего делать! согласимся. Покойник Дельвиг. Быть так.

Баратынский болен с огорчения. Меня не так-то легко с ног свалить. Будь здоров — и постараемся быть живы.

*Пушкин — П. А. Плетневу.
21 января 1831. Из Москвы в Петербург.*

12

ИЗ МОСКОВСКОЙ МАКЛЕРСКОЙ КНИГИ 1831 ГОДА

1831-го года генваря 23-го дня я ниже подписавшийся г-н десятого класса Александр Сергеев сын Пушкин, заключил сие условие с служителем г-жи Сафоновой Семеном Петровым сыном Семеновым по данной ему доверенности от г-на губернского секретаря Никанора Никанорова сына Хитрово в том что, 1-е нанял я Пушкин собственный г-на Хитрово дом, состоящий в Пречистенской части второго квартала под № 204-м в приходе Троицы что на Арбате, каменный двухэтажный с антресолями и к оному принадлежащими людскими службами, кухнею, прачешной, конюшней, каретным сараем, под домом подвал, и там же запасной амбар, в доме с мебелью по прилагаемой описи сроком от выше писанного числа впредь на шесть месяцев, а срок считать с 22-го генваря и по 22-е июля сего 1831-го года по договору между нами за две тысячи рублей государственными ассигнациями, из коей суммы при заключении сего условия должен я Пушкин, внести ему Семенову половинную часть то есть тысячу рублей ассиг., а последнюю половину по истечении трех месяцев от заключения условия; 2-е принять мне г-ну Пушкину дом со всеми принадлежностями и мебелью по описи за общим нашим подписанием, во время моего Пушкина в том доме жительства содержать во всей чистоте и целости как мебель так равно и службы; 3-е если же чего боже сохрани нанимаемый мною Пушкиным дом от небрежения моего или людей моих сторит то по общему нашему договору заплатить мне г-ну Пушкину ему Семенову пятьдесят тысяч рублей государственными ассигнациями. Если же пожар последует от молнии, соседей, или от людей г-на Хитрово то

мне Пушкину не отвечать и ему Семенову никакой платы с меня не требовать, 4-е по истечении срока и выезде из дому должен я Пушкин сдать оный по описи в совершенной исправности. Буде чего не явится или будет разбито, или изломано или замарано то за поврежденное заплатит то чего будет стоить или привести в исправность как принято было; 5-е, чистка труб все по дому нечистоты и в случае приезде и отъезде иногородных господ уведомлять об оном частный дом оное будет зависеть от меня г-на Пушкина; 6-е в строениях занимаемых мною Пушкиным выключаются комнаты нижнего этажа дома для жительства экономки и приезде г-на Хитрово, а в мезонине людском, что над кухнею, остаются покои для людей г-на Хитрово; 7-е подлинный договор и опись вручить от меня ему Семенову за моим подписанием а от него мне получить копию и договор сей я г-н Пушкин и он Семенов должны сохранять свято и ненарушимо для чего записать в книгу маклерских дел:— к сему условию 10-го класса Александр Сергеев сын Пушкин руку приложил: К сей записке 10-го класса Александръ Сергеевъ сынъ Пушкинъ руку приложилъ*. Так же к сей записке по доверенности вышеозначенного г-на Хитрово г-жи Сафоновой служитель ее Семен Петров Семенов руку приложил, а подлинное условие к себе взял того ж числа. Маклер Анисим Хлебников; добросовестный Григорий Кузьмин; добросовестный Силиверст Крюков.

13

Сейчас получил 2000 р., мой благодетель. *Satis est, domine, satis est***. На сей год денег мне больше не нужно. Отдай Софии Михайловне остальные 4000— и я тебя более беспокоить не буду.

Бедный Дельвиг! помянем его «Северными цветами» — но мне жаль, если это будет ущерб Сомову — он был искренно к нему привязан — и смерть нашего друга едва ли не ему всего тяжелее: чувства души слабеют и меняются, нужды жизненные не дремлют.

* Эта фраза написана рукою Пушкина.

** Довольно, господа, довольно (*лат.*).

Баратынский собирается написать жизнь Дельвига. Мы все поможем ему нашими воспоминаниями. Не правда ли? Я знал его в Лицее — был свидетелем первого, незамеченного развития его поэтической души — и таланта, которому еще не отдали мы должной справедливости. С ним читал я Державина и Жуковского — с ним толковал обо всем, *что душу волнует, что сердце томит*. Я хорошо знаю, одним словом, его первую молодость; но ты и Баратынский знаете лучше его раннюю зрелость. Вы были свидетелями возмужалости его души. Напишем же втроем жизнь нашего друга, жизнь, богатую не романическими приключениями, но прекрасными чувствами, светлым чистым разумом и надеждами. Отвечай мне на это. (...)

Пушкин — П. А. Плетневу.
31 января 1831. Из Москвы в Петербург.

14

Посылаю тебе, милый друг, любимое мое сочинение. Ты некогда баловал первые мои опыты — будь благосклонен и к произведениям более зрелым. Что ты делаешь в своем уединении? Нынешней осенью был я недалеко от тебя. Мне брюхом хотелось с тобою увидаться и поболтать о старине — карантинны мне помешали. Таким образом, бог ведает, когда и где судьба сведет нас опять. Мы не так-то легки на подъем. Ты без ноги, а я женат. — Женат — или почти. Всё, что бы ты мог сказать мне в пользу холостой жизни и противу женитьбы, всё уже мною передумано. Я хладнокровно взвесил выгоды и невыгоды состояния, мною избираемого. Молодость моя прошла шумно и бесплодно. До сих пор я жил иначе как обыкновенно живут. Счастья мне не было. *Il n'est de bonheur que dans les voies communes**. Мне за 30 лет. В тридцать лет люди обыкновенно женятся — я поступаю как люди и, вероятно, не буду в том раскаиваться. К тому же я женюсь без упоения, без ребяческого очарования. Будущность является мне не в розах, но в строгой наготе своей. Горести не удивят меня: они входят в мои домашние расчеты. Всякая радость будет мне неожиданностию.

* Счастье можно найти лишь на проторенных дорогах (фр.).

У меня сегодня spleen* — прерываю письмо мое, чтоб тебе не передать моей тоски; тебе и своей довольно. Пиши мне на Арбат в дом Хитровой. (...)

Пушкин — Н. И. Кривцову.
10 февраля 1831. Москва.

15

Февраль. 11. К Пушкину по вызову. Отдал деньги Надеждину. Спорили до хрипу о «Борисе» перед Д. Давыдовым, которому нравится мое разыскание. (...)

М. П. Погодин. Из дневника.

16

Через несколько дней я женюсь: и представляю тебе хозяйственный отчет: заложил я моих 200 душ, взял 38 000 — и вот им распределение: 11 000 теще, которая непременно хотела, чтоб дочь ее была с приданым — пиши пропало. 10 000 Нащокину, для выручки его из плохих обстоятельств: деньги верные. Остается 17 000 на обзаведение и житие годичное. В июне буду у вас и начну жить en bourgeois **, а здесь с тетками справиться невозможно — требования глупые и смешные — а делать нечего. Теперь понимаешь ли, что значит приданое и отчего я сердился? Взять жену без состояния — я в состоянии, но входить в долги для ее тряпок — я не в состоянии. Но я упрям и должен был настоять по крайней мере на свадьбе. Делать нечего: придется печатать мои повести. Перешлю тебе на второй неделе, а к святой и тиснем.

Что баронесса? я писал Хитровой о братьях Дельвига. Спроси у нее, каковы ее дела, и отец мой заплатил ли долг Дельвигу? Не продаст ли она мне мой портрет? Мне пишут, что ее здоровье плохо, а она пишет Михайлу Александровичу, что она здорова. Кто прав? Что же ты мне не отвечал про «Жизнь Дельвига»? Баратынский не на шутку думает об этом. Твоя статья о нем прекрасна. Чем более читаю ее, тем более

* тоска (англ.).

** по-мещански (фр.).

она мне нравится. Но надобно подробностей—изложения его мнений—анекдотов, разбора его стихов etc...

Пушкин—П. А. Плетневу.
Около (не позднее) 16 февраля 1831.
Из Москвы в Петербург.

17

Т. Д. Демьянова

ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ

(...) Тут узнала я, что он жениться собирается на красавице, сказывали, на Гончаровой. Ну, и хорошо, подумала, господин он добрый, ласковый, дай ему бог совет да любовь! И не чаяла я его до свадьбы видеть, потому, говорили, все он у невесты сидит, очень в нее влюблен.

Только раз, вечером,—аккурат два дня до его свадьбы оставалось,—зашла я к Нащокину с Ольгой. Не успели мы и поздороваться, как под крыльцо сани подкатили, и в сени вошел Пушкин. Увидал меня из сеней и кричит: «Ах, радость моя, как я рад тебе, здорово, моя бесценная!» — поцеловал меня в щеку и уселся на софу. Сел и задумался, да так, будто тяжко, голову на руки опер, глядит на меня: «Спой мне, говорит, Таня, что-нибудь на счастье; слышала, может быть, я женюсь?» — «Как не слышать, говорю, дай вам бог, Александр Сергеевич!» — «Ну, спой мне, спой!» — Давай, говорю, Оля, гитару, споем барину!.. Она принесла гитару, стала я подбирать, да и думаю, что мне спеть... Только на сердце у меня у самой невесело было в ту пору; потому у меня был свой предмет,—женатый был он человек, и жена увезла его от меня, в деревне заставила на всю зиму с собой жить,—и очень тосковала я от того. И, думаячи об этом, запела я Пушкину песню,—она хоть и подблюдною считается, а только не годится было мне ее теперича петь, потому она будто, сказывают, не к добру:

Ах, матушка, что так в поле пыльно?

Государыня, что так пыльно?

Кони разыгрались... А чьи-то кони, чьи-то кони?

Кони Александра Сергеевича...

Пою я эту песню, а самой-то грустнехонько, чувствую и голосом то же передаю, и уж как быть, не

знаю, глаз от струн не подыму... Как вдруг слышу, громко зарыдал Пушкин. Подняла я глаза, а он рукой за голову схватился, как ребенок плачет... Кинулся к нему Павел Войнович: «Что с тобой, что с тобой, Пушкин?» — «Ах, говорит, эта ее песня всю мне внутрь перевернула, она мне не радость, а большую потерю предвещает!..» И не долго он после того оставался тут, уехал, ни с кем не простился. <...>

Раз,—раз всего потом довелось мне его видеть. Месяц, а может, и больше, после его свадьбы, пошла я как-то утром к Иверской, а оттуда в город, по площади пробираюсь. Гляжу, богатейшая карета, новенькая, четвернею едет мне навстречу. Я было свернула в сторону, только слышу громко кто-то мне из кареты кричит: «Радость моя, Таня, здорово!» Обернулась я, а это Пушкин, окно спустил, высунулся в него сам и оттуда мне ручкой поцелуй посылает... А подле него красавица писаная — жена сидит, голубая на ней шуба бархатная,—глядит на меня, улыбается. Уж и не знаю, право, что она об этом подумала, только очень конфузно показалось мне это в ту пору...

18

Февраль 17. <...> У Пушкина, верно, ныне холостой (нрзб) обед, а он не позвал меня. Досадно.— Заезжал и пожелал добра.— Там Баратынский и Вяземский толкуют о нравственной пользе.

М. П. Погодин. Из дневника.

19

Брачный обыск

1831 года февраля 18 дня по Указу Его Императорского Величества Никитского Сорока Церкви Вознесения Господня, что на Царицыной улице Протоиерей Иосиф Михайлов с причтом о желающих вступить в брак женихе 10-го класса Александр Сергеевиче Пушкине, и невесте Г-на Николая Афонасиевича Гончарове дочери Его девице Наталии Николаевной Гончаровой обыскивали и по троекратной публикации

оказалось: 1-е что они православную веру исповедуют так как святая, соборная и Апостольская Церковь содержит; 2-е между ими плотского кровного и духовного родства т. е. кумовства, сватовства и крестного братства по установлению Св. Церкви не имеется; 3-е состоят они в целом уме, и к сочетанию браком согласие имеют вольное, и от родителей дозволенное, жених и невеста первым браком; 4-е лета их правильны, жених имеет от роду 31 год, а невеста 18 лет. И в том сказали самую сущую правду. Если же что из объявленного показания окажется что ложное, или что скрытое, за то повинны суду, как духовному, так и гражданскому. Во уверение всего вышеописанного как сами жених и невеста, так и знающие состояние их поручители своеручно подписуются.

К сему обыску во всем вышеописанном вышеозначенный 10-го класса Александр Сергеев сын Пушкин руку приложил.

К сему обыску Наталья Николаева дочь Гончарова руку приложила.

К сему обыску Мать ее Калезжская Асессорша Наталья Иванова дочь Гончарова руку приложила.

К сему обыску по женихе брат его Поручик Лев Сергеев сын Пушкин руку приложил.

К сему обыску по женихе 9-го Класса Алексей Семенов сын Передельский руку приложил.

К сему обыску по невесте Коллегский Советник и Кавалер Павел Матвеев сын, Азанчевский руку приложил.

К сему обыску по невесте Отец ее, Коллегский Ассессор, Николай Афанасьев сын Гончаров, руку приложил.

К сему обыску по женихе Коллежский Советник и Кавалер Князь Петр Андреев сын Вяземский руку приложил.

Милостивый государь дедушка
Афанасий Николаевич,

Спешу известить Вас о счастье моем и препоручить себя Вашему отеческому благорасположению, как мужа бесценной внуки Вашей, Натальи Николаевны.

Долг наш и желание были бы ехать к Вам в деревню, но мы опасаемся Вас беспокоить и не знаем, в пору ли будет наше посещение. Дмитрий Николаевич сказывал мне, что Вы всё еще тревожитесь насчет приданого; моя усиленная просьба состоит в том, чтоб Вы не расстроивали для нас уже расстроенного имения; мы же в состоянии ждать. Что касается до памятника, то, будучи в Москве, я никак не могу взяться за продажу одного и предоставляю всё это дело на Ваше благорасположение.

С глубочайшим почтением и искренно сыновней преданностью имею счастье быть, милостивый государь дедушка,

Ваши́м покорнейшим слугой

и внуком.

Александр Пушкин

24 февр. 1831.

Москва.

*Пушкин — А. Н. Гончарову. 24 февраля 1831.
Из Москвы в Полотняный завод.*

21

⟨...⟩ Я женат — и счастлив; одно желание мое, чтоб ничего в жизни моей не изменилось — лучшего не дождусь. Это состояние для меня так ново, что, кажется, я переродился. Посылаю вам визитную карточку — жены дома нет, и потому не сама она рекомендуется Степаниде Александровне.

Прости, мой друг. Что баронесса? память Дельвига есть единственная тень моего светлого существования. Обнимаю тебя и Жуковского. ⟨...⟩

*Пушкин — П. А. Плетневу.
24 февраля 1831. Из Москвы в Петербург*

22

Пушкин славный задал вчера бал. И он, и она прекрасно угощали гостей своих. Она прелестна, и они как два голубка. Дай бог, чтобы всегда так

продолжалось. Много все танцевали, и так как общество было небольшое, то я также потанцевал по просьбе прекрасной хозяйки, которая сама меня ангажировала, и по приказанию старика Юсупова: *et moi j'aurais dansé, si j'en avais la force**, говорил он. Ужин был славный; всем казалось странно, что у Пушкина, который жил все по трактирам, такое вдруг завелось хозяйство. Мы уехали почти в три часа. Куда рад я был, что это близехонько от нас, что можно было отослать карету домой часов на шесть. Была вьюга и холод, которая и теперь продолжается. <...>

А. Я. Булгаков — К. Я. Булгакову.
28 февраля 1831. Из Москвы в Петербург.

23

Задолго до получения вашего письма, дорогой Пушкин, я уже поручила Вяземскому поздравить вас с вашим счастьем и выразить вам мои пожелания, чтобы оно оказалось столь прочным и полным, насколько это вообще возможно в нашем мире. Я очень признательна вам за то, что вы вспомнили обо мне в первые дни вашего счастья, это истинное доказательство дружбы. Я повторяю свои пожелания, вернее сказать надежду, чтобы ваша жизнь стала столь же радостной и спокойной, насколько до сих пор она была бурной и мрачной, чтобы нежный и прекрасный друг, которого вы себе избрали, оказался вашим ангелом-хранителем, чтобы ваше сердце, всегда такое доброе, очистилось под влиянием вашей молодой супруги, словом, чтобы вас осенила и всегда охраняла милость господня. Мне не терпится увидеть собственными глазами ваше сладостное и добродетельное счастье. Не сомневайтесь в искренности этих пожеланий, как вы не сомневаетесь в дружбе, внушившей их той, которая на всю жизнь останется преданной вам Е. Карамзиной.

Я прошу вас выразить госпоже Пушкиной мою благодарность за любезную приписку и сказать ей, что я с чувством принимаю ее юную дружбу и заверяю ее в том, что, несмотря на мою холодную и строгую

* и я бы танцевал, если бы у меня были силы (фр.).

внешность, она всегда найдет во мне сердце, готовое ее любить, особенно если она упрочит счастье своего мужа.

Дочери мои, как вы легко можете себе представить, нетерпеливо ждут знакомства с прекрасной Натали. (фр.)

*Е. А. Карамзина — Пушкину.
3 марта 1831. Из Петербурга в Москву.*

24

В Москве провел я весьма приятно целые сутки... Пушкин радовался, как ребенок моему приезду, оставил меня обедать у себя и чрезвычайно мило познакомил меня с своею пригожею женою. Не воображайте однако ж, чтобы это было что-нибудь необыкновенное. Пушкина беленькая, чистенькая девочка с правильными чертами и лукавыми глазами, как у любой гризетки. Видно, что она неловка еще и неразвязна; а все-таки москвичка отражается на ней довольно заметно. Что у ней нет вкуса, это было видно по безобразному ее наряду; что у нее нет ни опрятности, ни порядка — о том свидетельствовали запачканные салфетки и скатерть и расстройство мебели и посуды.

Ах! любезные девы мои, что за прелестная вещь девятая песнь Онегина. Как глубокомысленно означил Пушкин этикетное петербургское общество; как хороша Татьяна, увлеченная примером большого света на поприще притворства и приличия; как смешон и вместе жалок Онегин, гаснущий от ее холодности; как трогательно свидание их, где Татьяна, невольно разнеженная письмами Онегина, вспоминает с блаженством деревенскую свою жизнь, мечты и надежды любви и, наконец, восклицает: «Зачем, зачем тогда вы одним словом не упрочили этого блаженства!»

*В. И. Туманский — С. Г. Туманской.
16 марта 1831. Из Орла.*

25

Что это значит, душа моя? ты совершенно замолк. Вот уже месяц как от тебя ни строчки не вижу. Уж не воспоследовало ли вновь тебе от генерал-губернатора милостивое запрещение со мною переписываться? чего доброго? не болен ли ты? всё ли у тебя благополучно? или просто ленишься да понапрасну друзей своих пугаешь. Покамест вот тебе подробное донесение обо мне, о домашних моих обстоятельствах и о намерениях. В Москве остаться я никак не намерен, причины тому тебе известны — и каждый день новые прибывают. После святой отправляюсь в Петербург. Знаешь ли что? мне мочи нет хотелось бы к вам не доехать, а остановиться в Царском Селе. Мысль благословенная! Лето и осень таким образом провел бы я в уединении вдохновительном, вблизи столицы, в кругу милых воспоминаний и тому подобных удобностей. А дома, вероятно, ныне там недороги: гусаров нет, двора нет — квартал пустых много. С тобою, душа моя, виделся бы я всякую неделю, с Жуковским также — Петербург под боком — жизнь дешевая, экипажа не нужно. Чего, кажется, лучше? Подумай об этом на досуге, да и перешли мне свое решение. Книги Белизара я получил и благодарен. Прикажи ему переслать мне еще Crabbe, Wordsworth, Southey и Shakespeare * в дом Хитровой на Арбате. (Дом сей нанял я в память моей Элизы; скажи это Южной ласточке, смугло румяной красоте нашей). Сомову скажи, чтоб он прислал мне, если может, «Литературную газету» за прошедший год (за нынешний не нужно; сам за ним приеду) да и «Северные цветы», последний памятник нашего Дельвига. Об альманахе переговорим. Я не прочь издать с тобою последние «Северные цветы». Но я затеваю и другое, о котором также переговорим. (...)

О своих меркантильных обстоятельствах скажу тебе, что благодаря отца моего, который дал мне способ получить 38 000 р., я женился и обзавелся кой-как хозяйством, не входя в частные долги. На мою тещу и деда жены моей надеяться плохо, частью

* Крабба, Вордсворта, Саути и Шекспира (англ.).

оттого, что их дела расстроены, частью и оттого, что на слова надеяться не должно. По крайней мере, с своей стороны, я поступил честно и более нежели бескорыстно. Не хвалюсь и не жалеюсь — ибо женка моя прелесть не по одной наружности, и не считаю пожертвованием того, что должен был я сделать. Итак, до свидания, мой милый.

Пушкин — П. А. Плетневу.
26 марта 1831. Из Москвы в Петербург.

26

Ты прав, любимец муз, — должно быть аккуратным, хотя это и немецкая добродетель; не худо быть и умеренным, хотя Чацкий и смеется над этими двумя талантами. Итак, вот тебе пунктуальные ответы на твои запросы. Деларю слишком гладко, слишком правильно, слишком чопорно пишет для молодого лицеиста. В нем не вижу я ни капли творчества, а много искусства. Это второй том Подолинского. Впрочем, может быть, он и разовьется. О Гоголе не скажу тебе ничего, потому что доселе его не читал за недосугом. Отлагаю чтение до Царского Села, где, ради бога, найми мне фатерку — нас будет: мы двое, 3 или 4 человека да 3 бабы. Фатерка чем дешевле, тем, разумеется, лучше — но ведь 200 рублей лишних нас не разорят. Садика нам не будет нужно, ибо под боком будет у нас садище. А нужна кухня да сарай, вот и все. Ради бога, скорее же! и тотчас давай нам и знать, что все-де готово и милости просим приезжать. А мы тебе как снег на голову.

(...) Перечитываю письмо и вижу, что я неаккуратно отвечал тебе на вопросы: 1) где 2) на сколько времени и 3) во сколько комнат нужна мне квартира? Ответы.

1) На какой бы то ни было улице царскосельской.

2) До января, и потому квартера должна быть теплая.

3) Был бы особый кабинет — а прочее мне все равно.

За сим обнимаю тебя, благодаря заранее.

Пушкин — П. А. Плетневу.
Около (не позднее) 14 апреля 1831.
Из Москвы в Петербург.

27

Милостивый государь дедушка
Афанасий Николаевич,

Приношу Вам искреннюю мою благодарность за прием моего поверенного и за письмо, драгоценный знак Вашего ко мне благорасположения. Будьте уверены в беспрекословном согласии моем на всё, что будет удобнее для вас. Мне нельзя было принять доверенности одной, ибо чрез то долги и недоимки могли увеличиться, и имение могло быть, наконец, совершенно потеряно. Если Вам угодно вместо 300 обещанных душ дать покамест Наталье Николаевне доверенность на получение доходов с оных и заемное письмо, с условием, что при жизни Вашей оставалось оное заемное письмо недействительным (дай бог, чтоб оно и долее оставалось таковым!). В таком случае вексель должен быть дан от крепостных дел, на столько сот тысяч рублей, сколько вы желаете дать душ крестьянских, для того, чтобы при конкурсе кредиторов действительно достались бы 300 душ, а не вдесятеро менее. Таковые векселя с таковым же условием Вы безо всякого опасения могли бы дать и прочим Вашим внукам, а доверенность на управление в случае только их замужества.

Надеюсь, что Вы не будете гневаться на меня за мою откровенность. Во всяком случае ожидаю разрешения Вашего и имею счастье с чувством глубочайшего почтения и преданности остаться,

милостивый государь дедушка,
Вашим покорнейшим слугою и внуком.
Александр Пушкин.

Пушкин — А. Н. Гончарову.

25 апреля 1831. Из Москвы в Полотняный завод.

28

Апрель. 30. (...) К Пушкину, и с ним четыре битых часа в споре о «Борисе». Он обвинитель короля, а я адвокат. Я не могу высказать ему ответов, но упросил написать статью, на которую у меня готово возражение. (...)

М. П. Погодин. Из дневника.

К. Фрэнкленд

ИЗ «ОПИСАНИЯ ПОСЕЩЕНИЯ ДВОРОВ РУССКОГО
И ШВЕДСКОГО...»

Мая 7/19. В полдень я явился с визитом к Александру Пушкину, но не застал его дома.

Мая 8/20. Погода чудесно солнечная и ясная. В полдень Пушкин (русский Байрон) посетил меня и сидел со мною около часу. Его разговор занимателен и поучителен.

После обеда я гулял по Тверскому бульвару... Я заметил много красивых женщин на прогулке; среди прочих заметно блистала жена поэта Пушкина.

9/21 мая. Погода ясная и солнечная. В три часа я приехал в Английский клуб, названный так потому, что вряд ли хоть один англичанин принадлежит к нему. Здесь я был записан г. Пушкиным, с которым я обедал. Это великолепное заведение, поставленное на очень широкую ногу, и чистое, прохладное и удобное. Я был представлен графу Потемкину, князю Владимиру Голицыну, и молодому графу Алексею Бобринскому (внуку Екатерины II). По-видимому карты и бильярд имеют здесь пальму первенства перед гастрономической наукой. Я никогда не сидел столь короткого времени за обедом где бы то ни было. Русские — отчаянные игроки.

Никаких английских газет в Английском клубе не получается; и никаких наших «Обзрений». Я нашел статью в «La Revue Britannique» * о силе и составе русской армии, искаленную цензурой. Библиотека состоит почти исключительно из старых французских сочинений. Здесь имеется очень обширный и приятный сад позади дома клуба, где господа забавляются игрой в кегли и национальной игрой в свайку, — глупая игра школьнического типа, состоящая в том, чтобы вогнать железный стержень в медное кольцо, лежащее на земле.

Здесь мой приятель г. Пушкин покинул меня на произвол судьбы и тихонько ускользнул, — как я

* «Британское обозрение» (фр.).

подозреваю, к своей хорошенькой жене, — он поступил совершенно правильно. Однако я был оставлен его внезапным дезертирством в несколько неловком затруднении, так как мне пришлось заплатить по моему счету, для чего я был вынужден прибегнуть к любезной помощи князя Владимира Голицына в качестве переводчика. Но я полагаю, что все поэты имеют право на эксцентричность или рассеянность.

Мая 12/24. Я обедал у г. Пушкина, и встретил у него несколько очень приятных и умных русских, между прочим г-на Киреевского и князя Вяземского. Прекрасная новобрачная не появилась.

Здесь в Москве существует вольность речи, мысли и действия, которой нет в Петербурге, что делает этот город приятным местом для англичанина, девизом которого должно быть — «гражданская и религиозная свобода повсюду на свете».

Факт тот, что Москва представляет род rendez-vous * для всех отставных, недовольных и renvoyé ** чинов империи, гражданских и военных. Это ядро русской оппозиции. Поэтому почти все люди либеральных убеждений и те, политические взгляды которых не подходят к политике этих дней, удаляются сюда, где они могут сколько угодно критиковать двор, правительство и т. д., не слишком опасаясь какого-либо вмешательства (властей).

Я не сомневаюсь, что значительно больше можно узнать о действительном положении России в этом городе за один месяц, чем в Петербурге при крайних стараниях за шесть.

После обеда мы гуляли по Тверскому бульвару до позднего часа. Я устал и отправился домой и в постель.

30

Секретно.

Исправляющему должность московского полицмейстера господину полковнику и кавалеру
Сергею Николаевичу Муханову.

Московского полицмейстера 1-го отделения

* Встреч (фр.).

** Уволенных (фр.).

РАПОРТ

Живущий в Пречистенской части отставной чиновник 10-го класса Александр Сергеев Пушкин вчерашнего числа получил из части свидетельство на выезд из Москвы в Санкт-Петербург вместе с женою своею; а как он, по предписанию бывшего г. обер-полицмейстера от 7-го сентября за № 435 прошлого 1829 г., состоит под секретным надзором, то я долгом поставлю представить о сем вашему высокоблагородию.

*Полицмейстер Миллер.
№ 117. Мая 15 дня 1831 г.*

31

Секретно

Г. Санкт-Петербургскому обер-полицмейстеру.

Находящийся в сей столице под секретным надзором полиции известный поэт, отставной чиновник 10-го класса Александр Пушкин выехал из Москвы в Санкт-Петербург вместе с женою своею, за коим во время пребывания здесь в поведении ничего предосудительного не замечено.

О чем ваше превосходительство честь имею уведомить для надлежащего со стороны вашей об нем, Пушкине, распоряжения.

*Отношение московского обер-полицмейстера
на имя петербургского обер-полицмейстера
от 29 июня 1831 г. № 212.*

32

(...) Я был вынужден уехать из Москвы во избежание неприятностей, которые под конец могли лишить меня не только покоя; меня расписывали моей жене как человека гнусного, алчного, как презренного ростовщика, ей говорили: ты глупа, позволяя мужу и т.д. Согласитесь, что это значило проповедовать

развод. Жена не может, сохраняя приличие, позволить говорить себе, что муж ее бесчестный человек, а обязанность моей жены — подчиниться тому, что я себе позволю. Не восемнадцатилетней женщине управлять мужчиной, которому 32 года. Я проявил большое терпение и мягкость, но, по-видимому, и то и другое было напрасно. Я ценю свой покой и сумею его себе обеспечить.

Когда я уезжал из Москвы, вы не сочли нужным поговорить со мной о делах; вы предпочли пошутить по поводу возможности развода, или что-то в этом роде. Между тем мне необходимо окончательно выяснить ваше решение относительно меня. Я не говорю о том, что предполагалось сделать для Натали; это меня не касается, и я никогда не думал об этом, несмотря на мою алчность. Я имею в виду 11 тысяч рублей, данные мною займы. Я не требую их возврата и никоим образом не тороплю вас. Я только хочу в точности знать, как вы намерены поступить, чтобы я мог сообразно этому действовать. (...) (фр.)

*Пушкин — Н. И. Гончаровой.
26 июня. 1831. Из Царского Села в Москву.*

33

Д. Ф. Фикельмон

ИЗ ДНЕВНИКА.

1831. 21 мая. Пушкин приехал из Москвы и привез свою жену, но не хочет еще ее показывать. Я видела ее у маменьки — это очень молодая и очень красивая особа, тонкая, стройная, высокая, — лицо Мадонны, чрезвычайно бледное, с кротким, застенчивым и меланхолическим выражением, — глаза зеленоватокarie, светлые и прозрачные, — взгляд не то чтобы косящий, но неопределенный, тонкие черты, красивые черные волосы. Он очень в нее влюблен, рядом с ней его уродливость еще более поразительна, но когда он говорит, забываешь о том, чего ему недостает, чтобы быть красивым, его разговор так интересен, сверкающий умом, без всякого педантизма.

34

А. О. Смирнова-Россет

ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ

⟨...⟩ Пушкин с молодой женой поселился в доме Китаева, на Колпинской улице, Жуковский жил в Александровском дворце, а фрейлины помещались в Большом дворце. Тут они оба взяли привычку приходить ко мне по вечерам, то есть перед собранием у императрицы, назначенным к 9 часам. Днем Жуковский занимался с великим князем или работал у себя. Пушкин писал, именно свои сказки, с увлечением; так как я ничего не делала, то и заходила в дом Китаева. Наталья Николаевна сидела обыкновенно за книгой внизу. Пушкина кабинет был наверху, и он тотчас нас зазывал к себе. Кабинет поэта был в порядке. ⟨...⟩ Тут он писал, ходил по комнате, пил воду, болтал с нами, выходил на балкон и привирал всякую чепуху насчет своей соседки графини Ламберт. Иногда читал нам отрывки своих сказок и очень серьезно спрашивал нашего мнения. Он восхищался заглавием одной: «Поп — толоконный лоб и служитель его Балда». «Это так дома можно,— говорил он,— а ведь цензура не пропустит!» Он говорил часто: «Ваша критика, мои милые, лучше всех; вы просто говорите: этот стих нехорош, мне не нравится». Вечером, в 5 или 6 часов, он с женой ходил гулять вокруг озера, или я заезжала в дрожках за его женой; иногда и он садился на перекладинку верхом, и тогда был необыкновенно весел и забавен ⟨...⟩

35

⟨...⟩ Очень жаль, друг мой, что нам не удалось соединить наши жизненные пути. Я продолжаю думать, что мы должны были идти об руку и из этого получилось бы нечто полезное и для нас, и для других. Мне опять приходит это в голову с тех пор, как я стал иногда ходить — угадайте куда?— в Английский клуб. Вы говорили мне, что бывали там, я мог встретиться

с вами в этом прекрасном помещении, среди колоннад, так похожих на греческие, в тени прекрасных деревьев; это обязательно повлекло бы за собой мощный обмен мыслей. Я часто испытывал нечто подобное. (...)
(фр.)

*П. Я. Чаадаев — Пушкину.
17 июня 1831. Из Москвы в Царское Село.*

36

Друг мой, я буду говорить с вами на языке Европы, он мне привычнее нашего, и мы продолжим беседы, начатые в свое время в Царском Селе и так часто с тех пор прерывавшиеся.

Вам известно, что у нас происходит: в Петербурге народ вообразил, что его отравляют. Газеты изощраются в увещаниях и торжественных заверениях, но, к сожалению, народ неграмотен, и кровавые сцены готовы возобновиться. Мы оцеплены в Царском Селе и в Павловске и не имеем никакого сообщения с Петербургом. Вот почему я не видел ни Блудова, ни Беллизара. Ваша рукопись всё еще у меня; вы хотите, чтобы я вам ее вернул? Но что будете вы с ней делать в Некрополе? Оставьте ее мне еще на некоторое время. Я только что перечел ее. Мне кажется, что начало слишком связано с предшествовавшими беседами, с мыслями, ранее развитыми, очень ясными и несомненными для вас, но о которых читатель не осведомлен. Вследствие этого мало понятны первые страницы, и я думаю, что вы бы хорошо сделали, заменив их простым вступлением или же сделав из них извлечение. Я хотел было также обратить ваше внимание на отсутствие плана и системы во всем сочинении, однако рассудил, что это — письмо и что форма эта дает право на такую небрежность и непринужденность. Всё, что вы говорите о Моисее, Риме, Аристотеле, об идее истинного бога, о древнем искусстве, о протестантизме, изумительно по силе, истинности или красноречию. Всё, что является портретом или картиной, сделано широко, блестяще, величественно. Ваше понимание истории для меня совершенно ново, и я не всегда могу согласиться с вами: например, для меня

непостижимы ваша неприязнь к Марку Аврелию и пристрастие к Давиду (псалмами которого, если только они действительно принадлежат ему, я восхищаюсь). Не понимаю, почему яркое и наивное изображение политеизма возмущает вас в Гомере. Помимо его поэтических достоинств, это, по вашему собственному признанию, великий исторический памятник. Разве то, что есть кровавого в Илиаде, не встречается также и в Библии? Вы видите единство христианства в католицизме, то есть в папе. Не заключается ли оно в идее Христа, которую мы находим также и в протестантизме? Первоначально эта идея была монархической, потом она стала республиканской. Я плохо излагаю свои мысли, но вы поймете меня. Пишите мне, друг мой, даже если бы вам пришлось бранить меня. Лучше, говорит Экклезиаст, внимать наставлениям мудрого, чем песням безумца. (фр.)

*Пушкин — П. Я. Чаадаеву.
6 июля 1831. Из Царского Села в Москву.*

37

Милый друг, я просил вас вернуть мою рукопись; жду ответа. Признаюсь, мне не терпится получить ее обратно; пришлите мне ее, пожалуйста, как можно скорее. У меня есть основание полагать, что я могу немедленно использовать ее и выпустить в свет вместе с остальными моими писаниями.

Неужели вы не получили моего письма? Это вполне возможно, вследствие великого бедствия, которое на нас обрушилось. Я слышал, что оно не коснулось Царского Села. Излишне говорить вам о том, как я был счастлив это узнать. Простите, друг мой, что я занимаю вас своей особой в то время, как ангел смерти так грозно витает над местами, где вы живете. Я не сделал бы этого, живи вы в самом Петербурге, но уверенность, что вы не подвергаетесь опасности там, где находитесь, придала мне смелость написать вам.

Как мне было бы радостно, друг мой, если бы в ответ на это письмо вы сообщили побольше о себе и

продолжали сообщать все время, пока длится эпидемия. Могу ли я на это рассчитывать? Будьте здоровы. Без конца желаю вам благополучия и нежно обнимаю вас. Пишите мне, пожалуйста. Преданный вам Чаадаев. (фр.)

П. Я. Чаадаев — Пушкину.

7 июля 1831. Из Москвы в Царское Село.

38

Очень, очень благодарю тебя за письмо от 9 июня. Не знаю, отвечал ли я тебе на оное; на всякий случай перечитав его, пишу ответ. С подрядчиком я расплатился; он сказывал мне, что ты обещал ему от меня прибавку, на сие жду твоего приказания, а сам от себя ни гроша не прибавлю. Я не очень понимаю, какое условие мог ты заключить с Рахмановым; страховать жизнь еще на Руси в обыкновение не введено, но войдет же когда-нибудь; покамест мы не застрахованы, а застращены. Здесь холера, т. е. в Петербурге, а Сарское Село оцеплено — так, как при королевских дворах, бывало, за шалости принца секли его пажу. Жду дороговизны, и скупость наследственная и благоприобретенная во мне тревожится. О делах жены моей не имею никаких известий, и дедушка и теща отмалчиваются, и рады, что бог послал их Ташеньке муженька такого смиренного. Что-то будет с Александром Юрьевичем? твое известие о нем насмешило нас досыта. Воображаю его в Заводах en tête à tête* с глухим стариком, а Наталью Ивановну, ходуном ходящую, около дочерей, крепко-накрепко заключенных. Что Александр Юрьевич? остыл али нет? Ты-то что сам? и скоро ли деньги будут? как будут, приеду, несмотря ни на какие холеры и тому подобное. А тебя уж я отчаиваюсь видеть. Прости, отвечай.

Пушкин — П. В. Нащокину.

Около (не позднее) 20 июня 1831.

Из Царского Села в Москву.

* с глазу на глаз (фр.).

39

Я всё откладывал письмо к вам, с минуты на минуту ожидая вашего приезда: но обстоятельства не позволяют мне более на это надеяться. Поэтому, сударыня, я поздравляю вас письменно и желаю м-ль Евпраксии всего доступного на земле счастья, которого столь достойно такое благородное и нежное существо.

Времена стоят печальные. В Петербурге свирепствует эпидемия. Народ несколько раз начинал бунтовать. Ходили нелепые слухи. Утверждали, что лекаря отравляют население. Двое из них были убиты расширепешей чернью. Государь явился среди бунтовщиков. Мне пишут*: «Государь говорил с народом. Чернь слушала на коленях — тишина — один царский голос как звон святой раздавался на площади»*. — Нельзя отказать ему ни в мужестве, ни в умении говорить, на этот раз возмущение было подавлено; но через некоторое время беспорядки возобновились. Возможно, что будут вынуждены прибегнуть к картечи. Мы ожидаем двор в Царское Село, куда зараза еще не проникла; но думаю, что это не замедлит случиться. Да сохранит бог Тригорское от семи казней египетских; живите счастливо и спокойно, и да настанет день, когда я снова окажусь в вашем соседстве! К слову сказать, если бы я не боялся быть навязчивым, я попросил бы вас, как добрую соседку и дорогого друга, сообщить мне, не могу ли я приобрести Савкино, и на каких условиях. Я бы выстроил себе там хижину, поставил бы свои книги и проводил бы подле добрых старых друзей несколько месяцев в году. Что скажете вы, сударыня, о моих воздушных замках, иначе говоря о моей хижине в Савкине? — меня этот проект приводит в восхищение, и я постоянно к нему возвращаюсь. Примите, милостивая государыня, уверение в моем высоком уважении и совершенной преданности. Кланяюсь всему вашему семейству; примите также поклон от моей жены, в ожидании случая, когда я буду иметь удовольствие представить ее вам. (фр.)

Пушкин — П. А. Осиповой.
29 июня 1831. Из Царского Села в Опочку.

* Слова, заключенные между звездочками, — по-русски.

40

(...) Плетнев отделен от меня холерою, ничего не пишет. Ждал я сюда Жуковского, но двор уже не едет в Царское Село, потому что холера показалась в Пулковке. В Петербурге народ неспокоен; слухи об отраве так распространились, что даже люди порядочные повторяют эти нелепости от чистого сердца. Двух лекарей народ убил. Царь унял возмущение, но не всё еще тихо. Из армии известия не имеем. Вот тебе всё, что знаю. О литературе не спрашивай: я не получаю ни единого журнала, кроме «С.-Петербургских ведомостей», и тех не читаю. «Рославлева» прочел и очень желаю знать, каким образом ты бранишь его. Разговоров о «Борисе» не слышал и не видал; я в чужие разговоры не вмешиваюсь. Не пишу покамест ничего, ожидаю осени. Элиза готовится к смерти мученической и уже написала мне трогательное прощание. Ты что? Вышел ли «Фонвизин» из цензуры и поступил ли в печать? Кстати о цензуре. Щеглов умер: не нашего полку, чужого. — Отец мой горюет у меня в соседстве, в Павловском; вообще довольно скучно.

*Пушкин — П. А. Вяземскому.
3 июля 1831. Из Царского Села в Москву.*

41

Двор приехал и Царское Село закипело и превратилось в столицу. Грустно мне было услышать от Жуковского, что тебя сюда не будет. Но так и быть: сиди себе на даче и будь здоров. Россети черноокая хотела тебе писать, беспокоясь о тебе, но Жуковский отсоветовал, говоря: он жив, чего ж вам больше? Однако она поручила было мне переслать к тебе 500 р. какой-то запоздалой пенсии. Если у тебя есть мои деньги, то заплати за них — и дай мне знать сюда, а эти 500 р. я возьму с нее.

На днях отправил я тебе через Эслинга повести покойного Белкина, моего приятеля. Получил ли ты их? Предисловие доставлю после. Отдай их в цензуру земскую, не удельную, — да и снюхаемся с Смирди-

ным; я такого мнения, что эти повести могут доставить нам 10 000 — и вот каким образом:

2000 экземпляров по 6 р. = 12 000.

— 1000 за печать

— 1000 процентов

итого 10 000.

Что же твой план «Северных цветов» в пользу братьев Дельвига? Я даю в них «Моцарта» и несколько мелочей. Жуковский дает свою гекзаметрическую сказку. Пиши Баратынскому; он пришлет нам сокровища; он в своей деревне.— От тебя стихов не дождешься, если б ты собрался да написал что-нибудь об Дельвиге! то-то было б хорошо! Во всяком случае проза нужна; коли ты ничего не дашь, так она сядет на мель. Обозрения словесности не надобно; чёрт ли в нашей словесности? придется бранить Полевого да Булгарина. Кстати ли такое аллилуйя на могиле Дельвига?— Подумай обо всем этом хорошенько, да и распорядись — а издавать уже пора: т. е. приготовляться к изданию. Будьте здоровы все, Христос с вами.

*Пушкин — П. А. Плетневу.
Около (не позднее) 11 июля 1831.
Из Царского Села в Петербург.*

42

Возвращаю тебе твои прелестные пакости. Всем очень доволен. Напрасно сердисься на «Чуму»; она едва ли не лучше «Каменного гостя». На «Моцарта» и «Скупого» сделаю некоторые замечания. Кажется, и то, и другое еще можно усилить.— Пришли «Онегина», сказку октавами, мелочи и прозаические сказки все, читанные и нечитанные. Завтра все возвращу.

*В. А. Жуковский — Пушкину.
Вторая половина июля 1831. Царское Село.*

43

Заботливость истинно отеческая государя императора глубоко меня трогает. Осыпанному уже благодеяниями его величества, мне давно было тягостно мое бездействие. Мой настоящий чин (тот самый, с которым выпущен я был из Лицея), к несчастью, представляет мне препятствие на поприще службы. Я считался в Иностранной коллегии от 1817-го до 1824-го года; мне следовали за выслугу лет еще два чина, т. е. титулярного и коллежского асессора; но бывшие мои начальники забывали о моем представлении. Не знаю, можно ли мне будет получить то, что мне следовало.

Если государю императору угодно будет употребить перо мое, то буду стараться с точностию и усердием исполнять волю его величества и готов служить ему по мере моих способностей. В России периодические издания не суть представители различных политических партий (которых у нас не существует), и правительству нет надобности иметь свой официальный журнал; но тем не менее общее мнение имеет нужду быть управляемо. С радостию взялся бы я за редакцию *политического и литературного журнала*, т. е. такого, в коем печатались бы политические и заграничные новости. Около него соединил бы я писателей с дарованиями и таким образом приблизил бы к правительству людей полезных, которые всё еще дичатся, напрасно полагая его неприязненным к просвещению.

Более соответствовало бы моим занятиям и склонностям дозволение заняться историческими изысканиями в наших государственных архивах и библиотеках. Не смею и не желаю взять на себя звание историографа после незабвенного Карамзина; но могу со временем исполнить давнишнее мое желание написать Историю Петра Великого и его наследников до государя Петра III.

Пушкин — А. Х. Бенкендорфу.

Около (не позднее) 21 июля 1831.

Из Царского Села в Петербург. (Черновое).

44

(...) Я всё к тебе собираюсь, да боюсь карантин. Ныне никак нельзя, пускаясь в дорогу, быть уверенным во времени проезда. Вместо трехдневной езды, того и гляди, что высидишь три недели в карантине; шутка!— Посылаю тебе посылку на имя Чаадаева; он живет на Дмитровке против церкви. Сделай одолжение, доставь ему. У вас, кажется, всё тихо, о холере не слыхать, бунтовнет, лекарей и полковников не убивают. Недаром царь ставил Москву в пример Петербургу! В Царском Селе также всё тихо; но около такая каша, что боже упаси. Ты пишешь мне о каком-то критическом разговоре, которого я еще не читал. Если бы ты читал наши журналы, то увидел бы, что всё, что называют у нас критикой, одинаково глупо и смешно. С моей стороны я отступился; возражать серьезно — невозможно; а паясить перед публикою не намерен. Да к тому же ни критики, ни публика не достойны дельных возражений. Нынче осенью займусь литературой, а зимой зарююсь в архивы, куда вход дозволен мне царем. Царь со мною очень милостив и любезен. Того и гляди попаду во временщики, и Зубков с Павловым явятся ко мне с распростертыми объятиями. Брат мой переведен в Польскую армию. Им были недовольны за его пьянство и буянство; но это не будет иметь следствия никакого. Ты знаешь, что Вислу мы перешли, не видя неприятеля. С часу на час ожидаем важных известий и из Польши и из Парижа; дело, кажется, обойдется без европейской войны. Дай-то бог. Прощай, душа: не ленись и будь здоров. (...)

*Пушкин — П. В. Нащокину.
21 июля 1831. Из Царского Села в Москву.*

45

Письмо твое от 19-го крепко меня опечалило. Опять хандришь. Эй, смотри: хандра хуже холеры, одна убивает только тело, другая убивает душу. Дельвиг умер, Молчанов умер; погоди, умрет и Жуковский, умрем и мы. Но жизнь всё еще богата; мы встретим еще новых знакомцев, новые созреют нам друзья, дочь у тебя будет расти, вырастет невестой, мы будем старые хрыгчи, жены наши — старые хрычовки,

а детки будут славные, молодые, веселые ребята; а мальчишки станут повесничать, а девчонки сентиментальничать; а нам то и любо.

Вздор, душа моя; не хандри—холера на днях пройдет, были бы мы живы, будем когда-нибудь и веселы.

Жаль мне, что ты моих писем не получал. Между ими были дельные; но не беда. Эслинг сей, которого ты не знаешь,—мой внук по Лицею и, кажется, добрый малый—я поручил ему доставить тебе мои сказки; прочитай их ради скуки холерной, а печатать их не к спеху. Кроме 2000 за «Бориса», я еще ничего не получил от Смирдина; думаю, накопилось около двух же тысяч моего жалованья; напишу ему, чтоб он их переслал ко мне по почте, доставив тебе 500, россетинских. Кстати скажу тебе новость (но да останется это, по многим причинам, между нами): царь взял меня в службу—но не в канцелярскую, или придворную, или военную—нет, он дал мне жалование, открыл мне архивы, с тем, чтоб я рылся там и ничего не делал. Это очень мило с его стороны, не правда ли? (...)

Пушкин—П. А. Плетневу.
22 июля 1831. Из Царского Села в Петербург

46

26-го июля. (...)

Покамест полагали, что холера прилипчива, как чума, до тех пор карантинны были зло необходимое. Но коль скоро начали замечать, что холера находится в воздухе, то карантинны должны были тотчас быть уничтожены. 16 губерний вдруг не могут быть оцеплены, а карантинны, не подкрепленные достаточно цепью, военною силою,—суть только средства к притеснению и причины к общему неудовольствию. Вспомним, что турки предпочитают чуму карантиннам. В прошлом году карантинны остановили всю промышленность, заградили путь обозам, привели в нищету подрядчиков и извозчиков, прекратили доходы крестьян и помещиков и чуть не взбунтовали 16 губерний. Злоупотребления неразлучны с карантинными постановлениями, которых не понимают ни употребляемые на то люди, ни народ. Уничтожьте карантинны,

народ не будет отрицать существования заразы, станет принимать предохранительные меры и прибегнет к лекарям и правительству; но покамест карантины тут, меньшее зло будет предпочтено большему и народ будет более беспокоиться о своем продовольствии, о угрожающей нищете и голоде, нежели о болезни неведомой и коей признаки так близки к отраве.

29-го. Третьего дня государыня родила великого князя Николая. Накануне она позволила фрейлине Россети выйти за Смирнова.

Государь приехал перед самыми родами императрицы. Бунт в Новгородских колониях усмирен его присутствием. Несколько генералов, полковников и почти все офицеры полков Аракчеевского и короля Прусского перерезаны. Мятежники имели списки мнимых отравителей, т. е. начальников и лекарей. Генерала они засекали на плаце; над некоторыми жертвами убийцы ругались. Посадив на стул одного майора, они подходили к нему с шутками: «Ваше высокоблагородие, что это вы так побледнели? Вы сами не свои, вы так смирны», — и с этим словом били его по лицу. Лекарей убито 15 человек; один из них спасен больными, лежащими в лазарете. Этот лекарь находился 12 лет в колонии, был отменно любим солдатами за его усердие и добродушие. Мятежники отдавали ему справедливость, но хотели, однако ж, его зарезать, ибо и он стоял в списке жертв. Больные вытребовали его из-под караула. Мятежники хотели было ехать к Аракчееву в Грузино, чтоб убить его, а дом разграбить. 30 троек были уже готовы. Жандармский офицер, взявший над ними власть, успел уговорить их оставить это намерение. Он было спас и офицеров полка Прусского короля, уговорив мятежников содержать несчастных под арестом; но после его отъезда убийства совершились. Государь обедал в Аракчеевском полку. Солдаты встретили его с хлебом и медом. Арнт, находившийся при нем, сказал им с негодованием: «Вам бы должно вынести кутью». Государь собрал полк в манеже, приказал попу читать молитвы, приложился ко кресту и обратился к мятежникам. Он разругал их, объявил, что не может их простить, и требовал, чтоб они выдали ему

зачинщиков. Полк обещался. Свидетели с восторгом и с изумлением говорят о мужестве и силе духа императора.

Восемь полков, возмущившихся в Старой Руссе, получили повеление идти в Гатчино.

Сентября 4. (...)

На днях скончался в Петербурге Фон-Фок, начальник 3-го отделения государственной канцелярии (тайной полиции), человек добрый, честный и твердый. Смерть его есть бедствие общественное. Государь сказал: *J'ai perdu Fock; je ne puis que le pleurer et me plaindre de n'avoir pas pu l'aimer* *. (...)

А. С. Пушкин. Дневник. 1831.

47

Ваше молчание начало уже меня тревожить, дорогая и добрая Прасковья Александровна; письмо ваше, пришедшее очень кстати, меня успокоило. Еще раз поздравляю вас и от глубины души желаю всем благополучия, спокойствия и здоровья. Я сам доставил ваши письма в Павловск, умирая от желания знать их содержание; но матери моей не оказалось дома. Вы знаете о том, что у них произошло, о выходке Ольги, о карантине и т. д. Теперь, слава богу, всё кончено. Родители мои уже не под арестом. Холеры больше бояться нечего — она кончится в Петербурге. Знаете ли вы, что в Новгороде, в военных поселениях, произошли волнения? Солдаты взбунтовались всё под тем же бессмысленным предлогом, что их отравляют. Генералы, офицеры и лекаря были все перебиты с утонченной жестокостью. Император отправился туда и усмирил бунт с поразительным мужеством и хладнокровием. Но нельзя допускать, чтобы народ привыкал к бунтам, а бунтовщики — к появлению государя. Кажется, теперь всё кончено. Вы судите о болезни гораздо вернее, чем врачи и правительство. ** Болезнь повальная, а не зараза, следственно карантины

* Я потерял Фока; могу лишь оплакивать его и жалеть о себе, что не мог его любить. (фр.)

** Слова, заключенные между звездочками, — по-русски.

лишнее; нужны одни предосторожности в пище и в одежде*. Если бы эту истину знали раньше, мы избежали бы множества бед. Теперь лечат холеру как всякое отравление — *постным маслом и горячим молоком*, не пренебрегая и паровыми банями. Дай бог, чтобы вам не пришлось воспользоваться этим рецептом в Тригорском.

Отдаю в ваши руки свои интересы и планы. Не важно, будет ли это *Савкино* или какое-нибудь другое место; я только хочу быть вашим соседом и владельцем красивого угла. Благоволите сообщить мне стоимость такого или иного имения. Обстоятельства, по-видимому, задержат меня в Петербурге дольше, чем я того желал бы, но это нисколько не меняет моих намерений и надежд.

Примите уверение в моей преданности и совершенном уважении. Кланяюсь всему вашему семейству. (фр.)

Пушкин — П. А. Осиповой.

29 июля 1831. Из Царского Села в Тригорское.

48

«Литературная газета» что-то замолкла; конечно, Сомов болен, или подпиской недоволен. Твое замечание о мизинце Булгарина не пропадет; обещаю тебя насмешить; но нам покамест не до смеха; ты, верно, слышал о возмущениях новгородских и Старой Руси. Ужасы. Более ста человек генералов, полковников и офицеров перерезаны в новгородских поселениях со всеми утончениями злобы. Бунтовщики их секли, били по щекам, издевались над ними, разграбили дома, изнасиловали жен; 15 лекарей убито; спасся один при помощи больных, лежащих в лазарете; убив всех своих начальников, бунтовщики выбрали себе других — из инженеров и коммуникационных. Государь приехал к ним вслед за Орловым. Он действовал смело, даже дерзко; разругав убийц, он объявил прямо, что не может их простить, и требовал выдачи зачинщиков. Они обещались и смирились. Но бунт Старо-Русский еще не прекращен. Военные чиновники не смеют еще показаться на улице. Там четвертили

одного генерала, зарывали живых и проч. Действовали мужики, которым полки выдали своих начальников.— Плохо, ваше сиятельство. Когда в глазах такие трагедии, некогда думать о собачьей комедии нашей литературы. Кажется, дело польское кончается; я всё еще боюсь: генеральная баталия, как говорил Петр I, дело зело опасное. А если мы и осадим Варшаву (что требует большого числа войск), то Европа будет иметь время вмешаться не в ее дело. Впрочем, Франция одна не сунется; Англии не для чего с нами ссориться, так авось ли выкарабкаемся.

В Сарском Селе покамест нет ни бунтов, ни холеры; русские журналы до нас не доходят, иностранные получаем, и жизнь у нас очень сносная. <...>

Пушкин — П. А. Вяземскому.
3 августа 1831. Из Царского Села в Москву.

49

Посылаю тебе с Гоголем сказки моего друга Ив. П. Белкина; отдай их в простую цензуру, да и приступим к изданию. Предисловие пришлю после. Правила, коими будем руководствоваться при издании, следующие:

1) Как можно более оставлять белых мест, и как можно шире расставлять строки.

2) На странице помещать не более 18-ти строк.

3) Имена печатать *полные*, напр. Иван Иванович Иванов, а не И.Ив. Ив—ъ. То же и об городах и деревнях.

4) Числа (кроме годов) печатать буквами.

5) В сказке «Смотритель» назвать гусара *Минским*, и сим именем заменить везде***.

6) Смирдину шепнуть мое имя, с тем, чтоб он перешепнул покупателям.

7) С почтеннейшей публики брать по 7-ми рублей, вместо 10-ти — ибо нынче времена тяжелые, рекрутский набор и карантинны.

Думаю, что публика будет беспрекословно платить сей умеренный оброк и не принудит меня употреблять строгие меры.

Главное: будем живы и здоровы... Прощай, мой ангел.

Р. С. Эпиграфы печатать перед самым началом сказки, а заглавия сказок на особенном листе (ради ширины). Кстати об эпиграфах. К «Выстрелу» надобно будет приискать другой, именно в «Романе в семи письмах» А. Бестужева в «Полярной звезде»: *У меня оставался один выстрел, я поклялся etc.* Справься, душа моя.

*Пушкин — П. А. Плетневу.
Около (не позднее) 15 августа 1831.
Из Царского Села в Петербург.*

50

Повести Ивана Петровича Белкина из цензуры получены. Ни перемен, ни откидок не последовало по милости Никиты Ивановича Бутырского. Чтобы приступить к печатанию, надобно от тебя через день же получить ответ, в котором бы ты разрешил меня в следующем:

1. Сколько экземпляров печатать: не довольно ли 1200?

2. Чтобы по 18 строк выходило на странице в 12-ю долю листа, то разрядка строк будет одинакова с «Евгением Онегиным»: аппробуешь ли ее? а иначе (т. е. в один шпон, а не в два) выйдет по 22 строчки на странице.

3. Я взял эпиграф к «Выстрелу» из «Романа в 7 письмах»; вот как он стоит в подлиннике:

«Мы близились с двадцати шагов; я шел твердо — ведь уже три пули просвистали мимо этой головы — я шел твердо, но без всякой мысли, без всякого намерения: скрытые во глубине души чувства совсем омрачили мой разум».

Согласен ли ты его так принять, и если да, то Баратынского слова: «Стрелялись мы» вычеркнуть ли из тетради?

4. Не удержишь ли ты издания присылкою «Предисловия» и уморительно-смешного эпиграфа?

5. Не подать ли нам благого примера в прозе молодым писателям и не продавать ли Белкина по 5 р. книжку? Нас это не разорит, а добрый пример глубоко пустит корни. Я и кн. Вяземскому присоветовал продавать «Адольфа» по 5 р.

Впрочем, буди во всем твоя святая воля. Долго ли еще проживешь ты в Царском? Поклонись от меня всем.

Не пропусти в ответе своем ни одного из моих вопросов.

*П. А. Плетнев — Пушкину.
5 сентября 1831. Из Петербурга в Царское Село.*

51

⟨...⟩ Все лето я прожил в Павловске и Царском Селе. ⟨...⟩ Почти каждый вечер собирались мы: Жуковский, Пушкин и я. О, если бы ты знал, сколько прелестей вышло из-под пера сих мужей. У Пушкина повесть, октавами писанная: «Кухарка», в которой вся Коломна и петербургская природа живая. Кроме того, сказки русские народные — не то что «Руслан и Людмила», но совершенно русские. Одна писана даже без размера, только с рифмами, и прелесть невообразимая. ⟨...⟩

*Н. В. Гоголь — А. С. Данилевскому.
2 ноября 1831. Из Петербурга на Кавказ.*

52

Сей час государь присылал у меня просить твоих стихов; у меня их не случилось. Но он велел просить у твоей жены экземпляра. Не худо, когда и для государя и для императрицы перепишешь по экземпляру и скорее им доставишь экземпляр.

*В. А. Жуковский — Пушкину.
Не ранее 16 августа 1831. Царское Село.*

53

⟨...⟩ остаются еще самые трудные [экзамены], и сверх того на некоторых из них у нас будут присутствовать судьи, которыми нельзя пренебрегать, а именно Жуковский и Пушкин. Первый здесь с двором, второй проводит здесь лето с женой. Впрочем, еще не

известно точно, придут ли они. По крайней мере, наш генерал их пригласил (приглашать на частный экзамен — как Вам это нравится), и они присылали за расписанием экзаменов. <...> (фр.)

*Я. К. Грот — Р. К. Грот. 9 августа
1831. Из Царского Села в Петербург.*

54

Приходи ко мне в половине первого; пойдем в Лицей: там экзамен истории.

*В. А. Жуковский — Пушкину.
24—27 августа 1831. Царское Село.*

55

Никогда не забуду восторга, с каким мы его приняли <...>, мы его окружили всем курсом и гурьбой провожали по всему Лицею. Обращение его с нами было самое простое, как с старыми знакомыми; на каждый вопрос он отвечал приветливо, с участием расспрашивал о нашем быте, показывал нам свою бывшую комнатку и передавал подробности о памятных ему местах. После мы не раз встречали его гуляющим в царскосельском саду, то с женою, то с Жуковским, которого мы видели у себя около того же времени. Он присутствовал у нас на экзамене по истории.

Я. К. Грот. Царскосельский лицей.

56

<...> У меня, слава богу, всё тихо, жена здорова; царь (между нами) взял меня в службу, т. е. дал мне жалования и позволил рыться в архивах для составления «Истории Петра I». Дай бог здравия царю! Дома у меня произошла перемена министерства. Бюджет Александра Григорьева оказался ошибочен; я потребовал счетов; заседание было столь же бурное, как и

то, в коем уничтожен был Иван Григорьев; вследствие сего Александр Григорьев сдал министерство Василию (за коим блохи другого роду). В тот же день повар мой явился ко мне с требованием отставки; сего министра хотят отдать в солдаты и он едет хлопотать о том в Москву; вероятно, явится и к тебе. Отсутствие его мне будет ощутительно; но, может быть, всё к лучшему. Забыл я тебе сказать, что Александр Григорьев при отставке получил от меня в виде аттестата плюху, за что он было вздумал произвести возмущение и явился ко мне с военною силою, т. е. кварталным; но это обратилось ему же во вред; ибо лавочники, проведав обо всем, засадили было его в яму, от коей по своему великодушию избавил я его. Теща моя не унимается; ее не переменяет ничто, ni le temps, ni l'absence, ni des lieux la longueur*; бранит меня, да и только — а всё за нашего друга Александра Юрьевича. Дедушка ни гугу. До сих пор ничего не сделано для Натальи Николаевны; мои дела идут помаленьку. Печатаю incognito** мои повести; первый экземпляр перешлю тебе. Прощай, душа. Да не забудь о ломбарде порасспросить.

Пушкин — П. В. Нащокину.
3 сентября 1831. Из Царского Села в Москву.

57

(...) Мне совестно быть неаккуратным, но я совершенно расстроился: женясь, я думал издерживать втрое против прежнего, вышло вдесятеро. В Москве говорят, что я получаю 10 000 жалованья, но я покамест не вижу ни полушки; если буду получать и 4000, так и то слава богу. Отвечай мне как можно скорее в Петербург, в Казачьем переулке в доме Дмитриева, О. С. Павлицевой, для доставления А. С. П. Прощай и будь здоров. Кланяюсь Ольге Андреевне и твоему наследнику.

Весь твой Пушкин.

7 окт. 1831.

Сарское Село.

Пушкин — П. В. Нащокину.
7 октября 1831 г. Из Царского Села в Москву.

* ни время, ни разлука, ни дальность расстояния (фр.).

** инкогнито, анонимно (лат.).

58

Сейчас еду из Царского Села в Петербург. Мебели твои в целости оставлены мною здесь для того, чтобы доставить тебе прямо туда, где ты остановишься. Деньги тебе не выслал, ибо жду тебя сюда. Но когда же будешь ты? Ждем и не дождемся. Похлопочи о «Северных цветах», пришли нам своих стихов и проз, да у Языкова нет ли чего? я слышу, они с Киреевским затевают журнал; с богом! Да будут ли моды? важный вопрос. По крайней мере можно будет нам где-нибудь показаться—да и Косичкин этому рад. А то куда принужден он был приютиться! в «Телескоп»! легко сказать. Двор у вас. Жуковский и Россети в Петербурге. Жуковский написал пропасть хорошего и до сих пор всё еще продолжает. Переводит одну песнь из *Marmion**; славно. Каков Гогель? Повести мои печатаются. «Северные цветы» будут любопытны. Прощай, до свидания. Мой адрес: у Измайловского мосту на Воскресенской улице в доме Берникова.

*Пушкин — П. А. Вяземскому.
Середина (около 15) октября 1831.
Из Царского Села в Москву.*

59

Сейчас прочел «Вечера близ Диканьки». Они изумили меня. Вот настоящая веселость, искренняя, непринужденная, без жеманства, без чопорности. А местами какая поэзия! Какая чувствительность! Всё это так необыкновенно в нашей нынешней литературе, что я доселе не образумился. Мне сказывали, что когда издатель вошел в типографию, где печатались «Вечера», то наборщики начали прыскать и фыркать, зажимая рот рукою. Фактор объяснил их веселость, признавшись ему, что наборщики помирали со смеху, набирая его книгу. Мольер и Фильдинг, вероятно, были бы рады рассмешить своих наборщиков. Поздравляю публику с истинно веселою книгою, а автору сердечно желаю дальнейших успехов. Ради бога, возьмите его сторону, если журналисты, по своему

* «Мармион» (фр.).

обыкновенно, нападут на *неприличие* его выражений, на *дурной тон* и проч. Пора, пора нам осмеять *les grécieuses ridicules** нашей словесности, людей, толкующих вечно о прекрасных читательницах, которых у них не бывало, о высшем обществе, куда их не просят, и всё это слогом камердинера профессора Тредьяковского.

Пушкин. Письмо к издателю «Литературных прибавлений к Русскому инвалиду». 1831.

60

Осмеливаюсь беспокоить Ваше высокопревосходительство покорнейшею просьбою о дозволении издать особою книгою стихотворения мои, напечатанные уже в течение трех последних лет.

В 1829 году Ваше высокопревосходительство изволили мне сообщить, что государю императору угодно было впредь положиться на меня в издании моих сочинений. Высочайшая доверенность налагает на меня обязанность быть к самому себе строжайшим цензором, и после того было бы для меня нескромностию вновь подвергать мои сочинения собственному рассмотрению его императорского величества. Но позвольте мне надеяться, что Ваше высокопревосходительство, по всегдашней ко мне благосклонности, удостоите меня предварительного разрешения. (...)

Пушкин — А. Х. Бенкендорфу.

Середина октября 1831.

Из Царского Села в Петербург

61

Милостивый государь, Александр Сергеевич!

На письмо Ваше ко мне имею честь Вас уведомить, что никакого не может быть препятствия к изданию особою книгою тех стихотворений Ваших, которые уже были единожды напечатаны.

Для меня всегда приятно быть с Вами в сношениях по предмету Ваших сочинений и потому я прошу Вас, всякий раз когда будете иметь в том надобность, обращаться ко мне со всею искренностию.

* смешные жеманницы (фр.).

Вместе с сим, считаю не излишним заметить Вам, что сколь ни удостоверен государь император в чистоте Ваших намерений и правил, но со всем тем однакоже мне не известно, чтобы его величество разрешил Вам все ваши сочинения печатать под одною Вашею только ответственностию. Упоминаемое в письме Вашем сообщение мое к Вам 1829-го года относилось к одной лишь трагедии Вашей под названием Годунов, а потому Вам надлежит по-прежнему испрашивать всякий раз высочайшее его величества соизволение на напечатание Ваших сочинений и если Вам угодно будет делать сие чрез посредство мое, то я готов всегда Вам в сем случае содействовать.

А. Х. Бенкендорф — Пушкину.
19 октября 1831. Петербург.

62

Милый мой Павел Воинович, вот я в Петербурге, где я был принужден переменить мною нанятый дом. Пиши мне: *На Галерной в доме Брискорн*. Видел я Жемчужникова. Они согласились взять с меня 5000 векселем, а 15 000 получить тотчас. Как же мы сие сделаем? Не приехать ли мне самому в Москву? а мне что-то очень хочется с тобою поболтать, да я бы сам кой-какие дела обработал, например бриллианты жены моей, которые стараюсь спасти от банкротства тещи моей и от лап Семена Федоровича. Дедушка свинья; он выдает свою третью наложницу замуж с 10 000 приданого, а не может заплатить мне моих 12 000 — и ничего своей внучке не дает. Наталья Николаевна брюхата — в мае родит. Всё это очень изменит мой образ жизни; и обо всем надобно подумать.

Что-то Москва? как вы приняли государя и кто возьмется оправдать старинное московское хлебо-сольство? Бояра перевелись. Денег нет; нам не до праздников. Москва губернский город, получающий журналы мод. Плохо. Жду Вяземского; не знаю, не затею ли чего-нибудь литературного, журнала, альманака или тому подобного. Ленъ. Кстати, я издаю «Северные цветы» для братьев нашего покойного

Дельвига; заставь их разбирать. Доброе дело сделаем. Повести мои напечатаны; на днях получишь. Поклон твоим. Обнимаю тебя от сердца.

Пушкин — П. В. Нащокину.
22 октября 1831. Из Петербурга в Москву.

63

Д. Ф. Фикельмон

ИЗ ДНЕВНИКА

1831. 25 октября. Госпожа Пушкина, жена поэта, здесь (у Фикельмонов) впервые явилась в свете; она очень красива, и во всем ее облике есть что-то поэтическое — ее стан великолепен, черты лица правильны, рот изящен и взгляд, хотя и неопределенный, красив; в ее лице есть что-то кроткое и утонченное; я еще не знаю, как она разговаривает, — ведь среди 150 человек вовсе не разговаривают, — но муж говорит, что она умна. Что до него, то он перестает быть поэтом в ее присутствии; мне показалось, что он вчера испытывал все мелкие ощущения, всё возбуждение и волнение, какие чувствует муж, желающий, чтобы его жена имела успех в свете.

1831. 12 ноября. Поэтическая красота госпожи Пушкиной проникает до самого моего сердца. Есть что-то воздушное и трогательное во всем ее облике — эта женщина не будет счастлива, я в том уверена! Она носит на челе печать страдания. Сейчас ей все улыбается, она совершенно счастлива, и жизнь открывается перед ней блестящая и радостная, а между тем голова ее склоняется, и весь облик как будто говорит: «Я страдаю». Но и какую же трудную предстоит ей нести судьбу — быть женою поэта, и такого поэта, как Пушкин!

64

Государь император высочайше повелеть соизволил: отставного коллежского секретаря Александра Пушкина принять в службу тем же чином, и определить его в Государственную коллегию иностранных дел.

К. В. Нессельроде. 14 ноября 1831.

65

Я, нижеподписавшийся сим объявляю, что я ни к какой масонской ложе и ни к какому тайному обществу ни внутри империи, ни вне ее не принадлежу и обязываюсь впредь оным не принадлежать и никаких сношений с ними не иметь.

*Титулярный советник Пушкин.
4 декабря 1831.*

66

Государь император всемилостивейше пожаловать соизволил состоящего в ведомстве Государственной коллегии иностранных дел, коллежского секретаря Пушкина в титулярные советники.

6 декабря 1831.

67

Генерал,

Неотложные дела требуют моего присутствия в Москве, и я, не будучи еще окончательно зачислен на службу, принужден отлучиться на две-три недели, не имея иного разрешения, как от одного лишь квартального. Считаю своим долгом поставить о том в известность ваше превосходительство.

Пользуюсь этим случаем, чтобы обратиться к вам по одному чисто личному делу. Внимание, которое вы всегда изволили мне оказывать, дает мне смелость говорить с вами обстоятельно и с полным доверием.

Около года тому назад в одной из наших газет была напечатана сатирическая статья, в которой говорилось о некоем литераторе, претендующем на благородное происхождение, в то время как он лишь мещанин в дворянстве. К этому было прибавлено, что мать его — мулатка, отец которой, бедный негритенок, был куплен матросом за бутылку рома. Хотя Петр Великий вовсе не похож на пьяного матроса, это достаточно

ясно указывало на меня, ибо среди русских литераторов один я имею в числе своих предков негра. Ввиду того, что вышеупомянутая статья была напечатана в официальной газете и непристойность зашла так далеко, что о моей матери говорилось в фельетоне, который должен был бы носить чисто литературный характер, и так как журналисты наши не дерутся на дуэли, я счел своим долгом ответить *анонимному* сатирику, что и сделал в стихах, и притом очень круто. Я послал свой ответ покойному Дельвигу с просьбой поместить его в газете. Дельвиг посоветовал мне не печатать его, указав на то, что было бы смешно защищаться пером против подобного нападения и выставлять напоказ аристократические чувства, будучи самому, в сущности говоря, если не мещанином в дворянстве, то дворянином в мещанстве. Я уступил, и тем дело и кончилось; однако несколько списков моего ответа пошло по рукам, о чем я не жалею, так как не отказываюсь ни от одного его слова. Признаюсь, я дорожу тем, что называют предрассудками; дорожу тем, чтобы быть столь же хорошим дворянином, как и всякий другой, хотя от этого мне выгоды мало; наконец, я чрезвычайно дорожу именем моих предков, этим единственным наследством, доставшимся мне от них.

Однако ввиду того, что стихи мои могут быть приняты за косвенную сатиру на происхождение некоторых известных фамилий, если не знать, что это очень сдержанный ответ на заслуживающий крайнего порицания вызов, я счел своим долгом откровенно объяснить вам, в чем дело, и приложить при сем стихотворение, о котором идет речь. <...> (фр.)

Пушкин — А. Х. Бенкендорфу.
24 ноября 1831. Петербург.

Милостивый государь,

Лучшим ответом на ваше почтенное письмо от 24-го ноября будет дословное воспроизведение отзыва его императорского величества:

«Вы можете сказать от моего имени Пушкину, что я всецело согласен с мнением его покойного друга Дельвига. Столь низкие и подлые оскорбления, как те, которыми его угостили, бесчестят того, кто их производит, а не того, к кому они обращены. Единственное оружие против них — презрение. Вот как я поступил бы на его месте. Что касается его стихов, то я нахожу, что в них много остроумия, но более всего желчи. Для чести его пера и особенно его ума будет лучше, если он не станет распространять их». (...) (фр.)

А. Х. Бенкендорф — Пушкину.
10 декабря 1831. Петербург.

69

Здравствуй, женка, мой ангел. Не сердись, что третьего дня написал я тебе только три строки; мочи не было, так устал. (...) Нащокина не нашел я на старой его квартире; насилу отыскал его у Пречистенских ворот в доме Ильинской (не забудь адреса). Он всё тот же: очень мил и умен; был в выигрыше, но теперь проигрался, в долгах и хлопотах. Твою комиссию исполнил: поцеловал за тебя и потом объявил, что Нащокин дурак, дурак Нащокин. Дом его (помнишь?) отделяется; что за подсвечники, что за сервиз! он заказал фортепьяно, на котором играть можно будет пауку, и судно, на котором испразнится разве шпанская муха. Видел я Вяземских, Мещерских, Дмитриева, Тургенева, Чаадаева, Горчакова, Дениса Давыдова. Все тебе кланяются; очень спрашивают о тебе, о твоих успехах; я поясняю сплетни, а сплетен много. Дам московских еще не видал; на балах и в собрание, вероятно, не явлюсь. (...) Надеюсь увидеть тебя недели через две; тоска без тебя; к тому же с тех пор, как я тебя оставил, мне всё что-то страшно за тебя. Дома ты не усидишь, поедешь во дворец, и того и гляди, выкинешь на сто пятой ступени комендантской лестницы. Душа моя, женка моя, ангел мой! сделай мне такую милость: ходи два часа в сутки по комнате, и побереги себя. Вели брату смотреть за собою и воли не давать. Брюллов пишет ли твой портрет? была ли у тебя Хитрова или Фикельмон? Если поедешь на бал,

ради бога, кроме кадрилией не пляши ничего; напиши, не притесняют ли тебя люди, и можешь ли ты с ними сладить. Засим целую тебя сердечно. У меня гости.

Пушкин — Н. Н. Пушкиной.
8 декабря 1831. Из Москвы в Петербург.

70

Я всё боюсь, чтоб ты не прислала билетов на старую квартиру Нащокина и тем не замедлила моих хлопот. Вот уж неделю, как я с тобою расстался, срок отпуска моему близок; а я затеваю еще дело, но оно меня не задержит. Что скажу тебе о Москве? Москва еще пляшет, но я на балах еще не был. Вчера обедал в Английском клубе; поутру был на аукционе Власова; вечер провел дома, где нашел студента дурака, твоего обожателя. Он поднес мне роман «Теодор и Розалия», в котором он описывает нашу историю. Умора. Всё это однако ж не слишком забавно, и меня тянет в Петербург.— Не люблю я твоей Москвы. У тебя, т. е. в вашем Никитском доме, я еще не был. Не хочу, чтоб холопья ваши знали о моем приезде; да не хочу от них узнать и о приезде Натальи Ивановны, иначе должен буду к ней явиться и иметь с нею необходимую сцену; она всё жалуется по Москве на мое корыстолюбие, да полно, я слушаться ее не намерен. Целую тебя и прошу ходить взад и вперед по гостинной, во дворец не ездить и на балах не плясать. Христос с тобой.

Пушкин — Н. Н. Пушкиной.
10 декабря 1831. Из Москвы в Петербург.

71

Милый мой друг, ты очень мила, ты пишешь мне часто, одна беда: письма твои меня не радуют. Что такое vertige*? обмороки или тошнота? виделась ли ты с бабкой? пустили ли тебе кровь? Всё это ужас меня беспокоит. Чем больше думаю, тем яснее вижу, что я глупо сделал. что уехал от тебя. Без меня ты что-

* головокружение (фр.).

нибудь с собой да напроказишь. Того и гляди выкинешь. Зачем ты не ходишь? а дала мне честное слово, что будешь ходить по два часа в сутки. Хорошо ли это? Бог знает, кончу ли здесь мои дела, но к празднику к тебе приеду. Голкондских алмазов дожидаться не намерен, и в новый год выведу тебя в бусах. Здесь мне скучно. (...) Жизнь моя однообразная, выезжаю редко. Зван был всюду, но был у одной Солдан, да у Вяземской, у которой увидел я твоего Давыдова — не женатого (утешься). Вчера Нащокин задал нам цыганский вечер; я так от этого отвык, что от крику гостей и пенья цыганок до сих пор голова болит. Тоска, мой ангел — до свидания.

*Пушкин — Н. Н. Пушкиной.
16 декабря 1831. Из Москвы в Петербург.*

72

Секретно

РАПОРТ

(...) Александр Пушкин сего месяца 13-го числа прибыл из С-Петербурга и остановился Пречистенской части 1-го квартала в доме гг. Ильинских, — предписанный за ним надзор учрежден.

*Полицмейстер 1-го отделения —
оберполицмейстеру. 23 декабря 1831.*

73

Секретно

РАПОРТ

(...) Александр Пушкин, о коем я имел честь доносить, 24 числа сего месяца выехал отсюда в С-Петербург; во время жительства его в Пречистенской части ничего за ним законопротивного не замечено.

*Полицмейстер 1-го отделения —
оберполицмейстеру. 26 декабря 1831.*

Милостивый государь, Александр Сергеевич!

Волею или неволею займу несколько строк в истории Вашей жизни. Вспомните малоросца Денисевича с блестящими, жирными эполетами и с душою трубочиста, вызвавшего Вас в театре на честное слово и дело за неуважение к его высокоблагородию; вспомните утро в доме графа Остермана, в Галерной, с Вами двух молодцов гвардейцев, ростом и духом исполинов, бедную фигуру малоросца, который на вопрос Ваш: приехали ли Вы *вовремя?*—отвечал нахохлившись, как индейский петух, что он звал Вас к себе не для благородной разделки рыцарской, а сделать Вам поучение, како подобает сидети в театре, и что маиору неприлично меряться с фрачным; вспомните крохотку адъютанта, от души смеявшегося этой сцене и советовавшего Вам не тратить благородного пороха на такой гад и шпор иронии на ослиной коже. Малютка адъютант был Ваш покорнейший слуга — и вот почему, говорю я, займу волею или неволею строчки две в Вашей истории. Тогда видел я в Вас русского дворянина, достойно поддерживающего свое благородное звание; но когда узнал, что Вы — Пушкин, творец «Руслана и Людмилы» и столь многих прекраснейших пьес, которые лучшая публика России твердила с восторгом на память — тогда я с трепетом благоговения смотрел на Вас, и в числе тысячей поклонников (Ваших) приносил к треножнику Вашему безмолвную дань. {...}

*И. И. Лажечников — Пушкину.
19 декабря 1831. Тверь.*

В. А. Соллогуб

ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ

Однажды отец взял меня с собой в русский театр; мы поместились во втором ряду кресел; перед нами в первом ряду сидел человек с некрасивым, но необык-

новенно выразительным лицом и курчавыми темными волосами; он обернулся, когда мы вошли (представление уже началось), дружелюбно кивнул отцу, потом стал слушать пьесу с тем особенным вниманием, с каким слушают только, что называют французы, «Les gens du métier», то есть люди, сами пишущие. «Это Пушкин», — шепнул мне отец. Я весь обомлел... Трудно себе вообразить, что это был за энтузиазм, за обожаение толпы к величайшему нашему писателю, это имя волшебное являлось чем-то лучезарным в воображении всех русских, в особенности же в воображении очень молодых людей. Пушкин, хотя и не чужд был той олимпийской недоступности, в какую окутывали, так сказать, себя литераторы того времени, обошелся со мной очень ласково, когда отец, после того как занавес опустили, представил меня ему. На слова отца, «что вот этот сынишка у меня пописывает», он отвечал поощрительно, припомнил, что видел меня ребенком, играющим в одежде маркиза на скрипке, и приглашал меня к себе запросто быть, когда я могу. Я был в восторге и, чтобы не ударить лицом в грязь, все придумывал, что бы сказать что-нибудь поумнее, чтобы он увидел, что я уже не такой мальчишка, каким все-таки, несмотря на его любезность, он меня считал; надо сказать, что в тот самый день, гуляя часов около трех пополудни с отцом по Невскому проспекту, мы повстречали некоего Х., тогдашнего модного писателя. Он был человек чрезвычайно надутый и заносчивый, отец знал его довольно близко и представил меня ему; он отнесся ко мне довольно благосклонно и пригласил меня в тот же вечер к себе. «Сегодня среда, у меня каждую среду собираются, — произнес он с высоты своего величия, — все люди талантливые, известные, приезжайте, молодой человек, время вы проведете, надеюсь, приятно». Я поблагодарил и, разумеется, тотчас после театра рассчитывал туда отправиться. В продолжение всего второго действия, которое Пушкин слушал с тем же вниманием, я, благоговейно глядя на его сгорбленную в кресле спину, сообразил, что спрошу его во время антракта, «что он, вероятно, тоже едет сегодня к Х.». Не может же он, Пушкин, не бывать в доме, где собираются такие известные люди — писатели, художники,

музыканты и т. д. Действие кончилось, занавес опустился, Пушкин опять обернулся к нам. «Александр Сергеевич, сегодня среда, я еще, вероятно, буду иметь счастливый случай с вами повстречаться у Х.», — проговорил я почтительно, но вместе с тем стараясь придать своему голосу равнодушный вид, «что вот, дескать, к каким тузам мы ездим». Пушкин посмотрел на меня с той особенной, ему одному свойственной улыбкой, в которой как-то странно сочеталась самая язвительная насмешка с безмерным добродушием. «Нет, — отрывисто сказал он мне, — с тех пор как я женат, я в такие дома не езжу».

Глава тринадцатая

1832 • 1833

...МИЛОСТЬЮ ОКОВАН...

1832

Здоровы ли дети? сердце замирает, как подумаешь.

1833

За тот период, о котором рассказывается в XIII главе (с начала 1832 по август 1833 г.), в семье Пушкиных родилось двое детей: Мария — 19.V.1832 и Александр — 6.VII. 1833.

С тех пор, как семья Александра Сергеевича Пушкина стала по всем понятиям полной, глава ее не знал ни минуты покоя, никогда не думал о собственном благополучии, а только о них — жене и детях. С первых дней 1832 г. и до конца жизни величайший из русских писателей тщетно пытался отыскать хоть малый просвет в тисках материальной нужды и удушающей царской цензуры. Через восемь дней после рождения дочери Пушкин обращался к Бенкендорфу: «До сих пор я сильно пренебрегал своими денежными средствами. Ныне, когда я не могу оставаться беспечным, не нарушая долга перед семьей, я должен думать о способах увеличения своих средств и прошу на то разрешения его величества» (№20). Накануне рождения сына Пушкин писал брату жены Дмитрию Гончарову: «Если я умру, моя жена окажется на улице, а дети в нищете» (№ 49). Этот страх — может быть, единственный непреодоленный страх Пушкина — преследовал его неотвязно. Дети были заботой его последних лет, частью его жизни. И потому мы должны коротко рассказать об их судьбе*.

* Большой материал о детях Пушкина собран В. М. Русаковым (Рассказы о потомках Пушкина. Л., 1982). Ниже использованы некоторые сведения, содержащиеся в этой книге. Подробности читатель может почерпнуть непосредственно в указанной работе.

«ПРОШУ МЕНЯ ПОМНИТЬ»

В метрическом свидетельстве старшей дочери Пушкина сказано, что крещена она в Сергеевском всей артиллерии соборе 7 июня 1832 г. Пушкины жили тогда уже не на Галерной, а на Фурштадтской улице. Имя дали в честь покойной прабабки Марии Алексеевны Ганнибал. Маша родилась слабенькая, поздно начала ходить и говорить и стала сразу предметом общей семейной тревоги — об этом писала и мать Пушкина (см. гл. I). Надежда Осиповна печалилась: «не думаю, чтобы она долго могла жить». Мария Александровна Пушкина прожила без малого 87 лет.

Единственным первоисточником, свидетельствующим об отношении поэта к детям и жене, служат его письма. Вот что писал он о Маше.

4 июня 1832 г. — В. Ф. Вяземской из Петербурга:

«...представьте себе, что жена моя имела неловкость разрешиться маленькой литографией с моей особы. Я в отчаянии, несмотря на все мое сомнение».

Многое при внимательном чтении можно различить в этих нескольких строчках: и гордость красотой жены, и сниженное, юмористическое отношение к собственной внешности, и отцовское тщеславие, и — главное — обыкновенную радость новоиспеченного отца семейства. П. И. Бартнев, хорошо знавший Марию Александровну, говорит, что «выросши, она заняла красоты у своей красавицы-матери», а от сходства с отцом сохранила тот искренний, душевный смех, о котором поэт А. С. Хомяков говаривал, что «смех Пушкина был так же увлекателен, как его стихи». Кстати, отцовский смех Мария хорошо запомнила — ведь ей было почти пять лет, когда он умер. Пушкинист Н. О. Лернер, успевший повидать старшую дочь поэта, говорит, что в ней «соединялась красота матери с экзотизмом отца». Однако есть и другие сведения, подтверждающие первые впечатления обрадованного родителя: верхней частью лица Маша была очень похожа на Пушкина. Впрочем, вопрос о сходстве всяк решает по-своему: одна из родственниц Марии Александровны утверждала, что та «вылитый дед Сергей Львович». Любопытно, что и сестра Пушкина О. С. Павлицева «претендовала»

на сходство с Машей. В 1841 г. она писала мужу: «невестка моя хороша как никогда. Старшая ее дочь на меня очень похожа и от меня не отходит, когда я прихожу. Я тоже люблю эту девочку и начинаю верить в голос крови».

Вспишем, что говорилось о Маше в письмах отца.

22 сентября 1832 г. Н. Н. Пушкиной из Москвы: «А Маша-то? что ее золотуха и что Спасский?»; 25 сентября 1832 г.: «Ради бога, Машу не пачкай ни сливками, ни мазью»; 28—30 сентября 1832 г.: «Целую Машу и благословляю»; начало октября 1832 г.: «Целую тебя и Машу»; середина мая 1833 г. П. А. Осиповой из Петербурга: «Моя дочь в течение последних пяти-шести дней заставила нас поволноваться. Думаю, что у нее режутся зубы. У нее до сих пор нет ни одного. Хоть и стараешься успокоить себя мыслью, что все это претерпели, но созданыица эти так хрупки, что невозможно без содрогания смотреть на их страданья». Но зубы, вскоре выяснилось, пока не резались — это еще предстояло.

Маша, как сказано, много болела. Отец тревожился. Часто бывал И. Т. Спасский — постоянный домашний врач Пушкиных, один из лучших русских медиков того времени. Скоро Маша выправилась, росла высокой, стройной, способной к языкам и к рисованию; любила литературу и музыку. Видевший ее в 1839 г. И. П. Липранди записал: «премилая и бойкая девочка». Училась М. А. Пушкина в Екатерининском институте — привилегированном женском учебном заведении. До замужества была фрейлиной.

В 1841 г. Наталья Николаевна с детьми провели лето и осень в Михайловском, часто приходили на могилу Пушкина. Самое раннее из известных изображений Маши Пушкиной (рисунок Н. И. Фризенгоф) запечатлело ее стоящей рядом с матерью у дерева и глядящей вдаль. Жилось вдове Пушкина тогда трудно, и старшая дочь постепенно делалась ее помощницей во всем.

В детстве она считалась некрасивой, но годам к 17 расцвела и похорошела. В 1849 г. Наталья Николаевна (тогда уже Ланская) стала вывозить старшую дочь в свет. 28 августа 1849 г. Н. Н. Ланская писала мужу: «Что касается Маши, то могу тебе сказать, что она тогда произвела впечатление у Строгановых. Графиня

мне сказала, что ей понравились и лицо ее и улыбка, красивые зубы и что вообще она никогда бы не подумала, что Маша будет хороша собою, так она была некрасива ребенком. Признаюсь тебе, что комплименты Маше мне доставляют в тысячу раз больше удовольствия, чем те, которые могут сделать мне».

Однако вернемся к тем годам, когда еще жив был отец. *20 августа 1833 г.* из Торжка: «Машу не балуй»; *21 августа 1833 г.* из Павловского: «Помнит ли меня Маша и нет ли у нее новых затей?»

Марии Александровне всю жизнь казалось, что она его ясно помнит. По утверждению ряда современников, она могла часами говорить о нем...

26 августа из Москвы: «Много говорили о тебе, о Машке» (с тещей Натальей Ивановной).

27 августа 1833 г. из Москвы: «Книги, взятые мною в дорогу, перебились и перетерлись в сундуке. От этого я так сердит сегодня, что не советую Машке капризничать и воевать с нянею: прибью».

Здесь слышны уже «назидательные» ноты в голосе «строного» отца-воспитателя, который, конечно, баловал бы детей ничуть не меньше матери. Больно сознавать, что судьба не отпустила ему на это времени.

2 сентября из Нижнего Новгорода: «...что, если у тебя опять нарывы, что, если Машка больна?»

8 сентября из Казани: «Дорбгой я видел годовую девочку, которая бегаёт на карачках, как котенок, и у которой уже два зубка». Как теперь сказали бы, Маша отставала в развитии, и отца это беспокоило.

8 октября из Болдина: «Слава богу, что ты здорова, что Машка и Сашка живы».

11 октября из Болдина: «Говорит ли Маша? ходит ли? что зубки?»

Видно, Наталья Николаевна отвечала, что дела не больно-то хороши и зубки не режутся, потому что в следующем письме *21 октября* из Болдина отец ласково спрашивал: «Что-то моя беззубая Пускина? уж эти мне зубы!»

30 октября, все еще из Болдина,—уже знакомый мотив: «Машу целую и прошу меня помнить».

И, наконец, последнее болдинское письмо *1833 г.* (*6 ноября*): «Целую Машку, Сашку и тебя; благословляю тебя, Сашку и Машку; целую Машку и так далее до семи раз».

Следующая семейная разлука выпала уже на весну — лето 1834 г., когда Наталья Николаевна с обоими детьми отправилась из Петербурга в Москву, Полотняный завод и Ярополец навестить родных. 15 апреля жена и дети уехали, а 17-го Александр Сергеевич посылает письмо им вдогонку: «Что женка? каково ты едешь? что-то Сашка и Машка? Христос с вами! будьте живы и здоровы, и доезжайте скорее до Москвы».

19 апреля: «Что Машка? чай, куда рада, что может вволю воевать!». Это значит, что в Петербурге не давали шалить, а там, на свободе, позволяют.

На ту же тему *20 апреля:* «...прошу не баловать ни Машку, ни Сашку». *28 апреля,* узнав, что семейство благополучно добралось до Москвы: «Слава богу! ты приехала, ты и Маша здоровы».

18 мая (накануне двухлетия дочери): «Мой ангел! поздравляю тебя с Машиным рождением, целую тебя и ее».

3 июня: «...есть ли у Маши новые зубы? и каково перенесла она свои первые?»

Измученный денежными хлопотами, непреодолимыми трудностями с управлением имениями, Пушкин пишет жене 8 июня: «Вероятно, послушаюсь тебя и скоро откажусь от управления имения. Пускай они его коверкают как знают (...), а мы Сашке и Машке постараемся оставить кусок хлеба». В какой-то мере так и получилось (все-таки много лет жена и дети получали доходы от изданий сочинений), но ценой жизни отца.

Летом 1834 г. Пушкин ждет не дождется, когда закончит в Петербурге неотложные дела и «сбежит» в Полотняный завод к своим. 30 июня он пишет: «Машке скажи, чтоб она не капризничала, не то я приеду и худо ей будет». Наталья Николаевна настаивает на скорейшем его приезде. Он просит потерпеть, пока заработает побольше: «Хорошо, коли проживу я лет еще 25; а коли свернусь прежде десяти, так не знаю, что ты будешь делать и что скажет Машка, а в особенности Сашка». Иначе говоря, сын — наследник, а дочь когда-нибудь выйдет замуж и не будет нуждаться в отцовском достоянии. Однако жизнь повернулась так, что Марии Александровне пришлось самой о себе заботиться...

В конце июля следует еще одна отцовская сентенция: «Целую Машу и заочно смеюсь ее затеям. Она умная девчонка, но я от нее покамест ума не требую, а требую здоровья».

Больше века спустя правнучка Пушкина рассказывала В. М. Русакову про старшую дочь поэта: «она была видная, стройная, очень эффектная женщина; при этом была умна»... Сын писателя Загоскина вспоминал о 25-летней Маше: «умные, выразительные глаза и простота в обращении привлекали к ней молодежь»...

Осенью 1834 г., захав в Болдино в надежде «расписаться» и осуществить ряд давних замыслов, как уже дважды с ним в этих краях было, Пушкин места себе не находит в тревоге за жену и детей, которых опять оставил одних. Около 25 сентября он пишет: «...прошу, мой друг, быть осторожной, не прыгать, не падать, не становиться на колени перед Машей (ни даже на молитве)».

14 июля 1835 г., радуясь появлению третьего ребенка — Григория, Пушкин, между прочим, пишет теще про свою старшую: «Маша просится на бал и говорит, что она танцевать уже выучилась у собачек. Видите, как у нас скоро спеют; того и гляди будет невеста»...

М. А. Пушкина стала невестой поздно — 28 лет она вышла замуж за офицера лейб-гвардии Конного полка Леонида Николаевича Гартунга. Детей у них не было. Служил Гартунг в Туле, где в окрестностях находилось его небольшое имение, потом в Москве; дослужился до генеральского чина; занимался коннозаводством, снискав уважение на этом поприще. Но в 1877 г. его и Марию Александровну подстерегло ужасное несчастье — ложно и подло обвиненный в присвоении чужого наследства, Гартунг попал под суд, выслушал грубую обвинительную речь прокурора, не выдержал позора и застрелился тут же в зале суда, оставив записку: «Клянусь всемогущим богом, я не виновен». Московская общественность была возмущена исходом процесса. Похороны генерала Гартунга превратились в настоящую манифестацию. Все его дело сочувственно описано Ф. М. Достоевским в «Дневнике писателя» за 1877 год.

В 1868 г. дочь Пушкина познакомилась со Львом Николаевичем Толстым. Вот как это было по рассказу

свояченицы Толстого Т. А. Кузминской. «Светский улей (на званом вечере в Туле.— В. К.) уже зажужжал, когда дверь из передней отворилась и вошла незнакомая дама в черном кружевном платье. Ее легкая походка несла ее довольно полную, но прямую и изящную фигуру.

Меня познакомили с ней. Лев Николаевич еще сидел за столом. Я видела, как он пристально разглядывал ее.

— Кто это? — спросил он, подходя ко мне.

— М-ме * Гартунг, дочь поэта Пушкина.

— Да-а,— протянул он,— теперь я понимаю... Ты посмотри, какие у нее арабские волоски на затылке. Удивительно породистые.

Когда представили Льва Николаевича Марии Александровне, он сел за чайный стол около нее; разговора их я не знаю, но знаю, что она послужила ему типом Анны Карениной, не характером, а наружностью.

Он сам признавал это.

Когда мы приехали домой, нам было весело. Мы разбирали всех и все, и я шутя сказала ему:

— Ты знаешь, Соня непременно приревновала бы тебя к Гартунг.

— А ты бы Сашу (муж Кузминской.— В. К.) приревновала?

— Непременно.

— Ну так и Соня,— смеясь ответил он».

Так случилось, что и горькая судьба мужа Марии Александровны заинтересовала Толстого. Литературоведы считают, что самоубийство Феди Протасова прямо на суде восходит к его истории...

Вернемся теперь к 1830-м годам, когда был еще жив отец Маши. Осенью 1835 г. из Михайловского он «церемонно» обращается к старшей дочери: «целую ручку у Марьи Александровны и прошу ее быть моею заступницею у тебя» (14 сентября); интересуется ее детскими играми: «Что Машка, какова дружба ее с маленькой Музика? и каковы ее победы?» (29 сентября); скучает по ней: «Что ты про Машу ничего не пишешь? ведь я, хоть Сашка и любимец мой, а всё люблю ее затеи».

* Мадам (фр.)

Остается еще только одна «сюита» отцовских писем — из поездки в Москву в мае 1836 г. В них тоже есть о Маше. 4 мая: «Домик Наццокина доведен до совершенства — недостает только живых человечиков. Как бы Маша им радовалась!» Пушкину очень хотелось показать детям знаменитый игрушечный домик из множества предметов, принадлежавший П. В. Наццокину, но не довелось. Это упоминание последнее. Есть только еще общее — обо всех детях.

Когда умирал Пушкин, ему по очереди приносили детей под благословение. Маша, может быть, подошла сама...

С 1877 г. Мария Александровна жила одиноко. Никаких средств муж ей не оставил. Долго ей отказывали в пенсии, потом назначили 240 рублей в год и только к столетнему юбилею отца округлили сумму до 300. Жила она зимами в Москве: на Поварской, на Кисловке, в арбатских переулках, на Спиридоньевской. Помогала овдовевшему брату Александру справляться с оравой ребятишек. В. М. Русаков впервые опубликовал письмо Александра Александровича Пушкина брату Григорию: «Не знаю, знаешь ли ты, что у меня (...) гостит сестра Маша. Для меня это такая благодать, что и вообразить себе не можешь. Есть с кем душу отвести и для девочек моих это большое счастье, что она у меня».

В пожилых годах Мария и Александр Пушкины особенно сблизились, вспоминали детство. Обоим было бесприютно. Мария Александровна, как вспоминали знавшие ее, была очень суеверна: пугалась совиного крика, избегала тринадцатого числа, а если выплата пенсии приходилась на пятницу, задерживала ее получение на несколько дней.

Несомненное оживление в их жизнь внесли пушкинские торжества 1880 года в Москве. Брат и сестра вместе приехали на празднование из Козлова, где стоял тогда полк А. А. Пушкина. Речи И. С. Тургенева, Ф. М. Достоевского, А. Н. Островского, может быть, даже детям поэта впервые открыли значение их отца в русской и мировой литературе. В последний раз они собрались тогда вместе все четверо. Всюду их встречали как почетных гостей. После учреждения в Москве библиотеки-читальни имени А. С. Пушкина Мария Александровна стала ее попечительницей: вела счета, разбирала деловые бумаги. Правнучка Пушкина

Т. Н. Галина, заставшая ее в старости, рассказала В. М. Русакову: «Она была (...) величавая и очень моложавая седая дама, жизнерадостная, приветливая».

Если верить весьма правдоподобной легенде, в последние годы жизни «беззубая Пускина» каждый день приходила на Тверской бульвар к памятнику поэту и, никем не узнаваемая, часами сидела на скамье, глядя на него.

Еще до революции ей довелось познакомиться с А. В. Луначарским. В конце 1918 г. по его ходатайству М. А. Пушкиной-Гартунг, «учтя заслуги поэта Пушкина перед русской художественной литературой», была назначена персональная пенсия. Получить ее она не успела: 7 марта 1919 г. Мария Александровна умерла. На первую пенсию ее и схоронили.

«ВАРВАРСТВО (...) ЛИТЕРАТУРНОЙ ТОРГОВЛИ»

Всерьез и надолго устраиваясь на жительство в Петербурге, Пушкин в начале 1832 г. выписал из Михайловского все свои книги. Библиотека его с тех пор быстро растет и требует немалых средств. Но на это он никогда не скупился, уподобляя себя, как вспоминал Плетнев, стекольщику, разоряющемуся на покупку необходимых ему инструментов — алмазов. Особенно возросли книжные потребности (и затраты) именно в 1830-х годах, когда занятия его так или иначе оказались связанными с историей, т. е. с огромным книжным репертуаром. Только одно фундаментальное издание Пушкин, по повелению самодержца, получил бесплатно. Любопытная переписка по этому поводу сохранилась (№ 7—10), а не слишком тонкий высочайший намек легко разгадает современный читатель-пушкинист. Милостиво разрешили ему для работы над историей петровской эпохи рассмотреть библиотеку Вольтера в Эрмитаже. После покупки этой сокровищницы мысли Екатериной II ни один русский писатель туда допущен не был. Любопытная подробность — многие книги и особенно рукописи библиотеки Вольтера стекались к французскому мыслителю из русских коллекций. Возвратившись в Россию, они, запертые под царским замком, оказались недоступными исследователям и вот теперь впервые открывались

Пушкину. Хуже было с петровскими архивами, необходимыми для работы: к ним допускали с большой осторожностью (№ 1, 2).

Всеми силами добывал автор истории Петра Великого «инструменты» для своего труда. Немало денег оставил он в магазине Беллизара, который выписывал книги из Парижа; впрочем, счета за книги поэт так и не сумел оплатить, и Беллизар взыскал «недоимки» через опеку над детьми и имуществом Пушкина. Но еще теснее — и постоянно — Пушкин был связан с книжной лавкой своего главного издателя А. Ф. Смирдина — первой в России по богатству и полноте. В начале 1832 г. Смирдин перевел свою книжную торговлю «из подвалов в чертоги» — на Невский проспект, в дом около Петровской церкви. Здесь в шкафах красного дерева, за стеклами собралась, может впервые в нашей истории, вся русская литература — ушедшая и живая. П. А. Вяземский писал о лавке Смирдина: «В ней не темно, не холодно, не сыро и не грязно, говорю не в литературном отношении. Везде — красное дерево, бронза, все так нарядно, так блестит, что русским книгам должно быть совестно тут». 19 февраля состоялось знаменитое «новоселье» — праздничный обед чуть ли не на 100 персон в зале для чтения у Смирдина (см. рисунок А. П. Брюллова на вкладке). Замысел Смирдина состоял в том, чтобы на свое новоселье созвать всех известных русских литераторов, независимо от толка их писаний и от отношений их между собою. Во главе стола, как видно на рисунке, был посажен патриарх отечественной словесности И. А. Крылов; были здесь Пушкин, Жуковский, Гоголь, Вяземский, бездарный стихотворец граф Хвостов и даже Греч с Булгаринным. По нескольким сохранившимся рассказам, Пушкин был особенно в ударе, болтал без умолку, острил удачно, хохотал до упаду. В это можно поверить — не станет же Пушкин портить новоселье Смирдину раз уж пришел, да и друзья его сидели рядом. Но безмерно далека была от идиллии русская литературная жизнь. Только-только (не без помощи булгаринской братии) умерла «Литературная газета», ничем не кончились пушкинские проекты новой политической газеты, которые, осуществись они, нанесли бы чувствительный удар «Северной пчеле». Греч с Булгаринным маневрируют, не желая упускать из вида

«Пушкина и его партию». Они, на словах по крайней мере, непрочь даже объединиться с Пушкиным в одном печатном органе; они даже нарочно распускают слух о своем примирении с Пушкиным. Но Пушкин обходит капкан... Литераторы пируют у Смирдина, но, едва разойдясь, окажутся по разные стороны политических и эстетических барьеров, а III Отделение всегда непрочь натравить одних на других при помощи болгаринных. Рассмотрев виньетку по рисунку Брюллова на первом томе вышедшего альманаха «Новоселье», которым Смирдин, помимо обеда, захотел ознаменовать свой переезд, Вяземский писал А. И. Тургеневу: «Вековые дубы — творение рук божьих и садовника божьего — времени; его не перегонишь, какие теплицы ни затевай, а наше человеческое дело — строить лачужки. «Новоселье», где рядом с Жуковским — Хвостов; где я профилем, а Булгарин во всю харю; где мед с дегтем, но и деготь с медом...» Все же в I томе «Новоселья» Пушкин напечатал «Домик в Коломне», а во II был помещен «Анджело».

В сентябре 1832 г. Пушкин опять едет в Москву — на этот раз по делам журналистским и денежным. Он рассчитывает договориться с москвичами о сотрудничестве в предполагаемом периодическом издании, но не находит надежной поддержки. В письмах к жене, как всегда, открываются его истинное настроение и главные заботы: «голова шла кругом при мысли о газете». Вяземский от души надеялся тогда, что газетчик Пушкин «зажмет рот «Пчеле» и прочистит стекла «Телескопу». 10 октября он выезжает в Петербург. Слухи о новом пушкинском периодическом издании между тем распространялись. Газета «Молва» писала 19 августа: «Итак, монополия г. г. Греча и Булгарина, ко благу русской словесности, пала!.. Сердечно радуемся и желаем всякого успеха новому достойнейшему конкуренту». Казалось бы, разрешение было получено, но... предварительное, а окончательного так и не последовало. «Северная пчела» для правительства безопасна и нередко полезна, а с Пушкиным придется все время быть настороже. Это понимал Бенкендорф. Разузнав все хорошенько через московских приятелей, Греч 19 октября радостно успокаивает Булгарина: «Все обстоит благополучно; Пушкин приехал из Москвы, видно, с пусты-

ми руками, еще Пчелка не згинела». 2 ноября эта новость подтверждается: Греч сообщает, что «Пушкин образумился» и не будет издавать ни газеты, ни журнала. 24 ноября Вяземский извещал А. И. Тургенева о Пушкине: «Журнал его решительно не состоится, по крайней мере на будущий год. Жаль. Литературная канальская шайка Грече-Булгаринская останется в прежней силе». 11 декабря Вяземский писал Жуковскому: «Пушкин собирался было издавать газету, все шло горячо, и было позволение на то, но журнал нам, как клад, не дается. Он поостыл, позволение как-то попризапуталось или поограничилось, и мы опять без журнала». На всякий случай, заведомо зная, что Пушкин повернется к ним спиной, Греч и Булгарин предлагают ему отступного — солидный ежемесячный гонорар за... участие в «Северной пчеле» и «Сыне отечества». Тиски нужды и цензуры сближаются все теснее...

1832-м годом помечено совсем немного новых произведений Пушкина. Главная работа — «Дубровский». Нацокин в Москве рассказал ему о процессе бедного дворянина Островского с состоятельным соседом. Пушкин добыл подлинное судебное дело о селе Новопанском. Это рассказ все о том же российском Горюхине, но это и рассказ о бунте. Тема *бунта*, восстания, не смирившегося духа, тема свободы личности стала ведущей для Пушкина 1830-х годов. Об этом и «История Пугачева», и «Капитанская дочка», и в немалой степени «Пиковая дама», и вершина гения — «Медный всадник». Это не только тема творчества, но и лейтмотив жизни его в оставшиеся годы. Источник темы — не только в отчаянных и грозных холерных волнениях 1830—1831 гг. и кровавых вспышках крестьянского гнева в 1831 г., а и в собственной судьбе поэта, «прикованного к тачке» в «свинском» Петербурге. Не склоняясь гордой головой, он бунтовал, он отчаянно боролся за человеческое, писательское достоинство, за материальную и духовную независимость и, столкнувшись с черной машиной самовластья, светской злобой, непониманием, равнодушием, завистью, погиб в борьбе.

Как всё, или почти всё, что писал Пушкин, «Дубровский» в первой редакции создавался быстро: 21 октября начата 1-я глава, к концу года написано уже

15 глав, а в январе роман доведен до 19-й главы. На 19-й главе рукопись оборвалась. В третьей части романа, по одному из замыслов, Дубровский приезжает в Москву и, выданный предателем, оказывается в руках полиции. Пушкин, однако, роман не закончил и при жизни не печатал. К 1832 г. относятся первые строфы поэмы, которую Жуковский после смерти Пушкина назвал «Езерский» (№ 38) и которую автор никак не озаглавил, опубликовав, правда, первые строфы ее под названием «Родословная моего героя». Некоторые пушкинисты считают, что в «Езерском», кроме всех прочих мотивов, в том числе — автобиографических (происхождение героя), проявилась и, так сказать, тоска по «Онегину». Закончив великий роман — плод многолетних счастливых трудов, Пушкин думал чем-то заменить его в сердце своем и начал «Езерского». Однако замысел этот был отодвинут и в какой-то степени поглощен «Медным всадником». В современных собраниях сочинений поэта 1832-м годом помечены лишь десять стихотворений: «И дале мы пошли — и страх обнял меня», «Мальчику», «В тревоге пестрой и бесплодной», «В альбом княжне А. Д. Абамелек», «Гнедичу» («С Гомером долго ты беседовал один»), «Красавица», «К***» (№ 30), «В альбом» («Гонимый рока самовластьем»), «В альбом» («Долго сих листов заветных»), «Желал я душу освежить». Он сам объяснил одну из причин относительно творческого затишья Нащокину: «Нет у меня досуга, вольной холостой жизни, необходимой для писателя. Кружусь в свете, жена моя в большой моде — все это требует денег, деньги достаются мне через труды, а труды требуют уединения».

* * *

Современные исследователи полагают, что первый замысел романа о Пугачеве (будущей «Капитанской дочке»), равно как и документальной хроники о нем, возник у Пушкина еще до «Дубровского», когда получил он царский подарок — свод законодательных актов Российской империи. Там прочитал Пушкин смертный приговор Пугачеву и понял, что тема бунта сейчас для него важна, как никогда. Объявить, что хочет на время отвлечься от занятий петровским

временем и перейти к екатерининскому, Пушкин мог лишь с большой осторожностью. В переписке с военным министром (№ 43—45) речь шла, конечно, не о Пугачеве — могли бы сразу запретить — а о Суворове. Опасения имели веские основания. Николай I предпочитал держать документы русской истории, особенно недавней, за семью замками, считая ее своим семейным делом. Узнав, что Пушкин интересуется какими-то бумагами времен «августейшей бабки», царь сначала ответил решительным отказом. По довольно достоверному свидетельству, Николай спросил: «На что ему эти бумаги? Даже я их не читал. Пушкин может обойтись без них. Не пожелает ли он извлечь отсюда скандальный материал в параллель песне «Дон Жуана», в которой Байрон обесчестил память моей бабки? Ну, нет!» Пушкин якобы ответил на это: «Я не думал, что он прочел «Дон Жуана» Байрона». На самом деле поэта-историка волновали иные проблемы. Он обратился не только в официальные архивы, но и к частным лицам, имевшим, как знал он, материалы, связанные с Пугачевым: Г. И. Спасскому (№ 50), П. П. Свиньину, И. И. Дмитриеву (№ 48). Тщательнейший сбор материалов, дотошное в них погружение — одна из важных черт Пушкина-историка. Художественный замысел его как бы раздвоился, разделился: на документальную и романтическую часть, отражающую ту же эпоху и по своему преломляющую те же события. В работе над пугачевской темой прошла первая половина 1833 г. 17 апреля Пушкин приступил непосредственно к писанию «Истории Пугачева» и за пять недель ее вчерне закончил. Сроки опять-таки кратчайшие! Роман как бы на время отодвинулся, меняя в замысле фабулу и героев. Только в 1835—1836 гг. Пушкин вернулся к обработке собранного материала, и «Капитанская дочка» в том виде, в каком мы ее знаем, стала одним из последних его творений. Хроника же требовала поездки на места пугачевских сражений (как и будущий роман, конечно). Но, обращаясь с просьбой разрешить поездку в Оренбург и Казань, Пушкин помалкивал о хронике, упоминая нечто более безобидное — роман, ставший в 1836 г. «Капитанской дочкой».

Однако еще до поездки надо было как-то разрешить денежные затруднения. На зиму была нанята

новая, большая (12 комнат) квартира в бельэтаже дома Жадимеровского на Б. Морской (угол Гороховой). На лето сняли дачу Миллера в модном месте, на Черной речке. Надежда Осиповна писала Ольге Сергеевне 24 июня 1833 г.: «Дом очень большой: в нем 15 комнат вместе с верхом. Наташа здорова, она очень довольна своим новым помещением». На дачу переехали во второй половине мая. Но Пушкин почти каждый день по делам совершал пешие прогулки в город и обратно. Наталья Николаевна готовилась родить. Еще 29 января Вяземский сообщал Жуковскому: «Пушкин волнист, струист, и редко ухватишь его. Жена его процветает красотой и славою. Не знаю, что делает он с холостой музой своей, но с законной трудится он для потомства, и она опять с брюшком». Увеличивающееся семейство предстояло обеспечить на время своего отсутствия. В расчете на будущие литературные барыши Пушкин принялся занимать деньги. Нащокин в Москве добывал для него ссуду под дополнительный заклад имения. Но дело тянулось долго. Пришлось 26 июня обратиться к коллежскому асессору А. А. Ананьину, которому Пушкин и без того был должен: «Я собираюсь в деревню. Вы изволили обнадежить меня, что около нынешнего времени можно мне будет получить от вас еще 2000 р. (...) Смирдин готов в них поручиться». Видимо, еще раньше было послано письмо шурина Дмитрию Николаевичу (№ 49), ставшему после смерти деда главой гончаровского семейства (ведь отец Натальи Николаевны как умалишенный был отрешен от всех прав). Д. Н. Гончаров собирался занять у богача князя В. С. Голицына значительную сумму для приведения в порядок имения, а Пушкин просил у него для своего семейства небольшую ее часть (6000). В июле поэт обратился также к книгопродавцу Лисенкову с просьбой ссудить ему 3000 рублей. Концы с концами уже тогда, в 1831—1833 гг., не говоря о последующих годах, свести было совершенно невозможно. Он понял это давно, когда 7 октября 1831 г. писал Нащокину: «...я совершенно расстроился: женясь, я думал издерживать вдвое против прежнего, вышло вдесятеро» (гл. XII, № 57). В письме Д. Н. Гончарову Пушкин с горечью признается: «Мне чрезвычайно неприятно поднимать этот разговор, так как я же ведь

не скряга и не ростовщик...» В стихотворении 1832 г. «И дале мы пошли...», вольном переложении Данте, рассказывается о ростовщике, которого поджаривают на адском огне и крутят во все стороны, как крутил-вертел он людскими судьбами при жизни. Животрепещущая и больная тема для Пушкина в 30-е годы!..

Он рвался уехать из Петербурга не только затем, чтобы пополнить исследование о восстании под водительством Пугачева, но и чтобы поскорее добраться в Болдино, где можно будет творить на чистом, буквально и фигурально, воздухе, в полном уединении. Ведь уже две осени—в 1831 и 1832 гг. он такой возможности не имел. 18 августа Пушкин тронулся в путь.

Но до этого, 6 июля, родился его сын Александр Александрович.

«НЕ ДАЙ БОГ ЕМУ (...) ПИСАТЬ СТИХИ»

Крестили Александра Пушкина-младшего 20 июля в Предтеченской церкви на Каменном острове. Специально приехал для этой церемонии из Москвы дорогой гость Павел Воинович Нащокин. Крестной матерью была тетка матери Екатерина Ивановна Загряжская.

27 августа в письме к жене из Москвы—самое первое упоминание о сыне: «Благословляю Машку с Сашкой»; 21 октября из Болдина шутит: «а каков Сашка рыжий? Да в кого-то он рыж? не ожидал я этого от него»; 30 октября тревожится: «Что это у Саши за сыпь?»

20 апреля 1834 в письме из Петербурга в Москву появляется рассуждение о будущем сына: «Видел я трех царей (...) Посмотрим, как-то наш Сашка будет ладить с порфирородным своим тезкой; с моим тезкой я не ладил. Не дай бог ему идти по моим следам, писать стихи да ссориться с царями! В стихах он отца не перецеголяет, а плетью обуха не перешибет». Между прочим, именно это письмо, перлюстрированное на почте, как назло, попало в руки полиции и было доложено царю. Вполне домашнее наставление сыну приобретало политический характер (об этом см. гл. XV). Александр Александрович жил даже не при трех, а при четырех царях, но, к счастью своему, даже дослужившись до генеральского чина, был на почти-

тельным отдалении от трона и с обоими тезками прямых отношений не поддерживал. Генералов в России ведь много, это Пушкин — один. Однако до сына поэта все же дошло высказанное в конфиденциальной беседе мнение Александра II о его великом отце. Вот оно:

«1. Поэзия Пушкина отрицательно действовала на молодежь, особенно на студенчество России, и в первую очередь студенчество столицы.

2. (...) Странным казалось, что арестованные студенты (в 1860-х годах. — В. К.) продолжали декламировать стихи Пушкина о вольности и свободе.

3. (...) Будучи наследником престола, я имел встречи с Пушкиным, но каждая встреча отдаляла поэта от двора. Казалось, что поэт не скрывает своего пренебрежительного отношения и ко двору, и к окружающим поэта верноподданным государя. Никто не может отрицать, что поэзия Пушкина плохо действовала на поведение молодежи.

4. Смерть поэта не ослабила отрицательного воздействия на молодежь. Это влияние продолжается и ныне на учащихся и даже на военную молодежь.

5. Пушкин и Лермонтов были неизменными противниками трона и самодержавия и в этом направлении действовали на верноподданных России.

6. Двор не мог предотвратить гибель поэтов, ибо они были слишком сильными противниками самодержавия и неограниченной монархии, что отражалось на деятельности трех защитников государя — Бенкендорфа, Мордвинова и Дубельта и не вызывало у них необходимости сохранить жизни поэтам.

7. Мнение наше тождественно с мнением защитников трона и глав русского государства — Александра благословенного и в бозе почившего родителя нашего Николая Павловича.

8. Что касается издания произведений поэта, мы повелели ограничить их тираж и запретить, как особо вредное, распространение портретов возмутителя народов Пугачева. Крестьянские волнения в ряде губерний России имеют место и поныне.

9. Мы сожалеем о гибели поэтов Пушкина и Лермонтова: они могли быть украшением двора и воспеть самодержца».

В 1870-х годах Александр Пушкин-младший под строжайшим секретом сообщил эти пункты своему

двоюродному брату (сыну Л. С. Пушкина), а тот в целях особой конспирации перевел на английский язык и записал на полях одного из томов сочинений Пушкина. Поэтому приведенный текст дается в обратном переводе с английского, что, конечно, отразилось на его стиле *. Нетрудно представить себе, как А. А. Пушкин, свято чтивший память отца и матери, относился к порфирородному тезке, если ему были известны такие откровения. Впрочем, что взять с самодержца, который «трогательно признавался», что вообще терпеть не может литераторов!.. Есть данные и об отношении А. А. Пушкина к Николаю II. В 1905 г. после кровавой расправы с народом 9 января старый генерал заказал обедню по убитым, говоря: «Не могу понять, никак не могу понять, почему стреляют в безоружных людей». Остается выяснить насчет последнего отцовского завета: не писать стихов. Александр Александрович его соблюдал и вообще не без юмора относился к своей популярности «сына Пушкина». Как-то он заметил сыновьям Л. Н. Толстого: «Плохо нам с вами. Чувствую, что от меня требуют, чтобы я был с баками, как от вас, чтобы вы непременно носили бороду. Иначе все обижаются — какие это Пушкин и Толстой».

Но пока что будущий генерал только-только покинул колыбель, а отец думает о нем неотступно. 29 мая 1834 г.: «Благодарю тебя, мой ангел, за добрую весть о зубке Машином. (...) Теперь за Сашкою дело». Уже всем в семье известно, что Сашка — отцов любимец. 14 июля 1834 г.: «Мне кажется, что Сашка начинает тебе нравиться. Радуюсь: он не в пример милее Машки, с которой ты напляшешься». Из последней поездки в Болдино (сентябрь 1834 г.) спрашивает: «Здоров ли Сашка». Сколько могло бы еще быть и должно было быть заботливых отцовских писем, пока дети не вырастут. Но судьба распорядилась иначе. Остаются несколько строк двух последних лет — в 1835 г. из Михайловского и в 1836 г. — из Москвы. 14 сентября 1835 г.: «Сашку целую в его круглый лоб»; 29 сентября 1835 г.: «Скажи Сашке, что у меня здесь белые сливы, не чета тем, которые он у тебя крадет; и что

* Публикация принадлежит Н. И. Мацкевичу (Временник пушкинской комиссии 1974. Л., 1977).

я прошу его их со мною покушать». И вот, наконец, самое последнее «персональное» упоминание о Сашке в письме к Нащокину 27 мая 1836 г. из Петербурга: «Вот тебе анекдот о моем Сашке. Ему запрещают (не знаю зачем) просить, чего ему хочется. На днях он говорит своей тетке: Азя! дай мне чаю: я просить не буду». Вот и все в письмах...

Когда Пушкин умер, царь коротко приказал: «сыновей в пажи». А. А. Пушкин закончил Пажеский корпус в 1851 г. «В уважение примерной нравственности» он был «признан отличнейшим воспитанником и в этом качестве занесен под № 5 в особую книгу». Несколько лет прослужил в лейб-гвардии Конном полку под началом отчима П. П. Ланского. В 1856 г. по собственной просьбе был «обращен во фронт»; к 1861 г. уже стал полковником. Венцом его военной карьеры стала русско-турецкая война 1877—1878 гг. Уходя в поход, он писал брату Григорию 30 апреля 1877 г.: «Пятого мая наш полк выступает и идет прямо в поход, не мешает мне подумать и о будущем. Все мы под богом ходим, и придется ли вернуться—еще неизвестно. Во всяком случае, тебе поручаю я детей моих и в случае чего прошу тебя быть их опекуном». Заслуги сына Пушкина в борьбе за независимость Болгарии доселе не забыты. Нарвский гусарский полк под его командованием в составе кавалерийской дивизии отличился под городами Сливно, Тырново, Елена. Полковник Александр Александрович Пушкин был награжден после этой кампании золотой георгиевской саблей за храбрость, орденом св. Владимира 4-й степени с мечами и бантом, а в 1880 г. произведен в генералы и в этом звании присутствовал на незабываемых празднествах в Москве, посвященных открытию памятника его отцу. В дальнейшем он удостоен был еще многих наград.

Семейная жизнь А. А. Пушкина поначалу сложилась счастливо—в 1858 г. он женился на племяннице своего отчима, способной художнице Софье Александровне Ланской. У них было 9 детей. Племянники П. П. Ланского, в том числе Софья, воспитывались в семье Натальи Николаевны, и женитьба старшего сына была ей как нельзя более по душе. Но в 1875 г. С. А. Пушкина умерла от скоротечной чахотки, не дожив и до 40 лет. Старшей дочери шел тогда шестна-

дцатый год, а младшему ребенку не исполнилось еще и года. Несколько лет в воспитании детей помогала брату старшая сестра, а в 1883 г. он вторично женился — на М. А. Павловой (от этого брака — двое детей). Выйдя в 1891 г. в отставку, генерал Пушкин занимал в Москве ряд ответственных постов по статской части.

Внучка его рассказала В. М. Русакову: «Мой дедушка А. А. Пушкин очень любил мать. В молодости, офицером, даже в ту пору, когда был уже женат, субботы сын поэта проводил у Натальи Николаевны. Суббота была для них днем памяти Пушкина. Она была предельно откровенна с Александром. Вот почему он знал об отце гораздо больше, чем другие дети поэта». Единоутробная сестра его А. П. Арапова подтверждает это: «Все как-то полагали, что сердце ее особенно лежит к нему. Правда, что и он, в свою очередь, проявлял к ней редкую нежность, и она часто с гордостью заявляла, что таким добрым сыном можно похвалиться». Тяжело пережил он смерть матери, тем более что она простудилась, возвращаясь с крестин его сына-первенца Александра (до этого были три дочери). Невольно напрашивается догадка: старший сын стал любимцем матери потому, что когда-то давно «Сашка рыжий» был любимцем отца. В 1913 г. пронесся очередной «пушкинистский» слух, будто где-то хранятся дневники Натальи Николаевны. Корреспондент «Петербургской газеты» кинулся к генералу. Тот отвечал: «Я сомневаюсь, чтобы слух о дневниках моей матери был верен. Когда мать умирала, я был уже в чине полковника; несомненно, если бы после нее остались какие-нибудь дневники, я бы знал о них, а может быть, и сам бы их имел среди груды всяких других семейных реликвий. (...) Это, так сказать, сторона фактическая, но есть и другая — чисто «психологическая». У матери моей был не такой характер, чтобы она просиживала над дневниками и сообщала им свои сокровенные думы. Все, что она переживала, а пережила она, как вам известно, много, она скрывала в глубине своей души». Очень важная характеристика! В. М. Русаков записал и такой рассказ одной из правнучек поэта: «Дедушка болезненно переживал нападки на мать... она сама никогда никому не говорила о своей жизни с Пушкиным... она только очень страдала от травли... Главным образом травила ее тогда пресса».

Александр Александрович немало сделал для сохранения в чистоте имени отца и для спасения пушкинских реликвий. Он стремился узнать об отце как можно больше и не допустить очернения его памяти, превращения в досужие сплетни семейных тайн. Этим объясняется протест обоих сыновей Пушкина против публикации в 1858 г. в журнале «Библиографические записки» писем поэта к брату Льву Сергеевичу; и особенно решительные возражения против печатания писем отца к матери, на которое в 1878 г. без ведома братьев отважилась младшая сестра. На полях книги сочинений Пушкина, принадлежавшей его племяннику Анатолию Львовичу, помимо приведенных «откровений» Александра II, есть и запись беседы А. А. Пушкина с Жуковским. Она прошла «несколько рук» и даже, как говорилось, оказалась переведенной на английский язык. Поэтому за достоверность ее ручаться невозможно, но привести стоит. В 1851 г. больной Жуковский пригласил Александра Пушкина-младшего к себе в Баден-Баден, если верить этой записи, для прощальной беседы. «...Василий Андреевич заговорил о закате своей жизни и, пристально всматриваясь в Александра Александровича, сказал, что он имеет сообщить ему нечто... важное, но просит уверить его честным словом, что он никому не скажет об этом. Корнет Пушкин обещал выполнить просьбу, и Жуковский открылся Александру Александровичу, сообщив, что он сам был царедворцем, но чувствовал свою поднадзорность у Бенкендорфа и боялся его. Сейчас, осознав все это, он открывает истину для потомства, заключающуюся в том, что в смерти Пушкина повинен не только шеф жандармов, но и распорядитель судеб России — государь. Поэт убит, убит человеком без чести, дуэль произошла вопреки правилам — подло...

Усталый Василий Андреевич перекрестился и умолк в слезах. Вторая обещанная встреча Александра Александровича и Жуковского не состоялась».

Свою линию охраны чести отца и достоинства матери А. А. Пушкин выдерживал до конца. В 1899 г. он писал брату: «Еще нынешней зимой мне удалось остановить представление безобразнейшей драмы в стихах какого-то Михневича, в которой наша мать представлена была в возмутительном виде, да

и отец выведен каким-то грубым и даже невоспитанным человеком. Эту пьеску театральная цензура запретила для представления». Уже почти 80-летним стариком, в связи с 75-летием со дня смерти Пушкина, Александр Александрович принял корреспондента «Петербургской газеты» и сказал ему: «С грустью мне приходится констатировать, что, к великому моему огорчению, за последнее время имя отца стали в России забывать. Его отодвинули появившиеся за последнее время в таком множестве молодые поэты. Не всегда, впрочем, талантливые».

После смерти Натальи Николаевны (1863 г.), а частично и при ее жизни, Александру Александровичу досталась нелегкая ноша — хранить у себя и оберегать рукописи отца, письма к нему, никому тогда неизвестный дневник, библиотеку его и другие реликвии, ценнее которых нет в нашей культуре. Еще в 1851 г. рукописи были временно переданы Натальей Николаевной братьям И. В. и П. В. Анненковым для издания собрания сочинений и подготовки «Материалов для биографии...» Завершив работу, П. В. Анненков вернул вдове поэта не все рукописи — отдельные листы остались у него. Вдобавок часть рукописей Пушкина хранилась в семье В. А. Жуковского, потом перешла к коллекционеру А. Ф. Онегину. Рукописному наследию поэта грозило распыление. Отсюда понятно, почему с ревностью скупого рыцаря отнесся А. А. Пушкин к врученному ему богатству. Более 20 лет он их попросту никому не показывал. Однако тот всеобщий энтузиазм, который царил при открытии памятника, поколебал его твердость. Отчасти под влиянием великого энтузиаста пушкиноведения П. И. Бартенева сын поэта решил пожертвовать все рукописи отца в государственное учреждение — московский Румянцевский музей (ныне Государственная библиотека СССР им. В. И. Ленина). Он писал директору музея: «В ознаменование торжественного дня открытия в Москве памятника отцу моему Александру Сергеевичу Пушкину, предполагая передать в общественную собственность сохранившиеся у меня подлинные рукописи его сочинений, я избрал местом хранения их на вечные времена находящийся под Вашим управлением московский публичный и Румянцевский музей, куда

эти рукописи и будут доставлены (...)»*. Преимущественное исследовательское право А. А. Пушкин предоставил П. И. Бартеневу. С тех пор в журнале «Русский архив», который редактировал Бартенева, стали появляться новые пушкинские тексты. В 1882 г. после долгих хлопот и переговоров Александр Александрович добавил к основному рукописному фонду и еще одну великую драгоценность — 64 письма отца к матери, обусловив недоступность их для кого бы то ни было в течение 50 лет. В 1903 г. П. И. Бартенева получил от него 77 писем разных корреспондентов к поэту, в 1904 г. — 19 писем Нащокина. Только дневник отца сын не решался выпустить из рук. «Мемуары эти, — сказал он, — незадолго до смерти мне передала моя мать. Как-то раз она разбирала в столе и наткнулась на тетрадь. Она передала ее мне. После знакомства с мемуарами я решил их оставить пока в тайне (...) ввиду того, что там говорится о некоторых лицах недостаточно почтительно». После его смерти тетрадь перешла к Марии Александровне, а уж потом, в 1919 г., еще через несколько наследственных инстанций — к государству.

Как зеницу ока хранил А. А. Пушкин портрет отца работы О. Кипренского, висевший у него в гостиной; отцовскую чернильницу со статуэткой негра — подарок Нащокина другу; серебряный туалетный прибор Пушкина; пушкинскую конторку красного дерева, картину Чернецова «Дарьяльское ущелье», висевшую в последнем кабинете поэта на Мойке. Все это, так или иначе, стало нашей общей, овеществленной памятью о Пушкине и заслугу сына-хранителя забывать нельзя.

Еще совсем недавно в Москве были живы люди, близко видевшие старшего сына Пушкина. В 1900 г. Александр Александрович участвовал в открытии памятника Пушкину в Царском Селе (работы Р. Р. Баха). Среди съехавшихся туда газетных репортеров был А. И. Гессен, будущий автор популярных книг о Пушкине. Он вспоминал об Александре Александровиче: «Это был 67-летний генерал... с лицом, обрам-

* В 1938 г. все рукописи Пушкина были сконцентрированы во Всесоюзном музее Пушкина, а с 1948 г. — в Институте русской литературы (Пушкинский дом).

ленным седою бородою, мало напоминавший своего отца. И странно было представить себе его — в блестящем парадном генеральском мундире — рядом с бронзовым поэтом в скромном сюртуке, тем более помыслить, что перед нами находились правнук и праправнук арапа Петра Великого». На вопросы газетчиков генерал без малейшего гонора отвечал, что отца почти не помнит и вообще он только *сын* великого поэта.

Однако есть и другие свидетельства, более «обнадеживающие» с точки зрения фамильного сходства. Репортер одной из газет писал: «Наружность сына знаменитого поэта хорошо известна москвичам — его можно видеть на многих общественных собраниях и торжествах. Это красивый, седой как лунь, но еще бодрый, с военной выправкой старец. Симпатичное выразительное лицо его окаймлено окладистой бородою и по высокому лбу и тонкому носу с горбинкой и по выражению его голубых глаз нетрудно догадаться, что в молодости Александр Александрович очень походил на своего покойного отца, насколько об этом можно судить по современным поэту портретам». Журнал «Нива» в 1913 г. пошел еще дальше в этом направлении: «Лицо Александра Александровича поражает сходством с лицом отца — не только в общем типе, но и в отдельных чертах. Ему теперь 80 лет, а его отец скончался на тридцать восьмом году, но, несомненно, доживи поэт (а на это ему позволяло рассчитывать его прекрасное здоровье) до таких же преклонных лет, его старческий облик близко подходил бы к наружности Александра Александровича». Поистине, гипотезам в изучении жизни и трудов Пушкина нет предела!

Когда будущему поэту Марине Ивановне Цветаевой не было еще четырех лет, в гости к ее отцу, ученому И. В. Цветаеву в Трехпрудный переулок пришел высокий незнакомый старик, М. И. Цветаева запомнила эту единственную встречу:

«— А зовут его Александр Александрович, — продолжал отец, — и он очень похож на отца. Ты ведь знаешь, кто его отец?

— Мама сказала: Памятник — Пушкина.

— Ну, положим, не памятник Пушкина, а Александр Сергеевич Пушкин, наш великий русский поэт. Сколько, впрочем, голубка, Мусе лет?

— Три года, четвертый.

— Ну, значит, время еще есть. А все-таки, Муся, запомни, что ты трех лет от роду видела сына А. С. Пушкина, потом внукам своим будешь рассказывать».

У Цветаевой внуков нет, но она всем нам об этом рассказала.

Пушкинист Н. О. Лернер говорил, что генерал Пушкин умел «ценить превыше всяких званий и титулов завещанное ему славное имя». И это, конечно, так.

1

Генерал-адъютант Бенкендорф объявил мне высочайшее повеление об определении в Государственную коллегияю иностранных дел коллежского секретаря Пушкина с дозволением отыскивать в архивах материалы для сочинения истории императора Петра I.— Во исполнение высочайшей воли Пушкин определен был в Коллегию и потом всемилостивейше пожалован в титулярные советники; о допущении же его в архивы сделано уже распоряжение. Но при том я осмеливаюсь испросить, благоугодно ли будет Вашему Императорскому Величеству, чтобы титулярному советнику Пушкину открыты были все секретные бумаги времен императора Петра I, в здешнем архиве хранящиеся,— как-то: о первой супруге его, о царице Алексее Петровиче; также дела бывшей Тайной канцелярии.

*Доклад К. В. Нессельроде Николаю I
12 января 1832.*

2

Я имел счастье докладывать государю императору о дозволении титулярному советнику Пушкину отыскивать в архивах Министерства иностранных дел материалы для сочинения истории императора Петра I. Его императорское величество, изъявив на сие высочайшее соизволение, повелел при том, чтобы из хранящихся в здешнем архиве дел секретные бумаги времен императора Петра I открыты были г. Пушкину не иначе, как по назначению Вашего превосходительства, и чтобы он прочтением оных и составлением

из них выписок занимался в Коллегии иностранных дел, и ни под каким видом не брал бы вообще всех вверяемых ему бумаг к себе на дом.

К. В. Нессельроде — Д. Н. Блудову.
15 января 1832. (Черновое)

3

⟨...⟩ Надобно тебе сказать, что я женат около года и что вследствие сего образ жизни моей совершенно переменялся, к неопisanному огорчению Софьи Остафьевны и кавалергардских шаромыжников. От карт и костей отстал я более двух лет; на беду мою, я забастовал, будучи в проигрыше, и расходы свадебного обзаведения, соединенные с уплатою карточных долгов, расстроили дела мои. Теперь обращаюсь к тебе: 25 000, данные мне тобою заимообразно, на три или по крайней мере на два года, могли бы упрочить мое благосостояние. В случае смерти, есть у меня имение, обеспечивающее твои деньги.

Вопрос: можешь ли ты мне сделать сие, могу сказать, благодеяние? *En fait de grands propriétaires* * трое только на сем свете состоят со мною в сношениях более или менее дружеских: ты, Яковлев и еще третий. Сей последний записал меня недавно в какую-то коллегия и дал уже мне (сказывают) 6 000 годового дохода; более от него не имею права требовать. К Яковлеву в прежнее время явился бы я со стаканчиками и предложил бы ему *un petit déjeuner* **; но он скуп, и я никак не решусь просить у него денег взаймы. Остаешься ты. К одному тебе могу обратиться откровенно, зная, что если ты мне и откажешь, то это произойдет не от скупости или недоверчивости, а просто от невозможности. ⟨...⟩

Пушкин — М. О. Судиенке.
15 января 1832. Из Петербурга в Москву.

* В сущности из числа крупных собственников (фр.).

** легкий завтрак (фр.).

4

Генерал-адъютант Бенкендорф покорнейше просит Александра Сергеевича Пушкина доставить ему объяснение, по какому случаю помещены в изданном на сей 1832 год альманахе под названием Северные Цветы некоторые стихотворения его, и между прочим *Анчар*, *дерево яда*, без предварительного испрошения на напечатание оных высочайшего дозволения.

А. Х. Бенкендорф — Пушкину.
7 февраля 1832. Петербург.

5

Милостивый государь Александр Христофорович,

Ваше высокопревосходительство изволили требовать от меня объяснения, каким образом стихотворение мое «*Дерево яда*» было напечатано в альманахе без предварительного рассмотрения государя императора: спешу ответить на запрос Вашего высокопревосходительства.

Я всегда твердо был уверен, что высочайшая *милость*, коей неожиданно был я удостоен, не лишает меня и *права*, данного государем всем его подданным: печатать с дозволения цензуры. В течение последних шести лет во всех журналах и альманахах, с ведома моего и без ведома, стихотворения мои печатались беспрепятственно, и никогда не было о том ни малейшего замечания ни мне, ни цензуре. Даже я, совесть беспокоить поминутно его величество, раза два обратился к Вашему покровительству, когда цензура недоумевала, и имел счастье найти в Вас более снисходительности, нежели в ней.

Имея необходимость объяснить лично Вашему высокопревосходительству некоторые затруднения, осмеливаюсь просить Вас назначить час, когда мне можно будет явиться. {...}

Пушкин — А. Х. Бенкендорфу.
7 февраля 1832. Петербург.

6

По приказанию Вашего высокопревосходительства препровождаю к Вам одно стихотворение, взятое от меня в альманах и уже пропущенное цензурою.

Я остановил его печатание до Вашего разрешения.

При сем случае приемлю смелость просить у Вашего высокопревосходительства дозволения откровенно объяснить мое положение. В 1827 году государю императору угодно было объявить мне, что у меня, *кроме его величества, никакого цензора не будет.* Сия неслыханная милость налагала на меня обязанность представлять на рассмотрение его величества сочинения, достойные его внимания, если не по достоинству их, то по крайней мере по их цели и содержанию. Мне всегда было тяжело и совестно озабочивать царя стихотворными безделицами, важными только для меня, ибо они доставляли мне 20 000 дохода, и одна сия необходимость заставляла меня пользоваться правом, данным мне государем.

Ныне Ваше высокопревосходительство, приняв в уважение сии мои....., изволили приказать мне обращаться к Вашему высокопревосходительству с теми моими стихотворениями, которые я или журналисты пожелают напечатать. Позвольте доложить Вашему высокопревосходительству, что сие представляет разные неудобства. 1) Ваше высокопревосходительство не всегда изволите пребывать в Петербурге, а книжная *торговля*, как и всякая, имеет свои *сроки*, свои ярманки; так что оттого, что книга будет напечатана в марте, а не в январе, сочинитель может потерять несколько тысяч рублей, а журналист несколько сот подписчиков. 2) Подвергаясь один особой, от Вас единственно зависящей цензуре — я, вопреки права, данного государем, изо всех писателей буду подвержен самой стеснительной цензуре, ибо весьма простым образом — сия цензура будет смотреть на меня с предубеждением и находить везде тайные применения, *allusions** и затруднительности — а обвинения в применениях и подразумениях не имеют ни границ, ни оправданий, если под словом *дерево* будут разуметь конституцию, а под словом *стрела* самодержавие.

* намеки (фр.).

Осмеливаюсь просить об одной милости: впредь иметь право с мелкими сочинениями своими относиться к обыкновенной цензуре.

*Пушкин — А. Х. Бенкендорфу.
18—24 февраля 1832. В Петербурге. (Черновое)*

7

Милостивый государь Князь Петр Михайлович

Покорнейше прошу Ваше сиятельство приказать отпустить под расписку секретаря моего (...) пятьсот шестьдесят рублей ассигнац. на покупку одного экземпляра полного собрания законов Российской империи, (...) назначенного его императорским величеством в подарок известному сочинителю Александру Пушкину (...)

*А. Х. Бенкендорф — П. М. Волконскому.
11 февраля 1832. Петербург.*

8

Милостивый государь мой
Александр Христофорович!

Имею честь уведомить Ваше высокопревосходительство, что требуемые Вами отношением от 11-го сего февраля за № 97 на покупку одного экземпляра полного собрания законов Российской империи, назначенного его величеством в подарок известному сочинителю Александру Пушкину 560 р. отпущены из Кабинета его и-го велич. сего числа (...), прося покорнейше Вас, милостивый государь мой, о получении сих денег не оставить Вашим уведомлением.

*П. М. Волконский — А. Х. Бенкендорфу.
22 февраля 1832. Петербург.*

9

Милостивый государь Князь Петр Михайлович

В следствие отношения Вашего Сиятельства (...) честь имея уведомить Вас, милостивый государь, что

отпущенные из Кабинета Его Величества пятьсот шестьдесят рублей на покупку одного экземпляра полного собрания законов Российской империи, Всемилостивейше назначенного в подарок сочинителю Пушкину, мною получены, пребываю с совершенным почтением и преданностью (...)

*А. Х. Бенкендорф — П. М. Волконскому.
1 марта 1832. Петербург.*

10

Милостивый государь Александр Христофорович,

С чувством глубочайшего благоговения принял я книгу, всемилостивейше пожалованную мне его императорским величеством. Драгоценный знак царского ко мне благоволения возбудит во мне силы для совершения предпринимаемого мною труда, и который будет ознаменован если не талантом, то по крайней мере усердием и добросовестностию.

Ободренный благосклонностью Вашего высокопревосходительства, осмеливаюсь вновь беспокоить Вас покорнейшею просьбою: о дозволении мне рассмотреть находящуюся в Эрмитаже библиотеку Вольтера, пользовавшегося разными редкими книгами и рукописями, доставленными ему Шуваловым для составления его «Истории Петра Великого».

По приказанию Вашего высокопревосходительства препровождаю к Вам одно стихотворение, данное мною в альманах и пропущенное уже цензурою. Я остановил печатание оно до разрешения Вашего высокопревосходительства. (...)

*Пушкин — А. Х. Бенкендорфу.
24 февраля 1832. Петербург.*

11

Милостивый государь, Александр Сергеевич!

По письму Вашему от 24 февраля, докладывал я государю императору, и его величество всемилости-

вейше дозволил Вам рассмотреть находящуюся в Эрмитаже библиотеку Вольтера, о чем и сообщено мною г. министру императорского двора.

А. Х. Бенкендорф — Пушкину.
29 февраля 1832. Петербург.

12

10 mars 1832. Bibliothèque de Voltaire*.

А. С. Пушкин. Дневниковая запись

13

А. О. Смирнова-Россет

ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ

В 1832 году Александр Сергеевич приходил всякий день почти ко мне, также и в день рождения моего принес мне альбом и сказал: «Вы так хорошо рассказываете, что должны писать свои записки»,— и на первом листе написал стихи: «В тревоге пестрой и бесплодной» и пр. Почерк у него был великолепный, чрезвычайно четкий и твердый.

14

В АЛЬБОМ кнж. А. Д. АБАМЕЛЕК

Когда-то (помню с умилением)
Я смел вас нянчить с восхищеньем,
Вы были дивное дитя.
Вы расцвели — с благоговеньем
Вам ныне поклоняюсь я.
За вами сердцем и глазами
С невольным трепетом ношусь
И вашей славою и вами,
Как нянька старая, горжусь.

1832

А. С. Пушкин

* 10 марта 1832. Библиотека Вольтера (фр.).

15

Генерал,

Его величество, удостоив меня вниманием к моей судьбе, назначил мне жалованье. Но так как я не знаю, откуда и считая с какого дня я должен получать его, то осмеливаюсь обратиться к Вашему превосходительству с просьбой вывести меня из неизвестности. Благоволите простить мою докучливость и отнестись к ней со свойственной Вам снисходительностью.(...)
(фр.)

Пушкин — А. Х. Бенкендорфу.
3 мая 1832. Петербург.

16

Графу Нессельроде.

По всеподданнейшему докладу моему словесно сделанного мне вашим сиятельством отзыве, что по вверенному Вам Министерству не имеется ныне штатного места для г. Пушкина, сие которому бы могло ему быть определено жалованье, его величество повелел мне сообщить вам, милостивый государь, высочайшую волю, дабы вы, назначив ему ныне жалованье по усмотрению вашему, сообщили г. Министру финансов о производстве ему онаго из государственного казначейства, со дня вступления его в Министерство иностранных дел (с 1-го января 1832 г.), а к будущему году внесли бы оклад его в общую смету расходов вверенного Вам Министерства.

А. Х. Бенкендорф — К. В. Нессельроде.
10 мая 1832. Петербург.

17

Вице-канцлер, приступая к исполнению высочайшей воли, объявленной ему его высокопревосходительством Александром Христофоровичем в отношении от 10-го минувшего мая под № 2468, о назначении жалованья титулярному советнику Пушкину

покорнейше просит почтить его уведомлением, в каком количестве по мнению его высокопревосходительства прилично бы было определить жалованье сему чиновнику (...)

*К. В. Нессельроде — А. Х. Бенкендорфу.
14 июня 1832. Петербург.*

18

Генерал-адъютант Бенкендорф, свидетельствуя совершенное почтение его сиятельству графу Карлу Васильевичу, имеет честь сим ответить на записку его сиятельства № 746, что по мнению его, титулярному советнику Пушкину, жалованья могло бы быть назначено пять тысяч рублей.

*А. Х. Бенкендорф — К. В. Нессельроде.
20 июня 1832. Петербург.*

19

Генерал-адъютант Бенкендорф объявил мне высочайшее повеление о назначении из Государственного казначейства жалованья титулярному советнику Пушкину со дня определения его в ведомство Министерства иностранных дел. По мнению генерал-адъютанта Бенкендорфа, жалованье Пушкину можно бы было положить 5.000 р. в год. Я осмеливаюсь испрашивать по сему высочайшего повеления Вашего Императорского Величества.

*К. В. Нессельроде — Николаю I.
4 июля 1832.*

На подлинном написано: Высочайше повелено требовать из Государственного казначейства с 14-го Ноября 1831 года по 5.000 р. в год на известное его императорскому величеству употребление, по третям года, и выдавать сии деньги титулярному советнику Пушкину.

19а

Я нижеподписавшийся получил из казначейства Министерства иностранных дел следующие на известное его императорскому величеству употребление с 14 Ноября 1831 г. по 1 Мая сего 1832 г. всего 2.319 р. 44 $\frac{1}{4}$ к., в чем и дал сию расписку. Июля 27 дня 1832 г.

Титулярный советник Александр Пушкин

20

Генерал,

Девиза Кюхельбекер просила узнать у меня, не возьму ли я на себя издание нескольких рукописных поэм, оставленных ей ее братом. Я подумал, что дозволения цензуры для этого недостаточно, а необходимо разрешение вашего превосходительства. Осмеливаюсь выразить надежду, что разрешение, о котором я ходатайствую, не может повредить мне: я был школьным товарищем Кюхельбекера, и вполне естественно, что его сестра в этом случае обратилась ко мне, а не к кому-либо другому.

Теперь позвольте мне беспокоить вас по некоторому личному делу. До сих пор я сильно пренебрегал своими денежными средствами. Ныне, когда я не могу оставаться беспечным, не нарушая долга перед семьей, я должен думать о способах увеличения своих средств и прошу на то разрешения его величества. Служба, к которой он соблаговолил меня причислить, и мои литературные занятия заставляют меня жить в Петербурге, доходы же мои ограничены тем, что доставляет мне мой труд. Мое положение может обеспечить литературное предприятие, о разрешении которого я ходатайствую,— а именно: стать во главе газеты, о которой господин Жуковский, как он мне сказал, говорил с вами. (...) (фр.)

*Пушкин — А. Х. Бенкендорфу.
27 мая 1832. Петербург.*

21

Привет вам, дорогой Александр Сергеевич, от души поздравляю Вас с рождением милой малютки Марии и очень сожалею, что не могу расцеловать Вас и ее прелестную молодую мамашу. Это отлично, маленький барон может быть когда-нибудь мужем прелестной Марии, ну а мы потанцуем на их свадьбе.

П. А. Осипова — Пушкину. 31 мая 1832.
Из Тригорского в Петербург.

22

Н. А. Муханов

ИЗ ДНЕВНИКА

1832. 29 июня. К Вяземскому поздравить с именинами. Нашел у него Aimée * Полуектову и Александра Пушкина. Она осталась чужда разговору, который продолжался между мною и Пушкиным о новейшей литературе французской и нововышедших в свет книгах. Он находит, что лучшая из них «Table de nuit», Musset**. Я спросил мнения его о Дюмоне, которого еще не читал, но известного мне по критике «Débats»*** и по мнению некоторых моих знакомых; Уварова, Толстого, Панина, всех очень его хвалящих. Пушкин очень хвалит Дюмона, а Вяземский позорит, из чего вышел самый жаркий спор, в коем я хотя не читал Дюмона, но совершенно мнения Пушкина по его доводам и справедливости заключений. Оба они выходили из себя, горячились и кричали. Вяземский говорил, что Дюмон старается похитить всю славу Мирабо. Пушкин утверждал, напротив, что он известен своим самоотвержением, коему дал пример переводом Бентама, что он выказывает Мирабо во внутренней его жизни, и потому весьма интересен, что Jules Janin (Жюль Жанен) врет, что французы

* Эме (фр.), игра слов: aimée — любимая, Полуектову звали Любовь Федоровна.

** «Ночной столик» Мюссе (фр., см. прим.).

*** «Деба», «Журналь де деба» (фр., см. прим.).

презрительны, что таланта истинного в них нет, что лучшие их таланты не французы, что Мирабо не француз, что «Journal des Débats» нельзя принимать за мнение всей Франции и что ее мнение даже неважно и проч.

4 июля. (...) Поехал к Пушкину. Видел у него Плетнева и статую имп. Екатерины, весьма замечательную. Говорили о его газете, мысли его самые здравые: анти-либеральные, анти-Полевые, ненавидит дух журналов наших. Обещался быть ко мне на другой день. Он очень созрел. (...)

5. (...) Пришел Александр Пушкин. Говорили долго о газете его. Он издавать ее намерен с сентября или октября; но вряд ли успеет. Нет еще сотрудника. О Погодине. Он его желает; хочет мне дать к нему поручение. О Вяземском. Он сказал, что он человек ожесточенный, aigri*, который не любит России, потому что она ему не по вкусу. О презрении его к русским журналам, о Андросове и статье Погодина о нем. Толстой говорил, что Андросов презирает Россию, унижает, о несчастном унижении, с которым писатели наши говорят об отечестве, что в них не оппозиция правительству, а отечеству. Пушкин очень сие апробовал и говорит, что надо об этом сделать статью журнальную. Пушкин и Толстой очень сошлись мнениями. Пушкин говорил долго. Квасной патриотизм и совершенно согласно мыслями с Толстым, все в его духе. Цель его журнала, как он ее понимает — хочет доказать правительству, что оно может иметь дело с людьми хорошими, а не с литературными шельмами, как доселе сие было. Водворить хочет новую систему. Наконец расстались очень довольные друг другом. Я много ожидаю добра от сего журнала.

7. (...) Оживленный спор с Уваровым по поводу журнала Пушкина. Он уязвлен, что разрешение было дано ему министерством внутренних дел, а не его министерством. Он утверждает, что Пушкин не сможет издавать хорошего журнала, не имея ни характера, ни постоянства, ни практических приготовлений, каких требует журнал. Он по-своему прав.

* озлобленный (фр.).

23

⟨...⟩Между тем обращаюсь к Вам, к брату Вашему и к Языкову с сердечной просьбою. Мне разрешили на днях политическую и литературную газету. Не оставьте меня, братие! Если вы возьмете на себя труд, прочитав какую-нибудь книгу, набросать об ней несколько слов в мою суму, то господь Вас не оставит. Николай Михайлович ленив, но так как у меня будет как можно менее стихов, то моя просьба не затруднит и его. Напишите мне несколько слов (не опасаясь тем повредить моей политической репутации) касательно предполагаемой газеты. Прошу у Вас советов и помощи. ⟨...⟩

Пушкин — И. В. Киреевскому.
11 июля 1832. Из Петербурга в Москву.

24

⟨...⟩ Знаете ли Вы, что государь разрешил мне политическую газету? Дело важное, ибо монополия Греча и Булгарина пала. Вы чувствуете, что дело без Вас не обойдется. Но журнал будучи торговым предприятием, я ни к чему приступить не дерзаю, ни к предложениям, ни к условиям, покамест порядком не осмотрюсь; не хочу продать Вам кожу медведя еще живого, или собрать подписку на «Историю русского народа», существующую только в нелепой башке моей... Кстати: скажите Надеждину, что опрометчивость его суждений непростительна. Недавно прочел я в его журнале сравнение между мной и Полевым; оба-де морочат публику: один выманывает у ней деньги, выдавая по одной главе своего «Онегина», а другой — по одному тому своей «Истории». Разница собрать подписку, обещавшись в год выдать 12 томов, а между тем в три года напечатать три тома на проценты с выманенных денег, и разница напечатать по главам сочинение, о котором сказано в предисловии: *вот начало стихотворения, которое, вероятно, никогда не будет кончено*. Надеждин волен находить мои стихи дурными, но сравнивать меня с плутом есть с его стороны свинство. Как после этого порядочному человеку связываться с этим народом? И что, если бы еще должны мы были уважать мнения Булгарина,

Полевого, Надеждина? приходилось бы стреляться после каждого номера их журналов. Слава богу, что общее мнение (каково бы оно у нас ни было) избавляет нас от хлопот.(...)

*Пушкин — М. П. Погодину.
11 июля 1832. Из Петербурга в Москву.*

25

Четверг. Не сердись, женка; дай слово сказать. Я приехал в Москву, вчера, в среду. Велосифер, по-русски поспешный дилижанс, несмотря на плеоназм, поспешал как черепаха, а иногда даже как рак. В сутки случилось мне сделать три станции. Лошади расковывались, и — неслыханная вещь! — их подковывали на дороге. 10 лет езжу я по большим дорогам, отроду не видывал ничего подобного. Насилу дотащился в Москву, ————— дождем и встревоженную приездом двора. Теперь послушай, с кем я путешествовал, с кем провел я пять дней и пять ночей. То-то будет мне гонка! с пятью немецкими актрисами, в желтых кацавейках и в черных вуалях. Каково? Ей-богу, душа моя, не я с ними кокетничал, они со мною амурились в надежде на лишний билет. Но я отговаривался незнанием немецкого языка и, как маленький Иосиф, вышел чист от искушения. Приехав в Москву, поскакал отыскивать Нащокина, нашел его по-прежнему озабоченным домашними обстоятельствами, но уже спокойнее в сношениях со своею Сарою. Он кокую, и видит, что это состояние приятное и независимое. Он ездил со мною в баню, обедал у меня. Завез меня к княгине Вяземской, княгиня завезла меня во Французский театр, где я чуть было не заснул от скуки и усталости. Приехал к Оберу и заснул в 10 часов вечера. Вот тебе весь мой день; писать не было мне ни времени, ни возможности физической. Государь здесь со 20-го числа и сегодня едет к вам, так что с Бенкендорфом не успею увидеться, хоть было бы и нужно. Великая княгиня была очень больна, вчера было ей легче, но двор еще беспокоен, и государь не принял ни одного праздника. Видел Чаадаева в театре, он звал меня с собою повсюду, но я дремал. Дела

мои, кажется, скоро могут кончиться, а я, мой ангел, не мешкая ни минуты, поскачу в Петербург. Не можешь вообразить, какая тоска без тебя. Я же всё беспокоюсь, на кого покинул я тебя! на Петра, сонного пьяницу, который спит, не проспится, ибо он и пьяница и дурак; на Ирину Кузьминичну, которая с тобою воюет; на Ненилу Ануфриевну, которая тебя грабит. А Маша-то? что ее золотуха и что Спасский? Ах, женка душа! что с тобою будет? Прощай, пиши.

Пушкин — Н. Н. Пушкиной.

22 сентября 1832. Из Москвы в Петербург.

26

Д. Ф. Фикельмон

ИЗ ДНЕВНИКА

1832. Сентябрь. Госпожа Пушкина, жена поэта, пользуется самым большим успехом; невозможно быть прекраснее, ни иметь более поэтическую внешность, а между тем у нее немного ума и даже, кажется, мало воображения.

1832. 21 ноября. Самой красивой вчера была, однако ж, Пушкина, которую мы прозвали поэтической, как из-за ее мужа, так и из-за ее небесной и несравненной красоты. Это — образ, перед которым можно оставаться часами, как перед совершеннейшим созданием творца.

27

(...) Кто тебе говорит, что я у Баратынского не бываю? Я и сегодня провожу у него вечер, и вчера был у него. Мы всякий день видимся. А до жен нам и дела нет. Грех тебе меня подозревать в неверности к тебе и в разборчивости к женам друзей моих. Я только завидую тем из них, у коих супруги не красавицы, не ангелы прелести, не мадонны etc. etc. Знаешь русскую песню —

Не дай бог хорошей жены,
Хорошу жену часто в пир зовут.

А бедному-то мужу во чужом пиру похмелье, да и в своем тошнит.— Сейчас от меня — альманашник. Насилу отговорился от него. Он стал просить стихов для альманаха, а я статьи для газеты. Так и разошлись. На днях был я приглашен Уваровым в университет. Там встретился с Каченовским (с которым, надобно тебе сказать, бранивались мы, как торговки на вшивом рынке). А тут разговорились с ним так дружески, так сладко, что у всех предстоящих потекли слезы умиления. Передай это Вяземскому. Благодарю, душа моя, за то, что в шахматы учишься. Это непременно нужно во всяком благоустроенном семействе; докажу после. На днях был я на бале (у княгини Вяземской; следственно, я прав). Тут была графиня Сологуб, графиня Пушкина (Владимир), Аугоге *, ее сестра, и Natalie ** Урусова. Я вел себя прекрасно; любезничал с графиней Сологуб (с теткой, entendons-nous ***) и уехал ужинать к Яру, как скоро бал разыгрался. Дела мои идут своим чередом. С Нащокиным вижусь всякий день. У него в домике был пир: подали на стол мышонка в сметане под хреном в виде поросенка. Жаль, не было гостей. По своей духовной домик этот отказывает он тебе. Мне пришел в голову роман, и я, вероятно, за него примусь; но покамест голова моя кругом идет при мысли о газете. Как-то слажу с нею? Дай бог здоровье Отрыжкову; авось вывезет. Целую Машу и благословляю, и тебя тоже, душа моя, мой ангел. Христос с вами.

*Пушкин — Н. Н. Пушкиной.
Около (не позднее) 30 сентября 1832.
Из Москвы в Петербург.*

28

И. А. Гончаров

ИЗ УНИВЕРСИТЕТСКИХ ВОСПОМИНАНИЙ

Когда он вошел с Уваровым, для меня точно солнце озарило всю аудиторию: я в то время был в чадю обаяния от его поэзии; я питался ею, как молоком

* Аврора (фр.).

** Наталия (фр.).

*** само собой понятно (фр.).

матери; стих его приводил меня в дрожь восторга. На меня, как благотворный дождь, падали строфы его созданий («Евгения Онегина», «Полтавы» и др.). Его гению я и все тогдашние юноши, увлекавшиеся поэзией, обязаны непосредственным влиянием на наше эстетическое образование.

Перед тем однажды я видел его в церкви, у обедни—и не спускал с него глаз. Черты его лица врезались у меня в памяти. И вдруг этот гений, эта слава и гордость России—передо мной в пяти шагах! Я не верил глазам. Читал лекцию Давыдов, профессор истории русской литературы.

«Вот вам теория искусства,—сказал Уваров, обращаясь к нам, студентам, и указывая на Давыдова,—а вот и самое искусство»,—прибавил он, указывая на Пушкина. Он эффектно отчеканил эту фразу, очевидно, заранее приготовленную. Мы все жадно впились глазами в Пушкина. Давыдов оканчивал лекцию. Речь шла о «Слове о полку Игоревом». Тут же ожидал своей очереди читать лекцию, после Давыдова, и Каченовский. Нечаянно между ними завязался, по поводу «Слова о полку Игоревом», разговор, который мало-помалу перешел в горячий спор. «Подойдите ближе, господа,—это для вас интересно»,—пригласил нас Уваров, и мы тесной толпой как стеной, окружили Пушкина, Уварова и обоих профессоров. Не умею выразить, как велико было наше наслаждение—видеть и слышать нашего кумира.

Я не припомню подробностей их состязания,—помню только, что Пушкин горячо отстаивал подлинность древнерусского эпоса, а Каченовский вонзал в него свой беспощадный аналитический нож. Его щеки ярко горели алым румянцем и глаза бросали молнии сквозь очки. Может быть, к этому раздражению много огня прибавлял и известный литературный антагонизм между ним и Пушкиным. Пушкин говорил с увлечением, но, к сожалению, тихо, сдержанным тоном, так что за толпой трудно было расслушать. Впрочем, меня занимал не Игорь, а сам Пушкин.

С первого взгляда наружность его казалась невзрачною. Среднего роста, худощавый, с мелкими чертами смуглого лица. Только когда взглядишься

пристально в глаза, увидишь задумчивую глубину и какое-то благородство в этих глазах, которых потом не забудешь. В позе, в жестах, сопровождавших его речь, была сдержанность светского, благовоспитанного человека. Лучше всего, по-моему, напоминает его гравюра Уткина с портрета Кипренского. Во всех других копиях у него глаза сделаны слишком открытыми, почти выпуклыми, нос выдающимся — это неверно. У него было небольшое лицо и прекрасная, пропорциональная лицу, голова, с негустыми, кудрявыми волосами.

29

По пунктам отвечаю на твои обвинения. 1) Русский человек в дороге не переодевается и, доехав до места свинья свињьею, идет в баню, которая наша вторая мать. Ты разве не крещеная, что всего этого не знаешь? 2) В Москве письма принимаются до 12 часов — а я въехал в Тверскую заставу ровно в 11, следственно, и отложил писать к тебе до другого дня. Видишь ли, что я прав, а что ты кругом виновата? виновата 1) потому, что всякий вздор забираешь себе в голову, 2) потому, что пакет Бенкендорфа (вероятно, важный) отсылаешь, с досады на меня, бог ведает куда, 3) кокетничаешь со всем дипломатическим корпусом, да еще жалуешься на свое положение, будто бы подобное наццокинскому! Женка, женка!.. но оставим это. Ты, мне кажется, воюешь без меня дома, сменяешь людей, ломаешь кареты, сверяешь счета, доишь кормилицу. Ай-да хват баба! что хорошо, то хорошо. Здесь я не так-то деятелен. Насилу успел написать две доверенности, а денег не дождусь. Оставлю неоконченное дело на попечение Наццокину. (...) Мне без тебя так скучно, так скучно, что не знаю, куда головы преклонить. (...)

*Пушкин — Н. Н. Пушкиной.
Около (не позднее) 3 октября 1832.
Из Москвы в Петербург.*

30

К***

Нет, нет, не должен я, не смею, не могу
 Волнениям любви безумно предаваться;
 Спокойствие мое я строго берегу
 И сердцу не даю пылать и забываться;
 Нет, полно мне любить; но почему ж порой
 Не погружуся я в минутное мечтанье,
 Когда нечаянно пройдет передо мной
 Младое, чистое, небесное созданье,
 Пройдет и скроется?.. Ужель не можно мне,
 Любуясь девою в печальном сладострастье,
 Глазами следовать за ней и в тишине
 Благословлять ее на радость и на счастье,
 И сердцем ей желать все блага жизни сей,
 Веселый мир души, беспечные досуги,
 Всё — даже счастье того, кто избран ей,
 Кто милой деве даст название супруги.

1832

А. С. Пушкин

31

Доверенность М. И. Калашникову
 (30 сентября 1832 г.)
 Михайла Иванов!

Желаю я занять Императорского Воспитательного Дома в Московском Опекунском Совете надбавочные деньги по 50 руб. на душу, под залог недвижимого моего имения Нижегородской Губернии, почему и доверяю тебе исходатайствовать откуда следует по узаконенной форме описание имению моему, а потому и поручаю тебе от имени моего за твоим вместо меня рукоприкладством куда следовать будет по сему предмету подавать прошения и объявления, и где следует росписываться и по исходатайствовании оное получи и ко мне доставь, а равно и испроси от местной Гражданской Палаты того имения, чтобы она уведомила Совет, что на моем имении после дачи свидетельства никаких взысканий как по казенным, так и по частным искам не имеется, или какие есть, то показала бы, для удержания оных при займе, в чем я

тебе верю, и что ты учинишь впредь спорить и прекословить не буду Александр Сергеев сын Пушкин титулярный советник.

« » сентября 1832 года

Сия доверенность принадлежит Управляющему моему, крепостному Статской советницы Надежды Осиповны Пушкиной человеку Калашникову.

32

Описание имению чиновника 5-го класса и кавалера Сергея Львовича Пушкина просящего надбавочной ссуды на заложенные императорского воспитательно-го дома в С. Петербургском опекуновом совете по двум займам в прошлых 1827 и 1828 годах двести душ по 50 руб. на душу. Августа дня 1831-го года.

Нижегородской губернии Сергачского уезда в сельце Кистеневе Тимашеве тож мужеска пола четыреста семьдесят шесть душ — 476 душ

Земли в единственном владении по плану выданному 1805 году значится при сельце Кистеневе пахотной —	978 десятин	2212 сажен
Сенного покосу —	116 де	1600
Мелкого кустарнику между коим сенной покос —	56 де	664 са
По болоту мелкого лесу между коим сенной покос —	19 де	400 са
Лесу строевого и дровяного дубового липового и осинового —	74 де	277 саж
Под поселением гуменниками и огородами —	48 де	1200

Во владении ж оногo сельца по 2-му плану выданному того же 1805 г. значится пустошь Захарыина Кривенки тож

Пашенной земли —	56 де	843 са
Сенного покосу —	6 де	2000 са

Мелкого лесу между им сеной покос —	28 де	400 са
По болоту мелкого кустарнику между им сеной покос —	14 де	2280 са
Под дорогами полуречками и оврагами —	4 де	1769 са
<hr/>		
А всей удобной и неудобной земли	1461 де	95 са
Тягол на оброке двести двадцать	— 220 =	
Платят ежегодного десять тысяч рублей	— 10000 ру.	

Промышленность крестьян состоит в хлебопашестве, изделия рогож и торпицей чем производят немаловажный торг.

Сбыт произведений в губернском городе Нижнем и уездном городе Арзамасе и по базарам в окрестных селениях находящихся.

В дачах протекает речка Чека при которой и сельцо находится.

Озер и рыбных ловлей нет.

Господское строение

Деревянных два флигеля для вотчинного правления.

*М. И. Калашникова — Пушкину.
Январь 1833. Из Болдино в Петербург.*

РАПОРТ

(...) Александр Сергеев Пушкин из С-Петербурга прибыл ныне сюда в Москву и остановился Тверской части в доме Обера в гостинице Англия, за коим и учрежден надзор.

*Полицмейстер 1-го отделения —
обер-полицмейстеру. 10 октября 1832.*

34

РАПОРТ

Секретно

⟨...⟩ Александр Пушкин 16 числа сего месяца выехал в С-Петербург, за коим во время жительства его в Тверской части ничего предосудительного не замечено.

*Полицеймейстер I-го отделения—
обер-полицейстеру, 18 октября 1832.*

35

В АЛЬБОМ

Гонимый рока самовластьем
От пышной далеко Москвы,
Я буду вспоминать с участием
То место, где цветете вы.
Столичный шум меня тревожит;
Всегда в нем грустно я живу,
И ваша память только может
Одна напомнить мне Москву.

1832

А. С. Пушкин

36

*Контракт на наем квартиры в доме
П. А. Жадимеровского*

⟨копия⟩

⟨1 декабря 1832 г.⟩

Санкт-Петербург. Тысяча восемьсот тридцать второго года, Декабря первого дня. Я, нижеподписавшийся, титулярный советник Александр Сергеевич Пушкин, заключил сей контракт с Фридрихсгамским первостатейным купцом Петром Алексеевичем Жадимеровским в том, что нанял я, Пушкин, у него, Жадимеровского, в собственном его каменном доме, состоящем 1-й адмир. части 2-го кварт. под № 132-м, Отделение в 3-м этаже, на проспекте Гороховой улицы, состоящее из двенадцати комнат и принадлежащей кухни, и при оном службы: 1-н сарай

для экипажей, конюшня на 4 стойла, 1-н небольшой сарай для дров. 1-н ледник и чердак для вешанья белья,—от вышеписанного числа впредь на один год, т.е. по 1-е декабря 1833 года, за которой наем обязан я, Пушкин, платить ему, Жадимеровскому, по три тысячи триста рублей банковыми ассигнациями в год, платеж оных денег производить за каждые четыре м-ца по равной причитающейся сумме вперед без всякого отлагательства, а ежели я, Пушкин, в платеже наемных денег буду неисправен и по срокам не заплачу, то волен он, Жадимеровский, оные покои отдать другому, хотя бы то и с уменьшением против моей наемной цены, а я Пушкин обязан как за содержание, так и за все убытки, от сего последовать могущие, ему, Жадимеровскому, заплатить и до показанного срока от платежа отказаться не могу—также оную квартиру не передавать другому без согласия Жадимеровского.—Покои оные ныне мной приняты во всякой целости и чистоте, в 3-х комнатах стены обклеены французскими обоями, в 5-ти комнатах полы штучные, в прочих сосновые, находящиеся в комнатах печи с медными дверцами,—двери с задвижками, замками и ключами, переплеты как летние так и зимние с целыми стеклами и оные все с медными задвижками, в кухне английская плита, очаг с котлом и пирожная печь с машинкою; в срочной день сего контракта сдать мне, Пушкину, ему, Жадимеровскому, все сие во всякой целости, исправности и чистоте; а если при выезде моем, что окажется изломано, потеряно или разбито, то обязан я заплатить что стоит, или привести в прежний вид как было мною принято.—Если я Пушкин пожелаю в тех покоях сделать что за лучшее или переделать какое неподвижное украшение без повреждения дому и стен, то не иначе как на свой счет и с согласия его, Жадимеровского, а по выезде моем ничего не отнимать и не отламывать и не требовать за оное никакой платы, и все неподвижные украшения остаются в пользу Жадимеровского. От пожарного случая (от чего Боже сохрани) иметь мне, Пушкину, осторожность и смотрение, и если случится от моей или живущих у меня людей—неосторожности пожар—и от того причинится повреждение дому и стенам, то обязываюсь

за все сгоревшее и поврежденное ответствовать беспрекословно, — а ежели же оный случится от соседей или молнии, тогда я не отвечаю. — Во всех тех покоях иметь мне чистоту — помои и сор приказывать выносить на показанное дворником место — и не выливать никакой воды в нужные места, ибо от сего большой вред дому. — О прибылых ко мне для жительства и отбылых, тот самый час давать знать через записки управляющему домом, с приложением пашпортов и билетов Конторы адресов, и не держать у себя людей без тех и других видов, или без прописки оных у г. Надзирателя того квартала, а буде таковые люди окажутся у меня в жительстве, то все налагаемые Правительством штрафы, обязываюсь платить я, Пушкин, сам, не доводя хозяина ни до какой ответственности и платежа. — До срока сего контракта за три месяца должен я Пушкин, объявить ему Жадимеровскому, желаю ли я иметь квартиру впредь или нет — равно и он, Жадимеровский, должен в то же время, мне объявить намерен ли он впредь иметь меня в жильцах. — Контракт сей с обеих сторон хранить свято и ненарушимо. — Подлинный контракт получил и копию выдал — с подлинным верно: Петр Жадимеровский.

37

Сие да будет моим оправданием в неаккуратности. Приехав сюда, нашел я большие беспорядки в доме, принужден был выгонять людей, переменять поваров, наконец нанимать новую квартиру и, следственно, употреблять суммы, которые в другом случае оставались бы неприкосновенными. Надеюсь, что теперь получил ты, любезный Павел Воинович, нужные бумаги для перезалога; и что получишь ломбардные деньги беспрепятственно; в таком случае, извинив меня (как можешь) перед Федором Даниловичем, отдай ему его тысячу, а другую возьми себе, ибо, вероятно, тебе она нужна будет, остальной же долг получишь в январе — как я уже распорядился, продав Смирдину второе издание «Онегина». Sur se * поговорим о деле: честь имею тебе объявить, что первый

* За сим (фр.).

том «Островского» кончен и на днях прислан будет в Москву на твое рассмотрение и под критику г. Короткого. Я написал его в две недели, но остановился по причине жестокого рюматизма, от которого прострадал другие две недели, так что не брался за перо и не мог связать две мысли в голове. Что твои мемуары? Надеюсь, что ты их не бросишь. Пиши их в виде писем ко мне. Это будет и мне приятнее, да и тебе легче. Незаметным образом вырастет том, а там поглядишь — и другой. Мой журнал остановился, потому что долго не приходило разрешение. Нынешний год он издаваться не будет. Я и рад. К будущему успею осмотреться и приготовиться; покамест буду жаться понемногу. Мою статую еще я не продал, но продам во что бы ни стало. К лету будут у меня хлопоты. Наталья Николаевна брюхата опять, и носит довольно тяжело. Не приедешь ли ты крестить Гаврила Александровича? {...}

Пушкин — П. В. Нащокину
2 декабря 1832. Из Петербурга в Москву.

38

X

Вот почему, архивы роя,
Я разобрал в досужный час
Всю родословную героя,
О ком затеял свой рассказ...
{...}

XI

Допросом музу беспокоя,
С усмешкой скажет критик мой:
«Куда завидного героя
Избрали вы! Кто ваш герой?»
— «А что? Коллежский регистратор.
Какой вы строгий литератор!
Его пою — зачем же нет?
Он мой приятель и сосед.
Державин двух своих соседей
И смерть Меццерского воспел;

Певец Фелицы быть умел
Певцом их свадеб, их обедов
И похорон, сменивших пир,
Хоть этим не смущался мир».

XII

Заметят мне, что есть же разность
Между Державиным и мной,
Что красота и безобразность
Разделены чертой одной,
Что князь Мещерский был сенатор,
А не коллежский регистратор —
Что лучше, ежели поэт
Возьмет возвышенный предмет,
Что нет, к тому же, перевода
Прямым героям; что они
Совсем не чудо в наши дни;
Иль я не этого прихода?
Иль разве меж моих друзей
Двух, трех великих нет людей?

<...>

XV

Скажите: *экой вздор*, иль *bravo* *
Иль не скажите ничего —
Я в том стою — имел я право
Избрать соседа моего
В герои повести смиренной,
Хоть человек он не военный,
Не второклассный Дон-Жуан,
Не демон — даже не цыган,
А просто гражданин столичный,
Каких встречаем всюду тьму,
Ни по лицу, ни по уму
От нашей братьи не отличный,
Довольно смиренный и простой,
А впрочем, малый деловой.

1832

А. С. Пушкин. «Езерский».

39

ИЗ КРИТИЧЕСКИХ ОТЗЫВОВ 1832 ГОДА

I

Из читавших первые главы *Онегина*, вероятно, не многие думали так скоро увидеть конец сей повести, вызвавшей много толков, споров, осуждений и восхищений, холодных порывов, и — может быть — несколько слезок, падших украдкою. Но как бы то ни было — вот последняя глава, конец *Онегина*! Чем же кончилась эта история, сказка или роман? — спросят читатели. Чем?.. да чем обыкновенно кончится все в мире? И Бог знает! Иной живет лет восемьдесят, а жизни его было всего лет тридцать. Так и Евгений Онегин: его не убили, и сам он еще здравствовал, когда поэт задернул занавес на судьбу своего героя. В последний раз читатель видит его в спальне Татьяны, уже княгини NN, светской, высшего тона дамы, которая упрекает бывшего властителя ее сердца за прежнее и настоящее и оставляет его в раздумье, с мужем своим князем NN.

И здесь героя моего,
В минуту злую для него,
Читатель, мы теперь оставим,
Надолго... навсегда. За ним
Довольно мы путем одним
Бродили по свету. Поздравим
Друг друга с берегом. Ура!
Давно б (не правда ли?) пора!

Нет! Мы пожалели не о том, что судьба (волею поэта) так неожиданно оставила Онегина, как будто на распутии; мы пожалели об *осьмой главе*, известной публике по отрывкам. «Автор чистосердечно признается, что он выпустил из своего романа целую главу, в коей описано было путешествие Онегина по России. От него зависело означить сию выпущенную главу точками или цифром; но во избежание соблазна, решился он лучше выставить, вместо девятого нумера, осьмой над последнею главою Онегина и пожертвовать одною из окончательных строф:

Пора: перо покоя просит;
Я девять песен написал;
На берег радостный выносит
Мою ладью девятый вал.
Хвала вам, девяти Каменам, и проч.»

Так объясняется поэт в предисловии. Невольно покорствуем его воле.

Говорить о содержании сей главы нечего. Оно живо полнотою и прелестью самого рассказа, а не связывающею нитью, которая в *Онегине* так обыкновенна и проста (...)

— *Московский телеграф*, 1832, ч. 43, № 1.

II

Было время, когда каждый стих Пушкина считался драгоценным приобретением, новым перлом нашей литературы. Какой общий, почти единодушный восторг приветствовал первые свежие плоды его счастливого таланта! Какие громозвучные рукоплескания встретили *Евгения Онегина* в колыбели? Можно было по всей справедливости применить к юному поэту горделивое изречение Цезаря: *пришел, увидел, победил!* Все преклонились пред ним до земли: все единогласно поднесли ему венец поэтического бессмертия. Усомниться в преждевременном апофеозе героя считалось литературным святотатством: и несколько последних лет в истории нашей словесности по всем правам можно назвать эпохою Пушкина. Не будем оскорблять минувшее бесполезными истязаниями: что было, то было! Скажем более: имя Пушкина и без прихотливого каприза моды, коей был он любимым временщиком, имело бы все права на почетное место в нашей литературе: энтузиазм, им возбуждаемый, не был совершенно не заслуженный! Но теперь — какая удивительная перемена! Произведения Пушкина являются и проходят почти неприметно. Блистательная жизнь *Евгения Онегина*, коего каждая глава бывало считалась эпохой, оканчивается почти насильственно, перескоком через целую главу: и это не производит никакого движения, не возбуждает никакого участия.

Третья часть стихотворений Пушкина, обогащенная обширною сказкою в новом роде, которого гений его еще не испытывал, скромно, почти инкогнито, прокрадывается в газетных объявлениях, наряду с мелкою рухлядью цехового рифмоплетного рукоделья; и (о верх унижения!) между журнальными насекомыми. *Северная Пчела*, ползавшая некогда

пред любимым поэтом, чтобы поживиться от него хотя росинкой сладкого меду, теперь осмеливается жужжать ему в приветствие, что в последних стихотворениях своих *Пушкин отжил!!!*

(...) Но, не оскудевая в силах, талант Пушкина ощутительно слабеет в силе, теряет живость и энергию, выдыхается. Его блестящее воображение еще не увяло, но осыпается цветами, лишаящимися постепенно более и более своей прежней благовонной свежести. Напрасно привычным ухом вслушиваешься в знакомую мелодию его звуков: они не отзываются уже тою неподдельно-естественною, неистощимо-живою, безбоязненно-самоуверенною свободою, которая, в прежних стихотворениях его, увлекала за собой непреодолимым очарованием. Как будто резвые крылья, носившие прежде вольную фантазию поэта, опали; как будто тайный враждебный демон затянул и осадил рьяного коня его.

— *Телескоп, 1832, ч. IX, № 9*

III

Истинный подарок любителям чтения к Светлому празднику! Здесь, кроме многих стихотворений, восхищавших нас в разных альманахах и периодических изданиях, находим мы прекрасную русскую сказку: *О Царе Салтане, Царевиче Гвидоне и Прекрасной Царевне Лебеди*, рассказанную с тою свободою и прелестью стиха, с тем знанием русского сказочного типа, с тем счастливым даром применяться к вымыслам, поверьям и быту народных наших рассказов, коими читатели русские любовались в эпилоге к *Руслану и Людмиле* и во многих местах самой сей поэмы. Сказка о *Царе Салтане* и о прочих, по объему своему, могла бы сама составить особую книжку; ибо она больше любой из глав *Евгения Онегина*; и в сем отношении А. С. Пушкин, по совести сказать, подарил своих читателей. Поэт более *байронический*, то есть, менее бескорыстный, конечно, наложил бы сею сказкою новую дань на алчное любопытство публики.

В 3-й части *Стихотворений Пушкина* помещены стихотворения 1829, 1830 и 1831 годов. Сверх того 10 стихотворений, написанных автором прежде, но не

вошедших в 1-ю и 2-ю ч. Всех стихотворений числом 53. В том числе есть несколько больших (*Послание к Вельможе, Пир во время чумы, Моцарт и Сальери, Бородинская годовщина* и проч.).

— *Русский инвалид*, 1832, № 86.

40

⟨...⟩ Пушкина нигде не встретишь, как только на балах. Там он протранжирует всю жизнь свою, если только какой-нибудь случай и более необходимость не затащут его в деревню. ⟨...⟩

*Н. В. Гоголь — А. С. Данилевскому.
8 февраля 1833. Из Петербурга.*

41

⟨...⟩ Пушкин ничего не делает как утром перебирает в гадком сундуке своем старые к себе письма, а вечером возит жену свою по балам не столько для ее потехи, сколько для собственной.⟨...⟩

*П. А. Плетнев — В. А. Жуковскому.
17 февраля 1833. Из Петербурга.*

42

⟨...⟩ Жизнь моя в Петербурге ни то ни сё. Заботы о жизни мешают мне скучать. Но нет у меня досуга, вольной холостой жизни, необходимой для писателя. Кружусь в свете, жена моя в большой моде — всё это требует денег, деньги достаются мне через труды, а труды требуют уединения.

Вот как располагаю я моим будущим. Летом, после родов жены, отправляю ее в калужскую деревню к сестрам, а сам съезжу в Нижний да, может быть, в Астрахань. Мимоездом увидимся и наговоримся досыта. Путешествие нужно мне нравственно и физически.

*Пушкин — П. В. Нащокину.
Около (не позднее) 25 февраля 1833.
Из Петербурга в Москву.*

43

Милостивый государь граф Александр Иванович,

Приношу Вашему сиятельству искреннейшую благодарность за внимание, оказанное к моей просьбе.

Следующие документы, касающиеся истории графа Суворова, должны находиться в архивах главного штаба:

- 1) Следственное дело о Пугачеве
- 2) Донесения графа Суворова во время кампании 1794 года
- 3) Донесения его 1799 года
- 4) Приказы его к войскам.

Буду ожидать от Вашего сиятельства позволения пользоваться сими драгоценными материалами. (...)

*Пушкин — А. И. Чернышеву.
9 февраля 1833. Петербург.*

44

Военный министр, препровождая при сем к Александру Сергеевичу Пушкину три книги, заключающие в себе сведения, касающиеся до истории графа Суворова Рымникского, имеет честь уведомить его, что следственного дела о Пугачеве, равно как донесений графа Суворова 1794 и 1799 годов и приказов его войскам, не находится в Санкт-Петербургском архиве Инспекторского департамента; о выправке же по сему предмету в Московском отделении архива сделано надлежащее распоряжение. Военный министр покорнейше просит Александра Сергеевича, по миновании надобности в препровождаемых при сем книгах, возвратить оные.

*А. И. Чернышев — Пушкину.
25 февраля 1833. Петербург.*

45

Милостивый государь граф Александр Иванович,

Доставленные мне по приказанию Вашего сиятельства из Московского отделения Инспекторского архива книги получить имел я честь. Принося Вашему

сиятельству глубочайшую мою благодарность, осмеливаюсь беспокоить Вас еще одною просьбою; благосклонность и просвещенная снисходительность Вашего сиятельства совсем избаловали меня.

В бумагах касательно Пугачева, полученных мною пред сим, известия о нем доведены токмо до назначения генерала-аншефа Бибикова, но донесений сего генерала в военную коллегия, так же как и рапортов князя Голицына, Михельсона и самого Суворова — тут не находится. Если угодно будет Вашему сиятельству оные донесения и рапорты (с января 1774 по конец того же года) приказать мне доставить, то почту сие за истинное благодеяние. (...)

*Пушкин — А. И. Чернышеву.
8 марта 1833. Петербург.*

46

(...) Пушкин уже почти кончил «Историю Пугачева». Это будет единственное у нас в этом роде сочинение. Замечательна очень вся жизнь Пугачева. Интересу пропасть! Совершенный роман! (...)

*Н. В. Гоголь — М. П. Погодину.
8 мая 1833. Из Петербурга в Москву.*

47

Простите, тысячу раз простите, милая Прасковья Александровна, что я не сразу поблагодарил вас за ваше любезное письмо и за его прелестную виньетку. Мне мешали всевозможные заботы. Не знаю, когда буду иметь счастье явиться в Тригорское, но мне до смерти этого хочется. Петербург совершенно не по мне, ни мои вкусы, ни мои средства не могут к нему приспособиться. Но придется потерпеть года два или три. Жена моя передает вам и Анне Николаевне тысячу приветствий. Моя дочь в течение последних пяти-шести дней заставила нас поволноваться. Думаю, что у нее режутся зубы. У нее до сих пор нет ни одного. Хоть и стараешься успокоить себя мыслью, что все это претерпели, но созданыица эти так хрупки,

что невозможно без содрогания смотреть на их страдания. Родители мои только что приехали из Москвы. Они собираются к июлю быть в Михайловском. Мне очень хотелось бы поехать вместе с ними. (фр.)

*Пушкин — П. А. Осиповой.
Около (не позднее) 15 мая 1833.
Из Петербурга во Псков.*

48

Милостивый государь Иван Иванович,

Имея всегда счастье пользоваться благосклонностию Вашего превосходительства, осмеливаюсь ныне обратиться к Вам со всепокорнейшею просьбою... Случай доставил в мои руки некоторые важные бумаги, касающиеся Пугачева (собственные письма Екатерины, Бибикова, Румянцева, Панина, Державина и других). Я привел их в порядок и надеюсь их издать. В «Исторических записках» (которые дай бог нам прочесть как можно позже) Вы говорите о Пугачеве — и, как очевидец, описали его смерть. Могу ли надеяться, что Вы, милостивый государь, не откажетесь занять место между знаменитыми людьми, коих имена и свидетельства дадут цену моему труду, и позволите поместить собственные Ваши строки в одном из любопытнейших эпизодов царствования Великой Екатерины?

С глубочайшим почтением и совершенной преданностию честь имею быть, милостивый государь,
Вашего высокопревосходительства
покорнейший слуга

*Пушкин — И. И. Дмитриеву.
Конец мая — начало июня 1833.
Из Петербурга в Москву.*

49

(...) Так как Вы глава семейства, в которое я имел счастье войти, и являетесь для нас настоящим добрым братом, я решаюсь надоедать Вам, чтобы поговорить

о моих делах. Семья моя увеличивается, мои занятия вынуждают меня жить в Петербурге, расходы идут своим чередом, и так как я не считал возможным ограничить их в первый год своей женитьбы, долги также увеличились. Я знаю, что в настоящее время Вы не можете ничего сделать для нас, имея на руках сильно расстроенное состояние, долги и поддерживая семейство, но если бы Наталья Ивановна была так добра сделать что-либо для Наташи, как бы мало то ни было, это было бы для нас большой помощью. Вам известно, что, зная о ее постоянно стесненных обстоятельствах, я никогда не докучал ей просьбами, но необходимость и даже долг меня к тому вынуждают, так как, конечно, это не для себя, а только для Наташи и наших детей я думаю о будущем. Я не богат, а мои теперешние занятия мешают мне посвятить себя литературным трудам, которые давали мне средства к жизни. Если я умру, моя жена окажется на улице, а дети в нищете. Все это печально и приводит меня в уныние. Вы знаете, что Наташа должна была получить 300 душ от своего деда; Наталья Ивановна мне сказала сначала, что она дает ей 200. Ваш дед не смог этого сделать, да я даже и не рассчитывал на это; Наталья Ивановна опасалась, как бы я не продал землю и не дал ей неприятного соседа; этого легко можно было бы избежать, достаточно было бы включить оговорку в дарственную, по которой Наташа не имела бы права продать землю. Мне чрезвычайно неприятно поднимать этот разговор, так как я же ведь не скряга и не ростовщик, хотя меня в этом и упрекали, но что поделаешь? Если Вы полагаете, что в этом письме нет ничего такого, что могло бы огорчить Наталью Ивановну, покажите его ей, в противном случае поговорите с ней об этом, но оставьте разговор, как только Вы увидите, что он ей неприятен. (фр.)

*Пушкин — Д. Н. Гончарову.
Первая половина (не позднее 6 июля) 1833.
Из Петербурга в Полотняный завод.*

Милостивый государь Григорий Иванович,

Осмеливаюсь обратиться к Вам с покорнейшею просьбою. Мне сказывали, что у Вас находится любо-

пытная рукопись Рычкова, касающаяся времен Пугачева. Вы оказали бы мне истинное благодеяние, если б позволили пользоваться несколько дней сею драгоценностию. Будьте уверены, что я возвращу Вам ее в всей исправности и при первом Вашем востребовании. (...)

*Пушкин — Г. И. Спасскому.
Между 14 и 23 июля 1833. В Петербурге.*

51

Генерал,

Обстоятельства принуждают меня вскоре уехать на 2—3 месяца в мое нижегородское имение — мне хотелось бы воспользоваться этим и съездить в Оренбург и Казань, которых я еще не видел. Прошу его величество позволить мне ознакомиться с архивами этих двух губерний. (фр.)

*Пушкин — А. Х. Бенкендорфу.
22 июля 1833. В Петербурге. (Черновое)*

52

Милостивый государь, Александр Сергеевич!

Г. генерал-адъютант граф Бенкендорф письмо Ваше от 22 сего июля имел счастье представлять государю императору.

Его величество, соизволяя на поездку Вашу в Дерпт для посещения г-жи Карамзиной, изъявил высочайшую свою волю знать, что побуждает Вас к поездке в Оренбург и Казань, и по какой причине хотите Вы оставить занятия, здесь на Вас возложенные?

Сообщая Вам, за отсутствием генерал-адъютанта графа Бенкендорфа, сию высочайшую государя императора волю, я покорнейше прошу Вас, милостивый государь, доставить мне отзыв Ваш, для доведения до сведения его величества. (...)

*А. Н. Мордвинов — Пушкину.
29 июля 1833. Петербург.*

53

Милостивый государь Александр Николаевич,

Спешу ответить со всею искренностью на вопросы Вашего превосходительства.

В продолжение двух последних лет занимался я одними историческими изысканиями, не написав ни одной строчки чисто литературной. Мне необходимо месяца два провести в совершенном уединении, дабы отдохнуть от важнейших занятий и кончить книгу, давно мною начатую и которая доставит мне деньги, в коих имею нужду. Мне самому совестно тратить время на суетные занятия, но что делать? они одни доставляют мне независимость и способ прожить с моим семейством в Петербурге, где труды мои, благодаря государя, имеют цель более важную и полезную.

Кроме жалования, определенного мне щедростию его величества, нет у меня постоянного дохода; между тем жизнь в столице дорога и с умножением моего семейства умножаются и расходы.

Может быть, государю угодно знать, какую именно книгу хочу я дописать в деревне: это роман, коего большая часть действия происходит в Оренбурге и Казани, и вот почему хотелось бы мне посетить обе сии губернии.

*Пушкин — А. Н. Мордвинову.
30 июля 1833. Петербург.*

54

Милостивый государь, Александр Сергеевич!

Г. генерал-адъютант граф Бенкендорф поручил мне Вас, милостивый государь, уведомить, что его императорское величество дозволяет Вам, согласно изъявленному Вами желанию, ехать в Оренбург и Казань, на четыре месяца.

*А. Н. Мордвинов — Пушкину.
7 августа 1833. Петербург.*

55

В Департамент хозяйственных и счетных дел.
От состоящего в ведомстве Министерства
иностранных дел титулярного советника Пушкина

ПРОШЕНИЕ

Его сиятельство г. генерал-адъютант граф Бенкендорф уведомил меня через г. действительного статского советника Мордвинова, что его императорскому величеству угодно было изъявить свое высочайшее соизволение на увольнение меня в отпуск на четыре месяца в губернии Казанскую и Оренбургскую. Вследствие сего покорнейше прошу Департамент хозяйственных и счетных дел учинить во исполнение таковой монаршей воли распоряжение о снабжении меня надлежащим для сего свидетельством. Письмо же г. действительного статского советника Мордвинова при сем имею честь представить.

11 августа 1833 года.

*Титулярный советник
Александр Пушкин.*

Глава четырнадцатая

1833

Давно, когда я в первый раз
Услышал грустное преданье,
Тогда же дал я обещанье
Стихам поверить свой рассказ.

1833

И, обращен к нему спиною,
В неколебимой вышине,
Над возмущенною Невою
Стоит с простертою рукою
Кумир на бронзовом коне.

1833

1833 год был во многих губерниях России голодным годом. Более всего пострадали центр и юг, но и Поволжье, и районы Урала, которые проехал Пушкин, были беспокойны: засуха уничтожила урожай. 1 ноября 1833 г. Вяземский сообщал А. И. Тургеневу о «печальных известиях из южных губерний о неурожае и недостатке хлеба (...) неурожаем не частный, а захватил всю полосу хлебородную». Даже в записках Бенкендорфа остался след общего ужаса, вызванного голодом 1833 г.: «Империя почти на всем ее пространстве была постигнута неурожаем, а в некоторых губерниях земля не дала ровно ничего. Травы погорели, хлеб не уродился, огороды стояли пустые и даже картофель весь погиб (...) Везде сельское население было доведено до крайности, и жителям многих местностей грозили все ужасы голодной смерти». Много верст в то лето и осень Пушкин исколесил по России, повсюду видя народные страдания. Рядом с этой бедой петербургские увеселения показались ему отвратительными, а вся светская суэта столицы — очередным пиром во время чумы. Добравшись до Болдина, Пушкин воочию убедился в истинности бедствия. «Очень многие крестьяне не имеют ни зерна хлеба», — доносил управляющий. Запасы на зиму были

сделаны из расчета примерно по 5 кг зерна в месяц на человека. Но это в среднем, а практически 40 семей в Болдине уже к январю не имели запасов вовсе; 20 из них были на пороге голодной смерти, не имея ни хлеба, ни скота. Только 16 из 152 семейств рассчитывали перезимовать благополучно. Кажется, впервые Пушкин увидел крестьянский голод так близко. Начатая им в конце 1833 г., продолженная в 1834 г. и законченная, видимо, в 1835 г. статья «Путешествие из Москвы в Петербург» во многом посвящена именно крестьянскому вопросу — «вослед Радищеву». Болдинские наблюдения сыграли при этом не последнюю роль.

В Болдине он пробыл месяц всего, но переполненный замыслами, обогащенный впечатлениями путешествия, отвлеченный от петербургских мелочей смог творить столь же непостижимо глубоко и скоро, как в 1830 г.

Дотошные исследователи подсчитали, что за свою жизнь Пушкин в общей сложности проехал 34750 километров — это больше всех переходов великого путешественника Н. М. Пржевальского! Черновик французского письма к Бенкендорфу от 22 июля 1833 г. (гл. XIII, № 51) настолько неразборчив, что не до конца ясно, на какой срок просил Пушкин отпуск — 2—3 или 4 месяца и какой маршрут первоначально намечал: Оренбург — Пермь или, как принято считать, Оренбург — Казань. Специально исследовавший это письмо современный автор А. Никитин приходит к выводу, что Пушкин просил разрешения отлучиться из Петербурга на 4 месяца, что, кстати, подтверждается и отпускным свидетельством (№ 1). Что касается маршрута, то в планах Пушкина он, скорее всего, менялся. Сперва поэт действительно собирался совершить более длительную поездку, включавшую и Пермь, но стремление скорее добраться до Болдина — засесть за работу, в конце концов победило, и в Пермь Пушкин не попал. Но само путешествие было нужно ему, как воздух. «Я посетил места, — объяснял он впоследствии, — где произошли главные события эпохи, мною описанной, поверяя мертвые документы словами еще живых, но уже престарелых очевидцев и вновь поверяя их дряхлеющую память историческою критикою».

18 августа 1833 г. Пушкин выехал из Петербурга (с дачи на Черной речке) вместе с другом своим

С. А. Соболевским, незадолго перед тем вернувшимся из-за границы и бывшим потому особенно желанным собеседником. Из Торжка, 20 числа, Пушкин написал первое письмо к жене (№ 2), ставшее началом своего рода дневника его путешествия и последующей второй болдинской осени. Когда выезжали из города, казалось, что повторится ужасное, гибельное наводнение 1824 г., которое ссыльному Пушкину хоть и не довелось видеть, но столько запало в память рассказов об этом событии, что им еще предстояло отразиться в творчестве. В «Медном всаднике», конечно, речь о 1824 годе, но и собственные впечатления от несостоявшегося наводнения 17—18 августа 1833 г. тоже оказались «освоенными» (№ 3). Через несколько часов после выезда Пушкина и Соболевского из города ветер переменялся и вода быстро спала. В письме Вяземского Тургеневу (конец августа) описание начинавшегося разгула стихии несколько напоминает строки пушкинской поэмы: «Ну, начиналась потеха 17-го числа. Бешеная Нева, пена у рта, корячилась, вскакивала на дыбы, лягала, кусала берега, ржала, редела, коробила мосты, сбивала барки с ног...» Как ни образно это описание, пушкинское лучше.

Из Торжка Пушкин 20 августа, расставшись с Соболевским, свернул с прямого пути в Москву, намереваясь посетить тещу в ее имении Ярополец Волоколамского уезда Московской губернии. Но, поразмыслив, сделал еще небольшой крюк: заехал к давним друзьям Вульфам в Павловское Старицкого уезда Тверской губернии. 23-го он был в Яропольце. Наталья Ивановна приняла его по-родственному, позволила порыться в остатках старинной библиотеки и отобрать около 30 нужных книг; она обещала отправить их с обозом в Петербург при первой возможности. Разговоры шли все больше о Наташе и о детях, Пушкин обещал, что на будущий год они навещат бабушку, и сдержал слово. Погостив всего сутки, 24-го отправился в Москву, куда и прибыл 25-го в полдень.

В Москве на этот раз Александр Сергеевич пробыл всего пять дней, остановившись в фамильном доме Гончаровых на Большой Никитской. Встречался с друзьями — Нащокиным, Киреевскими, Соболевским, Н. Н. Раевским. После прощального обеда у Нащокина 29 августа Пушкин покати́л к Нижнему Новгороду.

2 сентября он провел в этом городе, посетив губернатора М. П. Бутурлина, который принял его весьма дружески, как дорогого гостя. Велико было удивление Пушкина, когда позже приятель его, оренбургский военный губернатор В. А. Перовский познакомил поэта с таким письменным предупреждением, полученным из Нижнего Новгорода: «У нас недавно проезжал Пушкин. Я, зная, кто он, обласкал его, но, должно признаться, никак не верю, чтобы он разъезжал за документами об Пугачевском бунте; должно быть, ему дано тайное поручение собирать сведения о неисправностях. Вы знаете мое к вам расположение; я почел долгом вам посоветовать, чтобы вы были осторожнее и проч.». Ситуация, как сразу заметит читатель, несколько напоминает гоголевского «Ревизора». Но в том-то и дело, что «Ревизор» тогда еще не существовал, и тут обратная связь: рассказы Пушкина о собственном смешном опыте навели Гоголя на мысль о комедии. Правда, существуют и другие версии: Пушкин мог знать об иных случаях, когда ничего не подозревавшего путешественника принимали за важную птицу. Как бы то ни было, сюжетом «Ревизора» Гоголь обязан Пушкину.

Между прочим, недели через две после отъезда Пушкина Бутурлин получил предписание об установлении за ним секретного надзора и понял, как нелепо он обманулся, приняв поднадзорного поэта за важного чиновника.

5 сентября Пушкин приехал в Казань — первый пункт на его пути, где жива была память о Пугачеве. Правда, еще прежде, в Васильсурске, он записал от нищенки местное предание о Пугачеве, которое использовал в VII гл. «Истории...». Вблизи Чебоксар рассказали ему про двух барышень, спрятавшихся в копне сена, обнаруженных и казненных пугачевцами. Под Казанью осмотрел Арское поле — лагерь Пугачева в нескольких верстах от города, потолковал с участниками событий, которых ему смогли указать. В бумагах Пушкина сохранился листок, который принято называть «казанские записи». Некий Бабин, мальчиком бывший под Казанью во времена Пугачева, вспомнил, например, такую сцену: «Народ, пригнанный в лагерь Пугачева, поставлен был на карачки перед пушками, бабы и дети подняли вой. Им объяви-

ли прощение государево. Все закричали ура! — и кинулись к его ставке. Потом спрашивали: кто хочет в службу к государю Петру Федоровичу. Охотников нашлось множество». Другой казанский старожил, купец Крупеников, которого Пушкин расспрашивал полтора часа, рассказал, как довелось ему быть в плену у Пугачева. «Народ, — записал Пушкин, — возвратясь из плена, нашел все вверх дном. Кто был богат, очутился нищим, кто был скуден, разбогател». Все эти заметки на листках и в дорожной записной книжке, равно как и «зарубки в памяти», пригодились потом не только в «Истории...», но и в «Капитанской дочке».

Радость доставила ему нежданная встреча в Казани с Е. А. Баратынским, остановившимся там по дороге в имение тестя. Случайная встреча двух друзей-поэтов в Казани породила даже слухи о каком-то их совместном начинании. Денис Давыдов писал Н. М. Языкову: «Кстати о Пушкине; знаете ли, что я слышал от людей, получивших письма из Казани? В Казани были Пушкин и Баратынский, отыскивающие сведения о Пугачеве. Из этого я заключаю, что они в союзе для сочинения какого-нибудь романа, в котором будет действовать Пугачев. Итак вот решение загадки появления Пушкина в нашей и Оренбургской губернии» *. Пугачевым Баратынский не занимался, но их видели вместе в литературном салоне Фуксов (№ 11), хорошо известном в Казани, а слухи довершили остальное. Александра Андреевна Фукс (урожденная Апехтина), жена казанского профессора-медика, была женщина незаурядная, писала стихи. Современник вспоминал: «Брак знаменитого ученого с умною и поэтической А. А. Апехтиной составил эпоху в истории Казани: в доме Фуксов образовался литературный салон, который держался четверть века — беспримерное явление в истории русских провинций (...), собиралась вся тогдашняя казанская интеллигенция и происходили литературные вечера, правильно организованные». Пушкин оценил по достоинству это редкостное в русской провинции явление и подружился с г-жой Фукс: вступил с нею в переписку, послал ей экземпляр «Истории Пугачевского бунта» и пригласил

* Д. В. Давыдов жил в Сызранском уезде Казанской губернии.

участвовать в «Современнике». Пробыв в Казани всего трое суток, Пушкин успел здесь и поработать: набросал отрывок 7-й главы «Истории...», где рассказывается как раз об Арском поле и казанских делах народного вождя.

10 сентября Пушкин был уже в Симбирске. Отсюда он съездил в деревню Языково к старым друзьям, но не застал их и возвратился в город. Губернатором симбирским был тогда А. М. Загряжский, будущий тесть брата Пушкина Льва. Губернатор пригласил поэта к себе в дом. Об этом сохранились воспоминания одной из тогдашних симбирских барышень: «Однажды осенью во время урока танцев по зале пронесся слух, что приехал сочинитель А. С. Пушкин; мы все заволновались от ожидания увидеть его, и вдруг входит в залу господин небольшого роста, в черном фраке, курчавый, шатен, с бледным или скорее мулатским рябоватым лицом: мне тогда он показался очень некрасивым (...). Мы все уже сидели по стульям и при его общем нам поклоне сделали ему реверанс; через несколько минут мы все с ним познакомились и стали просить его танцевать с нами; он немедленно же согласился, подошел к окну, вынул из бокового кармана пистолет и, положив его на подоконник, протанцевал с каждой из нас по несколько туров вальса (...). Пушкин, как говорили тогда, приезжал в Симбирск за разысканием материалов для своей истории пугачевского бунта и, конечно, к своему удовольствию мог их найти немало, потому что и я помню в Симбирске еще живых свидетелей этого бунта: в самом Симбирске жил 80—83-летний маленький невзрачный старичок Шувалов... Мы, бывало, усадемся на скамеечке у его ног и слушаем его рассказы про старое время, про Пугачева, у которого он был фореитором. Шувалов удостоился такой чести, вместо того, чтобы быть убитым с прочими помещиками, за то только, что «показался Пугачеву чересчур плюгавым». Шувалову тогда было всего шестнадцать лет от роду. К этому-то пугачевскому фореитору, как я тогда слышала, сделал свой визит Пушкин, очевидно желая послушать его рассказы о Пугачеве».

Покинув Симбирск 15 сентября и записав по дороге рассказ встретившегося ему мордвина, Пушкин добрался до Оренбурга к 18-му. За эти три дня путь его лежал по Оренбуржью через старые крепости на

почтовом тракте, известные в истории пугачевского восстания. Скорее всего именно тогда посетил он Татищеву крепость, которую потом узнали читатели «Капитанской дочки» под именем Белогорской. В Оренбурге Пушкин пробыл всего три дня, но увидел немало. Об этом подробнее всех рассказывает В. И. Даль (№ 17). В других мемуарах сохранились некоторые дополнительные сведения об оренбургских днях и посещении Берды. Например, такой рассказ местной жительницы: «В каком году приезжал Пушкин я не помню, знаю только, что день выдался теплый и ясный. Двое каких-то господ, одетых в штатское платье, шли по улице (...), а у дома (...) сидела наша бердская казачка Бунтова. Я была тут же около старушки Бунтовой, которой было лет за шестьдесят и которая оставалась по дому нянчить детей. Штатские подошли к старушке, и, вероятно, увидав, что она очень древняя, один из них, курчавый, спросил Бунтову, не знает ли она что-нибудь про Пугачева. Старушка ответила, что все знает и даже песню, что про него сложена. Господа попросили ее спеть. Бунтова спела им одну песню». В старинном казачьем селении Бердской слободе, которую Пушкин назвал «мятежной», он был 19 сентября.

Сохранился в записи и рассказ самой Бунтовой об этом событии: «А бабы как было меня напугали. Много их набежало, когда тот барин меня расспрашивал, и песни я ему пела про Пугача. Показал он патрет: красавица такая написана, «вот,— говорит,— она станет твои песни петь». Только он со двора, бабы все так на меня и накинулись. Кто говорит, что его подослали, что меня в тюрьму засадят за мою болтовню; кто говорит: «Антихриста видела, когда-то у него какие. Да и в Писании сказано, что антихрист будет любить старух, заставляя их песни петь и деньгами станет дарить». Слегла я со страху, велела телегу заложить, везти меня в Оренбург к начальству. Там и говорю: «Смилуйтесь, защитите, коли я чего наплела на свою голову; захворала я с думы». Те смеются. «Не бойся,— говорят,— это ему сам государь позволил о Пугачеве везде расспрашивать». Песня, записанная поэтом от Бунтовой, по-видимому, вот эта:

Из Гурьева городка
Протекла кровью река,
Из крепости Озерной

На подмогу Рассыпной
Выслан капитан Сурин
Со командою один,
Он нечаяно в крепость въехал,
Начальников перевешал,
Атаманов до пяти,
Рядовых сот до шести.

В основном тексте гл. 2 «Истории...» Пушкин пишет, что в конце сентября 1773 г. «из Рассыпной Пугачев пошел на Нижнеозерную. На дороге встретил он капитана Сурина (...) Пугачев его повесил, а рота пристала к мятежникам». Другую знаменитую «разбойничью» песню «Не шуми, мати, зеленая дубровушка» поют пугачевцы в «Капитанской дочке». Гринев был потрясен их пением: «невозможно рассказать, какое действие произвела на меня эта простонародная песня про виселицу, распеваемая людьми, обреченными виселице. Их грозные лица, стройные голоса, унылое выражение, которое придавали они словам и без того выразительным,— все потрясло меня каким-то притическим ужасом». Ни одна запись, ни одно услышанное слово или выясненная подробность не пропадали даром для Пушкина-историка. Ну, а пушкинскую оценку встречи со старой казачкой читатель найдет в письмах (№ 19). Показывал ли он ей портрет жены или это «позднейшее наслоение», сказать невозможно. В. А. Нащокина вспоминала о редкой способности Пушкина на равных разговаривать с крестьянами. «Пушкин в путешествии,— рассказывала Нащокина,— никогда не дожидался на станции, пока заложат ему лошадей, а шел по дороге вперед и не пропускал ни одного встречного, мужика или бабы, чтобы не потолковать с ними о хозяйстве, о семье, о нуждах, особенно же любил вмешиваться в разговоры рабочих артелей. Народный язык он знал в совершенстве и чрезвычайно скоро умел располагать к себе крестьянскую серую толпу настолько, что мужики совершенно свободно говорили с ним обо всем». В поездке по пугачевским местам эта черта Пушкина проявилась как никогда: в Татищевой крепости записывал он рассказы некоей Матрены (82 года), в Сорочинской—Папкова (86 лет), в Берде—Бунтовой (73 года), в Озерной—Киселева (65 лет).

Как справедливо замечает исследовавший эту тему Н. В. Измайлов, условия собирания материала для

Пушкина сложились трудные — ведь о Пугачеве говорить боялись, у себя в избах имя его (часто по-старому: «государь Петр Федорович») произносили шепотом. В самом факте, что были «под Пугачевым», ощущали некую вину. Недаром Бунтова, когда спросил ее Пушкин: «Знала ли Пугачева?», ответила в испуге: «Знала, батюшка, бес попутал!» Боялись даже имя его произнести, а тут рассказывай заезжему барину! В конце 4-й главы «Истории...» автор сам подчеркнул эту ситуацию: «Доньне престарелые свидетели тогдашнего смятения неохотно отвечают на вопросы любопытных». И все же говорили, не чурались Пушкина. Значит, он умел завоевывать доверие.

Многое, что по тем или иным причинам не уместилось в «Историю...», вошло потом в «Капитанскую дочку». В. И. Даль рассказывает, как Пушкина водили осматривать «золотой дворец» Пугачева. В гл. XI «Капитанской дочки» читаем: «Нас привели прямо к избе, стоявшей на углу перекрестка. У ворот стояло несколько винных бочек и две пушки(...) Я вошел в избу, или во дворец, как называли ее мужики. Она освещена была двумя сальными свечами, а стены оклеены были золотою бумагою; впрочем, лавки, стол, рукомойник на веревочке, полотенце на гвозде, ухват в углу и широкий шесток, уставленный горшками, — все было как в обыкновенной избе». Это живое впечатление. Равно, как и многое другое в повести, включая название крепости Белогорской, которое придумано не «просто так», а восходит к меловым горам, виденным Пушкиным на берегу Урала. Из Оренбурга Пушкин съездил еще за 300 верст «большой Уральской дорогой» в Уральск, где продолжал свои расспросы, порой с удивлением убеждаясь, что не только память о Пугачеве сохранилась, но и любовь к народному вождю. «В Уральске жива еще старая казачка, носившая черевики его работы», — пишет Пушкин. На вопрос приезжего: «Каков был Пугачев?», она ответила: «Грех сказать... на него мы не жалуемся; он нам зла не сделал».

23 сентября Пушкин выехал из Уральска. Он уже давно покинул пугачевские места, когда В. А. Перовский получил по инстанциям очередную бумагу о секретном надзоре «за образом жизни и поведением» Пушкина (№ 18). Резолюция В. А. Перовского на этом

документе: «Отвечать, что сие отношение получено через месяц по отбытии г. Пушкина отсюда, а потому хотя во время кратковременного его в Оренбурге пребывания и не было за ним полицейского надзора, но, как он останавливался в моем доме, то я тем лучше могу удостоверить, что поездка его в Оренбургский край не имела другого предмета, кроме нужных ему исторических изысканий». 29-го еще раз заехал в Языково близ Симбирска, где на этот раз нашел в сборе все семейство, 30-го выехал в Болдино. Не доезжая верст двенадцать до Болдина, он встретил на почтовой станции своего кавказского знакомого К. И. Севостьянова. Тот позднее вспоминал, как Пушкин «рассказал свежие впечатления о путешествии своем по Оренбургской губернии, только что возвратившись оттуда, где он собирал исторические памятники, устные рассказы многих свидетелей того времени, стариков и старух, о Пугачеве. Доверие, произведенное к себе этим историческим злодеем во многих невеждах, говорил Пушкин, до такой степени было сильно, что некоторые самовидцы говорили ему с полным убеждением, что Пугачев был не бродяга, а законный царь Петр Ш и что он только напрасно потерпел наказание от злобы и зависти людей. Пушкин в эти часы был чрезвычайно любезен, говорлив и весел». Оставив в стороне собственные убеждения мемуариста, прислушаемся к его словам о настроении Пушкина... 1-го октября он был уже «в своей избе». Короткая, без долгих остановок поездка эта дала необычайно многое — она подготовила «второе Болдино».

* * *

Бытовой дневник болдинского октября — в письмах поэта к жене (№ 19, 21—25). К нему можно только добавить, что Пушкин мечтал о воссоединении всех частей Болдина и вел переговоры с наследниками дядюшки Василия Львовича о покупке их доли имения — но безрезультатно. Что касается дневника творческого, то над его воссозданием бьются пушкинисты много десятилетий. Предварительные итоги их трудов выглядят примерно так.

Первые числа октября. Стихотворение «Он между нами жил...» (о Мицкевиче).

2 октября — начал приводить в порядок «Историю Пугачева», пополняя петербургский черновик материалами, добытыми в поездке.

4 октября — вторая черновая редакция 1-й главы.

6 октября. Черновик «Медного всадника».

14 октября. Черновик «Сказки о рыбаке и рыбке».

19 октября. V строфа «Осени» (все стихотворение закончено к концу октября. № 20).

26—27 октября. Кончена поэма «Анджело», начатая еще в феврале в Петербурге.

28 октября. Переводы баллад Мицкевича «Будрыс и его сыновья», «Воевода».

29 октября. Беловик вступления к «Медному всаднику».

30 октября. Беловик 1-й части «Медного всадника».

31 октября, 5 час. 5 мин. — закончена вторая часть «Медного всадника».

4 ноября — «Сказка о мертвой царевне».

Кроме того, в Болдине осенью 1833 г. написаны: «Французских рифмачей суровый судья...» (№ 34) — на традиционную для Пушкина тему о непонимании толпой поэта, о литераторах истинных и бездарных; народное поминание «Сват Иван, как пить мы станем»; стихотворение «Чу, пушки грянули! крылатых кораблей...». Если к этому добавить наброски «Пиковой дамы», задуманной еще в 1832 г. и, вероятнее всего, продолженной в Болдине, то останется лишь руками развести: откуда взялись толки об «оскудении» таланта Пушкина, о том, что у него будто бы «все в прошлом»? Впрочем, толки-то, понятно, откуда — многое ведь не доходило до печати; и мы, потомки, знаем теперь о Пушкине 1830-х годов несравненно больше, чем знали современники. Уже один «Медный всадник» — создание потрясающей, неисчерпаемой глубины и дивной поэтической силы — говорит о созревшем таланте, а не об упадке поэтических сил. Конечно, болдинская осень 1833 г. — это итог, но отнюдь не неутешительный, как иногда пишут. Это было исполнение замыслов, в том числе давних — «Медный всадник» восходит к 1824 и к 1828 гг. (рассказ Виельгорского, составивший фабулу поэмы), а импульсы 1833-го — полученная из Парижа

книга Мицкевича, виденное в Петербурге наводнение — лишь придали более точное направление давним мыслям. Это был итог непрерывных размышлений на сложнейшую тему *личность и история*, всегда волновавшую Пушкина. Да и собственная жизнь его вовсе не пришла еще к итогу, который можно назвать неутешительным. Скорее, напротив, — только-только образовавшийся Дом, его ждали двое детей; кончен был и полностью издан «Онегин»; напечатан наконец-то любимейший «Борис Годунов»; вышли книги стихов и прозы. Тревога о будущем, материальные невзгоды, никогда не утихавшая боль за друзей-декабристов, за всю Россию, которую только что видел как бы изнутри, — все это было, безусловно, но и надежды, и планы, и мечты... Огромный запас бодрости и оптимизма не был исчерпан не только к концу 1833-го, но даже и к концу 1836-го!

* * *

Перед отъездом Пушкина из Болдина уездный исправник доносил нижегородскому губернатору: «Означенный г. Пушкин жительство имеет в Лукояновском уезде в селе Болдине. Во время проживания его, как известно мне, занимался только одним сочинением, ни к кому из соседей не ездил и к себе никого не принимал». В Москве он пробыл на сей раз несколько дней, общался более всего с Нащокиным. Литератор М. А. Максимович с огорчением писал Вяземскому: «В проезд Пушкина, кажется, Нащокин был его монополистом; ибо никто из пишущей братии не поживился им и его уральским златом. Сделайте милость, нельзя ли достать хоть обломки от его самородков или песчинок несколько, хоть под предлогом таможенной пошлины» *. Есть и еще одно свидетельство о скоропалительном проезде через Москву в ноябре 1833 (И. В. Киреевский — Н. М. Языкову): «Когда он проезжал через Москву, его никто почти не видал. Он пробыл здесь только три дня и никуда не показывался, потому что ехал с бородой, в которой ему хотелось показаться жене. Уральских песен, обещанных перед отъездом туда, он, кажется, ни

* Т. е. за проезд через Москву.

одной не привез, по крайней мере мне не посылал. В Петербурге ждали его с «осенним урожаем». 1-го ноября Вяземский писал Тургеневу: «Пушкина еще нет, он кочует в Оренбургских степях и будет сюда к концу месяца и надеюсь привезет гостинца, потому что теперь именно его рабочая пора». И чуть позднее: «Пушкин привез с собою несколько тысяч новых стихов и поделился с нами своею странническою котомкою».

Он приехал домой 20 ноября. Сохранился заслуживающий доверия рассказ В. А. Нащокиной о вечере его приезда: «Пушкин не застал жену дома. Она была на балу у Карамзиных. Ему хотелось видеть ее возможно скорее и своим неожиданным появлением сделать ей сюрприз. Он едет к квартире Карамзиных, отыскивает карету Натальи Николаевны, садится в нее и посылает лакея сказать жене, чтобы она ехала домой по очень важному делу, но наказал отнюдь не сообщать ей, что он в карете. Посланный возвратился и доложил, что Наталья Николаевна приказала сказать, что она танцует мазурку с князем Вяземским. Пушкин посылает лакея во второй раз сказать, чтобы она ехала домой безотлагательно. Наталья Николаевна вошла в карету и прямо попала в объятия мужа. Поэт (...) с восторгом упоминал, как жена его была аванжна в этот вечер в своем роскошном розовом платье».

Привез он, как говорилось, «Медного всадника», «Историю Пугачева» и «Анджело», но не спешил приглашать все это публичным чтением, по опыту зная, что книжный торг от такого чтения пострадает. До конца года царь успел «Медного всадника» практически запретить (№ 32,33). Поэмы Николая I на рукописи поэмы исследовали П. Е. Щеголев, а затем Т. Г. Цявловская. Оба они пришли к выводу, что с виду, может быть, и незначительные отметки и вычерки царя означали запрещение «Медного всадника». За прозаической дневниковой записью, отмечал Щеголев, «скрыты муки художника, созерцающего процесс порчи лучшего его произведения».

Царь повелевал уничтожить бессмертные для нас теперь строки «И перед младшею столицей...». Суть в том, что непростые взаимоотношения столиц Николай I почитал «семейным делом» Романовых и вмешиваться в них никому не позволял. Что до

поэзии, то она менее всего интересовала самодержца. Знак NB*, на который надо было определенным образом реагировать — вымарывать стихи, стоял у каждой строки со словом «кумир» («кумир на бронзовом коне»; «кумир с простертою рукою» и др.) — этим языческим словом не полагалось именовать великого государя, даже бронзового. Нельзя было называть статую «горделивым истуканом», а самого Петра «строитель чудотворный» и т. д. Сомнительным показалось самодержавному цензору и выражение «Россию поднял на дыбы» — хорошо это или плохо? И уж совсем неудобопечатаемыми в глазах царя выглядели строки, которые никто из нас теперь не прочтет без восхищенного волнения:

«Добро, строитель чудотворный! —
Шепнул он, злобно задрожав, —
Ужо тебе!..» И вдруг стремглав
Бежать пустился. Показалось
Ему, что грозного царя,
Мгновенно гневом возгоря,
Лицо тихонько обращалось...
И он по площади пустой
Бежит и слышит за собой —
Как будто грома грохотанье —
Тяжело-звонкое скаканье
По потрясенной мостовой.
И, озарен луною бледной,
Простерши руку в вышине,
За ним несется Всадник Медный
На звонко-скачущем коне...

Пушкину до боли жалко было отказаться от публикации «Медного всадника». Примерно год спустя он попробовал было править: вместо «кумир» написал «седок». Из девяти мест, отчеркнутых царем, семь он изменил. Но два не смог. Одно из них — приведенный выше конец поэмы; другое:

Кто неподвижно возвышался
Во мраке медною главой,
Того, чьей волей роковой
Под морем город основался...

Здесь «не подошли» 2-я и 3-я строки. У Пушкина рука не поднялась править эти строки, и он, как ни

* NB (nota bene) — «нота бэнэ» (лат.) — «хорошо заметь», отметка, означающая, что надо обратить особое внимание на какую-то часть текста.

бился, отказался от надежды увидеть в печати лучшее свое творение 30-х годов. После смерти Пушкина Жуковский находчиво и бережно (насколько это было возможно!) удалил из поэмы то, что раздражало царя, и в посмертном собрании сочинений искалеченный «Медный всадник» предстал перед читателями...

В один день с поэмой (6 декабря 1833 г.) Пушкин представил на рассмотрение Николая I и «Историю Пугачева». Она вернулась с незначительными замечаниями и с разрешением на печатание. Замечания царя, так сказать, «редакционные», но весьма характерные. Одного из мятежников Пушкин назвал «славным» — около этого слова знак ъ ; Пушкин пишет: «в царствование Александра» — августейший редактор вставляет: «императора». Порой царь мнит себя стилистом — у Пушкина: «солдаты его бежали», предлагается: «отряд его смешался». Впрочем, возможно, здесь смысловой нюанс: некоторое смягчение картины бегства царского войска. Пушкин рад был, что так обошлось, и даже назвал замечания царя «дельными». Впоследствии, правда, царь добавил еще одну ложку дегтя: запретил пушкинское название «История Пугачева», приказав выпустить книгу под титулом «История Пугачевского бунта»: у злодея Пугачева, мол, не было истории. С этим пришлось согласиться.

1833-й год, запомнившийся болдинской передышкой — золотосной осенью, кончился плохо: 31 декабря император подписал указ о пожаловании поэта в камер-юнкеры.

1

Предъявитель сего, состоящий в ведомстве Министерства иностранных дел титулярный советник Александр Пушкин, по прошению его уволен в отпуск на четыре месяца в Казанскую и Оренбургскую губернии. Во удостоверение чего и дано сие свидетельство от Департамента хозяйственных и счетных дел с приложением печати.

*Отпускное свидетельство № 2842
12 августа 1833.*

2

Милая женка, вот тебе подробная моя Одиссея. Ты помнишь, что от тебя уехал я в самую бурю. Приключения мои начались у Троицкого мосту. Нева так была высока, что мост стоял дыбом; веревка была протянута, и полиция не пускала экипажей. Чуть было не воротился я на Черную речку. Однако переправился через Неву выше и выехал из Петербурга. Погода была ужасная. Деревья по Царскосельскому проспекту так и валялись, я насчитал их с пятьдесят. В лужицах была буря. Болота волновались белыми волнами. По счастью, ветер и дождь гнали меня в спину, и я преспокойно высидел всё это время. Что-то было с вами, петербургскими жителями? Не было ли у вас нового наводнения? что, если и это я прогулял? досадно было бы. На другой день погода прояснилась. Мы с Соболевским шли пешком 15 верст, убивая по дороге змей, которые обрадовались сдуру солнцу и выползали на песок. Вчера прибыли мы благополучно в Торжок, где Соболевский свирепствовал за не-

чистоту белья. Сегодня проснулись в 8 часов, завтракали славно, а теперь отправляюсь в сторону, в Ярополец — а Соболевского оставляю наедине с швейцарским сыром. Вот, мой ангел, подробный отчет о моем путешествии. Ямщики закладывают коляску шестерней, страшая меня грязными, проселочными дорогами. Коли не утону в луже, подобно Анрепу, буду писать тебе из Яропольца. От тебя буду надеяться письма в Симбирске. Пиши мне о своей грудице и о прочем. Машу не балуй, а сама береги свое здоровье, не кокетничай 26-го. Да бишь! не с кем. Однако всё-таки не кокетничай. Кланяюсь и целую ручку с ермоловской нежностью Катерине Ивановне. Тебя целую крепко и всех вас благословляю: тебя, Машку и Сашку.

Кланяйся Вяземскому, когда увидишь, скажи ему, что мне буря помешала с ним проститься и поговорить об альманахе, о котором буду хлопотать дорогою.

Пушкин — Н. Н. Пушкиной.

20 августа 1833. Из Торжка в Петербург.

3

Ужасный день!

Нева всю ночь
Рвалась к морю против бури,
Не одолев их буйной дури...
И спорить стало ей невмочь...
Поутру над ее берегами
Теснился кучами народ,
Любуясь брызгами, горами
И пеной разъяренных вод.
Но силой ветров от залива
Перегражденная Нева
Обратно шла, гневна, бурлива,
И затопляла острова,
Погода пуще свирепела,
Нева вздувалась и ревела,
Котлом клокоча и клубясь,
И вдруг, как зверь остервенясь,
На город кинулась.〈...〉

А. С. Пушкин. Медный всадник.

4

Ты не угадаешь, мой ангел, откуда я к тебе пишу: из Павловска; между Берновом и Малинников, о которых, вероятно, я тебе много рассказывал. Вчера, своротя на проселочную дорогу к Яропольцу, узнаю с удовольствием, что проеду мимо Вульфовых поместий, и решился их посетить. В 8 часов вечера приехал я к доброму моему Павлу Ивановичу, который обрадовался мне, как родному. Здесь я нашел большую перемену. Назад тому пять лет Павловское, Малинники и Берново наполнены были уланами и барышнями; но уланы переведены, а барышни разъехались; из старых моих приятельниц нашел я одну белую кобылу, на которой и съездил в Малинники; но и та уж подо мною не пляшет, не бесится, а в Малинниках вместо всех Анет, Евпраксий, Саш, Маш etc, живет управитель Прасковии Александровны, Рейхман, который попотчевал меня шнапсом. Вельяшева, мною некогда воспетая, живет здесь в соседстве. Но я к ней не поеду, зная, что тебе было бы это не по сердцу. Здесь объедаюсь я вареньем и проиграл три рубля в двадцать четыре роббера в вист. Ты видишь, что во всех отношениях я здесь безопасен. Много спрашивают меня о тебе; так же ли ты хороша, как сказывают,— и какая ты: *брюнетка* или *блондинка*, *худенькая* или *плотненькая*? Завтра чем свет отправляюсь в Ярополец, где пробуду несколько часов, и отправлюсь в Москву, где, кажется, должен буду остаться дня три. Забыл я тебе сказать, что в Яропольце (виноват: в Торжке) толстая M-lle Pojarsky*, та самая, которая варит славный квас и жарит славные котлеты, провожая меня до ворот своего трактира, отвечала мне на мои нежности: стыдно вам замечать чужие красоты, у вас у самого такая красавица, что я, встретя ее (?), ахнула. А надобно тебе знать, что M-lle Pojarsky ни дать ни взять M-me George**, только немного постарее. Ты видишь, моя женка, что слава твоя распространилась по всем уездам. Довольна ли ты? будьте здоровы все; помнит ли меня Маша, и нет ли у ней новых затей? Прощай, моя плотненькая брюнетка (что ли?).

* м-ль Пожарская (фр.).

** мадам Жорж (фр.).

Я веду себя хорошо, и тебе не за что на меня дуться. Письмо это застанет тебя после твоих именин. Гляделась ли ты в зеркало, и уверилась ли ты, что с твоим лицом ничего сравнить нельзя на свете, — а душу твою люблю я еще более твоего лица. Прощай, мой ангел, целую тебя крепко.

Пушкин — Н. Н. Пушкиной.

21 августа 1833. Из Павловского в Петербург.

5

Поздравляю тебя со днем твоего ангела, мой ангел, целую тебя заочно в очи — и пишу тебе продолжение моих походов — из антресолей вашего Никитского дома, куда прибыл я вчера благополучно из Яропольца. В Ярополец приехал я в среду поздно. Наталья Ивановна встретила меня как нельзя лучше. Я нашел ее здоровою, хотя подле нее лежала палка, без которой далеко ходить не может. Четверг я провел у нее. Много говорили о тебе, о Машке и о Катерине Ивановне. Мать, кажется, тебя к ней ревнует; но хотя она по своей привычке и жаловалась на прошедшее, однако с меньшей уже горечью. Ей очень хотелось бы, чтоб ты будущее лето провела у нее. Она живет очень уединенно и тихо в своем разоренном дворце и разводит огороды над прахом твоего прадедушки Дорошенки, к которому ходил я на поклонение. Семен Федорович, с которым мы большие приятели, водил меня на его гробницу и показывал мне прочие достопамятности Яропольца. Я нашел в доме старую библиотеку, и Наталья Ивановна позволила мне выбрать нужные книги. Я отобрал их десятка три, которые к нам и придут с варением и наливками. Таким образом, набег мой на Ярополец был вовсе не напрасен. (...)

Из Яропольца выехал я ночью и приехал в Москву вчера в полдень. Отец меня не принял. Говорят, он довольно тих. Нацоккин сказывал мне, что деньги Юрьева к тебе посланы. Теперь я покоен. Соболевский здесь *incognito* * прячется от заимодавцев, как настоящий *gentleman* **, и скупает свои векселя. Дорогой

* *инкогнито* (лат.).

** *джентльмен* (англ.).

вел он себя порядочно и довольно верно исполнил условия, мною ему поднесенные, а именно: 1) платить прогоны пополам, не обсчитывая товарища; 2) не — — — — — ни явным, ни тайным образом, разве во сне и то ночью, а не после обеда. В Москве пробуду я несколько времени, то есть два или три дня. Коляска требует подправок. Дороги проселочные были скверные; меня насилу тащили шестерней. В Казани буду я около третьего. Оттоле еду в Симбирск. Прощай, береги себя. Целую всех вас. Кланяйся Катерине Ивановне.

*Пушкин — Н. Н. Пушкиной.
26 августа 1833. Из Москвы в Петербург.*

6

Вчера были твои именины, сегодня твое рождение. Поздравляю тебя и себя, мой ангел. Вчера пил я твое здоровье у Киреевского с Шевыревым и Соболевским; сегодня буду пить у Суденки. Еду послезавтра — прежде не будет готова моя коляска. Вчера, приехав поздно домой, нашел я у себя на столе карточку Булгакова, отца красавиц, и приглашение на вечер. Жена его была также именинница. Я не поехал за неимением бального платья и за небритие усов, которые отрощаю в дорогу. Ты видишь, что в Москву мудрено попасть и не поплясать. Однако скучна Москва, пуста Москва, бедна Москва. Даже извозчиков мало на ее скучных улицах. На Тверском бульваре попадаются две-три салопницы, да какой-нибудь студент в очках и в фуражке, да кн. Шаликов. Был я у Погодина, который, говорят, женат на красавице. Я ее не видал и не могу всеподданнейше о ней тебе донести. Нацокина не видал целый день. Чаадаев потолстел, похорошел и поздоровел. Здесь Раевский Николай. Ни он, ни брат его не умирали — а умер какой-то бригадир Раевский. Скажи Вяземскому, что умер тезка его князь Петр Долгорукий — получив какое-то наследство и не успев его промотать в Английском клубе, о чем здешнее общество весьма жалеет. В клубе я не был — чуть ли я не исключен, ибо позабыл возобновить свой билет. Надобно будет заплатить 300 рублей штрафа, а я весь Английский клуб готов продать за 200. Здесь Орлов, Бобринский и другие мои старые знакомые. Но мне

надоели мои старые знакомые. Никого не увижу. Важная новость: французские вывески, уничтоженные Ростопчиным в год, когда ты родилась, появились опять на Кузнецком мосту. По своему обыкновению, бродил я по книжным лавкам и ничего путного не нашел. Книги, взятые мною в дорогу, перебились и перетерлись в сундуке. От этого я так сердит сегодня, что не советую Машке капризничать и воевать с нянею: прибью. Целую тебя. Кланяюсь тетке — благоговляю Машку с Сашкой.

*Пушкин — Н. Н. Пушкиной.
27 августа 1833. Из Москвы в Петербург.*

7

Перед отъездом из Москвы я не успел тебе писать. Нацокин провожал меня шампанским, жженкой и молитвами. Каретник насилу выдал мне коляску; нет мне счастья с каретниками. Дорога хороша, но под Москвою нет лошадей, я повсюду ждал несколько часов и насилу дотащился до Нижнего сегодня, т. е. в пятые сутки. Успел только съездить в баню, а об городе скажу только тебе *les rues sont larges et bien pavées, les maisons sont bien baties* *. Еду на ярманку, которая свои последние штуки показывает, а завтра отправляюсь в Казань.<...>

*Пушкин — Н. Н. Пушкиной.
2 сентября 1833. Из Нижнего Новгорода в Петербург.*

8

А. О. Смирнова-Россет

ИЗ «АВТОБИОГРАФИИ»

Пушкин мне рассказывал, что под Нижним он встретил этапных. С ними шла девушка не в оковах, у нас женщин не заковывают. Она была чудной

* улицы, широкие и хорошо мощеные, дома построены основательно (фр.).

красоты и укрывалась от солнца широким листом капусты. «А ты, красавица, за что?» Она весело отвечала: «Убила незаконнорожденную дочь, пяти лет, и мать за то, что постоянно журила».

Пушкин оцепенел от ужаса.

9

Мой ангел, я писал тебе сегодня, выпрыгнув из коляски и одурев с дороги. Ничего тебе не сказал и ни о чем всеподданнейше не донес. Вот тебе отчет с самого Натальина дня. Утром поехал я к Булгакову извиняться и благодарить, а между тем и выпросить лист для смотрителей, которые очень мало меня уважают, несмотря на то, что я пишу прекрасные стишки. У него застал я его дочерей и Всеволожского le сосу*, который скачет из Казани к вам в Петербург. Они звали меня на вечер к Пашковым на дачу, я не поехал, жалея своих усов, которые только лишь оцетинились. Обедал у Суденки, моего приятеля, товарища холостой жизни моей. Теперь и он женат, и он сделал двух ребят, и он перестал играть — но у него 125 000 дохода, а у нас, мой ангел, это впереди. Жена его тихая, скромная, не красавица. Мы отобедали втроем, и я, без церемонии, предложил здоровье моей именинницы, и выпили мы все не морщась по бокалу шампанского. Вечер у Нацоккина, да какой вечер! шампанское, лафит, зажженный пунш с ананасами — и всё за твоё здоровье, красота моя. На другой день в книжной лавке встретил я Николая Раевского. *Sacré chien*, — сказал он мне с нежностью, — *pourquoi n'êtes-vous pas venu me voir?* — *Animal*, — отвечал я ему с чувством, — *qu'avez-vous fait de mon manuscrit petit-Russien* **? После сего поехали мы вместе как ни в чем не бывало, он держа меня за ворот всенародно, чтоб я не выскочил из коляски. Отобедали вместе глаз на глаз (виноват: втроем с бутылкой мадеры). Потом, для разнообразия жизни, провел опять вечер у Нацоккина; на другой день он задал мне прощальный обед со стерлядями и с жженкой, усадили меня в коляску, и я выехал на большую дорогу.

* рогоносца (фр.).

** Собачий сын, (...), почему ты не зашел ко мне? — Скотина, — (...), что ты сделал с моей малороссийской рукописью? (фр.).

Ух, женка, страшно! теперь следует важное признание. Сказать ли тебе словечко, утерпит ли твое сердечко? Я нарочно тянул письмо рассказами о московских моих обедах, чтоб как можно позже дойти до сего рокового места; ну, так уж и быть, узнай, что на второй станции, где не давали мне лошадей, встретил я некоторую городничиху, едущую с теткой из Москвы к мужу и обижаемую на всех станциях. Она приняла меня весьма дурно и нараспев начала меня усовещивать и уговаривать: как вам не стыдно? на что это похоже? две тройки стоят на конюшне, а вы мне ни одной со вчерашнего дня не даете.— Право?— сказал я и пошел взять эти тройки для себя. Городничиха, видя, что я не смотритель, очень смутилась, начала извиняться и так меня тронула, что я уступил ей одну тройку, на которую имела она всевозможные права, а сам нанял себе другую, т. е. третью, и уехал. Ты подумаешь: ну, это еще не беда. Постой, женка, еще не всё. Городничиха и тетка так были восхищены моим рыцарским поступком, что решились от меня не отставать и путешествовать под моим покровительством, на что я великодушно и согласился. Таким образом и доехали мы почти до самого Нижнего — они отстали за три или четыре станции — и я теперь свободен и одинок. Ты спросишь: хороша ли городничиха? Вот то-то, что не хороша, ангел мой Таша, о том-то я и горюю.— Уф! кончил. Отпусти и помилуй.

Сегодня был я у губернатора, генерала Бутурлина. Он и жена его приняли меня очень мило и ласково; он уговорил меня обедать завтра у него. Ярманка кончилась. Я ходил по опустелым лавкам. Они сделали на меня впечатление бального разезда, когда карета Гончаровых уж уехала. Ты видишь, что несмотря на городничиху и ее тетку, — я всё еще люблю Гончарову Наташу, которую заочно целую куда ни попало. *Addio mia bella, idol mio, mio bel tesoro, quando mai ti rivedro...**

*Пушкин — Н. Н. Пушкиной.
2 сентября 1833. Из Нижнего Новгорода в Петербург.*

* Прощай, красавица моя, кумир мой, прекрасное мое сокровище, когда же я тебя опять увижу?... *(итал.)*

10

* * *

Когда б не смутное влеченье
 Чего-то жаждущей души,
 Я здесь остался б — наслажденье
 Вкушать в неведомой тиши:
 Забыл бы всех желаний трепет,
 Мечтою б целый мир назвал —
 И всё бы слушал этот лепет,
 Всё б эти ножки целовал...

1833

А. С. Пушкин

11

А. А. Фукс

ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ

7 сентября, в 9 часов утра, муж мой ездил провожать Баратынского, видел там Пушкина и в полчаса успел так хорошо с ним познакомиться, как бы они уже долго жили вместе.

Пушкин ехал в Оренбург собирать сведенья для истории Пугачева и по той же причине *останавливался на одни сутки в Казани*. Он знал, что в Казани мой муж, как старожил, постоянно занимавшийся исследованием здешнего края, всего более мог удовлетворить его желанию, и потому, может быть, и желал с нами познакомиться.

В этот же день, поутру, Пушкин ездил, тройкою на дрожках, один к Троицкой мельнице, по сибирскому тракту, за десять верст от города; здесь был лагерь Пугачева, когда он подступал к Казани. Затем, объехав Арское поле, был в крепости, обежал ее кругом и потом *возвратился домой, где оставался целое утро*, до двух часов, и писал, обедал у Е. П. Перцова, с которым был знаком еще в Петербурге (...)

Напившись чаю, Пушкин и К. Ф. поехали к казанскому первой гильдии купцу Крупеникову, бывшему в плену у Пугачева, и пробыли там часа полтора...

12

Мой ангел, здравствуй. Я в Казани с пятого и до сих пор не имел время тебе написать слова. Сейчас еду в Симбирск, где надеюсь найти от тебя письмо. Здесь я возился со стариками, современниками моего героя; объезжал окрестности города, осматривал места сражений, расспрашивал, записывал и очень доволен, что не напрасно посетил эту сторону. Погода стоит прекрасная, чтоб не сглазить только. Надеюсь до дождей объехать всё, что предполагал видеть, и в конце сентября быть в деревне. Здорова ли ты? здоровы ли все вы? Дорогой я видел годовую девочку, которая бегает на карачках, как котенок, и у которой уже два зубка. Скажи это Машке. Здесь Баратынский. Вот он ко мне входит. До Симбирска. Я буду говорить тебе о Казани подробно — теперь некогда. Целую тебя.

Пушкин — Н. Н. Пушкиной.
8 сентября 1833. Из Казани в Петербург.

13

Пишу тебе из деревни поэта Языкова, к которому заехал и не нашел дома. Третьего дня прибыл я в Симбирск и от Загряжского принял от тебя письмо. Оно обрадовало меня, мой ангел,— но я всё-таки тебя побраню. У тебя нарывы, а ты пишешь мне четыре страницы кругом. Как тебе не совестно! Не могла ты мне сказать в четырех строчках о себе и о детях. Ну, так и быть. Дай бог теперь быть тебе здоровой. (...) Если дом удобен, то нечего делать, бери его — но уж, по крайней мере, усиди в нем. Меня очень беспокоят твои обстоятельства, денег у тебя слишком мало. Того и гляди сделаешь новые долги, не расплатясь со старыми. Я путешествую, кажется, с пользой, но еще не на месте и ничего не написал. Я сплю и вижу приехать в Болдино и там запереться. (...)

Пушкин — Н. Н. Пушкиной.
12 сентября 1833. Из Языкова в Петербург.

14

Опять я в Симбирске. Третьего дня, выехав ночью, отправился я к Оренбургу. Только выехал на большую дорогу, заяц перебежал мне ее. Чёрт его побери, дорого бы дал я, чтоб его затравить. На третьей станции стали закладывать мне лошадей—гляжу, нет ямщиков—один слеп, другой пьян и спрятался. Пошумев изо всей мочи, решил я возвратиться и ехать другой дорогой; по этой на станциях везде по шесть лошадей, а почта ходит четыре раза в неделю. Повезли меня обратно—я заснул—просыпаюсь утром—что же? не отъехал я и пяти верст. Гора—лошади не взвезут—около меня человек 20 мужиков. Чёрт знает как бог помог—наконец взъехали мы, и я воротился в Симбирск. Дорого бы дал я, чтоб быть борзой собакой; уж этого зайца я бы отыскал. Теперь еду опять другим трактом. Авось без приключений.

Я всё надеялся, что получу здесь в утешение хоть известие о тебе—ан нет. Что ты, моя женка? какова ты и дети. Целую и благословляю вас. Пиши мне часто и о всяком вздоре, до тебя касающемся. Кланяюсь тетке.

Пушкин—Н. Н. Пушкиной.

14 сентября 1833. Из Симбирска в Петербург.

15

Смоленская гора. Церковь Смоленская и дом Карамзина. *15 сентября. Волга.*

А. С. Пушкин. Дневниковая запись. 1833.

16

Я здесь со вчерашнего дня. Насилу доехал, дорога прескучная, погода холодная, завтра еду к яицким казакам, пробуду у них дни три—и отправляюсь в деревню через Саратов и Пензу.

Что, женка? скучно тебе? мне тоска без тебя. Кабы не стыдно было, воротился бы прямо к тебе, ни строчки не написав. Да нельзя, мой ангел. Взятся за гуж, не говори, что не дюж—то есть: уехал писать, так пиши же роман за романом, поэму за поэмой. А уж

чувствую, что дурь на меня находит — я и в коляске сочиняю, что же будет в постеле? Одно меня сокрушает: человек мой. Вообрази себе тон московского канцеляриста, глуп, говорлив, через день пьян, ест мои холодные дорожные рябчики, пьет мою мадеру, портит мои книги и по станциям называет меня то графом, то генералом. Бесит меня, да и только. Свет-то мой Ипполит! кстати о хамовом племени: как ты ладишь своим домом? боюсь, людей у тебя мало: не наимень ли ты кого? На женщин надеюсь, но с мужчинами как тебе ладить? Всё это меня беспокоит — я мнителен, как отец мой. Не говорю уж о детях. Дай бог им здоровья — и тебе, женка. Прощай, женка. Не жди от меня уж писем, до самой деревни. Целую тебя и вас благословляю.

Как я хорошо веду себя! как ты была бы мной довольна! за барышнями не ухаживаю, смотрительшей не щиплю, с калмычками не кокетничаю — и на днях отказался от башкирки, несмотря на любопытство, очень простительное путешественнику. Знаешь ли ты, что есть пословица: на чужой сторонке и старушка божий дар. То-то, женка. Бери с меня пример.

*Пушкин — Н. Н. Пушкиной.
19 сентября 1833. Из Оренбурга в Петербург.*

17

В. И. Даль

ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ

Пушкин прибыл нежданный и нечаянный и остановился в загородном доме у военного губернатора В. Ал. Перовского, а на другой день перевез я его оттуда, ездил с ним в историческую Бердинскую станицу, толковал, сколько слышал и знал местность, обстоятельства осады Оренбурга Пугачевым; указывал на Георгиевскую колокольню в предместьи, куда Пугач поднял было пушку, чтобы обстреливать город, — на остатки земляных работ между Орских и Сакмарских ворот, приписываемых преданием Пугачеву, на за-

уральскую рощу, откуда вор пытался ворваться по льду в крепость, открытую с этой стороны; говорил о незадолго умершем здесь священнике, которого отец высек за то, что мальчик бегал на улицу собирать пятаки, коими Пугач сделал несколько выстрелов в город вместо картечи,— о так называемом секретаре Пугачева Сычугове, в то время еще живом, и о бердинских старухах, которые помнят еще «золотые» палаты Пугача, то есть обитую медною латуною избу.

Пушкин слушал все это — извините, если не умею иначе выразиться,— с большим жаром и хохотал от души следующему анекдоту: Пугач, ворвавшись в Берды, где испуганный народ собрался в церкви и на паперти, вошел также в церковь. Народ расступился в страхе, кланялся, падал ниц. Приняв важный вид, Пугач прошел прямо в алтарь, сел на церковный престол и сказал вслух: «Как я давно не сидел на престоле!» В мужицком невежестве своем он воображал, что престол церковный есть царское седалище. Пушкин назвал его за это свиньей и много хохотал...

Мы поехали в Берды, бывшую столицу Пугачева, который сидел там — как мы сейчас видели — на престоле. Я взял с собою ружье, и с нами было еще человека два охотников. Пора была рабочая, казаков ни души не было дома; но мы отыскиали старуху, которая знала, видела и помнила Пугача. Пушкин разговаривал с нею целое утро; ему указали, где стояла изба, обращенная в золотой дворец, где разбойник казнил несколько верных долгу своему сынов отечества; указали на гребни, где, по преданию, лежит огромный клад Пугача, зашитый в рубаху, засыпанный землей и покрытый трупом человеческим, чтобы отвести всякое подозрение и обмануть кладоискателей, которые, дорывшись до трупа, должны подумать, что это простая могила. Старуха спела также несколько песен, относившихся к тому же предмету, и Пушкин дал ей на прощанье червонец.

Мы уехали в город, но червонец наделал большую суматоху. Бабы и старики не могли понять, на что было чужому, приезжему человеку расспрашивать с таким жаром о разбойнике и самозванце, с именем которого было связано в том краю столько страшных воспоминаний, но еще менее постигали они, за что было отдать червонец. Дело показалось им подо-

зрительным: чтобы-де после не отвечать за такие разговоры, чтобы опять не дожить до какого греха да напасти. И казаки на другой же день снарядили подводу в Оренбург, привезли и старуху, и роковой червонец и донесли: «Вчера-де приезжал какой-то чужой господин, приметами: собой невелик, волос черный, кудрявый, лицом смуглый, и подбивал под «пугачевщину» и дарил золотом; должен быть антихрист, потому что вместо ногтей на пальцах когти». Пушкин много тому смеялся (...)

По пути в Берды Пушкин рассказывал мне, чем он занят теперь, что еще намерен и надеется сделать. Он усердно убеждал меня написать роман и — я передаю слова его, в его память, забывая в это время, к кому они относятся, — и повторял: «Я на вашем месте сейчас бы написал роман, сейчас; вы не поверите, как мне хочется написать роман, но нет, не могу: у меня начато их три, — начну прекрасно, а там недостает терпения, не слажу». Слова эти вполне согласуются с пылким духом поэта и думным, творческим долготерпением; эти два редкие качества соединялись в Пушкине, как две крайности, два полюса, которые дополняют друг друга и составляют одно целое. Он носился во сне и наяву целые годы с каким-нибудь созданием, и когда оно созревало в нем, являлось перед духом его уже созданным вполне, то изливалось пламенным потоком в слова и речь: металл мгновенно стынет в воздухе, и создание готово. Пушкин потом воспламенился в полном смысле слова, коснувшись Петра Великого, и говорил, что непременно, кроме деписания об нем, создаст и художественное в память его произведение: «Я еще не мог доселе постичь и обнять вдруг умом этого исполина: он слишком огромен для нас, близоруких, и мы стоим еще к нему близко, — надо отодвинуться на два века, — но постигаю это чувством; чем более его изучаю, тем более изумление и подобострастие лишают меня средств мыслить и судить свободно. Не надобно торопиться; надобно освоиться с предметом и постоянно им заниматься; время это исправит. Но я сделаю из этого золота что-нибудь. О, вы увидите: я еще много сделаю! Ведь даром что товарищи мои все поседели да оплешивели, а я только что перебесился; вы не знали меня в молодости, каков я был; я не так жил, как жить бы должно; бурный небосклон позади меня, как оглянусь я...»

18

С-Петербургский обер-полицмейстер от 20 сентября уведомил меня, что <...> был учрежден в столице секретный полицейский надзор за образом жизни и поведением известного поэта титулярного советника Пушкина, который 14 сентября выбыл в имение его, состоящее в Нижегородской губернии. Известясь, что он, Пушкин, намерен был отправиться из здешней в Казанскую и Оренбургскую губернии, я долгом считаю о вышесказанном известить ваше превосходительство, покорнейше прося, в случае прибытия его в Оренбургскую губернию, учинить надлежащее распоряжение о учреждении за ним во время его пребывания в оной секретного полицейского надзора за образом жизни и поведением его.

*Нижегородский военный и гражданский
губернатор М. П. Бутурлин —
оренбургскому военному
губернатору В. А. Перовскому.
Октябрь, 1833.*

19

Милый друг мой, я в Болдине со вчерашнего дня — думал здесь найти от тебя письма, и не нашел ни одного. Что с вами? здорова ли ты? здоровы ли дети? сердце замирает, как подумаешь. Подъезжая к Болдину, у меня были самые мрачные предчувствия, так что, не нашед о тебе никакого известия, я почти обрадовался — так боялся я недоброй вести. Нет, мой друг: плохо путешествовать женатому; то ли дело холостому! ни о чем не думаешь, ни о какой смерти не печалишься. Последнее письмо мое должна ты была получить из Оренбурга. Оттуда поехал я в Уральск — тамошний атаман и казаки приняли меня славно, дали мне два обеда, подпили за мое здоровье, наперерыв давали мне все известия, в которых имел нужду, и накормили меня свежей икрой, при мне изготовленной. При выезде моем (23 сентября) вечером пошел дождь, первый по моем выезде. Надобно тебе знать, что нынешний год была всеобщая засуха, и что бог угодил на одного меня, уготовя мне везде

прекраснейшую дорогу. На возвратный же путь послал он мне этот дождь и через полчаса сделал дорогу непроходимой. Того мало: выпал снег, и я обновил зимний путь, проехав верст 50 на санях. Проезжая мимо Языкова, я к нему заехал, застал всех трех братьев, отобедал с ними очень весело, ночевал и отправился сюда. Въехав в границы болдинские, встретил я попов и так же озлился на них, как на симбирского зайца. Недаром все эти встречи. Смотри, женка. Того и гляди избалуешься без меня, забудешь меня — искокетничаешься. Одна надежда на бога да на тетку. Авось сохранят тебя от искушений рассеянности. Честь имею донести тебе, что с моей стороны я перед тобою чист, как новорожденный младенец. Дорогою волочился я за одними 70- или 80-летними старухами — а на молоденьких — — — — — шестидесятилетних и не глядел. В деревне Берде, где Пугачев простоял шесть месяцев, имел я une bonne fortune* — нашел 75-летнюю казачку, которая помнит это время, как мы с тобою помним 1830 год. Я от нее не отстал, виноват: и про тебя не подумал. Теперь надеюсь многое привести в порядок, многое написать и потом к тебе с добычею. В воскресенье приходит почта в Абрамово, надеюсь письма — сегодня понедельник, неделю буду его ждать. Прости — оставляю тебя для Пугачева. Христос с вами, дети мои. Целую тебя, женка, — будь умна и здорова.

Пушкин — Н. Н. Пушкиной.
2 октября 1833. Из Болдина в Петербург.

20

ОСЕНЬ

(отрывок)

Чего в мой дремлющий тогда не входит ум?

Державин

I

Октябрь уж наступил — уж роща отряхает
Последние листы с нагих своих ветвей;
Дожнул осенний хлад — дорога промерзает.

* удачу (фр.).

Журча еще бежит за мельницу ручей,
Но пруд уже застыл; сосед мой поспешает
В отъезжие поля с охотою своей,
И страждут озими от бешеной забавы,
И будит лай собак уснувшие дубравы.

II

Теперь моя пора: я не люблю весны;
Скучна мне оттепель; вонь, грязь — весной я
болен;
Кровь бродит; чувства, ум тоскою стеснены.
Суровою зимой я более доволен,
Люблю ее снега; в присутствии луны
Как легкий бег саней с подругой быстр и волен,
Когда под соболем, согрета и свежа,
Она вам руку жмет, пылая и дрожа!

III

Как весело, обув железом острым ноги,
Скользить по зеркалу стоячих, ровных рек!
А зимних праздников блестящие тревоги?..
Но надо знать и честь; полгода снег да снег,
Ведь это наконец и жителю берлоги,
Медведю, надоест. Нельзя же целый век
Кататься нам в санях с Армидами младыми
Иль киснуть у печей за стеклами двойными.

IV

Ох, лето красное! любил бы я тебя,
Когда б не зной, да пыль, да комары, да мухи,
Ты, все душевные способности губя,
Нас мучишь; как поля, мы страждем от засухи;
Лишь как бы напоить да освежить себя —
Иной в нас мысли нет, и жаль зимы старухи,
И, проводив ее блинами и вином,
Поминки ей творим мороженым и льдом.

V

Дни поздней осени бранят обыкновенно,
Но мне она мила, читатель дорогой,
Красою тихую, блистающей смиренно.

Так нелюбимое дитя в семье родной
К себе меня влечет. Сказать вам откровенно,
Из годовых времен я рад лишь ей одной,
В ней много доброго; любовник не тщеславный,
Я нечто в ней нашел мечтою своенравной.

VI

Как это объяснить? Мне нравится она,
Как, вероятно, вам чахоточная дева
Порою нравится. На смерть осуждена,
Бедняжка клонится без ропота, без гнева.
Улыбка на устах увянувших видна;
Могильной пропасти она не слышит зева;
Играет на лице еще багровый цвет.
Она жива еще сегодня, завтра нет.

VII

Унылая пора! Очей очарованье!
Приятна мне твоя прощальная краса —
Люблю я пышное природы увяданье,
В багрец и в золото одетые леса,
В их сенях ветра шум и свежее дыханье,
И мглой волнистою покрыты небеса,
И редкий солнца луч, и первые морозы,
И отдаленные седой зимы угрозы.

VIII

И с каждой осенью я расцветаю вновь;
Здоровью моему полезен русский холод;
К привычкам бытия вновь чувствую любовь:
Чредой слетает сон, чредой находит голод;
Легко и радостно играет в сердце кровь,
Желания кипят — я снова счастлив, молод,
Я снова жизни полн — таков мой организм
(Извольте мне простить ненужный прозаизм).

IX

Ведут ко мне коня; в раздолии открытом,
Махая гривую, он всадника несет,
И звонко под его блистающим копытом
Звенит промерзлый дол и трескается лед.

Но гаснет краткий день, и в камельке забытом
 Огонь опять горит — то яркий свет лиет,
 То тлеет медленно — а я пред ним читаю
 Иль думы долгие в душе моей питаю.

X

И забываю мир — и в сладкой тишине
 Я сладко усыплен моим воображеньем,
 И пробуждается поэзия во мне:
 Душа стесняется лирическим волненьем,
 Трепещет и звучит, и ищет, как во сне,
 Излиться наконец свободным проявленьем —
 И тут ко мне идет незримый рой гостей,
 Знакомцы давние, плоды мечты моей.

XI

И мысли в голове волнуются в отваге,
 И рифмы легкие навстречу им бегут,
 И пальцы просят к перу, перо к бумаге,
 Минута — и стихи свободно потекут.
 Так дремлет недвижим корабль в недвижной влаге,
 Но чу! — матросы вдруг кидаются, ползут
 Вверх, вниз — и паруса надулись, ветра полны;
 Громада двинулась и рассекает волны.

XII

Плывет. Куда ж нам плыть?

.....

.....

1833

А. С. Пушкин

Черновой вариант последней строфы:

Ура!.. куда же плыть? какие берега
 Теперь мы посетим: Кавказ ли колоссальный,
 Иль опаленные Молдавии луга,
 Иль скалы дикие Шотландии печальной,
 Или Нормандии блестящие снега,
 Или Швейцарии ландшафт пирамидальный.

21

Мой ангел, сейчас получаю от тебя вдруг два письма, первые после симбирского. Как они дошли до меня, не понимаю: ты пишешь в Нижегородскую губернию, в село Абрамово, оттуда etc. А об уезде ни словечка. Не забудь прибавлять в *Арзамасском уезде*; а то, чего доброго, в Нижегородской губернии может быть и не одно село Абрамово; так, как не одно село Болдино. Две вещи меня беспокоят: то, что я оставил тебя без денег, а может быть и брюхатою. Воображаю твои хлопоты и твою досаду. Слава богу, что ты здорова, что Машка и Сашка живы и что ты хоть и дорого, но дом наняла. Не стражай меня, женка, не говори, что ты искокетничалась; я приеду к тебе, ничего не успев написать — и без денег сядем на мель. Ты лучше оставь уж меня в покое, а я буду работать и спешить. Вот уж неделю, как я в Болдине, привожу в порядок мои записки о Пугачеве, а стихи пока еще спят. Коли царь позволит мне Записки, то у нас будет тысяч 30 чистых денег. Заплотим половину долгов и заживем припеваючи. Очень благодарю за новости и за сплетни. Коли увидишь Жуковского, поцелуй его за меня и поздравь с возвращением и звездой: каково его здоровье? напиши. Карамзиньим и Мещерским мой сердечный поклон. Софье Николаевне объясни, что если я не был к ним в Дерпт, то это единственно по недостатку прогонов, которых не хватило на лишних 500 верст. А не писал им, полагая всё приехать. (...)

Пушкин — Н. Н. Пушкиной.
8 октября 1833. Из Болдина в Петербург.

22

Мой ангел, одно слово: съезди к Плетневу и попроси его, чтоб он к *моему приезду* велел переписать из Собрания законов (годов 1774 и 1775)* все указы, относящиеся к Пугачеву. Не забудь.

Что твои обстоятельства? что твое брюхо? Не жди меня в нынешний месяц, жди меня в конце ноября. Не мешай мне, не стражай меня, будь здорова, смотри

* и 1773. (Прим. Пушкина)

за детьми, не кокетничай с царем, ни с женихом княжны Любы. Я пишу, я в хлопотах, никого не вижу—и привезу тебе пропасть всякой всячины. Надеюсь, что Смирдин аккуратен. На днях пришлю ему стихов. Знаешь ли, что обо мне говорят в соседних губерниях? Вот как описывают мои занятия: Как Пушкин стихи пишет—перед ним стоит штоф *славнейшей* настойки—он хлоп стакан, другой, третий—и уж начнет писать!—Это слава. Что касается до тебя, то слава о твоей красоте достигла до нашей попадьи, которая уверяет, что ты всем взяла, не только лицом, да и фигурой. Чего тебе больше. Прости, целую вас и благословляю. Тетке целую ручку. Говорит ли Маша? ходит ли? что зубки? Саше подсвистываю. Прощай.

Пушкин — Н. Н. Пушкиной.

11 октября 1833. Из Болдина в Петербург.

23

Получил сегодня письмо твое от 4-го октября и сердечно тебя благодарю. В прошлое воскресенье не получил от тебя письма и имел глупость на тебя надуться; а вчера такое горе взяло, что и не запомню, чтоб на меня находила такая хандра. Радуюсь, что ты не брюхата и что ничто не помешает тебе отличиться на нынешних балах. Видно, Огарев охотник до Пушкиных, дай бог ему ни дна, ни покрывки! кокетничать я тебе не мешаю, но требую от тебя холодности, благопристойности, важности—не говорю уже о беспорочности поведения, которое относится не к *тону*, а к чему-то уже важнейшему. Охота тебе, женка, соперничать с графиней Сологуб. Ты красавица, ты бойбаба, а она шкурка. Что тебе перебивать у ней поклонников? Всё равно кабы граф Шереметев стал оттягивать у меня кистеневских моих мужиков. Кто же еще за тобой ухаживает, кроме Огарева? пришли мне список по азбучному порядку. Да напиши мне также, где ты бываешь и что Карамзины, Мещерская и Вяземские. (...) Что-то моя беззубая Пускина? Уж эти мне зубы!—а каков Сашка рыжий? Да в кого-то он рыж? не ожидал я этого от него. О себе тебе скажу, что я работаю лениво, через пень-колоду валю. Все эти дни голова болела, хандра грызла меня; нынче легче. Начал многое, но ни к чему нет охоты; бог знает, что со

мною делается. Старам стала и умом плохам. Приеду оживиться твоею молодостию, мой ангел. Но не жди меня прежде конца ноября; не хочу к тебе с пустыми руками явиться, взялся за гуж, не скажу, что не дюж. А ты не брани меня. (...)

Пушкин — Н. Н. Пушкиной.
21 октября 1833. Из Болдина в Петербург.

24

(...) Ты спрашиваешь, как я живу и похорошел ли я? Во-первых, отпустил я себе бороду: *ус да борода — молодцу похвала; выду на улицу, дядюшкой зовут.* 2) Просыпаюсь в семь часов, пью кофей и лежу до трех часов. Недавно расписался, и уже написал пропасть. В три часа сажусь верхом, в пять в ванну и потом обедаю картофелем да грешневой кашей. До девяти часов — читаю. Вот тебе мой день, и всё на одно лицо. (...)

Пушкин — Н. Н. Пушкиной.
30 октября 1833. Из Болдина в Петербург.

25

(...) Я скоро выезжаю, но несколько времени останусь в Москве, по делам. Женка, женка! я езжу по большим дорогам, живу по три месяца в степной глуши, останавливаюсь в пакостной Москве, которую ненавижу, — для чего? — Для тебя, женка; чтоб ты была спокойна и блистала себе на здоровье, как прилично в твои лета и с твоею красотою. Побереги же и ты меня. К хлопотам, неразлучным с жизнью мужчины, не прибавляй беспокойств семейственных, ревности etc, etc. (...)

Пушкин — Н. Н. Пушкиной
6 ноября 1833. Из Болдина в Петербург.

26

(...) Вообще дороги в России (благодаря пространству) хороши и были бы еще лучше, если бы губернаторы менее об них заботились. Например: дерн есть

уже природная мостовая; зачем его сдирать и заменять наносной землею, которая при первом дождике обращается в слякоть? Поправка дорог, одна из самых тягостных повинностей, не приносит почти никакой пользы и есть большею частью предлог к утеснению и взяткам. Возьмите первого мужика, хотя крошечку смышленного, и заставьте его провести новую дорогу: он начнет, вероятно, с того, что пророев два параллельные рва для стечения дождевой воды. Лет 40 тому назад один воевода, вместо рвов, поделал парапеты, так что дороги сделались ящичками для грязи. Летом дороги прекрасны; но весной и осенью путешественники принуждены ездить по пашням и полям, потому что экипажи вязнут и тонут на большой дороге, между тем как пешеходы, гуляя по парапетам, благословляют память мудрого воеводы. Таких воевод на Руси весьма довольно.

А. С. Пушкин.

*Путешествие из Москвы в Петербург.
1833—1834.*

27

* * *

В поле чистом серебрится
Снег волнистый и рябой,
Светит месяц, тройка мчится
По дороге столбовой.

Пой: в часы дорожной скуки,
На дороге, в тьме ночной
Сладки мне родные звуки
Звонкой песни удалой.

Пой, ямщик! Я молча, жадно
Буду слушать голос твой.
Месяц ясный светит хладно,
Грустен ветра дальный вой.

Пой: «Лучинушка, лучина,
Что же не светло горишь?»

.....
1833

А. С. Пушкин

28

Дорогой Александр Сергеевич, при вашем проезде через Ярополец, мне помнится, вы сказали, что надеетесь на возвратном пути застать меня здесь; но Дмитрий, как хороший сын, настойчиво просит меня вернуться в Завод; не зная в точности времени вашего возвращения и опасаясь плохих дорог, я сегодня покидаю Ярополец. На случай, если вы намеревались заехать сюда лишь с целью застать меня, я считаю необходимым предупредить вас о своем отъезде. Но если вы предпочитаете следовать этой дорогой, то в этом случае я буду очень рада, если Ярополец послужит для вас удобной станцией.

Письма ко мне Натали свидетельствуют о нетерпении, с каким она ждет вас; кажется, она готова даже рассердиться на ваше отсутствие; она сообщает мне успокоительные вести о детях.— Желая вам скорого и благополучного возвращения и присоединяя к этому самые искренние пожелания вам счастья, я никогда не перестану быть вашим другом. Н. Г.

P. S. Ваши книги, также как и другие вещи, будут к вам высланы по первому санному пути при первой же оказии. (фр.)

Н. И. Гончарова — Пушкину.
4 ноября 1833. Ярополец.

29

А. С. Пушкин

ИЗ «ДНЕВНИКА»

24 ноября. Обедал у К. А. Карамзиной, видел Жуковского. Он здоров и помолодел. Вечером *gout** у Фикельмонт. Странная встреча: ко мне подошел мужчина лет 45, в усах и с проседью. Я узнал по лицу грека и принял его за одного из моих старых кишиневских приятелей. Это был Суццо, бывший молдавский господарь. Он теперь посланником в Париже; не знаю еще, зачем здесь. Он напомнил мне, что в 1821 году был я у него в Кишиневе вместе с Пестелем. Я рассказал

* раут (англ.).

ему, каким образом Пестель обманул его и предал этерию, представляя ее императору Александру отраслию карбонаризма. Суццо не мог скрыть ни своего удивления, ни досады. Тонкость фанариота была побеждена хитростию русского офицера! Это оскорбляло его самолюбие.

Государь уехал нечаянно в Москву накануне в ночь.

27. Обед у Энгельгардта, говорили о Сухозанете, назначенном в начальники всем корпусам.— *C'est apparemment pour donner une autre tournure à ces établissements**,— сказал Энгельгардт.

Осуждают очень дамские мундиры— бархатные, шитые золотом, особенно в настоящее время, бедное и бедственное.

Вечер у Вяземских.

30 ноября. Вчера бал у Бутурлина (Жомини). Любопытный разговор с Блайем: зачем у вас флот в Балтийском море? для безопасности Петербурга? но он защищен Кронштадтом. Игрушка!

— Долго ли вам распространяться? (Мы смотрели карту постепенного распространения России, составленную Бутурлиным.) Ваше место Азия; там совершите вы достойный подвиг сивилизации... etc.

Несколько офицеров под судом за неисправность в дежурстве. Великий князь их застал за ужином, кого в шлафроке, кого без шарфа... Он поражен мыслию об упадке гвардии. Но какими средствами думает он возвысить ее дух? При Екатерине караульный офицер ехал за своим взводом в возке и в лисьей шубе. В начале царствования Александра офицеры были своевольны, заносчивы, неисправны— а гвардия была в своем цветущем состоянии.

...При открытии Александровской колонны, говорят, будет 100 000 гвардии под ружьем.

Декабрь 1833.

3. Вчера государь возвратился из Москвы, он приехал в 38 часов. В Москве его не ожидали. Во

* Это, по-видимому, для того, чтобы дать другой оборот этим заведениям (фр.).

дворце не было ни одной топленной комнаты. Он не мог добиться чашки чаю.

Вчера Гоголь читал мне сказку: «Как Иван Иванович поссорился с Иваном Тимофеевичем», — очень оригинально и очень смешно.

1833

30

Милостивый государь
граф Александр Христофорович,

Осмеливаюсь препроводить Вашему сиятельству стихотворение, которое желал бы я напечатать, и при сем случае просить Вас о разрешении для меня важном. Книгопродавец Смирдин издает журнал, в коем просил меня участвовать. Я могу согласиться только в том случае, когда он возьмется мои сочинения представлять в цензуру и хлопотать об них наравне с другими писателями, участвующими в его предприятии; но без Вашего сведения я ничего не хотел сказать ему решительного.

Хотя я как можно реже старался пользоваться драгоценным мне дозволением утруждать внимание государя императора, но ныне осмеливаюсь просить на то высочайшего соизволения: я думал некогда написать исторический роман, относящийся ко временам Пугачева, но, нашед множество материалов, я оставил вымысел и написал «Историю Пугачевщины». Осмеливаюсь просить через Ваше сиятельство дозволения представить оную на высочайшее рассмотрение. Не знаю, можно ли мне будет ее напечатать, но смею надеяться, что сей исторический отрывок будет любопытен для его величества особенно в отношении тогдашних военных действий, доселе худо известных. (...)

*Пушкин — А. Х. Бенкендорфу.
6 декабря 1833. Петербург.*

31

Милостивый государь, Александр Сергеевич!

На письмо Ваше ко мне от 6-го сего декабря имею честь ответить, что сочинения Ваши, которые вы

назначите для издаваемого книгопродавцем Смирдыным журнала, могут быть в оном помещаемы, по рассмотрении цензурою на общем основании.— Что ж касается до рукописи Вашей, *История Пугачевщины*, то оную я покорнейше прошу Вас доставить ко мне.

А. Х. Бенкендорф — Пушкину.
10—11 декабря 1833. Петербург.

32

(...) Не знаю, буду ли я у вас в январе. Наследники дяди делают мне дурацкие предложения — я отказался от наследства. Не знаю, войдут ли они в новые переговоры. Здесь имел я неприятности денежные; я сговорился было со Смирдыным, и принужден был уничтожить договор, потому что «Медного всадника» цензура не пропустила. Это мне убыток. Если не пропустят «Историю Пугачева», то мне придется ехать в деревню. Всё это очень неприятно. На деньги твои, однако, я надеюсь; думаю весной приступить к полному собранию моих сочинений.

Все мои здоровы — крестник твой тебя целует; мальчик славный. (...)

Пушкин — П. В. Нащокину.
10-е числа (после 12) декабря 1833.
Из Петербурга в Москву.

33

А. С. Пушкин

ИЗ «ДНЕВНИКА»

14 декабря. Обед у Блая, вечер у Смирновых.

11-го получено мною приглашение от Бенкендорфа явиться к нему на другой день утром. Я приехал. Мне возвращен «Медный всадник» с замечаниями государя. Слово *кумир* не пропущено высочайшею цензурою; стихи

И перед младшею столицей
Померкла старая Москва,
Как перед новою царицей
Порфиноносная вдова —

вымараны. На многих местах поставлен (?),— всё это делает мне большую разницу. Я принужден был переменить условия со Смирдиным.

Кочубей и Нессельроде получили по 200 000 на прокормление своих голодных крестьян. Эти четыреста тысяч останутся в их карманах. В голодный год должно стараться о снискании работ и о уменьшении цен на хлеб; если же крестьяне узнают, что правительство или помещики намерены их кормить, то они не станут работать, и никто не в состоянии будет отвратить от них голода. Всё это очень соблазнительно. В обществе ропщут,— а у Нессельроде и Кочубея будут балы (что также есть способ льстить двору).

15. Вчера не было обыкновенного бала при дворе; императрица была нездорова. Поутру обедня и молебн.

16. Бал у Кочубея. Императрица должна была быть, но не приехала. Она простудилась. Бал был очень блистателен. Гр. Шувалова удивительно была хороша.

17. Вечер у Жуковского. Немецкий amateur* ученик Тиков, читал «Фауста» — неудачно, по моему мнению.

В городе говорят о странном происшествии. В одном из домов, принадлежащих ведомству придворной конюшни, мебели вздумали двигаться и прыгать; дело пошло по начальству. Кн. В. Долгорукий нарядил следствие. Один из чиновников призвал попа, но во время молебна стулья и столы не хотели стоять смиренно. Об этом идут разные толки. Н сказал, что мебель придворная и просится в Аничков.

Улицы не безопасны. Сухтельн был атакован на Дворцовой площади и ограблен. Полиция, видимо, занимается политикой, а не ворами и мостовою. Блудова обокрали прошедшею ночью.

1833

34

* * *

Французских рифмачей суровый судия,
О классик Депрео, к тебе взываю я:
Хотя, постигнутый неумолимым роком,
В своем отечестве престал ты быть пророком,

* любитель, дилетант (фр.).

Хоть дерзких умников простерлася рука
 На лавры твоего густого парика;
 Хотя, растрепанный новейшей вольной школой,
 К ней в гневе обратил ты свой затылок голый,—
 Но я молю тебя, поклонник верный твой,
 Будь мне вожатаем. Дерзаю за тобой
 Занять кафедру ту, с которой в прежни лета
 Ты слишком превознес достоинства сонета,
 Но где торжествовал твой здравый приговор
 Минувших лет глупцам, вранью тогдашних пор.
 Новейшие вдали вралей старинных стоят—
 И слишком уж меня их бредни беспокоят.
 Ужели всё молчать да слушать? О беда!..
 Нет, всё им выскажу однажды завсегда.

О вы, которые, восчувствовав отвагу,
 Хватаете перо, мараете бумагу,
 Тисненью предавать труды свои спеша,
 Постойте — наперед узнайте, чем душа
 У вас исполнена — прямым ли вдохновеньем
 Иль необдуманым одним поползновеньем,
 И чешется у вас рука по пустякам,
 Иль вам не верят в долг, а деньги нужны вам.
 Не лучше ль стало б вам с надеждою смиренной
 Заняться службою гражданской иль военной,
 С хваленым Жуковым табачный торг завести
 И снискивать в труде себе барыш и честь,
 Чем объявления совать во все журналы,
 Вельможе пошлые кропя мадригалы,
 Над меньшей собратьей в поту лица острясь,
 Иль выше мнения отважно вознесясь,
 С оплошной публики (как некие писаки)
 Подписку собирать — на будущие враки...

1833

А. С. Пушкин

35

ИЗ КРИТИЧЕСКИХ ОТЗЫВОВ 1833 г.

I

До сих пор *Онегин* продавался ценою, малослышанною в летописях книжной торговли: за 8 тетрадок надобно было платить 40 рублей! Много ли тут было

лишнего сбора, можно судить по тому, что теперь *Онегин*, с дополнениями и примечаниями, продается по 12 рублей. Хвала поэту, который сжалился над тощими карманами читающих людей! Веселие Руси, в которой богатые покупают книги так мало, а небогатым покупать *Онегина* было так неудобно!

Этим меркантильным замечанием могли бы и хотели бы мы ограничиться в известии о *полном Онегине*. Но есть привязчивые люди, которые непременно требуют от журналиста суждения на заданную тему. «Как не сказать ничего о таком явлении! Все мы читали *Онегина* урывками, давно, и в восемь лет не грех позабыть, что говорили о нем прежде журналы». Признаться, потери немного, если и забудут читатели все суждения об *Онегине*. Он остался задачей нерешенною, и остался ею доньне. О нем хотели рассуждать как о произведении полном, а поэт и не думал о полноте. Он хотел только иметь рамку, в которую можно было бы вставлять ему свои суждения, свои картины, свои сердечные эпиграммы и дружеские мадригалы. Он достиг своей цели. *Онегин* верно служил ему, и поэт свободно награждал его богатствами своего ума и своих чувствований. Какая неизмеримая коллекция портретов, картин, рисунков и очерков, начиная от дяди старика до княгини Татьяны, от жизни петербургского повесы до деревенского быта Лариных, от пламенных обращений поэта к самому себе, до мимолетных эпиграмм на друзей и дам, на жителей большого света и степенных помещиков, на сельских домоводов и журналистов! Сколько наблюдений и заметок прелестных, сколько ума и остроты, сколько души и чувства во всех страницах *Онегина*! Но в подробностях все достоинство этого прихотливого создания. Спрашиваем: какая общая мысль остается в душе после *Онегина*? Никакой. Кто не скажет, что *Онегин* изобилует красотами разнообразными; но все это в отрывках, в отдельных стихах, в эпизодах к чему-то, чего нет и не будет. Следственно, при создании *Онегина* поэт не имел никакой мысли; начавши писать, он не знал чем кончить, и оканчивая мог писать еще столько же глав, не вредя общности сочинения, потому что ее нет. Любовь Татьяны к Онегину и Онегина к Татьяне, конечно, основа слишком слабая, даже для чувствительного романа. Но...

при встрече с Онегиным, не хочется говорить худо о нем. Мы так много провели с ним минут усладительных! (...)

— *Московский телеграф*, 1833, ч. 50, № 6.

II

(...) Дружина поэта заглушила похвалами своими вопль истины, пробивавшийся из благонамеренных критик, и поэт смешал друзей своего таланта с своими недругами. От стечения сих неблагоприятных обстоятельств произошел вред не таланту поэта, но истинным ценителям сего таланта, лишившимся лучшего, хорошего! Множество произведений обыкновенных ослабило внимание публики к поэту, а некоторые из недалёковидных критиков и недоброжелатели Пушкина уже провозгласили совершенный упадок его дарования.— Правда, что надобна была сильная вера в сие дарование, чтобы не усомниться в его упадке после такой пьесы, какова, например: *Послание к Князю Юсупову!*— Но я пребыл верен моему мнению, что дарование Пушкина только сбилось с пути, начертанного ему природою, а не погибло, и альманах *Северные Цветы* на 1832 год обрадовал меня чрезвычайно, убедив, что я не ошибся в моей вере.— *Моцарт и Сальери; Эхо; Анчар, древо яда*, суть произведения дарования юного, сильного разумом и душою, суть отголоски поэзии современной, высокой, трогательной, томной, грустной, но крепительной и неувядаемой. Звуки сии не гибнут в воздухе, слова не тлеют вместе с бумагою. Такая поэзия начертывает свои звуки в сердце человеческом, которое тверже сохраняет все высокое и сильное, нежели гранит и медь.

Итак, утешьтесь, любители поэзии высокой, благородной, утешьтесь, истинные друзья таланта Пушкина! Сей талант не упал; он еще полон силы и жизни, но он, подобно соловью, теперь не в поре и не на месте пения. (...)

— «Сын отечества» и «Северный архив»,
1833, т. 33, № 6.

Глава пятнадцатая

1834•1835

О чем же думал он? о том,
Что был он беден, что трудом
Он должен был себе доставить
И независимость и честь...

1833

Теперь они смотрят на меня как на холопа,
с которым можно им поступать как угодно.
Опала легче презрения...

1834

Когда пытаются разделить жизнь Пушкина на четко отграниченные периоды, то 1834 год обычно определяют начальным рубежом последнего из них — самого горького и самого темного. «Узлом, в котором явственно сошлись все нити ... игры, был 1834 год», — пишет современный пушкинист (В. С. Непомнящий). С этим трудно спорить. Тучи в судьбе поэта сгустились с ужасающей быстротой: запрещен был «Медный всадник», не упускала случая протрубить об упадке творческих сил критика. Что говорить о завистниках и невеждах, если В. Г. Белинский в «Литературных мечтаниях» 1834 г. сетовал: «Пушкин, поэт русский по преимуществу, Пушкин, в сильных и мощных песнях которого впервые пахнуло веяние жизни русской (...) Пушкин, автор «Полтавы» и «Годунова» и Пушкин — автор «Анджело» и других мертвых безжизненных сказок!» И далее: «Пушкин царствовал десять лет (...) Теперь мы не узнаем Пушкина: он умер или, может быть, только обмер на время. Может быть, его уже нет, а может быть он и воскреснет (...) Судя по его сказкам, по его поэме «Анджело» и по другим произведениям (...), мы должны оплакивать горькую невозвратимую потерю!» В 1838 г. Белинский назвал свое воззрение 1834 г. «жалким»...

Все унижительнее было находиться вблизи двора: казалось, что живешь в доме с прозрачными стенами — ничего не укрыть от любопытных глаз. Неразрешимой становилась денежная проблема — издерживая 30 000 в год, он не мог набрать доходов и на половину этой суммы. Долги стягивали словно петля. Семейные заботы усложнялись: рождались дети; болели, становясь беспомощными, родители; жена привезла и поселила в своем доме двух сестер; брат одолевал просьбами об уплате бесконечных долгов, зять — о разделе имений... И все же он не терял бодрости духа и ясности мысли: утратив жизненные силы, не напишешь «Пиковую даму», «Капитанскую дочку», «Сказку о золотом петушке», «Памятник» и весь последний гениальный лирический цикл; не сумеешь выпустить четыре книги «Современника» — лучшего, содержательнейшего в России журнала. Нет, он был могуч духом, как никогда! И он победил бы, конечно, но удар подстерег с неожиданной стороны...

Итак, негаданно он стал камер-юнкером с Нового, 1834 года. Это было беспрецедентное унижение — если не в глазах света, то в глазах самого Пушкина. Ему шел 35-й год, а придворное звание камер-юнкера обычно получали 20—25-летние, а то и 16-летние отпрыски аристократических родов. Правда, некоторые из них так и оставались камер-юнкерами и будучи старше Пушкина, но присвоение такого звания человеку столь зрелого возраста — явление редкостное. Н. М. Смирнов, приятель Пушкина, в общем, верно оценил ситуацию, написав: «Это его взбесило, ибо сие звание точно было неприлично для человека 34 лет, и оно тем более его оскорбило, что иные говорили, будто оно было дано, чтобы иметь повод приглашать ко двору его жену». Брат Пушкина был удивлен и озадачен полученным известием: «брат (...) только что ни с того ни с сего и совершенно неожиданно произведен в камер-юнкеры». Похоже, что истинную причину своего приближения ко двору Пушкин угадал верно (№ 1), хотя она могла быть и не единственной. Кроме удовольствия видеть Наталью Николаевну на интимных вечерах в Аничковом дворце, царь мог преследо-

вать и иную цель — связать новыми путями поэта-историографа, облегчив себе постоянный надзор за ним и сведя к минимуму возможность своеволия. На звание камергера Пушкин по своему малому чину претендовать не мог, вот и сделали его камер-юнкером. «Надеюсь, что Пушкин хорошо принял свое назначение, до сих пор он держал свое слово и я доволен им», — сказал царь В. Ф. Вяземской не без задней мысли: выведать у ближайших друзей поэта его истинное мнение о новой акции. «До сих пор все надо мною смеялись, вы первый меня поздравили», — с иронией заметил Пушкин великому князю Михаилу Павловичу. Остроумный Вяземский назвал камер-юнкера Пушкина: «обер-камергером наших поэтов при лучезарнейшем дворе Феба». Но поэту приходилось теперь бывать не при поэтическом — фебовом, а при царском — николаевском дворе. Это было ему настолько тягостно, что он несколько раз (не нарочно ли?) оплошал. Однажды явился в Аничков в мундире, а по этикету полагалось во фраке. Увидев свою ошибку, обрадованный, отправился домой, вызвав недовольство императора: оказывается, следовало облачиться во фрак и приехать снова. В другой раз появился в треугольной шляпе, а положено в круглой, в третий — пуговицы не по форме. В церковь на придворные молебны Пушкин не являлся; по случаю тезоименитства с поклоном не подходил, в торжественный день открытия Александровской колонны (30 августа 1834 г.) удрал из столицы. Все это отражено в его личном дневнике (№ 1, 3, 7 и др.), который недаром старший сын поэта не позволял публиковать полностью много десятилетий спустя. Словом, не без умысла и не без тяжелых последствий царь «упек» Пушкина «в камер-пажи под старость лет». В дневнике приятеля Пушкина А. Н. Вульфа в феврале 1834 г. появилась запись: «Самого же поэта я нашел негодующим на царя за то, что он одел его в мундир, его, написавшего теперь повествование о бунте Пугачева и несколько новых русских сказок. Он говорит, что он возвращается к оппозиции». Внутренне Пушкин возвратился к ней давно, если считать, что вообще хоть в какие-то годы он не был оппозиционером. Впрочем, еще в черновиках 1828 г. есть слова: «Вновь сердцу <моему> наносит хладный свет // Неотразимые обиды».

Это не только о настоящем, но и о будущем. С годами обид становилось все больше и делались они все неотразимее. Камер-юнкерство было первым ударом 1834 года.

Вскоре последовал второй. В апреле почтовая цензура бесстыдно распечатала, передала полиции, а та переправила царю письмо Пушкина Наталье Николаевне (№ 28) — то самое, где он клял свое производство в «камер-пажи» и советовал Сашке не ссориться с царями. Примерно 6—7 мая Пушкин узнал об этом (№ 34). Может быть, впервые он впал в такую ярость — вмешательство власти в жизнь семейственную было верным способом его погубить, вольно или невольно этот способ нащупали уже в 1834-м! Попади дневник его к царю в то время, Сибирь бы показалась еще теплым убежищем! Его отношение к происшествию полностью отражено в дневниковой записи 10 мая (№ 34) и в письмах к жене. Перечитайте их внимательно и вы увидите, в каком он был состоянии. «Без политической свободы жить очень можно; без семейственной неприкосновенности невозможно», — замечал он. Мерзость с письмом Пушкин сознательно сделал общеизвестной. 24 мая Вяземский предупредил свою жену: «В письмах своих будь осторожнее и скажи Пушкиной быть также осторожною, ибо чтение писем идет очень исправное». Жуковский, как всегда, старавшийся сгладить острые углы, но тоже до глубины души уязвленный, рассказывал в письме к А. И. Тургеневу: «Не понимаю, что делается с письмами. Их читают — это само по себе разумеется. Но те, которые их читают, должны бы, по крайней мере, исполнять с некоторою честностью плохое ремесло свое... Вот следствие этого проклятого шпионства, которое ни к чему вести не может. Доверенность публичная нарушена; то, за что в Англии казнят, в остальной Европе делается правительствами. А те, которые исполняют подобные законные беззакония, на них не останавливаются, пренебрегают прочитанными письмами и часто оттого, что печать худо распечаталась, уничтожают важное письмо, от которого часто зависит судьба честного человека. И хоть бы какая-нибудь выгода от такой нечестности, обращенной в правило! Что могут узнать теперь из писем? Кто вверит себя почте? Что ж выпрали, разрушив святыню — веру и уважение к правитель-

ству? Это бесит! Как же хотеть уважения к законам в частных людях, когда правительства всё незаконное себе позволяют? Я уверен, что самый верный хранитель общественного порядка есть не полиция, не шпионство, а нравственность правительства». Любопытно, в каком виде (не с поврежденной ли печатью?) получил это письмо Тургенев... Царь, читающий частные письма своих подданных, выглядел ничтожеством. «В нем много от прапорщика и немного от Петра Великого», — записал Пушкин в дневник 21 мая 1834 г. Палач декабристов не дотягивал даже до ботфорт пращура, и Пушкин давно это понял. Кто знает, насколько давно? И, может быть, даже не будет большим риском сказать, что Пушкин ощущал утопичность своего совета, уже давая его 22 декабря 1826 г.

Семейным сходством будь же горд,
Во всем будь пращуру подобен:
Как он, неутомим и тверд,
И памятью, как он, незлобен.

Таков был второй удар 1834 года.

Третий был посильнее — по нарастающей. Под влиянием истории с письмом и вообще из отвращения к императорскому двору, но, может быть, не меньше, и под давлением материальных обстоятельств, Пушкин решил (для себя — бесповоротно!) выйти в отставку. Наталья Николаевна 15 апреля выехала с детьми в Москву — Полотняный завод; непосредственное ее влияние, мешавшее ему бросить опостылевший Петербург, на время ослабело, и он решился. 25 июня было написано письмо к А. Х. Бенкендорфу (№ 48) — короткое и холодное. С этими днями связывают и решительное «Пора, мой друг, пора...» (№ 40), хотя точное время рождения стихотворения не известно, и в последнее время появляются более поздние его датировки. Ответ Бенкендорфа, соперничавший в сухости с обращением Пушкина, недвусмысленно намекал, что отставка будет означать полный разрыв с правительством, который неизвестно еще к чему приведет. Запрещение пользоваться архивами было только цветочками, ягоды могли оказаться более ядовитыми! Можно рассуждать и по-иному: царь все равно не пустил бы Пушкина в отставку, если бы поэт стал настаивать на своей просьбе. Способов «укро-

тять» его было предостаточно. В дело, как известно, вмешался Жуковский и все уладил внешне с малыми потерями. Но одно оказалось невозможным — оскорбленное самолюбие Пушкина. Он полагал, что его считают холопом, с которым можно поступать, как угодно. А он, как Ломоносов, не хотел быть шутком даже у царя небесного, не говоря уж о земных. Теперь представляется, впрочем, что Пушкин ошибался: его считали не шутком, а опасным противником, в борьбе с которым стоит пробовать разнообразные средства — чем коварнее, тем лучше. Когда Пушкин говорит в письме к жене, что он «струхнул», это значит — что он ощутил всю тяжесть могущей последовать царской мести — не для себя одного, но для ни в чем не повинного своего семейства. Удар был предотвращен ценой унижения — одна мысль об этом была невыносима. Несмотря на малое светлое пятно — успех «Пиковой дамы», появившейся в мартовском номере смирдинской «Библиотеки для чтения», настроение было тяжелейшее. Если бы Пушкин мог уехать с женой и детьми или вскоре вслед за ними, ему стало бы легче, но необходимо было довести до конца печатание «Истории Пугачевского бунта». Это казалось единственным выходом и единственной надеждой на будущее. Удивительным было на общем мрачном фоне, что Николай I выпустил рукопись, отделавшуюся легкими царапинами. У самодержца были свои расчеты — запугать дворян крестьянским бунтом можно было, лишь публично рассказав о всех его ужасах. Эту сторону Николай и отыскивал у Пушкина, ради нее разрешил выпустить книгу. Историческая истина его не занимала. 3000 экземпляров «Пугачева» по цене 20 руб. (22 руб. — с пересылкой), разошлись они сразу же между покупателями, принесли бы автору материальную передышку. По крайней мере 20 тысяч, взятых у царя «под Пугачева», можно было бы без напряжения вернуть, да и на неотложные расходы еще бы хватило. Он не знал еще, что тут его подстережет новый, четвертый, по нашему счету, удар — «Пугачева» не покупали.

Еще одна неприятность была постоянная, ползучая, неотвязная — долги. Даже тот неполный свод долговых обязательств, счетов, расчетов, векселей и т. п., который уместился в документальной части XV главы, создает впечатление сжимающегося

кольца, готового задушить поэта. Дня не проходило без каких-нибудь новых долгов, либо объяснений по этим поводам. В I гл. уже рассказывалось о том, что с весны 1834 г. Пушкин взял на себя ответственность за нижегородские имения, обязавшись выплачивать проценты в ломбард, содержание родителям, сестре и брату. Но год опять выдался голодный, недородный... «Голова шла кругом», как часто говорил он. Первые суммы оброка, все же полученные от болдинского управляющего, пошли на уплату долгов отца, на родительскую квартиру, на «прокормление» Льва Сергеевича в ресторациях. Все это вы увидите в его письмах.

4-го августа, убедившись, что неотложные дела с печатанием «Истории...» подходят к концу, Пушкин подал прошение об отпуске в Нижегородскую и Калужскую губернии, перебрался на новую квартиру (освобожденную Вяземскими, уехавшими за границу) в доме Баташева на Дворцовой набережной у Прачешного моста и 25 августа поспешил в Москву; всего несколько часов отняла у него старая столица — так стремился он к своим в Полотняный завод. Но пробыл он там с ними недолго: 8—9 сентября семейство было уже в Москве. Здесь он успел прочитать А. И. Тургеневу несколько страниц «Пугачева». «Много любопытного и оригинального,— записал Тургенев.— Пушкин расшевелил душу мою, заснувшую в степях башкирских» (Тургенев возвратился из своего симбирского имения). Затем Наталья Николаевна с детьми отправилась к матери в Ярополец, а Пушкин — в Болдино в надежде, как любил он говорить, «расписаться» в тишине и покое.

Однако отвлечься, как бывало прежде, от столичных тревог Пушкину в третью болдинскую осень не удалось. Он написал только 224 строки — «Сказку о золотом петушке» (помечена 20 сентября), и хотя она дорогого стоит, все же это, скорее, ясно нам теперь, но не кому-либо из его современников. В своей последней сказке поэт не ушел от жизненной бури, безжалостно швырявшей его корабль. Исследования пушкинистов (А. А. Ахматова, В. С. Непомнящий) показали, как бездонно глубока его «сказочка» и как актуальна она для автора.

Даже снимающему самый поверхностный, прямо автобиографический, слой есть тут чем «пожизниться».

Скажем, в черновике была строка: «Но с царями плохо вздорить». Чем не продолжение дневника и писем 1834 г.? Сразу же слово было заменено: «Но с могучим плохо вздорить». В белой рукописи поэт восстановил «с царями», а к печатной редакции подготовил третий вариант: «Но с *иным* накладно вздорить». Царь был укрыт под псевдонимом «иной». Первоначально концовка «Золотого петушка» была такая же, как в «Сказке о мертвой царевне»: «Сказка ложь, да нам урок, а *иному* и намек». В печатной редакции *иной* был, как все помнят, убран; и вместо него появились «добрые молодцы» («Сказка ложь, да в ней намек! // Добрым молодцам урок»). Но и такую концовку цензура не пропустила, как, впрочем, и вполне «невинное» пожелание: «Царствуй, лежа на боку», показавшееся сомнительным советом. Николай I обещал в свое время Пушкину освобождение от цензуры и чуть ли не диковинную при самодержавии «свободу творчества». Куда там — ни один русский писатель не был притеснен более Пушкина! Не потому ли в черновике сказки проскальзывает: «От моих от царских слов // отпереться я готов». А. А. Ахматова тонко подмечает, что царь Дадон больше похож на меланхолического Александра I, чем на деятельного душегубца — брата своего:

Смолоду был грозен он

.....
 Но под старость захотел
 Отдохнуть от ратных дел
 И покой себе устроить...

В 10-й гл. «Онегина»: «Наш царь дремал», а в черновике сказки: «С дремотой царь забылся». «Биография «отставного завоевателя,— пишет Ахматова,— Дадона вполне подходит к этому образу. (...) Мистически настроенный Александр общался с масонами, а также с прорицателями и ясновидцами и в конце жизни мечтал о том, чтобы удалиться на покой». Что касается неисполненных обещаний и некоторых других примет, то тут уж речь об *ином* — Николае I. Приведем еще одно соображение того же исследователя: «Смещение характерных черт двух царствований имело целью затруднить раскрытие политического смысла «Сказки о золотом петушке». Никто не стал бы искать в Дадоне — стареющем царе, «отставном завоевате-

ле» — подчеркнуто «бодрого» и далеко еще не старого Николая I». Остается лишь повторить, что сказка эта во сто крат глубже автобиографии, она о человеческих судьбах и о морали, и об истинных и мнимых ценностях на земле, но — в ней и жизненная ситуация Пушкина...

В середине октября (между 15 и 18) Пушкин воротился в Петербург. В самом конце года вышла «История Пугачевского бунта». Посылая ее царю, Пушкин приложил 20 «замечаний», т. е. отрывков, которые не решился включить в печатный текст, но полагал не лишним довести до сведения самодержавного правителя. Например, такое: «Расскажи мне, — говорил я (т. е. Пушкин) Д. Пьянову, — как Пугачев был у тебя посажённым отцом». — «Он для тебя Пугачев, — отвечал мне сердито старик, — а для меня он был великий государь Петр Федорович». Это звучало предупреждением Николаю I, но в «замечаниях» есть и открытое выражение той же мысли: «Весь черный народ был за Пугачева. Духовенство ему доброжелательствовало, не только попы и монахи, но и архимандриты, и архиереи. Одно дворянство было открытым образом на стороне правительства». Здесь и прямой намек: Романовы своим существованием обязаны тому самому дворянству, лучших сынов которого он, Николай I, вздернул в 1825 г. на виселицу или сгноил в Сибири. «Нет худа без добра, — так кончались «Общие замечания», — Пугачевский бунт доказал правительству необходимость многих перемен». Но *Иному* — и урок не впрок.

* * *

1835 год не дал облегчения. Пугачев принес примерно 16000 — меньше ссуды. Тысяча экземпляров с небольшим из трех разошлись — остальные Пушкин вынужден был оставить у себя мертвым грузом. Рецензии в большинстве были скверные. Булгарин оказался тут как тут: «Для меня почти непостижимо, что из такого драматического сюжета, как несчастный Пугачевский бунт, поэт-автор не мог ничего создать, кроме сухой реляции». Это означало не только продолжение полосы непризнания — Пушкин знал цену настроению толпы, — но и затягивание долговой петли.

Дефицит его семейного бюджета перевалил уже за 50000. Пришлось вернуться к планам стать газетчиком или издателем журнала. Пушкин написал очередную просьбу Бенкендорфу, тот доложил царю. Последовал отказ.

Снова возникли мысли о побеге, об отъезде в деревню всерьез и надолго, как о единственном пути к спасению. В письмах к Бенкендорфу (№ 102) уже слышатся ноты отчаяния. Кончилось новой ссудой в 30000 рублей и отпуском на четыре месяца. Второй раз Пушкин вынужден был взять просьбу об отставке назад. В 1834 г. он написал «Пора, мой друг, пора...» — это мечта о покое; в 1835 г. он написал «Странника» — ужасный крик человека, у которого иссякает надежда:

О горе, горе нам! Вы, дети, ты, жена! —
Сказал я,—ведайте: моя душа полна
Тоской и ужасом; мучительное бремя
Тягчит меня. Идет! уж близко, близко время:
Наш город пламени и ветрам обречен;
Он в угли и золу вдруг будет обращен,
И мы погибнем все, коль не успеем вскоре
Обрести убежище; а где? о горе, горе!

Но не пропустим в этом стихотворении и отношение семьи к попытке отца и мужа бежать от губительной опасности:

Побег мой произвел в семье моей тревогу,
И дети и жена кричали мне с порогу,
Чтоб воротился я скорее. Крики их
На площадь привлекли приятелей моих;
Один бранил меня, другой моей супруге
Советы подавал, иной жалел о друге,
Кто поносил меня, кто на смех подымал,
Кто силой воротить соседям предлагал;
Иные уж за мной гнались...

Сколько бы ни находили исследователи параллелей в иноязычных источниках подобным стихотворениям Пушкина (и, как правило, вполне справедливо), сколько бы ни указывали литературных произведений, послуживших импульсом, например, к тому же «Страннику» — в нем жизнь самого Пушкина в тот момент, когда стихотворение создано, т. е. в 1835 г.

К тому времени он уже ощущает, что убежища для него нет. Но есть семья. Это становится главным.

Бросается в глаза противоречие: с одной стороны упорная работа («Капитанская дочка», «Современник», «История Петра»), гениальные строки, появлявшиеся до последних недель жизни, с другой — отчаяние, такое, как в «Страннике» или в «Не дай мне бог сойти с ума» * (№ 126). Последнее стихотворение, по мнению Я. Л. Левкович, создано после творчески бесплодной осени, проведенной Пушкиным в Михайловском в 1835 г., и как бы примыкает к его письму П. А. Осиповой (№ 125), исполненному горечи и печали. Такое построение выглядит убедительным, ибо ко всем преодолимым невзгодам постепенно приближалась непреодолимая: нарушение семейного спокойствия, клевета, обращенная уже не против Пушкина-поэта, но против Пушкина-семьянина. Тут в пору было с ума сойти! В светских гостиных Петербурга появился будущий его убийца. Не исключен даже намек в письме от 25 сентября: «...иногда досадно мне видеть молодых кавалергардов на балах, на которых уже не пляшу». Хотя, возможно, здесь уже сказывается излишнее воображение пушкинистов, отягченное знанием того, что произошло после. Что же касается упомянутого очевидного противоречия между свободой духа, ясностью мысли, творческой свежестью и глубочайшим отчаянием, оно — реальность в жизни многих людей. Но в данном случае положение необычайно осложнено, и пропасть стократно углублена великой силой личности Пушкина, невиданно тонкой его восприимчивостью и поэтической всеотзывчивостью.

В Михайловское он уехал 7 сентября. 26 числа закончено бессмертное «Вновь я посетил...» (см. гл. VIII, № 109). Прав был один из первых советских биографов Пушкина Н. Л. Бродский: «Эти стихи стали символом пушкинского благоволения к молодым поколениям, шедшим на смену не только его веку, его культуре. И начальные строки этого стихотворения не забудутся никогда, пока будет звучать на земле русское слово. Какой вечной красоты лишены были современники поэта, при его жизни не знавшие этих

* В академических собраниях относят это стихотворение к 1833 г. Убедительную аргументацию в пользу 1835-го см. в статье Я. Л. Левкович в кн.: Пушкин. Исследования и материалы. Т. X. М.—Л., 1982).

стихов!». Точного перечня того, что написано тогда в Михайловском, у специалистов нет до сих пор. Видимо, Пушкин работал над первыми главами «Египетских ночей», «Марьей Шонинг», некоторыми драматическими отрывками. Он думал о продолжении «Евгения Онегина» (№ 117). И, наконец, он написал несколько строк, которые сами за себя говорят:

О бедность! затвердил я наконец
Урок твой горький! Чем я заслужил
Твое гоненье, властелин враждебный,
Довольства враг, суровый сна мутитель?..

Отпуск дан ему был на четыре месяца, но уже 23 октября он возвратился. Непосредственным поводом было известие о болезни матери, главной причиной — душевная тревога, которую ни осень, ни любимая деревня не могли унять.

14 декабря исполнилось десять лет со дня декабрьского восстания. Были сделаны некоторые послабления каторжным и ссыльным. Пушкин не терял надежды на освобождение Кюхельбекера (№ 127). В конце 1835 г. он написал о возвращении декабристов и в стихах. Античная оболочка (переложение оды Горация) не мешает однозначному восприятию:

Кто из богов мне возвратил
Того, с кем первые походы
И браней ужас я делил,
Когда за призраком свободы
Нас Брут отчаянный водил?

Он верил, что «милостью богов» еще увидит друзей своей юности, с кем вместе молодо мчался «за призраком свободы». Есть там и такие строки:

А ты, любимец первый мой,
Ты снова в битвах очутился..
И ныне в Рим ты возвратился
В мой домик темный и простой..

Обращение к «первому, бесценному другу», с которым уже не довелось никогда увидеться, легко угадывается здесь.

Год кончился просьбой к Бенкендорфу об издании «Современника». Борьба продолжалась.

«ЧТО МОИ РЕБЯТИШКИ?»

Одно важное событие в жизни Пушкина в 1835 г. оставлено для конца главы. 14 мая жена родила ему второго сына — Григория. Тревожился будущий отец на этот раз пуще обычного и даже, к удивлению всей семьи, уехал в Михайловское на десять дней (см. гл. I). Возвратился он на следующий день после родов и вздохнул свободнее, узнав, что все прошло более или менее благополучно (№ 100). Наталья Николаевна хотела назвать сына Николаем, а Александр Сергеевич — либо Гаврилой, либо Григорием. Оба эти имени встречались в роду Пушкиных в Смутное время, которым поэт особенно интересовался, работая над «Борисом Годуновым». Собственно, и старший сын чуть было не стал Гаврилой; но победило отцовское имя. В письмах Пушкина о Грише всего лишь несколько упоминаний. Два — в письмах к теще, вскоре после его рождения и одно к жене из Москвы 14 мая 1836 г.: «Сегодня день рождения Гришки, поздравляю его и тебя. Буду пить за его здоровье». До следующего Гришиного дня рождения отец не дожил.

Жизнь братьев Пушкиных, сыновей поэта, складывалась поначалу примерно одинаково. В 1849 г. Григорий был принят в Пажеский корпус; в 1853 г. имел уже чин корнета; потом служил, как и Александр, под началом отчима; в 1860 г. был ротмистром в должности адъютанта командующего отдельным гвардейским корпусом; в 1864 г. подполковник Г. А. Пушкин служил при министре внутренних дел. Несколько раз младший сын поэта, получая отпуск, путешествовал, бывал во Франции. Но в 1866 г. карьера его внезапно оборвалась — с чином надворного советника Григорий Александрович вышел в отставку. По полюбовному разделу с братом и сестрами досталось ему отцовское Михайловское, куда он — думая, что навсегда — переехал. Не вдаваясь в подробности, которые довольно темны, скажем, что отставка Г. А. Пушкина и почти полное удаление от столиц объясняются, видимо, личными причинами. Много лет он был связан с бедной француженкой, на которой по каким-то обстоятельствам не мог жениться, но потом увез с собою в Михайловское и жил общим домом. Началось это еще при жизни Натальи Николаевны и очень ее тревожило.

В Опочецком уезде сын поэта занимался делами общественными — был мировым судьей и присяжным

заседателем. Даже в чинах продвинулся, дойдя до статского советника. Сохранившиеся о нем воспоминания (внука А. П. Керн Ю. М. Шокальского, С. Яблоновского и других) рисуют очень симпатичного, раннего и гордого человека с родовой пушкинской внешностью и мягким материнским характером. В молодости, как говорили, был он красив и, по некоторым отзывам, чем-то напоминал мать. Но видевший его уже в пожилых годах мемуарист писал: «Я невольно поразился огромным сходством Г. А. с отцовскими портретами, такой же нос, такой же лоб, тот же склад лица, только волосы не вьются, да длинная седая борода». Рассказывали, что Григорий Пушкин пробовал свои силы в юмористическом стихотворстве, но никогда ни строки не напечатал. Внук Евпраксии Вульф (Вревской) вспоминал о знакомстве с младшим сыном поэта: «Не только внешностью, но и характером был очень похож на отца. Та же живость, подвижность, здоровая нервность, быстрая восприимчивость и отзывчивость, жизнерадостность, пожалуй, такая же страстность». Больше тридцати лет прожил Григорий Александрович там, где отец его «провел изгнанником два года незаметных». И никто, включая окрестных крестьян, худого слова о нем не сказал; наоборот — шапки снимали и низко кланялись при встрече с этим благородным человеком. Был он отличный хозяин: настроил теплиц, оранжерей, поддерживал любимый отцовский, и дедовский еще, фруктовый сад; привел в порядок дом, который совсем было разрушился; страстно любил охоту. В доме у него было много книг, в том числе все отцовские, которые он неизменно перечитывал. На известной картине Н. Н. Ге «Пушкин в Михайловском» изображен кабинет Григория Александровича.

Как и для всех детей поэта, память отца была для Григория Александровича святыней — с тех самых пор, как, впервые оказавшись в Михайловском, летом 1841 г. шестилетним ребенком он бросил горсть земли на могилу отца. В юности он первый выступил против публикации писем Пушкина, требуя, чтобы «цензура... не одобряла к печати записок, писем и других литературных и семейных бумаг отца моего без ведома и согласия нашего семейства». Резкий протест его вызвало опубликование И. С. Тургеневым по доверенности младшей дочери поэта писем отца к матери. Насколько прав он был, сказать трудно. Конечно,

детям поэта и близким друзьям не всегда приятно было разглашение биографических подробностей. Но, как известно, в пушкинских шутках неизменно есть доля правды, а поэт 25 сентября 1832 г. писал жене: «Вчера был я у Вяземской, у ней отправлялся обоз, и я было с ним отправил к тебе письмо, но письмо забыли, а я его тебе препровождаю, чтоб не пропала ни строка пера моего для тебя и для потомства».

Постоянной заботой Г. А. Пушкина была могила отца в Святогорском монастыре, где любил он слушать звон колоколов; приходилось много раз укреплять могильный холм; небольшая площадка у стены Успенского собора, где поныне покоятся Надежда Осиповна, Сергей Львович и Александр Сергеевич Пушкины, оползала и, если бы не энергия сына и внука, могилы остались бы в небрежении. Григорий Александрович много раз предлагал перенести прах отца в Михайловское, где ему легче будет ухаживать за могилой, но это не осуществилось. В 1870—1880 гг. он часто бывал в Петербурге, живя на Большой Конюшенной улице (ныне — ул. Желябова). В 1880 г. совершил редкую для себя поездку в Москву — на открытие памятника отцу. Там, видимо, в последний раз встретился с братом и сестрами. 19 октября 1880 г. в 69-ю лицейскую годовщину принял приглашение на памятный обед в Лицей, который когда-то закончил его отец.

Григорий Пушкин бережно хранил немногие доставшиеся ему отцовские реликвии: саблю, подаренную поэту в память Арзрумского похода, портрет отца работы Жюль Верне, жестяную масляную лампу — по преданию, ту самую, при свете которой был написан «Борис Годунов».

После открытия памятника в Москве необычайно возрос интерес к потомкам Пушкина, к тем местам в России, которые хранили память о поэте. Приятель Г. А. Пушкина, внук А. П. Керн, писал в связи с этим: «Надо войти в его положение, ведь его преследуют всю жизнь не только отродье репортеров (...), но и все глупцы общества. Ведь это можно остервениться, когда к вам постоянно обращаются с вопросом: «а вы не пицете стихов?», «а вы помните вашего отца?», «ах, вы сами поэт, как это интересно». Не мало раз я это видел, и, право, предпочитаю быть сыном не знаменитого человека, и в особенности писателя».

К столетию со дня рождения Пушкина было решено приобрести Михайловское в казну как национальное достояние, а в доме, где жил поэт, устроить богадельню для престарелых литераторов. Григорий Александрович не только не противился этому, но близко к сердцу принял все хлопоты. Пожертвовал 1000 рублей на нужды общественного учреждения; устроил обед для бедняков. К тому времени его семейное положение было уже иным: расставшись после долгих лет со своей фактической женой, он вступил в официальный брак с Варварой Алексеевной Мельниковой. И вот теперь, в 1899 г., они переезжали в имение жены Маркучай (Маркутье) близ Вильно (Вильнюс). Говорят, в торжественный день передачи Михайловского в вечное владение отечеству Григорий Александрович спустился один к Сороти, стал на колени, перекрестился, поклонился родной земле и простился с нею навсегда.

В Маркучае Пушкины поддерживали атмосферу благодарной памяти и любви к великому русскому поэту. Оставались еще кое-какие вещи и портрет Натальи Николаевны, перед которым старший сын ее часто сживал, читая. Скончался Григорий Александрович 15 августа 1905 г.

Во время Великой Отечественной войны оккупанты разорили пушкинский дом в Маркучае. Некоторые памятные вещи, хранимые когда-то после смерти Григория Александровича его вдовой, спасли партизаны. Существуют воспоминания писательницы Татьяны Тэсс, побывавшей там сразу после войны. Войдя в разоренный дом Г. А. и В. А. Пушкиных, она увидела на стене чудом сохранившуюся фотографию старого человека в гробу. «Я сразу узнала это лицо,— писала Тэсс.— Высокий в выпуклостях лоб, крупный нос с косо разрезанными ноздрями и эта тень всепрощающей печали, горести, удивления, замершая в углах рта... мертвый Пушкин лежал в гробу. Пушкин в старости с длинной седой бородой. Мне показалось, что если бы маску, снятую некогда с мертвого Пушкина Гальбергом, положить на это лицо, сошлись бы все выпуклости и впадины, все черты и размеры...»

«Бескорыстная мысль, что внуки будут уважены за имя, нами им переданное, не есть ли благороднейшая надежда человеческого сердца», — сказал как-то Пушкин. Он, конечно, имел в виду и детей.

1

1 января. Третьего дня я пожалован в камер-юнкеры (что довольно неприлично моим летам). Но двору хотелось, чтобы Наталья Николаевна танцевала в Аничкове. Так я же сделаюсь русским Dangeau*.

Скоро по городу разнесутся толки о семейных ссорах Безобразова с молодою своей женою. Он ревнив до безумия. Дело доходило не раз до драки и даже до ножа. Он прогнал всех своих людей, не доверяя никому. Третьего дня она решилась броситься к ногам государыни, прося развода или чего-то подобного. Государь очень сердит. Безобразов под арестом. Он, кажется, сошел с ума.

Меня спрашивали, доволен ли я моим камер-юнкерством. Доволен, потому что государь имел намерение отличить меня, а не сделать смешным,—а по мне хоть в камер-пажи, только б не заставили меня учиться французским вокабулам и арифметике.

Встретил Новый год у Натальи Кирилловны Загряжской. Разговор со Сперанским о Пугачеве, о Собрании законов, о первом времени царствования Александра, о Ермолове etc.

А. С. Пушкин. Дневник. 1834.

2

Вследствие предписания I Отделения Департамента хозяйственных и счетных дел от 27 генваря за № 405-м экзекутор Министерства иностранных дел долгом составляет сим дать знать Г. Г. коллежскому ассессору

* Данжо (фр.)

Ремеру и титулярному советнику Пушкину, что они по высочайшему именному Его Императорского Величества указу данному Придворной конторе в 31 день минувшего декабря всемилоостивейше пожалованы в звание Камер-юнкеров двора Его Императорского Величества. *Генваря 27 дня 1834 г.*

Экзекутор Привалов

*Господину коллежскому ассессору Ремеру
Господину титулярному советнику Пушкину
(на обороте:)*

*Читал коллежский ассессор Николай Ремер
Читал Александр Пушкин*

3

17[января]. Бал у гр. Бобринского, один из самых блистательных. Государь мне о моем камер-юнкерстве не говорил, а я не благодарил его. Говоря о моем «Пугачеве», он сказал мне: «Жаль, что я не знал, что ты о нем пишешь; я бы тебя познакомил с его сестрицей, которая тому три недели умерла в крепости Эрлингфоской» (с 1774-го году!). Правда, она жила на свободе в предместьи, но далеко от своей донской станицы, на чужой, холодной стороне. Государыня спросила у меня, куда ездил я летом. Узнав, что в Оренбург, осведомилась о Перовском с большим добродушием.

26-го января. В прошедший вторник зван я был в Аничков. Приехал в мундире. Мне сказали, что гости во фраках. Я уехал, оставя Наталью Николаевну, и, переодевшись, отправился на вечер к С. В. Салтыкову. Государь был недоволен и несколько раз принимался говорить обо мне: *Il aurait pu se donner la peine d'aller mettre un frac et de revenir. Faites-lui des reproches**.

В четверг бал у кн. Трубецкого, траур по каком-то князе (то есть принце). Дамы в черном. Государь приехал неожиданно. Был на полчаса. Сказал жене: *Est-ce à propos de bottes ou de boutons que fotre mari n'est pas fenu dernièrement? *** (Мундирные пуговицы.

* Он мог бы дать себе труд съездить надеть фрак и возвратиться. Попеняйте ему (фр.).

** Из-за сапог или из-за пуговиц ваш муж не явился в последний раз? (фр.)

Старуха гр. Бобринская извиняла меня тем, что у меня не были они нашиты.)

Барон д'Антес и маркиз де Пина, два шуана, будут приняты в гвардию прямо офицерами. Гвардия ропщет. <...>

А. С. Пушкин. Дневник. 1834.

4

Посылаю тебе, почтеннейший друг Александр Сергеевич, Историю господина Пугачева, тобою написанную с особенным искусством; очень сожалительно для меня, что не успел я прочитать сего бытописательного отрывка, делающего честь твоему таланту. Продолжай, достойный русский писатель, работать умом и пером ко чести России и ко полноте твоего кармана. А завтра я именинник, и будет у меня ввечеру семейство Карамзиных, Мещерских и Вяземских; и будут у меня два изрядных человека графы Вьельгорские, и попрошу Смирнову с собственным ее мужем; да, может быть, привлеку и привлекательную Дубенскую; вследствие сего прошу и тебя с твоею грациозною, стройно-созданною, богинеобразною, мадонистою супругою пожаловать ко мне завтра (во вторник) в 8 часов откушать чаю с бриошами и прочими вкусными причудами; да скажи об этом и домашнему твоему Льву. Уведомь, будешь ли, а я твой

богомолец *Василий*.

В. А. Жуковский — Пушкину.
29 января 1834. Петербург.

5

Представляя его величеству том II Пугачева, приемлю смелость обратиться к вашему сиятельству по поводу обстоятельств, меня касающихся, и прибегнуть к вашей обычной благосклонности.

Разрешая напечатание этого труда, его величество обеспечил мое благосостояние. Сумма, которую я могу за него выручить, даст мне возможность принять наследство, от которого я вынужден был отказаться за отсутствием сорока тысяч рублей, недостававших мне.

Этот труд мне их доставит, если я сам буду его издателем, не прибегая к услугам книгопродавца. 15 000 было бы мне достаточно.

У меня две просьбы: первая — чтобы мне разрешили отпечатать мое сочинение за мой счет в той типографии, которая подведомственна г-ну Сперанскому, — единственной, где, я уверен, меня не обманут; вторая — получить в виде займа на два года 15 000 — сумму, которая даст мне возможность посвятить изданию всё необходимое время и старание.

У меня нет другого права на испрашиваемую мною милость, кроме тех благодеяний, которые я уже получил и которые придают мне смелость и уверенность снова к ним прибегнуть. Покровительству вашего сиятельства вверяю я мою покорнейшую просьбу.

Остаюсь, граф, вашего сиятельства нижайший (фр.)

*Пушкин — А. Х. Бенкендорфу.
7—10 февраля 1834. В Петербурге.
(Вторая черновая редакция)*

6

Милостивый государь Александр Христофорович,

Не имея ныне способа, независимо от книгопродавцев, приступить к напечатанию мною написанного сочинения, осмеливаюсь прибегнуть к Вашему сиятельству со всепокорнейшею моею просьбою о выдаче мне из казны заимообразно, за установленные проценты, 20 000 рублей с тем, чтоб я оные выплатил в два года, по срокам, которые угодно будет назначить начальству. (...)

*Пушкин — А. Х. Бенкендорфу.
26 февраля 1834. В Петербурге.*

7

28 февраля. Протекший месяц был довольно шумен, — множество балов, раутов etc. Масленица. Государыня была больна и около двух недель не выезжала. Я представлялся. Государь позволил мне печатать

«Пугачева»; мне возвращена моя рукопись с его замечаниями (очень дельными). В воскресенье на бале, в концертной, государь долго со мной разговаривал; он говорит очень хорошо, не смешивая обоих языков, не делая обыкновенных ошибок и употребляя настоящие выражения. (...)

А. С. Пушкин. Дневник 1834.

8

Милостивый государь Александр Сергеевич!

На письмо Ваше, от 26 февраля, о выдаче Вашему высокоблагородию заимообразно из казны *двадцать тысяч* рублей ассигнациями за указанные проценты, с тем, что вы, милостивый государь приемлете на себя обязанность уплатить сию сумму в течение двух лет, по срокам, которые угодно будет назначить начальству, я имел счастье докладывать государю императору.

Его величество, изъявив на то свое соизволение, высочайше повелеть соизволил, выдать вам 20 тысяч рублей на вышеизложенных условиях.

Поспешая вас о сем уведомить, имею честь присокупить, что вместе с сим я сообщил о сей высочайшей воле г. министру финансов. (...)

*А. Х. Бенкендорф — Пушкину.
4 марта 1834. Петербург.*

9

Я нижеподписавшийся камер-юнкер Александр Сергеев, сын Пушкин, на основании Высочайшего указа на имя г. Министра финансов в 9-й день марта 1834 г. последовавшего, о выдаче мне из Государственного казначейства на напечатание написанного мною сочинения под заглавием: «История Пугачевского бунта» двадцати тысяч рублей ассигн. в ссуду на два года без процентов и без вычета в пользу вечных, с тем, чтобы я возвратил сию сумму в течение 2-х лет по равным частям по истечении каждого года, даю сие

обязательство Государственному казначейству в том, что оные выданные мне в ссуду 20.000 рублей должен я, а по мне наследники мои, возвратить Государственному казначейству в течение 2-х лет по равным частям по истечении каждого года, считая срок от дня выдачи означенных 20.000 рублей (т. е. от 22-го Марта 1834 года) и платежи произвести в С.-Петербургскую казенную палату. В неперменном исполнении сего обязательства подписуюсь своеручно. 22-го Марта 1834 года (Подписано). Двора Его Императорского Величества камер-юнкер Александр Сергеев, сын Пушкин.

Долговое обязательство Пушкина.

10

Милостивый государь Александр Сергеевич!

Шеф жандармов, Командующий императорскою главною квартирою г-н генерал-адъютант граф Бенкендорф, получив письмо Вашего высокоблагородия от 27 февраля, поручил мне вас уведомить, что он сообщил г-ну действительному тайному советнику Сперанскому о высочайшем соизволении, чтобы сочиненная вами история Пугачева напечатана была в одной из подведомственных ему типографий.

Исполняя сим приказание его сиятельства графа Александра Христофоровича, имею честь быть (...)

*Л. В. Дубельт — Пушкину.
4 марта 1834. Петербург.*

11

Милостивый государь Леонтий Васильевич,

Спешу Вас всепокорнейше известить, что уведомление о высочайшем соизволении государя императора печатать мною написанную Историю о Пугачеве в одной из типографий, подведомственных господину действительному тайному советнику Сперанскому, получить имел я честь. (...)

*Пушкин — Л. В. Дубельту.
5 марта 1834. Петербург.*

12

6 марта. Слава богу! Масленица кончилась, а с нею и балы.

Описание последнего дня масленицы (4-го марта) даст понятие и о прочих. Избранные званы были во дворец на бал утренний, к половине первого. Другие на вечерний, к половине девятого. Я приехал в 9. Танцевали мазурку, коей оканчивался утренний бал. Дамы съезжались, а те, которые были с утра во дворце, переменили свой наряд. Было пропасть недовольных: те, которые званы были на вечер, завидовали утренним счастливым. Приглашения были разосланы кое-как и по списку балов князя Кочубея; таким образом ни Кочубей, ни его семейство, ни его приближенные не были приглашены, потому что их имена в списке не стояли. Всё это кончилось тем, что жена моя выкинула. Вот до чего доплясались.

Царь дал мне займы 20 000 на напечатание «Пугачева». Спасибо. (...)

А. С. Пушкин. Дневник. 1834.

13

Граф Бенкендорф, свидетельствуя совершенное почтение его благородию Александру Сергеевичу, честь имеет при сем препроводить к нему обратно второй том Истории Пугачева и уведомить, что государь император изволил всё одобрить, за исключением некоторых мест, где его императорским величеством собственноручно сделаны отметки.

А. Х. Бенкендорф — Пушкину.
8 марта 1834. Петербург.

14

17 марта. Вчера было совещание литературное у Греча об издании русского Conversation's Lexikon*. Нас было человек со сто, большею частью неизвестных мне русских великих людей. Греч сказал мне предварительно: «Плюшар в этом деле есть шарлатан, а я пальяс: пью его лекарство и хвалю его». Так и вышло. Я подсмотрел много шарлатанства и очень мало толку. Предприятие в миллион, а выгоды не

* Энциклопедический лексикон (нем.).

вижу. Не говорю уже о чести. Охота лезть в омут, где полощутся Булгарин, Полевой и Свињин. Гаевский подписался, но с условием. Князь Одоевский и я последовали его примеру. Вяземский не был приглашен на сие литературное сборище. (...)

Третьего дня обед у австрийского посланника. Я сделал несколько промахов: 1) приехал в 5 часов, вместо 5¹/₂, и ждал несколько времени хозяйку; 2) приехал в сапогах, что сердило меня во всё время. Сидя втроем с посланником и его женою, разговорился я об 11-м марте. Недавно на бале у него был цареубийца Скарятин; Фикельмон не знал за ним этого греха. Он удивляется странностям нашего общества. Но покойный государь окружен был убийцами его отца. Вот причина, почему при жизни его никогда не было бы суда над молодыми заговорщиками, погибшими 14-го декабря. Он услышал бы слишком жестокие истины. *Н*. Государь, ныне царствующий, первый у нас имел право и возможность казнить цареубийц или помышления о цареубийстве; его предшественники принуждены были терпеть и прощать.

А. С. Пушкин. Дневник. 1834.

15

Милостивый государь Александр Сергеевич,

Сего числа дано предписание Главному казначейству о выдаче всемилостивейше пожалованных Вам на напечатание Истории Пугачевского бунта 20 000 рублей, в ссуду на два года без процентов и без вычета в пользу увечных, со взятием от Вас надлежащего Государственному казначейству обязательства, в исправном возврате сей ссуды; о чем поспешая Вас уведомить, имею честь быть (...)

*Д. М. Княжевич — Пушкину.
21 марта 1834. Петербург.*

16

Ты не можешь вообразить, милый друг, как обрадовался я твоему письму. Во-первых, получаю от тебя тетрадку: доказательство, что у тебя и лишнее

время, и лишняя бумага, и спокойствие, и охота со мною болтать. С первых строк вижу, что ты спокоен и счастлив. Каждое слово уничтожает сплетни, половине коих я не верил, но коих другая половина сильно меня тревожила. У меня обедал Соболевский и Лев Сергеевич. Прочитав твое письмо сперва про себя, потом во услышание твоих приятелей, все мы были довольны, все пожелали тебе счастья. Наталья Николаевна нетерпеливо желает познакомиться с твоею Верою Александровною и просит тебя заочно их подружить. Она сердечно тебя любит и поздравляет... Но сперва поговорим о деле, т. е. о деньгах. Когда ты отправил меня из Москвы, ты помнишь, что мы думали, что ты без моих денег обойдешься; от того-то я моих распоряжений и не сделал. У меня была в руках, и весьма недавно, довольно круглая сумма; но она истаяла и до октября денег у меня не будет — но твои 3000 доставлю тебе в непродолжительном времени, по срокам, которые назначу, сообразясь с моими обстоятельствами. Здесь говорили, что ты проиграл в долг всё, что тебе следовало получить с брата. Ты не можешь вообразить, как это меня беспокоило; но теперь надеюсь на перемену жизни твоей. Тебе уже не нужно потрясений кенз-ель-ва и плие, для рассеяния своего домашнего горя. Говорят, что несчастье хорошая школа: может быть. Но счастье есть лучший университет. Оно довершает воспитание души, способной к доброму и прекрасному, какова твоя, мой друг; какова и моя, как тебе известно. Конечно мы квиты, если ты мне обязан женитьбою своею — и надеюсь, что Вера Александровна будет меня любить, как любит тебя Наталья Николаевна. Вообрази, что жена моя на днях чуть не умерла. Нынешняя зима была ужасно изобильна балами. На масленице танцевали уж два раза в день. Наконец настало последнее воскресенье перед великим постом. Думаю: слава богу! балы с плеч долой. Жена во дворец. Вдруг, смотрю — с нею делается дурно — я увожу ее, и она, приехав домой, — выкидывает. Теперь она (чтоб не сглазить), слава богу, здорова и едет на днях в калужскую деревню к сестрам, которые ужасно страдают от капризов моей тещи. (...) Обстоятельства мои затруднились еще вот по какому случаю: на днях отец мой посылает за мною. Прихожу — нахожу его в слезах, мать в по-

стеле — весь дом в ужасном беспокойстве. *Что такое? имение описывают. — Надо скорее заплатить долг. — Уж долг заплачен. Вот и письмо управителя. — О чем же горе? — Жить нечем до октября. — Поезжайте в деревню. — Не с чем. — Что делать? Надобно взять имение в руки, а отцу назначить содержание. Новые долги, новые хлопоты. А надобно: я желал бы и успокоить старость отца, и устроить дела брата Льва, который в своем роде такой же художник, как и Андрей Петрович, с той разницей, что за собою никакого художества не знает. Сестра Ольга Сергеевна выкинула и опять брюхата. Чудеса да и только.*

Вот тебе другие новости: я камер-юнкер с января месяца; «Медный всадник» не пропущен — убытки и неприятности! зато Пугачев пропущен, и я печатаю его на счет государя. Это совершенно меня утешило; тем более, что, конечно, сделав меня камер-юнкером, государь думал о моем чине, а не о моих летах — и верно не думал уж меня кольнуть. Как скоро устрою свои дела, то примусь и за твои. Прощай, жди денег.

Пушкин — П. В. Нащокину.
Середина марта 1834. Из Петербурга в Москву.

17

2 апреля. <...>

В прошлое воскресенье обедал я у Сперанского. Он рассказывал мне о своем изгнании в 1812 году. Он выслан был из Петербурга по Тихвинской глухой дороге. Ему дан был в провозатые полицейский чиновник, человек добрый и глупый. На одной станции не давали ему лошадей; чиновник пришел просить покровительства у своего арестанта: «Ваше превосходительство! помилуйте! заступитесь великодушно. Эти каналы лошадей нам не дают».

Сперанский у себя очень любезен. Я говорил ему о прекрасном начале царствования Александра: *Вы и Аракчеев, вы стоите в дверях противоположных этого царствования, как гении Зла и Блага.* Он отвечал комплиментами и советовал мне писать историю моего времени.

А. С. Пушкин. Дневник. 1834.

18

⟨...⟩ Вы спрашиваете меня о «Медном всаднике», о Пугачеве и о Петре. Первый не будет напечатан. Пугачев выйдет к осени. К Петру приступаю со страхом и трепетом, как Вы к исторической кафедре. Вообще пишу много про себя, а печатаю поневоле и единственно для денег: охота являться перед публикою, которая Вас не понимает, чтоб четыре дурака ругали Вас потом шесть месяцев в своих журналах только что не по-матерну. Было время, литература была благородное, аристократическое поприще. Ныне это вшивый рынок. Быть так.

*Пушкин — М. П. Погодину.
Около (не позднее) 7 апреля 1834.
Из Петербурга в Москву.*

19

8 апреля. ⟨...⟩ Сейчас еду во дворец представиться царице.

2 часа. Представлялся. Ждали царицу часа три. Нас было человек 20. ⟨...⟩ Я по списку был последний. Царица подошла ко мне, смеясь: — Non, c'est unique!.. Je me creusais la tête pour savoir quel Poushchine me sera présenté. Il se trouve que c'est vous!.. Comment va votre femme? Sa tante est bien impatiente de la voir en bonne santé, la fille de son coeur, sa fille d'adoption * ⟨...⟩

Я простился с Вольховским, который на днях едет в Грузию. Болховской сказывал мне, что Воронцову вымыли голову по письму Котляревского (героя). Он (то есть Болховской) очень зло отзывается об одесской жизни, о гр. Воронцове, о его соблазнительной связи с О. Нарышкиной etc. etc.—Хвалит очень графиню Воронцову.

Бринкена, сказывают, финляндское дворянство повесило или повесит.

* Нет, это беспримерно! Я себе голову ломала, думая, какой Пушкин будет мне представлен. Оказывается, что это вы... Как поживает ваша жена? Ее тетка в нетерпении увидеть ее в добром здравии,—дочь ее сердца, ее приемную дочь... (фр.).

10 апреля. Вчера вечер у Уварова — живые картины. Долго сидели в темноте. S. не было — скука смертная. После картин вальс и кадрили, ужин плохой. Говоря о Свиныне, предлагающем Российской Академии свои манускрипты XVI-го века, Уваров сказал: «Надобно будет удостовериться, нет ли тут подлога. Пожалуй, Свинын продаст за старинные рукописи тетрадки своих мальчиков».

А. С. Пушкин. Дневник.
1834.

20

Милостивый государь Александр Сергеевич!

С душевным удовольствием готов исполнить Ваше желание теперь и всегда: да благословит только Вас Гений Ваш новыми вдохновениями, а мы готовы — что? скажете Вы — обрезать крылья ему? По крайней мере моя рука не поднимется на это. Потрудитесь прислать мне всё, что означено в записке Вашей, и уведомить меня, к какому времени желали бы Вы окончания этой тяжбы политического механизма с искусством, говоря просто, ценсурования. Я Пиковой Дамы не подписал, потому что считаю ее только частью собрания, к которому уже заодно приписано будет: печатать позволяется. <...>

А. В. Никитенко — Пушкину.
9 апреля 1834 г. Петербург.

21

<...> не нужен ли вам портрет Пугачева для сочиняемой Истории его? Я видел гравированный у Платона Петровича Бекетова и могу достать верный рисунок с оного. Подлинный принадлежит к тому времени, когда самозванец был пойман. — Полагая, что сведения, собранные вами, обширнее и любопытнее моих (из коих составлена мною биография мнимого Петра), желаю, однако ж, знать от вас: не имеете ли вы надобности в верном описании примет, обыкновенно-

венной одежды и образа жизни Пугачева, почерпнутых мною из писем частных особ к покойному моему родителю? — Если вам нужна и биография, я могу выслать оную. При сем прилагаю рисунок с печати самозванца. Он представлен без бороды, вероятно для бóльшего убеждения легковерных в сходстве его с императором, на которого совсем не походил.

Будьте здоровы и трудитесь для славы собственной и любезного отечества. <...>

*Д. Н. Бантыш-Каменский — Пушкину.
10 апреля 1834. Из Москвы в Петербург.*

22

Милостивый государь Дмитрий Николаевич,

Позвольте принести Вам глубочайшую мою благодарность за письмо, драгоценный знак Вашей благосклонности, и за снимок с печати Самозванца, который я тотчас и отдал гравировать. Портрет его у меня есть и также гравирован. С нетерпением буду ждать биографию Пугачева, которую изволите мне обещать с такою снисходительностию.

Жалею, что время не позволяет мне повергнуть мой труд Вашему рассмотрению. Мнения и замечания такого человека, каков Вы, послужили бы мне руководством и ободрили бы первый мой исторический опыт. <...>

*Пушкин — Д. Н. Бантышу-Каменскому.
1 мая 1834. Из Петербурга в Москву.*

23

Милостивый государь Александр Сергеевич!

Поспешаю представить Вам: 1) Биографию Пугачева; 2) разные краткие биографии, числом двадцать, отличившихся в сие смутное время верностию к престолу и содействовавших самозванцу; 3) биографию графа Петра Ивановича Панина, из коей, может быть, Вы что-либо почерпнете любопытное.—

Первою (то есть Пугачевскою) бью Вам челом, представляя оную в полное Ваше распоряжение; вторые прошу возвратить мне; а биографию графа Панина потрудитесь (если найдете достойною) передать г. Смирдину для помещения в издаваемой им Библиотеке.

Извините, почтеннейший Александр Сергеевич, что за скоростию посылаю я Вам некоторые черновые бумаги. Счастливым себя почту, удовлетворив любопытство Ваше. Верьте, что душевная преданность моя к Вам соответствует глубочайшему почтению, с коим имею честь быть <...>

*Д. Н. Бантыш-Каменский — Пушкину.
7 мая 1834. Из Москвы в Петербург.*

24

Батюшке угодно было поручить в полное мое распоряжение управление имения его; посему, утверждая доверенность, им данную Вам, извещаю Вас, чтобы отныне относились Вы прямо ко мне по всем делам, касающимся Болдина. Немедленно пришлите мне счет денег, доставленных вами батюшке со времени вступления Вашего во управление, также и Вами взятых займы и на уплату долга, а за сим и сколько в остатке непроданного хлеба, несобранного оброка и (если случится) недоимок. Приступить Вам также и к подворной описи Болдина, дабы она к сентябрю месяцу была готова.

*Пушкин — И. М. Пеньковскому.
13 апреля 1834. Из Петербурга в Болдино.*

25

16-го [апреля]. Вчера проводил Наталью Николаевну до Ижоры. Возвратясь, нашел у себя на столе приглашение на дворянский бал и приказ явиться к графу Литте. Я догадался, что дело идет о том, что я не явился в придворную церковь ни к вечерне в субботу, ни к обедне в вербное воскресенье. Так и вышло: Жуковский сказал мне, что государь был

недоволен отсутствием многих камергеров и камер-юнкеров, и сказал: «Если им тяжело выполнять свои обязанности, то я найду средство их избавить». (...)

Однако ж я не поехал на головомытье, а написал изъяснение.

Говорят, будто бы на днях выйдет указ о том, что уничтожается право русским подданным пребывать в чужих краях. Жаль во всех отношениях, если слух сей оправдается.

А. С. Пушкин. Дневник. 1834.

26

Что, женка? какво ты едешь? что-то Сашка и Машка? Христос с вами! будьте живы и здоровы, и доезжайте скорее до Москвы. Жду от тебя письма из Новгорода; а покамест вот тебе отчет о моем холостом житье-бытье. Третьего дня возвратился я из Царского Села в пять часов вечера, нашел на своем столе два билета на бал 29-го апреля и приглашение явиться на другой день к Литте; я догадался, что он собирается мыть мне голову за то, что я не был у обедни. В самом деле, в тот же вечер узнаю от забежавшего ко мне Жуковского, что государь был недоволен отсутствием многих камергеров и камер-юнкеров и что он велел нам это объявить. (...) Поутру сидел я в моем кабинете, читая Гримма и ожидая, чтоб ты, мой ангел, позвонила, как явился ко мне Соболевский с вопросом, где мы будем обедать? Тут вспомнил я, что я хотел говеть, а между тем уж оскоромился. Делать нечего; решились отобедать у Дюме; и покамест стали приводить в порядок библиотеку. Тетка приехала спросить о тебе и, узнав, что я в халате и оттого к ней не выхожу, сама вошла ко мне — я исполнил твою комиссию, поговорили о тебе, потужили, побеспокоились; и решились тебе подтвердить наши просьбы и требования — беречь себя и помнить наши наставления. Потом явился я к Дюме, где появление мое произвело общее веселие: холостой Пушкин! Стали потчевать меня шампанским и пуншем и спрашивать, не поеду ли я к Софье Остафьевне? Всё это меня смутило, так что я к Дюме являться уж более не намерен и обедаю сегодня дома, заказав Степану ботвинью и beafsteakes*. Вечер

* бифштекс (англ.).

провел я дома, сегодня проснулся в семь часов и стал тебе писать сие подробное донесение.— Посылаю тебе письмо матери, пришедшее третьего дня—буду ей писать, а покамест обнимаю и целую тебя и благословляю всех троих.

Пушкин—Н. Н. Пушкиной.

17 апреля 1834. Из Петербурга в Москву.

27

(...) Целую тебя крепко и благословляю всех вас. Что Машка? чай, куда рада, что может вволю воевать! Теперь вот тебе отчет о моем поведении. Я сижу дома, обедаю дома, никого не вижу, а принимаю только Соболевского. Третьего дня сыграл я славную штуку со Львом Сергеевичем. Соболевский, будто ненарочно, зовет его ко мне обедать. Лев Сергеевич является. Я перед ним извинился как перед гастрономом, что, не ожидая его, заказал себе только ботвинью да beaf-steakes. Лев Сергеевич тому и рад. Садимся за стол; подают славную ботвинью; Лев Сергеевич хлебает две тарелки, утирает осетрину, наконец требует вина; ему отвечают, нет вина.—Как, нет?—Александр Сергеевич не приказал на стол подавать. И я объявляю, что с отъезда Натальи Николаевны я на диете—и пью воду. Надобно было видеть отчаяние и сардонический смех Льва Сергеевича, который уже ко мне, вероятно, обедать не явится. Во всё время Соболевский подливал себе воду то в стакан, то в рюмку, то в длинный бокал—и потчевал Льва Сергеевича, который чинился и отказывался. Вот тебе пример моих невинных упражнений. С нетерпением ожидаю твоего письма из Новгорода и тотчас понесу его Катерине Ивановне. Покамест—прощай, ангел мой. Целую вас и благословляю. Вчера был у нас первый гром—слава богу, весна кончилась.

Пушкин—Н. Н. Пушкиной.

19 апреля 1834. Из Петербурга в Москву.

28

Ангел мой женка! Сейчас получил я твое письмо из Бронниц—и сердечно тебя благодарю. С нетерпением буду ждать известия из Торжка. Надеюсь, что твоя

усталость дорожная пройдет благополучно и что ты в Москве будешь здорова, весела и прекрасна. Письмо твое послал я тетке, а сам к ней не отнес, потому что репортуюсь больным и боюсь царя встретить. Все эти праздники просижу дома. К наследнику являться с поздравлениями и приветствиями не намерен; царствие его впереди; и мне, вероятно, его не видать. Видел я трех царей: первый велел снять с меня картуз и пожурил за меня мою няньку; второй меня не жаловал; третий хоть и упек меня в камер-пажи под старость лет, но променять его на четвертого не желаю; от добра добра не ищут. Посмотрим, как-то наш Сашка будет ладить с порфиородным своим тезкой; с моим тезкой я не ладил. Не дай бог ему идти по моим следам, писать стихи да ссориться с царями! В стихах он отца не перецеголяет, а плетью обуха не перешибет. <...>

Пушкин — Н. Н. Пушкиной.

20 и 22 апреля 1834. Из Петербурга в Москву.

29

Вчера был наконец дворянский бал. С шести часов начался подъезд экипажей. Я пошел бродить по городу и прошел мимо дома Нарышкина. Народу толпилось множество. Полиция с ним шумела. Иллюминацию приготавливали. Не дождавшись сумерков, пошел я в Английский клуб, где со мною случилось небывалое происшествие. У меня в клубе украли 350 рублей, украли не в тинтере, не в вист, а украли, как крадут на площадях. Каков наш клуб? перецеголяли мы и московский! Ты думаешь, что я сердился, ничуть. Я зол на Петербург и радуюсь каждой его гадости. Возвратясь домой, получаю твое письмо, милый мой ангел. Слава богу, ты здорова, дети здоровы, ты пай дитя; с бала уезжаешь прежде мазурки, по приходам не таскаешься. Одно худо: не потерпела ты, чтоб не съездить на бал княгини Голицыной. А я именно об этом и просил тебя. Я не хочу, чтоб жена моя ездила туда, где хозяйка позволяет себе невнимание и неуважение. Ты не M-lle Sontag*, которую зовут на вечер, а потом на нее и не смотрят.

* мадмуазель Зонтаг (фр.).

Московские дамы мне не пример. Они пускай таскаются по передним, к тем, которые на них и не смотрят. Туда им и дорога. Женка, женка! если ты и в эдакой безделице меня не слушаешь, так как мне не думать... ну, уж бог с тобой. Ты говоришь: я к ней не ездила, она сама ко мне подошла. Это-то и худо. Ты могла и должна была сделать ей визит, потому что она штатс-дама, а ты камер-пажиха; это дело службы. Но на бал к ней нечего было тебе являться. Ей-богу, досада берет — и письма не хочу продолжать.

*Пушкин — Н. Н. Пушкиной.
30 апреля 1834. Из Петербурга в Москву.*

30

Жена моя милая, женка мой ангел — я сегодня уж писал тебе, да письмо мое как-то не удалось. Начал я было за здравие, да свел за упокой. Начал нежностями, а кончил плюхой. Виноват, женка. Остави нам долги наши, якоже и мы оставляем должником нашим. Прощаю тебе бал у Голицыной и поговорю тебе о бале вчерашнем, о котором весь город говорит и который, сказывают, очень удался. Ничего нельзя было видеть великолепнее. Было и не слишком тесно, и много мороженого, так что мне бы очень было хорошо. Но я был в народе, и передо мною весь город проехал в каретах (кроме поэта Кукольника, который проехал в каком-то старом фургоне, с каким-то оборванным мальчиком на запятках; что было истинное поэтическое явление). О туалетах справлюсь и дам тебе знать. Я писал тебе, что у меня в клобе украли деньги; не верь, это низкая клевета: деньги нашлись и мне принесены. Напрасно ты думаешь, что я в лапах у Соболевского и что он пакостит твои мебели. Я его вовсе не вижу, а подружился опять с Sophie Karazine *...

*Пушкин — Н. Н. Пушкиной.
30 апреля 1834. Из Петербурга в Москву.*

* Софи Карамзина (фр.)

31

ВЕКСЕЛЬ

1834-го года мая третьего дня я нижеподписавшийся Двора его императорского величества камер-юнкер Александр Сергеев сын Пушкин занял у полковника Василия Васильева сына Энгельгарда денег государственными ассигнациями тысячу триста тридцать рублей за указные проценты сроком впредь на один год т. е. будущего тысяча восемьсот тридцать пятого года мая по третье число, на которое и должен всю ту сумму сполна заплатить, а буде чего не заплачу, то волен он г-н Энгельгард просить о взыскании и поступлении по законам.

К сему заемному письму камер-юнкер Александр Сергеев сын Пушкин руку приложил.

32

Милостивый государь Николай Иванович,

Благодарю Вас за Ваше письмо. Оно дельное и деловое; следовательно, отвечать на него не трудно.

Согласясь взять на себя управление батюшкинова имения, я потребовал ясного расчета долгам, казенным и частным, и доходам.

Батюшка отвечал мне, что долгу на всем имении *тысяч сто*, что процентов в год должно уплачивать *тысяч семь*, что недоимок *тысячи три*, а что доходов *тысяч 22*.

Я просил всё это определить с большею точностию, и батюшка не успел того сделать сам, я обратился в ломбард и узнал наверное, что

Долгу казенного	190 750
Что процентов ежегодных	11 826
Что недоимок	11 045
(Частных долгов полагаю около	10 000)

Сколько доходу, наверное знать не могу, но, полагаясь на слова батюшкины и ставя по 22 000, выйдет, что, за уплатою казенных процентов, остается до 10 000.

Из оных, если батюшка положит по 1500 Ольге Сергеевне, да по столько же Льву Сергеевичу, то останется для него 7000. Сего было бы довольно для него, но есть недоимки казенные, долги частные, долги Льва Сергеевича, а часть доходов сего года уже батюшкой получена и истрачена.

Покамест не приведу в порядок и в известность сии запутанные дела, ничего не могу обещать Ольге Сергеевне и не обещаю. Состояние мое позволяет мне не брать ничего из доходов батюшкина имения, но *своих* денег я не могу и не в состоянии приплачивать. (...)

*Пушкин — Н. И. Павлицеву.
4 мая 1834. Из Петербурга в Варшаву.*

33

(...) Вы не можете себе представить, до чего управление этим имением мне в тягость. Нет сомнения, Болдино заслуживает того, чтобы его спасти, хотя бы ради Ольги и Льва, которым в будущем грозит нищенство или по меньшей мере бедность. Но я не богат, у меня самого есть семья, которая зависит от меня и без меня впадет в нищету. Я принял имение, которое не принесет мне ничего, кроме забот и неприятностей. Родители мои не знают, что они на волос от полного разорения. Если б только они решились прожить несколько лет в Михайловском, дела могли бы поправиться; но этого никогда не будет.

Рассчитываю повидаться с вами нынешним летом и, разумеется, остановиться в Тригорском. Будьте добры передать мое почтение всему вашему семейству и примите еще раз мою благодарность и выражение чувств моего уважения и неизменной дружбы. (...) (фр.)

*Пушкин — П. А. Осиповой.
29 июня и 13 июля 1834. Из Петербурга в Тригорское.*

34

10 мая. Несколько дней тому получил я от Жуковского записочку из Царского Села. Он уведомлял меня, что какое-то письмо мое ходит по городу и что

государь об нем ему говорил. Я вообразил, что дело идет о скверных стихах, исполненных отвратительно-го похабства и которые публика благосклонно и милостиво приписывала мне. Но вышло не то. Московская почта распечатала письмо, писанное мною Наталье Николаевне, и, нашед в нем отчет о присяге великого князя, писанный, видно, слогом не официальным, донесла обо всем полиции. Полиция, не разобрав смысла, представила письмо государю, который сгоряча также его не понял. К счастью, письмо показано было Жуковскому, который и объяснил его. Всё успокоилось. Государю неугодно было, что о своем камер-юнкерстве отзывался я не с умилением и благодарностию. Но я могу быть подданным, даже рабом, но холопом и шутом не буду и у царя небесного. Однако какая глубокая безнравственность в привычках нашего правительства! Полиция распечатывает письма мужа к жене и приносит их читать к царю (человеку благовоспитанному и честному), и царь не стыдится в том признаться — и давать ход интриге, достойной Видока и Булгарина! Что ни говори, мудро-но быть самодержавным.

А. С. Пушкин. Дневник. 1834.

35

Какая ты дура, мой ангел! конечно я не стану беспокоиться оттого, что ты три дня пропустишь без письма, так точно как я не стану ревновать, если ты три раза сряду провальсируешь с кавалергардом. Из этого еще не следует, что я равнодушен и не ревнив. Я отправил тебя из Петербурга с большим беспокойством; твое письмо из Бронницы еще более меня взволновало. Но когда узнал я, что до Торжка ты доехала здорова, у меня гора с сердца свалилась, и я не стал сызнова хандрить. Письмо твое очень мило; а опасения насчет истинных причин моей дружбы к Софье Карамзиной очень приятны для моего самолюбия. (...) У меня голова кругом идет. Не рад жизни, что взял имяние, но что ж делать? Не для меня, так для детей. Тетка вчера сидела у меня, она тебя целует. Вчера был большой парад, который, говорят, не удался. Царь посадил наследника под арест. Сюда

ожидают прусского принца и много других гостей. Надеюсь не быть ни на одном празднике. Одна мне и есть выгода от отсутствия твоего, что не обязан на балах дремать да жрать мороженое. Пищу тебе в Ярополец, где ты должна быть с третьегодняшнего дня. Кланяюсь сердечно Наталье Ивановне, целую тебя и детей. Христос с вами. <...>

*Пушкин — Н. Н. Пушкиной.
12 мая 1834. Из Петербурга в Ярополец.*

36

Мой ангел! поздравляю тебя с Машиньим рождением, целую тебя и ее. Дай бог ей зубков и здоровья. Того же и Саше желаю, хоть он не именинник. Ты так давно, так давно ко мне не писала, что несмотря на то, что беспокоиться по-пустому я не люблю, но я беспокоюсь. Я должен был из Яропольца получить по крайней мере два письма. Здорова ли ты и дети? спокойна ли ты? Я тебе не писал, потому что был зол — не на тебя, на других. Одно из моих писем попало полиции и так далее. Смотри, женка: надеюсь, что ты моих писем списывать никому не дашь; если почта распечатала письмо мужа к жене, так это ее дело, и тут одно неприятно: тайна семейственных сношений, проникнутая скверным и бесчестным образом; но если ты виновата, так это мне было бы больно. Никто не должен знать, что может происходить между нами; никто не должен быть принят в нашу спальню. Без тайны нет семейственной жизни. Я пишу тебе, не для печати; а тебе нечего публику принимать в наперсники. Но знаю, что этого быть не может; а свинство уже давно меня ни в ком не удивляет.

Вчера я был в концерте, данном для бедных в великолепной зале Нарышкина, в самом деле великолепной. Как жаль, что ты ее не видала. Пели новую музыку Вьельгорского на слова Жуковского. Я никого не вижу, нигде не бываю; принялся за работу и пишу по утрам. Без тебя так мне скучно, что поминутно думаю к тебе поехать, хоть на неделю. Вот уж месяц живу без тебя; дотяну до августа; а ты себя береги; боюсь твоих гуляний верхом. Я еще не знаю, как ты едешь; вероятно, смело; да крепко ли на седле

сидишь? вот запрос. Дай бог тебя мне увидеть здоровою, детей целых и живых! да плюнуть на Петербург, да подать в отставку, да удрать в Болдино, да жить барином! Неприятна зависимость; особенно, когда лет 20 человек был независим. Это не упрек тебе, а ропот на самого себя. Благословляю всех вас, детушки.

Пушкин — Н. Н. Пушкиной
18 мая 1834. Из Петербурга в Ярополец.

37

Милостивый государь Александр Николаевич,

Осмеливаюсь беспокоить Ваше превосходительство покорнейшей просьбой о позволении мне перепечатать в одну книгу сочинения мои в прозе, донныне изданные; также и о позволении доставить Вильгельму Кюхельбекеру экземпляр всех моих сочинений. <...>

Пушкин — А. Н. Мордвинову.
26 мая 1834. Петербург.

38

ВЕКСЕЛЬ

1834 года мая двадцать шестого дня. Я нижеподписавшийся титулярный советник Александр Сергеев сын Пушкин занял у Ивана Тимофеевича Лисенко денег государственными ассигнациями четыре тысячи рублей за указные проценты сроком впредь на три месяца т. е. сего же года августа по двадцать шестое число, на которое и должен всю ту сумму сполна заплатить, а буде чего не заплачу, то волен он г-н Лисенко просить о взыскании и поступлении по законам.

К сему заемному письму титулярный советник Александр Пушкин руку приложил.

39

<...> Ты спрашиваешь, что я делаю. Ничего путного, мой ангел. Однако дома сижу до четырех часов и работаю. В свете не бываю; от фрака отвык; в клобе провожу вечера. Книги из Парижа приехали, и

моя библиотека растет и теснится. К нам в Петербург приехал ventriloque*, который смешил меня до слез; мне, право, жаль, что ты его не услышишь.хлопоты по имению меня бесят; с твоего позволения, надобно будет, кажется, выйти мне в отставку и со вздохом сложить камер-юнкерский мундир, который так приятно льстил моему честолюбию и в котором, к сожалению, не успел я пощеголять. Ты молода, но ты уже мать семейства, и я уверен, что тебе не труднее будет исполнить долг доброй матери, как исполняешь ты долг честной и доброй жены. Зависимость и расстройство в хозяйстве ужасны в семействе; и никакие успехи тщеславия не могут вознаградить спокойствия и довольства. Вот тебе и мораль. Ты зовешь меня к себе прежде августа. Рад бы в рай, да грехи не пускают. Ты разве думаешь, что свинский Петербург не гадок мне? что мне весело в нем жить между пасквилями и доносами? Ты спрашиваешь меня о «Петре»? идет помаленьку; скоплю матерьялы—привожу в порядок—и вдруг вылью медный памятник, которого нельзя будет перетаскивать с одного конца города на другой, с площади на площадь, из переулка в переулок. Вчера видел я Сперанского, Карамзиных, Жуковского, Вьельгорского, Вяземского—все тебе кланяются. Тетка меня всё балует—для моего рождения прислала мне корзину с дынями, с земляникой, клубникой—так что боюсь поносом встретить 36-ой год бурной моей жизни. Сегодня еду к ней с твоим письмом. Покамест прощай, мой друг. У меня желчь, так извини мои сердитые письма. Целую вас и благословляю.

Деньги шлю на имя Димитрия Николаевича.

Пушкин — Н. Н. Пушкиной.

Около (не позднее) 29 мая 1834.

Из Петербурга в Полотняный завод.

40

Пора, мой друг, пора! покоя сердце просит—
Летят за днями дни, и каждый час уносит
Частичку бытия, а мы с тобой вдвоем
Предполагаем жить... И глядь—как раз—умрем

* чревовещатель (фр.).

На свете счастья нет, но есть покой и воля.
 Давно завидная мечтается мне доля —
 Давно, усталый раб, замыслил я побег
 В обитель дальнюю трудов и чистых нег.

1834

А. С. Пушкин

В рукописи имеется план продолжения:

«Юность не имеет нужды в at home, зрелый возраст ужасается своего уединения. Блажен, кто находит подругу — тогда удались он домой.

О, скоро ли перенесу я мои пенаты в деревню — поля, сад, крестьяне, книги: труды поэтические — семья, любовь etc.—религия, смерть».

41

2 июня. (...)

26 мая был я на пароходе и провожал Меццерских, отправляющихся в Италию.

На другой день представлялся великой княгине. Нас было человек 8, между прочим Красовский (славный цензор). Великая княгиня спросила его:—Cela doit bien vous ennuyer d'être obligé de lire tout ce qui paraît.—Oui, V.A.I., отвечал он, la littérature actuelle est si détestable que c'est un supplice*. Великая княгиня скорей от него отошла. Говорила со мной о Пугачеве.

Вчера вечер у Катерины Андреевны. Она едет в Тайцы, принадлежавшие некогда Ганибалу, моему прадеду. У ней был Вяземский, Жуковский и Полетика.—Я очень люблю Полетику. Говорили много о Павле I-м, романтическом нашем императоре.

3-го июня обедали мы у Вяземского: Жуковский, Давыдов и Киселев. Много говорили об его правлении в Валахии. Он, может, самый замечательный из наших государственных людей, не исключая Ермолова, великого шарлатана.

Цари уехали в Петергоф.

Вечер у Смирновых; играл, выиграл 1200 р.

А. С. Пушкин. Дневник. 1834.

* Вам, должно быть, очень докучна обязанность читать все, что появляется.— Да, ваше императорское высочество, отвечал он, современная литература так отвратительна, что это мученье (фр.).

42

⟨...⟩ Я не писал тебе потому, что свинство почты так меня охолодило, что я пера в руки взять был не в силе. Мысль, что кто-нибудь нас с тобой подслушивает, приводит меня в бешенство à la lettre*. Без политической свободы жить очень можно; без семейственной неприкосновенности (inviolabilité de la famille**) невозможно: каторга не в пример лучше. ⟨...⟩

Пушкин — Н. Н. Пушкиной.

3 июня 1834. Из Петербурга в Полотняный завод.

43

Милый мой ангел! я было написал тебе письмо на четырех страницах, но оно вышло такое горькое и мрачное, что я его тебе не послал, а пишу другое. У меня решительно сплин. Скучно жить без тебя и не сметь даже писать тебе всё, что придет на сердце. Ты говоришь о Болдине. Хорошо бы туда засесть, да мудрено. Об этом успеем еще поговорить. Не сердись, жена, и не толкуй моих жалоб в худую сторону. Никогда не думал я упрекать тебя в своей зависимости. Я должен был на тебе жениться, потому что всю жизнь был бы без тебя несчастлив; но я не должен был вступать в службу и, что еще хуже, опутать себя денежными обязательствами. Зависимость жизни семейственной делает человека более нравственным. Зависимость, которую налагаем на себя из честолюбия или из нужды, унижает нас. Теперь они смотрят на меня как на холопа, с которым можно им поступать как им угодно. Опала легче презрения. Я, как Ломоносов, не хочу быть шутком ниже у господ бога. Но ты во всем этом не виновата, а виноват я из добродушия, коим я преисполнен до глупости, несмотря на опыты жизни. ⟨...⟩ Денег тебе еще не посылаю. Принужден был снарядить в дорогу своих стариков. Теряют меня без милосердия. Вероятно, послушаюсь тебя и скоро откажусь от управления имения. Пускай они его коверкают как знают; на их век станет, а мы Сашке и Машке постараемся оставить кусок хлеба. Не

* буквально (фр.).

** неприкосновенность семьи (фр.).

так ли? Новостей нет. Фикельмон болен и в ужасной хандре. Вьельгорский едет в Италию к больной жене; Петербург пуст, все на дачах. Я сижу дома до четырех часов и пишу. Обедаю у Дюме. Вечером в клобе. Вот и весь мой день. Для развлечения вздумал было я в клобе играть, но принужден был остановиться. Игра волнует меня — а желчь не унимается. Целую вас и благословляю. Прощай. Жду от тебя письма об Яропольце. Но будь осторожна... вероятно, и твои письма распечатывают: этого требует Государственная безопасность.

Пушкин — Н. Н. Пушкиной.

8 июня 1834. Из Петербурга в Полотняный завод.

44

Нашла за что браниться!.. за Летний сад и за Соболевского. Да ведь Летний сад мой огород. Я, вставши от сна, иду туда в халате и туфлях. После обеда сплю в нем, читаю и пишу. Я в нем дома. А Соболевский? Соболевский сам по себе, я сам по себе. Он спекуляции творит свои, а я свои. (...) Сегодня едут мои в деревню, и я их иду проводить, до кареты, не до Царского Села, куда Лев Сергеевич ходит пешечком. Уж как меня теребили; вспомнил я тебя, мой ангел. А делать нечего. Если не возьмься за имение, то оно пропадет же даром, Ольга Сергеевна и Лев Сергеевич останутся на подножном корму, а придется взять их мне же на руки, тогда-то наплачусь и наплачусь, а им и горя мало. Меня же будут цыганить. Ох, семья, семья! (...) Сейчас простился с отцом и матерью. У него хандра и черные мысли. Знаешь, что я думаю? не приехать ли мне к тебе на лето? нет, жена, дела есть, потерпим еще полтора месяца. А тут я к тебе упаду как снег на голову; если только пустят меня. Охота тебе думать о помещении сестер во дворец. Во-первых, вероятно, откажут; а во-вторых, коли и возьмут, то подумай, что за скверные толки пойдут по свинскому Петербургу. Ты слишком хороша, мой ангел, чтоб пускаться в просительницы. погоди; овдоеешь, постареешь — тогда, пожалуй, будь салопницей и титулярной советницей. Мой совет тебе и сестрам быть подале от двора; в нем толку мало. Вы же не

богаты. На тетку нельзя вам всем навалиться. Боже мой! кабы Заводы были мои, так меня бы в Петербург не заманили и московским калачом. Жил бы себе барином. <...>

Пушкин — Н. Н. Пушкиной.

11 июня 1834. Из Петербурга в Полотняный завод.

45

<...> Меня в Петербурге останавливает одно: залог имения нижегородского, я даже и Пугачева намерен препоручить Яковлеву, да и дернуть к тебе, мой ангел, на Полотняный завод.

Туда бы от жизни удрал, улизнул! Целую тебя и детей и благословляю вас от души. Ты, я думаю, так в деревне похорошела, что ни на что не похоже. <...>

Пушкин — Н. Н. Пушкиной.

*Около (не позднее) 27 июня 1834.
Из Петербурга в Полотняный завод.*

46

Мой ангел, сейчас послал я к графу Литта извинения в том, что не могу быть на Петергофском празднике по причине болезни. Жалею, что ты не увидишь; оно того стоит. Не знаю даже, удастся ли тебе когда-нибудь его видеть. Я крепко думаю об отставке. Должно подумать о судьбе наших детей. Имение отца, как я в том удостоверился, расстроено до невозможности, и только строгой экономией может еще поправиться. Я могу иметь большие суммы, но мы много и проживаем. Умри я сегодня, что с вами будет? мало утешения в том, что меня похоронят в полосатом кафтане, и еще на тесном Петербургском кладбище, а не в церкви на просторе, как прилично порядочному человеку. Ты баба умная и добрая. Ты понимаешь необходимость; дай сделаться мне богатым — а там, пожалуй, и кутить можем в свою голову. Петербург ужасно скучен. Говорят, что свет живет на Петергофской дороге. На Черной речке только Бобринская да Фикельмон. Принимают — а никто не едет. Будут

большие праздники после Петергофа. Но я уж никуда не поеду. Меня здесь удерживает одно: типография. Виноват, еще другое: залог имения. Но можно ли будет его заложить? Как ты права была в том, что не должно мне было принимать на себя эти хлопоты, за которые никто мне спасибо не скажет, а которые испортили мне столько уж крови, что все пиявки дома нашего ее мне не высосут. Кстати о доме нашем: надобно тебе сказать, что я с нашим хозяином побранился, и вот почему. На днях возвращаюсь ночью домой; двери заперты. Стучу, стучу; звоню, звоню. Насилу добудился дворника. А я ему уже несколько раз говорил прежде моего приезда не запирасть — рассердясь на него, дал я ему отеческое наказание. На другой день узнаю, что Оливье на своем дворе декламировал противу меня и велел дворнику меня не слушаться и двери запирасть с 10 часов, чтоб воры не украли лестницы. Я тотчас велел прибить к дверям объявление, писанное рукою Сергея Николаевича, о сдаче квартиры — а к Оливье написал письмо, на которое дурак до сих пор не отвечал. Война же с дворником не прекращается, и вчера еще я с ним повозился. Мне его жаль, но делать нечего; я упрям и хочу переспорить весь дом — включая тут и пиявок. Я перед тобой кругом виноват, в отношении денежном. Были деньги... и проиграл их. Но что делать? я так был желчен, что надобно было развлечься чем-нибудь. Всё тот виноват; но бог с ним; отпустил бы лишь меня восвояси. Письмо твое не перед мной: кажется, есть что-то, на что обязан я возразить, — но до другого дня. Пока прощай. Целую тебя и детей, благословляю всех троих. (...)

Пушкин — Н. Н. Пушкиной.

Около 28 июня 1834. Из Петербурга в Полотняный завод.

47

(...) Конечно, друг мой, кроме тебя в жизни моей утешения нет — и жить с тобою в разлуке так же глупо, как и тяжело. Но что ж делать? После завтраго начну печатать Пугачева, который до сих пор лежит у Сперанского. Он задержит меня с месяц. В августе буду у тебя. Завтра Петергофский праздник,

и я проведу его на даче у Плетнева вдвоем. Будем пить за твое здоровье. С хозяином Оливье я решительно побранился, и надобно будет иметь другую квартиру, особенно если приедут с тобою сестры. <...> Из деревни имею я вести не утешительные. Посланный мною новый управитель нашел всё в таком беспорядке, что отказался от управления и уехал. Думаю последовать его примеру. Он умный человек, а Болдино можно еще коверкать лет пять.

Прости, женка. Благодарю тебя за то, что ты обещаешься не кокетничать: хоть это я тебе и позволил, но всё-таки лучше моим позволением тебе не пользоваться. Радуюсь, что Сашку от груди отняли, давно бы пора. А что кормилица пьянствовала, отходя ко сну, то это еще не беда; мальчик привыкнет к вину и будет молодец, во Льва Сергеевича. Машке скажи, чтоб она не капризничала, не то я приеду и худо ей будет. Благословляю всех вас — тебя целую в особенности.

30 июня.

Пожалуйста, не требуй от меня нежных, любовных писем. Мысль, что мои распечатываются и прочитываются на почте, в полиции, и так далее — охлаждает меня, и я поневоле сух и скучен. Погоди, в отставку выйду, тогда переписка нужна не будет.

Пушкин — Н. Н. Пушкиной.

30 июня 1834. Из Петербурга в Полотняный завод.

48

Граф,

Поскольку семейные дела требуют моего присутствия то в Москве, то в провинции, я вижу себя вынужденным оставить службу и покорнейше прошу ваше сиятельство исходатайствовать мне соответствующее разрешение.

В качестве последней милости я просил бы, чтобы дозволение посещать архивы, которое соизволил мне даровать его величество, не было взято обратно.

Остаюсь с уважением, граф, вашего сиятельства
нижайший и покорнейший слуга

Александр Пушкин. (фр.)

Пушкин — А. Х. Бенкендорфу.
25 июня 1834 г. В Петербурге.

49

Государь опять говорил со мною о тебе. Если бы я знал наперед, что побудило тебя взять отставку, я бы ему объяснил все, но так как я и сам не понимаю, что могло тебя заставить сделать глупость, то мне и ему нечего было отвечать. Я только спросил: *нельзя ли как этого поправить?*—Почему ж нельзя? отвечал он. Я никогда не удерживаю никого и дам ему отставку. Но в таком случае все между нами кончено. Он может, однако, еще возвратить письмо свое.— Это меня истинно трогает. А ты делай как разумеешь. Я бы на твоём месте ни минуты не усумнился, как поступить. Спешу только уведомить о случившемся.

В. А. Жуковский — Пушкину.
2 июля 1834. Из Петергофа в Петербург.

50

Вчера я писал к тебе с Блудовым наскоро и, кажется, не ясно сказал то, чего мне от тебя хочется. А ты ведь человек глупый, теперь я в этом совершенно уверен. Не только глупый, но еще и поведения непристойного: как мог ты, приступая к тому, что ты так искусно состряпал не сказать мне о том ни слова, ни мне, ни Вяземскому — не понимаю! Глупость, досадная, эгоистическая, неизглаженная глупость! Вот что бы я теперь на твоём месте сделал (ибо слова государя крепко бы расшевелили и повернули к нему мое сердце): я написал бы к нему прямо, со всем прямотушием, какое у меня только есть, письмо, в котором бы обвинил себя за сделанную глупость, потом так же бы прямо объяснил то, что могло заставить меня сделать эту глупость; и все это сказал

бы с тем чувством благодарности, которое государь вполне заслуживает. Повторяю (ибо случиться может, что ты еще не успел получить вчерашнего письма моего), вот что он отвечал на мой вопрос: *Нельзя ли этого поправить?*—*Почему ж нельзя. Он может взять назад письмо свое; я никого не держу; но раз в отставке, все между им и мною кончено.*—Эти слова для меня чрезвычайно трогательны. Напиши немедленно письмо и отдай графу Бенкендорфу. Я никак не воображал, чтобы была еще возможность поправить то, что ты так безрассудно соблаговолил напакостить. Если не воспользуешься этою возможностью, то будешь то щетинистое животное, которое питается желудями и своим хрюканьем оскорбляет слух всякого благовоспитанного человека; без галиматьи, поступишь дурно и глупо, повредишь себе на целую жизнь и заслужишь свое и друзей своих неодобрение*.

Вторник.

Может быть, захочешь показать Бенкендорфу письмо мое. Вот экземпляр без галиматьи.

(На отдельном листе:)

Вот что вчера ввечеру государь сказал мне в разговоре о тебе и в ответ на вопрос мой: *нельзя ли как этого поправить?*—*«Почему ж нельзя! Пускай он возьмет назад свое письмо. Я никого не держу, и его держать не стану. Но если он возьмет отставку, то между мною и им все кончено».*—Мне нечего прибавить к этим словам, чрезвычайно для меня трогательным и в которых выражается что-то отеческое к тебе, при всем неудовольствии, которое письмо твое должно было произвести в душе государя. Ты сам будешь знать, как поступить; мое дело сообщить тебе эти слова без всякого объяснения, совершенно излишнего. Сожалею только, что ты ничего не сказал мне предварительно о своем намерении, ни мне, ни Вяземскому, и даже весьма тебе за это пеняю.

В. А. Жуковский — Пушкину.
3 июля 1834. Из Петергофа в Петербург.

* по крайней мере мое. (Примеч. Жуковского.)

51

Граф,

Несколько дней тому назад я имел честь обратиться к вашему сиятельству с просьбой о разрешении оставить службу. Так как поступок этот неблаговиден, покорнейше прошу вас, граф, не давать хода моему прошению. Я предпочитаю казаться легкомысленным, чем быть неблагодарным.

Со всем тем отпуск на несколько месяцев был бы мне необходим.

Остаюсь с уважением, граф, вашего сиятельства низжайший и покорнейший слуга

Александр Пушкин. (фр.)

Пушкин — А. Х. Бенкендорфу.
3 июля 1834. Петербург.

52

Получив первое письмо твое, я тотчас написал графу Бенкендорфу, прося его остановить мою отставку, *ma démarche étant inconsidérée**; и сказал, *que j'aimais mieux avoir l'air inconséquent qu'ingrat***. Но вслед за тем получил официальное извещение о том, что отставку я получу, но что вход в архивы будет мне запрещен. Это огорчило меня во всех отношениях. Подал в отставку я в минуту хандры и досады на всех и на всё. Домашние обстоятельства мои затруднительны: положение мое не весело; перемена жизни почти необходима. Изъяснять это все гр. Бенкендорфу мне недостало духа — от этого и письмо мое должно было показаться сухо, а оно просто глупо.

Впрочем, я уж верно не имел намерения произвести, что вышло. Писать письмо прямо к государю, ей-богу, не смею — особенно теперь. Оправдания мои будут похожи на просьбы, а он уж и так много сделал для меня. Сейчас от меня Лизавета Михайловна.

* так как мой поступок неосмотрителен (фр.).

** что я предпочитаю казаться скорее легкомысленным, чем неблагодарным (фр.).

Она привезла еще мне два твои письма. Это меня, конечно, трогает. Но что ж мне делать! Буду еще писать к гр. Бенкендорфу.

*Пушкин — В. А. Жуковскому.
4 июля 1834. Из Петербурга в Царское Село.*

53

(...) Письмо Пушкина ко мне и другое от него же к Жуковскому. Так как он сознается в том, что просто сделал глупость, и предпочитает казаться лучше непоследовательным, нежели неблагодарным (так как я еще не сообщал о его отставке ни князю Волконскому, ни графу Нессельроде), то я предполагаю, что Вашему Величеству благоугодно будет смотреть на его первое письмо, как будто его вовсе не было. Перед нами мерило человека; лучше чтобы он был на службе, нежели предоставлен самому себе.

*Докладная записка Бенкендорфа Николаю I.
Начало июля 1834.*

Резолюция его величества:

«Я ему прощаю, но позовите его, чтобы еще раз объяснить ему всю бессмысленность его поведения и чем все это может кончиться; то, что может быть простительно двадцатилетнему безумцу, не может применяться к человеку тридцати пяти лет, мужу и отцу семейства».

54

Милостивый государь
граф Александр Христофорович,

Письмо Вашего сиятельства от 30 июня удостоился я получить вчера вечером. Крайне огорчен я, что необдуманное прошение мое, вынужденное от меня неприятными обстоятельствами и досадными, мелочными хлопотами, могло показаться безумной

неблагодарностию и супротивлением воле того, кто доньше был более моим благодетелем, нежели государем. Буду ждать решения участи моей, но во всяком случае ничто не изменит чувства глубокой преданности моей к царю и сыновней благодарности за прежние его милости. <...>

*Пушкин — А. Х. Бенкендорфу.
4 июля 1834. Петербург.*

55

Я, право, не понимаю, что с тобою сделалось; ты точно поглупел; надобно тебе или пожить в желтом доме, или велеть себя хорошенько высечь, чтобы привести кровь в движение. Бенкендорф прислал мне твои письма, и первое и последнее. В первом есть кое-что живое, но его нельзя употребить в дело, ибо в нем не пишешь ничего о том, хочешь ли оставаться в службе или нет; последнее, в коем просишь, чтобы все осталось по-старому, так сухо, что оно может показаться государю новою неприличностию. Разве ты разучился писать; разве считаешь ниже себя выразить какое-нибудь чувство к государю? Зачем ты мудришь? Действуй просто. Государь огорчен твоим поступком; он считает его с твоей стороны неблагодарностию. Он тебя до сих пор любил и искренно хотел тебе добра. По всему видно, что ему больно тебя оттолкнуть от себя. Что же тут думать! Напиши то, что скажет сердце. А тут, право, есть о чем ему поразговориться. И не прося ничего, можешь объяснить необходимость отставки; но более всего должен столкнуть с себя упрек в неблагодарности и выразить что-нибудь такое, что непременно должно быть у тебя в сердце к государю. Одним словом, я все еще стою на том, что ты должен написать прямо к государю и послать письмо свое через гр. Бенкендорфа. Это одно может поправить испорченное. Оба последние письма твои теперь у меня; несу их через несколько минут к Бенкендорфу, но буду просить его погодить их показывать. Скорее.

Ж.

Пришли мне копию с того, что напишешь; хоть, вероятно, мне покажут.—Посылаю это письмо с нарочным. Ты же пришли с ним и письмо. Может случиться, однако, что Бенкендорф в промежутке этого времени уедет в Петербург, то всего вернее отослать письмо немедленно к нему на дом. Объяснимся (ведь ты глуп): ты пришлешь мне свое письмо с моим посланным и тотчас пошлешь узнать, приехал ли Бенкендорф. Если он уже приехал, то напишешь ему другой экземпляр письма и тотчас пошлешь к нему на дом; я же, получив твое письмо, тогда оставлю оное у себя. Всего важнее не упустить времени.

*В. А. Жуковский — Пушкину
6 июля 1834. Из Петергофа в Петербург.*

56

Я, право, сам не понимаю, что со мною делается. Идти в отставку, когда того требуют обстоятельства, будущая судьба всего моего семейства, собственное мое спокойствие — какое тут преступление? какая неблагодарность? Но государь может видеть в этом что-то похожее на то, чего понять всё-таки не могу. В таком случае я не подаю в отставку и прошу оставить меня в службе. Теперь, отчего письма мои сухи? Да зачем же быть им сопливыми? Во глубине сердца своего я чувствую себя правым перед государем; гнев его меня огорчает, но чем хуже положение мое, тем язык мой становится связаннее и холоднее. Что мне делать? просить прощения? хорошо; да в чем? К Бенкендорфу я явлюсь и объясню ему, что у меня на сердце, — но не знаю, почему письма мои неприличны. Попробую написать третье.

*Пушкин — В. А. Жуковскому.
6 июля 1834. Из Петербурга в Царское Село.*

57

Граф,

Позвольте мне говорить с вами вполне откровенно. Подавая в отставку, я думал лишь о семейных делах, затруднительных и тягостных. Я имел в виду лишь

неудобство быть вынужденным предпринимать частые поездки, находясь в то же время на службе. Богом и душою моею клянусь,—это была моя единственная мысль; с глубокой печалью вижу, как ужасно она была истолкована. Государь осыпал меня милостями с той первой минуты, когда монаршая мысль обратилась ко мне. Среди них есть такие, о которых я не могу думать без глубокого волнения, столько он вложил в них прямоты и великодушия. Он всегда был для меня провидением, и если в течение этих восьми лет мне случалось роптать, то никогда, клянусь, чувство горечи не примешивалось к тем чувствам, которые я питал к нему. И в эту минуту не мысль потерять всемогущего покровителя вызывает во мне печаль, но боязнь оставить в его душе впечатление, которое, к счастью, мною не заслужено.

Повторяю, граф, мою покорнейшую просьбу не давать хода прощению, поданному мною столь легкомысленно.

Поручая себя вашему могущественному покровительству, осмеливаюсь изъявить вам мое высокое уважение. (...) (фр.)

*Пушкин — А. Х. Бенкендорфу.
6 июля 1834. Петербург*

58

Милостивый государь Михайло Лукьянович,

Вследствие данного Вам начальством поручения касательно напечатания рукописи моей, под названием «История Пугачевского бунта», и по личному моему с Вами о том объяснению, спешаю Вас уведомить:

1-е. Желая я, чтоб означенная рукопись была напечатана в 8-ю долю листа, такого же формата, как «Свод законов».

2-е. Число экземпляров полагаю в 3000; из коих для 1200 прошу заготовить бумагу на счет казенный, а потребное количество оной для 1800 экземпляров доставлю я сам в типографию.

3-е. Что касается до шрифта и вообще до издания книги, то на всем полагаюсь на Ваше благоусмотрение. (...)

*Пушкин — М. Л. Яковлеву.
3 июля 1834. Петербург.*

Ты, женка моя, пребезалаберная (насилу слово написал). То сердисься на меня за Соллогуб, то за краткость моих писем, то за холодный слог, то за то, что я к тебе не еду. Подумай обо всем, и увидишь, что я перед тобой не только прав, но чуть не свят. С Соллогуб я не кокетничаю, потому что и вовсе не вижу, пишу коротко и холодно по обстоятельствам, тебе известным, не еду к тебе по делам, ибо и печатаю Пугачева, и закладываю имения, и вожусь и хлопочу — а письмо твое меня огорчило, а между тем и порадовало; если ты поплакала, не получив от меня письма, стало быть ты меня еще любишь, женка. За что целую тебе ручки и ножки.

Кабы ты видела, как я стал прилежен, как читаю корректуру — как тороплю Яковлева! Только бы в августе быть у тебя. Теперь расскажу тебе о вчерашнем бале. Был я у Фикельмон. Надо тебе знать, что с твоего отъезда я, кроме как в клобе, нигде не бываю. Вот вчерась, как я вошел в освещенную залу, с нарядными дамами, то я смутился, как немецкий профессор; насилу хозяйку нашел, насилу слово вымолвил. Потом, осмотревшись, увидел я, что народу не так-то много и что бал это запросто, а не раут. Незнакомых дам несколько пруссачек (наши лучше, не говоря уж о тебе), а одеты, как Ермолова во дни отчаянные. Вот наелся я мороженого и приехал себе домой — в час. Кажется, не за что меня бранить. О тебе в свете много спрашивают и ждут очень. Я говорю, что ты уехала плясать в Калугу. Все тебя за то хвалят. И говорят: ай да баба! — а у меня сердце радуется. Тетка заезжала вчера ко мне и беседовала со мною в карете; я ей жаловался на свое житье-бытье; а она меня утешала. На днях я чуть было беды не сделал: с тем чуть было не побранился. И трухнул-то я, да и грустно стало. С этим поссорюсь — другого не наживу. А долго на него сердиться не умею; хоть и он не прав. Сегодня был на даче у Плетнева; у него дочь именинница. Только вместо его нашел я кривую кузину — и ничего. А он уехал в Ораниенбаум — великую княгиню учить. Досадно было, да нечего делать. Прощай, женка, — спать хочу. Целую тебя и вас — и всех благоговляю. Христос с вами.

Пушкин — Н. Н. Пушкиной.

11 июля 1834. Из Петербурга в Полотняный завод.

60

(...) Надобно тебе поговорить о моем горе. На днях хандра меня взяла; подал я в отставку. Но получил от Жуковского такой нагоняй, а от Бенкендорфа такой сухой абшид, что я вструхнул, и Христом и богом прошу, чтоб мне отставку не давали. А ты и рада, не так? Хорошо, коли проживу я лет еще 25; а коли свернусь прежде десяти, так не знаю, что ты будешь делать и что скажет Машка, а в особенности Сашка. Утешения мало им будет в том, что их папеньку схоронили как шута и что их маменька ужас как мила была на аничковских балах. Ну, делать нечего. Бог велик; главное то, что я не хочу, чтоб могли меня подозревать в неблагодарности. Это хуже либерализма. Будь здорова. Поцелуй детей и благослови их за меня. Прощай целую тебя.

*Пушкин — Н. Н. Пушкиной.
Около (не позднее) 14 июля 1834.
Из Петербурга в Полотняный завод.*

61

22 июля. Прошедший месяц был бурен. Чуть было не поссорился я со двором,—но всё перемололось. Однако это мне не пройдет.

А. С. Пушкин. Дневник. 1834.

62

Наташа, мой ангел, знаешь ли что? я беру этаж, занимаемый теперь Вяземскими. Княгиня едет в чужие края, дочь ее больна не на шутку; боятся чахотки. Дай бог, чтоб юг ей помог. Сегодня видел во сне, что она умерла, и проснулся в ужасе. Ради бога, берегись ты. Женщина, говорит Гальяни, *est un animal naturellement faible et malade* *. Какие же вы помощницы или работницы? Вы работаете только ножками на балах и помогаете мужьям мотать. И за то спасибо. Пожа-

* есть животное, по природе своей слабое и болезненное (фр.).

луйста, не сердись на меня за то, что я медлю к тебе явиться. Право, душа просит; да мошна не велит. Я работаю до низложения риз. Держу корректуру двух томов вдруг, пишу примечания, закладываю деревни — Льва Сергеича выпроваживаю в Грузию. Всё слажу — и сломя голову к тебе прискачу. Сейчас приносили мне корректуру, и я тебя оставил для Пугачева. В корректуре я прочел, что Пугачев *поручил Хлопуше грабеж заводов*. Поручаю тебе грабеж Заводов — слышишь ли, моя Хло-Пушкина? ограбь Заводы и возвратись с добычею. В свете я не бываю. Смирнова велела мне сказать, что она меня впишет в разряд иностранцев, которых велено не принимать. Она здорова, но чуть не умерла (*animal naturellement faible et malade* *). Целую Машу и заочно смеюсь ее затеям. Она умная девчонка, но я от нее покамест ума не требую; а требую здоровья. Довольна ли ты немкой и кормилицей? Ты дурно сделала, что кормилицу не прогнала. Как можно держать при детях пьяницу, поверя обещанию и слезам пьяницы? Молчи, я всё это улажу. До тебя мне осталось 9 листов. То есть как еще пересмотрю 9 печатных листов и подпишу: *печатать*, так и пуцусь к тебе, а покамест буду проситься в отпуск. (...)

Пушкин — Н. Н. Пушкиной.

Около (не позднее) 26 июля 1834.

Из Петербурга в Полотняный завод.

63

(...) Я приеду к тебе, коль скоро меня Яковлев отпустит. Дела мои подвигаются. Два тома печатаются вдруг. Для одной недели разницы не заставь меня всё бросить и потом охать целый год, если не два и не три. Будь умна. Я очень занят. Работаю целое утро — до четырех часов — никого к себе не пускаю. Потом обедаю у Дюме, потом играю на бильярде в клубе — возвращаюсь домой рано, надеясь найти от тебя письмо — и всякий день обманываюсь. Тоска, тоска...

* Животное, по природе своей слабое и болезненное (фр.).

С князем Вяземским я уже условился. Беру его квартиру. К 10 августу припасу ему 2500 рублей— и велю перетаскивать пожитки; а сам поскачу к тебе. Ждать не долго.

Прощай— будьте все здоровы. Целую твой портрет, который что-то кажется виноватым. Смотри—

*Пушкин—Н. Н. Пушкиной.
Около (не позднее) 30 июля. 1834.
Из Петербурга в Полотняный завод.*

64

В Департамент хозяйственных и счетных дел от титулярного советника в звании камер-юнкера Александра Пушкина

ПРОШЕНИЕ

Имея необходимую надобность воспользоваться по домашним обстоятельствам отпуском в Нижегородскую и Калужскую губернии на три месяца, покорнейше прошу Департамент хозяйственных и счетных дел снабдить меня надлежащим для сего свидетельством. Двора его императорского величества камер-юнкер и титулярный советник

Александр Пушкин

4 августа 1834

65

Состоящий в ведомстве Министерства иностранных дел титулярный советник в звании камер-юнкера Александр Пушкин просит о увольнении его в отпуск в Нижегородскую и Калужскую губернии на три месяца с сохранением получаемого им ныне содержания. Я осмеливаюсь испрашивать на сие высочайшего Вашего императорского величества соизволения.

*К. В. Нессельроде—Николаю I.
14 августа 1834.*

66

Я все еще надеялся, почтенный и любезный Иван Иванович, лично благодарить вас за ваше ко мне благорасположение, за два письма, за романы и пугачевщину, но неудача меня преследует. Проезжаю через Тверь на перекладных и в таком виде, что никак не осмеливаюсь к вам явиться и возобновить старое, минутное знакомство. Отлагаю до сентября, то есть до возвратного пути; покамест поручаю себя вашей снисходительности и доброжелательству.

Сердечно вас уважающий Пушкин.

*Пушкин — И. И. Лажечникову.
Около 20 августа 1834 г. (?) Тверь.*

67

Милостивая государыня матушка
Наталья Ивановна,

Как я жалею, что на пути моем из Петербурга не заехал я в Ярополец; я бы имел и счастье с Вами свидеться, и сократил бы несколько верстами дорогу, и миновал бы Москву, которую не очень люблю и в которой провел несколько лишних часов. Теперь я в Заводах, где нашел всех моих, кроме Саши, здоровых, — я оставляю их еще на несколько недель и еду по делам отца в его нижегородскую деревню, а жену отправляю к Вам, куда и сам явлюсь как можно скорее. Жена хандрит, что не с Вами проведет день Ваших общих именин; как быть! и мне жаль, да делать нечего. Покамест поздравляю Вас со днем 26 августа; и сердечно благодарю вас за 27-ое. Жена моя прелесть, и чем доле я с ней живу, тем более люблю это милое, чистое, доброе создание, которого я ничем не заслужил перед богом. (...)

*Пушкин — Н. И. Гончаровой.
Около (не позднее) 25 августа 1834.
Из Полотняного завода в Ярополец.*

68

* * *

Я возмужал среди печальных бурь,
И дней моих поток, так долго мутный,
Теперь утих дремотою минутной
И отразил небесную лазурь.

Надолго ли?.. а кажется, прошли
Дни мрачных бурь, дни горьких искушений.

1834

А. С. Пушкин

69

Почта идет во вторник, а сегодня только еще суббота; итак, это письмо нескоро до тебя доберется. Я приехал третьего дня в четверг поутру — вот как тихо ездят по губернским трактам — а я еще платил почти везде двойные прогоны. Правда, что отовсюду лошади были взяты под государя, который должен из Москвы проехать на Нижний. В деревне встретил меня первый снег, и теперь двор перед моим окошком белешенек; *c'est une très aimable attention* *, однако я еще писать не принимался, и в первый раз беру перо, чтоб с тобою побеседовать. Я рад, что добрался до Болдина; кажется, менее будет мне хлопот, чем я ожидал. Написать что-нибудь мне бы очень хотелось. Не знаю, придет ли вдохновение. (...)

Сейчас у меня были мужики, с челобитьем; и с ними принужден я был хитрить, но эти наверное меня перехитрят... Хоть я сделался ужасным политиком с тех пор, как читаю *Conquête de l'Angleterre par les Normands* **. Это что еще? Баба с просьбою. Прощай, иду ее слушать.

— Ну, женка, умора. Солдатка просит, чтоб ее сына записали в мои крестьяне, а его-де записали в выблядки, а она-де родила его только 13 месяцев по отдаче мужа в рекруты, так какой же он выблядок? Я буду хлопотать за честь оскорбленной вдовы.

* это очень большая любезность (фр.).

** «Завоевание Англии норманнами» (фр.).

17-го.

Теперь, вероятно, ты в Яропольце и, вероятно, уж думаешь об отъезде. С нетерпением ожидаю от тебя письма. Не забудь моего адреса: в Арзамасском уезде, в село Абрамово, оттуда в село Болдино.— Мне здесь хорошо, да скучно, а когда мне скучно, меня так и тянет к тебе, как ты жмешься ко мне, когда тебе страшно. Целую тебя и деток и благословляю вас. Писать я еще не принимался.

Пушкин — Н. Н. Пушкиной.

15 и 17 сентября 1834. Из Болдина в Петербург.

70

Вот уже скоро две недели, как я в деревне, а от тебя еще письма не получил. Скучно, мой ангел. И стихи в голову нейдут; и роман не переписываю. Читаю Вальтер Скотта и Библию, а всё об вас думаю. Здоров ли Сашка? прогнала ли ты кормилицу? отделалась ли от проклятой немки? Какова доехала? Много вещей, о которых беспокоюсь. Видно, нынешнюю осень мне долго в Болдине не прожить. Дела мои я кой-как уладил. Погожу еще немножко, не распишусь ли; коли нет — так с богом и в путь. В Москве останусь дня три, у Натальи Ивановны сутки — и приеду к тебе. Да и в самом деле: неужто близ тебя не распишусь? (...)

Пушкин — Н. Н. Пушкиной.

20-е числа (не позднее 25) сентября 1834.

Из Болдина в Петербург.

71

* * *

Стою печален на кладбище.
Гляжу кругом — обнажено
Святое смерти пепелище
И степью лишь окружено.
И мимо вечного ночлега
Дорога сельская лежит,

По ней рабочая телега
... изредка стучит.
Одна равнина справа, слева.
Ни речки, ни холма, ни древа.
Кой-где чуть видятся кусты.
Немые камни и могилы
И деревянные кресты
Однообразны и унылы.

1834

А. С. Пушкин

72

Я был обрадован в моем уединении приездом Александра Михайловича, который, к сожалению, пробыл у меня несколько часов. Блазнит он меня предложением ехать с ним в село Языково, быть свидетелем его свадьбы, обещаясь употребить меня с пользою — но мне невозможно — жена и дети...

Разговаривая о различных предметах, мы решили, что весьма не худо было бы мне приняться за альманах или паче за журнал, я и не прочь, но для того должен я быть уверен в Вашем содействии. Как думаете, сударь? Сами видите: щелкоперы нас одолевают. Пора, ей-ей пора дать им порядочный отпор. На днях отправляюсь в Петербург. Если Вам будет досуг написать мне две строчки, адресуйте их на Дворцовую набережную, в дом Баташева — у Прачечного мосту. Александр Михайлович изволит спешить — и я кончаю письмо мое, поручая себя Вашей благосклонности.

Ваш богомолец А. Пушкин.

Пушкин — Н. М. Языкову.

26 сентября 1834. Из Болдина в Языково.

73

А. И. Тургенев

ИЗ ДНЕВНИКА

(1834) 15 октября <...> Вечер у Пушкина: читал мне свою поэму о Петербургском потоке. Превосходно. Другие отрывки. <...>

Где вы? ... что вы поддельваете, мой дорогой Александр; хочу надеяться, что с вами не случилось ничего худого;— но ваши родители очень беспокоятся о вас— ибо как же объяснить более чем трехмесячное молчание. Мне очень неприятно докучать вам моими письмами, мой дорогой, всегда дорогой Александр, я отлично понимаю, что нет дружбы, которая устояла бы против докуки,— но вместе с тем я дошла до такого положения, что должна знать, можете ли вы уплатить мне долг ваших родителей. Ибо я тоже не могу оставаться в неизвестности по этом поводу.— Срок моего платежа в Ломбард совсем близок, и я должна знать, на что могу рассчитывать.— Вот письмо вашей матери, которое прилагаю к моему, ваш отец слег в постель— и только от беспокойства. Бога ради, напишите нам, ибо иначе,— иначе, право!! ваш отец этого не вынесет,— поспешите же сообщить ему, что вы и все ваши здоровы,— и что вы его *не забыли*— мысль, которая его мучает и доводит до слез вашу мать. Простите мне, повторяю эти строки,— сердитесь, но отвечайте искренне преданной вам

Праск. Осиповой.

Для памяти.

С 33 года— 1760 руб.— 60 уплачено в Петербурге
Проценты за год 170—

Итого 1870, ассигнациями.

Если вы можете, если вы будете добры уплатить их мне,— я просила бы вас внести их в Ломбард. (*фр.*)

П. А. Осипова — Пушкину.
1 ноября 1834. Из Тригорского в Петербург.

Милостивый государь Александр Сергеевич!

Прошлого года — я имел честь принять от батюшки вашего верное обещание,— что я посредством Вас, милостивый государь! получу деньги, занятые брат-

цем Вашим, 2.000 руб., у полковника Плещеева, родного моего племянника, который не имея никакой собственности, в уважение просьбы и обстоятельств его кинулся к помощи и был уверен,— что его дружеской поступок не поставит его в то трудное положение,— в каком он теперь находится по письму, мною на сих днях от него полученному, которое к объяснению Вам, милостивый государь, в том истинны — я при сем прилагаю, и поруча сие справедливости, не смею в Вашем уважении сему делу не быть в совершенной благонадежности. С тем отличным почитанием — с каким имею честь быть (...)

*П. Н. Беклемишев — Пушкину.
3 ноября 1834. Петербург*

76

Получил я Ваше письмо от 30 октября и спешу Вам отвечать. Долг мой в Опекунский совет я заплачу сам, а из доходов Болдина не должно тратить ни копейки. Что касается до 1270, требуемых за просрочку батюшкинова долга, то если можете найти такую сумму, то заплатите.— Доверенность посылаю к Вам на следующей почте. Вы хорошо сделали, что до сих пор не приступили к продаже хлеба. Невозможно, чтоб цены не возвысились. К счастью, могу еще подождать.

*Пушкин — И. М. Пеньковскому.
10 ноября 1834. Из Петербурга в Болдино.*

77

А. О. Смирнова-Россет

ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ

Князь П. А. Вяземский, Жуковский, Александр Ив. Тургенев, сенатор Петр Ив. Полетика часто у нас обедали. Пугачевский бунт, в рукописи, был слушаем после такого обеда. За столом говорили, спорили;

кончалось всегда тем, что Пушкин говорил один и всегда имел последнее слово. Его живость, изворотливость, веселость восхищали Жуковского, который, впрочем, не всегда с ним соглашался.

78

(...) «История Пугачевского бунта» отпечатана, и для выпуска оной в свет ожидал я разрешения Вашего сиятельства; между тем позвольте беспокоить Вас еще одною покорнейшею просьбою: я желал бы иметь счастье представить первый экземпляр книги государю императору, присовокупив к ней некоторые замечания, которых не решился я напечатать, но которые могут быть любопытны для его величества. Осмеливаюсь прибегнуть к Вашему сиятельству для получения на то позволения.

Книгопродавец Смирдин хочет издать в одну книгу мои уже напечатанные стихи; я осмелился их препроводить в канцелярию его превосходительства А. Н. Мордвинова, по предписанному пред сим порядку. (...)

*Пушкин — А. Х. Бенкендорфу.
23 ноября 1834. Петербург*

79

28 ноября. Я ничего не записывал в течение трех месяцев. Я был в отсутствии — выехал из Петербурга за 5 дней до открытия Александровской колонны, чтоб не присутствовать при церемонии вместе с камерюнкерами, — своими товарищами, — был в Москве несколько часов — видел А. Раевского, которого нашел поглупевшим от ревматизмов в голове. Может быть, это пройдет. Отправился потом в Калугу на перекладных, без человека. В Тарутине пьяные ямщики чуть меня не убили. Но я поставил на своем. — «Какие мы разбойники? — говорили мне они. — Нам дана воляность, и поставлен столп нам в честь». Графа Румянцева вообще не хвалят за его памятник и уверяют, что церковь была бы приличнее. Я довольно с этим согласен. Церковь, а при ней школа, полезнее колонны с орлом и с длинной надписью, которую безграмотный мужик наш долго еще не разберет. В Заводе

прожил я 2 недели, потом привез Наталью Николаевну в Москву, а сам съездил в нижегородскую деревню, где управители меня морочили, а я перед ними шарлатанил и, кажется, неудачно. Воротился к 15 октября в Петербург, где и проживаю. «Пугачев» мой отпечатан. Я ждал всё возвращения царя из Пруссии. Вечор он приехал. Великий князь Михаил Павлович привез эту новость на бал Бутурлина. Бал был прекрасен. Воротились в 3 ч.

А. С. Пушкин. Дневник. 1834.

80

III-е Отделение собственной его императорского величества канцелярии честь имеет возвратить Вам рассмотренную по приказанию его сиятельства графа Бенкендорфа рукопись четвертой части Ваших стихотворений.

*III Отделение — Пушкину.
4 декабря 1834. Петербург.*

81

5 декабря. Завтра надобно будет явиться во дворец. У меня еще нет мундира. Ни за что не поеду представляться с моими товарищами камер-юнкерами, молодкососами 18-летними. Царь рассердится, — да что мне делать?

А. С. Пушкин. Дневник, 1834.

82

История о Бунте Пугачева, написанная Пушкиным, печаталась по высочайшему вашему величества повелению в Типографии II-го отделения собственной вашего величества канцелярии.

Книга сия ныне отпечатана, но экземпляры оной могут быть выданы г. Пушкину не иначе, как с разрешения вашего величества.

Г. Пушкин просит о высочайшем повелении выдать ему экземпляры означенной книги.

А. Х. Бенкендорф — Николаю I.
18 декабря 1834

На подлинном высочайшая резолюция: «Можно ему выдать, ежели ничего другого нет, как то, что я читал».

83

18-го дек. Третьего дня был я наконец в Аничковом. Опишу всё в подробности, в пользу будущего Вальтер Скотта.

Придворный лакей поутру явился ко мне с приглашением: быть в 8½ в Аничковом, мне в мундирном фраке, Наталье Николаевне как обыкновенно. В 9 часов мы приехали. На лестнице встретил я старую графиню Бобринскую, которая всегда за меня лжет и вывозит меня из хлопот. Она заметила, что у меня треугольная шляпа с плюмажем (не по форме: в Аничков ездят с круглыми шляпами; но это еще не всё). Гостей было уже довольно; бал начался контрдансами. Государыня была вся в белом, с бирюзовым головным убором; государь в кавалергардском мундире. Государыня очень похорошела. Граф Бобринский, заметя мою треугольную шляпу, велел принести мне круглую. (...)

Утром того же дня встретил я в Дворцовом саду великого князя. «Что ты один здесь философствуешь?» — «Гуляю». — «Пойдем вместе». Разговорились о плешивых. «Вы не в родню, в вашем семействе мужчины молоды оплешивливают». — «Государь Александр и Константин Павлович оттого рано оплешивели, что при отце моем носили пудру и зачесывали волоса; на морозе сало леденело, и волоса лезли. Нет ли новых каламбуров?» — «Есть, да нехороши, не смею представить их вашему высочеству». — «У меня их также нет; я замерз». Доведши великого князя до моста, я ему откланялся (вероятно, противу этикета).

А. С. Пушкин. Дневник, 1834.

84

*Бухгалтерские записи Пушкина
в июле—декабре 1834 г.*

Июль

3-го портному.....	50 р.
4-е каретнику.....	—
6-го получено оброку.....	30 р.
20 июля заложено 74 души за 13.260 р. (60 задерж. в ломб.).	
Тож числа	
За Льва Серг. заплачено Дюме.....	220 р.
Выдано ему ж.....	280 р.
23 в Варшаву за Л. С.....	837 р.
31 Льву Серг.	950 р.

Август

14 авг. за перевоз мебели.....	35 р.
16 авг. в деревню.....	500 р.
«—» за долг.....	166 р.
Приходу 13.230 руб.	
расходу 3.088 руб. да забранные	
вперед 4.070 руб.	
<hr/>	
7.158 руб.	
Итого из всей суммы остается 6.042 рубля.	

Сентябрь

1-го в Совет.....	350 р.
Счет портного за Льва Серг.	391 р.

Октябрь

22 в деревню	500 р.
--------------------	--------

Ноябрь

1-го за 4 месяца людям	168 р.
18-го послано в дерев.	350 р.
21-ое от Ив. Кувшина получено.....	30 р.

Декабрь

4-го людям дано.....	40 р.
21-го дек.....	150 р.
28 дек. за дом.....	800 р.
«—» за Л. С. Беклемишеву	1.500 р.

85

Счет каретника

Ваше превосходительство

Нужно у кареты поправить у передней оси дерево новое цена.....	20 р.
Нужно на колесах шины перетянуть и весь станок перекрепить и передние рессоры починить и за эту работу за кузнечную и за рессорную стоит цены.....	100 р.
и за шорные ремни выходит четыре паза и два помощные и по рессорам развязные. Все мелкие ремни новая цена	100 р.
и всю выкрасить карету заново, за краску стоит цены.....	100 р.
и за переправку бронзы цена	15 р.
назади лакейские кисти новые	15 р.
назади лакейскую подушку починить	5 р.
на козлах чехол вымазать и карман вымазать и поправить.....	60 р.
Еще за починку фонарей.....	5 р.
<hr/>	
Итого денег.....	370 р.
	308 р.
<hr/>	
Итого.....	678 р.
Запл. из них.....	300 р.
<hr/>	
остается.....	378 р.

Обязуюсь заплатить 2-го июля [1834]

А. Пушкин.

Заплачено двести двадцать пять
3 июля.

1 августа заплачены остальные

А. Пушкин.

86

8 января. Начнем новый год злословием, на счастье...

Бриллианты и дорогие камни были еще недавно в низкой цене. Они никому не были нужны. Выкупив бриллианты Натальи Николаевны, заложенные в московском ломбарде, я принужден был их перезаложить в частные руки, не согласившись продать их за бесценок. Нынче узнаю, что бриллианты опять возвысились. Их требуют в кабинет, и вот по какому случаю.

Недавно государь приказал князю Волконскому принести к нему из кабинета самую дорогую табакерку. Дороже не нашлось, как в 9000 руб. Князь Волконский принес табакерку. Государю показалась она довольно бедна.— «Дороже нет»,— отвечал Волконский. «Если так, делать нечего»,— отвечал государь:— я хотел тебе сделать подарок, возьми ее себе». Вообразите себе рожу старого скряги. С этой поры начали требовать бриллианты. Теперь в кабинете табакерки завелись уже в 60 000 р.

А. С. Пушкин. Дневник. 1835.

87

(...) Ты видел, вероятно, Пугачева, и надеюсь, что его не купил. Я храню для тебя особый экземпляр. Каково время? Пугачев сделался добрым исправным плательщиком оброка, Емелька Пугачев оброчный мой мужик! Денег он мне принес довольно, но как около двух лет жил я в долг, то ничего и не остается у меня за пазухой, а всё идет на расплату. Теперь, обняв тебя от всего сердца и поцеловав ручку Вере Александровне, отправляюсь на почту.

*Пушкин—П. В. Нащокину.
20 января 1835. Из Петербурга в Москву.*

88

Я до сих пор сижу болен; мне бы очень хотелось видиться с вами. Заезжайте часу во втором; ведь вы, верно, будете в это время где-нибудь возле меня.

Посылаю вам два экземпляра «Арабесков», которые, ко всеобщему изумлению, очутились в 2-х частях. Один экземпляр для вас, а другой, разрезанный, для меня. Вы читайте мой и сделайте милость, возьмите карандаш в ваши ручки и никак не останавливайте негодования при виде ошибок, но тот же час их всех налицо.

Мне это очень нужно.

Пошли вам бог достаточного терпения при чтении
Ваш Гоголь.

*Н. В. Гоголь — Пушкину.
Около 22 января 1835. Петербург.*

89

Милостивый государь
граф Александр Христофорович,

Честь имею препроводить к Вашему сиятельству некоторые замечания, которые не могли войти в «Историю Пугачевского бунта», но которые могут быть любопытны. Я просил о дозволении представить оные государю императору и имел счастье получить на то высочайшее соизволение.

При сем осмеливаюсь просить Ваше сиятельство о испрошении важной для меня милости: о высочайшем дозволении прочесть пугачевское дело, находящееся в архиве. В свободное время я мог бы из оногo составить краткую выписку, если не для печати, то по крайней мере для полноты моего труда, без того не совершенного, и для успокоения исторической моей совести. (...)

*Пушкин — А. Х. Бенкендорфу.
26 января 1835. Петербург.*

90

Февраль. С генваря очень я занят Петром. На балах был раза 3; уезжал с них рано. Придворными сплетнями мало занят. Шиш потомству. (...)

В публике очень бранят моего Пугачева, а что хуже — не покупают. Уваров большой подлец. Он

кричит о моей книге как о возмутительном сочинении. Его клеветет Дундуков (дурак и бардаш) преследует меня своим ценсурным комитетом. Он не соглашается, чтоб я печатал свои сочинения с одного согласия государя. Царь любит, да псарь не любит. Кстати об Уварове: это большой негодяй и шарлатан. Разврат его известен. Низость до того доходит, что он у детей Канкринна был на посылках. Об нем сказали, что он начал тем, что был б..., потом нянькой, и попал в президенты Академии Наук, как княгиня Дашкова в президенты Российской академии. Он крал казенные дрова и до сих пор на нем есть счеты (у него 11 000 душ), казенных слесарей употреблял в собственную работу etc. etc. Дашков (министр), который прежде был с ним приятель, встретив Жуковского под руку с Уваровым, отвел его в сторону, говоря: «Как тебе не стыдно гулять публично с таким человеком!»

Ценсура не пропустила следующие стихи в сказке моей о золотом петушке:

Царствуй, лежа на боку

и

*Сказка ложь, да в ней намек,
Добрым молодцам урок.*

Времена Красовского возвратились. Никитенко глупее Вирукова.

А. С. Пушкин. Дневник. 1835

ОБ «ИСТОРИИ ПУГАЧЕВСКОГО БУНТА»

С большим нетерпением ожидали мы этой книги, давно обещанной и долго не выходящей в свет. Многие надеялись и были в том уверены, что знаменитый наш поэт нарисует нам сей кровавый эпизод царствования Екатерины Великой кистью Байрона, подарит нас картиною ужасною, от которой, как от взгляда пугачевского, не одна дама упадет в обморок. Нам казалось, что исторический отрывок, написанный слогом возвышенным, живым, пером пламенным,

поэтическим, не потеряет своего внутреннего достоинства; ибо события, извлеченные из документов, не подлежащих сомнению, еще свежих и памятных для многих стариков, при их свидетельстве, не могли лишиться чрез это своей достоверности.

После долгого ожидания, наконец, получили мы две толстые книги, в мрачной, как тюремные стены, обертке, с торопливостью разрезали первую часть, с жадностью прочли ее. За один прием прочли и вторую, и не утомленные чтением, но чем-то недовольные, мы снова, и с большим вниманием принялись за первую часть, которой половина составляет неотъемлемую собственность автора. Но, к крайнему сожалению, убедились, наконец, что автор на новом для него историческом поприще разрешился *d'un enfant mort-né* *. Это мертворожденное дитя при ближайшем его рассмотрении не походит на знаменитого своего родителя. В Истории пугачевского бунта действительно все так холодно и сухо, что тщетно будет искать в нем труда знаменитого нашего поэта. (...)

— *Сын отечества*, 1835, ч. 169, № 3.

92

Милостивый государь Александр Сергеевич.

Наконец и моя русская библиотека красуется новым плодом любимого нашего автора! Сердечно благодарю вас за приятный гостинец и за ваше хотя и церемонное, но не меньше обязательное надписание.

Сочинение ваше подвергалось и здесь разным толкам, довольно смешным, но никогда дельным: одни дивились, как вы смели напоминать о том, что некогда велено было предать забвению.—Нужды нет, что осталась бы прореха в русской истории; другие, и к сожалению большая часть лживых романтиков, желали бы, чтоб «История» ваша и в расположении и в слоге изуродована была всеми припасами смирдинской школы и чтобы была гораздо погрузнее.—Но полно, ныне настает время не желчи, а ликования.

* мертворожденное дитя (фр.)

Приветствую вас с продолжающимся праздником. Искренно желаю по следам наших предков *всесейно* провести его благополучно, и между тем с совершенным почтением и преданностию имею честь быть <...>

*И. И. Дмитриев — Пушкину.
10 апреля 1835. Из Москвы в Петербург.*

93

Милостивый государь Иван Иванович, приношу искреннюю мою благодарность вашему высокопревосходительству за ласковое слово и за утешительное ободрение моему историческому отрывку. Его похваляют, и поделом: я писал его для себя, не думая, чтоб мог напечатать, и старался только об одном ясном изложении происшествий, довольно запутанных. Читатели любят анекдоты, черты местности и пр.; а я все это отбросил в примечания. Что касается до тех мыслителей, которые негодуют на меня за то, что Пугачев представлен у меня Емелькою Пугачевым, а не Байроновым Ларою, то охотно отсылаю их к г. Полевому, который, вероятно, за сходную цену возьмется идеализировать это лице по самому последнему фасону. <...>

*Пушкин — И. И. Дмитриеву.
26 апреля 1835. Из Петербурга в Москву.*

94

Милостивый государь
граф Александр Христофорович.

Пользуясь драгоценным своим правом, имею счастье повергнуть на рассмотрение его величества сочинение, которое весьма желал бы я напечатать по причинам, объясненным в предисловии.

Ободренный вниманием, коего вы всегда изволили меня удостоивать, осмеливаюсь просить Ваше сиятельство о дозволении объяснить Вам лично обстоятельство, собственно до меня касающееся.

С глубочайшим почтением и совершенной преданностию имею честь быть <...>

*Пушкин — А. Х. Бенкендорфу.
11 апреля 1835. Петербург.*

95

ТУЧА

Последняя туча рассеянной бури!
Одна ты несешься по ясной лазури,
Одна ты наводишь унылую тень,
Одна ты печалишь ликующий день.

Ты небо недавно кругом облежала,
И молния грозно тебя обвивала;
И ты издавала таинственный гром
И алчную землю поила дождем.

Довольно, сокройся! Пора миновалась,
Земля освежилась, и буря промчалась,
И ветер, лаская листочки деревьев,
Тебя с успокоенных гонит небес.

1835

А. С. Пушкин

96

КОНТРАКТ НА НАЕМ КВАРТИРЫ
В ДОМЕ С. А. БАТАШЕВА

Санктпетербург, мая в первый день тысяча восемьсот тридцать пятого года, я нижеподписавшийся Двора его императорского величества камер-юнкер Александр Сергеев сын Пушкин, наняв в доме отставного гвардии полковника и кавалера Силы Андреева сына Баташева, Литейной части первого квартала под № 20-м бельэтаж, состоящий из поименованных в прилагаемой при сем описи комнат со службами от выпечпанного числа на один год, т. е. по первое мая будущего тысяча восемьсот тридцать шестого года, ценою за шесть тысяч рублей ассигнациями, обязываюсь исполнять следующее: *Первое* платеж означенной суммы производить мне Пушкину владельцу дома г. Баташеву по третям и именно при заключении сего контракта две тысячи рублей ассигнациями, 1-го сентября 1835 и 1-го генваря 1836 года тож по две тысячи рублей за каждую треть ассигнациями,

с подписанием сей уплаты владельцем дома или уполномоченным от него на контракте, или на копии с одного. *Второе*, бельэтаж и все принадлежности к нему, принятые мною по описи, по истечении контракту срока, ежели в течение последних двух месяцев не последует взаимного соглашения на продолжение найма на следующий год, сдать мне бельэтаж в той самой исправности, в какой принят был по описи не доводя владельца дома ни до каких убытков и хлопот. *Третье* чистение печных труб, отхожих мест, помойных и мусорных ям производиться должно от владельца дома без всякого моего за то в платеже участия. *Четвертое* наблюдать с моей стороны, чтобы живущие в нанятом мною бельэтаже обходились с огнем осторожно, и в случае (от чего боже сохрани) учинится в доме г. Баташева от неосторожности моей, или служащих при мне, пожар, доказанный законным порядком, то я обязан отвечать за последовавший дому вред всею собственностью моею без всяких хлопот, не доводя владельца дома ни до каких убытков; а напротив того, ежели пожар произойдет не от меня и живущих при мне, но от грозы, или от неисправности труб и печей, кои остаются на ответственности хозяйской, или же от других жильцов, или соседей, тогда я за причиненные дому пожаром убытки не отвечаю, обязываясь предупреждать владельца дома об опасностях печей и труб. Пункт сей в случае застрахования дома до меня не касается. *Пятое*, людей, находящихся у меня в услужении, иметь мне с узаконенными видами, о коих и объявлять мне в квартале под собственною моею за неисполнение сего ответственностию. *Шестое*, в случае поступления в другие руки дома г. Баташева, ежели покупатель одного не согласится оставить меня в нанятой мною квартире до окончания срока контракту, в таком случае по предварительном меня о сем извещении, я предоставляю себе право выехать из квартиры не ранее трех месяцев, но с тем чтобы в сем случае излишне-переданные мною деньги за наем квартиры, были мне владельцем дома по расчету возвращены. *Седьмое*, контракт сей содержать с обеих сторон свято и ненарушимо, записав оный у маклерских дел, подлинному хранится у владельца дома, а копию с него у наемщика квартиры. *Восьмое*, в случае выезда моего

из Петербурга по каким либо обстоятельствам предоставляю я, Пушкин, себе право квартиру передать другому до истечения контракту срока, но с полным владельца дома за все контрактное время от меня удовлетворением.

Двора его императорского величества камер-юнкер титулярный советник *Александр Сергеевич Пушкин*.

97

Все ваши распоряжения и предположения одобряю в полной мере. В июле думаю быть у вас. Дела мои в Петербурге приняли было худой оборот, но надеюсь их поправить. По условию с батюшкой, доходы с Кистенева отныне определены исключительно на брата Льва Сергеевича и на сестру Ольгу Сергеевну. Следовательно, все доходы с моей части отправлять, куда потребует сестра или муж ее Николай Иванович Павлицев; а доходы с другой половины (кроме процентов, следующих в ломбард) отправлять ко Льву Сергеевичу, куда он прикажет. Болдино останется для батюшки.

На днях буду писать вам обстоятельнее.

Пушкин — И. М. Пеньковскому.
1 мая 1835. Из Петербурга в Болдино.

98

Милостивый государь Николай Иванович,

Я Вам долго не отвечал, потому что ничего утвердительного не мог написать. Отвечаю сегодня на оба Ваши письма: Вы правы почти во всем, а в чем не правы, о том нечего толковать. Поговорим о деле. Вы требуете сестрину, законную часть; Вы знаете наши семейственные обстоятельства; Вы знаете, как трудно у нас приступать к чему-нибудь дельному или деловому. Отложим это до другого времени. Вот распоряжения, которые на днях предложил я батюшке и на которые он, слава богу, согласен. Он Льву Сергеевичу отдает половину Кистенева; свою половину уступаю

сестре (т. е. доходы), с тем чтоб она получала доходы и платила проценты в ломбард: я писал о том уже управителю. Батюшке остается Болдино. С моей стороны это, конечно, ни пожертвование, ни одолжение, а расчет для будущего. У меня у самого семейство и дела мои не в хорошем состоянии. Думаю оставить Петербург и ехать в деревню, если только этим не навлеку на себя неудовольствия. (...)

Я до сих пор еще управляю имением, но думаю к июлю сдать его. Матушке легче, но ей совсем не так хорошо, как она думает; лекаря не надеются на совершенное выздоровление.

Сердечно кланяюсь Вам и сестре.

*Пушкин — Н. И. Павлицеву.
2 мая 1835. Из Петербурга в Варшаву.*

99

Предъявитель сего состоящий в ведомстве Министерства иностранных дел титулярный советник в звании камер-юнкера Александр Пушкин, по прошению его уволен в отпуск с 3-го сего мая на 28 дней в Псковскую губернию. В удостоверение чего и дано ему сие свидетельство от Департамента хозяйственных и счетных дел с приложением печати.

С.-Петербург, Мая 4-го дня 1835 г.

100

(...) Имею счастье поздравить Вас со внуком Григорьем и поручить его Вашему благорасположению. Наталья Николаевна родила его благополучно, но мучилась долее обыкновенного — и теперь не совсем в хорошем положении — хотя, слава богу, опасности нет никакой. Она родила в мое отсутствие, я принужден был по своим делам съездить во Псковскую деревню и возвратился на другой день ее родов. Приезд мой ее встревожил, и вчера она протрадала; сегодня ей легче. Она поручила мне испросить Вашего благословения ей и новорожденному. (...)

*Пушкин — Н. И. Гончаровой.
16 мая 1835. Из Петербурга в Ярополец.*

Осмеливаюсь представить на решение вашего сиятельства.

В 1832 г. его величество соизволил разрешить мне быть издателем политической и литературной газеты.

Ремесло это не мое и неприятно мне во многих отношениях, но обстоятельства заставляют меня прибегнуть к средству, без которого я до сего времени надеялся обойтись. Я проживаю в Петербурге, где благодаря его величеству могу предаваться занятиям более важным и более отвечающим моему вкусу, но жизнь, которую я веду, вызывающая расходы, и дела семьи, крайне расстроенные, ставят меня в необходимость либо оставить исторические труды, которые стали мне дороги, либо прибегнуть к щедротам государя, на которые я не имею никаких других прав, кроме тех благодеяний, коими он меня уже осыпал.

Газета мне дает возможность жить в Петербурге и выполнять священные обязательства. Итак, я хотел бы быть издателем газеты, во всем сходной с «Северной пчелой»; что же касается статей чисто литературных (как-то: пространных критик, повестей, рассказов, поэм и т. п.), которые не могут найти место в фельетоне, то я хотел бы издавать их особо (по тому каждые 3 месяца, по образцу английских *Reviews* *).

Прошу извинения, но я обязан сказать вам всё. Я имел несчастье навлечь на себя неприязнь г. министра народного просвещения, так же как князя Дондукова, урожденного Корсакова. Оба уже дали мне ее почувствовать довольно неприятным образом. Вступая на поприще, где я буду вполне от них зависеть, я пропаду без вашего непосредственного покровительства. Поэтому осмеливаюсь умолять вас назначить моей газете цензора из вашей канцелярии; это мне тем более необходимо, что моя газета должна выходить одновременно с «Северной пчелой» и я должен иметь время для перевода тех же сообщений — иначе я буду принужден перепечатывать новости, опубликованные накануне; этого одного будет довольно, чтобы погубить всё предприятие. (фр.)

Пушкин — А. Х. Бенкендорфу.
Апрель — май 1835. Петербург. (Черновое)

* обозрений (англ.)

102

Испрашивая разрешение стать издателем литературной и политической газеты, я сам чувствовал все неудобства этого предприятия. Я был к тому вынужден печальными обстоятельствами. Ни у меня, ни у жены моей нет еще состояния; дела моего отца так расстроены, что я вынужден был взять на себя управление ими, дабы обеспечить будущность хотя бы моей семьи. Я хотел стать журналистом для того лишь, чтобы не упрекать себя в том, что пренебрегаю средством, которое давая мне 40 000 дохода, избавило бы меня от затруднений. Теперь, когда проект мой не получил одобрения его величества, я признаюсь, что с меня снято тяжелое бремя. Но зато я вижу себя вынужденным прибегнуть к щедротам государя, который теперь является моей единственной надеждой. Я прошу у вас позволения, граф, описать вам мое положение и поручить мое ходатайство вашему покровительству.

Чтобы уплатить все мои долги и иметь возможность жить, устроить дела моей семьи и наконец без помех и хлопот предаться своим историческим работам и своим занятиям, мне было бы достаточно получить займы 100 000 р. Но в России это невозможно.

Государь, который до сих пор не переставал осыпать меня милостями, но к которому мне тягостно соизволив принять меня на службу, милостиво назначил мне 5000 р. жалованья. Эта сумма представляет собой проценты с капитала в 125 000. Если бы вместо жалованья его величество соблаговолил дать мне этот капитал в виде займа на 10 лет и без процентов,— я был бы совершенно счастлив и спокоен. (фр.)

*Пушкин — А. Х. Бенкендорфу.
Апрель — май 1835 г. В Петербурге.
(Вторая черновая редакция)*

103

Граф,

Мне совестно постоянно надоедать вашему сиятельству, но снисходительность и участие, которые вы всегда ко мне проявляли, послужат извинением моей нескромности.

У меня нет состояния; ни я, ни моя жена не получили еще той части, которая должна нам достаться. До сих пор я жил только своим трудом. Мой постоянный доход — это жалованье, которое государь соизволил мне назначить. В работе ради хлеба насущного, конечно, нет ничего для меня унижительного; но, привыкнув к независимости, я совершенно не умею писать ради денег; и одна мысль об этом приводит меня в полное бездействие. Жизнь в Петербурге ужасающе дорога. До сих пор я довольно равнодушно смотрел на расходы, которые я вынужден был делать, так как политическая и литературная газета — предприятие чисто торговое — сразу дала бы мне средство получить от 30 до 40 тысяч дохода. Однако дело это причиняло мне такое отвращение, что я намеревался взяться за него лишь при последней крайности.

Ныне я поставлен в необходимость покончить с расходами, которые вовлекают меня в долги и готовят мне в будущем только беспокойство и хлопоты, а может быть — нищету и отчаяние. Три или четыре года уединенной жизни в деревне снова дадут мне возможность по возвращении в Петербург возобновить занятия, которыми я пока еще обязан милостям его величества.

Я был осыпан благодеяниями государя, я был бы в отчаянье, если бы его величество заподозрил в моем желании удалиться из Петербурга какое-либо другое побуждение, кроме совершенной необходимости. Малейшего признака неудовольствия или подозрения было бы достаточно, чтобы удержать меня в теперешнем моем положении, ибо, в конце концов, я предпочитаю быть стесненным в моих делах, чем потерять во мнении того, кто был моим благодетелем, не как монарх, не по долгу и справедливости, но по свободно-му чувству благожелательности возвышенной и великодушной.

Вручая судьбу мою в ваши руки, честь имею быть с глубочайшим уважением, граф, вашего сиятельства низжайший и покорнейший слуга

Александр Пушкин. (фр.)

Пушкин — А. Х. Бенкендорфу.
1 июня 1835. Петербург.

104

* * *

На это скажут мне с улыбкою неверной:
Смотрите, вы поэт уклонный, лицемерный,
Вы нас морочите — вам слава не нужна,
Смешной и суетной вам кажется она:
Зачем же пишете? — Я? для себя. — За что же
Печатаете вы? — Для денег. — Ах, мой боже!
Как стыдно! — Почему ж?

1835

А. С. Пушкин

105

Милостивый государь
граф Александр Христофорович

Государю угодно было отметить на письме моем к Вашему сиятельству, что нельзя мне будет отправиться на несколько лет в деревню иначе как взяв отставку. Передаю совершенно судьбу мою в царскую волю и желаю только, чтоб решение его величества не было для меня знаком немилости и чтоб вход в архивы, когда обстоятельства позволят мне оставаться в Петербурге, не был мне запрещен. (...)

Пушкин — А. Х. Бенкендорфу.
4 июля 1835. Петербург

106

Граф,

Я имел честь явиться к вашему сиятельству, но, к несчастью, не застал вас дома.

Осыпанный милостями его величества, к вам, граф, должен я обратиться, чтобы поблагодарить за участие, которое вам было угодно проявлять ко мне, и чтобы откровенно объяснить мое положение.

В течение последних пяти лет моего проживания в Петербурге я задолжал около шестидесяти тысяч рублей. Кроме того, я был вынужден взять в свои руки дела моей семьи: это вовлекло меня в такие затруднения, что я был принужден отказаться от наследства и что единственными средствами привести в порядок мои дела были: либо удалиться в деревню, либо одновременно занять крупную сумму денег. Но последний исход почти невозможен в России, где закон предоставляет слишком слабое обеспечение заимодавцу и где займы суть почти всегда долги между друзьями и на слово.

Благодарность для меня чувство не тягостное; и, конечно, моя преданность особе государя не смущена никакой задней мыслью стыда или угрызений совести; но не могу скрыть от себя, что я не имею решительно никакого права на благодеяния его величества и что мне невозможно просить чего-либо.

Итак, вам, граф, еще раз вверяю решение моей участи и, прося вас принять уверение в моем высоком уважении, имею честь быть с почтением и признательностью вашего сиятельства, граф, низжайший и покорнейший слуга

Александр Пушкин. (фр.)

Пушкин — А. Х. Бенкендорфу.
22 июля 1835. Петербург.

107

Граф,

Мне тяжело в ту минуту, когда я получаю неожиданную милость, просить еще о двух других, но я решаюсь прибегнуть со всей откровенностью к тому, кто удостоил быть моим провидением.

Из 60 000 моих долгов половина — долги чести. Чтобы расплатиться с ними, я вижу себя вынужденным занимать у ростовщиков, что усугубит мои затруднения или же поставит меня в необходимость вновь прибегнуть к великодушью государя.

Итак, я умоляю его величество оказать мне милость полную и совершенную: во-первых, дав мне

возможность уплатить эти 30 000 рублей и, во-вторых, соизволив разрешить мне смотреть на эту сумму как на заем и приказав, следовательно, приостановить выплату мне жалованья впредь до погашения этого долга.

Поручая себя вашей снисходительности, имею честь быть с глубочайшим уважением и живейшей благодарностью вашего сиятельства, граф, низжайший и покорнейший слуга.

Александр Пушкин. (фр.)

Пушкин — А. Х. Бенкендорфу.
26 июля 1835. Петербург.

108

Государь император всемилостивейше соизволил пожаловать служащему в Министерстве иностранных дел камер-юнкеру коллежскому ассессору Пушкину, в ссуду, 30 000 р. ассигн., с тем, чтобы в уплату сей суммы удерживаемо было производящееся ему жалованье.— Сообщив высочайшую сию волю г. Министру финансов к исполнению, я имею честь уведомить о сем Ваше превосходительство.

А. Х. Бенкендорф — К. К. Радофиникину.
31 июля 1835. Петербург.

109

Милостивый государь,
граф Александр Христофорович!

В следствие высочайшего повеления, сообщенного мне в отношении вашего сиятельства от 1 сего августа, имел я счастье докладывать государю императору, и удостоился в 16/28 день сего августа получить высочайший указ, о выдаче камер-юнкеру коллежскому ассессору Александру Пушкину в ссуду без процентов из государственного казначейства 30 тыс. руб., с обращением в уплату сей суммы выдаваемых Пушкину из казначейства на известное государю императору употребление 5 тыс. руб.

Во исполнение сего предложил я Департаменту государственного казначейства учинить распоряжение о выдаче из Главного казначейства г. камер-юнкеру Пушкину в ссуду означенных 30 тыс. р. с удержанием из оных следовавших от него на срок 22-го марта сего года 10 тыс. руб. с причитающимися за просрочку процентами, по ссуде 20 тыс. руб., в 1834 году ему произведенной, о каковом вычете имел я счастье довести до высочайшего сведения. (...)

*Е. Ф. Канкрин — А. Х. Бенкендорфу.
24 августа 1835. Петербург.*

110

Его императорское величество снисходя к прошению служащего в Министерстве иностранных дел камер-юнкера коллежского асессора Александра Пушкина, всемилостивейше повелеть соизволил уволить его в отпуск на чetyре месяца. (...)

*А. Х. Бенкендорф — К. К. Радофиникину.
9 августа 1835. Петербург.*

111

Предъявитель сего состоящий в ведомстве Министерства иностранных дел титулярный советник в звании камер-юнкера Александр Пушкин, с высочайшего его императорского величества соизволения уволен в отпуск на чetyре месяца. В удостоверение чего и дано ему сие свидетельство от Департамента хозяйственных и счетных дел, с приложением печати.

С.-Петербург. 27 августа 1835.

112

В главное управление цензуры.

28 августа 1835 г. В Петербурге.

Честь имею обратиться в Главный комитет цензуры с покорнейшею просьбою о разрешении встретившихся затруднений.

В 1826 году государь император изволил объявить мне, что ему угодно быть самому моим цензором. Вследствие высочайшей воли всё, что с тех пор было мною напечатано, доставляемо было мне прямо от его величества из 3-го отделения собственной его канцелярии при подписи одного из чиновников: с дозволения правительства. Таким образом были напечатаны: «Цыганы», повесть (1827), 4-я, 5-я, 6-я, 7-я и 8-я главы «Евгения Онегина», романа в стихах (1827, 1828, 1831, 1833), «Полтава» (1829), 2-я и 3-я часть «Мелких стихотворений»; 2-е, исправленное издание поэмы «Руслан и Людмила» (1828), «Граф Нулин» (1828), «История Пугачевского бунта» и проч.

Ныне, по случаю второго, исправленного издания Анджели, перевода из Шекспира (неисправно и с своевольными поправками, напечатанного книгопродавцем Смирдиным), г. попечитель С.-Петербургского учебного округа изустно объявил мне, что не может более позволить мне печатать моих сочинений, как доселе они печатались, т.е. с надписью чиновника собственной его величества канцелярии. Между тем никакого нового распоряжения не последовало, и таким образом я лишен права печатать свои сочинения, дозволенные самим государем императором.

В прошлом мае месяце государь изволил возвратить мне сочинение мое, дозволив оное напечатать, за исключением собственноручно замеченных мест. Не могу более обратиться для подписи в собственную канцелярию его величества и принужден утруждать Комитет всеуниженным вопросом: какую новую форму соизволит он предписать мне для представления рукописей моих в типографию?

Титулярный советник
Александр Пушкин.

28 августа 1835

Обращаюсь к Вашему сиятельству с жалобой и покорнейшею просьбою.

По случаю затруднения цензуры в пропуске издания одного из моих стихотворений принужден я был во время Вашего отсутствия обратиться в Цензурный комитет с просьбой о разрешении встретившегося

недоразумения. Но Комитет не удостоил просьбу мою ответом. Не знаю, чем мог я заслужить такое небрежение — но ни один из русских писателей не притеснен более моего. Сочинения мои, одобренные государем, остановлены при их появлении — печатаются с своевольными поправками цензора, жалобы мои оставлены без внимания. Я не смею печатать мои сочинения — ибо не смею...

Пушкин — А. Х. Бенкендорфу.
Около (не ранее) 23 октября 1835.
В Петербурге. (Черновое)

114

Милостивый государь граф Егор Францевич,

Обращаюсь к Вашему сиятельству с покорнейшей просьбою, осмеливаюсь утрудить внимание Ваше предварительным объяснением моего дела.

Вследствие домашних обстоятельств принужден я был проситься в отставку, дабы ехать в деревню на несколько лет. Государь император весьма милостиво изволил сказать, что он не хочет отрывать меня от моих исторических трудов, и приказал выдать мне 10 000 рублей как вспоможение. Этой суммы недостаточно было для поправления моего состояния. Остаюсь в Петербурге, я должен был или час от часу более запутывать мои дела, или прибегать к вспоможениям и к милостям, средству, к которому я не привык, ибо до сих пор был я, слава богу, независим и жил своими трудами.

Итак, осмелился я просить его величество о двух милостях: 1) о выдаче мне, *вместо вспоможения, займа 30 000 рублей, нужных мне в обрез*, для уплаты необходимой; 2) о удержании моего жалования до уплаты сей суммы. Государю угодно было согласиться на то и на другое.

Но из Государственного казначейства выдано мне вместо 30 000 р. только 18 000, за вычетом разных процентов и 10 000 (десяти тысяч рублей), выданных мне заимообразно на напечатание одной книги. Таким образом, я более чем когда-нибудь нахожусь в стесненном положении, ибо принужден оставаться в Пе-

тербурге, с долгами недоплаченными и лишеныи 5000 рублей жалования.

Осмеливаюсь просить Ваше сиятельство о разрешении получить мне сполна сумму, о которой принужден я был просить государя, и о позволении платить проценты с суммы, в 1834 году выданной мне, пока обстоятельства дозволят мне внести оную сполна.

Препоручая себя благорасположению Вашего сиятельства, с глубочайшим почтением и совершенной преданностию честь имею быть <...>

*Пушкин — Е. Ф. Канкрину.
6 сентября 1835. Петербург.*

115

Милостивый государь
граф Александр Христофорович.

При выдаче на основании высочайшего указа от 16/28 августа сего года, в ссуду камер-юнкеру коллежскому асессору Александру Пушкину из государственного казначейства 30 тыс. руб. без процентов (о чем известно вашему сиятельству из отношения моего от 24 минувшего августа № 3951), главное казначейство удержало 10 тыс. руб. следовавшие от Пушкина на срок 22 марта сего года, в уплату ссуды 20 тыс. руб., в 1834 году ему произведенной, составившие с процентами за просрочку 10 268 р. 33 к., и в пользу инвалидов 5% составляющие 1500 руб. затем выдано Пушкину 18 231 р. 67 к.

По просьбе г. Пушкина о разрешении получить ему сполна сумму, о которой он просил, и о позволении платить проценты с суммы, в 1834 году ему выданной, пока обстоятельства дозволяют ему внести оную сполна, имел я счастье докладывать о сем государю императору, присовокупив, что я считал бы возможным вычтенные за первую половину прежнего займа капитальные деньги и проценты возвратить Пушкину; заем же сей рассрочить на четыре года, начиная с 1836-го без процентов; — что ж касается до вычета на инвалидов, то как оный сделан на основании существующего на беспроцентные ссуды узаконения, и высочайшего подтверждения, чтобы из правил о

вычетах для инвалидов, ни в каком случае изъятия не допускать; по сему сделанный у Пушкина таковой вычет с последней ссуды 30 тыс. руб. оставить в своей силе.

На всеподданнейшей докладной моей о сем записке, его императорское величество 30 сентября сего
12 октября
года собственноручно написать изволил «исполнить».

Вследствие сего предложил я Департаменту государственного казначейства учинить по Главному казначейству распоряжение, дабы вычтенные у г. Пушкина, за первую половину первого займа, капитальные деньги 10 тыс. р., равно проценты за просрочку 268 р. 33 коп., всего 10 268 р. 33 к. были возвращены ему; долг же (по ссуде 1834 года 20 тыс. руб.) рассрочить на четыре года, начиная с 1836 года, без процентов. (...)

*Е. Ф. Канкрин — А. Х. Бенкендорфу.
10 октября 1835. Петербург.*

116

Милостивый государь.

Честь имеем препроводить Вам на обороте счет расходов по печатанию, гравированию, пересылке и проч. портрета Пугачева, на сумму р. 750. 15 коп. Мы произвели эти расходы, сделав вам любезность, и надеемся, что вы сообразоволяете их нам немедленно возместить.

К сожалению, ввиду необходимости привести в ясность наши поступления мы вынуждены напомнить вам, что, за вычетом всех произведенных вами платежей, счет наших поставок 1834 г. составляет еще сумму в 1566 р. 38 к.—Поэтому мы были бы вам весьма признательны, если бы вы могли равным образом за них расплатиться, или же, по меньшей мере, внести в погашение задолженности рублей тысячу, необходимую нам в данный момент для расчета по обязательствам, тем более тягостным, что дела наши сильно пострадали вследствие обстоятельств, в которых мы оказались ныне.

Домогаться этих двух платежей с настойчивостью, нам обычно не свойственной,— значит доказать вам наиболее явным образом, до какой степени нам важно, чтобы вы сообразовали удовлетворить нашу просьбу. В надежде на это

Имеем честь быть, милостивый государь, вашими низжайшими и покорнейшими слугами

Ф. Беллизар и К° (фр.)

С-Петербург, 7 августа 1835.

Господину Алекс. Пушкину и проч., и проч., в городе.

Должен господин А. Пушкин Ф. Беллизару и К°.

Гравирование портрета Пугачева франков 300 —

Печатание и бумага 3000 экземпляров на обыкновенной бумаге по 10 фр. 50 сант. за сотню 315 —

То же 200 экз. на китайской бумаге по 20 фр. за сотню 40 —

фр. 655 —

Комиссия и расходы, уплаченные в Париже 10% 65.50

Итого 720.50

Фр. 720.50 по курсу 110 Руб. 655.— коп.

Расходы по пересылке, страхованию, вывозные пошлины, сборы за провоз через проливы, отправка писем и проч., составляющие 13% суммы « 85.15

Наша комиссия по приемке « 10 —

Итого руб. 750. 15 коп. (фр.)

117

* * *

В мои осенние досуги,
 В те дни, как люблю мне писать,
 Вы мне советуете, други,
 Рассказ забытый продолжать.
 Вы говорите справедливо,
 Что странно, даже неучтиво
 Роман не конча перервать,
 Отдав уже его в печать,
 Что должно своего героя
 Как бы то ни было женить,
 По крайней мере уморить,

И лица прочие пристроя,
Отдав им дружеский поклон,
Из лабиринта вывести вон.

Вы говорите: «Слава богу,
Покамест твой Онегин жив,
Роман не кончен — понемногу
Иди вперед; не будь ленив.
Со славы, вняв ее призванью,
Сбирай оброк хвалой и бранью —
Рисуй и франтов городских
И милых барышень своих,
Войну и бал, дворец и хату,
Чердак, и келью, и харем
И с нашей публики меж тем
Бери умеренную плату,
За книжку по пяти рублей —
Налог не тягостный, ей-ей».

1835

А. С. Пушкин

118

Хороши мы с тобой. Я не дал тебе моего адреса, а ты у меня его и не спросила; вот он: в Псковскую губернию, в Остров, в село Тригорское. Сегодня 14-е сентября. Вот уж неделя, как я тебя оставил, милый мой друг; а толку в том не вижу. Писать не начинал и не знаю, когда начну. Зато беспрестанно думаю о тебе, и ничего путного не надумаю. Жаль мне, что я тебя с собою не взял. Что у нас за погода! Вот уж три дня, как я только что гуляю то пешком, то верхом. Эдак я и осень мою прогуляю, и коли бог не пошлет нам порядочных морозов, то возвращусь к тебе, не сделав ничего. Прасковьи Александровны еще здесь нет. Она или в деревне у Бегичевой, или во Пскове хлопочет. На днях ожидают ее. Сегодня видел я месяц с левой стороны, и очень о тебе стал беспокоиться. (...) Пиши мне как можно чаще; и пиши всё, что ты делаешь, чтоб я знал, с кем ты кокетничаешь, где бываешь, хорошо ли себя ведешь, каково сплетничаешь, и счастливо ли воюешь с твоей однофамилицей. Прощай, душа; целую ручку у Марьи Александровны и прошу ее быть моею заступницею у тебя. Сашку целую

в его круглый лоб. Благословляю всех вас. Теткам Азе и Коко мой сердечный поклон. Скажи Плетневу, чтоб он написал мне об наших общих делах.

Пушкин — Н. Н. Пушкиной.

14 сентября 1835. Из Михайловского в Петербург.

119

Жена моя, вот уже и 21-е, а я от тебя еще ни строчки не получил. Это меня беспокоит поневоле, хоть я знаю, что ты мой адрес, вероятно, узнала не прежде как 17-го, в Павловске. Не так ли? к тому же и почта из Петербурга идет только раз в неделю. Однако я всё беспокоюсь и ничего не пишу, а время идет. Ты не можешь вообразить, как живо работает воображение, когда сидим одни между четырех стен, или ходим по лесам, когда никто не мешает нам думать, думать до того, что голова закружится. А о чем я думаю? Вот о чем: чем нам жить будет? Отец не оставит мне имения, он его уже вполовину промотал; ваше имение на волоске от гибели. Царь не позволяет мне ни записаться в помещики, ни в журналисты. Писать книги для денег, видит бог, не могу. У нас ни гроша верного дохода, а верного расхода 30 000. Всё держится на мне да на тетке. Но ни я, ни тетка не вечны. Что из этого будет; бог знает. Покамест грустно. Поцелуйка меня, авось горе пройдет. Да лих, губки твои на 400 верст не оттянешь. Сиди да горюй — что прикажешь! Теперь выслушай мой журнал: был я у Вревских третьего дня и там ночевал. Ждали Прасковью Александровну, но она не бывала. Вревская очень добрая и милая бабенка, но толста, как Мефодий, наш псковский архиерей. И незаметно, что она уж не брюхата; всё та же, как когда ты ее видела. Я взял у них Вальтер Скотта и перечитываю его. Жалею, что не взял с собою английского. Кстати: пришли мне, если можно, *Essays de M. Montaigne** — 4 синих книги, на длинных моих полках. Отыщи. Сегодня погода пасмурная. Осень начинается. Авось засяду. Жду Прасковью Александровну, которая, вероятно, будет сегодня в Тригорское. — Я много хожу, много езжу верхом, на клячах, которые очень тому рады, ибо им за то дается овес,

* «Опыты» М. Монтеня (фр.)

к которому они не привыкли. Ем я печеный картофель, как маймист, и яйца всмятку, как Людовик XVIII. Вот мой обед. Ложусь в 9 часов; встаю в 7. Теперь требую от тебя такого же подробного отчета. Целую тебя, душа моя, и всех ребят, благословляю вас от сердца. Будьте здоровы. (...)

Пушкин — Н. Н. Пушкиной.

21 сентября 1835. Из Михайловского в Петербург.

120

(...) Здорова ли ты, душа моя? и что мои ребятишки? что дом наш, и как ты им управляешь? Вообрази, что до сих пор не написал я ни строчки; а всё потому, что не спокоен. В Михайловском нашел я всё по-старому, кроме того, что нет уж в нем няни моей и что около знакомых старых сосен поднялась, во время моего отсутствия, молодая сосновая семья, на которую досадно мне смотреть, как иногда досадно мне видеть молодых кавалергардов на балах, на которых уже не пляшу. Но делать нечего; всё кругом меня говорит, что я старею, иногда даже чистым русским языком. Например, вчера мне встретилась знакомая баба, которой не мог я не сказать, что она переменялась. А она мне: да и ты, мой кормилец, состарелся да и подурнел. Хотя могу я сказать вместе с покойной няней моей: хорош никогда не был, а молод был. Всё это не беда; одна беда: не замечай ты, мой друг, того, что я слишком замечаю. Что ты делаешь, моя красавица, в моем отсутствии? расскажи, что тебя занимает, куда ты едешь, какие есть новые сплетни etc. Карамзина и Мещерские, слышал я, приехали. Не забудь сказать им сердечный поклон. В Тригорском стало просторнее, Евпраксия Николаевна и Александра Ивановна замужем, но Прасковья Александровна всё та же, и я очень люблю ее. Веду себя скромно и порядочно. Гуляю пешком и верхом, читаю романы Вальтер Скотта, от которых в восхищении, да охаю о тебе. Прощай, целую тебя крепко, благословляю тебя и ребят. Что Коко и Азя? замужем или еще нет? Скажи, чтоб без моего благословения не шли. Прощай, мой ангел.

Пушкин — Н. Н. Пушкиной.

25 сентября 1835. Из Тригорского в Петербург.

121

⟨...⟩ Государь обещал мне *Газету*, а там запретил; заставляет меня жить в Петербурге, а не дает мне способов жить моими трудами. Я теряю время и силы душевные, бросаю за окошки деньги трудовые и не вижу ничего в будущем. Отец мотает имение без удовольствия, как без расчета; твои теряют свое, от глупости и беспечности покойника Афанасия Николаевича. Что из этого будет? Господь ведает. ⟨...⟩ Что Плетнев? думает ли он о нашем общем деле? вероятно, нет. Я провожу время очень однообразно. Утром дела не делаю, а так из пустого в порожнее переливаю. Вечером езжу в Тригорское, роюсь в старых книгах да орехи грызу. А ни стихов, ни прозы писать и не думаю. Скажи Сашке, что у меня здесь белые сливы, не чета тем, которые он у тебя крадет, и что я прошу его их со мною покушать. Что Машка? какова дружба ее с маленькой Музика? и каковы ее победы? Пиши мне также новости политические: я здесь газет не читаю — в Английский клуб не езжу и Хитрову не вижу. Не знаю, что делается на белом свете. Когда будут цари? и не слышно ли чего про войну и т. п.? Благословляю вас — будьте здоровы. Целую тебя. Как твой адрес глуп, так это объединение! В Псковскую губернию, в село Михайловское. Ах ты, моя голубушка! а в какой уезд, и не сказано. Да и Михайловских сел, чаю, не одно; а хоть и одно, так кто ж его знает. Экая ветреница! Ты видишь, что я всё ворчу; да что делать? нечему радоваться. ⟨...⟩

Пушкин — Н. Н. Пушкиной.

29 сентября 1835. Из Михайловского в Петербург.

122

Милая моя женка, есть у нас здесь кобылка, которая ходит и в упряжи и под верхом. Всем хороша, но чуть пугнет ее что на дороге, как она закусит поводья, да и несет верст десять по кочкам да оврагам — и тут уж ничем ее не проймешь, пока не устанет сама.

Получил я, ангел кротости и красоты! письмо твое, где изволишь ты, закусив поводья, лягаться милыми и

стройными копытцами, подкованными у M-me Kathérine*. Надеюсь, что теперь ты устала и присмирела. Жду от тебя писем порядочных, где бы я слышал тебя и твой голос — а не брань, мною вовсе не заслуженную, ибо я веду себя как красная девица. Со вчерашнего дня начал я писать (чтобы не сглазить только). Погода у нас портится. кажется, осень наступает не на шутку. Авось распишусь. <...> Что ты про Машу ничего не пишешь? ведь, я, хоть Сашка и любимец мой, а всё люблю ее затеи. Я смотрю в окошко и думаю: не худо бы, если вдруг въехала во двор карета — а в карете сидела бы Наталья Николаевна! да нет, мой друг. Сиди себе в Петербурге, а я постараюсь уж поторопиться и приехать к тебе прежде срока. Что Плетнев? что Карамзины, Меццерские? etc.—пиши мне обо всем. Целую тебя и благословляю ребят.

Пушкин — Н. Н. Пушкиной.

2 октября 1835. Из Михайловского в Петербург.

123

Решаюсь писать к вам сам; просил прежде Наталью Николаевну, но до сих пор не получил известия. Пришлите, прошу вас убедительно, если вы взяли с собою, мою комедию, которой в вашем кабинете не находится и которую я принес вам для замечаний. Я сижу без денег и решительно без всяких средств, мне нужно давать ее актерам на разыграние, что обыкновенно делается по крайней мере за два месяца прежде. Сделайте милость, пришлите скорее и сделайте наско-ро хотя сколько-нибудь главных замечаний.— Начал писать «Мертвых душ». Сюжет растянулся на пред-длинный роман и, кажется, будет сильно смешон. Но теперь остановил его на третьей главе. Ищу хорошего ябедника, с которым бы можно коротко сойтись. Мне хочется в этом романе показать хотя с одного боку всю Русь.

Сделайте милость, дайте какой-нибудь сюжет, хоть какой-нибудь смешной или не смешной, но русский чисто анекдот. Рука дрожит написать тем временем комедию. Если ж сего не случится, то у меня пропадет

* мадам Катрин (фр.).

даром время, и я не знаю, что делать тогда с моими обстоятельствами. Я, кроме моего скверного жалования университетского 600 рублей, никаких не имею теперь мест. Сделайте милость, дайте сюжет, духом будет комедия из пяти актов, и клянусь, будет смешнее черта. Ради бога. Ум и желудок мой оба голодают. И пришлите «Женитьбу». Обнимаю вас и целую и желаю обнять скорее лично.

Ваш Гоголь (...).

Н. В. Гоголь — Пушкину.

7 октября 1835. Из Петербурга в Михайловское.

124

Очень обрадовался я, получив от тебя письмо (дельное по твоему обычаю). Постараюсь отвечать по пунктам и обстоятельно: ты получил «Путешествие» от цензуры; но что решил комитет на мое всеуниженное прошение? Ужели залягает меня осленок Никитенко и забодает бык Дундук? Впрочем, они от меня так легко не отделаются. Спасибо, великое спасибо Гоголю за его «Коляску», в ней альманах далеко может уехать; но мое мнение: даром «Коляски» не брать; а установить ей цену; Гоголю нужны деньги. Ты требуешь имени для альманаха: назовем его «Арион» или «Орион»; я люблю имена, не имеющие смысла; шуточкам привязаться не к чему, Лангера заставь также нарисовать виньетку без смысла. Были бы цветочки, да лиры, да чаши, да плющ, как на квартире Александра Ивановича в комедии Гоголя. Это будет очень натурально. В ноябре я бы рад явиться к вам; тем более, что такой бесплодной осени отроду мне не выдавалось. Пишу, через пень колоду валку. Для вдохновения нужно сердечное спокойствие, а я совсем не спокоен. Ты дурно делаешь, что становишься нерешителен. Я всегда находил, что всё, тобою придуманное, мне удавалось. Начнем альманах с «Путешествия», присылай мне корректуру, а я перешлю тебе стихов. Кто будет наш цензор? Радуюсь, что Сенковский промышляет именем Белкина; но нельзя ль (разумеется, из-за угла и тихонько, например в «Московском наблюдателе») объявить, что настоящий

Белкин умер и не принимает на свою долю грехов своего омонима? Это бы, право, было не худо.

Пушкин — П. А. Плетневу.

Около (не позднее)

11 октября 1835.

Из Михайловского в Петербург.

125

Вот я, сударыня, и прибыл в Петербург. Представьте себе, что молчание моей жены объяснялось тем, что ей взбрело на ум адресовать письма в Опочку. Бог знает откуда она это взяла. Во всяком случае умоляю вас послать туда кого-нибудь из наших людей сказать почтмейстеру, что меня нет больше в деревне и чтобы он переслал всё у него находящееся обратно в Петербург.

Бедную мать мою я застал почти при смерти, она приехала из Павловска искать квартиру и вдруг почувствовала себя дурно у госпожи Княжьиной, где остановилась. Раух и Спасский потеряли всякую надежду. В этом печальном положении я еще с огорчением вижу, что бедная моя Натали стала мишенью для ненависти света. Повсюду говорят: это ужасно, что она так наряжается, в то время как ее свекру и свекрови есть нечего и ее свекровь умирает у чужих людей. Вы знаете, как обстоит дело. Нельзя, конечно, сказать, чтобы человек, имеющий 1200 крестьян, был нищим. Стало быть, у отца моего кое-что есть, а у меня нет ничего. Во всяком случае Натали тут ни при чем, и отвечать за нее должен я. Если бы мать моя решила поселиться у нас, Натали, разумеется, ее бы приняла. Но холодный дом, полный детворы и набитый гостями, едва ли годится для больной. Матери моей лучше у себя. Я застал ее уже перебравшейся. Отец мой в положении, всячески достойном жалости. Что до меня, я исхожу желчью и совершенно ошеломлен.

Поверьте мне, дорогая госпожа Осипова, хотя жизнь и *süsse Gewohnheit**, однако в ней есть горечь, делающая ее в конце концов отвратительной, а

* сладкая привычка (нем.).

свет—мерзкая куча грязи. Тригорское мне милее.
Кланяюсь вам от всего сердца. (фр.)

*Пушкин—П. А. Осиповой.
Около (не позднее) 26 октября 1835.
Из Петербурга в Тригорское.*

126

* * *

Не дай мне бог сойти с ума.
Нет, легче посох и сума;
Нет, легче труд и глад.
Не то, чтоб разумом моим
Я дорожил; не то, чтоб с ним
Расстаться был не рад:

Когда б оставили меня
На воле, как бы резво я
Пустился в темный лес!
Я пел бы в пламенном бреду,
Я забывался бы в чаду
Нестройных, чудных грез.

И я б заслушивался волн,
И я глядел бы, счастья полн,
В пустые небеса;
И силен, волен был бы я,
Как вихорь, роющий поля,
Ломающий леса.

Да вот беда: сойди с ума,
И страшен будешь как чума,
Как раз тебя запрут,
Посадят на цепь дурака
И сквозь решетку, как зверка,
Дразнить тебя придут.

А ночью слышать буду я
Не голос яркий соловья,
Не шум глухой дубров—
А крик товарищей моих,
Да брань смотрителей ночных,
Да визг, да звон оков.

1833—1835(?) А. С. Пушкин

127

⟨...⟩ Матери моей лучше, но до выздоровления еще далеко. Она слаба, однако ж болезнь утихла. Отец всячески достоин жалости. Жена моя благодарит вас за память и поручает себя вашей дружбе. *Ребятишки также*. Желая вам здоровья и хороших праздников; ничего не говорю о моей неизменной преданности.

Государь только что оказал свою милость большей части заговорщиков 1825 г., между прочим и моему бедному Кюхельбекеру. *По указу должен он быть поселен в южной части Сибири*. Край прекрасный, но мне бы хотелось, чтобы он был поближе к нам; и, может быть, ему позволят поселиться в деревне его сестры, г-жи Глинки. Правительство всегда относилось к нему с кротостью и снисходительностью.

Как подумаю, что уже 10 лет протекло со времени этого несчастного возмущения, мне кажется, что всё я видел во сне. Сколько событий, сколько перемен во всем, начиная с моих собственных мнений, моего положения и проч., и проч. Право, только дружбу мою к вам и вашему семейству я нахожу в душе моей всё тою же, всегда полной и нераздельной. ⟨...⟩ (фр.).

*Пушкин — П. А. Осиповой.
26 декабря 1835. Из Петербурга во Псков.*

128

Милостивый государь
граф Александр Христофорович,

Имею счастье повергнуть на рассмотрение его величества записки бригадира Моро де Бразе о походе 1711 года, с моими примечаниями и предисловием. Эти записки любопытны и дельны. Они важный исторический документ и едва ли не единственный (опричь журнала самого Петра Великого).

Осмеливаюсь беспокоить Ваше сиятельство покорнейшею просьбою. Я желал бы в следующем, 1836 году

* слова, заключенные между звездочками, в письме — по-русски.

издать четыре тома статей чисто литературных (как-то повестей, стихотворений etc.), исторических, ученых, также критических разборов русской и иностранной словесности, наподобие английских трехмесячных Reviews*. Отказавшись от участия во всех наших журналах, я лишился и своих доходов. Издание таковой Review доставило бы мне вновь независимость, а вместе и способ продолжать труды, мною начатые. Это было бы для меня новым благодеянием государя.

Препоручая себя всегдашней Вашей благосклонности, честь имею быть <...>

Пушкин — А. Х. Бенкендорфу.
31 декабря 1835. Петербург.

Декабрем 1835 г. заканчивается в этой книге документальная хроника трудов и дней Пушкина. Большой и разнообразный материал, связанный с последней главой в жизни Пушкина — 1836—1837 гг. и его гибелью, не уместился даже в щедрые объемы двухтомника. Этому периоду предполагается посвятить отдельный документальный сборник.

* обозрений (англ.).

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- Акад.—Пушкин А. С. Полное собрание сочинений. Т. I—XVII.—М.-Л., 1937—1959.
- Восп.—А. С. Пушкин в воспоминаниях современников. Т. 1—2.—М., 1974.
- ВПК—Временник Пушкинской комиссии. 1962—1981 (1—20).—М.-Л., 1963—1986.
- Временник—Пушкин. Временник Пушкинской комиссии. 1—6.—М.-Л., 1936—1941.
- Дела...—Дела III Отделения о Пушкине: Архив III Отделения собств. его имп. величества канцелярии.—СПб., 1905.
- Зелинский—Зелинский В. Русская критическая литература о произведениях А. С. Пушкина. Ч. 1—4.—М., 1903—1907.
- ЛН—Литературное наследство.
- П—Пушкин А. С. Полное собрание сочинений в 10 томах. Изд. 4-е.—Л., 1977—1979.
- Переписка—Переписка А. С. Пушкина. В двух томах.—М., 1982.
- ПИМ—Пушкин. Исследования и материалы. Т. I—XII.—М.-Л., 1956—1986.
- П. и С.—Пушкин и его современники. Материалы и исследования. Вып. I—XXXIX.—СПб.; Л., 1903—1930.
- Под тайным надзором—Модзалевский Б. Л. Пушкин под тайным надзором.—Л., 1925.
- РА—«Русский архив».
- РП—Рукою Пушкина. Несобранные и неопубликованные тексты.—М.-Л., 1935.
- РС—«Русская старина».
- С. и Н.—«Старина и новизна».
- Цявловский, Книга...—Цявловский М. А. Книга воспоминаний о Пушкине.—М., 1931.

ПРИМЕЧАНИЯ

Глава IX

ЛИТЕРАТУРА

Лемке М. К. Николаевские жандармы и литература 1826—1855.— СПб., 1909, с. 487—493.

Щеголев П. Е. Из жизни и творчества Пушкина. Изд. 3-е.— М.-Л., 1931. (Пушкин и Николай I).

Бонди С. М. Встреча Пушкина с Николаем I в 1826 г.—Труды XIII Всесоюзной пушкинской конференции.— М., 1963.

Крестова Л. В. Пушкин и декабристы.— ВПК. 1962.— Л., 1963.

Цявловская Т. Г. Новые автографы Пушкина на русском издании «Айвенго» Вальтера Скотта.— ВПК. 1963.— Л., 1966.

Путачев В. В. К эволюции политических взглядов Пушкина после восстания декабристов.— Ученые записки Горьковского государственного университета. Серия историко-филологическая. Вып. 78. Т. 2.— Горький. 1966.

Яшин М. И. Поэт и царь.— Нева, 1972, № 6.

Цявловская Т. Г. Отклики на судьбы декабристов в творчестве Пушкина.— В кн.: Литературное наследие декабристов.— Л., 1975.

Гиллельсон М. И. Литературная политика царизма после 14 декабря 1825 г.— Пушкин. Исследования и материалы. Т. VIII.— Л., 1978.

Ахматова А. А. О Пушкине.— Горький, 1984. (Пушкин и Невское взморье).

Эйдельман Н. Я. Секретная аудиенция.— Новый мир, 1985, № 12.

1. П, II, с. 304. С этого стихотворения, написанного 8 сентября 1826 г., начинается новая эпоха в жизни П.

2. П, X, с. 629. Судя по письму, П. знал, что его собираются освободить, но друзья его оставались еще в неведении и тревожились.

3. П, V, с. 133—135, 457. Приводимые строфы отражают впечатления П., возвращающегося из ссылки. *Философические таблицы*—рассуждения о прогрессе и просвещении и статистические данные, содержащиеся в книге Шарля Дюпена «Производительные и торговые силы Франции» (1827); *мосты чугунные*—в Петербурге появился дуговой мост через Мойку; *дерзостные своды*—существовал проект дороги под Темзой (любопытна параллель с распространенными ныне тоннелями и метрополитеном); *дороги плохи*—проехав полстраны, П., как никто, знал качество российских коммуникаций, которые подправлялись только к приезду высочайших особ; *сельские циклопы*—кузнецы; *Автомедоном* звали возницу колесницы Ахиллеса (Гомер, «Илиада»); *Петровский замок* на некоторое время стал убежищем Наполеона перед бегством французов из Москвы; *бухарцы*—продавцы восточных товаров, приезжавшие в Москву.

4. РА, 1867, № 7, с. 1065—1068. Автор записок, родственница поэта И. И. Козлова, близкая знакомая М. Ю. Лермонтова, сама писательница, заслуживает полного доверия. Обладая прекрасной памятью, она едва ли могла ошибаться, тем более что мемуары свои создавала на основании многолетних дневниковых записей в 1850-х годах. *Корсакова*—М. И. Римская-Корсакова, хозяйка знаменитого в Москве хлебосольного дома, где часто бывал П. О №№ 4 и 5 см. также статью Н. Я. Эйдельмана (*Литература*).

5. Учен. зап. Горьковского гос. ун-та. Серия историко-филологическая. Вып. 78, т. 2, Горький, 1966, с. 678—686. С Пушкиным юный офицер Струтыньский беседовал в 1829—1830 гг. Впервые мемуары Струтыньского были опубликованы в 1873 г. в Кракове. На русском языке их напечатал В. В. Пугачев (1966). Оценивая достоверность этих записок, Н. Я. Эйдельман (1985) замечает: «...если перед нами все же «беллетристические мемуары», ценность их несомненна; они дают первую и, в сущности, единственную версию связного диалога». Следует иметь в виду верноподданническое отношение мемуариста к Николаю I.

6. Восп., I, с. 122. Это уже «косвенные» мемуары царя о беседе с П. Главная мысль: реклама собственной гуманности, проявлен-

ной к поэту, что не исключает точности деталей, приводимых Корфом.

7. П, X, с. 620. Бал был у камер-фрейлины А. А. Орловой-Чесменской. Новые впечатления еще не оторвали П. от Тригорского. Цензурный устав 1826 г., принятый отчасти по рекомендациям Ф. В. Булгарина, был «драконовским». В 1828 г. его пришлось несколько смягчить.

8. Под тайным надзором, с. 55—56.

9. Переписка, I, с. 396. П. помирился с родителями, возвратившись в Петербург весной 1827 г. (см. гл. I).

10. Акад., XIII, с. 298. С этого письма начинаются постоянная слежка и давление на П. со стороны III Отделения под видом исполнения милости монарха. Записка «О народном воспитании» была заказана Пушкину — отсюда ее противоречивый характер и стремление, не погрешив против совести, как-то удовлетворить «заказчика».

11. Восп., II, с. 9, 12—13. С осени 1826 г. дневник журналиста, историка, будущего академика, а в те годы — домашнего учителя в близком П. семействе Трубецких М. П. Погодина становится важным первоисточником сведений о П. Афоризмы — Погодин работал тогда над «Историческими афоризмами»; «Наталья Павловна» — первоначальное название «Графа Нулина»; «Моцарт и Сальери» — важное свидетельство о первом замысле; Погодин выпустил альманах «Уrania» и предполагал издавать альманах «Северная лира», но по договоренности с П. стал издателем журнала «Московский вестник»; *Овидий в изгнании* и т. д. — Погодин читал «Цыган»; *Мерзляков А. Ф.* — критик и поэт; *Гаврилов М. Г.* — профессор университета; «*Песни о Стеньке Разине*» были восторженно встречены московскими слушателями П.

12. Восп., II, с. 26. Отрывки из мемуаров Погодина «Из воспоминаний о Степане Петровиче Шевыреве», где много места уделено П., были опубликованы в 1865 г. Они перекликаются с дневником, но содержат связный рассказ о встречах с возвращенным из ссылки П. *Кокошкин Ф. Ф.* — директор московских театров; *Блудов Д. Н.* — литератор, в дальнейшем — государственный деятель, знакомый П.; *Раич С. Е.* — поэт, журналист; *Титов В. П.* — литератор, дипломат; *Мальцов И. С.* — дипломат, участник последней миссии Грибоедова; *Рихтер А. В.* — чиновник Московского архива министерства иностранных дел; *Оболенский В. И.* — литератор.

13. П, VII, с. 51—52. П. неоднократно возвращался к обоснованию концепции «Бориса Годунова» с точки зрения теории литературы (см. гл. VIII). В этом случае поводом послужила высокая оценка сцены «Ночь. Келья в Чудовом монастыре», данная «Московским вестником», редактировавшимся Погодиным. Ин-

терпретация событий русской истории, равно как и теория драмы,— постоянные темы дискуссий между П. и Погодиным. Надежды на публикацию трагедии полностью, возникшие у П. в 1828 г., скоро угасли и возродились вновь лишь в 1830 г.

14. Восп., II, с. 50—51. Журналисты и книготорговцы братья Н. А. и К. А. Полевые находились в сложных, нередко конфликтных отношениях с П. Однако в мемуарах Ксенофонта Полевого, написанных в 1850-х гг., немало объективно ценных страниц. Одну из них воспроизводим. Восхищение П. Мицкевичем — одно из конкретных проявлений редкостного умения П. ценить талант в других людях.

15. Восп., I, с. 139—140. Среди разнообразных воспоминаний Вяземского о П. есть и относящаяся к 1873 г. заметка о духовной близости П. и Мицкевича. В последней фразе мемуарист намекает, что фраза «конь под Петром...» и т. д. принадлежит ему, Вяземскому.

16. Акад., XIII, с. 561. П. возвращается ненадолго в Михайловское, прощаясь со многими москвичами; уже успевшими узнать и полюбить его. Поэтесса и певица, хозяйка знаменитого в Москве салона, З. А. Волконская — одна из них (см. № 15).

17. П, X, с. 621. *Поясы* — Торжок славился сафьяновыми, шитыми золотом и серебром изделиями; *толчки, удары* — здесь и далее не до конца понятные намеки на одесские события (П. путешествовал один, без спутников); *С. П.* — Софья Пушкина; *демон* — Е. К. Воронцова либо К. Собаньская.

18. П, X, с. 167. *Она* — С. Ф. Пушкина; *журнал* — затевавшийся «Московский вестник».

19. П, VIII, с. 52—53. *Дерптский студент* — А. Н. Вульф, с которым П. беседовал в Михайловском и Тригорском осенью 1826 г. Если тогда действительно называлось число «пять лет», то предсказания оказались точными.

20. Акад., XIII, с. 307. «Первый сигнал», показавший П., что обещания императора предоставить ему свободу творчества ничего не стоят. Именно тогда, в конце 1826 г., а не в 30-х годах, как иногда считают, П. начал осознавать свое истинное бесправное положение по отношению к Николаю I.

21. П, X, с. 169. Тон иронии и насмешки, прикрытой церемонными фразами, характерен для этого и всех последующих писем П. к Бенкендорфу. П. принял «условия игры», но подчеркнутой вежливостью почти открыто насмеялся над властью имущими оппонентами.

22. П, X, с. 168—169.

23. П, X, с. 172. Насчет пользы «освобождения от альманашиков» — больше горькой иронии, чем истины. *Зубков В. П.* — приятель П. Его свояченицей была С. Ф. Пушкина, к которой сва-

тался поэт. *Виды мои гладки*—Соболевский намекал (не без оснований), что С. Ф. Пушкина собралась замуж за другого.

24. П, X, с. 621—622. Душевная открытость этого письма делает его одним из блестящих образцов эпистолярного наследия П.

25. П, П, с. 309. Это дорога в Москву из Михайловского в 1826 г.

26. Акад., XIII, с. 312. Смысл письма: «мелкие сочинения» тоже не должны миновать высочайшей цензуры.

27. С. и Н. Кн. 6. СПб., 1903, с. 4. Более точный перевод: «Я очарован *стилем* письма Пушкина». Одолеть «Бориса Годунова» полностью царь и не надеялся. «Выдержка» была поручена Ф. В. Булгарину (скорее всего).

28. Дела..., с. 23—26.

29. С. и Н., кн. 6, с. 4—5.

30. П, VII, с. 30—31. «Заказывая» П. записку о народном воспитании, царь и Бенкендорф преследовали двойную цель: узнать мнение своих потенциальных оппонентов по этим вопросам и спровоцировать П. на откровенность. Разгадав замысел, П. представил «дипломатическое» сочинение, где высказал ряд собственных мыслей, не «раздразнив» вместе с тем правительство.

31. Акад., XIII, с. 314—315. Вежливый, но понятный намек на пропасть, отделяющую поэта от властей.

32. П, П, с. 307. Написано в доме у Зубкова 22 декабря 1826 г. Стихотворение не было понято друзьями-современниками, а отчасти и потомками, считавшими, что П. изменил своим идеалам. Между тем главная мысль стихотворения—призыв к спасению декабристов («памятью ... незлобен») и преобразованиям, подобным петровским. Иной тон прямого обращения к царю П. справедливо считал бесплодным.

33. С. и Н., кн. 6, с. 5.

34. Акад., XIII, с. 313. Бенкендорф лукавил: царь читал не саму пьесу, а рецензию-выжимку Булгарина.

35. П, X, с. 174. Фактическое запрещение трагедии было тяжелым ударом. Можно представить себе, чего стоил П. дипломатический холод этого письма.

36. Восп., П, с. 14. П., возвратившись в Москву, остановился у Соболевского; самые серьезные разговоры и занятия перемежались кутежами, раздражавшими Погодина. Волков А. А.—важный чин Московского округа жандармов, доносивший Бенкендорфу об образе жизни П. (№ 43); «Борис...» пропущен—так понял Погодин письмо № 34.

37. П, III, с. 7. П. передал это послание уезжавшей в Сибирь А. Г. Муравьевой в начале января 1827 г. Трактовка стихотворения сложна и неоднозначна. См. развернувшуюся по этому поводу дискуссию («Вопр. лит.», 1984, № 6; 1985, № 7). Судя по ответу

декабриста А. И. Одоевского, многие декабристы поняли стихи П. как прямой призыв к борьбе.

38. Русские поэты. Антология в 4-х томах. Т. I. М., 1965, с. 554. Остается неясным, знал ли этот ответ П.

39. Переписка, I, с. 397. П. считал своим долгом возратить вдове Рылеева аванс, полученный им за отрывок «Онегина», предназначенный для не выпущенного в свет альманаха «Звездочка» (составители К. Ф. Рылеев и А. А. Бестужев). «Цыганы» печатались в Москве, а не в Петербурге, как предполагал Дельвиг.

40. Переписка, II, с. 116—117.

41. Акад., XIII, с. 322—323. Речь идет о стихотворениях «Я помню чудное мгновенье», отрывках из «Онегина» и «Роняет лес багряный свой убор». *Заглавные буквы*: П.—Пуцин; В.—Вильгельм (Кюхельбекер).

42. П, X, с. 176.

43. Под тайным надзором, с. 64. *Муха* — карточная игра.

44. Дела..., с. 15. О №№ 44—50 см. очерк.

45. П, X, с. 494.

46. П, X, с. 495.

47. П, X, с. 496.

48. Дела..., с. 76—77.

49. Шеголев П. Е. Из жизни и творчества Пушкина, с. 125—126.

50. Дела..., с. 79.

51. Восп., II, с. 15. *О правдоподобию...* см. № 13.

52. Переписка, II, с. 173. Автор письма — поэт, приятель П. по Одессе. 25 августа 1825 г. П. писал брату: «Здесь Туманский. Он добрый мальчик...» Обрадовавшись освобождению П. из ссылки, Туманский написал это письмо, перекликающееся с письмами Жуковского и Вяземского.

53. П, V, с. 121—122. Строфы писались весной 1827 г. и отражают тогдашнее настроение П. Вместе с тем, как замечает комментатор (Ю. М. Лотман), здесь и традиционное для П. противопоставление тревожного времени весны творчески благодатной осенней поре.

54. П, X, с. 177. Без унижительной процедуры «разрешения» П. не мог поехать в Петербург.

55. Дела..., с. 49.

56. Восп., II, с. 289—290. Автор, петербургский преподаватель математики, записал свое воспоминание в 1840 г. Он действительно встретил П. и Дельвига на выставке Общества поощрения художников в мае 1827 г., но П. приехал, конечно, не из Бессарабии, а из Москвы.

57. Зелинский, ч. 2, с. 71—72, 77, 79. Большинство читателей и критиков «Цыганы» были приняты с восторгом. Статья принадлежит П. А. Вяземскому. См. также: Вяземский П. А. Эстетика и литературная критика. М., 1984, с. 72—82.

58. П, VII, с. 127. Замечание «об Алеко и медведе» см. № 57.

59. П, III, с. 14. Написано 18 июня 1827 г. Стихотворение трактовалось как посвященное памяти умершего юноши-поэта Д. В. Веневитинова (автора «Трех роз»). Вместе с тем в нем — горькие раздумья П. о жизни вообще; по своей философской глубине и силе личного переживания оно близко к «Ариону».

60. П, III, с. 15. Написано 16 июля 1827 г. Имеется в виду судьба декабристов и спасшегося поэта. Но, конечно, стихотворение несравненно глубже прямой аллегии (см., например, сб. «Литература и мифология». Л., 1975).

61. П, X, с. 180—181. П. послал для царской цензуры: «Ангела», «Стансы», третью главу «Онегина», «Графа Нулина», «Сцену из Фауста», «Песни о Стеньке Разине». Дело с Ольдекопом — см. гл. VIII, очерк и № 40.

62. Акад., XIII, с. 335. На письмо П. Бенкендорф ответил двумя (№ 62, 63).

63. Акад., XIII, с. 336. *Модная болезнь* — сифилис, завезенный в Европу из Америки в конце XV в.

64. Дела..., с. 58. А. С. Шишков был тогда министром просвещения и главой цензурного ведомства. Из № 64—65 видно, до какой степени эти учреждения зависели от III Отделения.

65. Дела..., с. 59. *нам подарена* — описка Бенкендорфа или тех, кто по его поручению составлял ответ Шишкову.

66. П, III, с. 21. Лучший, по общему признанию знавших поэта, портрет П., принадлежащий кисти Кипренского, был написан в 1827 г. Художник предполагал увезти его с собой на выставку в Европу (поэтому: «Риму, Дрездену, Парижу...»).

67. П, III, с. 23. Написано 15 августа 1827 г. в Михайловском, где П. пробыл с конца июля по начало октября 1827 г. Можно воспринимать как воспоминание о московском и петербургском светском рассеянии (при несоизмеримо более широком общем смысле).

68. Восп., I, с. 415—419. «Должно описывать современные происшествия» — коренной принцип Пушкина-мемуариста, позволяющий свести самые различные его произведения, суждения и письма в единую автобиографию.

69—70. Переписка, П, с. 119—120. *Цензор* — здесь: царь. Конец 1820-х годов — время наибольших литературных доходов П., роль Плетнева в этом исключительно велика.

71. Восп., II, с. 116—117. Автор — двоюродный брат А. А. Дель-

вига — в отрочестве встречал Пушкина в доме Дельвига. Его мемуары содержат достоверные сведения.

72. П, X, с. 184. Речь идет о первом непосредственном издательском контракте П. со Смирдиным. За 2-е издание «Бахчисарайского фонтана» (вышло в декабре 1827 г.) П. получил 3000 р. Одновременно Смирдин приобрел у П. право второго издания «Кавказского пленника» и «Руслана и Людмилы» — за 7000 р.

73. П, X, с. 185. *Анна Петровна* — Керн; 2-я глава «Онегина» издавалась в Москве стараниями Соболевского; пересылка части тиража в Петербург задержалась, т. к. книга хорошо расходилась в Москве; *перевелся на Трубецкого* — Пушкин был должен деньги Соболевскому, который перевел долг на другое лицо (обычный тогда способ расчета); *журнал* — «Московский вестник» Погодина.

74. П, VI, с. 244—246. Повесть не датирована автором, по предположениям исследователей она написана в 1835 г., но описание образа жизни и ощущений Чарского (в котором несомненно автобиографические черты) ближе всего подходит к 1827—1828 гг., когда П. впервые почувствовал себя в столице хотя бы относительно свободным и знаменитым поэтом (сравните: «Пока не требует поэта...»).

75. П, X, с. 624. Мотив ухода от светской жизни и возвращения к тишине Михайловского — Тригорского всегда присутствовал в письмах П. Он и возвращался туда (или в тверское имение Осиповых-Вульф) при первой возможности.

76. Переписка, I, с. 420—421. Мысль об охлаждении публики к зрелому поэту оказалась настолько близкой П., что он не раз сам потом ее повторял.

77. Под тайным надзором..., с. 77. Бенкендорф не брезговал и совсем безграмотными агентами.

78. П, V, с. 118—119. Комментатор «Онегина» Ю. М. Лотман справедливо замечает: «Традиционная элегическая тема прощания с молодостью (...) получает здесь реально-биографическое и жизненное (...) решение».

79. П, III, с. 47. Стихи вызвали негодование и со стороны многих друзей — современников Пушкина и последующей критики (вплоть до наших дней). П. отвечал тем, кто обвинял его в верноподданнической идее «Стансов» («В надежде славы и добра...»). На самом деле здесь главная мысль: пора освободить декабристов (пусть даже на тех двойственных и сложных условиях, на которых царь освободил из ссылки его, Пушкина). В последних трех строфах — определенная политическая программа гуманного правления. Иное по форме обращение к царю в защиту декабристов, хотя бы с малой на-

деждой на успех, было невозможно. Печатать стихотворение Николай I запретил (№ 80).

80. Акад., XIV, с. 6.

81. П, X, с. 189.

82. П, X, с. 625. П. послал с дарственными надписями 4-ю и 5-ю (в одной книжке), а также 6-ю главы «Онегина», вышедшие в феврале—марте 1828 г. Евпраксию Вульф автор упомянул в XXXII строфе 5-й главы. *Зуёво*—местное название Михайловского.

83. П, X, с. 191. *Назначение*—см. № 84.

84. Акад., XIV, с. 11. См. об этом очерк к гл. IX. Существует версия, будто Пушкину предложили способ отправиться на войну—поступить на службу в III Отделение.

85. П, X, с. 191. Николай I не разрешал Бенкендорфу упускать П. из-под надзора. Заграничные поездки были исключены. Уже *напечатанные*—вторые издания «Кавказского пленника» и «Руслана».

86. П, III, с. 57. И мечты о поездках, и прощание с молодостью в 6-й главе «Онегина» были связаны с глубоким душевным кризисом поэта, с необходимостью определения дальнейшего личного, общественного и поэтического пути. В ранней редакции «Воспоминания», написанного 19 мая 1828 г.:

Я вижу в праздности, в неистовых пирах,
В безумстве гибельной свободы,
В неволе, бедности, изгнании, в степях
Мои утраченные годы.

87. П, III, с. 59. Продолжение той же темы. Написано в день, когда П. исполнилось 29 лет. Вызвало резкий стихотворный ответ митрополита Филарета, утверждавшего, что смертному не дано права сомневаться в ценности жизни, дарованной богом.

88. П, III, с. 64. Обращено к А. А. Олениной, певшей грузинскую песню, привезенную Грибоедовым. В черновике были еще строки:

Напоминают мне оне
Кавказа гордые вершины,
Лихих чеченцев на коне
И закубанские равнины.

Ясно, что П. вспоминает путешествие с Раевскими. Но чьи *черты*?

89. П, III, с. 65. Поездка в Дерпт (Тарту), где учился Языков, несколько раз входила в планы П., но так и не осуществилась.

90. Восп., П, с. 60—64. К. А. Полевой работал над мемуарами в основном в конце 1850-х годов. Критика в «Атенее» (1828, № 4)

принадлежала, по-видимому, М. А. Дмитриеву, скрывшемуся под псевдонимом *В. Павел Петрович Свиньин* — коллекционер, литератор, весьма яркая фигура среди знакомых П., в 1827—1828 гг. они встречались часто. Существует предположение, что в гоголевском *Хлестакове* есть черты *Свиньина*, переданные автору Пушкиным.

91. РП, с. 749. Контекст №№ 91—95 см. очерк.

92. П, X, с. 497.

93. П, X, с. 194. «*Царская милость*» — предварительный просмотр всех сочинений П. Николаем I или его доверенными людьми — была сохранена, но с каждым годом она все чаще дублировалась обычной цензурой. Письмо не было отослано: П. показались тошнотворными вынужденные «комплименты» монарху, и он оставил письмо в черновике.

94. П, X, с. 195. Список «*Гавриилиады*», сделанный рукою П., был у Вяземского (он завещал сыну его уничтожить), так что намек на авторство Горчакова заведомо дипломатичен; *критика Павла* — восьмилетний сын Вяземского записал в тетради: «И какой же тут смысл: «Заветный вензель О да Е». В другом случае он иронически выписал стих П. «Какие глупые места».

95. П, III, с. 69. *Ангел кроткий* — А. А. Оленина.

96. П, III, с. 76. Петербург снова стал душен для поэта; *маленькая ножка* — А. А. Оленина.

96а. Восп., П, с. 417. 3 октября кончена 1-я песнь «*Полтавы*», 9 октября — 2-я, 9 и 16 октября написана 3-я. А. Н. Вульф в это время почти ежедневно встречался с П. и Дельвигом.

97. РП, с. 732—733. Шуточный протокол очередного собрания лицейстов в основном написан рукою Пушкина. Стихи на все лицейские годовщины см. в гл. III.

98. П, III, с. 79. Написано в *Малинниках* 9 ноября 1828 г. В первой публикации вместо *князь* в последней строфе было *царь*. Бенкендорф не упустил этого и потребовал объяснений. Невыносимая, убивающая власть человека над человеком — такова основная мысль вечно гонимого и внешне зависимого поэта. Одна из строф, не вошедших в окончательный текст (после 5-й строфы):

И тигр, в пустыню забежав,
В мученьях быстрых издыхает,
Паря над ней, орел стремглав,
Кружась, безжизненно спадает.

99. П, X, с. 198.

100. П, V, с. 466—467. Хотя приводимые строфы были завершены в 1830 г.; события, в них происходящие, вернее всего отно-

сятся к самому П. в 1828—1829 гт. (описание тверских мест и выражение «производит в женихи»).

101. Переписка, I, с. 408—409. *Авангард Оленины*—к тому времени П. получил уже резкий отказ матери А. А. Олениной.

102. Восп., II, с. 17. *Шумят ему в уши*—в «Московском вестнике» Погодин и другие историки резко обрушились на «Историю Государства Российского» Н. М. Карамзина. Вяземский решительно возражал им, к его позиции присоединился и П.

103. II, III, с. 85—86. Первоначальное название «Чернь». Стихотворение связано с размышлениями о роли поэта, особенно характерными для П. в 1828 г. *Холодная толпа, чернь*—разумеется, не народ (в массе тогда неграмотный), а светское окружение. В первом варианте стихотворение начиналось так:

Толпа холодная поэта окружала
И равнодушные хвалы ему жужжала.
Но равнодушно ей, задумчив, он внимал
И звучной лирою рассеянно бряцал.

104. II, III, с. 87. Как бы подведение итогов (по крайней мере личных) 1826—1828 гт. Эпитаф—из А. Шенье.

105. Зелинский, ч. 2. Цитаты из произведений П., приведенные в прижизненной критике, оставляем без изменений, поправляя лишь явные опечатки. I—с. 56—58. Библиографическое известие, по-видимому, принадлежит редактору журнала Н. А. Полевому (подписано анаграммой); II—с. 60—61. Автор—П. И. Шаликов; III—с. 80—81. Статья принадлежит С. П. Шевыреву. Б. М. Федоров—посредственный литератор; IV—с. 85—90. Продолжение заметок об «Онегине», помещенных в «Московском вестнике»; V—с. 93—103. Критические наскоки в журнале «Атеней», подписанные буквой В., задел Пушкина. Назвав автора «атенеистическим мудрецом», поэт спрашивал Соболевского: «кто это?». Журнал редактировал проф. М. Г. Павлов. Имя «мудреца» остается окончательно нераскрытым, хотя, скорее всего, это был М. А. Дмитриев. Вяземский справедливо полагал, что «критика „Атеней” на Пушкина во многом ребячески забавна». Кс. Полевой писал, что «в Пушкине пробудилась досада, когда он вспомнил о критике одного из своих сочинений, напечатанной в „Атенеи”». П. написал и «Возражение на статью „Атеней”», которое печатать не стал, но некоторые места использовал в примечаниях к отдельному изданию «Онегина» (см. II, VII, с. 54—57); VI—с. 103—104. Возражение «Атенею» в «Московском вестнике» принадлежит С. П. Шевыреву.

Глава X

ЛИТЕРАТУРА

Кавказская поминка о Пушкине. Тифлис, 1899.

Шторм Г. Новое о Пушкине и Карамзине. (О встрече Пушкина с Ермоловым).—Изв. АН СССР, Отд. лит-ры и языка, т. XIX, вып. 2. М., 1960.

Шадури В. Пушкин и грузинская общественность. Тбилиси, 1967.

Тынянов Ю. Н. Пушкин и его современники. М., 1969. (О «Путешествии в Арзрум»).

Шумит Арагва предо мною. Сборник. Сост. В. Шадури. Тбилиси, 1974.

Ениколопов И. К. Пушкин в Грузии и под Эрзерумом. Тбилиси, 1975.

Раевский Н. А. Жизнь за Отечество.—Простор, 1978, № 1, 5, 8; 1980, № 1.

Пьянов А. С. «Мои осенние досуги». Пушкин в Тверском крае. М., 1979.

Кусов Г. И. Малоизвестные страницы кавказского путешествия Пушкина. Орджоникидзе, 1983.

Черейский Л. Пушкин и Тверской край. М., 1985.

1. Восп., I, с. 418—419. 1828-й и начало 1829 года А. А. Ахматова называет «самым разгульным» в жизни поэта. На самом деле это было время глубочайших раздумий и духовного перелома, время «Онегина», «Полтавы», изумительной лирики. Этому ничуть не противоречит расположение духа и времяпрепровождение П. в Тверской губернии с 6 по 16 января 1829 г. Просто Вульф «примеривает» поэта к себе — и напрасно. Пробовавшая силы в поэзии костромская девица А. И. *Готовцева* обратилась к П. со стихами, на которые существует ответ («И недоверчиво, и жадно...»); дневниковая запись, помеченная *Сарыксой* (на Дунае), сделана Вульфом в феврале, но повествует о событиях 16 января — отсюда две даты.

2. П, Ш, с. 104. По-видимому, написано 18 января 1829 г. по дороге в Петербург. Обращено к Катеньке Вельяшевой, помянутой и Вульфом.

3. Восп., II, с. 80—82. В январе 1829 г. в семействе Вульфов гостила дочь священника Е. Е. Смирнова (в замужестве Синицина). Ее воспоминания сохранили ряд подробностей о П.

4. Дела..., с. 83. После расследований об «Андрее Шенье» и «Гавриилиаде» за Пушкиным неотступно следили, куда бы он ни поехал. Бенкендорфа не было в столице в момент отъезда П.

5. Восп., П, с. 18. Перед путешествием П. активно общался с московскими литераторами. Венелин Ю. И.—филолог-славист, сотрудник «Московского вестника».

6. П, X, с. 628. Толстой Ф. И. стал «сватом» П. у Гончаровых. Ответ дали уклончивый: истинные намерения Н. И. Гончаровой тогда понять было трудно. Скорее всего, П. был ей не симпатичен, но терять жениха для одной из трех дочерей она не хотела.

7. П, VIII, с. 19. Сохранившиеся записи 1829 г. устанавливают даты поездки по Кавказу и некоторые эпизоды жизни там П. (См. «Путешествие в Арзрум» и очерк к X гл.).

8. П, VI, с. 434—436. «Путешествие...» создано в 1835 г. на основе дневника, который П. вел во время поездки на Кавказ и участия в военных действиях 1829 г. *Портрет Ермолова кисти Дж. Дю* находится в Военной галерее Зимнего дворца; *граф Пушкин*—В. А. Мусин-Пушкин. Приведенное двустипшие принадлежит Рылеву, имя которого назвать было невозможно.

9. П, III, с. 112. Стихотворение помечено: 22 мая 1829 г., Кап-Кой (т.е. Владикавказ); «*Сен-Мар*»—роман французского писателя А. де-Виньи; *Не распеваешь*—итальянские арии.

10. П, VI, с. 437—438.

11. П, V, с. 470. В ранней редакции «Отрывков из путешествия Онегина» (1830) имеется лирическое отступление, написанное «по следам» поездки 1829 г. (об этом говорит хотя бы упоминание о Тереке).

12. П, VI, с. 439—440.

13. П, III, с. 151. Как и другие стихотворения, включенные в подборку, этот отрывок поэтически перелагает будущую прозу «Путешествия в Арзрум».

14. П, VI, с. 440—441. «Встреча» со списком своей романтической поэмы как бы подчеркнула для самого Пушкина единство его творческого пути в разные эпохи жизни.

15. П, V, с. 409. Все, что «видит» здесь Онегин, пережил автор романа в путешествии 1829 г.

16. П, VI, с. 441—442. *Равнодушно ехал*—здесь оценка эмоций, может быть, и неточна: Пушкин в 1820 г. обессмертил стихами и рисунком Чатырдаг.

17. П, III, с. 131. Написанное 20 сентября 1829 г., стихотворение приобретает совершенно конкретный характер при сопоставлении с контекстом «Путешествия в Арзрум».

18. П, VI, с. 442.

19. П, Ш, с. 132. Написано 29—30 октября 1829 г.

20. П, VI, с. 443—444. Точность стихотворных воспроизведений Пушкина поражает, когда читаешь его повествовательные описания тех же мест и событий. *Чиляев Б. Г.*—майор, в доме которого в Квешети ночевали П. и его спутники 25 мая 1829 г.

21. П, Ш, с. 111. Первый вариант стихотворения (см. «Из ранних редакций») помечен 15 мая 1829 г. В. Ф. Вяземская считала, что стихи обращены к Н. Н. Гончаровой. Большинство исследователей относят первую редакцию к М. Н. Волконской (Раевской), хотя неопровержимых доказательств этому нет.

22. П, VI, с. 443—444. *Городничий*—полицмейстер Р. С. Якулов.

23. П, X, с. 203. Первое и едва ли не единственное дошедшее до нас (хотя они были, см. гл. I) письмо из Грузии П. отправил своему «свату» Ф. И. Толстому.

24. Пушкин. Письма. Под ред. Б. Л. Модзалевского. т. II, с. 343.

25. П, VI, с. 446—456. П. С. *Санковский*—редактор «Тифлисских ведомостей», дружески принимавший П. во время двухнедельной его жизни в Тифлисе (27 мая—10 июня, а также на обратном пути 1—6 августа), впоследствии с ним переписывался. *Цицианов*—скорее всего, Д. Е., известный своими забавными рассказами; *меркурий*—ртуть; *Раевский*—Н. Н. (младший), к которому ехал П. Характеристика Грибоедова—один из блестящих литературных портретов, написанных Пушкиным. *Бутурлин Н. А.*—адъютант военного министра. *Это Арарат*—описка, поскольку П. видел не Арарат, а Арагац.

26. П, VI, с. 457—459. *Бурцов И. Г.*—декабрист, сосланный на Кавказ, был знаком с П. еще с лицейских времен. Уже в генеральском звании он погиб в сражении на Кавказе как раз в период пребывания П. в действующей армии; *Семичев И. Н.*—майор, Раевский «приставил» его к П., чтобы не допустить гибели поэта.

27. Восп., II, с. 90—92. Воспоминания сосланного на Кавказ декабриста (брата лицейского друга П.), названные «Встреча с Пушкиным за Кавказом», были написаны по настоянию Л. Н. Толстого в 1857 г. (опубликованы впервые в 1893 г.). Мемуарист ошибается, говоря, что П. скакал с *саблей*: по многим свидетельствам и по собственноручному рисунку Пушкина, он был вооружен копьём.

28. Ушаков Н. И. История..., т. 2, с. 305—306 (примечания).

29. Гангелов А. С. Воспоминания декабриста. М., 1888, с. 187—188. Автор—член Южного общества декабристов—после четырех лет тюрьмы был сослан на Кавказ в чине поручика.

30. П, VI, с. 460—462. *Генерал Муравьев*—Н. И., непосредственный начальник Н. Н. Раевского, покровительствовавший декабристам и за то скоро удаленный из армии; *Сводный уланский полк*

в основном состоял из разжалованных декабристов; *Роза, Сальватор* — итальянский художник XVII в.; *сераскир* — турецкий главнокомандующий.

31. П, Ш, с. 115. Написано 5 июля 1829 г. Посвящено Фаргат-беку, офицеру конного мусульманского полка в составе русской армии. Конкретных мотивов из персидского поэта XIV в. Гафиза (Хафиза) здесь нет. Вместо ожидаемых от поэта од во славу воинства здесь и в № 32 даны жанровые сцены, вызвавшие раздражение критики. «Вестник Европы» саркастически замечал: «Стишки из Гафиза, на коих значится в подписи «Лагерь при Евфрате», показывают, что наш поэт вывез кое-что и из-за Кавказа на утешение наше».

32. П, Ш, с. 133, 422. Начато, по-видимому, 13 июня, закончено 7 сентября 1829 г. *Делибаш* — по-турецки «отчаянная голова».

33. П, VI, с. 463—468. Велеречивое прославление поэта (*брата дервишу*), вложенное в уста турецкого паши, Ю. Н. Тьнянов справедливо считал ироническим ответом П. критикам (прежде всего Ф. В. Булгарину и Н. И. Надеждину), требовавшим от него прославления Паскевича — покорителя Кавказа.

34. П, VI, с. 472—476. *Франк* — здесь: штатский; *г-н А.* — офицер, чья фамилия начиналась с буквы «А», в свите Паскевича было несколько; *Коновницын* — П. П., декабрист, разжалованный в солдаты, но в 1829 г. произведенный в прапорщики.

35. П, Ш, с. 134. Помечено 20 сентября. По содержанию непосредственно связано с «Путешествием...» (№34).

36. П, Ш, с. 153.

37. П, VI, с. 476. Последний помещаемый здесь отрывок «Путешествия...». *Дорохов* — Р. И., разжалованный в солдаты за дуэль петербургский знакомый П. (прототип Долохова в «Воине и мире» Л. Н. Толстого). *Статья*, которая попала Пушкину, принадлежала Н. И. Надеждину и была опубликована в «Вестнике Европы» (резко критиковалась «Полтава»).

38. Ениколопов И. К. Пушкин в Грузии и под Эрзерумом. Тбилиси, 1975, с. 165. Этот документ — образец чиновничьей малограмотности — был дан П. с самыми добрыми намерениями, дабы охранить его от возможного нападения (впервые опубликован в указанной книге).

39. П, Ш, с. 120. *Арпачайскую струю* — р. Арпачай разделяла Россию и Турцию. П. пишет о возвращении русских воинов домой (и о своем тоже!).

40. Восп., П, с. 99—100. Автор — близкий друг брата П., поэт Ю., как назвал его П. в «Путешествии...»; *Сухоруков* — В. Д., историк Войска Донского.

41. Ениколопов И. К. Пушкин на Кавказе. [Тбилиси], 1938, с. 142—152. Автор — молодой офицер, встретившийся Пушкину

по дороге в Закавказье. Воспоминания писались в конце 1870-х годов, и в них, конечно, многое неточно. Но есть и прямые совпадения с «Путешествием в Арзрум».

42. Там же, с. 160—166. Автор — есаул конной донской артиллерии. По терминологии пушкинистов его воспоминания, впервые напечатанные в 1880 г., относятся к числу малодостоверных.

43. Красный архив, 1929. Т. 6 (37), с. 238—245. «Эстафета» полицейского надзора за П., хоть и запаздывала по бюрократическим причинам, но передавалась неукоснительно. Однако, как правило, поэт на несколько дней опережал своих полицейских опекунов. Нередко бывало, что рапорт о прибытии П. сочинялся уже после его отъезда.

44. Там же.

45. Там же.

46. Там же.

47. Там же.

48. Там же.

49. Там же.

50. Восп., II, с. 18 «Иван Выжигин» — роман Ф. В. Булгарина.

51. Дела..., с. 94. Как раз тот случай, когда шеф III Отделения отставал от событий: тифлисское начальство давно уже рассталось с Пушкиным.

52. Там же, с. 97.

53. II, III, с. 121. Написано 4 октября 1829 г. Яр — хозяин ресторана в Москве; в Таганроге — намек на смерть Александра I. Стихотворение — словно бы эпилог к закавказской эпопее П.

54. II, III, с. 123. Написано 2 ноября 1829 г. в Павловском — тверском имении Вульфов. *Старушка, две девицы* — возможно, речь о семействе Ушаковых, тверских соседей Вульфов.

55. II, III, с. 125. Написано в Павловском 3 ноября 1829 г.

56. II, X, с. 628. «Самоволка» грозила П. самыми неприятными последствиями, отсюда — осторожный и взвешенный тон письма. П. напоминает, что разрешение отправиться «на воды» ему было дано и он лишь несколько удлинил маршрут для свидания с братом и другом.

57. II, III, с. 128. Написано уже в Петербурге. Долгое время считалось, что посвящено А. А. Олениной, после разрыва с которой П. покинул столицу. Но прошедшие полтора века сделали это стихотворение настолько всенародно любимым, что имеет ли значение реальный адресат. И был ли он вообще?

58. II, III, с. 129. Датировано 23 декабря 1829 г. Уклончивый ответ Гончаровых оживил планы заграничных поездок П. (во Францию, в Китай). См. М. А. Цявловский. Статьи о Пушкине. М., 1962, с. 131—156. (Тоска по чужбине у Пушкина.)

59. П, Ш, с. 130. Написано 26 декабря 1829 г.

60. Зелинский, ч. 2. I—с. 215; П—с. 220—224. Резкие, даже издевательские отзывы о «Графе Нулине» и «Полтаве» в «Вестнике Европы» принадлежали Н. И. Надеждину (подпись «С Патриарших прудов»); Ш—с. 225—226. Ответ Н. И. Надеждину.

61. Зелинский, ч. 2, с. 142—143. Статья подписана «Литературный наблюдатель». Скорее всего, это издатель альманаха «Северная звезда» М. А. Бестужев-Рюмин—литературный противник П., Дельвига и близких к ним писателей.

61а. Зелинский, ч. 2. I—с. 150—151. Автор—скорее всего, Кс. Полевой; П—с. 164. Из статьи того же автора «О сочинениях Пушкина»; Ш—с. 171—174, 179—180. Автор—Ф. В. Булгарин. Начиная с этой статьи, его нападки на П. становятся постоянными.

62. П, VII, с. 132—134. П. отвечает Булгарину (см. № 61а) и Надеждину («Вестник Европы»). Строка *Ну что ж* и т. д. принадлежит Я. Б. Княжнину (комедия «Хвастун»); *предания мифологические*—П. приводит примеры из «Метаморфоз» Овидия: Леда, Филира, Пазифая, Пигмалион; *Мирра*—персонаж трагедии Альфиери; «*Войнаровский*»—поэма Рыльева.

63. П, Ш, с. 119. Стихотворение на ту же тему (о критиках-невеждах) прежде всего метило в Н. И. Надеждина. «*Суди, дружок, не выше сапога*»—нарек на эпиграф, предпосланный Надеждиным бранной статье о «Полтаве»: «Берите труд не выше сил своих».

Глава XI

ЛИТЕРАТУРА

Щеголев П. Е. Пушкин и мужики. М., 1928.

Вяземский П. А. Письма к В. Ф. Вяземской.—Звенья, III—IV. М.-Л., 1934.

Винокур Г. О. Кто был цензором «Бориса Годунова»?—Пушкин. Временник, 1. М.-Л., 1936.

Гиппиус Вас. Пушкин в борьбе с Булгариным в 1830—1831 гг.—Пушкин. Временник, 6. М.-Л., 1941.

Городецкий Б. П. К истории статьи Пушкина «Несколько слов о мизинце г. Булгарина и прочем».—Изв. АН СССР, Отд. лит-ры и языка, т. VII, вып. 4. М., 1948.

Гозенпуд А. А. Из истории литературно-общественной борьбы 20-х—30-х годов XIX в. («Борис Годунов» и «Димитрий Самозванец») — ПИМ, т. VI, Л., 1969.

Гукасова А. Г. Болдинский период в творчестве Пушкина. М., 1973.

Болдинская осень. Сост. Н. В. Колосова. Сопроводительный текст В. И. Порудоминского и Н. Я. Эйдельмана. М., 1974.

Левина Ю. Болдинские рисунки Пушкина. Горький, 1976.

Предания и песни болдинской старины. Горький. 1980.

Грехнев В. А. Болдинская лирика Пушкина. 1830 год. Горький, 1980.

1. П, X, с. 629.

2. Акад., XIV, с. 398.

3. С. и Н., кн. 6, 1903, с. 7. Записка датируется последними числами января (скорее всего — 27).

4. Дела..., с. 101.

5. П, X, с. 631. Адресат письма — Каролина Собаньская (урожд. графиня Ржевуская). П. познакомился с нею в Киеве в 1821 г. (сестра ее Эвелина вышла впоследствии замуж за О. де Бальзака). В альбом Каролины Собаньской 5 января 1830 г. П. вписал стихотворение «Что в имени тебе моем?». В 1829 г. Собаньская в очередной раз вышла замуж, и поклонение поэта (если оно и было) ее мало трогало. Об отношениях П. и Собаньской см.: Вопросы литературы, 1970, № 1.

6. П, X, с. 631—632. Трудно представить себе более совершенное по форме любовное письмо, помещенное в контекст, скажем, французского романа. Определенная стилизация здесь вовсе не исключена.

7. Акад., XIV, с. 67. *Олин* — В. Н., журналист, издатель. Булгарин хотел предотвратить публичное разоблачение в «Литературной газете».

8. П, VII, с. 127. — Драматический вымысел совпасть не мог: Булгарин воровал у Пушкина.

9. П, VII, с. 140. Пушкин под именем «французского поэта» выведен Булгариным в «Северной пчеле» (1830, № 30). Ответом была заметка о мемуарах Видока (№ 23). Из *прихожей* — т. е. получил из III Отделения (от мандаринов — т. е. от Бенкендорфа). Булгарин, в свою очередь, обвинил П. в том, что VII глава «Онегина» есть заимствование из... «Горя от ума».

10. П, X, с. 216—217. Доносы одних литераторов на других были не только в XIX в. — в этом смысл письма. Ценный документ, присланный П., Вяземский использовал в статье о Сумарокове. *Миллер* Г. Ф. — академик, современник Ломоносова; *брат* — Иван Николаевич Гончаров; *Елиза* — Е. М. Хитрово; *Панин* — А. Н., великан ростом, но, возможно, говоря о «дубине», П. имеет в виду не

только рост; *Ушаков*—В. А., литератор, близкий Булгарину; *Строев*—П. М., известный библиограф, составивший образцовый указатель к «Истории...» Карамзина; Погодин за границу не поехал; Батюшков пережил П. на 18 лет.

11. Красный архив, 1929, т. 6 (37), с. 238—245. На несколько дней «полицейская машина» опаздывала (П. приехал 11 марта, см. № 12).

12. П, X, с. 213.

13. П, X, с. 214—215. *Давно написанное*—скорее всего, № 10; *контрреволюция*—Петр I предусмотрел право чиновников на дворянство в зависимости от продвижения по службе. Николай I отменил это, радуя представителей древних аристократических родов, к которым принадлежали П. и Вяземский; *вечера мои*—Вера Федоровна с детьми переехала в Петербург, где Вяземский поступил на службу, и П., таким образом лишился домашнего уюта по вечерам.

14. Восп., II, с. 209—210. Автор—знаменитая в Москве цыганка—певица. Ее рассказ записал в 1870-х годах Б. М. Маркевич. Это была тогда уже, по его словам, маленькая старушка с седеющими волосами и «черными, сохранившими еще необыкновенный блеск глазами».

15. Акад., XIV, с. 70.

16. П, X, с. 215.

17. Восп., II, с. 19. *Сердитесь*—за недобросовестный отзыв о «Московском вестнике» в «Северных цветах»; Брюс—Я. В., видный деятель Петровской эпохи.

18. Акад., XIV, с. 72. Писарев—А. А., председатель Общества любителей российской словесности при Московском университете. Одновременно с П. в Общество был избран Булгарин. П. и Вяземский сочли это оскорбительным (см. № 19).

19. Переписка, I, с. 274.

20. П, X, с. 365. В 1830 г. П. не ответил на письмо Писарева, и его автоматически сочли выбранным в Общество любителей... Погодин в 1834 г. был секретарем Общества и надеялся привлечь П. к реальному участию в его работе. *Газета Шаликова*—«Московские ведомости».

21. П, X, с. 633.

22. Акад., XIV, с. 403—404. Первое письмо П.—№ 16; *подозрительный*—не исключено, что III Отделение подозревало П. в намерении бежать из-под надзора—но куда и как?

23. П, VII, с. 102. *Женатого* и т. д.—намек на прошлое жены Булгарина; *военной службе*—во французских войсках; *дружбою умерших*—А. С. Грибоедова.

24. П, VII, с. 106. П. затрагивает вопрос, не теряющий своей актуальности и поныне. Письмо не было закончено (отрывок частично напечатан лишь в 1855 г.).

25. П, III, с. 165. Написано 7 июля. Непосредственный повод — ругань по адресу П. в «Северной пчеле» и «Московском телеграфе». Примыкает к раздумьям об отношениях поэта и «толпы» (№ 24 и гл. X, № 103).

26. П, VII, с. 153. набросок статьи о Баратынском носит, несомненно, и автобиографический характер, отражая тот момент, когда журнальная критика перешла от восторгов к постоянным нападкам на П.

27. П, IV, с. 391. Первоначально П. начал «Домик в Коломне» с полемических строф на ту же тему, что и №№ 25, 26 и др., но затем отбросил некоторые из них.

28. П, IV, с. 394—396. Затевая литературную полемику не только с обычными своими противниками, но и с П. А. Катениным (упрекавшим П., в частности, в однообразии поэтических размеров), П. первоначально задумал напечатать писанный октавами «Домик в Коломне» анонимно (отсюда «под легкой маской»), но затем отказался от этого намерения и оставил в черновике полемические строфы.

29. П, VII, с. 136—137. Эти замечания П. (1830 г.), в которых отводится важное место гласности в литературных отношениях, звучат как написанные сегодня.

30. П, X, с. 633—634. Написанное накануне официальной помолвки письмо остается одним из откровеннейших автобиографических документов П.

31. П, VI, с. 388—390. Датировано 12—13 мая 1830 г. (т. е. через неделю после помолвки). Подзаголовок, конечно, мистификация. Высказывались сомнения в автобиографичности отрывка, но ведь он замышлялся как художественное произведение, и точность деталей здесь необязательна. *Английская фраза* — из «Чайльд-Гарольда» Байрона. *Поэма критикуется в журналах* — черновой вариант: в «Северной пчеле»; *портреты Зонтаг* — знаменитой немецкой певицы.

32. П, VII, с. 197—198. Отрывок из главы «Браки» помещаем рядом с более ранними размышлениями П. о женитьбе.

33. П, X, с. 635. Помещаемый здесь перевод «горячо любимые родители» звучит несколько более эмоционально, чем употребленное П. французское обращение *très chers parents*. До нас дошел только оборванный на полуслове черновик письма. В окончательном варианте П., по-видимому, ставил материальные вопросы.

34. Акад., XIV, с. 407. *Покойный брат* — Петр Львович, единокровный брат С. Л. Пушкина. См. также гл. I.

35. Переписка, I, с. 284—285. *Женился на Канкрине*—т.е. поступил на службу в министерство финансов под начало Е. Ф. Канкрин; *Алябьева*—А. В., московская красавица (в стихотворении П. «К вельможе»: С восторгом ценишь ты // И блеск Алябьевой, и прелесть Гончаровой).

36. П, X, с. 638. *Посаженной матерью*—В. Ф. Вяземская была больна во время свадьбы П., это помешало ей выполнить просьбу.

37. П, X, с. 222—223. *Графиня Фикельмон*—Д. Ф., за которой ухаживал Вяземский; *Раич* и *Шаликов*—московские журналисты; *камера депутатов*—палата депутатов во Франции.

38. П, X, с. 635—636. П. принял совет Вяземского (№ 35) и попытался (в третий раз) «пробить» в печать «Бориса Годунова».

39. Акад., XIV, с. 408—409. Уже сам факт обращения П. к царю за разрешением жениться не мог не быть приятен Бенкендорфу. Вот он и доложил в благожелательном духе о трагедии (тем более что «Димитрий Самозванец» Булгарина все равно опережал ее).

40. Переписка, II, с. 129—130. Договор с А. Ф. Смирдиным на право реализации всех ранее выпущенных книг был заключен на четыре года из расчета по 7200 руб. гонорара в год.

41. П, X, с. 224. Главой семьи Гончаровых был дед невесты П. Афанасий Николаевич (хозяин полотняных заводов близ Калуги), отец ее Николай Афанасьевич длительные периоды страдал душевным расстройством и в делах участия не принимал.

42. П, X, с. 638. Видимо, оба эти письма родителей П. до нас не дошли. *Матвей Михайлович*—Сонцов, муж сестры С. Л. Пушкина. Пост в 1830 г. начинался 1 июня, т. е. Пушкин рассчитывал сыграть свадьбу еще в мае.

43. Огонек, 1983, № 46, с. 28—30. Обычай того времени требовал обращения старших Пушкиных к главе семейства, с которым готовились породниться.

44. Переписка, I, с. 410. Булгарин решился на хитрый ход: напечатать в «Сыне отечества» едкую пушкинскую эпиграмму на него, кончавшуюся словами: «Беда, что ты Видок Фиглярин». При этом последняя строка была заменена на: «Беда, что ты Фаддей Булгарин». Этим жестом Булгарин рассчитывал унижить П. в глазах читателей, но не преуспел.

45. П, X, с. 224—225. *Фон-Фок*—М. Я., управляющий III Отделением, ближайший помощник Бенкендорфа. Отзыв «Северной пчелы»—см. гл. X. *Какую женку*—конечно, П. говорит о невесте, и письмо датировано правильно.

46. Под тайным надзором, с. 97. Обнародованная Б. Л. Модзалевским «внутренняя» переписка чиновников III Отделения показывает истинное отношение их к П. Фон-Фок препровождал письмо, приведенное под № 47.

47. П, X, с. 225.

48. Красный архив, 1929, т. 6 (37), с. 238—245. П. был еще в Москве.

49. Восп., П, с. 20. *Обозрение* — статья Погодина в «Московском вестнике»; «*Марфа, посадница Новгородская*» — трагедия Погодина. П. с энтузиазмом откликался на «божьи искры» в чужих творениях.

50. РС, т. 31, с. 601—602. В этих неподписанных мемуарах, принадлежащих кому-то из артистического мира, сочетаются неточные данные с ценными для потомков сведениями о жизни П. в Москве и о его общении с любимыми им артистами. Описанная сцена могла происходить лишь в 1831 г. весной, поскольку в 1830-м «Повестей Белкина» не существовало. Но в этом случае П. был уже с женой, а не с невестой.

51. П, X, с. 639. «*Эрнани*» — пьеса В. Гюго, присланная Пушкину Е. М. Хитрово; *хозяин* — Николай I. Об отношениях П. с Хитрово см. «Друзья Пушкина», т. 2.

52. П, X, с. 640. Этим письмом начинается длительная и бесплодная переписка о бронзовом памятнике Екатерине II, находившемся в Полотняном заводе. Дед невесты П. рассчитывал, так или иначе, продать его и вырученные деньги передать внучке в приданое, но из этого ничего не вышло. Впоследствии А. Н. Гончаров раздумал расплавлять статую, которая была не так уж безобразна, и надеялся выгодно продать ее в казну, взвалив все хлопоты по продаже на П.

53. П, X, с. 229—230. Во второй половине мая 1830 г. П. гостил несколько дней в семье невесты в Полотняном заводе. *Денег и бумаг* — по-видимому, связанных с ссудой, которую испросил А. Н. Гончаров в министерстве финансов.

54. Акад., XIV, с. 98.

55. П, X, с. 666—667. Помещаем здесь продолжение переписки о «медной бабушке» (так; шутя, П. с женой называли статую Екатерины II). Была создана комиссия из видных скульпторов и художников, которая дала заключение: «Мы осматривали у известного писателя Пушкина колоссальную статую Екатерины II, которую предлагает он к приобретению за счет правительства, и находим, что огромность сей статуи, отливка оной и тщательная обработка или чеканка оной во всех частях, не говоря уже о важности лица изображаемого, и следовательно о достоинстве сего произведения, как монументального, которое непростительно было бы употребить для другого какого-либо назначения, заслуживает внимания правительства; что же касается до цены сей статуи 25 тысяч рублей, то мы находим ее слишком умеренной, ибо одного металла, полагать можно, имеется в ней по крайней мере на

12 тысяч рублей, и если бы теперь заказать сделать таковую статую, то она, конечно, обошлась бы в три или четыре раза дороже цены, просимой г. Пушкиным».

56. Пушкин. Письма, под ред. Л. Б. Модзалевского. Т. III, с. 504. Письмо, по-видимому, продиктовано П. — он считал, что дипломатичнее просить от имени семейства Гончаровых. Министерство двора так денег и не дало. После смерти П. «медная бабушка» была куплена частным лицом для города Екатеринослава.

57. П, X, с. 231—232. Огонь-Догановский — известный в Москве карточный игрок; П. проиграл ему 24800 руб. и вынужден был искать какой-то выход из положения. Помогли Нащокин и Погодин, собиравший у друзей деньги в долг Пушкину.

58. П, X, с. 640. Как сказано, П. ездил в конце мая в Полотняный завод с семьей невесты. Он уехал, а Гончаровы остались. Письма П. к невесте во всех изданиях печатаются по парижской публикации С. Лифаря (1937 г.) и по фотокопиям. В подлиннике они специалистам до сих пор недоступны.

59. П, III, с. 166. В магазине И. В. Слёнина на Невском проспекте П. видел старинную копию с картины Рафаэля — так называемой «Бриджуотерской мадонны». Отсюда — стихотворение, обращенное к Н. Н. Гончаровой. См. ВПК, 64. Л., 1967, с. 38—43.

60. Красный архив, 1929, т. 6 (37), с. 238—245. Жандармы опять опоздали: П. уехал дня на два раньше.

61. Там же.

62. П, X, с. 641. *Никита Андреевич* — видимо, не известный «дядька» — камердинер П. Никита Козлов (его отчество было Тимофеевич), а лицо неустановленное; *Всеволожский* — Н. В.; *картины* — живые картины в доме московского генерал-губернатора Голицына, в которых участвовала и Н. Н. Гончарова; *Наталья Кирилловна* — Загряжская, которой невеста П. доводилась внучатой племянницей; *Катерина Ивановна* — Загряжская, тетка Н. Н. Гончаровой (сводная сестра ее матери); *Полье* — В. П.; *м-м и м-ль Малиновские* — А. П. и Е. А. — жена и дочь близкого друга старших Пушкиных. Анна Петровна Малиновская способствовала успеху сватовства П. и на свадьбе была посаженной матерью невесты.

63. П, X, с. 641—642. *Наташа* — здесь: Наталья Ивановна, мать невесты; *Иван Николаевич* — брат невесты; *своей египтянке* — не совсем ясно, но, быть может, речь о Россет-Смирновой.

64. П, X, с. 643. В Москву П. вернулся 14 июля. Е. М. Хитрово сообщала П. о событиях Июльской революции во Франции; генерал-губернатор запретил азартную карточную игру Экарте в московском Английском клубе; «*Парижанка*» — песня-гимн революции 1830 г. (музыка Обера, слова Делавиня); 7 августа выступил с речью знаменитый писатель Шатобриан, не одобрявший жесто-

кости по отношению к Бурбонам; газета «Время» (Le Temps) сочувствовала революции; *Жанлис* — писательница; *Лафайет* — генерал и политический деятель, участник июльской революции; *Талейран* — знаменитый дипломат. Письмо П. к Хитрово свидетельствует о его живом интересе к мировым событиям.

65. П, X, с. 229—230. *О влиянии на министров* — в связи с «медной бабушкой».

66. П, X, с. 643—644. П. уехал 2 сентября в Болдино, рассорившись перед тем с будущей тещей; он опасался, что помолвка фактически расторгнута.

67. П, X, с. 233. Каламбур: *Жизнь жениха...* связан с популярной тогда в России мелодрамой В. Дюканжа «Тридцать лет, или Жизнь игрока».

68. П, X, с. 644. Перед самым отъездом П. побывал у Вяземских, он советовался с ними обо всех своих делах.

69. П. Е. Щеголев. Пушкин и мужики, с. 63—64.

70. Там же, с. 68. Кистеневу — деревня, что получил П. во владение.

71. П, VII, с. 434. Естественно, что, впервые посетив родовую вотчину Пушкиных, поэт размышлял о своих предках. Этому способствовали и инсинуации Булгарина о Ганнибале.

72. П, VI, с. 117—119, 124—131. Датируется 31 октября и 1 ноября 1830 г. (попытки оспорить год создания повести не были убедительными). Первые пушкинисты прочли: «История села Горохино», — не заметив ироничности названия. Повесть, навеянную в значительной степени личными болдинскими впечатлениями, П. не окончил. Здесь печатаем фрагменты имеющегося текста.

73. П, III, с. 167. О датах создания болдинских произведений см. очерк.

74. П, III, с. 169.

75. П, VIII, с. 19. Известно, что 9 и 25 сентября в Болдине П. получил письма от невесты. Но сами они до нас не дошли.

76. П, X, с. 644. Первоначально П. предполагал пробыть в Болдине недели три.

77. П, X, с. 239. Обе просьбы А. Н. Гончарова — об исходатайствовании ему правительственной ссуды и о продаже статуи — П. исполнить не сумел.

78. П, X, с. 240. *Щеглов* — Н. П., цензор «Литературной газеты» Дельвига и П.

79. П, V, с. 162—164. В Болдине поэт прощался с молодостью, с прежней холостой жизнью, многими своими спутниками и спутницами — неудивительно, что и с любимым героем, «спутником

странным», которого оставил как бы на середине пути. *Магический кристалл* — так во времена П. называли стеклянный шар, служивший прибором при гадании: «Освещая его свечой с обратной стороны, гадающий всматривается в появляющиеся в стекле туманные образы и на основании их предсказывает будущее» (см. Лотман Ю. М. Роман А. С. Пушкина «Евгений Онегин». Комментарий, с. 370). *Саади* — великий персидский поэт XIII в.; *Иных уж нет...* — несомненно, речь о казненных и сосланных декабристах; *та, с которой образован...* — конечно, прямого прототипа у Татьяны нет, все поиски и доказательства здесь наивны. Но это вовсе не значит, что, создавая последние строки романа, автор не имел в виду образ вполне конкретный.

80. П, V, с. 458—459. П. предполагал выпустить отдельным изданием две главы — VIII (Путешествие Онегина) и IX (нынешняя VIII). Отказавшись затем от этого намерения, исключив VIII главу и превратив IX в VIII, отбросил и предисловие. Критики, о которых говорит П., — Ф. В. Булгарин и Н. А. Полевой (см. № 83).

81. П, V, с. 485. Закончив, как он полагал окончательно, работу над «Онегиным», П. записал на отдельном листке хронологию своего труда и предполагаемые названия глав. *Павл.* — Павловское в Тверской губернии; *Малинн* — Малинники; *К В* — князь Вяземский; слова *И жить торопится...* П. в данном случае, быть может, отнес к самому себе перед тем, как подсчитать общий «временной» итог работы.

82. П, III, с. 175. Это, разумеется, о романе.

83. Зелинский, ч. 3. I — с. 3. Автор — Н. А. Полевой; II — с. 5—6; III — с. 7. Автор — С. Раич; IV — с. 14—19. Автор — Ф. В. Булгарин.

84. П, V, с. 157. Общее впечатление от критических отзывов невозможно выразить точнее и короче.

85. П, VII, с. 116—117, 119, 123, 127—128. В Болдине, подытоживая все прошедшее, П. резюмировал и критику на свой произведения разных лет. В «Атенеи» — разбор М. А. Дмитриева (?); из 5 ошибок — первая была отмечена П. А. Плетневым в 1822 г., 2-я — вместо *темени* у П. было *теме*; 3-я — в стихотворении «Буря», напечатанном в 1827 г., было: *И ветер воил и летал*; 4-я — Надеждин в «Вестнике Европы» отметил неудачный оборот в примечании к «Полтаве»: Мазепа... сватал свою крестницу, но *был отказан*; 5-я ошибка — неточное употребление слова: в сцене из «Бориса Годунова», напечатанной в 1827 г. в «Московском вестнике», была строка: «Он говорил *игумену* и братье», в от-

дельном издании 1831 г. П. поправил: «Он говорил игумну и всей братье»; 2-н Федоров — Б. М., его журнал «Санкт-Петербургский зритель» прекратился в 1828 г. на 1-м номере; критику 7-й песни — см. № 83. Разумеется, П. знал, что критику писал Булгарин, и смеялся над ним, говоря «напрасно приписывали».

86. Акад., XIV, с. 114.

87. П, VIII, с. 19.

88. П, III, с. 170. Когда в столицах распространился слух о женитьбе П., он получил анонимное стихотворное послание (позже выяснилось, что автор И. А. Гульянов — ученый-востоковед).

89. П, X, с. 240—241. *Понять хандру* — друзья П. поняли его фразу в одном из писем «Свадьба моя отлагается...» как отказ от женитьбы; *гуляет вольная луна* — П. намекает на последующие строки «Цыган»: «Кто сердцу юной девы скажет: // Люби одно, не изменись?» *Луи Филип* — только что вступил на французский престол; *Полиньяк* — французский политический деятель.

90. П, X, с. 645. П. уже совсем собрался в Москву, когда получил известие, что вокруг древней столицы устроены холерные карантинны и проезд туда невозможен; *Сергей* — Гончаров, брат невесты.

91. П, III, с. 179. В стихотворении, написанном 7 октября, отразилось настроение тех дней и нарисован точный болдинский пейзаж. Вряд ли П. непосредственно имел в виду Булгарина, как иногда пишут, — слишком добродушен тон обращения к «румяному критику».

92. П, IV, с. 234. Проблемы литературной формы, взаимоотношений в мире литературы были важным предметом размышлений П. в Болдине. Отсюда — многожанровость болдинской осени, где свое место заняла и единственная поэма П., написанная восьмистишиями. В ее сюжете (возможно, подсказанном П. В. Нащокиным) есть и автобиографические отступления. См. очерк о Стройновской в гл. IV.

92а. П, III, с. 186.

93. П, X, с. 645—646.

94. П, VIII, с. 19. Строка дневниковой записи на листе рукописи «Метели» до сих пор остается загадочной: всю ли главу сжег П.? ту ли, частично (а подчас и предположительно) расшифрованную, что теперь мы называем десятой? Случайна ли дата сожжения, совпадающая с лицейской годовщиной, — не было ли в главе строф, посвященных Пушкину и Кюхельбекеру?

95. П, X, с. 646—647. Этим письмом устанавливается, что 9 сентября 1830 г. Н. Н. Гончарова писала П. Адриан — гробовщик, живший напротив дома Гончаровых в Москве. П. только что закончил свою повесть «Гробовщик».

96. Щеголев П. Е. Пушкин и мужики, с. 238—240.

97. П, X, с. 245. «Подать», посланная барону, называлась цветочною, потому что предназначалась для «Северных цветов»; полемических статей — «Опровержение на критики».

98. П, VI, с. 391—393. Автобиографический «Отрывок» датирован Пушкиным 26 октября 1830 г. Часть его вошла потом в «Египетские ночи» как характеристика Чарского.

99. П, VIII, с. 52—53. Здесь уже своего рода мемуарная проза о болдинском периоде. Предположительно ее относят к 1831 г.

100. П, X, с. 647. Рабле, по преданию, сказал перед смертью, что переселяется в великое «быть может». Несколько церемонный и необычный для переписки с Осиповой тон письма, возможно, объясняется тем, что, получив известие о женитьбе П., она, как и многие друзья его молодости, отозвалась на это не без грусти (письмо до нас не дошло).

101. П, X, с. 648. Князь Шаликов известил — через газету «Московские ведомости»; Давыдов — В., московский студент, поклонник Н. Н. Гончаровой. Вполне вероятно, что, прося П. скорее возвратиться, невеста писала ему об ухаживаниях Давыдова.

102. Акад., XIV, с. 419. Языков Д. Д. — предводитель дворянства Лукояновского уезда.

103. П, X, с. 648—649. Голицына — П. Н.; Пушкин побывал в ее имени, находившемся в 30 верстах от Болдина.

104. П, X, с. 649. Документ — письмо Д. Языкова (№ 102).

105. П, X, с. 650.

106. Красный архив, 1929, т. 6 (37), с. 242. Опоздали на 4 дня: П. приехал 5 декабря.

107. П, X, с. 651. П. вернулся и к своим обычным интересам, и к обычному тону писем к Е. М. Хитрово. «Литературная газета» была запрещена за публикацию нескольких строк Деламина о памятнике жертвам французской революции. Вскоре издание ее возобновилось, но под номинальным руководством О. М. Сомова (а не Дельвига).

108. Восп., П, с. 21—22. Написав повесть октавами — «Домик в Коломне», — П. решил сложнейшую в русской поэзии формаль-

ную задачу. Жуковский обратился с письмом к императору, где прямо обличал Булгарина-доносчика.

109. Овчинникова С. Т. Пушкин в Москве. М., 1984, с. 43.

110. Там же, с. 60.

111. Гоголь Н. В. Собрание соч. в семи томах. Т. 6. М., 1978, с. 12—16. Сцена, описанная Гоголем, происходила в самом конце декабря. Так, на мажорной ноте, закончился для П. 1830 год. Кстати, Гоголь называет «Бориса Годунова» поэмой, так же, как и «Мертвые души».

Глава XII

ЛИТЕРАТУРА

Булгаков А. Я. Письма брату К. Я. Булгакову из Москвы в Петербург.—РА, 1902, кн. 1, № 1.

Письма Пушкина к Е. М. Хитрово. 1827—1832. Л., 1927.

Голлербах Э. Ф. Город муз. Детское село. Л., 1930.

Грот К. Я. Пушкин в Лицее летом 1831 г.—ПИМ, т. IV. М.-Л., 1962.

Рейсер С. А. Пушкин в салоне Фикельмон (1829—1837).—ВПК, 1977. Л., 1980.

Бунатян Г. Г. Город муз. Литературные памятные места города Пушкина. Л., 1975.

Овчинникова С. Т. Пушкин в Москве. Летопись жизни Пушкина с 5 декабря по 15 мая 1831. М., 1984.

1. П, X, с. 382. *Танюша*—Т. Д. Демьянова (см. гл. XI, № 14). *Давыдов*—Дмитрий Александрович (Митюша); *Вяземский*—*Петруша*; *Гагарин*—Федор Федорович, брат жены Вяземского.

2. Восп., II, с. 22. *С рукоположением*, т. е. с автографом.

3. П, X, с. 258—259. *Большой успех*—отзывы о трагедии были разноречивые, полемика острая (см. очерк).

4. П, X, с. 653—654. *Почтенную публику (то есть ту чернь)*...—П. здесь раскрывает свое точное понимание «черни», ничего общего не имеющей с «народом».

5. Акад., XIV, с. 142. Николай I позабыл о своем давнем «кислом» отзыве о «Борисе...», т. к. ни в тот, ни в этот раз сам его, конечно, не читал.

6. П, X, с. 260. Слова о свободе, смело дарованной—почти не прикрытое издевательство над тупым Бенкендорфом и его августейшим шефом.

7. Зелинский, ч. 3. I—с. 43. Автор—Н. А. Полевой; II—с. 88—89. Автор Н. И. Надеждин, сменивший «гнев на милость» по отношению к творчеству П.; III—с. 131—133.

8. РС, 1890, № 11, с. 448. В 1831 г. в Москве вышла анонимная брошюра «О Борисе Годунове, сочинении Александра Пушкина. Разговор помещика, проезжающего из Москвы через уездный городок, и вольнопрактикующего в оном учителя российской словесности». Цит. по: Овчинникова С. Т. Пушкин в Москве. М., 1984, с. 209—210.

9. П, X, с. 259—260. *Ширяев*—книгопродавец. Экземпляр «Бориса...» стоил 10 р.

10. П, VII, с. 188—189. Пожалуй, эту пушкинскую характеристику Москвы вернее всего будет применить к 1830—1831 гг., когда он наблюдал древнюю столицу долгое время и, так сказать, «изнутри».

11. П, X, с. 261. Весть о смерти Дельвига П. получил 18 января, через 4 дня после случившегося.

12. Овчинникова С. Т. Пушкин в Москве, с. 96—98.

13. П, X, с. 262. *София Михайловна*—вдова Дельвига; *деньги*—долг П. покойному Дельвигу; *Сомов*—О. М., ближайший помощник П. и Дельвига по «Литературной газете» и «Северным цветам».

14. П, X, с. 263—264. Николай Иванович Кривцов, герой 1812 года, близкий приятель П. в 1817 г. В 1820-х годах он был губернатором последовательно в Туле, Воронеже, Нижнем Новгороде. П. относился к нему с большой симпатией и посылал свои произведения. Письмо интересно отзывом автора о «Борисе Годунове» и откровенным объяснением своего душевного состояния.

15. Восп., II, с. 22. *Деньги Надеждину*—П. занял через Погодина деньги у Надеждина на покрытие карточного долга и теперь возвратил; *разыскание Погодина*—о непричастности Бориса Годунова к убийству царевича Дмитрия.

16. П, X, с. 264. *Баронесса*—С. М. Дельвиг; *братья*—воспитанники Дельвига, оставшиеся без средств; *Михаил Александрович*—Салтыков, отец С. М. Дельвиг.

17. Восп., II, с. 211—213. Продолжение воспоминаний (начало см. гл. XI, № 14).

18. Восп., II, с. 22. Погодин не был приглашен на предсвадебный «мальчишник» к П.

19. РП, с. 758—759. А. С. Передельский и П. М. Азанчевский—знакомые Гончаровых. Любопытно, что на «брачном обыске» (официальном документе) есть подпись отца невесты. Значит, это был период просветления.

20. П, X, с. 265.

21. П, X, с. 265. Н. И. Гнедич был назначен членом Главного управления училищ.

22. РА, 1902, № 1, с. 56. *Старик Юсупов*—Н. Б., 80-летний вельможа, блиставший в екатерининские времена, владелец загородного дворца в Архангельском, адресат пушкинского стихотворения «К вельможе» (1830).

23. Акад., XIV, с. 424—425. П. известил Е. А. Карамзину о своей женитьбе.

24. Цит. по: Овчинникова С. Т. Пушкин в Москве, с. 167. Одесский приятель П., поэт В. И. Туманский пробыл в Москве сутки проездом. П. читал ему VIII главу «Онегина» (по нынешней нумерации) и познакомил с женой.

25. П, X, с. 267—268. *Южная ласточка*—А. О. Россет-Смирнова; *затеваю другое*—П. и Вяземский замышляли тогда собственный журнал.

26. П, X, с. 269—270. *Ты прав, любимец муз*—выражение Батюшкова, часто употреблявшееся Пушкиным; *Деларю* М. Д. (лицеист 5-го выпуска) и *Подолинский* А. И.—посредственные поэты.

27. П, X, с. 270—271. А. Н. Гончаров, так и не выделивший реальных сумм на приданое внучке, решил дать заемное письмо, по которому она могла бы взыскать деньги с наследников после его кончины. (Подробнее см.: Пушкин. Письма. Т. III, с. 253—254).

28. Восп., II, с. 22—23. Речь все о том же: был ли Борис Годунов убийцей царевича?

29. Овчинникова С. Т. Пушкин в Москве, с. 213—215. Автор—английский морской офицер, некоторое время живший в Петербурге и посетивший Москву в мае 1831 г. Он оказался интересным собеседником для П. В 1832 г. Фрэнкленд выпустил книгу о пребывании в России (она была в библиотеке П.).

30. Красный архив, 1929, т. 6 (37), с. 238—245.

31. Там же.

32. П, X, с. 657.

33. Восп., II, с. 140.

34. Восп., II, с. 147. Автор воспоминаний—близкий друг П. и Жуковского, особенно сблизившаяся с ними в 1831 г. в Царском Селе (см. «Друзья Пушкина», т. 2). *Графиня Ламберт*—У. М., царскосельская знакомая Пушкиных.

35. Переписка, II, с. 273. Уезжая в Петербург из Москвы, П. взял с собою для прочтения и возможной публикации шестое и седьмое из восьми «Философических писем» Чаадаева.

36. П, X, с. 658—659. Ответ на № 35. О холерных бунтах в столице см. очерк. *Блудов*—Д. Н., видный чиновник, через которого П. рассчитывал получить разрешение на публикацию труда Чаадаева; *Беллизар*—Ф. М., предполагаемый издатель «Философических писем». В этом обмене письмами видно взаимное уважение, но намечается уже резкое расхождение исторических концепций П. и Чаадаева.

37. Переписка, II, с. 277.

38. П, X, с. 277. Проводив П. с женой из Москвы в мае, Нацкокин уже 9 июня писал Пушкину: «Ты не можешь вообразить, как много я вам предан». А. Ф. *Рохманов*—доверенное лицо П. и Нацкокина. Он помогал им в денежных и имущественных делах (в данном случае Нацкокин через Рохманова пытался застраховать свою жизнь); *Александр Юрьевич*—Поливанов, сватавшийся к свояченице П. Александре Николаевне (свадьба эта не состоялась).

39. П, X, с. 658. Евпраксия Вульф вышла замуж за Б. А. Вревского в 1831 г. *Мне пишут*—П. цитирует письмо писателя Е. Ф. Розена; *Савкино*—деревня близ Михайловского и Тригорского.

40. П, X, с. 281—282. «*Рославлев*»—роман М. Н. Загоскина. Работа Вяземского о Д. И. Фонвизине вышла в свет лишь в 1836 г.

41. П, X, с. 283. *Эслинг*—Н. Н. Геслинг, лицеист 3-го выпуска, чиновник военного министерства, отправлявшийся в Петербург; цензурой *земской* П. называл обычную, *удельной*—царскую; *несколько мелочей*—«Бесы», «Эхо», «Анчар», «Делибаш» и другие стихотворения; *гекзаметрическая сказка Жуковского*—«Сражение со змеем».

42. Переписка, I, с. 113. Жуковский прочитал в Царском Селе все, что написал П. в Болдине.

43. П, X, с. 499—500. Разрешение на издание газеты «Дневник» П. получил в 1832 г., но условий при этом было поставлено

столько, что ему пришлось отказаться. Работать в архивах над «Историей Петра» было разрешено.

44. П, X, с. 285. *Зубков* — В. П., старый приятель П., приближенный ко двору во время борьбы с холерными бунтами; *Павлов* — Н. Ф., карточный игрок, одаренный литератор-прозаик.

45. П, X, с. 286.

46. П, VIII, с. 21—22. Свои записи 1831 г. П. предполагал включить в хроникальный раздел несостоявшейся газеты «Дневник»; *Арт* — знаменитый хирург Н. Ф. Арндт. Запись о «*мужестве и силе духа императора*» звучит скорее иронически, чем восторженно; как видно было выше, «*добрый и честный*» фон-Фок принимал от агентов и сам писал доносы на П.

47. П, X, с. 659—660. В Павловск — т. е. к родителям П.; *выходка Ольги* — попытка сестры П. прорваться через холерные карантинны из Петербурга в Павловск.

48. П, X, с. 289—290. Издание «Литературной газеты» было прекращено с июля 1831 г. *О мизинце Булгарина* — благоприятель и союзник Булгарина Н. И. Греч написал в «Сыне отечества» о Булгарине: «У него в одном мизинце более ума и таланта, нежели во многих головах рецензентов». Вяземский заметил на это: «Жаль, что г. Булгарин не одним мизинцем пишет» (см. Переписка, I, с. 305).

49. П, X, с. 292—293. *Смирдину шепнуть* — книга была выпущена под названием «Повести покойного Ивана Петровича Белкина, изданные А. П.». Цена была даже ниже названной П. — 5 руб. 45 коп.

50. Переписка, II, с. 158—159. Н. И. *Бутырский* — цензор; «*Адольф*» — роман Б. Констан в переводе Вяземского. Издательские предложения Плетнева в основном были приняты.

51. Гоголь Н. В. Собр. соч. в 7 томах. Т. 7. М., 1978, с. 72—73. «*Кухарка*» — «Домик в Коломне»; *сказка с рифмами* — «Сказка о попе и работнике его Балде».

52. Переписка, I, с. 113. *Стихов* — «Клеветникам России».

53. ПИМ, т. IV. М.-Л., 1962, с. 402. Письмо лицеиста 6-го выпуска сестре.

54. Переписка, I, с. 114.

55. Грот Я. К. Пушкин, его лицейские товарищи и наставники. СПб., 1899, с. 45. Любопытно, как изменился тон до и после присутствия П. на экзамене (см. № 53).

56. П, X, с. 294. *Александр Юрьевич* — Поливанов (см. примеч. № 38).

57. П, X, с. 298—299. *Быть неаккуратным* — Нащокин занимался московскими карточными долгами П., пытаясь добиться рассрочки.

58. П, X, с. 299. *Мебели* — П. пользовался в Царском Селе мебелью Вяземских; *деньги* — давний долг 500 р.; *Martion* — перевод из Вальтера Скотта под названием «Суд в подземелье»; *каков Гогель?* — в свет вышли «Вечера на хуторе близ Диканьки».

59. П, VII, с. 179—180. Рецензия, напечатанная в «Литературных прибавлениях...» за 1831 г. (№ 79). «Смешные жеманницы» — комедия Мольера.

60. П, X, с. 299—300.

61. Акад., XIV, с. 234—235. Пушкину в очередной раз «вымыли голову», как говорил он еще в 1826 г.

62. П, X, с. 300—301. *Жемчужников* — Л. И., профессиональный карточный игрок, достойный соратник Огонь-Догановского; *Семен Федорович* — Душин, управляющий в имении Н. И. Гончаровой Ярополец.

63. Восп., II, с. 140—141. Нужно отметить прозорливость Д. Ф. Фикельмон: мало кто понимал тогда, что значит быть женою *такого поэта*.

64. Пушкин. Документы Государственного и С.-Петербургского главного архивов министерства иностранных дел, относящиеся к службе его. 1831—1837 гг. (изд. Н. А. Гастфрейнд). СПб., 1900, с. 23.

65. Там же, с. 24.

66. Там же, с. 25.

67. П, X, с. 662—663. *Неотложные дела* — материального свойства. При письме П. послал «Мою родословную». *Сатирическая статья* — см. очерк.

68. Акад., XIV, с. 443.

69. П, X, с. 305—306. Приехав в Москву 6 декабря, П. написал жене: «Сейчас приехал к Нащокину на Пречистенском валу в дом Ильинской. Завтра буду тебе писать. Сегодня мочи нет устал. Целую тебя, женка, мой ангел». Таким образом, это первая разлука и второе письмо П. жене. Брюллов — Александр Павлович.

70. П, X, с. 306. *Билеты* — возможно, речь идет о закладных документах; *Власов* — А. С., крупный коллекционер, чье собрание картин, гравюр, рукописей и т. д. продавалось с аукциона после его смерти; *студент* — Ф. Фоминский.

71. П, X, с. 307—308. *К празднику*, т. е. к рождеству (П. опоздал на несколько дней); *голкондские алмазы* — заложенные дра-

гоценности Н. Н. Пушкиной (Голконда — древний город в Индии, славившийся алмазами).

72. Красный архив, 1929, т. 6 (37), с. 238—245.

73. Там же.

74. Переписка, II, с. 333—334. Это письмо некогда молодого офицера, а в 1830-х годах — довольно известного писателя, напомнило П. молодые годы (см. гл. IV). Оно интересно, так как показывает изменившееся отношение к П. тех, кто знал его в юности.

75. Восп., II, с. 294—295. Мемуарист — близкий знакомый П., секунданта, выбранный Пушкиным для его первой, к счастью, предотвращенной дуэли с Дантесом, впоследствии известный писатель, автор повести «Тарантас». Речь идет, скорее всего, о декабре 1831 г.; X. — точно не установленное лицо, но комментаторы книги «А. С. Пушкин в воспоминаниях современников» (Т. 1—2) полагают, что речь идет либо о Н. И. Грече, либо об О. И. Сенковском.

Глава XIII

ЛИТЕРАТУРА

Лобанов М. Е. Воспоминание «Обед у книгопродавца Смирдина». — П. и С., т. VIII, вып. 31—32. Л., 1927.

Гриц Т., Тренин В., Никитин М. Словесность и коммерция. Книжная лавка Смирдина. М., 1929.

Эйхенбаум Б. М. Мой современник. Л., 1929. (Литературный быт Пушкина).

Гессен С. А. Книгоиздатель Александр Пушкин. Л., 1930. (Факсимильное воспроизведение: М., 1987).

Смирнов-Сокольский Н. П. Книжная лавка Смирдина. М., 1957.

Назарова Г. И. «Новоселье» Александра Брюллова. — ВПК, 1969. Л., 1971.

Дементьев М. А., Ободовская И. М. Неизвестное письмо А. С. Пушкина к Д. Н. Гончарову. (Комментарий Т. Г. Цявловской). — ВПК, 1970. Л., 1972.

Смирнов-Сокольский Н. П. Рассказы о прижизненных изданиях Пушкина. М., 1972.

Мацкевич Н. И. Из неизданных воспоминаний о Пушкине его племянника.— ВПК, 1974. Л., 1977.

Русаков В. М. Рассказы о потомках Пушкина. 3-е изд. Л., 1982.

1. Пушкин. Документы Государственного и С.-Петербургского главного архивов. СПб., 1900, с. 17—18.

2. Там же, с. 18. Министр иностранных дел обращается к министру внутренних дел — так тяжело досталось П. право работы в архивах.

3. П, X, с. 311. Судиенко М. О.—приятель П., адъютант Бенкендорфа в 1827—1829 гг., богатый человек и в молодости карточный игрок; Яковлев—И. А., также богач и партнер П. за ломберным столом; третий—царь. Ссудил ли Судиенко на этот раз деньги П., как делал раньше, неизвестно—ответа до нас не дошло.

4. Акад., XV, с. 10.

5. П, X, с. 314. П. тотчас отвечал, понимая, что само содержание «Анчара» (напечатанного в «Северных цветах» на 1832 г.) задело Бенкендорфа, и, как отметил Н. В. Измайлов, «спокойно и достойно отводя от себя обвинение в измене данному слову». 10 февраля П. был вызван в III Отделение для устных объяснений.

6. П, X, с. 316. Письмо все на ту же тему о «неслыханной милости» (двух цензурах) и тщетная попытка освободиться хотя бы от одной. *Стихотворение* — «Анчар».

7. П. и С., вып. XV, с. 34—37.

8. Там же.

9. Там же.

10. П, X, с. 317. Труд—«История Петра»; *стихотворение* — «Анчар».

11. Акад., XV, с. 15.

12. П, VIII, с. 22. Этой записью точно устанавливается день работы П. в библиотеке Вольтера.

13. Восп., II, с. 151. День рождения А. О. Россет-Смирновой— 6 марта.

14. П, III, с. 224. Написано 9 апреля 1832 г. Будущую красавицу и поэтессу-переводчицу Анну Давыдовну Абамелек (р. 1814) П. знал еще в Царском Селе, где служил в полку ее отец. В 1830-х гг. П. общался с нею и ее мужем, братом поэта Е. А. Баратынского. Так что эти стихи—и мадригал, и воспоминание о юности.

15. П, X, с. 665. Пушкину положили жалованье 5000 р. в год. Но этому предшествовала обычная бюрократическая канитель (см. ниже)

16. Дела..., с. 132.

17. Дела..., с. 133.

18. Дела..., с. 134.

19. Пушкин. Документы Гос. и С.-Петербургского главного архивов, с. 30.

19а. Там же, с. 31.

20. П, X, с. 666. В разрешении на издание, хотя бы анонимное, произведений Кюхельбекера, испрашиваемом его младшей сестрой Юлией Карловной, было отказано. Газета («Дневник») также в конце концов разрешена не была (при первоначальном согласии министерства внутренних дел).

21. Пушкин. Письма. Т. III, с. 486. Маленький барон — сын Евпраксии Вульф (в замужестве Вревской).

22. Восп., II, с. 181. Автор дневника — Николай Алексеевич Муханов — близкий знакомый П. и Вяземского. *Полукетова* — Л. Ф., свояченица Вяземского; *Дюмон* — французский историк и публицист (ум. в 1829 г.); *Мирабо* — деятель Великой французской революции XVIII в. (Дюмон написал о нем воспоминания); *Жанен* — французский романист; *Панин В. Н.* — видный чиновник министерства юстиции; *Толстой* — А. П., тверской военный губернатор. Оба они резко отзывались о Мирабо и хвалили книгу Дюмона; *Андросов В. П.* — экономист и журналист. Спор шел по острейшим вопросам истории России и Европы. П. горячо, полемически отстаивал патриотические идеи. Отсюда и выражение: «квасной патриотизм». Дневник Муханова в какой-то степени вводит в круг политических и литературных интересов П. в 1832 г.

23. П, X, с. 320—321. П. высоко ценил публицистический и критический дар братьев И. В. и П. В. Киреевских. В этот момент был со скандалом запрещен журнал И. В. Киреевского «Европеец». Само приглашение Киреевскому участвовать в будущей газете означало ее оппозиционное и не «квасное», а подлинно патриотическое направление. (См. об этом: Вацуро В. Э., Гиллельсон М. И. Сквозь умственные плотины. М., 1972; переиздание — 1986. Глава «Судьба «Европейца»); *Николай Михайлович* — поэт Языков.

24. П, X, с. 321—322. *Надеждин* — речь идет о рецензии на 8-ю главу «Онегина» в «Телескопе» (1832, № 9); Н. А. Полевой

объявил подписку на ненаписанную «Историю...». П. приглашал к участию в газете и М. П. Погодина.

25. П, X, с. 323—324. Поездка в Москву была вызвана хлопотами о будущей газете и о перезакладе имения. *Плеоназм* — здесь: тавтология, повторение слов с одинаковым значением; *кожо* — рогоносец; *Обёр* — Л. Н., в его доме помещалась гостиница «Англия».

26. Восп., II, с. 141.

27. П, X, с. 326—327. *Каченовский* М. Т. — критик, профессор Московского университета; *Соллогуб* — Н. Л., двоюродная сестра В. А. Соллогуба; *Пушкина (Владимир)* — жена В. А. Мусина-Пушкина, *ее сестра* — А. К. Шернваль; *Урусова* — Н. А.; *Отрыжков* — Н. И. Тарасенко-Отрешков.

28. Восп., II, с. 215—216. Будущему автору «Обломова» в студенческие годы посчастливилось увидеть П., он запомнил это на всю жизнь и написал короткие воспоминания.

29. П, X, с. 327. Наталья Николаевна волновалась из-за опоздания писем; *подобное нащожинскому* — см. № 25.

30. П, III, с. 227. Написано 5 октября 1832 г. в Москве.

31. РП, с. 764. М. И. *Калашников* — в те годы управляющий в болдинском имении. Перезалог имения не был разрешен.

32. Акад., XV, с. 45—46. *Тёрнице* — ткань из грубой пряжи.

33. Красный архив, 1929, т. 6 (37), с. 238—245. Надзор шел своим порядком.

34. Там же.

35. П, III, с. 228. Написано 22 октября 1832 г.

36. РП, с. 766—767. Пушкины жили в доме Жадимеровского на Большой Морской с декабря 1832 по июль 1833 г. Выехали они ранее обусловленного контрактом срока, и домовладелец подал в суд иск на 1063 р. Тяжба окончилась лишь после смерти П.

37. П, X, с. 328. *Федор Данилович* — Шнейдер (врач), которому П. был должен; *Короткий* — Д. В., предоставивший Пушкину подлинное судебное дело, послужившее первым толчком к замыслу «Дубровского» («Островского»); *Гаврила Александрович* — так сначала предполагал П. назвать сына.

38. П, IV, с. 248—251. П. вынашивал замысел нового романа в стихах (вместо продолжения «Онегина», о котором просили многие читатели и друзья поэта). Все чаще в 1830-х годах героями его произведений становились люди небогатые и незаметные. «Езерского» писал он в конце 1832 и в 1833 г. Название поэмы — не пушкинское, его дал В. А. Жуковский в посмертной публикации.

39. Зелинский, ч. 3. I—с. 141—142. Автор—Н. А. Полевой; II—с. 145—147, 152. Автор—Н. И. Надеждин; III—с. 161—162.
40. Гоголь Н. В. Собр. соч. в 7 томах. Т. 7. М., 1978, с. 84.
41. Плетнев П. А. Сочинения и переписка. Пб., 1885. Т. III, с. 354.
42. П, X, с. 332. Замысел поездки уже связан был с тайными планами «Истории Пугачева».
43. П, X, с. 331. А. И. Чернышев—военный министр.
44. Акад., XV, с. 51.
45. П, X, с. 333.
46. Гоголь Н. В. Собр. соч. в 7 томах. Т. 7, с. 89. Речь идет о черновой редакции «Истории...» (до поездки П.).
47. П, X, с. 668—669. Письмо, на которое отвечает П., неизвестно. В Тригорское П. сумел приехать лишь в 1835 г. О родителях П. в этот период см. т. I, гл. I.
48. П, X, с. 335—336. *Дай бог ... прочесть*—Дмитриеву шел 73-й год; свои записки он распорядился напечатать посмертно. Просьбу П. Дмитриев выполнил—отрывок его воспоминаний о казни Пугачева П. напечатал в примечаниях к VIII главе «Истории...».
49. П, X, с. 669—670. Письмо было найдено только в 1970 г. М. А. Дементьевым и И. М. Ободовской (см. *Литературу*). Просимой помощи П. не получил.
50. П, X, с. 339. *Спасский*—Г. И., историк Сибири и востоковед. Просьба П. была исполнена.
51. П, X, с. 670. Сбор материалов для «Истории Пугачева» не мог быть непосредственным основанием поездки; кроме того, П. в самом деле собирался работать в Болдине. В чистовом варианте письма, до нас не дошедшем, П., видимо, просил разрешения посетить Е. А. Карамзину в Дерпте.
52. Акад., XV, с. 69. По поручению Бенкендорфа Пушкину отвечает управляющий III Отделением. Маршрут вызвал опасения начальства. Надо было хитрить (см. № 53).
53. П, X, с. 339—340.
54. Акад., XV, с. 71.
55. П, X, с. 501.

Глава XIV

ЛИТЕРАТУРА

Измайлов Н. В. Из истории замысла и создания «Медного всадника». — П. и С., вып. XXX—XXXII. Л., 1927.

Щеголев П. Е. Из жизни и творчества Пушкина. Изд. 3-е. М.-Л., 1931. (Пушкин и Николай I).

Пушкин. 1833 год. Л., 1933.

Зенгер (Цявловская) Т. Г. Николай I — редактор Пушкина. — ЛН, вып. 16—18. М., 1934.

Измайлов Н. В. Очерки творчества Пушкина. Л., 1976. (Оренбургские материалы Пушкина для «Истории Пугачева» и «Капитанской дочки»).

Пушкин А. С. Медный всадник. Изд. подгот. Н. В. Измайлов. Л., 1978. («Литературные памятники».)

Никитин А. Пушкин и Урал. Пермь, 1984.

Оксман Ю. Г. Пушкин в работе над романом «Капитанская дочка»; Макогоненко Г. П. Исторический роман о народной войне. — В кн.: А. С. Пушкин. Капитанская дочка. Изд. 2-е, доп. Л., 1985. («Литературные памятники».)

Осповат А. Л., Тименчик Р. Д. «Печальную повесть сохранить». Об авторе и читателях «Медного всадника». М., 1985. («Судьбы книг».)

1. Рифей (Сборник). Челябинск, 1981, с. 8.

2. П, X, с. 340—341. *Анреп* — Р.Р., офицер, утонувший в болоте в 1830 г.

3. П, IV, с. 279. П., несомненно, ассоциировал наводнение не только с записками и рассказами о 1824 г., но и с собственными наблюдениями 1833 г.

4. П, X, с. 341—342. *Мадам Пожарская* — содержательница ресторана в Торжке (пожарские котлеты!); *м-м Жорж* — акушерка Н. Н. Пушкиной.

5. П, X, с. 342—343. *День твоего ангела* (Натальин день) — 26 августа; *Семен Федорович* — управитель в имении Н. И. Гончаровой; *Дорошенко* — П. Д., предок жены П., соратник Богдана Хмельницкого; *деньги Юрьева* — ростовщика, не раз ссужавшего Пушкиных.

6. П, X, с. 343—344. *Булгаков* А. Я.—московский почт-директор, дочери его славились красотой в Москве; *Погодин...* женат—на Е. В. Вагнер с 1833 г.; *Орлов*—М. Ф.

7. П, X, с. 344.

8. Восп., II, с. 153.

9. П, X, с. 345—346. Второе письмо жене от того же числа—2 сентября. *Пашковы*—С. И. и Н. С.—московские знакомые П. О какой *малороссийской рукописи* говорит П., неизвестно.

10. П, III, с. 245. Помечено: «1833, дорога, сентябрь».

11. Восп., II, с. 217. Александра Андреевна (урожденная Апехтина) и Карл Федорович Фукс тепло принимали П. в Казани. В их доме был литературный салон—культурный центр города в то время. Супруги Фуксы были литераторы и краеведы (в теперешнем понимании). К. Ф. Фукс был еще и профессором терапии, а одно время—ректором Казанского университета. Фукс писал о П.: «Я имел счастье видеть этого знаменитого поэта в моем доме и провести несколько приятнейших, незабвенных часов в беседе с ним. Он желал получить от меня некоторые сведения о пребывании Пугачева в Казани». *Е. П. Перцов*—Эраст Петрович, литератор.

12. П, X, с. 346.

13. П, X, с. 347. *Если дом удобен*—квартира в доме Оливьо (Оливье) у Пантелеймона (на Пантелеймоновской ул.) близ Цепного моста. В сентябре Н. Н. с детьми туда переехала, заключив условие об уплате 4800 р. в год.

14. П, X, с. 348.

15. П, VIII, с. 23. Это подпись под рисунком Пушкина, сделанным в Симбирске. *Дом Карамзина*—Василия Михайловича, брата историка.

16. П, X, с. 349. *Ипполит*—слуга П. в 1832—1833 г.

17. Восп., II, с. 222—224. Автор воспоминаний Владимир Иванович Даль—создатель знаменитого словаря, писатель, врач. В 1833 г. Даль был чиновником особых поручений при оренбургском губернаторе В. А. Перовском. Знакомы они с П. были по Петербургу (1832). 18 и 19 сентября 1833 г. Даль помогал П. в сборе материалов о Пугачеве. Воспоминания об оренбургской поездке были написаны около 1840 г. и переданы первому биографу П.—П. В. Анненкову; В. А. Перовский—старинный знакомый П., чуть ли не с лицейских лет. Неудивительно, что в Оренбурге поэт поселился у него.

18. РС, 1883, № 1, с. 78. См. также: Звезда, 1974, № 6. Ответ Перовского см. очерк.

19. П, X, с. 349—350.

20. П, III, с. 246—248. Написано в Болдине в октябре 1833 г. после трудной дороги, как итог размышлений и наблюдений.

21. П, X, с. 350—351. *Мещерские* — дочь Карамзина Екатерина Николаевна и ее муж Петр Иванович.

22. П, X, с. 351—352. *Жених княжны Любы* (Любови Александровны Хилковой) — С. Д. Безобразов, флигель-адъютант.

23. П, X, с. 352—353. *Огарев* Н. А. — офицер, поклонник Н. Н. Пушкиной; *Соллогуб* — Н. Л.; *графы Шереметевы* — крупнейшие землевладельцы (здесь, вероятно, имеется в виду Василий Александрович).

24. П, X, с. 354.

25. П, X, с. 355.

26. П, VII, с. 185. «Путешествие из Москвы в Петербург», глава «Шоссе». Естественно предположить, что в статье, начатой в 1833 г., сказались впечатления уральской поездки.

27. П, III, с. 253. Неоконченное стихотворение.

28. Акад., XV, с. 319.

29. П, VIII, с. 23—24. Дневник П. 1833—1835 гг. воссоздает бытовую и политическую картину жизни столицы, в особенности придворного круга, а также представляет исключительную автобиографическую ценность. 24 ноября. Видел Жуковского — старший поэт только что вернулся из Швейцарии, где лечился почти год, а также был в Италии и южной Франции; *Фикельмон(т)* — К.-Л., австрийский посланник в Петербурге, муж Д. Ф. Фикельмон, зять Е. М. Хитрово; *Суццо* — Михаил, бывший молдавский господарь, напомнивший Пушкину юность и бурные месяцы греческого восстания; П. ошибался, приписывая Пестелю предательство по отношению к гетеристам, — напротив, Пестель, представляя порученный ему доклад, имел цель побудить Александра I помочь им. 27. — *Энгельгардт* В. В. — товарищ юных лет П., хозяин хлебосольного дома; *Сухозанет* — И. О., человек запятнанной репутации, его назначение осуждалось пушкинским кругом; *дамские мундиры* — нечто вроде формы для придворных дам, установленной Николаем I; 30 ноября. *Бутурлин* — Д. П., военный историк; *Блай* — Дж.-Д., полномочный посланник Англии в Петербурге; открытие Александровской колонны произошло лишь 30 августа 1834 г. (П. намеренно отсутствовал, см. гл. XV); сказку — «Повесть о том, как поссорились Иван Иванович с Иваном Никифоровичем».

30. П, X, с. 357. *Стихотворение* — «Медный всадник»; журнал — «Библиотека для чтения». Любопытно, что П. сам здесь пишет «История Пугачевщины», понимая, что «История Пугачева» «не пройдет».

31. Акад., XV, с. 214.

32. П, X, с. 358. *Деньги твои* — П. был должен Нащокину 3000 р.; крестник — Александр Пушкин-младший.

33. П. VIII, с. 26—27. *Кочубей* — В. П., канцлер; *Нессельроде* — К. В., вице-канцлер — крупнейшие государственные чиновники; *Шувалова* — Ф. И.; *ученик Тиков* — т. е. немецкого поэта-романтика Л. Тика (XVIII—XIX вв.); *мебели* — в доме ведомства придворной конюшни будто бы сама собою задвигалась мебель (об этом долго судили-рядили в Петербурге и в Москве); В. В. *Долгорукий* — управляющий ведомством придворной конюшни.

34. П, III, с. 252. Сатира не была дописана, но смысл ее ясен — борьба против «новейшей школы» в литературе, отвергавшей все известное и классическое. П. реагирует на разраставшуюся несправедливую критику его произведений в журналах. *Классик Депрео* — законы классицизма, установленные Буало-Депрео, были отвергнуты романтической школой; *Жуков* — табачный фабрикант в Петербурге; *подписку* — об Н. А. Полевом и его «Истории...».

35. *Зелинский*, ч. 3. I — с. 171—172. Автор — Н. А. Полевой; П — с. 184—185. Автор — Ф. В. Булгарин; *дружина поэта* — т. е. друзья поэта. Иначе говоря, провокатор и клеветник Булгарин обвиняет П., Вяземского и близких к ним писателей в «литературной групповщине».

Глава XV

ЛИТЕРАТУРА *

Дневник Пушкина. 1833—1835. Под редакцией и с объяснительными примечаниями Б. Л. Модзалевского и со статьей П. Е. Щеголева. М.—Пг., 1923.

Рукописи Пушкина. Альбом. 1833—1835. Фототипическое издание. М., 1939. (Комментарии С. М. Бонди.)

* См. также Литературу к главе XIV.

Крестова Л. В. Почему Пушкин называл себя «русским Данжо»? — ПИМ, т. IV. М.-Л., 1962.

Пушкин. Письма последних лет. 1834—1837. Л., 1969.

Гордин Я. Годы борьбы. Документальная повесть. — Звезда, 1974, № 6.

Петрунина Н. Н., Фридлиндер Г. М. Над страницами Пушкина. М., 1974.

Гиллельсон М. И., Мушина И. Б. Повесть Пушкина «Капитанская дочка». Комментарий. Л., 1977.

Непомнящий В. С. Поэзия и судьба. М., 1983.

Ахматова А. А. О Пушкине. Горький, 1984. (Статья «Сказка о золотом петушке»...)

Февчук Л. П. Портреты и судьбы. Из ленинградской пушкинианы. Л., 1984.

Рейсер С. А. Три строки дневника Пушкина. — ВПК, 1981. Л., 1985.

1. П, VIII, с. 27. *Dangeau* (Данжо) — французский мемуарист, в молодости был пажом Людовика XIV. Видимо, этим уподоблением и ограничивался П., хотя упоминание о Данжо толковалось пушкинистами противоречиво, и намек не ясен окончательно по сей день.

2. РП, с. 849—850.

3. П, VIII, с. 28. *Бобринский* — А. А., давний знакомый П., церемониймейстер двора, богатейший промышленник. П. часто бывал в его доме на Галерной улице; *Салтыков* — богач, известный эксцентричностью своих поступков, владелец редкостной библиотеки. П. бывал в его доме на Малой Морской; *Трубецкой* — В. С., довольно дальний петербургский знакомый П. (будущий секунданта дуэли М. Ю. Лермонтова с Мартыновым); *Барон Д'Антес и маркиз де Пина* — первое и, конечно, случайное упоминание Пушкиным своего убийцы. Отказавшись служить Луи-Филиппу, они были пригеты Николаем I в пикну Луи-Филиппу, с которым у русского царя были натянутые отношения; *шуаны* — ироническая аналогия с крестьянскими повстанцами в Бретани в конце XVIII в.

4. Переписка, I, с. 116. *Дубенская-Лагрене* — В. И., петербургская красавица, вышедшая замуж за французского дипломата.

5. П, X, с. 672. П. вынужден был обратиться за ссудой — иначе не на что было печатать «Пугачева». Но это оказалось новой кабалой, ибо Пугачев не покрыл издержек. П. несколько раз переписывал письмо, остановившись на варианте, приводимом под № 6.

6. П, X, с. 360.

7. П, VIII, с. 29.

8. Акад., XV, с. 113.

9. Пушкин. Документы Гос. и СПб. главного арх., с. 57—58.

10. Акад., XV, с. 114. *Л. В. Дубельт* был в это время уже одним из ближайших помощников Бенкендорфа; *М. М. Сперанский* — занимал тогда должность члена Государственного совета по Департаменту законов.

11. П, X, с. 362.

12. П, VIII, с. 29.

13. Акад., XV, с. 115.

14. П, VIII, с. 31. *Плюшар* — А. А., книгопродавец и издатель «Энциклопедического словаря» (в 1835—1841 гг. вышло 17 томов); *пальяс* — паяц, шут; *Гаевский* — С. Ф., лейб-медик; *об 11-м марта* — т. е. об убийстве Павла I в 1801 г.; *Скарятин* — Я. Ф., один из царевбийц 11 марта.

15. Акад., XV, с. 119.

16. П, X, с. 363—364. Нащокин только что женился на В. А. Нарской; *кенз-ель-ва*, *плие* — игорные термины; *Андрей Петрович* — Есаулов, музыкант.

17. П, VIII, с. 33. М. М. Сперанского П. знал, можно сказать, с детства — как одного из основателей Лицея. Ему пришлось потом пережить ссылку и долгую опалу.

18. П, X, с. 366.

19. П, VIII, с. 33—34. *Вольховский* — В. Д., лицейский товарищ Пушкина, уезжал к месту службы в Ревель; *Болховский* (Бологовский) — Я. Д., одно время служил в Одессе и хорошо знал Воронцовых; *Котляревский (герой)* — П. С., герой кавказских сражений, не поладивший с Воронцовым; *Бринкен* Р. Е. — офицер Семеновского полка, попавшийся на воровстве; *S* — Н. Л. Соллогуб или же А. О. Смирнова; *Свиньин* — коллекционер.

20. Акад., XV, с. 125. Автор письма — литератор, профессор Петербургского университета, оставивший знаменитый «Дневник». С 1834 г. — цензор. Был цензором «Поэм и повестей» и IV части «Стихотворений» П. В «Анджелло» и «Сказке о золотом петушке» сделал существенные «изъятия».

21. Акад., XV, с. 125—126. Автор письма — историк, составитель «Словаря достопамятных людей Русской земли», где была помещена первая посмертная биография П. Охотно снабжал П. материалами для «Истории Пугачева»; *П. П. Бекетов* — московский издатель и коллекционер.

22. П, X, с. 373—374.

23. Акад., XV, с. 143—144.

24. П, X, с. 367. Адресат письма — белорусский дворянин, управляющий имениями Пушкиных в Болдине и Кистеневе в 1833—1850 гг.

25. П, VIII, с. 35—36. *Литта* Ю. П. — обер-камергер двора, которому П. был формально подчинен по придворной службе.

26. П, X, с. 368—369. *Гримм* — Ф.-М., немецкий писатель; *Дюме* — владелец ресторана на Малой Морской ул.

27. П, X, с. 369.

28. П, X, с. 370. *Поздравлениями и приветствиями* — по случаю совершеннолетия наследника.

29. П, X, с. 372—373. *Тинтере* — карточная игра; *Голицына* — Т. В.; *м-ль Зонтаг* — певица (к артистам относились пренебрежительно на светских балах).

30. П, X, с. 373.

31. РП, с. 804.

32. П, X, с. 374—375. Адресат — муж сестры П., требовавший беспрестанно «Ольгиной доли» в имуществе Пушкиных.

33. П, X, с. 676.

34. П, VIII, с. 38.

35. П, X, с. 376.

36. П, X, с. 377. *Зала Нарышкина* — меценат и музыкант Д. Л. Нарышкин устроил концертный зал в своем доме на Фонтанке.

37. П, X, с. 378. «Повести...» были разрешены. Издания П. были куплены за его счет и посланы Кюхельбекеру через третье лицо.

38. РП, с. 805. *Лисенко* — Лисенков И. Т., которому П. в общей сложности был должен 7000 р.

39. П, X, с. 378—379. *Чревовещатель* — француз А. Ваттемар, впоследствии ученый в области библиотекосведения.

40. П, III, с. 258. В собраниях сочинений датируется 1834 г. Однако в недавних исследованиях приводятся веские доказательства в пользу лета 1835 г. В известной мере навеяно стихами английского поэта С. Т. Кольриджа, но отражает жизненную ситуацию П. и обращено к жене. См. статью В. А. Сайтанова в кн. «Пути в незнаемое», сб. 19. М., 1986.

41. П, VIII, с. 40. П. провожал Мещерских в день своего 35-летия; *Катерина Андреевна* — Карамзина; *Полетика* — П. И., чиновник Коллегии иностранных дел, добрый знакомый П., А. И. Тургенева, П. А. Вяземского, А. О. Россет-Смирновой; *Давыдов* — Д. А., сахарозаводчик, друг П. А. Вяземского; *Киселев* — П. Д.

42. П, X, с. 379.

43. П, X, с. 381.

44. П, X, с. 382. *Тетка* — Е. И. Загряжская.

45. П, X, с. 385. *Яковлев* — М. Л., лицейский друг П., директор типографии, где печатался «Пугачев».

46. П, X, с. 385—386. *Сергей Николаевич*—брат Н. Н. Пушкиной.

47. П, X, с. 386—387. *Новый управитель*—агроном К. Рейхман пробыл в Болдине с 30 мая по 9 июня. И. М. Пеньковский продолжал управлять имением.

48. П, X, с. 674.

49. Переписка, I, с. 117. Речь идет об отставке, которую испросил П. 25 июня через Бенкендорфа.

50. Переписка, I, с. 118. Зная, как тяжело будет Пушкину менять решение и извещать об этом Бенкендорфа, Жуковский сам «изготовил» текст («на отдельном листе»).

51. П, X, с. 675.

52. П, X, с. 388. *Лизавета Михайловна*—Хитрово.

53. С. и Н., 1903, кн. 6, с. 10—11.

54. П, X, с. 388—389.

55. Переписка, I, с. 120—121.

56. П, X, с. 382.

57. П, X, с. 675—676.

58. П, X, с. 387. Официальный тон письма был необходим для оформления договора с типографией. С адресатом П. был в коротких, дружеских отношениях.

59. П, X, с. 391. *Соллогуб*—Н. Л. (за ней, может быть, и в самом деле шутливо ухаживал П.); с тем—с царем.

60. П, X, с. 393. *Абшид* (нем.)—отставка.

61. П, VIII, с. 41.

62. П, X, с. 395. *Галиани Ф.*—итальянский аббат, экономист и писатель XVIII в.

63. П, X, с. 395—396. *Квартира*—в доме Баташева на Гагаринской набережной. Там Пушкины прожили с середины августа 1834 г. до сентября 1836 (сначала в бельэтаже, потом этажом выше); *портрет*—вероятно, акварель А. П. Брюллова, писанная в 1831 г.

64. РП, с. 850.

65. Пушкин. Документы Гос. и СПб. главного арх., с. 41.

66. П, X, с. 398. См. гл. XII, № 74.

67. П, X, с. 398. П. спешил к жене и детям, как никогда. Отсюда—невозможность ни с кем встретиться по дороге. 27 августа родилась Наталья Николаевна.

68. П, III, с. 260. П. не кончил стихотворения.

69. П, X, с. 399—400. После недолгого совместного пребывания в Полотняном заводе Пушкины опять расстались (см. очерк).

70. П, X, с. 400—401.

71. П, Ш, с. 262. Необработанное, неоконченное стихотворение.
Варианты:

Последнее мирское пепелище,
Таинственный, приветливый приют,
Поклон тебе, печальное кладбище,
Где тихие.....

и еще:

Неогражденное кладбище,
Ночлег усопших поселян,
.....
Святое смерти пепелище.

72. П, X, с. 401. *Александр Михайлович* — Языков, брат поэта Н. М. Языкова, навестивший П. в Болдине; *блзнит* — соблазняет.

73. Восп., II, с. 169. С этого времени дневник А. И. Тургенева становится важным источником сведений о последних годах жизни П. *Поэма* — конечно, «Медный всадник».

74. Акад., XV, с. 331. С. Л. Пушкин занимал у Осиповой деньги на перестройку дома и на отъезд из Михайловского. Даже ближайшие друзья (Нащокин, Осипова) своими законными напоминаниями делали материальное положение П. безвыходным.

75. Акад., XV, с. 199. Автор письма — незнакомый П. помещик, которому оставался должен Лев Сергеевич.

76. П, X, с. 403. *Долг мой* (т. е. по селу Кистеневу) П. уплатить не смог. И. М. Пеньковский внес 7200 р. из болдинских сумм (иначе Кистенево грозились описать за долги).

77. Восп., II, с. 151. Вероятно, эта встреча происходила 17 ноября 1834 г. (в этот день А. И. Тургенев записал: «обедал у Смирновой с Пушкиным»).

78. П, X, с. 403. *Книгу* — «Поэмы и повести...» выпшли в 1835 г.

79. П, VIII, с. 42. В *Тарутине* — село Тарутино Боровского уезда Калужской губернии принадлежало С. П. Румянцеву. Граф обратился с просьбой сделать всех крестьян вольными в честь битвы при Тарутине 6 октября 1812 г. В благодарность за такую милость крестьяне должны были на свой счет поставить монумент, что и было сделано в 1834 г. Надпись на памятнике: «На сем месте российское воинство, предводимое фельдмаршалом Кутузовым, спасло Россию и Европу». *Бутурлин* — Д. П.

80. Акад., XV, с. 497. 4-я часть «Стихотворений...» выпшла 14 сентября 1835 г.

81. П, VIII, с. 42. *Завтра* — 6 декабря — именины Николая I. Пушкину удалось уклониться от представления.

82. Дела..., с. 145.

83. П, VIII, с. 43—44. *Бобринская* — А. В., не раз выручавшая П.,

когда он делал какие-то светские промахи или не являлся ко двору. Бобринский—А. Г.; великого князя—Михаила Павловича.

84. Щеголев П. Е. Пушкин и мужики, с. 216—217. Последняя запись означает: за Льва Сергеевича—Беклемищеву (см. № 75).

85. Там же, с. 228. Подсчет неточен.

86. П, VIII, с. 45. Волконский—П. М., министр Двора.

87. П, X, с. 406. «История Пугачевского бунта» вышла 23 декабря 1834 г. Материальный ее успех П. оценивал излишне оптимистично.

88. Переписка, П, с. 321. Экземпляр «Арабесок» с правкой П. (если таковой существовал) неизвестен.

89. П, X, с. 407. Сами «Примечания» см. П, VIII, с. 249—284.

90. П, VIII, с. 46—47. Уваров—С. С., министр народного просвещения, председатель Главного управления цензуры. Некогда участник общества «Арзамас», близкий приятель П., Вяземского, Жуковского, Карамзина, он после декабрьского восстания стал ярким реакционером, изобретателем пресловутой формулы «православие, самодержавие, народность» и вдобавок личным врагом П.; Дундуков—М. А. Дондуков-Корсаков—председатель Цензурного комитета, вскоре—вице-президент Академии наук, находился в «особых отношениях» с Уваровым (в этом скрытый смысл известной эпиграммы П. «В Академии наук...» и т. д.); Дашкова—Екатерина Романовна (урожд. Воронцова, тетка М. С. Воронцова) способствовала возведению на престол Екатерины II, была директором Академии наук и затем президентом Российской академии; Дашков—Д. В., министр юстиции, также бывший «арзамасец»; Красовский, Никитенко, Бируков—цензоры.

91. Зелинский, ч. 4, с. 6. Статья была написана либо самим Булгариным, либо им инспирирована (подпись: П. К.).

92. Переписка, П, с. 303. Дмитриев И. И.—поэт, бывший министр, свидетель пугачевских времен и собиратель архивных материалов—был близок к исторической школе Карамзина и оценил работу П. по достоинству.

93. П, X, с. 411. Лара—герой одноименной поэмы Байрона, аристократ-бунтарь; Полевому—намек на «Историю русского народа».

94. П, X, с. 409—410. Сочинение—«Путешествие в Арзрум»; обстоятельства—быть может, связанные с цензурой (самоуправство Уварова и Дондукова-Корсакова), но не исключено, что и с материальными трудностями—продление ссуды и т. п. Кроме того, П. задумывал издание, которое вскоре стало «Современником», и не мог обойти Бенкендорфа.

95. П, III, с. 303. Написано 13 апреля 1835. Тучи еще только начинали сгущаться.

96. РП, 775—777. Контракт подписан Пушкиным 1 мая 1835 г.

97. П, X, с. 412. В Болдине П. больше не был. Свои доходы от Кистенева он отдал брату и сестре, чтобы выручить из долгов Льва Сергеевича и как-то удовлетворить Павлицева.

98. П, X, с. 412—413.

99. Пушкин. Документы Государственного и С.-Петербургского главного архивов..., с. 44.

100. П, X, с. 414.

101. П, X, с. 679. Это, по существу, начало «Современника» (Review).

102. П, X, с. 680. Другая редакция того же письма: П. мучительно размышлял о том, как выйти из нужды, и решил просить ссуду.

103. П, X, с. 680—681. Такой окончательный вид приобрело письмо к Бенкендорфу. Фактически это новая просьба об отставке.

104. П, III, с. 327.

105. П, X, с. 419. Резолюция Николая I была на письме № 103.

106. П, X, с. 682. Здесь впервые названа сумма долгов — 60 000 р. Помета на письме рукою Бенкендорфа: «Император предлагает ему 10 тысяч рублей и отпуск на 6 месяцев, после чего он посмотрит, должен ли он брать отставку или нет».

107. П, X, с. 682—683. Помета Бенкендорфа на письме: «Император отпускает ему 30 тысяч рублей с удержанием, как он того просит, его жалованья».

108. Пушкин. Документы Государственного и С.-Петербургского главного архивов..., с. 47. Радофиникин — управляющий министерством иностранных дел. Чин Пушкина перепутан.

109. Дела..., с. 164; Канкрин — министр финансов.

110. Пушкин. Документы Гос. и СПб. главного архивов, с. 45.

111. Там же.

112. П, X, с. 503. Получается, что Уваров с Дондуковым отменяли распоряжения самого царя.

113. П, X, с. 430—431. *Одно из стихотворений* — поэма «Анже-ло» (см. № 112).

114. П, X, с. 424—425. *Одной книги* — «Истории Пугачевского бунта». В 1834 г. П. получил на печатание 20 000 р. с условием уплаты в двухлетний срок. Теперь у него удерживали 10 000 из *новой* ссуды, оставляя его ни с чем.

115. Дела..., с. 168—169.

116. Акад., XVI, с. 373—374. Никаких денег не хватало!

117. П, III, с. 323. Стихотворный ответ на просьбу Плетнева продолжать «Евгения Онегина». П. пробовал его в разных размерах, например:

Вы за «Онегина» советуете, други,
Опять приняться мне в осенние досуги.
Вы говорите мне: он жив и не женат.

Итак, роман еще не кончен — это клад:
 Вставляй в просторную вместительную раму
 Картины новые — открой нам диораму.
 Привалит публика, платя тебе за вход
 (Что даст еще тебе и славу и доход).

Плетнев действительно видел в этом путь к преодолению денежных трудностей П.

118. П, X, с. 425. *Бегичева* — А. И., племянница П. А. Осиповой; *однофамилица* — соперница Н. Н. Пушкиной в красоте графиня Э. К. Мусина-Пушкина; *Азя* (Александра) и *Коко* (Екатерина) — сестры Натальи Николаевны, жившие в доме Пушкиных.

119. П, X, с. 426—427. *Маймисты* — петербургское прозвище финнов.

120. П, X, с. 427.

121. П, X, с. 428. А. Н. *Гончаров* умер 8 сентября 1832 г.; *Александра Ивановна* (Алина) — падчерица П. А. Осиповой, в замужестве — Беклешова.

122. П, X, с. 429. *M-me Katherine* — владелица модного обувного магазина в Петербурге.

123. Переписка, П, с. 321. Комедия «Женитьба» (первая редакция). *Сюжет* — П. исполнил просьбу, «подсказав» Гоголю сюжет «Ревизора»; *жалованья* — Гоголь был адъюнкт-профессором в университете.

124. П, X, с. 429—430. *Лангер* — В. П., художник; *альманах* — первые подступы к «Современнику»; *Александр Иванович* — персонаж незаконченной комедии Гоголя «Владимир 3-й степени»; *Белкин* — О. И. Сенковский подписывал так некоторые свои произведения, тщетно надеясь, что их примут за пушкинские.

125. П, X, с. 683—684. *Раух* Е. И. и *Спасский* И. Т. — врачи; *Княжна* В. А. — подруга юности матери П.

126. П, X, с. 249. Стихотворение обычно относят к 1833 г., но недавно были высказаны веские соображения о передатировке (Я. Л. Левкович). Вполне вероятен 1835 год.

127. П, X, с. 684. О судьбе декабристов говорится, конечно, с расчетом на возможную перлюстрацию письма. Разрешения поселиться в имении сестры Ю. К. Глинки Кюхельбекер не получил.

128. П, X, с. 434. «Записки...» появились лишь после смерти П. в «Современнике», искаженные цензурой; «Журнал Петра Великого» был опубликован еще в 1770 г.; на просьбу П. о журнале (Review) Николай I дал согласие — появился «Современник».

СОДЕРЖАНИЕ

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ. 1826—1828	5
ГЛАВА ДЕСЯТАЯ. 1829.....	145
ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ. 1830	246
ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ. 1831	376
ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ. 1832—1833	445
ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ. 1833.....	507
ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ. 1834—1835	553
Примечания.....	653

Жизнь Пушкина: Переписка; Воспоминания; Дневники. В 2 томах. Т. 2. / Сост., вступительные очерки и прим. В. В. Кунина.—М.: Правда, 1988.—704 с., 16 л. вкл.

В двухтомнике собраны документы и материалы, рассказывающие о Пушкине на всем протяжении его жизненного и творческого пути. Главное место отведено письмам самого поэта, его дневниковым и мемуарным записям, а также произведениям, в той или иной степени носящим автобиографический характер. Включены официальные документы и фрагменты мемуаров современников. Первый том охватывает годы 1799—1826 (до начала сентября); второй — сентябрь 1826 — декабрь 1835 г.

Ж 4702010100—1077 1077—88
080(02)—88

84 P1

ЖИЗНЬ ПУШКИНА

Том 2

Составитель

Виктор Владимирович Кунин

Редактор *Н. А. Преснова*

Оформление художника *Ю. А. Боярского*

Художественный редактор *Т. Н. Костерина*

Технический редактор *Т. С. Трошина*

ИБ 1077

Подписано к печати с готовых фотоформ 22.10.87.
Формат 84×108¹/₃₂. Бумага книжно-журнальная.
Гарнитура «Эксельсиор». Печать офсетная.
Усл. печ. л. 37,80. Усл. кр.-отг. 39,06. Уч.-изд. л. 39,45.
Тираж 500 000 экз. (1-й завод: 1—250 000 экз.).
Заказ № 673. Цена 2 р. 80 к.

Набор и фотоформы изготовлены в ордена Ленина
и ордена Октябрьской Революции типографии имени
В. И. Ленина издательства ЦК КПСС «Правда».
125865, ГСП, Москва. А-137, улица «Правды», 24.

Отпечатано в ордена Трудового Красного Знамени
типографии Издательства ЦК КП Белоруссии.
г. Минск. 220041. Ленинский проспект. 79.

OSR Давид Титиевский, июль 2020 г., Хайфа

КОНТРОЛЕР №

При обнаружении дефектов в книге просим
вместе с данным ярлыком выслать книгу для
обмена на доброкачественную по адресу:
220041, г. Минск, Ленинский пр., 79.
Издательство ЦК КП Белоруссии.

21

С.-ПЕТЕРБУРГ

